ПАМЯТНИКИ
ФОЛЬКЛОРА
НАРОДОВ СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО
ВОСТОКА

РУССКИЙ СЕМЕЙНО-ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ПАМЯТНИКИ ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А.М. ГОРЬКОГО

Серия основана членом-корреспондентом Российской академии наук А.Б. Сокоевым

Том 22

RUSSIAN FAMILY AND RITUAL FOLKLORE OF SIBERIA AND THE FAR EAST

POETRY OF WEDDING RITES. FUNERAL LAMENTS

NOVOSIBIRSK
«NAUKA»
2002

РУССКИЙ СЕМЕЙНО-ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

СВАДЕБНАЯ ПОЭЗИЯ. ПОХОРОННАЯ ПРИЧЕТЬ

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
2002

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

В подготовке серии участвуют:

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ФОЛЬКЛОРУ

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА)

ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

ИНСТИТУТ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ, БУДДОЛОГИИ И ТИБЕТОЛОГИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ

•

НАУЧНЫЕ ИНСТИТУТЫ РЕСПУБЛИК

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

ИНСТИТУТ АЛТАИСТИКИ им. С.С. СУРАЗАКОВА РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

ТУВИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

•

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ЯКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.К. АММОСОВА

•

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НОВОСИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ (АКАДЕМИЯ) им. М.И. ГЛИНКИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЦЕНТР РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОСТИ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Н.А. Алексеев (зам. главного редактора), *Э.Е. Алексеев*,
В.М. Гацак (зам. главного редактора), *А.П. Деревянко* (главный редактор),
В.В. Илларионов, *А.С. Каргин*, *Е.Н. Кузьмина* (отв. секретарь), *В.А. Роббек*,
Е.К. Ромодановская (зам. главного редактора), *В.М. Санги*, *Ю.И. Смирнов*,
М.И. Тулохонов, *Ю.И. Шейкин*

Художественное оформление серии
А.А. Рюмина

В ПОДГОТОВКЕ ТОМА УЧАСТВОВАЛИ

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СО РАН

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ДВО РАН

ВОСТОЧНО-СИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

НОВОСИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ (АКАДЕМИЯ) им. М.И. ГЛИНКИ

Составление, подготовка текстов, примечаний, указателей
Р.П. Потаниной, *Н.В. Леоновой* (свадебная поэзия)
Л.Е. Фетисовой, *Н.В. Леоновой* (похоронная причеть)

Вступительные статьи
Р.П. Потаниной (свадебная поэзия)
Л.Е. Фетисовой (похоронная причеть)

Музыковедческие статьи
Н.В. Леоновой, *Н.А. Урсеговой* (свадебная поэзия)
Н.В. Леоновой (похоронная причеть)

Дополнения
Л.Е. Фетисовой (доп. I)
Т.И. Матвеевой (доп. II)

Словарь малоупотребительных слов, архаизмов и заимствований
Р.П. Потаниной, *Н.В. Леоновой*

Составление компакт-диска
Н.В. Леоновой

Подготовка мастер-диска
Г.А. Петрова

Редактор нотных записей
Э.Е. Алексеев

Редакторы
Е.Н. Кузьмина (научный аппарат)
Г.Е. Солдатова (музыковедческий раздел)

УДК 398.3
ББК 82.3 Р-6
Р89

Рецензенты
доктор филологических наук *Р.П. Матвеева*
кандидат филологических наук *А.К. Паликова*

Утверждено к печати
Ученым советом Института филологии СО РАН

Ответственный редактор тома
доктор филологических наук *Т.Г. Леонова*

Издание осуществлено при финансовом содействии Академиздатцентра «Наука» РАН, Сибирского отделения Российской академии наук и Государственного республиканского центра русского фольклора

Исследования осуществлены при финансовом содействии Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 00-15-98879

Р89 **Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Свадебная поэзия. Похоронная причеть** / Сост. Р.П. Потанина, Н.В. Леонова, Л.Е. Фетисова. — Новосибирск: Наука, 2002. — 551 с.; ил., фото, ноты, компакт-диск. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 22).
ISBN 5—02—028692—3.

Книга обобщает собирательский труд многих поколений исследователей семейно-обрядового фольклора Сибири и Дальнего Востока, начиная с 30-х годов XIX в. и до настоящего времени. Представлены традиции всех регионов азиатской части России от Зауралья до Дальнего Востока.

В основной части тома помещено 367 текстов обрядовых и лирических, величальных и корильных песен, наговоров свадебного дружки, свадебных и похоронных причитаний. Значительная часть свадебных и похоронных образцов нотирована. К тому прилагается компакт-диск. Тексты сопровождаются научно-справочным аппаратом, включающим примечания, содержащие сведения о публикуемых текстах и их вариантах, ряд указателей, словарь малоупотребительных слов, архаизмов и заимствований.

Издание рассчитано на фольклористов, этнографов, музыковедов и широкий круг читателей.

ТП—2001—I—№ 245

УДК 398.3
ББК 82.3 Р-6

© Российская академия наук, 2002
© Институт филологии СО РАН. Серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Основана в 1981 г., 2002
© Оформление. «Наука». Сибирская издательская фирма РАН, 2002

ISBN 5—02—028692—3

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Основная цель серии — научное издание выдающихся в художественном отношении фольклорных произведений народов Сибири и Дальнего Востока. Данное издание — не свод национального фольклора и не простой набор фольклорных текстов. Серия ориентирована на публикацию избранных памятников, представляющих вершинные достижения устно-поэтического творчества каждого народа Сибирско-Дальневосточного региона, т.е. произведений памятных и значимых и для истории, и для современности. В совокупности фольклорная классика этого обширного края, отличающаяся яркой самобытностью, предстанет в серии как богатая и неотъемлемая часть общего культурного достояния народов нашей страны и всемирного культурного наследия.

Отправным критерием при отборе текстов служат художественное совершенство и историко-познавательная ценность произведения. Выбор текста — итог изучения всей совокупности произведений и вариантов.

Одна из задач серии — широкое введение в научный оборот неизданных материалов (инедитов). При наличии старой (опубликованной) записи и новой (неизданной), равноценной ей, а тем более лучшей по качеству, используется второй вариант. Огромное число вариантов, версий, произведений публикуется впервые. Это придает серии уникальную новизну.

Тексты воспроизводятся без каких-либо искажений и литературного вмешательства, с обязательным сохранением подлинной народной речи, диалектных форм языка (но без применения диакритических знаков, которыми пользуются лингвисты, т.е. в пределах современных алфавитов каждого языка).

Серия двуязычная. Национальные тексты (за исключением, разумеется, русских) сопровождаются параллельным переводом на русский язык. Исходя из фольклористических принципов, переводчики стремятся точно уловить и передать по-русски в наиболее соответствующем оригиналу словесном оформлении суть поэтической мысли. Обязательное требование к переводу — сочетание точности с доступностью для широкого круга читателей. При необходимости вносятся пояснительные слова в квадратных скобках. Поэтические образы, этнобытовые и другие реалии специфического характера поясняются в комментариях и словарях.

Подача национального текста и русского перевода координируется посредством нумерации стихов или частей (смысловых блоков).

Серии в значительной мере придается комплексный характер, т.е. сочетание филологического, музыковедческого, этнографического подходов.

Вступительные статьи к каждому тому характеризуют место издаваемых произведений в традиционной фольклорной культуре соответствующего народа, их поэтические и музыкальные особенности, синкретическое искусство исполнителей. Комментарии призваны точно документировать публикацию, снабдить текст и перевод необходимым фольклористическим, филологическим, этнографическим толкованием.

Нотации приводятся в соответствии с требованиями фольклористической точности и необходимой доступности для воспроизведения. Они размещаются в зависимости от характера тома: либо вместе с публикуемым текстом (а также в музыковедческой статье), либо в особом приложении. Все специальные условные обозначения оговариваются в конце музыковедческой статьи. В нотных записях фиксируются все основные музыкальные элементы исполнительского варианта, а также систематические или характерные отклонения от них, имеющие смысловое значение. Не поддающиеся нотированию особо специфические элементы интонирования (тембр и т.п.) оговариваются в комментариях.

К каждому тому прилагается компакт-диск с образцами публикуемых вариантов произведений. Но бывают случаи, когда их фонограмм не существует (это относится, например, к ряду эпических сказаний, зафиксированных в свое время только в вербальной записи). В таких ситуациях сочтено целесообразным давать для ориентации фрагменты другой звукозаписи, запечатлевшей то же самое произведение или, по крайней мере, ту же самую местную традицию. Музыковедческий анализ позволяет представить путем неизбежно гипотетической экстраполяции черты звучания, которые могли быть свойственны и публикуемому произведению или варианту.

Компакт-диски иллюстрируют самые разные жанры фольклора (не только словесно-музыкальные, но и прозаические) в их естественном бытовании. Можно услышать звучание текстов на редчайших языках в исполнении талантливых певцов и сказителей.

Тома серии иллюстрируются ценным документальным материалом.

Сектором фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН в сотрудничестве с коллективами специалистов-лингвистов решалась задача создания — первоначально в порядке рабочего научного эксперимента — национальных алфавитов и шрифтов для ряда бесписьменных языков Сибири и Дальнего Востока (долганского, тофаларского, удэгейского, юкагирского и др.).

Авторские коллективы томов серии опирались на традиции отечественной академической школы, использовали опыт лучших изданий советского времени (в том числе двуязычной академической серии «Эпос народов СССР» (ныне «Эпос народов Евразии»), выпускаемой Институтом мировой литературы им. А.М. Горького РАН) и зарубежных публикаций.

В состав серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» входят следующие книги:

Алтайский фольклор (в 4 т.)
Героический эпос
Сказки
Песни и обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Бурятский фольклор (в 7 т.)
«Аламжи Мэргэн». Героический эпос
«Осодор Мэргэн». Героический эпос
Волшебные сказки
Сказки о животных и бытовые

Песни
Обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Нанайский фольклор (в 2 т.)
Нингман, сиохор, тэлунгу
Песни и обрядовая поэзия

Нивхский фольклор (в 2 т.)
Героический эпос и народные песни
Мифы и предания

Русский фольклор Сибири и Дальнего Востока (в 6 т.)
Эпическая поэзия
Сказки волшебные и о животных
Сказки легендарные и бытовые
Лирическая поэзия
Обрядовая поэзия
Несказочная проза

Тувинский фольклор (в 4 т.)
Героический эпос
Сказки
Песни и обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Хакасский фольклор (в 4 т.)
Героический эпос
Сказки
Песни и обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Эвенкийский фольклор (в 3 т.)
Героический эпос
Сказки, легенды и предания
Песни и обрядовая поэзия

Эвенский фольклор (в 2 т.)
Героический эпос и песни
Сказки, легенды и предания

Якутский фольклор (в 6 т.)
«Кыыс Дэбилийэ». Героический эпос
«Могучий Эр Соготох». Героический эпос
Сказки
Песни
Обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Фольклор (по одному тому)
Белорусский
Долганский
Еврейский
Ительменский
Керекский
Кетский
Корякский
Мансийский
Нганасанский
Негидальский
Ненецкий
Селькупский
Сибирских татар
Тофаларский
Удэгейский
Украинский
Ульчский
Хантыйский
Чукотский
Шорский
Энецкий
Эскимосов азиатских
Юкагирский

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

Первый цикл

Эвенкийские героические сказания. 1990 г.
Бурятский героический эпос «Аламжи Мэргэн». 1991 г.
Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. 1991 г.

Якутский героический эпос «Кыыс Дэбилийэ». 1993 г.

Бурятские волшебные сказки. 1993 г.

Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные. О животных. 1993 г.

Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Легендарные. Бытовые. 1993 г.

Тувинские народные сказки. 1994 г.

Предания, легенды и мифы саха (якутов). 1995 г.

Второй цикл

Якутский героический эпос «Могучий Эр Соготох». 1996 г. Т. 10

Нанайский фольклор: Нингман, сиохор, тэлунгу. 1996 г. Т. 11

Тувинские героические сказания. 1997 г. Т. 12

Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни. Заговоры. 1997 г. Т. 13

Русские лирические песни Сибири и Дальнего Востока. 1997 г. Т. 14

Алтайские героические сказания. 1997 г. Т. 15

Хакасский героический эпос «Ай-Хуучин». 1997 г. Т. 16

Шорские героические сказания. 1998 г. Т. 17

Фольклор удэгейцев: Ниманку, тэлунгу, ехэ. 1998 г. Т. 18

Третий цикл

Фольклор долган. 2000 г. Т. 19

Бурятские народные сказки: О животных. Бытовые. 2000 г. Т. 20

Фольклор ненцев. 2001 г. Т. 23

Алтайские народные сказки. 2002 г. Т. 21

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ

Бурятский героический эпос «Осодор Мэргэн»

Фольклор юкагиров

Эвенкийская обрядовая поэзия

Якутская обрядовая поэзия

Якутские сказки

Часть первая

СВАДЕБНАЯ ПОЭЗИЯ

РУССКАЯ СВАДЬБА И СВАДЕБНАЯ ПОЭЗИЯ СИБИРИ

Из всех русских традиционных семейных обрядов свадебный занимает наиболее видное место по художественному, этическому и мировоззренческому воздействию на психологию русских, а сопровождавшая его поэзия является драгоценнейшим наследием их духовной культуры. В традиционной свадьбе нашли отражение не только мировоззренческие представления русских (причем в историческом срезе, но и народная педагогика, и художественно-эстетические представления, и этнографические особенности, отличающие русских как этническую единицу, и развитие семейного права и др. Не случайно свадьба и связанная с ней поэзия сохранялись в народной памяти значительно дольше и полнее.

Свадьба — это не только художественный, но и исторический, и правовой памятник, возникший в глубокой древности и отшлифованный многими поколениями на протяжении веков. В ней нашли отражение основные дохристианские представления восточных славян (в том числе заклинательные и продуцирующие обряды и песни) и более поздние христианские влияния (ритуалы и образы религиозного культа). В обряде поколениями закреплялись образцы народного художественного мышления. Регламентированные ритуалы и поэтические произведения (песни, наговоры дружки, молитвы, заклинания, приметы, пословицы) оказывали большое воспитательное воздействие на молодое поколение: не только подсказывали каждое действо свадебной игры, но и закрепляли правила принятого отношения в семье и обществе, а также давали уроки любовного отношения к родной земле и природе. Вполне понятен глубокий интерес к русской свадьбе и ее поэзии в нашей стране, отмеченный еще в летописной литературе Древней Руси и ставший постоянным и повсеместным с начала XIX в., когда страна была охвачена мощной волной подъема национального самосознания. К этому же времени

относятся первые относительно полные и последовательные записи обряда и песен и первые попытки их осмысления.

В Сибири русская традиционная свадьба появилась в середине XVIII в. с приходом первых значительных отрядов русских переселенцев. А с XIX в. начинается интенсивное собирание и публикация записей локальных свадеб и их поэтического оформления сначала политическими ссыльными, а позже купцами, которые в Сибири (особенно в Восточной) слыли образованными и часто литературно одаренными людьми.

Одну из самых первых дошедших до нас публикаций свадебных песен Восточной Сибири (40 текстов) находим в «Записках и замечаниях о Сибири» Авдеевой[1]. Произведения свадебной лирики в художественном отношении полноценны, представлены полно и в хорошей сохранности. Тексты песен сопровождаются ценными для нас замечаниями о месте исполнения в обряде и об исполнителе — непосредственном участнике свадьбы.

В XIX в. был накоплен богатейший материал по свадьбе и свадебной поэзии, дающий представление о местных сибирских традициях и опубликованный такими собирателями, как В.С. Арефьев[2], К.К. Кокоулин[3], К.Д. Логиновский[4], С.И. Гуляев[5], М.Ф. Кривошапкин[6], В. Шишков[7], М. Ларионова[8], С.П. Розенбаум[9], И.Я. Неклепаев[10], М. Швецова[11], А. Языков[12], Н.И. Кашин[13], А.А. Макаренко[14], Ф. Зобнин[15], А.Н. Ермолаев[16], В. Плотников[17] и др.

---

[1] *Авдеева Е.А.* Записки и замечания о Сибири: Сочинение ...ы ...ой с приложением старинных русских песен. — М., 1837. — С. 36—52, 95—112, 135—142.

[2] *Арефьев В.С.* Материалы по этнографии Енисейского уезда Енисейской губернии // Изв. ВСОРГО. — Иркутск, 1902. — Т. XXXII, вып. 1/2. — С. 65—140.

[3] *Майнов И.И.* Крестьянская свадьба по реке Илиму [Иркутская губерния] / Зап. К.К. Кокоулина // Живая старина. — 1914. — Вып. 1/2. — С. 45—66.

[4] *Логиновский К.Д.* Свадебные песни и обычаи казаков Восточного Забайкалья // Зап. Приамур. отд. РГО. — Хабаровск, 1899. — Т. V, вып. 2. — С. 1—94.

[5] *Гуляев С.И.* Этнографические очерки Южной Сибири. Свадебные обряды // Библиотека для чтения. — [СПб.], 1848. — Т. 90. — С. 1—47.

[6] *Кривошапкин М.Ф.* Енисейский округ и его жизнь. — СПб.: Изд. РГО, 1865. — С. 48—127.

[7] *Шишков В.* Песни, собранные в селениях Подкаменской и Преображенской волостей Киренского уезда Иркутской губернии, расположенных по течению реки Нижней Тунгуски в 1911 г. // Изв. ВСОРГО. — Иркутск, 1914. — Т. 43. — С. 65—104.

[8] *Ларионова М.* Зырянская и русская свадьбы в Обдорске [Тобольской губернии] // Ежегодник Русского антропологического общества при С.-Петерб. ун-те. — СПб., 1905. — С. 327—354.

[9] *Розенбаум С.П., Арефьев В.С.* Свадьба в Ангарской деревне // Изв. ВСОРГО. — Иркутск, 1901. — Т. XXXI, вып. 1—2. — С. 79—117.

[10] *Неклепаев И.Я.* Свадебные обычаи и обряды // Поверья и обряды Сургутского края // Зап. ЗСОРГО. — Омск, 1903. — Кн. XXX. — С. 143—178.

Большинство собирателей и публикаторов прошлого верно понимало функциональную сущность обрядовой поэзии и рассматривало условия ее бытования и развития в тесной связи с конкретными ритуалами. Однако с позиций сегодняшней науки методологически не все было верно в работах «первопроходцев» этого жанра: не было единых принципов классификации песен; нередко отдавалось предпочтение этнографии свадьбы в ущерб поэзии[18] или, наоборот, при внимательном отношении к поэтическому репертуару почти полностью игнорировалась обрядовая сторона[19].

На рубеже XIX—XX вв. собирателей сибирского фольклора начинают привлекать материалы отдельных этнических групп русского населения, имеющих общие обрядово-поэтические традиции. Особый интерес из этих групп представляли старообрядцы и казаки.

Так, К.Д. Логиновский дает подробное и последовательное описание свадьбы казаков Восточного Забайкалья с ее ритуалами, обычаями, наговорами дружки и песнями. Последние представлены многообразием вариантов, дающих представление о географическом распространении и

---

[11] *Швецова М.* Из поездки в Риддерский край // Зап. ЗСОРГО. — Омск, 1898. — Кн. XXV. — С. 1—27 (2-я паг.); *Она же.* «Поляки» Змеиногорского округа // Зап. ЗСОРГО. — Омск, 1899. — Кн. XXVI. — С. 1—92.

[12] *Илимские* свадебные песни, записанные И. Суворовым и А. Языковым // Изв. ВСОРГО. — Иркутск, 1898. — Т. XXIX, вып. 2. — С. 108—132.

[13] *Кашин Н.И.* Свадебные обычаи приаргунцев // Вестн. РГО. — СПб., 1860. — Т. XXX. — С. 148—182.

[14] *Записи* свадебного обряда и песен, сделанные А.А. Макаренко в 1906 г. в Красноярском крае // ИРЛИ, р. V, кол. 119, собр. Макаренко, п. 21.

[15] *Зобнин Ф.* Свадебные обряды и обычаи казачьего населения Усть-Каменогорского уезда: Этнограф. очерк // Памятная книжка Семипалатинской области. — Семипалатинск, 1900. — Вып. 4. — С. 1—25; *Он же.* Поездка на Алтай: Описание поездки по Змеиногорскому округу Томской губернии и Усть-Каменогорскому уезду Семипалатинской области в январе и феврале месяцах 1897 года // Живая старина. — 1897. — Вып. III—IV. — С. 267—293.

[16] *Ермолаев А.Н.* Свадебные наговоры дружки в ангарской деревне // Сиб. архив. — Иркутск, 1912. — № 8. — С. 585—594.

[17] *Плотников В.* Песни казаков Сибирского казачьего войска // Зап. Семипалат. подотд. ЗСОРГО. — Семипалатинск, 1909. — Вып. IV. — С. 1—58 (6-я паг.).

[18] См.: *Белослюдов А.Н.* Свадебный ритуал «каменщиков»: Материалы по этнографии засельщиков Бухтарминской долины // Зап. Семипалат. подотд. ЗСОРГО. — Семипалатинск, 1913. — Вып. VII. — С. 1—13 (8-я паг.); *Григорьев С.* Обряды и песни русской простонародной свадьбы в южной части Минусинского округа [Енисейской губернии] // Сиб. сб. — Иркутск, 1894. — Вып. 4. — С. 14—22.

[19] См.: *Богораз В.Г.* Областной словарь колымского русского наречия // Сб. Отд. рус. яз. и слов. Академии наук. — СПб., 1901. — Т. 68; *Мишарин Д.Н.* Свадебные песни, записанные в Верхоленском уезде Иркутской губернии // Изв. ВСОРГО. — Иркутск, 1916. — Т. 45. — С. 257—272.

Лазарь Ефимович Элиасов (1914—1976) — крупный сибирский литературовед и фольклорист, исследователь и издатель фольклора Восточной Сибири.
Фото из личного архива ученого.

характере бытования произведения в разных казачьих станицах[20]. В 1860 г. Н.И. Кашин опубликовал собранные им у приаргунских казаков свадебные обычаи и песни[21]. В начале XX столетия читатели познакомились с работами В. Плотникова[22]. В 1916 г. в г. Чите вышел сборник популярных среди Забайкальского казачества народных песен, среди которых есть и свадебные[23]. Составители и издатели ставили задачу вернуть былую популярность старинным русским песням.

С конца XIX в. и до наших дней большое внимание привлекают к себе бывшие староверы Сибири. Свадьбу «поляков» (так называли одну группу старообрядцев на Алтае) записала и опубликовала М. Швецова[24]. Обряд с песнями забайкальских старообрядцев одним из первых зафик-

---

[20] *Логиновский К.Д.* Свадебные песни...

[21] *Кашин Н.И.* Свадебные обычаи приаргунцев...

[22] *Плотников В.* Песни казаков Сибирского казачьего войска...

[23] *Сборник* песен Забайкальского казачьего войска / Сост. по приказу генерала Кияшко. — Чита, [1916].

[24] *Швецова М.* Из поездки...; *Она же.* «Поляки» Змеиногорского округа...

сировал А. Эпов[25]. Большой вклад в дело собирания среди старообрядческого населения Забайкалья внес музыкант-самоучка, настоящий знаток и тонкий ценитель русской поэтической культуры Н.П. Протасов[26]. Он сопроводил песни нотными записями, но к сожалению, лишь незначительная часть из огромного собрания увидела свет.

В первой трети XX в. был накоплен значительный материал о свадьбе и свадебной поэзии, который свидетельствует о бережном отношении сибиряков к традиционной поэтической культуре своего народа. Материал оказался настолько обширным, что возникла необходимость в его библиографировании. Первая попытка была предпринята Е.Я. Самойловичем, тематический указатель которого оказал помощь не одному поколению фольклористов[27], но описанные 72 работы не дают полного представления об объеме имевшихся изданий. Автор, указывая в предисловии на объективные трудности в учете записей, не претендует на исчерпывающие сведения.

Советские фольклористы продолжили благородную работу по сбору и публикации русской сибирской свадьбы и свадебной поэзии. Среди первых, внесших большой вклад в это дело, был видный советский ученый М.К. Азадовский. Собранный им в разных регионах Сибири материал по свадьбе составил значительную часть собственного архива, хранящегося в РО ГБЛ (ф. 542). Азадовский оставил немало интересных наблюдений о специфике бытования в Сибири свадебных ритуалов и песен, географии их распространения, особенностях и причинах контаминирования традиционных текстов и пр. До недавнего времени из огромного собрания М.К. Азадовского было опубликовано незначительное число свадебных песен, большая часть из них подготовлена автором данной статьи и издана в трех сборниках[28].

---

[25] *Эпов А.* Свадебные обряды и песни Чикойского края в 80—90 гг. прошлого века // Изв. каф. Прибайкаловедения. — [Верхнеудинск], 1921. — Вып. 1. — С. 24—27.

[26] *Протасов Н.П.* Песни забайкальских старообрядцев. — Иркутск: Изд. ВСОРГО, 1926; *20 народных* песен Сибири для одного голоса с сопровожд. ф-п. из собранных в 1900 г. в Иркутской губернии и Забайкальской области Н.П. Протасовым / Переложил А. Петров. — [СПб.: Издание Песенной комиссии РГО, 1902].

[27] *Самойлович Е.Я.* Библиографические материалы для изучения русских свадебных обрядов в Сибири // Сиб. живая старина. — Иркутск, 1925. — Вып. XXX. — С. 205—216.

[28] См.: *Русские* свадебные песни Сибири / Сост., вступ. ст. и примеч. Р.П. Потаниной. — Новосибирск: Наука, 1979; *Обрядовые* песни русской свадьбы Сибири / Сост., предисл. и примеч. Р.П. Потаниной. — Новосибирск: Наука, 1981; *Русская* обрядовая поэзия Сибири / Сост., вступ. ст. и примеч. Р.П. Потаниной. — Новосибирск: Наука, 1984.

Внушительную работу по систематизации, аннотированию и анализу накопленного обширного материала о сибирской свадьбе и сопровождавшей ее поэзии проделал П.Е. Петров[29].

Из собирателей и исследователей свадебного фольклора Сибири последних десятилетий следует назвать А.М. Мехнецова[30], Т.Г. Леонову[31], М.Н. Мельникова[32], Р.П. Потанину[33] и др. Причем Т.Г. Леонова и М.Н. Мельников занимаются собиранием и публикацией свадебного материала не только русского населения Западной Сибири, но и украинского, и белорусского, поднимая ряд серьезных вопросов, в первую очередь о взаимовлиянии, взаимообогащении поэтических культур этих восточно-славянских народов.

До последнего времени несколько хуже обстояло дело с изучением свадебного фольклора на Дальнем Востоке: материал не только мало исследован, но серьезно не собирался. Первые образцы русского фольклора и замечания о его бытовании находим на страницах воспоминаний и путевых заметок путешественника и исследователя второй половины XIX в. Р.К. Богданова[34] и известного этнографа и писателя С.В. Максимова[35], которые, вопреки собственному отрицанию музыкально-поэтических способностей сибиряков, дали интересные зарисовки сельских праздников, сопровождавшихся песнями и замечаниями о том, что местные

---

[29] *Петров П.Е.* Две главы из книги: «Свадебные обряды в Сибири в 19 веке» // Учен. зап. Омского гос. пед. ин-та. Филологическая серия. — Омск, 1941. — Вып. 1. — С. 55—96; *Он же.* Свадебно-обрядовая поэзия в Сибири в 19 веке // Учен. зап. Омского гос. пед. ин-та. Филологическая серия. — Омск, 1944. — Вып. 2. — С. 1—12.

[30] *Свадебные* песни Томского Приобья: Народные песни, записанные в Томской области / Запись, сост., предисл., примеч. А.М. Мехнецова. — Л.; М.: Сов. композитор, 1977.

[31] *Леонова Т.Г.* Народная свадьба: Свадебный обряд и свадебные песни русского населения омских сел // Фольклор Западной Сибири. — Омск, 1974. — Вып. 1. — С. 48—71; *Леонова Т.Г., Белкина Л.М.* Обзор материалов фольклорной экспедиции 1974 г. в Знаменский и Муромцевский районы Омской области // Фольклор и литература Сибири. — Омск, 1976. — Вып. 3. — С. 31—46.

[32] *Мельников М.Н.* более 30 лет возглавлял фольклорные экспедиции студентов Новосибирского государственного педагогического института (ныне университет). Среди материалов есть записи свадебных песен; часть из них опубликована в указанных выше сборниках Р.П. Потаниной.

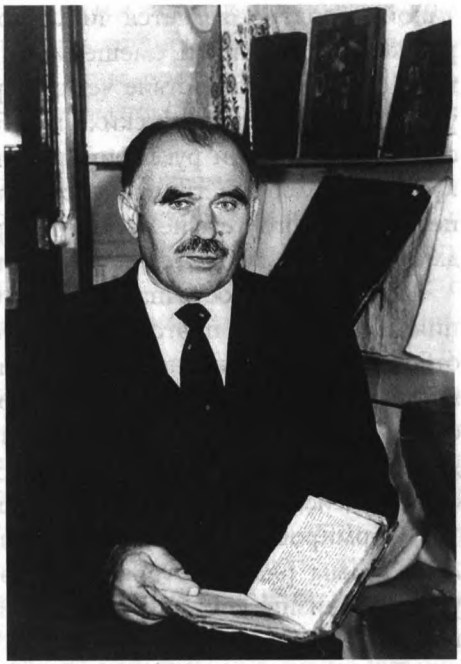
[33] *Потанина Р.П.* Свадебная поэзия семейских Забайкалья (конец XIX — начало XX в.). — Улан-Удэ, 1977; См. также *Русские* свадебные песни Сибири...; *Обрядовые* песни русской свадьбы Сибири...; *Русская* обрядовая поэзия Сибири...

[34] *Богданов Р.К.* Воспоминания амурского казака о прошлом с 1849 по 1880 г. // Зап. Приамур. отд. РГО. — Хабаровск, 1900. — Т. V, вып. 3.

[35] *Максимов С.В.* На востоке. Поездка на Амур в 1860—1861 гг.: Дорожные заметки и воспоминания. — 2-е изд. — СПб., 1871.

девушки «*поют песни согласно и верно*»[36].

Первую информацию о свадебной обрядности края содержит книга Г.Т. Мурова[37], написанная в начале XX столетия. Автор передает содержание обряда и нескольких песен. Позже в Приамурье работу продолжили М.К. Азадовский[38] и Г. Новиков-Даурский[39], в записях которых, напротив, материал по свадебной обрядности занимает незначительное место.



Михаил Никифорович Мельников (1921—1998) — известный собиратель и исследователь фольклора Западной Сибири. *Фото из архива семьи Мельниковых.*

В Приморье первые шаги советской фольклористики связаны с именем А.П. Георгиевского, который занимался сбором и популяризацией народного творчества[40]. С позиций современной фольклористики многие положения ученого о происхождении и судьбах обрядового фольклора не могут быть приняты, но его издание и сегодня представляет несомненную ценность как добротный сравнительный материал, в том числе и записи свадебного фольклора.

Систематический планомерный сбор и изучение дальневосточного русского фольклора начинается с середины 1960 гг. Накопленные за эти десятилетия записи показывают, что на Дальнем Востоке не сохранились (или не сложились с начала заселения края) устойчивые русские поэтические традиции (Л.М. Свиридова, Л.Е. Фетисова, Р.П. Потанина). При-

---

[36] Там же.

[37] *Муров Г.Т.* По русскому Дальнему Востоку, люди, их жизнь и нравы. Дневник странника: В 2 т. — М., 1909—1911.

[38] *Азадовский М.К.* Заговоры амурских казаков // Живая старина. — 1914. — Вып. 3/4. Прил. — С. 05—015.

[39] *Новиков-Даурский Г.* Игранчики-хороводы у казаков Восточного Забайкалья // Забайкальская новь. — 1914. — 16 янв.

[40] *Георгиевский А.П.* Русские на Дальнем Востоке: Фольклорно-диалектологический очерк. — Вып. IV: Фольклор Приморья. — Владивосток, 1929. — (Тр. ГДУ; сер. III, № 9).

чиной, вероятно, является численное преобладание украинского и белорусского населения и смешение принесенных традиций. Фольклористы края отмечают отсутствие четких традиций, более выраженный рисунок украинских или белорусских свадеб и песен, часто заимствованных русским населением и руссифицированных. Кое-где отмечены разрушенные курские свадебные традиции с ограниченным по числу репертуаром, но песни которого тем не менее в хорошей сохранности — полные, часто длинные, с развитым сюжетом (дополнение I).

Западная и Восточная Сибирь богаты русскими обрядовыми традициями и песнями, поэтому составители данного раздела более свободны в отборе сравнительно небольшого числа песен из множества удивительно цельных и интересных текстов. Трудность заключается в том, что необходимо безошибочно отобрать наиболее характерное, специфическое для Сибири и притом лучшее в художественном отношении, чтобы представить действительно образцы русской поэтической обрядовой культуры.

Формирование сибирских обрядово-поэтических традиций обусловлено целым рядом исторических, экономических, природных и прочих условий жизни сибиряков. Отметим лишь некоторые, на наш взгляд, наиболее существенные.

Во-первых, одной из важных примет Сибири было отсутствие крепостного права и наличие больших площадей свободных земель. Земля кормила русских поселенцев, но большие наделы целины требовали от них дополнительных рабочих рук. Это привело к установлению нового отношения к браку, в частности к выбору *невесты*, что нашло отражение и в свадьбе (приданое не имело большого значения — ценились здоровье и трудолюбие *невесты*), и в обрядовой поэзии (прежде всего в составе песенного репертуара и в появлении пословиц и поговорок типа: «*Наша невеста не по бору ходила, не шишки брала, а прялочку пряла да кросна ткала*»; «*За домом смотреть — не юбкой вертеть*» и др.).

Во-вторых, в Сибири долгое время было преимущественно мужское население, женщины, по данным переписи 1897 г., составляли менее половины от числа противоположного пола[41]. В результате этого сватовство рано стало носить формальный, чисто игровой, характер, не всегда сопровождалось песнями и даже не везде было регламентированным. Смотрины как важное звено в обряде почти повсеместно были утрачены, а где все-таки были, приурочивались либо к рукобитью, либо к просватанью. Малочисленность женского населения привела в некото-

[41] *Первая* всеобщая перепись населения Российской империи. — [СПб.], 1897.

рых случаях к оживлению обычая калыма и сказалась на поэтическом репертуаре сибирской свадьбы: песни о роскошной обстановке крестьянской избы и о пышности свадебной игры постепенно вытеснялись произведениями о тяжелом труде и подневольном положении женщины в доме мужа.

В-третьих, заселение региона осуществлялось тремя восточно-славянскими народами в несколько потоков. Причем украинцы и белорусы в основном расселялись на более легких для возделывания плодородных землях — в Западной Сибири и на Дальнем Востоке — бок о бок с русскими, образуя компактные стихийные общины. Это неизбежно приводило к взаимовлиянию культур, а на Дальнем Востоке — нередко к видоизменению русских устоев. Локальные сибирские традиции, таким образом, складывались под влиянием принесенных русских, претерпевших влияние белорусских и украинских. Особенности формирования национального состава поселений в каждом конкретном регионе также отражались на характере складывавшейся обрядово-поэтической культуры. Длительные этнические, языковые и прочие контакты трех родственных народов, а также контакты с коренным населением края не могли не привести к этнокультурной ассимиляции.

В Восточной Сибири русская свадьба не испытывала влияния украинских и белорусских традиций, так как их носители даже в Прибайкалье (район их наибольшего сосредоточения) составляют незначительный процент от общего населения. Развитие местных обрядово-поэтических традиций этого обширного региона больше зависело от социально-психологического уклада жизни трех основных групп русского населения — русских старожилов («сибиряков»), бывших казаков и бывших старообрядцев (семейских), в прошлом живших часто в относительной изоляции друг от друга. Он обусловлен основным занятием каждой группы, а у семейских — еще и отрицательным отношением к официальной церкви.

Казаки несли воинские повинности, нередко отрывавшие их от земли и хозяйства. Каждый должен был пройти двухгодичную подготовку, затем 12 лет строевой службы, после чего пять лет состоял в запасе, готовый к походу в любое время. При заселении Сибири они получили некоторые привилегии, что со временем укрепило в них чувство превосходства, исключительности их миссии. В традиционном обряде казаков преобладали черты южно-русской свадьбы: в поэтическом репертуаре большое место занимали величальные песни, было сравнительно немного причитаний, которые исполнялись лишь в самых необходимых случаях,

каким было, например, сиротство *невесты.* Все эпизоды обряда были насыщены игровыми моментами. Казаки всегда воспринимали свадьбу как веселое празднество и давно отказались от двойственного изображения чувств, присущего общерусской (а в Сибири — старообрядческой) традиции: *невеста* могла не изображать горя в доме *жениха* после венчания.

Обрядово-поэтические свадебные традиции бывших староверов очень долго сохраняли основные обрядовые моменты и поэтический репертуар их предков. Вынужденная самоизоляция в тяжелейших климатических и экономических условиях жизни, связанная с расколом русской церкви, способствовала хорошей сохранности старины среди этой группы русского населения. Причем в материальной и особенно песенно-обрядовой культуре семейских Забайкалья просматриваются два типа великорусской свадьбы и свадебной поэзии. В основе свадьбы семейских, живущих в Бурятии, лежит северорусский тип обряда, хотя не всегда ярко выраженный. В поэтическом репертуаре большой удельный вес занимают песни-жалобы на тяжелую судьбу женщины в доме мужа, обязательными были причитания в разных ритуалах до венчания (где оно соблюдалось), почти не было величаний и корильных песен. Игровые моменты включались в свадебный рисунок чаще только на заключительном этапе — после венчания (где оно было) и после *окручивания* в доме *жениха.*

В основе обрядово-поэтической традиции семейских, проживающих в Читинской области, лежит южно-русский тип свадьбы, в котором значительную часть составляют величальные песни, веселые плясовые и игровые. Чаще использовались и корильные ради шутки. В обряде очень много игровых эпизодов. В результате, общий рисунок свадьбы — мажорный. Эта группа семейских отличается своеобразием этнографии, особенно в одежде и утвари.

Логика трансформации свадебного репертуара подчинялась общим закономерностям, определявшим судьбу народной обрядности. В процессе формирования местной традиции на первой стадии заселения Сибири решающее влияние оказали традиции северно-русской свадьбы, которые долго сохранялись среди старожильческого русского населения. По мере заселения края выходцами из западной и южной России они перестали быть определяющими. Происходило постоянное взаимовлияние различных традиций, которое приводило к обогащению или к некоторым потерям (в каждом отдельном случае конкретно). Причем заимствование никогда не было механическим. На первый план выдвигалось

Мария Семеновна Иванова (1912 г. р.) — знаток заговоров, молитв, свадебных ритуалов, песенница (см. № 251). Село Малоархангельское Красночикойского района Читинской области.
Фото подарено исполнительницей в 1975 г. Р.П. Потаниной.

В.М. Иванова (1880 г. р.) — знаток традиционной сибирской свадьбы, известная на Чикое исполнительница песен. Село Малоархангельское Красночикойского района Читинской области.
Фото подарено исполнительницей в 1971 г. Р.П. Потаниной.

общее, что сближало разные группы переселенцев. Продуктивные традиции оказывали заметное влияние на формирование относительно общего репертуара и рисунка свадьбы. Таким образом, в Сибири постоянно происходил *процесс сложения* единого (в главных звеньях) общеприемлемого фольклорного локального фонда, основанного на *смешении музыкально-поэтических традиций* различных групп восточных славян. Это одна из существенных особенностей сибирской свадьбы и ее поэзии, которую невозможно не учитывать собирателям и исследователям.

Процесс сложения общего фонда порождает многостильность традиций: ни одна отдельно взятая свадьба не дает полного представления об обрядово-поэтических традициях не только Западной или Восточной Сибири, но и небольшого региона (в Сибири сколько сел, столько локальных особенностей). Сам фактический материал исключает возможность

публикации его по типам: для научной достоверности и полноты отражения существующей в крае свадебно-поэтической картины пришлось бы включать слишком большое число описаний, которые с большой натяжкой можно было бы считать типовыми. Поэтому, говоря о некоторых специфических чертах, нужно иметь в виду, что речь идет о селах с устоявшимися традициями, тогда как в Сибири и на Дальнем Востоке немало молодых населенных пунктов, жители которых еще не успели или не смогли, несмотря на длительное соседство, «спеться». Наблюдениям не следует придавать универсальный характер, позволительно говорить лишь о некоторых интересных процессах развития песенной культуры русского населения этого огромного по территории края и лишь одно можно с большей или меньшей вероятностью утверждать: в Западной и Восточной Сибири русская свадьба и ее поэзия сохранялись значительно дольше и полнее, чем в западных районах страны. Еще в XX в. во многих местах она представляла собой сложный и хорошо продуманный спектакль, управляемый искусным «*дирижером*» — *дружкой* (в некоторых районах — *тысяцким*). Им был, как правило, талантливый человек, хорошо знающий все детали свадебной игры и все обычаи, способный к импровизации, обладающий исключительной памятью и пользующийся у односельчан непререкаемым авторитетом. Во многих районах *дружке* приписывались и колдовские способности. Используя рассказы приаргунских крестьян, Н.И. Кашин так охарактеризовал его основные свойства: «*Дружко при здешних свадьбах играет вообще весьма важную роль; он или большой балясник, или же, по мнению народному, человек опытный, знающий, знахарь, известный также и тем, что помогает в разных болезнях своими заговорами и нашептываниями; следовательно, по суеверию народному, владеет чародейством, колдун, или просто, выражаясь простонародно, знается с чертями*»[42].

Свадебный обряд отводил *дружке* важную роль, регламентируя обязанности и возможности каждого участника. *Дружка* всегда был самым уважаемым из всех *чинов свадебного поезда* и неизменно занимал почетное место: за столом рядом с *женихом*, во время движения *поезда* находился в передней повозке. Ритуал предполагал полное подчинение всех присутствующих распоряжениям *дружки*, ему принадлежало и первое слово. Когда-то без его команды или разрешения не приступали ни к одному ритуальному действию, ни к застолью: все обряды начинались не раньше, чем *дружка* произносил приговор, читал молитву (якобы для

[42] *Кашин Н.И.* Свадебные обычаи приаргунцев... — С. 156.

того, чтобы уберечь молодых или всю свадьбу от сглазу), трижды просил благословения на действо и соответственно получал троекратное «*аминь*». Эта роль закреплена в **свадебных «указах» (приговорах, наговорах)** *дружки*, дошедших до нас в нескольких записях и содержащих описание его действия и передвижения, просьбы благословить и разрешение (приглашение) к началу ритуала. Таким образом, им фиксируется буквально каждый шаг, отмечая даже незначительные подробности: «*взялся за скобу булатну*», «*отворил дверь на пяту*», «*подходил к столу дубовому*», «*подходил к брусу точеному*» и т.п.

Приговоры *дружки* — это своеобразная, поэтически оформленная подсказка *свадебникам*: кто, когда и с чем, куда и как должен вступать в игру. Многие приговоры однотипны и напоминают общие места в народных песнях. В таком случае они фиксируют последовательность ритуальных действий, повторяющихся в разное время свадьбы: перед застольем в доме *жениха* и в доме *невесты*, когда *дружка* вводит поезд в дом *невесты* или когда выводит его из дома *жениха*. Такие «*указы*» настолько устойчивы, что нередко текстуально совпадают не только в одной свадьбе и в одной местности, но и в записях, отдаленных временем и географией, сделанных разными собирателями. Это свидетельствует о том, что приговоры *дружки* в конце прошлого и начале нашего столетия были неотъемлемой частью свадебного фольклора русских, а многократное повторение в обряде способствовало закреплению устойчивого текста в памяти поколений.

К XX в. роль *дружки* заметно уменьшилась, а следовательно, были потеснены и приговоры.

Об этом говорят не только ограниченные географические рамки записей, но и то, что собиратели могли не обратить внимания на его отсутствие при описании свадьбы со слов, а не непосредственно в обряде. Хотя и этот факт немаловажен: где приговоры занимали в поэтическом репертуаре видное место, исполнители их воспроизводят и во время рассказа о свадьбе.

Записи полных приговоров *дружки* в необозримом море поэтического свадебного фольклора занимают очень скромное место. Наиболее полные тексты оставили такие видные собиратели прошлого, как А. Савельев[43], А.А. Макаренко[44], А.Н. Ермолаев[45], Ф. Зобнин[46], И. Чеканин-

[43] ГЛМ / Собр. А. Савельева, инв. № 4.

[44] ИРЛИ, р. V, колл. 119. Собр. А. Макаренко.

[45] *Ермолаев А.Н.* Свадебные наговоры...

[46] *Зобнин Ф.* Свадебные обряды и обычаи...

ский[47]. Менее подробные, но сохранившие основу содержания, опубликованы Н.И. Кашиным[48] и Ф.Д. Соседко[49]. Несколько фрагментов записал и опубликовал К.Д. Логиновский, классифицируя их как песни.

В последние десятилетия в Сибири они не фиксировались, если не считать подражаний традиционным приговорам, записанным студентами Томского государственного университета и Новосибирского государственного педагогического института (ныне университет).

В настоящем томе помещено несколько приговоров «общего содержания» и тех, что регламентируют конкретные действия в обряде. Первые повторялись почти без изменения в разные моменты свадьбы. Например, каждый раз при входе в дом, *дружка* перечислял все предметы, мимо которых проходил: «*шел дружка через порог*», «*идет дружка под полатный брус*», «*идет дружка из-под полатного бруса*» и т.д., пока не заведет *поезд* за стол. В некоторых приговорах перечисляются все *поезжане* по старшинству (*дружка, тысяцкий, большой боярин, меньшой боярин* и т.д.), гости и предметы, встречающиеся на пути *дружки*, которые он характеризует кратко, но метко с помощью сравнений и эпитетов, нередко развернутых. *Поезжане* в его приговорах — «*большие бороды*», «*умные головы*», «*старые старички — седые бороды*», «*старые старушки — золоты наушки*», «*маленьки ребятки — черненькие пятки*» и т.д.

Вторую группу составляют приговоры, которые читались непосредственно перед ритуальным действием. Их содержание прямо зависит от фабулы и характера совершаемого обряда: сначала — просьба благословить на конкретный ритуал, затем — поэтический «*сценарий*» текущего обряда и благодарение за совершенное действо или за то, что «*сыто кормили, пьяно поили*», «*на почетно место садили*».

Приговоры *дружки* — совершенно своеобразный поэтический жанр свадебного фольклора, где главное действующее лицо — сам *дружка*, поэтому в них часто употребляется личное местоимение первого лица «*я*» рядом со словом «*дружка*»: «*шел я, дружка*», «*взял я, дружка*», «*садился я, дружка*».

Почти все приговоры он произносил после молитвы и родительского ответа «*аминь*», некоторые из них начинались словами: «*Спасибо на амине, на добром слове, на благодатном доме*». В них на застолье часто

---

[47] *Чеканинский И.* Описание крестьянской свадьбы в селе Кежемском на Ангаре // РО б-ки Краснояр. краевед. музея, ф. 392(09), № 119.

[48] *Кашин Н.И.* Свадебные обычаи приаргунцев...

[49] *Свадебные* песни и обряд по реке Куренге Забайкальской области в горнозаводское время / Собр. в 1901 г. Ф.Д. Соседко. — Красноярск, 1906.

звучит вопрос: «*Есть у вас во дому, во честном пиру отец родимый и мать родима*», на который ему хором отвечали «*есть*». В других выражена просьба *дружки*, указать каждому *поезжанину* его законное место, иногда с прибавлением: «*кто сердцу ближе*» или «*как бог повелел*». В создании приговоров народ широко использовал многие художественные приемы, характерные для песен:

1) краткие прилагательные и причастия («*за столы дубовы, лавочки кленовы*», «*есства сахарны*», «*питья медвяны*», «*вилочки стальны*»);

2) усеченные окончания существительных и прилагательных множественного числа дательного падежа («*с большим боярам, со свахам*», «*за соболям*», «*под частым звездам*», «*этим перстням обручатся*»);

3) устаревшая форма окончаний *-ия/-ыя* прилагательных именительного и винительного падежей («*за скамеечки брусчатыя*», «*яства сахарныя*», «*столы браныя*»);

4) глаголы неопределенной формы с окончанием *-ти* вместо *-ть* («*хлеба порушити*», «*покушати*», «*отмытися*», «*обручатися*»). В песнях подобные архаичные окончания в Сибири повсеместно отмечаются и сегодня.

В обрядово-поэтический контекст тома включены и **свадебные величальные песни**, обрядовая функция которых определила развитие их поэтического содержания и художественных особенностей[50]. Н.М. Элиаш, считая этот жанр одним из древних в русской свадебной поэзии, пишет: «Свадебные величальные песни, содержащие основные элементы заклинаний — пожелания благополучия, счастья молодым, — являются одним из древнейших фольклорных жанров. Первоначальным древним видом свадебных величаний были, по всей вероятности, любовные, брачные песни, свадебные заклинательные формулы, которые исполнялись во время древних свадебных игрищ»[51].

Возникнув как магические произведения, величальные песни к XIX в. утратили связь с магией, сохранив и развив утилитарную и эстетическую

---

[50] *Элиаш Н.М.* Величальные и корильные песни // Учен. зап. Старооскол. гос. пед. ин-та. — 1957. — Вып. 1; *Колпакова Н.П.* Крестьянский быт величальной песни // Русский фольклор. — М.; Л., 1959. — Вып. 4. — С. 54—79; *Аникин В.П.* Календарная и свадебная поэзия. — М., 1970. — С. 67—122; *Карпухин И.Е.* О поэтическом содержании русских величальных песен // Проблемы художественного метода в русской литературе. — М., 1973. — С. 125—139; *Круглов Ю.Г.* Поэтический мир свадебных величальных песен // Проблемы изучения народного творчества. — М., 1977. — С. 89—104; *Он же.* Русские свадебные песни. — М., 1978. — С. 21—54.

[51] *Элиаш Н.М.* Величальные и корильные песни... — С. 23.

функции. Это привело к замене некоторых древних поэтических образов и символов картинами действительной жизни, бытовыми зарисовками. Образы-символы, даже постоянные («*золотая* (или *серебряная*) *чара*», «*лебедь*» — *князь*, «*лебедина*» — *княгиня* и др.) и действия-символы («*разбить чару*», «*пролить вино*», «*конь вытоптал сад*», «*рассыпать жемчуг*» значило потерять девичью красоту, волю; «*причесать кудри молодцу*» обозначало его женитьбу, так как *жениха* в древние времена перед венцом постригали) стали восприниматься как эстетический элемент и выпали из многих песен. Величания становились все более свободными от обрядов, более веселыми, игровыми.

Особые условия сибирской жизни русских поселенцев наложили отпечаток на дальнейшее развитие песен этого жанра. Отметим лишь некоторые особенности. Чисто внешнее приспособление общерусских песен к локальным условиям выразилось в использовании местных топонимических названий: в величальных чаще, чем в других жанрах, упоминаются местные реки, города, села, горы («*Иркут-город*», «*Енисей-река*», «*енисейски сладки пряники*» и т.п.).

Сибиряки почти не контаминировали величальные песни, но часто сокращали и упрощали: опускали трафареты и припевки типа «*мы тебя величаем, тебе честь воздаем, тебе песню поем*». В Восточной Сибири в общем поэтическом репертуаре русской свадьбы они занимают незначительное место, в Западной Сибири и на Дальнем Востоке — были более популярны, следовательно, заметны в репертуаре. Большая часть их адресовалась *тысяцкому*, реже — *дружке*, еще реже исполнялись величания *боярам*, *свахам*, и совсем незначительное число — *жениху* и *невесте*. Все они по структуре и содержанию однотипны и имеют множество текстуальных совпадений. Иногда одна песня исполнялась разным «*свадебщикам*» с изменением лишь имени собственного и названия чина. Во всех величаниях, посвященных мужчинам, создавался трафаретный образ — достоинства характера и внешний портрет раскрывались одними и теми же словами, т.е. они одинаково храбры, сильны, красивы, умны и обязательно щедры. Часто не приходится говорить об «общих местах» этих песен, поскольку общими были целые тексты. Даже величания *жениху* и *поезжанам* мало чем различались. Так, варианты песни «*Как у красного солнышка золоты лучи*» (№ 159) в Сибири, по свидетельству исполнителей и собирателей, адресовались не только *князю молодому* и *тысяцкому*, но и *боярину*, и даже просто женатому гостю.

Таким образом, величальные песни в сибирской свадьбе не только не имели строгой прикрепленности к обрядам, но были свободны и в

выборе адресата. Это несколько противоречит общей тенденции к сохранению сибирской свадебной традиции.

Из всех величальных посвященные *дружке* песни наиболее полно сохранили свое содержание, даже там, где роль *дружки* была утрачена.

В Восточной Сибири при общем забвении величальных песен некоторые из них сохраняли свое содержание вплоть до середины XX в. Они исполнялись без сокращений, с многократными повторениями трафаретов (например, «*Вьюн над водой извивается*», «*Как не яблочко по блюдечку катается*»), в то время, как в других районах были фрагментарны. Песни «*Что не яблочко по блюдечку катается*» и «*Не разбушуй, холоден ветер*», которые исполнялись холостому и женатому *боярину*, в Забайкалье бытовали еще в 1970-е гг., но как колыбельные.

В данной публикации величальные песни расположены относительно свободно, так как в разных собраниях и публикациях, а также по свидетельству разных исполнителей, место и адресат их указываются различно.

Нельзя говорить и о повсеместном распространении в Сибири **свадебных корильных песен**, которые исполнителями часто называются «*свадебными дразнилками*». В этом народном названии раскрывается их главная функция и угадывается содержание. В сибирской свадьбе они исполнялись в доме *невесты* во время *бранья*, реже — на *девичнике* и в доме *жениха* на *свадебном пиру*.

Задача корильных песен — повеселить участников игры и побудить к дарам. В их содержании много юмора, не всегда безобидного, и метких негативных характеристик. Они полны всевозможных ситуаций и действий, которые создают особый колорит, поэтому несколько напоминают небывальщины: «*жениха в кулю принесли*», «*гостя воши точут*», «*гостя вошь привезла*», «*дружка едет на коне — на таракане*» и т.п. Герои песен всегда скупы, глупы, обжорливы, уродливы, грязны.

Главная художественная особенность корильных песен — живой разговорный язык, насыщенность диалектизмами, нередки диалоги. Н.М. Элиаш не без основания полагает, что эти песни, как и шуточные приговоры дружки, возникли на основе шуточных песен, сказов скоморохов, которые были главными организаторами свадебной игры в Древней Руси[52].

Корильные песни записывались в основном в районах Западной Сибири, где рядом с русскими живут украинцы и белорусы. В Восточной Сибири имеется немного записей от семейских и русских старожилов Прибайкалья. Это наводит на мысль, что корильные песни могли быть

---

[52] Там же. — С. 37.

заимствованы, хотя нельзя исключать возможности забвения собственно русской традиции и вторичного включения в свадебный поэтический актив от названных восточно-славянских народов: отмечено наличие украинских и белорусских элементов в фонетике и лексике (*«пусти, свату, в хату»*, *«сваты посели»*, *«очи»*, *«чупахи»* и т.п.).

Они, в отличие от величальных, исполнялись чаще двумя как бы противостоящими сторонами: свитой *жениха* и свитой *невесты*. Каждая из сторон старалась высмеять другую, подбирая наиболее меткую и емкую песню. Сами тексты строились также на противопоставлении положительных качеств одной стороны (*невесты* или *жениха*) отрицательным свойствам другой. Обмен шуточными оскорблениями инсценировался в расчете на зрителя.

Основной объем корпуса свадебных текстов составляют **обрядовые лирические песни**. Они дают представление о красоте и богатстве поэтического оформления сибирской свадьбы. О функциональной специфике обрядовой свадебной лирики читателям скажут сами тексты и краткие этнографические вступления к каждому конкретному разделу. Отметим лишь, что, кроме собственно песен, включены **песни-причитания** *невесты* и подруг от ее имени, которые значительно отличаются от других причитаний прежде всего тем, что структурно и содержательно очень близки свадебным песням: они (за редким исключением) полные, художественно развитые и нередко сюжетные. Кроме того, причитания во многих случаях содержат описания конкретных ритуалов. От песен их отличает частое упоминание усопших родителей, мотивы жалобы, связанные с сиротством невесты.

В разделе свадебной поэзии данного тома помещены тексты, извлеченные из разных публикаций, многие из которых давно стали библиографической редкостью, а также ранее не публиковавшиеся, взятые из государственных и личных архивов. К большому числу песен даны нотные записи. Анализ певческих свадебных традиций дан в статье музыковедов-фольклористов Н.В Леоновой и Н.А. Урсеговой.

Р.П. Потанина

МУЗЫКА РУССКО-СИБИРСКОЙ СВАДЬБЫ

Свадебный фольклор, безусловно, можно определить как самый развитый и значительный цикл семейно-обрядовой певческой культуры русских сибиряков.

Собирание и публикация свадебного фольклора русских старожилов Сибири музыкантами начались в первые годы XX в. Самые ранние музыкальные записи были выполнены Н.П. Протасовым (репертуар забайкальских старообрядцев) и В.В. Бартеневым (песни жителей крайнего севера Тобольской губернии)[1]. Во второй половине века эти песни и причитания появляются, как правило, во всех более или менее крупных фольклорных сборниках. Среди наиболее значительных музыкальных собраний певческого репертуара свадьбы этой группы русского населения следует назвать «Русские народные песни Красноярского края» под редакцией С.В. Аксюка, «Свадебные песни Томского Приобья» А.М. Мехнецова, «Свадьба Обско-Иртышского междуречья» В.Г. Захарченко и М.Н. Мельникова, «Русские народные песни Зауралья» Г.И. Иванова-Балина, сборники песен Тюменской области Л.В. Деминой, «Песни Кийской слободы» В.Ф. Похабова[2].

---

[1] *20 народных* песен Сибири для одного голоса с сопровожд. ф-п. из собранных в 1900 г. в Иркутской губернии и Забайкальской области Н.П. Протасовым / Перелож. А. Петров. — [СПб.: Издание Песенной комиссии РГО, 1902]; *Протасов Н.П.* Песни забайкальских старообрядцев // Сиб. живая старина. — [Иркутск], 1926. — Вып. 2 (6). — С. 217—230; *Бартенев В.В.* Обдорские песни (с нотами) // Изв. Арханг. о-ва изуч. Русского Севера. — 1914. — № 20. — С. 670—685. — (Нот. прил. — С. 3—8).

[2] *Русские* народные песни Красноярского края / Под общей ред. С.В. Аксюка. — М., 1959—1962. — Вып. 1, 2; *Свадебные* песни Томского Приобья: Народные песни, записанные в Томской области / Запись, сост., предисл., примеч. А.М. Мехнецова. — Л.; М.: Сов. композитор, 1977; *Захарченко В.Г., Мельников М.Н.* Свадьба Обско-Иртышского междуречья: Этнограф. описание обрядов, тексты и напевы песен. — М., 1983; *Иванов-Балин* Г.И. Русские народные песни Зауралья. — М.: Сов. композитор, 1988;

Особо выделим коллекцию песен, представленных на пластинках, что позволило ввести в обиход экспедиционные записи известных российских и сибирских фольклористов в их наиболее представительной, «звучащей» форме:

Русские песни Южного Алтая / Аннот. В.М. Щурова. — Л.: Мелодия, 1983. — С20 19885/86. — (Из собрания фонограммархива Пушкинского дома);

Русский музыкальный фольклор Сибири // Русская народная музыка Севера и Сибири / Аннот. А.М. Мехнецова. — Л.: Мелодия, 1990. — М20 49435/36 (2-я пластинка комплекта). — (Музыкальное творчество народов СССР: Антология);

Традиционный песенный фольклор Западной Сибири. Фольклорный ансамбль села Мышланка Сузунского района Новосибирской области / Аннот. В. Асанова. — Л.: Мелодия, 1987. — С20 25207/08 006 (1-я сторона пластинки);

Традиционный фольклор Алтая. Свадебные песни староверов-поляков села Екатерининское / Аннот. В. Бодровой и Н. Леоновой. — М.: Русский диск, 1993. — R20 01215/16 (2-я сторона пластинки).

Однако и по сей день значительная часть материала не опубликована, хранится в разных архивах нашей страны и, следовательно, остается труднодоступной для широкого круга любителей русского фольклора. Объемные коллекции фонозаписей музыки сибирской свадьбы собраны в фольклорных фондах высших и средних учебных заведений, научных и культурно-просветительских учреждений, отдельных архивных организаций (в частности, в ГАНО), а также в частных архивах собирателей.

Музыковедческое изучение свадьбы русских старожилов Сибири началось сравнительно недавно и существенно отстает от ее этнографического и фольклористического (филологического) осмысления. Первой по времени является статья Н.М. Владыкиной-Бачинской «Свадебная песня Приангарья», опубликованная в 1971 г., в которой отмечена *«наибольшая художественная ценность»* именно свадебных песен селений Братского, Усть-Кутского, Нижне-Илимского районов Иркутской области[3].

Крестьянская свадьба: Обрядовый фольклор Тюменской области / Сост. Л.В. Демина. — Тюмень, 1992; *Песенная* жемчужина Исетского района / Сост., вступ. ст. и коммент. Л.В. Деминой. — Тюмень, 1996; *Похабов В.Ф.* Песни Кийской слободы. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999 (переиздание песенного корпуса с добавлением этнографических описаний и методических материалов: *Похабов В.Ф.* Культурное наследие русских Кузбасса: Семейно-обрядовый фольклор северо-востока Кемеровской области. — М., 2000).

[3] *Владыкина-Бачинская Н.М.* Свадебная песня Приангарья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. — Новосибирск, 1971. — Ч. 1: Приангарье. — С. 191.

Кроме того, установлено стилевое сходство свадебных песен Приангарья с напевами г. Миасса Челябинской области, Енисейского района Красноярского края и пинежскими напевами Архангельской области и в связи с этим подчеркнута особая важность исследования сибирских песен для «*истории развития русского народного песнетворчества и русской музыки в целом*»[4].

Анна Филипповна Зольникова-Ушарова — тобольская песенница (см. № 230, 300). *Фото Т.В. Яковлевой (Лесковой).*

С конца 1970-х г. наблюдается повышенный научный интерес музыковедов-фольклористов к народно-песенной культуре русских старожилов Сибири. Намеченное Н.М. Владыкиной-Бачинской локальное изучение сибирского материала нашло продолжение в работах А.М. Мехнецова и Н.К. Пархоменко по Томскому Приобью[5], В.М. Щурова по Южному Алтаю[6], Н.В. Леоновой по Среднему Приобью[7], Л.А. Мухомедшиной по Приангарью[8], Н.А. Урсеговой по За-

---

[4] *Владыкина-Бачинская Н.М.* Свадебная песня... — С. 197.

[5] *Мехнецов А.М.* Народно-песенная культура русского старожильческого населения Сибири: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. — Л., 1983; *Он же.* Об особенностях песенного стиля старожилов Томского Приобья // Музыкальная фольклористика. — М., 1978. — Вып. 2. — С. 158—179; *Пархоменко Н.К.* Русские народные песни Томской области: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. — М., 1980.

[6] *Щуров В.М.* Старожильческие традиции в русском музыкальном фольклоре Алтая // Традиционный и современный фольклор Приуралья и Сибири: Тез. докл. Всероссийской муз.-фольклорист. конф. в г. Свердловске. — М., 1979. — С. 38—39; *Щуров В.М.* Русская песенная традиция «поляков» // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. — М., 1995. — Вып. 6: Русский фольклор в инокультурном окружении. — С. 117—132.

[7] *Леонова Н.В.* Структура, песенный репертуар и периодизация свадебных обрядов старожилов Барабы и Среднего Приобья // Музыкальная культура Сибири и Дальнего Востока (История и современность): Тез. зональной науч. конф. — Новосибирск, 1983. — С. 35—38.

[8] *Мух[о]медшина Л.А.* Традиция протяжных песен на Ангаре // Фольклор: Песенное наследие. — М., 1991. — С. 146—155.

уралью[9]. Характеристика свадебного фольклора нескольких локальных сибирских традиций содержится в очерке Н.В. Леоновой[10]. Подчеркнем, что в большей части этих трудов традиционная свадебная песенность привлекается в качестве основного аналитического материала для демонстрации главных стилевых свойств народно-песенной культуры старожилов в целом. В то же время проблема изучения именно свадебного музыкального комплекса как отдельной области русско-сибирской фольклорной традиции сохраняет свою актуальность для современной региональной и, шире, российской фольклористики.

Фольклорная культура русского старожильческого населения Сибири является традицией позднего формирования: ее характерные черты складывались на протяжении длительного периода с конца XVI до начала XIX вв. в ходе переселенческого освоения региона выходцами из разных районов европейской России. Это обстоятельство обусловливает заметную разнородность русских старожилов по историко-временному, социальному, конфессиональному, исходно-региональному параметрам. Тем не менее крестьянская свадьба в большинстве локально-сибирских традиций, а также в православной и старообрядческой формах их бытования не имеет существенных отличий, так как репрезентирует единый драматический, причетно-песенный тип традиционного ритуала, истоки которого следует искать в народно-песенной культуре Русского Севера.

Все основные этапы старожильческого свадебного ритуала от *просватанья* до *отъезда гостей* со *свадебного пира* сопровождались причитаниями и разнохарактерными песнями. Обрядовое местоположение причитаний главным образом связано с действиями довенечной части свадьбы, а также с *окручиванием невесты*, которое обычно совершалось после венца. В наиболее концентрированном виде причетная традиция представлена в обрядах *девичника* (*косокрашение*, *расплетение косы*, *прощание с крáсотой*) и *утра свадебного дня* (*бужение невесты*, *баня*), подготавливающих ее к важнейшему в жизни «переходу».

---

[9] *Урсегова Н.А.* Свадебная причетно-песенная традиция русских старожилов Сибири: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. — Новосибирск, 2000; *Она же.* Проблема типологии северно-русских и сибирских свадебных причитаний // Проблемы музыкознания: Ст. молодых музыковедов. — Новосибирск, 2000. — С. 23—34; *Она же.* Жанрово-стилевые комплексы свадебного фольклора русских старожилов Сибири // Народная культура Сибири: Материалы IX науч.-практ. семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т.Г. Леонова. — Омск, 2000. — С. 74—77.

[10] *Леонова Н.В.* Фольклорные традиции сибирских переселенцев. Русский фольклор // Музыкальная культура Сибири: В 3 т. — Новосибирск, 1997. — Т. 1, кн. 2: Традиционная культура сибирских переселенцев. — С. 3—34.

Песенный корпус сибирской старожильческой свадьбы объединяет собственно свадебные песни и произведения других жанров, приуроченные к свадебной игре. Несвадебные песни обычно сопровождают наименее регламентированные этапы праздника, их типичное местоположение — *вечерка, свадебный пир, отъезд гостей* и т.п.; собственно свадебные образуют количественно преобладающий и значимый пласт репертуара русско-сибирской свадьбы. Они различаются по степени приуроченности к обрядовым ситуациям:

- строго приуроченные к конкретной обрядовой ситуации и однократно воспроизводимые на протяжении свадьбы,
- нестрого приуроченные к ритуальным действиям, неоднократно звучащие на протяжении обряда в сходных ситуациях.

К первой группе относятся заклинательные, ритуальные и значительная часть ритуально-лирических песен, словесные тексты которых позволяют восстановить порядок свадебного действа, поскольку отражают все основные этнографически и ритуально значимые его вехи. Вторую группу образуют величальные, корильные и некоторая часть лирических песен, связанных не столько с обрядовыми действиями, сколько с традиционными свадебными «персонажами» — *невестой, дружкой, свахой* и др. Присутствие подобного участника (свадебного чина) может послужить поводом для исполнения одной и той же песни как в пределах одного, так и на разных этапах свадьбы.

Наряду с жанровой (филологической — причитания, заклинательные, ритуальные, величальные, корильные, лирические песни) и функциональной («этнографической» — по месту в свадебном обряде: песни *просватанья, девичника, утра свадебного дня* и пр.) классификацией песенно-причетного репертуара русско-сибирской старожильческой свадьбы, возможно его разделение на жанрово-стилевые комплексы. Оно учитывает типовые закономерности вербального, слогоритмического, звуковысотного параметров организации напевов, а также отражает признаки формы, жанра, содержания в их связи с условием и местом исполнения в обряде.

В процессе отбора и систематизации материала было выделено три жанрово-стилевых комплекса: *причетный, песенный* и *песенно-танцевальный* (видимо, точнее его можно было бы назвать *припевочный*). Каждый из них представляет собой некую целостность, объединяющую часть свадебного репертуара, для которой характерен определенный набор типовых признаков. На верхнем уровне иерархии может быть выде-

лен «*жанровый инвариант*» системы комплексов: причеть — песня — припевка[11].

Внутренняя структура жанрово-стилевого комплекса многоэлементна и иерархична, она содержит явления центрального (или ядрового) периферийного и переходного характера, взаимосвязь и взаимодействие которых определяют многообразие и сложность описываемых комплексов. Ядро, как правило, представлено большим числом конкретных образцов, наиболее ярко демонстрирующих общетипологические признаки жанрово-стилевого комплекса на всех уровнях организации напевов; периферийная часть обычно малочисленна. В таких образцах наблюдаются как общетипологические свойства (или некоторая их часть), присущие центральному ядру, так и дополнительные качества, характерные только для этой группы или репрезентирующие стилевые элементы других комплексов. Особую роль играют образцы переходного характера, которые позволяют связать между собой разные комплексы, объединить их в единую систему.

Свадебный фольклор русских старожилов Сибири принято относить к кругу причетно-песенных традиций[12]. Это связано главным образом с наличием целого комплекса разнохарактерных причитаний, что окрашивает обряд в «*драматические*», эмоционально-экспрессивные тона. Из всего многообразия известных по публикациям северно-русской свадьбы причетных форм[13], судя по опубликованным источникам и полевым материалам последних десятилетий, в Сибири на протяжении XX в. сохранялись в живой обрядовой, а позже — только в певческой практике несколько разновидностей причетного жанрово-стилевого комплекса.

---

[11] Идея жанрово-стилевых комплексов подсказана традиционной терминологией: известно, что носители ритуальной и певческой традиции различают песни и причитания. И. Шамаев отмечает, что у тобольских крестьян существует противопоставление двух рядов исполнительских определений: петь, опевать и причитать, выть, приговаривать (*Шамаев И.* Общий тип деревенской свадьбы в Тюкалинском уезде // Ежегодник Тобольск. губ. музея. — Тобольск, 1902. — Вып. XIII. — С. 11—14). М.Н. Костюрина обращает внимание на то, что, по выражению тех же тоболян, песни довенечного этапа свадьбы подруги невесты поют, на свадебном же пиру всех главных участников обряда опевают (*Костюрина М.Н.* Крестьянская свадьба в подгородных деревнях г. Тобольска // Ежегодник Тобольск. губ. музея. — Тобольск, 1898. — Вып. 9. — С. 4—6, 11—12). В. Плотников вместо опевать приводит припевать (*Плотников В.* Песни казаков сибирского казачьего войска // Зап. Семипалат. подотд. ЗСОРГО. — Семипалатинск, 1909. — Вып. IV. — С. 43 (6-я паг.)). Современные полевые исследования подтверждают подобное дифференцирование понятий и стоящих за ними жанровых сфер.

[12] *Мехнецов А.М.* Народно-песенная культура... — С. 19—21; *Леонова Н.В.* Фольклорные традиции... — С. 11—19.

[13] *Урсегова Н.А.* Проблема типологии северно-русских... — С. 25.

Это — *сольная причеть* (в алтайской, приангарской, томской традициях), *причетная песня* или *причеть-песня* (в алтайской, курганской, приангарской, тобольской) и *составные причетные композиции*, в которых сольная причеть налагается на звучание причетной песни (в алтайской и курганской). Последнее из отмеченных жанровых образований относится к разряду особых форм совместного пения, которые, как правило, маркируют определяющие в содержательном и стилевом отношении области локальной традиции[14].

Преобладающая часть сольных причитаний (№ 3, 18, 35, 49, 87, 92, 93, 94, 104, примеч. 72), составляющих ядро причетного жанрово-стилевого комплекса, исполнялась *невестой* (реже матерью *невесты*) и была обращена к различным участникам свадебного обряда. Словесные тексты причети в структурном отношении представляют собой двухударный тонический стих различной слоговой нормы (на уровне организации стиха/строки) и характерную тирадную композицию со сквозным построчным обновлением текста, который разделяется по смыслу на разновеликие строфы-тирады. Стиховая строка данной композиции соответствует однострочному напеву.

В сольном причитании преобладает строгослоговая мелодическая форма с варьированием от строки к строке звуковысотного контура и продолжительности звучания мелодического периода. Одна строка от другой отделяется с помощью межстрочной цезуры, функцию которой берет на себя музыкальная пауза. Показателем конца строки нередко являются также характерные «*говорковые*» тоны и словообрывы. В звуковысотной организации сольной причети центральное место занимают напевы с узкообъемными звукорядами, с квартовым, терцовым или секундовым соотношением основных ладовых опор, при этом каждая ступень звукоряда может быть функционально дифференцирована и значима. Ладо-мелодический рельеф сольной причети имеет ясно выраженную нисходящую направленность разомкнутого типа. Причетный тип звуковысотного рельефа реализуется в различных ладовых вариантах, отличающихся высотным положением опорных тонов в начале и конце напева (при устойчивом нисходящем соотношении тонов, координирующихся с двумя иктами стиховой строки).

Причеть-песня[15] образует переходную область причетного жанрово-стилевого комплекса (№ 7, 11, 33, 38, 63, 77, 108, 126, 211, 253 и др.).

---

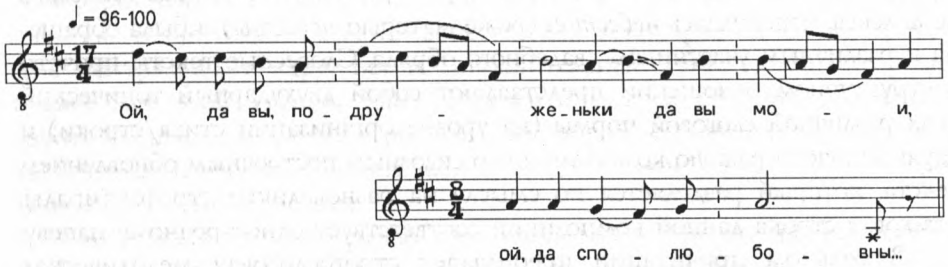
[14] *Енговатова М.А.* Особые формы совместного пения в русской народной культуре // Живая старина. — 1997. — № 2. — С. 50—54.

[15] В научной литературе данное явление определяется по-разному: «*хоровой причет*» (В.М. Щуров), «*коллективный причет*» или «*песенная форма причитывания подруг*» (А.М. Мехнецов), «*причетная песня*» (Б.Б. Ефименкова).

Образно-смысловое и эмоционально-психологическое ее содержание аналогично сольной причети, однако музыкально-ритмическая организация имеет ряд специфических черт:

1) стабильный мелодический контур и строфичность, т.е. членение словесно-музыкального текста на равновеликие фрагменты-строфы;

2) основополагающее значение мелодики, воздействующей на все уровни организации и особенно на ритмический склад;

Нотный пример I[16]

3) насыщенность мелодики внутрислоговыми распевами, динамика мелодического (певческого) развертывания диктует усложнение словесного текста, появление в структуре стиховой строки несмысловых вставок (частиц, огласовок согласных, колорирования гласных звуков), словоразрывов и словообрывов. Подобное *распевание* нередко приводит к образованию так называемых «*вторичных ритмических композиций*»[17] различной степени сложности.

Звуковысотная организация причетно-песенных напевов близка собственно причетным. К важнейшим объединяющим признакам следует отнести наличие причетного (нисходящего) типа ладо-мелодического рельефа, а также многоопорность ограниченных по объему звукорядных образований.

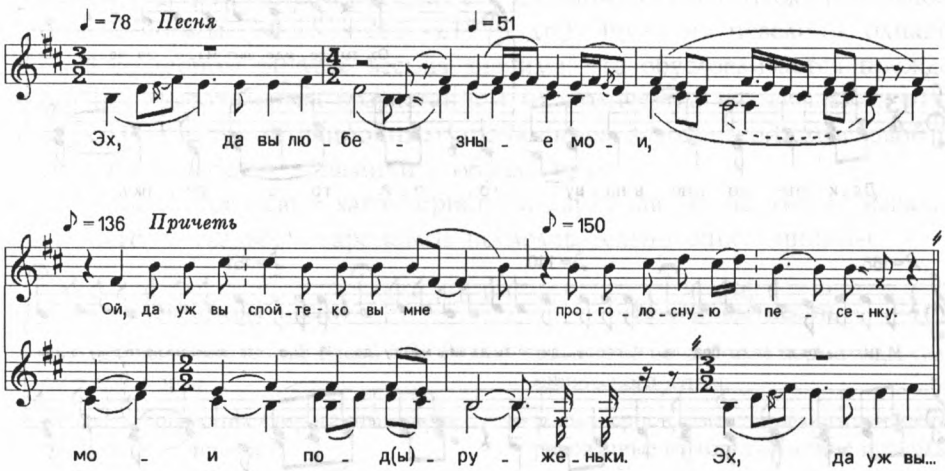
Периферию причетного жанрово-стилевого комплекса составляют образцы составных причетных композиций, сочетающие в одновременном звучании сольное и групповое причитания (№ 72, 107). Словесные

[16] Причитание невесты. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: Архив М.Н. Мельникова. Записала Г.А. Ивлева в 1973 г. в Новосибирске от П.С. Левиной, 63 л., ранее проживавшей в д. Нижняя Каменка Ордынского р-на Новосибирской обл., причитание узнала от матери, уроженки Томской губ. Нотирование Н.В. Леновой.

[17] *Ефименкова Б.Б.* Ритмика русских традиционных песен. — М., 1993. — С. 128—146.

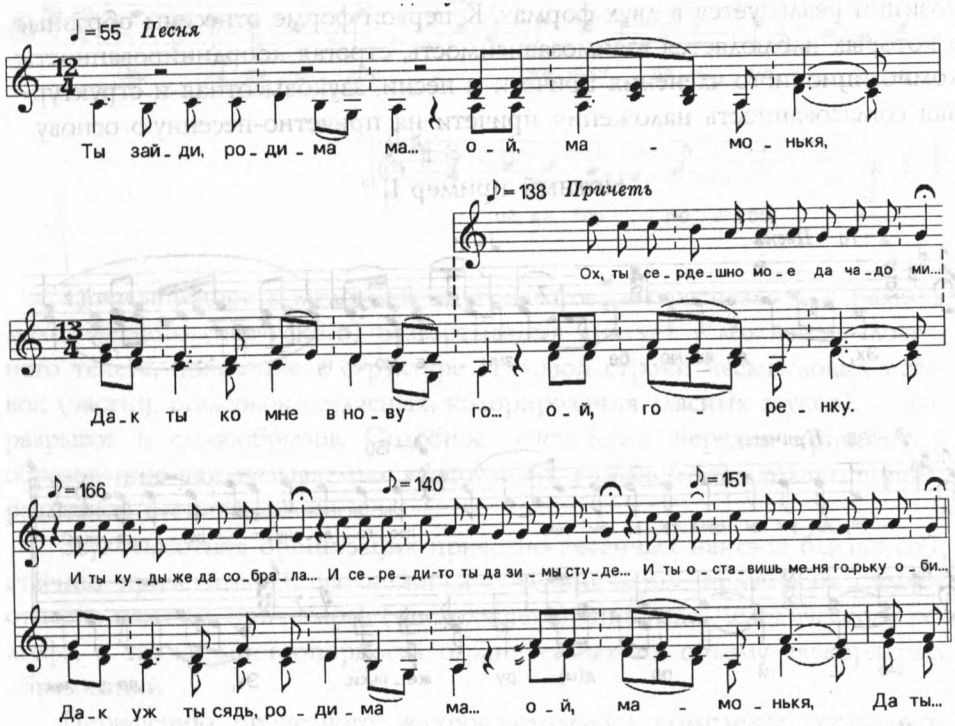
тексты, образующие подобную составную композицию, демонстрируют две разновидности их координации. В первой (*монологический тип координации*) сольная причеть и причетная песня опираются на один словесный текст, и повествование в обоих случаях ведется от лица *невесты.* Во второй (*диалогический тип координации*) сольная причеть и причетная песня имеют самостоятельные словесные тексты, при этом возможны как высказывания разных персонажей свадьбы (*невесты* в песне, а ее матери в причети), так и различные обращения *невесты*, выраженные сольным и групповым причитыванием.

Соотношение сольной причети и причетной песни в составной композиции реализуется в двух формах. К первой форме отнесены образцы, в которых наблюдается взаимозависимость, строгая координированность композиционного членения причети и песни, звуковысотная и структурная согласованность наложения причети на причетно-песенную основу.

Нотный пример II[18]

Ко второй форме относятся образцы, в которых присутствует более свободное соотношение причети и песни, проявляющееся главным образом в несовпадении их композиционного членения. Исполняющиеся

[18] Свадебный хоровой причет (причетная песня) с плачем невесты. Печатается по изданию: *Песни* Юж. Алтая, № 9 (нотный текст опубликован на внутренней стороне конвертов альбома грампластинок). Записан в 1982 г. в с. Зауба Глубоковского р-на Восточно-Казахстанской обл. от А.П. Тютюнковой (причитает), А.П. Ивановой, Е.А. Борисовой, В.Я. Тютюнковой.

одновременно сольная причеть и причетная песня обычно согласованы в звуковысотном отношении, т.е. имеют общий по высоте финальный опорный тон, но различны по мелодической организации и темпу певческого воспроизведения. Сольное причитание исполняется в быстром темпе («*часто*», по выражению носительниц традиции) и является образцом строго слоговой формы фольклорной мелодики; причетная песня разворачивается в медленном темпе, трансформируя в развитых распевах ясную ритмическую и мелодическую структуру причитания.

Нотный пример III[19]

[19] Причетная песня девушек с причитанием матери невесты. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А 43, № 126. Записал В.В. Асанов в 1985 г. в с. Яутла Шатровского р-на Курганской обл. от А.А. Коуровой (причитает), 1921 г. р., Е.К. Коркиной, 1918 г. р., М.А. Коркиной, 1927 г. р., В.Г. Коркиной, 1921 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой. Другой вариант этой же полижанровой композиции, записанный от тех же исполнителей, опубликован в основном корпусе свадебных текстов (№ 72).

Песенный жанрово-стилевой комплекс сибирской старожильческой свадьбы количественно объемен и разнообразен — охватывает несколько отличающихся друг от друга по ряду параметров песенных групп. Наиболее представительную по количеству образцов и самую показательную для свадьбы русско-сибирского типа группу составляют песенные неравномерно-сегментированные напевы, образовавшиеся на основе тонического стиха 8—9-слоговой структуры. Они занимают центральное место (ядро) в песенном жанрово-стилевом комплексе, концентрируя наиболее характерные свойства музыкального выражения *драматургической линии невесты* (№ 12, 25, 26, 29, 61, 85, 99, 105, 117, 139, 145, 152, 203 и др.). «*Невестины*»/*девьи* песни звучат на всех основных этапах преимущественно довенечной части свадебного обряда, существенно дополняя и обогащая музыкальную сферу причетного пласта.

Ядро оппозиционной системы песен *драматургической линии жениха* в пределах песенного жанрово-стилевого комплекса составляют цезурированные напевы, сочетающиеся с силлабическим стихом различной слоговой нормы (№ 162, 216—219 и др.). Число их невелико, однако роль в свадебном ритуале весьма значима, что обусловливается прежде всего последовательным возрастанием их количества на начальных этапах свадьбы и кульминационным проявлением заложенной смысловой и «*драматургической*» динамики в обряде *бранья*.

Основные стилевые характеристики двух главных партий музыкальной системы свадьбы старожилов последовательно оппозиционны:

Невестины песни	Жениховы песни
— двухударный тонический стих 7—8—9-слоговой нормы;	— различные по слоговой норме виды силлабического стиха;
— неравномерно-сегментированные слогоритмические периоды;	— равномерно-сегментированные и цезурированные слогоритмические периоды;
— нестрого слоговые формы песенной мелодики;	— преимущественно строго слоговые формы песенной мелодики;
— причетный (нисходящий) и песенный (восходящий) типы ладомелодического рельефа;	— причетный, песенный и припевочный (одновысотный) типы ладомелодического рельефа;
— ладофункциональная вариативность опорных тонов в пределах терцового комплекса I ступени	— наряду с ладофункциональной вариативностью в пределах терцового комплекса I ступени присутствует тенденция к выравниванию опорного мелодического значения комплексов I и II ступеней

К периферии песенного жанрово-стилевого комплекса можно отнести немногочисленные образцы напевов, опирающихся на полиструктурные формы стиха 10—11-слоговой нормы (№ 17, 28, 89, 150, 253 и др.). В подобных напевах гибко сочетаются два ритмических принципа — сегментирование и цезурирование, свойственные основным музыкальным явлениям песенного комплекса.

Напевы песенно-танцевального (припевочного) жанрово-стилевого комплекса представляют еще один важный музыкальный пласт русско-сибирской свадьбы. В нем доминирующее значение приобретает двигательное, моторно-динамическое начало. Исполнение большей части подобных песен сопровождается каким-либо действием, движением, приплясыванием, что организует и упорядочивает коллективное музицирование. По жанрово-этнографическим признакам образцы песенно-танцевального комплекса можно охарактеризовать как величальные и корильные песни, нестрого приуроченные к сходным ситуациям свадебной игры (*просватанье, вечерки, браньё, свадебный пир*) и неоднократно звучащие по ходу свадебного обряда. Лишь незначительная группа образцов этого комплекса обладает строгой приуроченностью, а следовательно, и единичностью исполнения по ходу свадебного обряда.

Ядро песенно-танцевального жанрово-стилевого комплекса составляют песенные образцы с отсечением и повторением концевой слоговой группы словесного текста (№ 60, 136, 173, 232, 242 и др.), а также песни, содержащие в своей структуре рефренные построения (№ 163, 178, 228, 297 и др.); периферию — немногочисленные песенные образцы иной, преимущественно двухстрочной структуры контрастного типа, в которых тем не менее также проявляются общетипологические черты песенно-танцевального жанрово-стилевого комплекса (№ 174, 176, 200, 295, 300 и др.).

Важнейшие признаки организации напевов припевочного типа наиболее ярко проявляются на музыкально-ритмическом уровне, отражающем то двигательное начало, то речевую акцентность. В музыкально-ритмической структуре песенных образцов главенствуют акцентная периодичность, метрическая и композиционная четкость, повторность отдельных структурных элементов как основной принцип организации целого, преобладание парного дробления основных единиц песенной формы.

Анализ музыкально-ритмического строения свадебных напевов песенно-танцевального жанрово-стилевого комплекса выявил ряд стилевых черт, присущих русским необрядовым хороводным и игровым песням.

Стилевое сходство песенно-танцевальных сфер обрядового и необрядового фольклора обеспечивается общей для них двигательной динамикой, которая выражается посредством акцентных стиховых структур, равномерно-сегментированных конструкций и типичных хороводных и плясовых ритмоформул. К примеру, в свадебных напевах встречаются такие «*знаковые*» для необрядового жанра хороводные структуры, как ритмоформула «*русского пятисложника*»[20]. Из плясовых формул распространение в свадебной мелодике приобрели модифицированные варианты *коломыечной* структуры (№ 273) и «Камаринской» (№ 176), кстати, весьма характерных для сибирской хороводно-игровой песни[21], а также так называемая «*плясовая формула*»[22].

Все вышеперечисленные ритмоструктуры образуют единую группу песенно-танцевальных ритмоформул, в которых метр является формообразующей основой. Такие ритмические структуры допускают значительную степень слогового варьирования при сохранении стабильного музыкально-временного объема. Варьирование ритмического рисунка в рамках ритмоформулы сводится к суммированию или дроблению исходных ритмических единиц.

Ритмоформулы танцевальной природы в напевах величальных, корильных и прочих песен припевочного жанрово-стилевого комплекса сочетаются с ритмическими образованиями иного характера. Они относятся к слогочислительным структурам с характерной для них стабильностью слоговой формы, существующей в условиях изменяющегося в некоторой степени временного пространства музыкального периода. Подобные ритмоформулы содержатся главным образом в рефренных построениях мелострофы. Слогочислительные ритмоформулы связывают свадебный мелос с календарно-обрядовыми песнями заклинательного характера, а сам принцип соединения акцентных, танцевальных по природе, и времяизмерительных ритмоформул в одном песенном напеве

---

[20] И. Земцовский определяет данную ритмоформулу как полижанровую, но обладающую значительной степенью танцевальной канонизированности; хороводы в данной ритмоформуле являются связующим звеном между календарными и свадебными песнями, так как «элементы хороводных наличествуют в песнях обеих жанровых групп» (*Земцовский И.* По следам веснянки из фортепианного концерта П. Чайковского: Историческая морфология народной песни. — Л., 1987. — С. 47).

[21] См.: *Щуров В.М.* Музыкальные особенности лирических, хороводных, игровых сибирских песен // Русские лирические песни Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1997. — С. 54. — (Памятники фольклора Сибири и Дальнего Востока; Т. 14).

[22] *Владыкина-Бачинская Н.М.* Музыкальный стиль русских хороводных песен. — М.: Музыка, 1976. — С. 56—59.

получил широкое распространение в календарной песенности сибирских старожилов и обладает чрезвычайно показательным жанровым и исходно-региональным контекстом[23].

Четкость, периодичность напевов песенно-танцевального комплекса обнаруживается и в собственно музыкальных, звуковысотных характеристиках. Повторность периодов песенной структуры способствует формированию особой конфигурации мелодического рельефа с одновысотным положением опорных в ладовом отношении точек мелострок.

Представленная выше классификация свадебного певческого репертуара сибирских старожилов позволяет организовать и упорядочить в сознании исследователя великое множество и разнообразие конкретных звуковых событий важнейшего семейно-обрядового ритуала. Она задает некоторые параметры песенных типов старожильческой свадьбы и границы их «интонационного поля» (И. Земцовский). Однако эта систематика требует нескольких дополнений и разъяснений, ее необходимо соотнести с разными уровнями организации свадебного ритуально-фольклорного комплекса.

Первое дополнение связано с функционально-драматургической интерпретацией предложенной классификации. Совершенно очевидно, что жанрово-стилевые комплексы по-разному ориентированы в действенном и персональном пространстве свадебного обряда. Причетный комплекс составляет основное содержание музыкальной сферы *невесты*, в то время как припевочный комплекс в подавляющем большинстве образцов связан с музыкальной сферой *жениха* (как и вся непоющаяся часть свадебного репертуара — наговоры, заговоры, присловья). Песенный жанрово-стилевой комплекс явно составен, членится на две неравные части. Большая часть песен как будто выросла из причети, развивает ее сюжетные и стилевые идеи в условиях самостоятельной песенной (строфической) формы — это «*невестины*» песни, т.е. песни-состояния, концентрирующие внимание на одной участнице ритуала. Меньшая часть — «*жениховы*» песни, которые многими содержательными и стилевыми признаками связаны с припевочным комплексом, в них заключена двигательная энергия, координирующаяся с акциональным рядом ритуала.

---

[23] *Леонова Н.В.* Музыкальные и исполнительские особенности русских календарных песен Сибири // Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни. Заговоры. — Новосибирск, 1997. — С. 36—37, 41—43. — (Памятники фольклора Сибири и Дальнего Востока; Т. 13); *Она же.* Сибирские календарные напевы в контексте европейско-русских вариантов // Вопросы музыкознания / Сост. Б.А. Шиндин. — Новосибирск, 1999. — С. 179—189.

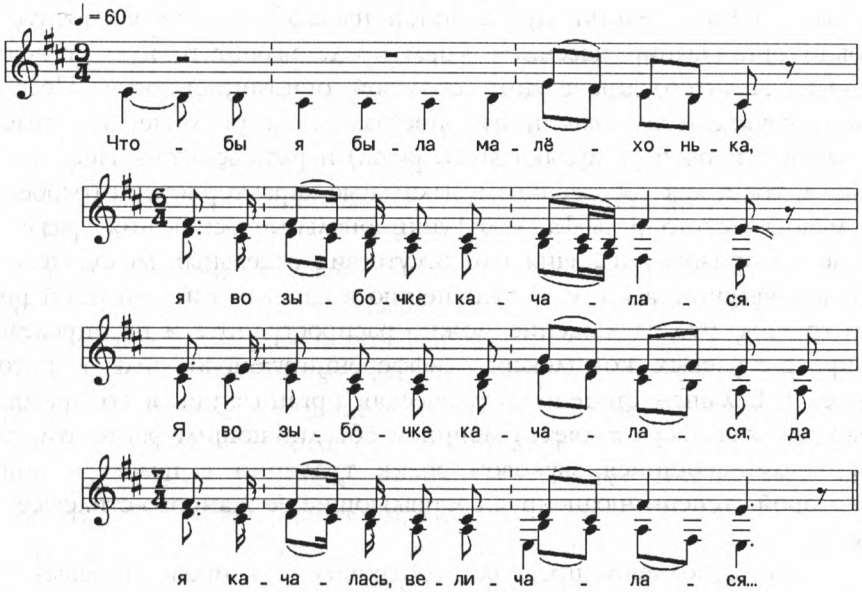
Кроме того, следует заметить, что жених в своих песнях — это представитель игровой партии, *свадебного поезда*, рода-племени, а не моноперсона, подобно *невесте*.

Общее движение жанрово-стилевых форм, сопровождающих обряд и воплощающих его смысловые доминанты, целенаправленно — от преобладания причетности на начальной стадии через развитое и многообразное песенное пространство (с кульминационным сопряжением песен двух сторон ритуальной оппозиции в обряде *бранья*) к главенству припевок и опеваний на *свадебном пиру*.

Второе дополнение касается стилевых оснований классификации. Исходя из информации, приведенной на с. 39, можно заключить, что уровни организации песенных форм представляют разную степень (и разный характер) проявления стилевой оппозиционности. Песенные сферы *жениха* и *невесты* противопоставлены по ритмическим (имеется в виду и стиховой, и музыкальный ритм) и ритмосинтаксическим признакам, тогда как собственно музыкальные характеристики (особенности мелодического рельефа, ладофункциональные основания) различают их не по признаку наличия или отсутствия отдельных мелодических и ладовых явлений, а по их соотношению в напевах той или иной песенной группы. Это наблюдение можно распространить и на определение жанрово-стилевых комплексов, дифференцирующую роль в которых играет в большей степени ритмическая организация, в то время как мелодическая сфера является мощным объединяющим фактором, создавая запоминающийся звуковой облик традиции в целом и лишь в некоторой степени нюансируя составляющие ее жанрово-стилевые комплексы.

Третье дополнение проясняет соотношение жанрово-стилевых комплексов (музыковедческая классификация) с жанрами и сюжетными группами свадебных песен (филологическая классификация). Строгой координации в отношениях двух типов разделения одного массива в данном случае, как и во многих других, не наблюдается. Величальные песни могут реализоваться в песенной и припевочной форме, ритуальные тексты — во всех трех, включая и причетную. Это легко продемонстрировать на односюжетных вариантах. Ритуальная благословительная песня «*Не верба́ в поле шатается*» / «*Купорыслое дре... древо клони...тся*» в локтинском (№ 250) и тобольском (№ 253) вариантах являет все признаки причетной песни, т.е. песенные варианты реализуются в системе причетного жанрово-стилевого комплекса, а томский образец (№ 252) совершенно определенно может быть отнесен к песенному комплексу.

Еще более показательным примером разностилевого функционирования песенного сюжета является песня «*Да вы, любезныя мои подруженьки*». Ее южноалтайская стилевая версия (см. нотный пример II) представляет собой составную композицию монологического типа, где один и тот же словесный текст причитывается *невестой* и пропевается ее подружками, при этом сольная причеть накладывается на причетную песню. Сюжетно близкий тюменский вариант по музыкально-стилевым характеристикам напоминает, скорее, величальную припевку:

Нотный пример IV[24]

Поиски причин подобных стилевых метаморфоз приводят к необходимости локальной характеристики собранного в корпусе материала, чему посвящено четвертое дополнение. Русско-сибирская старожильческая свадьба представляет собой целостное явление по основам своего устройства, однако об особенностях жанрово-стилевого и исполнительского характера этого сказать нельзя. Составляющие ее локальные сибирские традиции обладают своеобразием, которое на первый взгляд заклю-

[24] Песня. Печатается по изданию: Демина II, № 13. Записана фольклорно-этнографической экспедицией Тюменского училища искусств под рук. Л.В. Деминой в 1993—1994 гг. в д. Гаёва Исетского р-на Тюменской обл. от Г.М. Колесовой, 1936 г. р., З.К. Ушаковой, 1932 г. р., Н.А. Зуевой, 1932 г. р.

чается в составе жанрово-стилевых форм. Так, составные композиции причетного комплекса к настоящему времени обнаружены только в алтайской и зауральской традициях, а в приангарском репертуаре не зафиксированы припевки. Подобное отклонение от обобщенной схемы можно объяснить как современным разрушенным состоянием обрядовой традиции, так и недостаточной настойчивостью собирателей, не завершивших полное описание репертуара.

Гораздо более значимым фактором в пользу своеобразия локальных традиций следует считать индивидуальную интерпретацию общетиповых схем жанрово-стилевых комплексов в пределах широкого поля возможных конкретных реализаций и под воздействием конкретной фольклорной ситуации. Так, тобольская певческая традиция, в которой свадебные, круговые и игровые песни занимают центральное место[25], отличается от алтайской и особенно от приангарской локальных версий, в которых мощное, определяющее в стилевом отношении значение приобрела развитая практика протяжного пения[26]. «*Крутая*» и «*пологая*», по выражению носителей и знатоков традиции, манеры пения разделяют свадебный репертуар данных традиций очевиднее, нежели состав сюжетов и жанров.

К сожалению, ряд локальных версий русских первопоселенцев Сибири недоступен музыковедческому изучению из-за крайней ограниченности аудио- или даже нотных источников. Судя по образцам, опубликованным Т.С. Шенталинской, совершенно уникальным явлением в музыкально-фольклорной системе Сибири была песенная традиция русских жителей северо-востока региона[27], к настоящему времени исчезнувшая с его культурной карты. То же самое относится и к свадебному репертуару, к примеру, семейских Забайкалья и сибирских казаков, истаявшему на протяжении XX в.

Наряду с наиболее привлекательной для исследователей свадебной традицией русских старожилов, обладающей значительным своеобра-

---

[25] В начале XX столетия, отмечая «*особенный колорит*» местных песен тобольского Севера, В.В. Бартенев писал, что «*обдорские напевы — очень определенные, простые, ясные. Музыкальная фразировка простая и законченная, мотив всегда отчетливо выражен и почти всегда очень музыкален*» (см.: *Бартенев В.В.* Обдорские песни... — С. 673).

[26] О связи протяжных песен с семейными обрядами в Приангарье и о типах протяжного пения в Кежемском и Богучанском районах Красноярского края на основании полевых исследований 1980-х гг. пишет Л.А. Мухомедшина (*Мухомедшина Л.А.* Традиция протяжных песен... — С. 146—155).

[27] *Шенталинская Т.С.* Марковские вечерки: (Русские народные песни). — Магадан, 1983.

зием и цельностью, в Сибири бытует множество различных новопоселенческих свадебных фольклорно-этнографических комплексов, появившихся на территории региона на рубеже XIX и XX вв. Многие из них активно функционировали еще в 1950—1960-е гг. По обрядовому и фольклорному содержанию они значительно отличаются от старожильческих прежде всего тем, что относятся к иному, праздничному, типу ритуала. Наиболее активные и жизнестойкие сибирские версии в полном объеме воспроизводят функциональные и стилевые составляющие исходных европейско-русских традиций. Песням и описанию курского свадебного обряда, зафиксированного на Дальнем Востоке, посвящено дополнение I, отдельные новопоселенческие песни включены в состав текстового корпуса (№ 15, 40, 45, 163 и др.). Кроме этого, все интересующиеся могут обратиться к публикациям и звукозаписям свадебного фольклора отдельных локальных традиций сибирских новопоселенцев[28].

Н.В. Леонова, Н.А. Урсегова

* * *

При отборе нотированных образцов для включения в настоящий том составитель-музыковед руководствовался необходимостью представления в возможном разнообразии функциональных, жанровых, стилевых и локальных форм прежде всего музыкально-фольклорного комплекса свадьбы русских старожилов Сибири. Пестрота источников (нотировки, выполненные по аудиозаписи, материалы, опубликованные на протяжении значительного временного периода, содержащие среди прочих слуховые записи) потребовала предварительной аналитической работы и редактирования на ее основе повторно публикуемых нотировок. При этом использовался опыт, приобретенный в ходе подготовки тома серии по календарно-обрядовому фольклору[29].

---

[28] *Прозвицкая Л.И., Мельников М.Н.* Смоленские свадебные традиции в Сибири // Сибирский фольклор. — Новосибирск, 1976. — Вып. 3. — С. 119—164; *Захарченко В.Г., Мельников М.Н.* Свадьба Обско-Иртышского междуречья... — С. 41—49 (свадебный обряд с. Гжатск Куйбышевского р-на — смоленская традиция); С. 30—40 (свадебный обряд и песни с. Покровка Усть-Таркского р-на — рязанская традиция); *Традиционный* песенный фольклор Западной Сибири. Фольклорный ансамбль села Мышланка Сузунского района Новосибирской области. — Л.: Мелодия, 1987. — С. 20 25207/0806 (воронежская традиция); *Похабов В.Ф.* Культурное наследие русских Кузбасса... (материал по взаимодействию западно-, южно-русских и старожильческих свадебных традиций); *Демина Л.В.* Фольклорно-этнографический комплекс новопоселенческой свадьбы Западной Сибири. — Тюмень, 2001.

[29] *Леонова Н.В.* Музыкальные и исполнительские особенности... — С. 45.

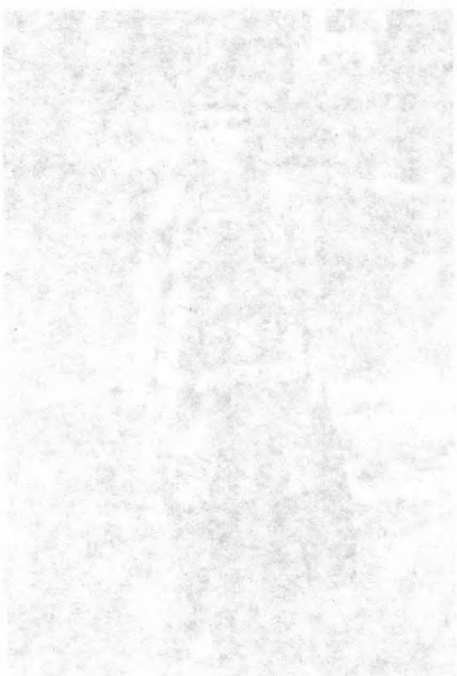
В заключение хочется выразить глубочайшую признательность коллегам, фольклористам-сибирякам, бескорыстно предоставившим в распоряжение составителя результаты своего труда — аудиоматериалы и нотировки, что позволило подготовить музыкальную часть тома, соответствующую уровню современных представлений о русско-сибирской свадьбе: Л.К. Антиповой (Средняя специальная музыкальная школа-лицей при Новосибирской государственной консерватории (академии) им. М.И. Глинки), В.В. Асанову (Новосибирский областной центр русского фольклора и этнографии), В.Ю. Багринцевой (Сибирский культурный центр, г. Омск), В.И. Бодровой (Алтайский краевой центр фольклора и народных ремесел, ныне Отдел возрождения русской традиционной культуры Государственного художественного музея Алтайского края, г. Барнаул), Л.В. Деминой (Тюменское училище искусств), Н.С. Индан (Новосибирский областной колледж культуры и искусств), Т.Г. Леоновой (Омский государственный педагогический университет), Н.А. Новоселовой (Красноярский государственный педагогический университет), В.Ф. Похабову (Русский культурный центр, г. Кемерово), Н.М. Соколовой (Новосибирск), Е.Л. Фукс (Кемеровский музыкальный колледж), а также Е.Ф. Фурсовой (Институт археологии и этнографии СО РАН) за содействие в поисках иллюстративного материала.

Особую благодарность составитель приносит Е.К. Мельниковой за предоставленную возможность работы с «домашней» частью коллекции ушедшего из жизни сибирского фольклориста М.Н. Мельникова; сотруднику Государственного архива Новосибирской области Е.А. Мамонтовой, способствовавшей работе с частью фольклорного архива Новосибирского государственного педагогического университета, переданной на государственное хранение (фонд Мельникова), а также Э.Е. Алексееву и Б.И. Рабиновичу, оказавшим неоценимую помощь в деле освоения принципов редактирования нотного материала и подготовки его к изданию.

Составитель выражает признательность сотрудникам сектора фольклора народов Сибири ИФЛ СО РАН О.В. Федюковой и К.А. Сагалаеву, осуществившим компьютерный набор рукописи тома.

Н.В. Леонова

ТЕКСТЫ



ПРОСВАТАНЬЕ

Русская традиционная свадьба в Сибири конца XIX — первой половины XX в. начиналась просватаньем и продолжалась от трех-семи дней до трех-четырех недель. Как правило, свадьбы «*гулялись*» осенью до Крещения, сразу после уборки урожая. В Забайкалье среди старообрядцев и сегодня жива поговорка: «*Крест на воду — жених на гору*» (Юмсунова). В Западной Сибири «женихи наезжают в Миколу, а венчание обычно в Крещение. Заканчиваются свадьбы перед Масленицей» (по записям Л.А. Мухомедшиной, 1980, 1984, 1987 гг.).

Семейские Забайкалья. Девушка в традиционном костюме. *Фото В.Т. Новикова.*

Первому свадебному обряду предшествовал выбор *невесты*, который за редким исключением осуществлялся родителями *жениха*. При выборе главное внимание обращалось не на достаток семьи, а на трудолюбие и умения девушки (рукодельница ли?).

Брачный возраст в Сибири устанавливался в 16—19 лет для девушки и 18—25 — для парня. Нередко *невесту* брали из другой деревни. В таком случае через родственников или знакомых узнавали все о ней и ее семье; присматривались к ней по приметам. «Невест

высматривали за столом. Если во время еды серьги у нее трясутся, а еще лучше ходуном ходят, то жена будет расторопная, везде успеет, понесет дом на своих плечах» (Федорова). Пословица: «Наша невеста не по бору ходила, не юбкой трясла, а шишки сбирала да кро́сна ткала».

В сибирских районах в роли сватов выступали разные люди. В селах Приморья и Приамурья еще до середины XX в. широко пользовались услугами *профессиональных свах*, хорошо знавших все основные обряды свадебной игры и правила действий и умевших так представить достоинства *жениха* и его семьи, что родители соглашались выдать дочь замуж вопреки своему первоначальному желанию отказать. Свахи свободно владели приемами иносказательной речи, разбирались во всех приметах и поэтических символах. Еще в конце XX в. встречались замечательные знатоки и умельцы вести свадьбу, например, Анна Григорьевна Соломенцева (с. Муравейка Анучинского р-на Приморского края), которая в 1970-е гг. приглашалась на свадьбы жителями своего и окрестных сел в качестве свахи и распорядителя.

В Восточной Сибири, судя по имеющимся записям свадебного обряда, *профессиональные свахи* не были столь распространены: сватовство здесь не являлось ремеслом. В этой роли чаще выступали родители жениха или мать с крестным молодого. Во многих селах Западной Сибири родители редко принимали участие в этом обряде, чаще сватали дядя, брат и крестный (обязательно нечетное число).

В Западной и Восточной Сибири сватовство проходило трижды, так как родители девушки не торопились «*сбыть товар*»: «*набивали цену*». Первый раз сваты появлялись тайком спозаранку (Майнов, Мельников, Потанина, Мухомедшина, Юмсунова). «Первый раз могли появиться затемно и тихо (крадучи), чтоб никто не мог помешать. Про первое сватовство никто из посторонних не должен был знать: родителей девушки могли отговорить от этих сватов (расхулить). Невесту старались выбрать по родове» (Юмсунова). Если родители не хотели отдавать, отказывали сразу категорически: «Не ходите напрасно и следу не мерьте» (Розенбаум, Мельников, Майнов, Потанина). Отказ сопровождался символическим действием, подчеркивающим их непреклонность: демонстративно не предлагали войти, не приглашали к столу и не принимали принесенное вино.

Для благополучного исхода задуманного дела *сваты* совершали ряд необходимых, по их мнению, традиционных действий, диктовавшихся правилами свадебной игры: садились только под *матицу* («*матку*», «*балку*») и только на ту скамью, которая расположена по длине пола; не садились по первому приглашению. Кроме общепринятых обычаев в каждом районе и даже селе были еще и сугубо локальные приметы.

Так, у казаков Забайкалья *сваты* при входе в дом должны были перевернуть вверх дном ступку с приговором: «*Брошу тут без дна, будут отец и мать без ума*» (Логиновский, с. 3). *Жених* должен сесть у порога, «*а коли в другом каком месте, то значит не жених пришел*» (Юмсунова).

Сваты должны были до трех раз возвращаться в дом и каждый раз, выходя, незаметно пинать порог (Чит. сб., с. 231). В ангарских деревнях из дома *невесты* воровалась вехотка, которую родители прятали, если не хотели отдавать дочь замуж (Розенбаум). «В некоторых селах сваха, входя на крыльцо невесты, ступала на первую ступень непременно правой ногой, говоря:

Как нога моя стоит твердо и крепко,
так слово мое будет твердо и лепко;
тверже камня, лепче клею и серы (сосновой),
острее булатного ножа;
что задумано да исполнится.

Следуя далее, она шагает через порог непременно прежде правою ногою» (Гуляев, с. 2).

Сваты начинали разговор издалека и «*туманно*». Поговорив о погоде, о хозяйственных делах, приступали к переговорам, которые, как правило, вели в иносказательной форме, используя традиционные формулы, вернее, сохранившуюся их часть (в Сибири повсеместно): «*У вас курочка, а у нас кочеток — нельзя ли их свести вместе на один шесток?*», «*Не забегала ли к вам наша курица, мы за нее выкуп дали бы*», «*У вас товар, а у нас купец...*».

В 1980-е гг. в Курганской области были зафиксированы оригинальные формулы сватовства:

У нас топор востер,
У вас дров костер.
Нельзя ли нашим топором
Ваши дрова порубить?

Бытовал и другой приговор *сватов*:

У нас топор,
У вас березка.
Нельзя ли вашу березку
Нашим топором срубить?

(из личного архива В.П. Федоровой)

Произнеся такую формулу, сваты просили показать *товар* и неумеренно хвалили богатство и красоту их *купца*.

В Восточной Сибири часто приступали прямо к разговору о цели прихода. Сваха, улучив свободную минуту, с поклоном, говорила: «*Я пришла к вам не пиры пировать, не столы столовать, а с добрым делом, со сватаньем*», «*Мы пришли к вам с добрым делом, со сватаньем*» (Гуляев, Логиновский, Майнов, Красноженова, Швецова, Шамаев, Потанина и др.).

В Сибири широко бытовали иносказания о *ярочке* и *барашке*, о *курочке* и *кочетке*, о *телочке* и *бычке* — «*У вас телочка, а у нас бычок, нельзя ли их вместе свести да честь-честью семью завести?*» (Мельников, Белослюдов, Юмсунова, Потанина). В кулундинских селах *сватовство* нередко начинают поэтическим присловьем:

Ехали мы, ехали,
Сто верст проехали!
Искали пару нашему соколу,
Но такой, как в вашем окне,
Не нашли нигде.

Во время сватовства девушка находилась в другой комнате (или за печью). Если родители не отказывали *сватам*, то к следующему их приходу *невеста* собирала у себя подруг, с которыми сидела в другой комнате во время переговоров. Когда она уже была просватана, ее приглашали в комнату и просили сказать свое слово. Чаще это было формально, так как ее судьба была решена родителями. Если *невеста* не хотела идти за парня, то обычно прибегала к использованию народных примет, веря в их оградительное свойство: она не мигая смотрела на матицу, прятала вехотку и т.п. В случае отказа она нередко уходила из дома к подруге. Если же была согласна, то уходила в куть и начинала громко плакать. В селах, расположенных по р. Ангаре, девушка свой отказ сопровождала строками из народной песни:

Ты на что свечи затепливаешь?
Кто это плакать будет?
Я не пойду и плакать не стану.

(Розенбаум)

В Приамурье и Приморье она в знак согласия разрезала хлеб, принесенный сватами.

В Забайкалье сватовство закреплялось обычаем: *невеста* давала *жениху* в залог верности данному слову какую-нибудь дорогую для нее вещь. «*Жених у нявесты задатки возьметь, значит усе, свадьба скоро*» (Юмсунова).

Расторгать договор о браке («*рушить венцы*») в Восточной Сибири считалось позором для обеих сторон (Майнов, Кашин, Кривошапкин,

Осипов, Мельников, Потанина и др.), а у забайкальских семейских считалось еще и грехом (Юмсунова).

Получив согласие девушки и родителей, *сваты* договаривалась с последними о дне *рукобитья* и *смотрин* (где эти обряды еще были), устанавливали размер калыма (где существовал этот обычай), который редко брали деньгами, а чаще в виде вина и подарков *невесте*. В это же время договаривалась о дне свадьбы.

В Западной Сибири до 90-х гг. XX столетия помнили обычай носить после просватания «*куст*» — убор *невесты* из ткани и лент. Из ткани сворачивался валик шириной 10—11 см, толщиной 3 см. Валик в центре обвязывают полоской ткани несколько раз, затем делают петлю около 4 см, концы петли крепко связывают на несколько узлов, в образовавшуюся петлю протягивают ленты, сгибая их в центре; длина ленты не менее 1 м. Изнутри к валику прикреплялась *косоплетка* (ленты или полоса из ткани), ее плели в косу от самого основания. Валик оказывался с внутренней стороны косы и служил распоркой; ленты были ярким хвостом. На «*куст*» должно идти 10—20 лент. *Невеста* начинала носить его сразу же после сватовства все дни до венчания; на улице ленты выкладывались поверх шубы или жакетки (по зап. Мухомедшиной от Н.К. Брюхановой в 1984 г. в р.ц. Кежма Красноярского края). По замечанию собирателя аналогичный «*куст*» хранится в коллекции А.А. Макаренко в Русском отделе Музея этнографии (Санкт-Петербург).

Удачное *сватовство* завершалось выпивкой («*запивкой*», «*пропоинами*»). *Сваты* выставляли привезенное вино или пиво, хозяева накрывали на стол. Просватанная девушка плакала и причитала в кути, а ее подруги пели свадебные песни. В песнях говорилось о *рукобитье*, о расставании с отчим домом, в некоторых звучала просьба к отцу-матери не давать *сватам* согласия, не пропивать ее, так как она еще не выросла, не нажилась дома с родителями. Подруги от ее имени просили не сдаваться на «*лестливые*» уговоры *сватов*.

Не сдавайся, мой родимый батюшка,
Ни на рюмочку сладкой водочки,
Ни на чарочку наливочки.

В Западной Сибири *сваты* уходили после удачного дела, но возвращались и пели:

А у нашего свата
Кругом хаты мята,
А в хате богато.

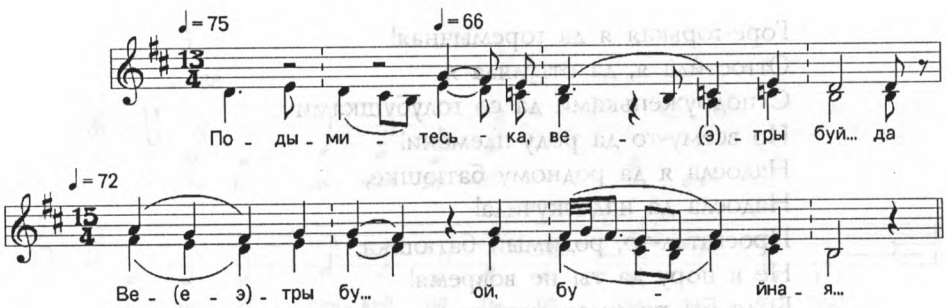
А у нашего свата
Кругом хаты елья,
А в хате веселье.

(Мельников, тетр. 304, № 1)

Эта песня, как и название свадьбы (*«веселье»*), заимствована русскими сибиряками от белорусов, с которыми они долгое время соседствовали.

В Сибири *просватанье* не везде сопровождалось пением песен. На Дальнем Востоке в этом обряде песен не было вовсе. В Восточной Сибири, в частности среди бывших староверов, был обычай после *просватанья* уводить *невесту* в дом *жениха*, где она оставалась вплоть до венчания, изредка появляясь в доме своих родителей с подругами для совершения необходимых свадебных ритуалов. В таком случае *просватанье* пением не сопровождалось. Это — результат трансформации традиционной свадьбы в Сибири, где наблюдалось стремление к сокращению сроков свадебной игры за счет исключения некоторых эпизодов, не нарушающих общего рисунка всей свадьбы.

Если у *невесты* не было матери или отца, она в окружении близких незамужних подруг ходила на могилу и «голосила» причеты *невесты-сироты*; они с небольшими вариациями исполнялись ею или подругами во всех ритуалах (перед *баней*, во время *прощания с кра́сотой*, *расплетания косы*, неоднократно во время *девичника*). Начало причета во всех известных вариантах близко следующему, записанному В.В. Асановым в 1985 г. в с. Головное Лебяжьевского р-на Курганской обл. от М.С. Федоровой, 1908 г. р. и В.Н. Ивановой, 1913 г. р. Нотирование Н.В. Леоновой: АТМ, А 43, МК2-12.

Нотный пример V

Подымитесь-ка, ветры буй...
Да ветры бу... ой, буйная.
Со громами со грому...(й),
Да со грому... громучими.
С молоньями вы со палю...(й),
Да со палю... палючими.
Вы пролейте да часты до...(й)
Да часты до... ой, дожжечки.

Промочите да мать сыру...(й),
Да мать сыру, сыру землю.
Промочите вы гробову (й),
Да гробовую, ...бову доску.

В этом эпизоде свадьбы не было песен, строго прикрепленных к конкретным обрядовым ритуалам, поэтому часто исполнялись песни, обязательные на *рукобитье*, на *прощание с крáсотой* и др.

В XIX — первой половине XX в. в Восточной Сибири были нередки браки «*убегом*», когда *жених* тайком уводил *невесту* к себе в дом. В таком случае не было ни *сватовства*, ни свадьбы. Чаще свадьбы «*убегом*» совершались по экономическим соображениям, а родители молодых тайно договаривались между собой. Иногда *невеста* сама убегала с «*любым*», если ее отдавали за другого. Через некоторое время (иногда только на 10—11 попытку) они получали родительское прощенье. Если брак «*убегом*» не был заранее спланирован родителями по экономическим причинам, играли свадьбу.

Удачное сватовство продолжалось молодежью на улице: катанье на тройках с веселыми песнями, шутками.

В данном разделе помещены песни, исполнявшиеся на традиционной свадьбе в Сибири во время *просватанья* и на *хлебосолье*, логически завершавшем собственно сватовство.

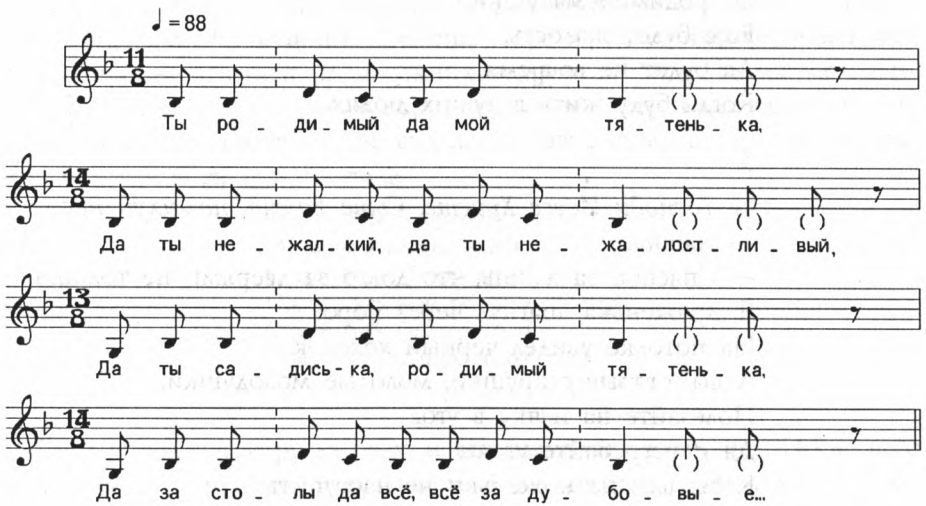
1

Горе-горькая я да горемычная!
Оттостила я, да отгуляла я
С подруженьками да со голубушками
По всему-то да роду-племени!
Надоела я да родному батюшке,
Надоела да надоскучила!
Просватал-то, родимый батюшка,
Не в пору да ты не вовремя!
Была бы родимая матушка,
Не запросватала бы, не запоручила!
Пожалела бы родимая матушка
Что меня да горе-горькую.

2

Ты родима моя мамонька,
Ходишь ты на великих-больших радостях,

Ты не слышишь под собою ножки резвые,
Ты не видишь пред собою ручки белые,
Выживаешь ты, родима мамонька,
Как черную змею из поля,
Так меня, молодешеньку,
Из темной кути-занавесы.
Надоела я вам, надокучила.
Но вспомянешь меня, родима мамонька,
Не в час меня, не во времячко:
Пройдет лето красное,
Наступит зима холодная,
Призастынут реки быстрые
Ледочком синеньким;
Ты пойдешь, родима мамонька,
На тихой Дунай с рубашками,
Приморозишь ты руки белые
Ко ледочку ко синему,
Прищиплет твои ручки белые
Ко валечку ко дубовому,
Тут спомянешь меня, родима мамонька:
— Как было бы мое дитятко,
Моя дочь любезная,
Заменила бы меня при старости-древности.

3

Ты родимый да мой тятенька,
Да ты нежалкий, да ты нежалостливый,
Да ты садись-ка, родимый тятенька,
Да за столы да всё, всё за дубовые,
Да за скатерки да шиты-браные.
К тебе катится, родимый тятенька,
Да тебе пища-то да все медовая,
Тебе хлебушко да ведь все сахарный.
Да сгоняешь ты, родимый тятенька,
Да серу уточку да со болотинки,
Черного ворона да со поскотинки,
Да ты нежалкий, да ты нежалостливый.

4

Ты родимая матушка!
У тебя сердце каменно,
Во булате сковано,
Во ларец положено,
За тремя замками замкнуто,
За тремя за немецкими,
И ключи-то в море спущены.
Не сплывать-то тем ключам
Со дна моря синего —
Не дождаться мне-ка жалости
От родимой матушки.
Еще будет жалость,
Да будет не вовремя,
Когда буду жить в чужих людях.

5

— *Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас.*
— *Аминь.*
— Спасибо за аминь, что долго за дверями не томили.
Я, друженька, шагнул через порог,
На потолке увидел черный хохолок.
А вы, старые старушки, молодые молодушки,
Полезайте на печку в угол
Да перегребайте уголь,
Кабы вам на ноженьки не наступить

Да за титечки не ухватить.
Как сваты сватали, пиво-вино пили —
При том деле окольные люди были.
А мы, друженьки, засыльные люди были.
Жива ли ваша княгиня молодая?
— Жива!
— А наш князь молодой остался в чистом поле,
Широком раздолье.
Стоит он на вороных конях, на шелковых коврах,
Под белой березой.
Бьет он гусей-лебедей и серых уток,
Себе кушанье на обед пасет.
А вы, сват и сватушка, на наш обед не надейтесь,
У Бога милости просите, да свой припасите.
Коням — сена по копне, овса по зобне,
На стол — хлеба каравай,
И я, друженька, больше ничего не знаю.

РУКОБИТЬЕ

Рукобитье (*обрученье*, *зарученье*, *пропоины*) в большинстве районов Сибири совершалось через несколько дней после *просватанья*, сразу или на следующий день после *смотрин* (где они были), реже — до *смотрин*, в тот же вечер, как просватают. На *рукобитье* закрепляли договор о женитьбе и «*пропивали*» *невесту*. Обряд совершался в доме *невесты*, куда приглашали ближайших с обеих сторон родственников, в некоторых районах — девушек (незамужних подруг *невесты*). Когда все собирались, ее отец «*затепливал*» перед иконами свечу и посылал сына за сестрой-*невестой* в куть, где та сидела на лавке. Девушка падала вошедшему брату в ноги и причитала:

Родимый мой братец!
Не могу я встать-подняться
С обручатой белой лавочки.
Подсеклись мои резвы ноженьки,
Опустились белы рученьки,
Покатилась с плеч головушка.

(Белослюдов, с. 3)

Брат выводил сестру за руку, и все безмолвно молились. После чего ее отец, взяв в правую руку платок (или деньги), брал правые руки

жениха и *невесты* и говорил *жениху*: «*Вот вам мое дитя, будьте уверены в моем дите*» или «*Поил, кормил и растил я для себя свою дочь, теперь поите, кормите, учите ее для себя*» (по Логиновскому). Староверы Забайкалья часто при этом произносили: «*Поите, учите, кормите и одевайте наше дитя, не обижайте*», а дочери — «*Почитай мужа и его родителей, слушайся его во всем*».

После обращения к *жениху* и *невесте* родители первого разбивали их руки со словами: «*Благослови, Господи, в добрый час*», затем снова молились и поздравляли друг друга с «*начатым делом*». Иногда договор скрепляли не *жених* и *невеста*, а их родители, руки которых разбивали близкие родственники.

Чаще в *рукобитье* участвовали *сват жениха* (или его крестный) и отец *невесты*. Устный договор об условиях свадьбы скреплялся *рукобитьем*. *Сват* (крестный) *жениха* правую руку накрывал платком или деньгами, отец *невесты* правой рукой крепко жал руку через платок (деньги). Их разбивали, платок (деньги) оказывались у отца *невесты*.

После завершения обряда подруги *невесты* пели «*Не полати-то грянули*» или «*Не шелковая ниточка к стенке льнет*». После описанной церемонии девушка снова уходила в куть, все садились за стол на свои места. Теперь ее выводила мать, подводила к *жениху* и говорила: «*Вот тебе суженая-ряженая, прошу любить да жаловать*». Он в ответ кланялся, брал *невесту* за руку, целовал и сажал возле себя. Начиналось угощение. В некоторых районах девушка не садилась за стол, а в продолжение всего вечера плакала и причитала в кути.

Во время угощения *невеста* одаривала *свата*, он обязательно отдаривался деньгами. На *рукобитье* вносилась и часть калыма. На Ангаре калыма не было: если дело шло на лад, то *сват* ставил водку и поил родителей *невесты*; если хотел, чтобы дело было повернее, то просил невесту: «*не будет ли ее милости чем-нибудь подарить жениха*». И если та дарила платок или полотенце, то сват отдаривался деньгами, причем сумма отдаривания зависела от достатка. Это называлось «*обзадачиваньем*» (по Майнову).

В некоторых сибирских регионах (по р. Ингоде и в окрестностях Читы (по Логиновскому), в Барабе (по наблюдениям Мельникова)) обряд *рукобитья* имел как бы два этапа: *рукобитье* и *зарученье*. Здесь во время *рукобитья* не заручали *невесту*, а лишь определяли окончательно день свадьбы и в знак последнего решения молились перед иконами. *Зарученье* переносилось на день венчания, когда *жених* приезжал за *невестой*.

Хранительницы обрядовых и песенных традиций сибирской свадьбы: Е.П. Кутафина (сидит в центре) с дочерьми (А.И. Сизикова — сидит слева, А.И. Зайченко — сидит справа, Л.И. Мустафина, Н.И. Шашкова — стоят 3-я и 4-я), снохой (Н.В. Кутафина-Федорова — стоит 2-я), зятьями и внуками. Песни семьи Кутафиных: № 152, 177, 226, 250, примеч. к № 16; причитание сестры по Е.П. Кутафиной — № 342. Село Локти Мошковского района Новосибирской области. *Фото из архива семьи Кутафиных.*

В традиционной свадьбе *рукобитье* узаконивало соглашение родителей *невесты* и *сватов*. До этого обряда у девушки еще была слабая надежда на отказ родителей от своего решения выдать замуж за нелюбимого, на «*откуп*» от данного ими слова, вернув *сватам* вино и подарки. Правда, в Восточной Сибири такое случалось крайне редко, так как отказываться от своего слова считалось позором не только для жениховой, но и невестиной родни. После ритуала уже нельзя было ничего изменить в судьбе просватанной девушки. Это нашло широкое отражение в песнях на *рукобитье*, наиболее распространенным мотивом которых являются просьба девушки: «*Ты моги думу раздумати... чтоб меня замуж не выдати*» и ответ родителей, ставший общим местом песен данного обряда:

Не могу думу раздумати
.....
Правая ручка была давана,

Воску *ярого* свеча теплена,
Зелено вино выпито,
Цветно платье принято...
(№ 16)

В любом случае *рукобитье* сопровождалось плачем *невесты* и пением ее подруг. В большинстве песен выражался вопрос-узнавание о съехавшихся во двор гостях или упрек родителям за то, что не дали «*узреть в поле ягодке*», что ее «*избывают из дому, как лихого зверя из лесу, как сорную траву из поля*». В этот вечер исполнялись и короткие песни о *злодейке сватовщице*.

По р. Илиму во время *смотрин* и *рукобитья* имело место и ритуальное прощание *невесты* со *сватами*. «Погуляв, побеседовав, сколько полагается, сваты идут прощаться в куть к невесте; она встает, прощается с ними (целуются). Только что сват, идучи назад, доходит до кутной двери, певицы поют "песни-ропотинушки"»:

Сватушка, воротися,
У тебя оборочки развилися,
Без тебя Татьянушка стосковалась,
Из окошка в окошко бросалась.

Он ворочáется, дарит невесту деньгами и уходит, поцеловав ее, и так до трех раз; потом он перецелует всех подружек и уходит» (Майнов, с. 52).

В некоторых селах перед уходом жениха домой «шапка его обшивается лентой, в большинстве случаев пунцового цвета, и к верхушке шапки пришивается пучок из разноцветных лент. С этим украшением жених, подобно клоуну из дешевого цирка, ходит до самого дня свадьбы и по этому его наряду всякий, встретившийся с ним, узнает в нем жениха» (см. Шамаев, с. 11). Обычай так наряжаться казаки некоторых сел Забайкалья вспоминали еще в 70-е гг. (Потанина, Осипова).

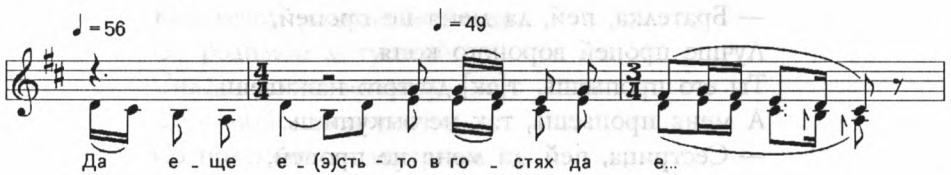
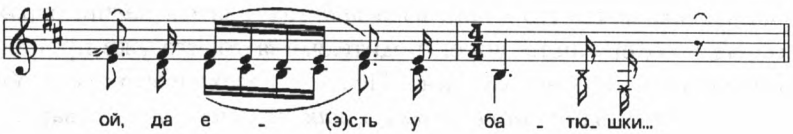
Во многих районах *рукобитье* было первым свадебным обрядом, который сопровождался специальными свадебными песнями. Почти во всех произведениях находим отражение обрядовых действий: «*били руку об руку*», «*заручали мою голову*», «*пропивали мою голову*», «*затепливали свечу воска ярого*» и т.п. *Рукобитье* — один из немногих обязательных обрядов традиционной сибирской свадьбы, бытовавших во многих районах до 70-х гг. XX в. и, вероятно, потому сохранивших немало ритуальных песен, последовательно отражавших все его этапы.

В разделе тексты расположены по содержанию: сначала те, в которых *невеста* просит родителей не отдавать ее замуж, песни с упреком

родителям за то, что «*рано избывают ее*»; затем песни, отражающие сам обряд и содержащие упрек родителям за то, что уже пропили девушку и ничего изменить невозможно. Почти во всех текстах есть общие места о том, что избывают «*горе-горькую, как полынь с поля*»; варьируясь, повторяются строки о том, что девушка «*напрокучила*» своим родителям, что «*много хлеба съела*», «*сносила платьицев*» и «*чоботцев*».

6

Ты ясно ли, красно солнышко,
Государь мой родной батюшка!
Ты заря ли подвосточная,
Государыня родна матушка!
Не вставай-ка, родна матушка,
На резвые свои ноженьки!
Не вздувай-ка ты, родимая,
Из углей ли огня ясного!
Не затепливай, родимая,
Ты свечи ли воску ярого
Перед образами чудными!
Не запоручивай ты голову,
Вольну голову, девью кра́соту!
Али я уж вам наскучила,
Уж гораздо напрокучила?
Много хлеба, соли скушала,
Много квасу, пива выпила,
Износила платья цветного,
Истоптала много чоботов?
Богоданный сударь батюшка!
Ты моги-ко встать-поднятися
На резвые свои ноженьки,
Ты моги-ко дойти-доступить
До парчовой до зана́весы,
До кручинной красной девицы!

7

Да еще есть-то в гостях да е... ой, да есть у батюшки
Да дорогие-то гости да не... ой, да небывалые
Да свет по именью да по и... ой, да по изотчеству.
Да вы могити-ка стать да ста... ой, да стать-подняться
Да со брущальнаю да с бе... ой, да с белой лавочки
Да во тимною, ай, путь да за... ой, да за зана́весу
Да к обручалинаю да кра... ой, да красной девушки
Да как к Любави же (ви) свет, ой, да Николаевне.

8

На море утка купалася,
На бережку она отряхалася,
На камушке обсушалася,
Слышала (чуяла) утка студеную зиму,
Холодную зиму да глубокий снег.
Слышала девица невзгоду себе,
На крутом крылечке умывалася,
В сени зашла — утиралася,
В избу вошла — Богу молилася,
В куть села на лавку — расплакалася!
— Батюшка, пей, да меня не пропей,
Лучше пропей свои сто рублей.
Ты их пропьешь, так другие наживешь,
А меня пропьешь, так не выкупишь.
— Матушка, пей, да меня не пропей,
Лучше свою шубу кунью пропей,
Ты ее пропьешь, так другую наживешь,
А меня пропьешь, так не выкупишь.
— Брателка, пей, да меня не пропей,
Лучше пропей вороного коня,
Ты его пропьешь, т[ак] другого наживешь,
А меня пропьешь, так не выкупишь.
— Сестрица, пей, да меня не пропей,

Лучше пропей цветно платьице,
Ты его пропьешь, еще лучше сошьешь,
А меня пропьешь, так не выкупишь.

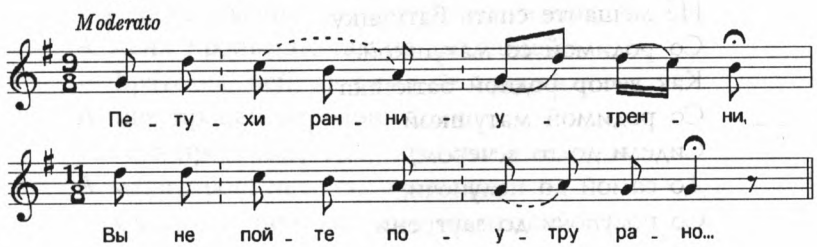
9

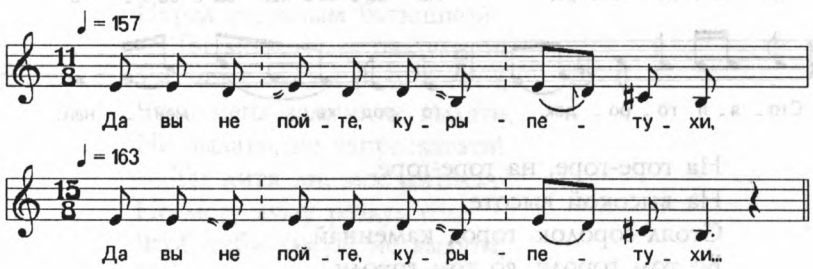
В городе перстень ковали,
Во Нове золотили,
У царя в Москве оценили.
Кому тем перстнем обручаться?
Отроку с отрочицей,
Добру молодцу со девицей.
Не вставай, мой сударь батюшка,
Со дубовой с новой лавочки,
Не снимай, мой сударь батюшка,
Со стены чудного образа
Святу Деву, Матерь Божию.
Ты не делай, сударь батюшка,
Обручаньица великого!
Ведь ничем тебе его не выкупить —
Ни рублями ста и ни тысячью!
Только выкупишь ты, батюшка,
Моей девичьей головушкой
Со русой косой со трубчатой,
Со хорошей девьей кра́сотой.

10

Петухи мои, петухи,
Петухи рано певчие,
Молодые немецкие.
Вы не пойте поутру,
Рано на заре,
На всходимым красным солнышке,
Не мешайте спать батюшку
Со родимой со матушкой.
Как вечор родной батюшка
Со родимой матушкой
Сидели долго вечером,
До самой до полуночи,
Со полуночи до заутрени.

Приезжали ко батюшке,
Ко родимой ко матушке
Все гости незнаемые-незваные,
Сватья́ всё лестливые и хвастливые.
Вызывали родна батюшку
На его сени новые,
На частые переходички;
Они сватались у батюшки
И у родимой моей матушки
На любимой ихой дочери
На (*имя рек*).
Они били руки об руки,
Поднимали чудны образы,
Заручали буйну голову
(*Имя рек*),
Что не выкупить, не выручить
Ни златом, ни серебром,
Дорогим скатным жемчугом.
Только выкупит-выручит
Удалой добрый молодец
(*Имя рек*)
Он своей ли буйной головой,
Молодецкой волюшкой,
Удалою свободушкой.
Как от свата лестливого,
От злодея хвастливого-лукавого
Сыры боры загоралися,
Все огни разгоралися,
Быстры реки всколыбалися,
Все умы помешалися —
Все от свата лестливого.

11

Петухи ранни-утренни,
Вы не пойте поутру рано,
Дайте спать батюшке
Со родимою матушкой.
Всю ноченьку они не спали:
Приходили ко батюшке
Сватьи все проклятые,
Льстивые и лукавые.
Оне сватались у батюшки
На любимой меньшей дочери.
Уж этой ли сватьюшке
Создай ты ей, Господи,
Век по миру ходить,
На плечах кошели носить,
В кошелечки кусочки класть,
А кусочкам детей кормить.
Создай ты ей, Господи,
Вместо красного солнышка
Да за это за сватанье
Чирей под самое горлышко.
Как у этой у сватьюшки
Нос-то как свистулечка,
Рот-то у ней повареночкой,
Глаза больши воробьиные,
Уши как ножницы;
Руки-то у ней как грабельцы,
Ноги-то у ней как ботоги,
Голова как пивной котел.

12

Да вы не пойте, куры-петухи,
Да вы не пойте, куры-петухи,

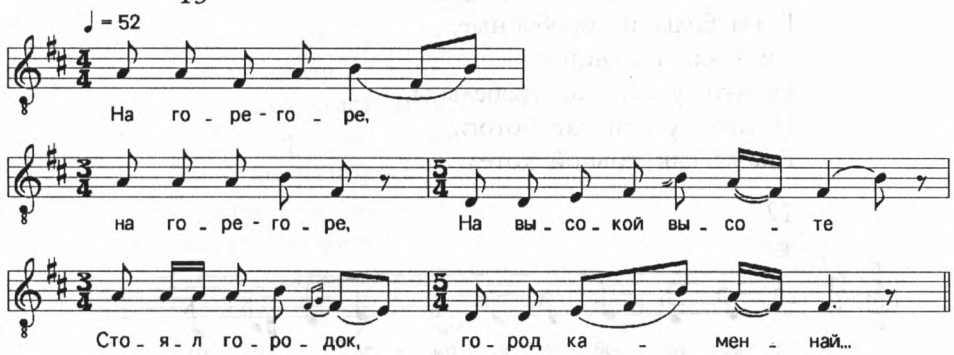
Да не будити мою мамоньку,
Да не будити мойго тятеньку.
Да моя мамонька старёхенька,
Да моя мамонька старёхенька,
Да по избе идет шитается,
Да за соломку запинается.

13

Не подходи, мамонька,
К печке к белой к каменной,
Не зажигай, мамонька, огня ясного!
Не заручай мою буйную головушку!
Не заручай мою русу косыньку!

14

Не полати-то грянули —
По рукам девку ударили.
Что не печь повалилася —
Аннушка заручалася
Со милым дружком,
Со милым дружком
Да с Васенькой.

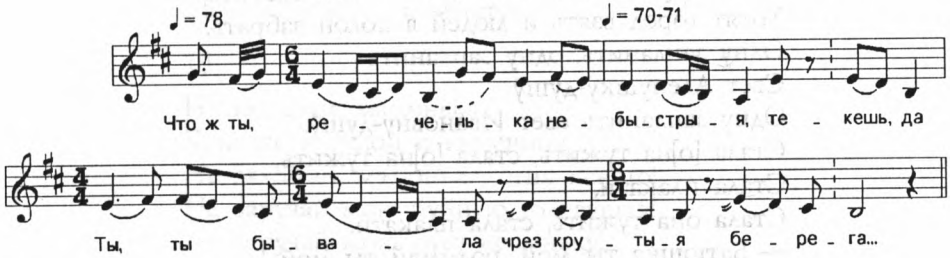
15

На горе-горе, на горе-горе,
На высокой высоте
Стоял городок, город каменнай.
Во том городу, во том городу
Сила во́йская стоит,
Во том городу сила во́йская стоит.

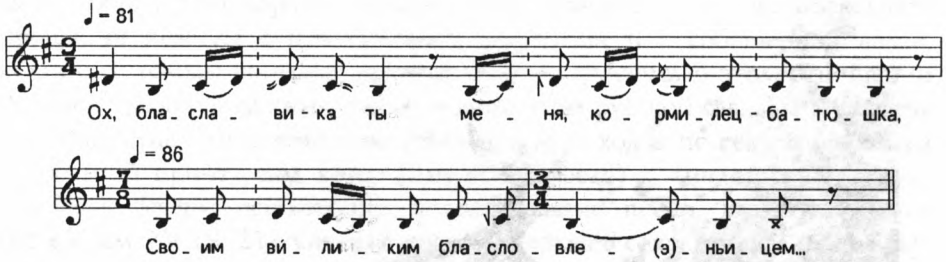
Силою силён, силою силён,
Всею волюшкой волён,
Силою силён, всею волюшкой волён.
Хотят город взять, хотят город взять,
Хотят город взять, а людей в полон забрать,
Хотят город взять и людей в полон забрать.
Одну запланить, одну запланить
Свет Аленушку-душу́
Одну запланить свет Ивановну-душу́.
Стала [о]на тужить, стала [о]на тужить,
Стала плакати,
Стала она тужить, стала плакати.
— Батюшка ты мой, родимай ты мой,
Сходи выкупи меня,
Отдай за меня либы то, либы два.
— Доченька моя, родима моя, да
Они люди не таки,
Люди ни таки, ни рассудливые.
Денег не берут, денег не берут,
Мне уступу ни дают,
Денег не берут, нам уступу не дают.
Просят у меня, просят у меня
Всё из терема тебя,
Просют у меня из высокого тебя.

16

Расшаталася в поле грушица,
Перед той грушей зеленою
Что растужилась-расплакалась
Душа красная девица
Перед родимым батюшкой:
— Ты моги думу раздумати,
Ты моги мысли размыслити,
Чтоб меня замуж не выдати,
Не выдати, не запросватати!
— Ты дитя ли, мое дитятко!
Не могу думу раздумати,
Чтоб тебя замуж не выдати,
Не выдати-запросватати!
Правая ручка была давана,
Воску ярого свеча теплена,

Зелено вино выпито,
Цветно платье принято,
И оно принято, изрезано.

17

Что ж ты, реченька небыстрыя, текешь, да
Ты, ты бывала чрез крутыя берега.
Ты бывала через крутыя берега, да
Что, что ты, Людушка невесила, сидишь.
Что ты, Людушка невесила, сидишь, да
Ты, ты, бывало, веселила терема.
Ты, бывало, веселила терема, да
А... а теперя не слыхать твоих речей.
А теперя не слыхать твоих речей да.
— Ра... разлюбезнаи подруженьки мои.
Разлюбезнаи подруженьки мои, да
Са... сами в этим горюшки будити.
Сами в этим горюшки будити да
Мо... моему горю поверити.
Моему горю поверити, да
Мо... мое горюшко великая.
Мое горюшка великая, да
Го... голова моя пропитая.
Голова моя пропитая, да
Про... пропитая-запоручиная.
Пропитая-запоручиная да
Не... ни за князя, ни за барина.
Ни за князя, ни за барина, да
За... за удалыва добрыва молыдца.
За удалыва добрыва молыдца, да
За... за Андрея за Лексеевича.

18

Ох, бласла́ви-ка ты меня, кормилец-батюшка,
Своим ви́ликим бласловле...(э)ньицем...
(«*Я и запла́чу*»)
Ни прошу-то я у те, кормилец-батюшка,
Ни злата, ни се...(э)рибра.
Прошу-то я у тя велика бласловле...(э)ньица.
Бласла́ви-ка ты миня во чужи...(и) люди...
«*Вот так, потом — сударыня мамонька,*
потом — крёсный батюшка,
потом — крёсна матушка.
И всё эдак... к[ре]сти́ссе, кланиссе вниз.
Три поклона, так».

ДЕВИЧНИК

В литературе о русской свадьбе нет единого определения *девичника*. Одни исследователи и собиратели так называют прощальный вечер *невесты* с подругами, который назначался накануне венчания (Майнов, Красноженова, Гуляев и др.). Осипов необычно определяет время проведения *девичника* — перед сборной неделей. Соседко считает, что это комплекс обрядовых действий и песен, занимавших по времени несколько недель, позже несколько дней. Исполнители чаще *девичником* называют все вечера (а кое-где и дни) между *рукобитьем* и венчанием. В соответствии с последним пониманием формируется данный раздел книги.

Во время *девичника* совершается ряд наиболее важных в традиционной свадьбе ритуалов, большинство которых приходится на последний день и вечер свадьбы в доме *невесты*: *расплетание и заплетание косы*, *прощание с «повязкой»* и *«красной кра́сотой»*, символизирующими девичью волю. Носители свадебного фольклора во многом забыли первоначальный

Дом старообрядца Федора Григорьевича Шклярова (1925—1988) — основателя музея народного творчества. Районный центр Ветка Гомельской области Белоруссии. Именно эту традицию деревянной резьбы и росписи семейские принесли в Забайкалье. 1974 год. *Фото Ф.Г. Шклярова.*

смысл обряда, но хорошо помнят, что *девичник* — ритуал последнего прощания невесты с незамужними подругами и с собственной волей, когда с ее головы снимали девичий убор — *кра́соту*. В этом отношении *девичник* является важным узловым моментом русской свадьбы в Сибири.

Накануне или в этот день утром подруги ходят по селу к девушкам с просьбой прийти под вечер (или после обеда) к «*милой подруженьке на девич вечер*»; исполнялись и специальные песни, которыми звали гостей (см. № 19, 21). Обычай посылать *зватов* сохранялся в некоторых районах Сибири до середины XX в. (у бывших староверов Забайкалья и Западной Сибири, у казаков Восточного Забайкалья).

На девичник также приглашались родственники *жениха* и *невесты*, но только на момент исполнения ритуалов. Причем отец *невесты* приглашал родных со своей стороны, а мать — со своей (по Осипову). Нередко на прощальный вечер ненадолго являлся и *жених* со своими друзьями и родителями, которых *невеста* одаривала своим рукоделием (скатерти, одеяло, ковры, дорожки, полотенца); родители же его обязательно отдаривались деньгами.

Во все дни и вечера *девичника*, в свободное от ритуалов время, пять—шесть близких подруг с утра до вечера были рядом с *невестой* (а иногда и жили рядом в доме), помогая шить приданое. Из одежды *невеста* должна была иметь несколько юбок, кофт, платков. Родители покупали ей ботинки. Верхняя одежда — шубы, пальто — также готовились *невестой*. Подруги готовили постель: одеяло, потник, подушки. Кто побогаче — две постели. Одеяла были разные: одно ушканье (из шкур зайцев, а верх ситцевый), к верху тканой стороной, к телу ушканьей. Второе одеяло «*косячное*» — собранное из ситцевых или сатиновых лоскутов (по записи Мухомедшиной от Н.К. Брюхановой в 1984 г., с. Кежма. Из личного архива Л.А. Мухомедшиной).

При входе гостей в дом *невеста* кидалась в куть и начинала громко плакать и причитать, выговаривая при этом вошедшему, как бы не видя его. Когда все собирались, ее плачущую выводили из кути. Она садилась в стороне с печально опущенной головой, а девушки пели:

Невеселый-то день без солнышка,
Невеселая-то сидит красная девица
Настасья Кондратьевна,
Сидит-то она призадумавшись, припечалившись.

(Швецова II, с. 19)

В этот вечер *невеста* обязана была особенно много плакать и причитать. Если ей не плакалось, девушки исполняли песни, напоминая эту обязанность.

Подруги от имени *невесты* исполняли и песни, обращенные к родителям, брату, подругам. В других песнях они пеняли *невесте* за обман: «*говорила — не пойду замуж, а сама надумала*». Много текстов о тяжелой доле женщины в доме будущего мужа, где ее не любили, не жаловали. Большое распространение имели песни *посада*, хотя сам обряд в полном и точном виде записать не удается. В Западной Сибири и на Дальнем Востоке исполнители смутно вспоминают его (непоследовательно и неполно). В Восточной Сибири не фиксировался *посад*, хотя его песни повсеместно бытуют во множестве вариантов и в различных контаминациях. В великорусской традиционной свадьбе посад и приуроченные к нему песни исполнялись перед приездом *жениха* за *невестой* к венцу.

В присутствии *молодого князя* и его родителей исполнялись песни о предпочтении *невестой жениха* своим родителям: мотивы — просьба «*привыкать к уму-разуму княженецкому*», просьба «*приголубить ясна сокола залетного*», раздумье — «*с кем думу думати*», разгадывание снов, предвещающих свадьбу.

Многие песни *девичника* звучат и в других свадебных обрядах: о жестокости свекра и свекрови (*вечерка, сборная неделя, браньё*) — «*Грамотка*», «*Зачем рано замуж пошла?*». Повсеместно исполнялись на свадьбе не прикрепленные к ритуалам песни с просьбой *невесты* поливать без нее цветы.

19

Потрудитесь, мои сестрицы,
Походить по тетушкам, по дядюшкам!
Попросите моих тетушек и дядюшек,
Приближенных соседушек
Ко мне на девичничек!

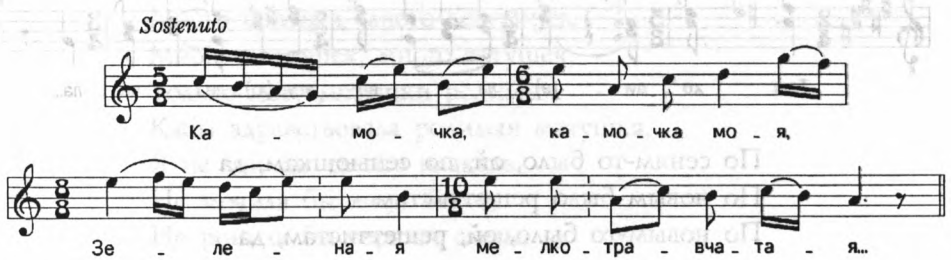
20

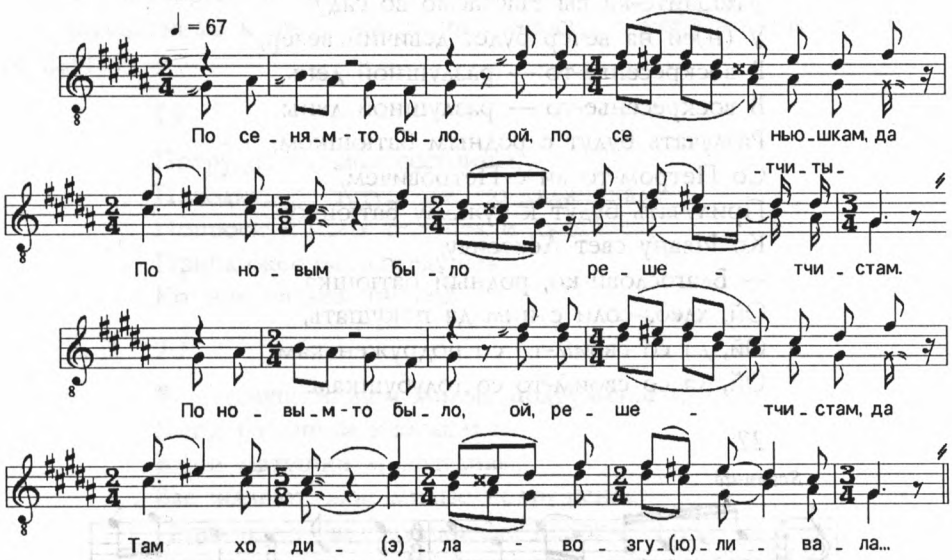
Вам, девушки, мои милые подруженьки,
Ваши батюшки жалостливы,
Ваши матушки милостливы,
Вас жалеют, мои милые подруженьки.
Попрошу я вас, мои милые подруженьки,
Попрошу я вас, сестрицы милые,
Вы подойдите-ка ко мне, подруженьки милые,
На веселую на беседушку.
Ведь знаете вы, подруженьки мои,
Что недолго мне осталося

Красоваться во красных во девушках.
Вы подойдите ко мне, милые подруженьки,
На веселую на беседушку.

21

Над рекой то было, над реченькой,
Над рекой то было над быстрою,
Там стояло-то кипарис-дерево.
Как на этом ли кипарисе-дереве
Там сидели-то птицы райские,
Там сидели-то птицы райские,
Да оне пели-то песни царские,
Да оне пели-то песни царские,
Про царя, царя православного,
Про царицу да его верную,
Про царицу да его верную.
Да тут услышала мать Настасьина:
— Налетайте-ка вы в Настасьин сад,
Утешайте-ка вы Настасью во саду,
У (н)ей на вечер будет девичий вечер,
В воскресенье-то — разлушной день,
В воскресенье-то — разлушной день:
Разлучать будут с родным батюшком,
Со Петром-то ли с Петровичем,
Прилучать будут к чужому батюшку,
Ко Ивану свет Лексеичу.
— Благослови-ко, родный батюшка,
Ой, хлеба-соли с ним да покушать,
Ой, да со своим-то со подруженькам,
Ой, да со своим-то со голубушкам.

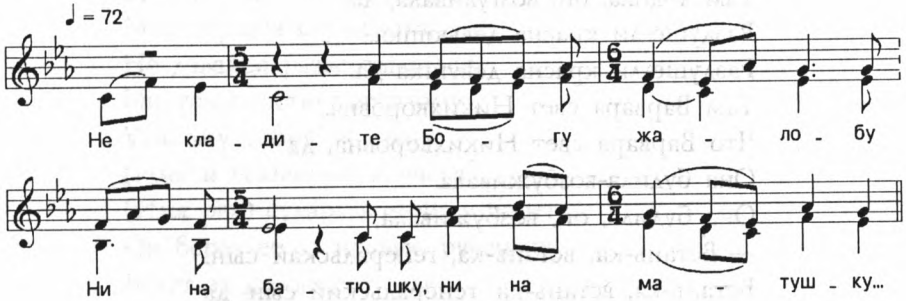
22

Камочка, камочка моя,
Зеленая мелкотравчатая,
Мелкотравчато-узорчата,
Не давайся развертываться
Ни тому гостю торговому,
Удалому добру молодцу,
(*Имя и величание жениха*).
(*Имя рек*) сударь волюшку берет,
Он берет ее за правую рученьку,
Ведет за дубовые столы,
За скатерти браные,
За питья-яства медовые,
По столу камку развертывает,
Он узорчики высматривает,
Все узоры узорчатые,
Все цветы золоченые.

23

По сеням-то было, ой, по сеньюшкам, да
По новым было решетчистам.
По новым-то было, ой, решетчистам, да

Там ходила-возгуливала.
Там ходила, ой, возгуливала, да
Раздуше-ли красна девьюшка.
Раздуше-ли красна девушка да
Там Варвара свет Никихворовна.
Что Варвара свет Никихворовна, да
Она будила-возбуживала.
Она будила, ой, возбуживала,
— Встань-ка, встань-ка, генеральскай сын.
Встань-ка, встань-ка, генеральский сын, да
Што(й) Петро свет Димитривич.
Што(й) Петро свет Димитривич, да
Оторвался твой воро́ный конь.
Оторвался твой воро́ный конь, да
От столба, столба то́чёного.
От столба, столба то́чёного, да
От колечка позоло́чёного.

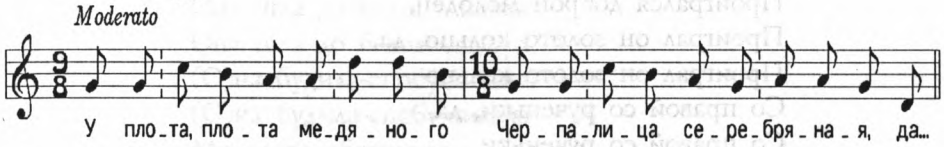
24

Как у грушицы у зеленыя,
Как у яблони у кудрявоей
Много листу было, много веточек.
Потянули-то ветры буйные
Со восточныя сторонушки,
Обнесло листья кудрявые,
Обломило ветки зеленые,
Приклонило-то грушу зеленую
Ко матушке сырой земле.
У души-то у красной девицы
Много роду было, много племени,
Много братцев, много сестрицев,
Много дядюшек, много тетушек,
Только нету матушки родимыя.
Кабы здравствовала родимая матушка,
Я не так бы слезно плакала,
Не мочила бы лицо белое,
Не ронила бы горючи слезы.

25

Не кладите Богу жалобу
Ни на батюшку, ни на матушку,
Положите Богу жалобу,
[Положите Богу жалобу]
На лестливого на сватушку,
[На лестливого на сватушку.]
Подходил он к ней близешенько,
[Подходил он к ней близешенько,]
Говорил он речь умнешенько,
[Говорил он речь умнешенько,]
Выхвалял он чу́жу сторону,
[Выхвалял он чу́жу сторону.]
Как чужа́ дальна сторонушка,
[Как чужа́ дальна сторонушка,]
Она садом обгорожена,
[Она садом обгорожена,]
Черносливом изнасо́жена,
[Черносливом изнасо́жена,]
Сладким медом уполи́вана,
[Сладким медом уполи́вана.]
Душа девушка спохвата́лася,
[Душа девушка спохвата́лася,]
Во новы сени бросалася,
[Во новы сени бросалася.]
— Не выхваляй мне чужу сторону,
Не выхваляй мне незнакомую.
Она горем обгорожена,
[Она горем обгорожена,]

Злой печалью изнасожена,
[Злой печалью изнасожена,]
Горючьми́ слезьми́ поливана,
[Горючьми́ слезьми́ поливана.]

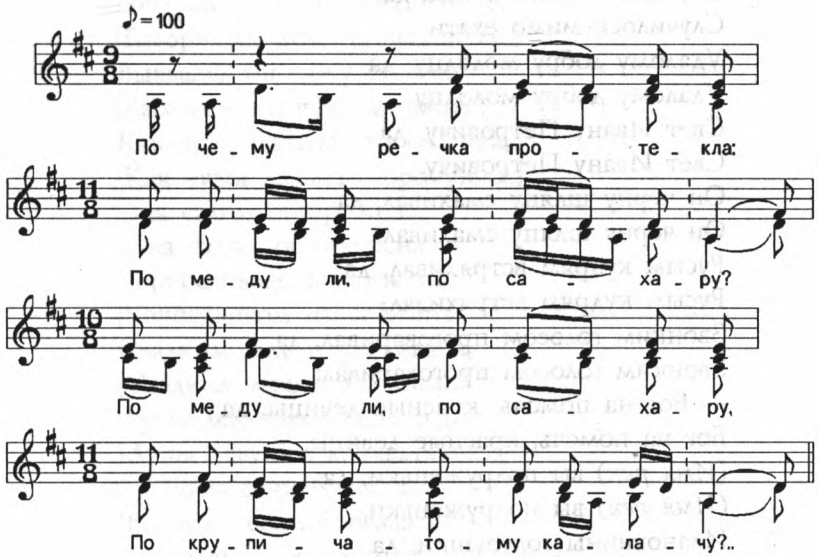
26



У плота, плота медяного
Черпалица серебряная, да
Черпалица серебряная.
Черпали воду девицы, да
Черпали воду девицы,
Черпали красавицы, да
Невестины подруженьки,
(*Имя рек*) голубушки, да
(*Имя рек*) голубушки.
Случилося мимо ехати, да
Случилося мимо ехати
Удалому добру молодцу, да
Удалому добру молодцу
Свет Ивану Петровичу, да
Свет Ивану Петровичу.
Он черну шляпу смахивал, да
Он черну шляпу смахивал,
Русым кудрям встряхивал, да
Русым кудрям встряхивал,
Звонким голосом проговаривал, да
Звонким голосом проговаривал:
— Бог на помочь, красные девицы, да
Бог на помочь, красные девицы,
(*Имя рек*) вы подруженьки, да
(*Имя рек*) вы подруженьки,
Ивановнины голубушки, да
Ивановнины голубушки.
Вы идите на широкий двор, да
Вы идите на широкий двор,

Будем игры мы играти, да
Будем игры мы играти,
Золоты ковры выметывать, да
Золоты ковры выметывать.
Проигрался доброй молодец, да
Проигрался доброй молодец,
Проиграл он золото кольцо, да
Проиграл он золото кольцо
Со правой со рученьки, да
Со правой со рученьки
Со мизинного пальчика, да
Со мизинного пальчика.
Проиграласъ красна девица, да
Проиграла свою голову,
Проиграла свою голову да
Со русой своей косонькой,
Со русой своей косонькой да
Со ленточкой шелковой.

27



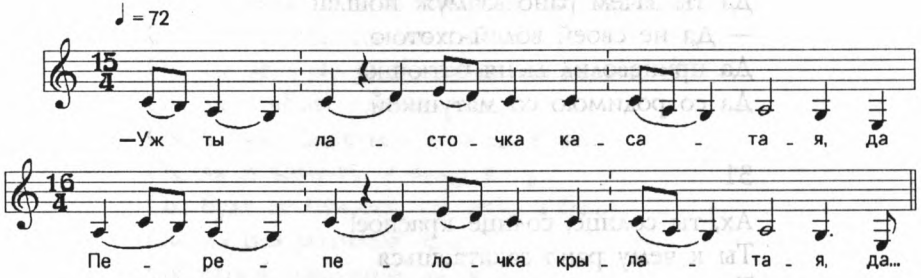
По чему речка протекла:
По меду ли, по сахару?

По меду ли, по сахару,
По крупичатому калачу?
По крупичатому калачу...
У нас Анна по сеням шла,
У нас Анна по сеням шла,
Она шла до белого шатра,
Она шла до белого шатра,
(О)на будила-спобуживала,
(О)на будила-спобуживала
Молодого обручничка,
Молодого обручничка —
Как Трофима Семеновича,
Как Трофима Семеновича:
— Уж ты встань-пробудися, сударь!
Уж ты встань-пробудися, сударь!
Я пришла-то не пир пировать,
Я пришла-то не пир пировать,
Не бесед беседовати,
Не бесед беседовати.
Я пришла в гости в карты играть,
Я пришла в гости в карты играть,
Я во карты, валеты, тузы,
Я во карты, валеты, тузы,
Я во всю игру немецкую,
Я во всю игру немецкую.
Проиграла, прохвасталася,
Проиграла, прохвасталася,
Проиграла буйну голову,
Проиграла буйну голову
Со своею со русой косой,
Со своею со русой косой,
Со своею со девьей красой!

28

Ох, ведь не бушуй-ко те,
Мо... ох, мои ли ветры буйныя,
Ох, да ли вы по чи... ох, да по...
Ох, по чисто́му полю, ох, по чисто́му по...

Ох, вы ведь не сноси-ко те,
Мо... ох, мои-то вы ветры буйныя,
Ох, да вы не сносите с го... ох, да ведь с го...
Ох, с гор желты́я вы жо, вы песочки, да
Ох, с гор желты́ песо...
Ох, ведь не сдувай-ко те
Мо... ох, мои ли ветры буйныя,
Ох, да вы ли до... ох, да до...
Ох, до черно́ю земли, да
Ох, до черно́ю да зе...
Ох, ведь не сноси-ко те
Мо... ох, мои ли ветры буйныя,
Ох, да вы ли до... ох, да до...
Ох, до бело́го камню, да
Ох, до бело́го ка...
Ох, ведь не ясён-ту был, был соколичо́к,
Ох, да ра... рано с гне...
Ох, рано с гнездышка ведь ты слетаёшь, да
Ох, рано солета́...
Ой, ведь со фатерушки.
Душа ты ведь, красная девушка,
Ох, да ли кра... ох, да ра...
Ох, рано ты жо у нас соезжаёшь, да
Рано ты соезжа...
Ой, ведь нихто-ту тебя,
Ох, тебя жо ведь, красную девицу,
Ох, да ли бы... ох, то ли те...
Ох, тебя-то нихто ведь не проводит, да
Ох, нихто не прово...
Ой, ведь провожали,
Ох, тебя жо ведь, красную девицу,
Ох, да ли всё... ох, да всё,
Ох, всё люди́-то тебя всё чужия, да
Ой, всё люди чужи...
Ой, ведь провожали,
Ох, тебя жо ведь, красную девицу,
Ох, да ли бли... ох, да бли...
Ох, ближния-то тебя они суседи, да
Ох, ближния сусе...

29

— Уж ты ласточка касатая,
Да перепелочка крылатая,
Да ты зачем рано вылётываешь
Да из своёго да гнезда теплого,
Да из своёго соловьиного?
— Да полетел с моря ясён сокóл,
Да выгонял он и правым крылышком,
Да и любезным перушком.
— Да вы любезные подруженьки,
Да не своей волей-охотою,
Да приневолила ро́дная мамонька,
Да посоветали люди добрые,
Да что чужа дальняя сторонушка,
Да она вся садами усожена,
Да виноградом пригорожена,
Да мелким сахаром усыпана,
Да горючьми слезьми улитая.

30

— Да ты, ласточка, ласточка,
Да сизокрылая, касатая,
Да ты зачем рано, ой, вылётывала,
Да из своёго тепла гнездышка?
— Да не сама-то я вылётывала,
Да не своей волей-охотою:
Да наступила весна красная,
Да полилися дожди сильные,
Да подмочило тепло гнездышко.
— Да уж ты, деушка, деушка

Да уж ты, Мария Ивановна,
Да ты зачем рано взамуж пошла?
— Да не своей волей-охотою,
Да приневолил меня батюшка
Да со родимою со матушкой.

31

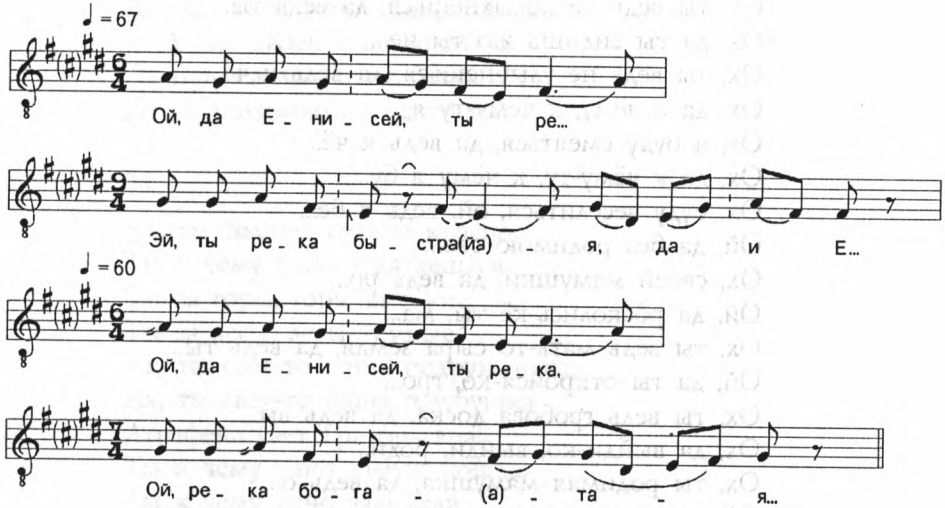
Ах, ты солнце, солнце красное!
Ты к чему рано закатаешься
Ты за горы, горы высокие,
Ты за лесы, лесы темные?
Ах, ты свет-то наша подруженька,
Ах, ты свет-то наша голубушка
Аграфена свет Григорьевна!
Ты к чему рано замуж пошла,
Ты к чему рано задумала
За дородного доброго молодца
За Семена свет Андреевича?
Недозрелая в поле ягодка,
Недоросшая красная девица,
Не накопила ты ума-разума.
— Ах! вы свет-то мои подруженьки!
Ах! вы свет-то мои голубушки!
Не сама-то я замуж пошла,
Не сама-то я задумала,
Не своей волей-охотою:
Отдает меня сударь батюшка
Свет Григорий сударь Карпович,
Государыня родна матушка
А свет Марфа душа Фаддеевна,
Присудили весь и род-племя.

32

Ой, да Енисей-то река,
Ох, ты река быстрая, ох, да Е...
Ох, да Енисей-то река,
Ох, ты река богатая, да ведь ты...
Ох, да ты стоишь же, река,
Ох, ты река, не тря́хнешься, да ведь с бе...

Ой, да с берег на... с берег на...
Ох, ты ведь не колыхнешься, да ведь ты...
Ох, да ты сидишь жо ты не...
Ох, ты ведь не улыбнешься, да ведь к чё...
Ох, да к чёму, к чёму-ту я,
Ох, я буду смеяться, да ведь к чё...
Ох, да к чёму-ту, к чёму я бу...
Ох, буду веселиться, ой, ведь я бе...
Ой, да без родимою сво...
Ох, своей мамушки, да ведь ро...
Ой, да ро́сколись-кё ты, ма...
Ох, ты ведь мать-то сыра земля, да ведь ты...
Ой, да ты откройся-ко, гро...
Ох, ты ведь гробова доска, да ведь вы...
Ох, да выйди-ко, выйди, роди...
Ох, ты родимая мамушка, да ведь о...
Ой, да овернись-кё ты ма...
Ох, ты ведь малой пташечкой, ой, да у...
Ой, да уж ты сядь-ко ты на...
Ох, ты ведь на окошечко, ой, да же ты...
Ой, да ты зворкуй-ко мне жа...
Ох, ты ведь жалобнёшенькё, ох, да по...
Ой, да погледи-ко же сво...
Ох, ты ведь свою-то дитетку, ох, да ведь по...
Ох, да погледи-ко же мо...
Ох, ты на мою-то свадебку, ох, да ведь не...
Ох, да невеселая мо...
Ох, ведь моя-то свадебка, ох, да бе...
Ох, да без родимою ма...
Ох, ведь моей мамушки, ох, да по...
Ох, да полна-то горница,
Ох, у нас гостей, ох, да о...
Ох, ведь оне все же гости,
Ох, ведь гости-то званыя, ой, да и...
Ой, ишо все-то гости,
Ой, гости-то чещёныя, да ведь о...
Ох, да одного-то ведь го...
Ох, гостя-то нету, да ведь ка...
Ох, как родимою ма...
Ох, ведь моей мамушки.

33



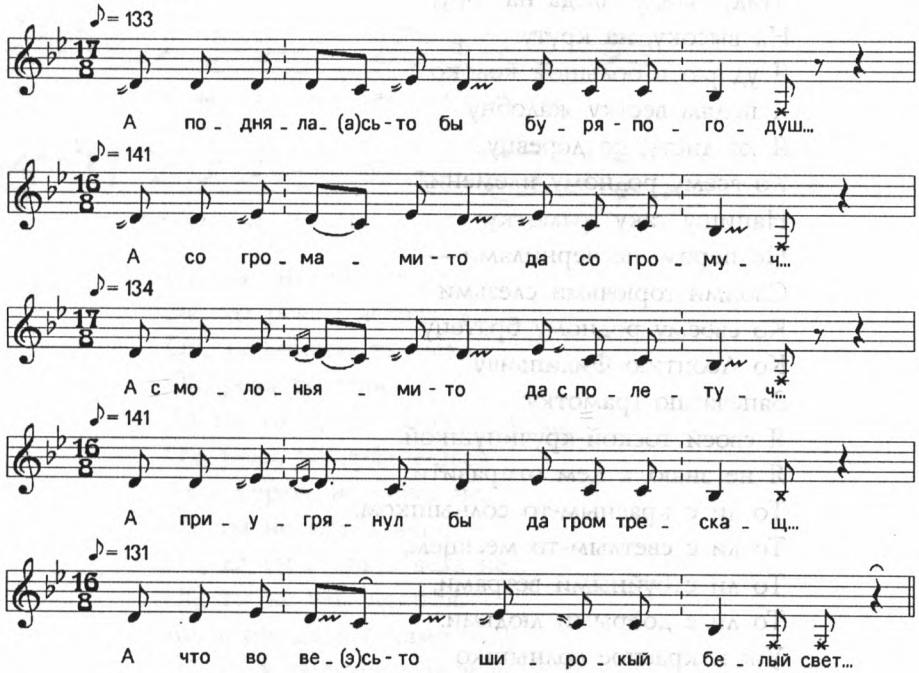
Ой, да Енисей, ты ре...
Эй, ты река быстрая, да и Е...
Ой, да Енисей, ты река,
Ой, река богатая.
Да ты, ох, да ты стоишь, река, ай,
Ой, река, не тря́хнешься
Да с берегу на берег не,
Ох, ты не коль́шнешься.
Ой, да ты стоишь ведь не...
Ой, ты не улы́бнешься.
Да я, ой, да я к чаму буду,
Ой, буду смеятися, да к чаму бу...
Ой, да к чему буду я ве...
Ой, я веселитися да бе...
Ой, я без родимого сво...
Ой, своёго батюшка, ой, бе...
Ой, да без родимой я сво...
Ой, я своей мамушки, да и я...
Ай-я, еще все те го...
Они гости званые да и во...
Ой, да оне все гости,
Ой, оне чещёные, да ой...

Ой, да одного же те го...
У ней гостя нет при ней, да ой,
Ой, да ой, родного мо...
Ой, моёго батюшка, да ро...
Ой, одной моёй,
Ой, да моёй мамушки.

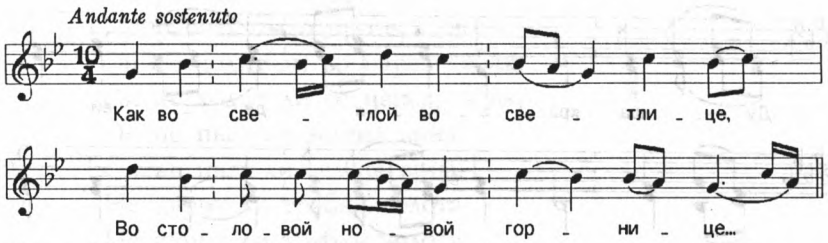
34

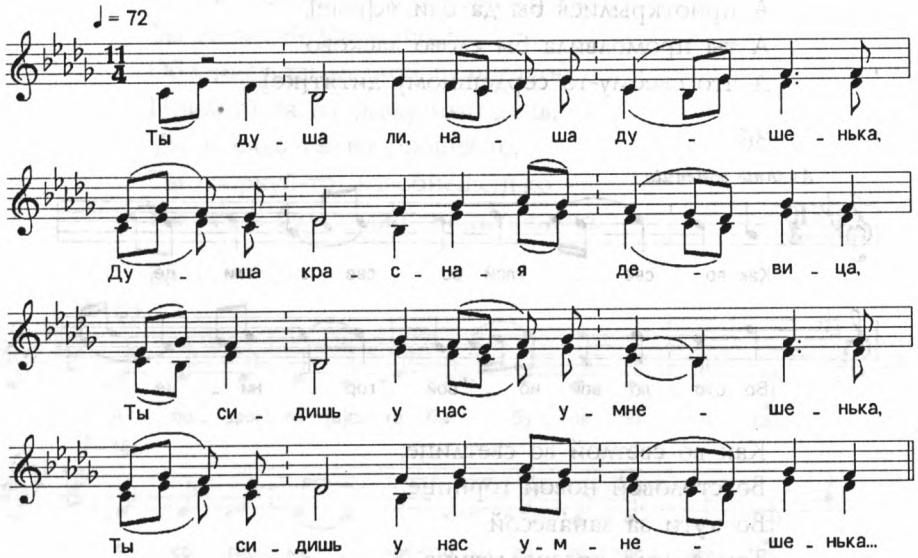
Зайду, зайду млада на гору,
На высоку, на круту.
Я ударю в большой колокол,
Я подам вестку жалобну
Я ко листу, ко деревцу,
Ко всему родному племени.
Напишу таку грамотку
Не пером, не чернилами —
Своими горючьми слезьми
Ко своему родному братецу
Ко Леонтию Филипьичу.
Запечатаю грамотку
Я своей тоской-кручинушкой.
Я не знаю, с кем отправити:
То ли с красным-то солнышком,
То ли с светлым-то месяцем,
То ли с буйными ветрами,
То ли с добрыми людьми.
Уж и красное солнышко
Позадь мороку перекатывалось,
Уж и млад светел месяц
Позадь лесу перекатывался.
Уж и буйные ветры-то
Во глуху полночь провеяли,
Уж и добрые люди-то
По заречью проехали,
Они к нам не заехали.
Не дошла моя грамотка
До моего родного братеца.

— Уж ты свет родной братец мой,
Ты Леонтий Филиппович,
Обернись ты мелкой пташечкой,
Прилети-ка на разлучный день,
Уж и сядь ты на окошечко,
Ты сворkуй-то жалобнешенько —
Не столь будет мне тошнешенько.

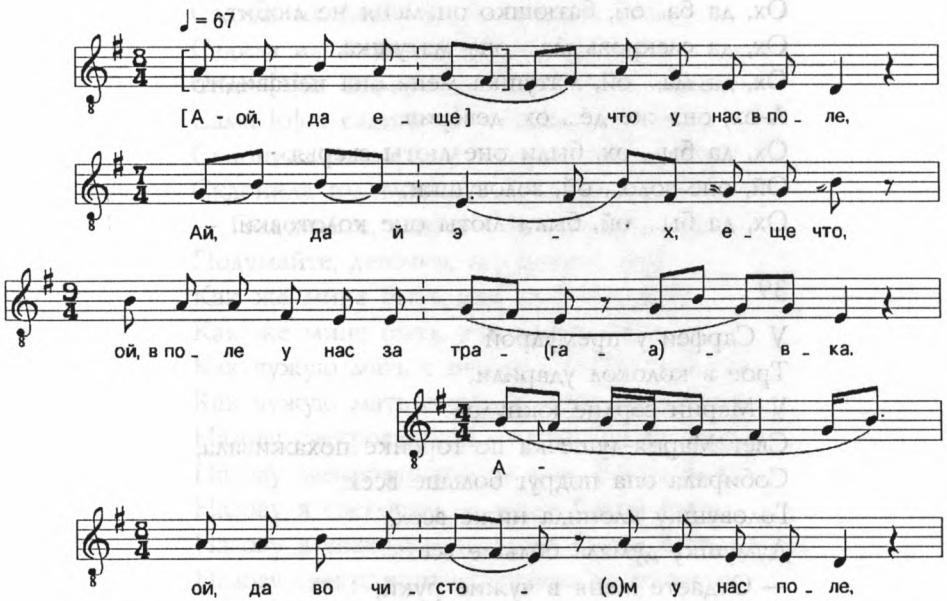
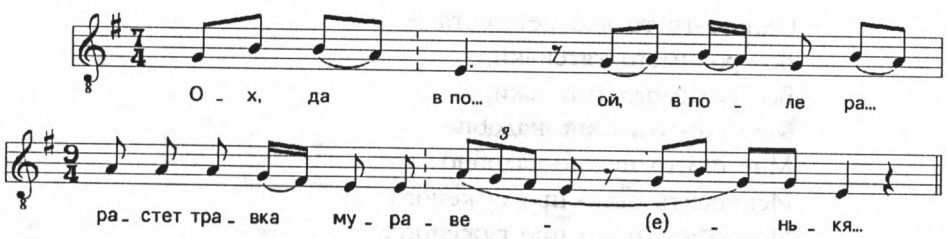
35

А поднялась-то бы буря-погодуш[ка]
А со громами-то да со громуч[ими],
А с молоньями-то да с полетуч[ими].
А приугрянул бы да гром трескащ[ий]
А что во весь-то широкий белый свет.
А что упала-то бы да громова́ стрела,
А раздалась-то бы да мать сыра-земля,
А раскололась бы да гробова́ доска,
А прираскинулись бы то́нки саваны...

А распаялись бы уста сахáр[ные],
А приоткрылись бы да очи яс[ные],
А ты промолвила бы слово ласково
А что своёму-то сердешному дитят[ке]...

36

Как во светлой во светлице,
Во столовой новой горнице,
Во кути за занáвесой
Там сидела красна девица
Свет (*имя и величание*).
Подняла куть-занáвеску,
Обвела очьми по горнице,
Она узрела-усмотрела
Своего братца родимого:
— Восударь братец миленькой
(*Имя*) сударь (*величание*),
Ты ступай, братец миленькой,
Во свой конюшний двор,
Ты поймай коня доброго,
Коня доброго-рысистого.
Засеки, братец, засеку
От востока до запада.
Ты спроси, братец миленькой,
Ты у конного и у пешего
Про моего-то суженого,
Про моего-то ряженого
Про (*имя и величание жениха*) —
Не ходит ли в царев кабак,
Не пьет ли зеленá вина?

37

Ты душа ли, наша душенька,
Душа красная девица,
Ты сидишь у нас умнешенька,
Ты сидишь у нас умнешенька,
Тихо, смирно, помалешеньку,
Тихо, смирно, помалешеньку,
Не рассмеешься, не улы́бнешься,
Не рассмеешься, не улы́бнешься.
— Вы кумы мои подруженьки,
Вы кумы мои подруженьки,
Приближенные соседушки,
Приближенные соседушки,
Мне к чему было смеятися,
Мне к чему было смеятися,
К чему было веселитися,
К чему было веселитися?
У меня все гости званые,
У меня все гости званые,
У меня гости почетные,
У меня гости почетные.
Одного-то только нет гостя,

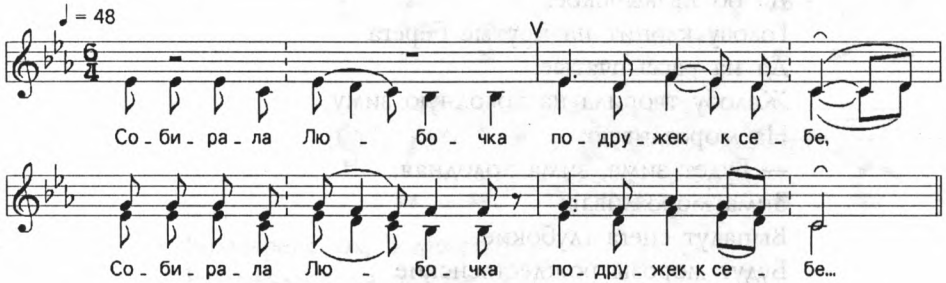
Одного-то только нет гостя —
Все родимого тятеньки,
Все родимого тятеньки.
Мне его-то нужно-надобно,
Мне его-то нужно-надобно
Испросить было про суженого,
Испросить было про суженого.
Он не ходит ли во царев кабак,
Он не ходит ли во царев кабак,
Он не пьет ли зелена́ вина,
Он не пьет ли зелена́ вина,
Не курит ли трубки золота,
Не курит ли трубки золота,
Не играт ли в кости-карточки,
Не играт ли в кости-карточки,
Не проиграл бы мою голову,
Не проиграл бы мою голову
Со русой косой с алой ленточкой,
Со русой косой с алой ленточкой.

38

[А-ой, да еще] что у нас в поле,
Ай, да й эх, еще что, ой, в поле у нас за травка.
А-ой, да во чистом у нас поле,
Ох, да в по... ой, в поле ра... растет травка-муравенькя.
Ай, ох, да на траве ли светы,
Ох, да све... ой, светички, ой, оне всё алеют.
Ах, да свели све... оне светички,
Ах, да све... ах, светы о... они стали блекнуть.
А-ох, да заручена де...
Ах, да де... ой, девушка у нас сидит плачет.
Ах, да ей замуж бы все идти,
Ох, да ей, ой, идти замуж девке неохота.
Ой, ох, да свекор ба... ой, он батюшка,
Ох, да ба.. ой, батюшко он меня не любит.
Ох, да свекровь ма... она матушка,
Ох, да ма... ой, матушка мене она ненавидит.
А-ох, она же де... ох, деве́рия,
Ох, да бы... ох, были оне люты зверья.
Ой, оне золо... ой, золовушки,
Ох, да бы... ой, были люты оне колотовки.

39

У Сарфеи у премудрой
Трое в колокол ударили,
У Марии сердце юкнуло.
Свет Мария-душечка по горенке похаживала,
Собирала она подруг больше всех,
Головушку клонила ниже всех,
Думушку думала больше всех:
— Отдаете меня в чужие руки,

В чужие люди, несвойские.
Еще полюбит ли свекор-батюшка,
Еще полюбит ли свекровь-матушка.
Ах ты, ах ты, мне горюшко нашло.
Мне чужого свекра будет батюшкой звать,
Мне чужую свекру будет матушкой звать.
Хоть звать-не звать — свекор-батюшка,
Хоть звать-не звать — свекровь-матушка.

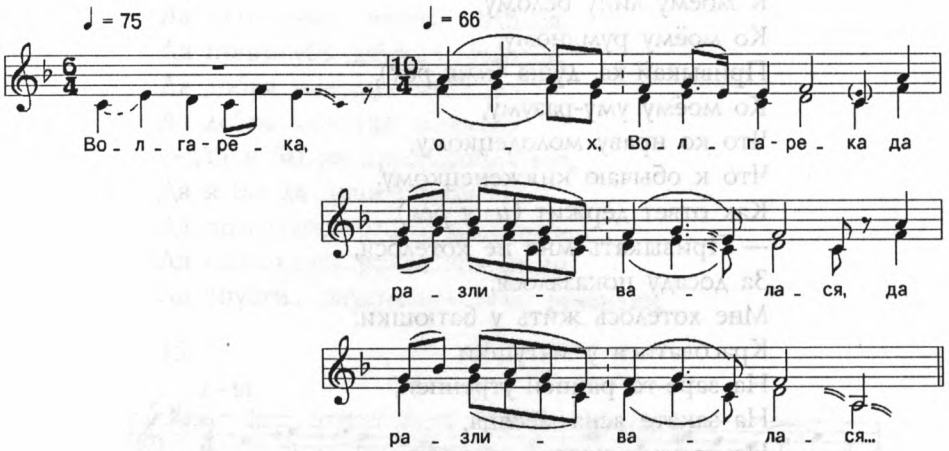
40

Собирала Любочка подружек к себе,
Собирала Любочка подружек к себе,
Садила их Любочка за дубовый стол,
Садила их Любочка за дубовый стол.
Сама [о]на садилася — была выше всех,
Сама [о]на садилася — была выше всех.
Склонила головушку — стала ниже всех,
Склонила головушку — стала ниже всех.
— Подумайте, девочки, подумайте мне,
Подумайте, девочки, подумайте мне:
Как же мине быть, как замуж идти?
Как же мине быть, как замуж идти?
Как чужую мать с отцом звать не хочется,
Как чужую мать с отцом звать не хочется.
Назову свекровушкой — мне лихою быть,
Назову свекровушкой — мне лихою быть.
Назову я свекором — мине битой быть,
Назову я свекором — мине битой быть.
Назову свекровушку свекровь-матушка,

Назову свекровушку свекровь-матушка,
Назову я свекора свекор-батюшка,
Назову я свекора свекор-батюшка.

41

По морю, морю, по морю синему,
Морю Хвалынскому
Плавала лебедь белая,
Лебедь залетная;
Крыльями бьет о синё море
Да об Хвалынское.
Голову клонит на крутые берега
Да на рассыпчатые,
Жалобу творила на холодную зиму,
На морозливую:
— Будет зима, зима холодная,
Зима морозливая;
Выпадут снега глубокие,
Будут морозы рождественские
И крещенские;
Позябнут лапочки лебединые.
Как будет отстать прочь от Волги-реки?
Как будет пристать к болотной воде?
По сеням, сеням батюшкиным,
Сеням матушкиным
Ходила-гуляла красна девица
Душа (*имя рек*).
Голову клонила на могучие плечи,
Руки жмет к ретивому сердцу,
Слезы роняет на цветное платье,
Жалобу творила на родимого отца:
— Бог тебе судья, родимый батюшка,
Зачем меня молоду замуж отдаешь?
Как будет прочь отстать от батюшки,
Как будет пристать мне к чужому отцу,
К чужой матушке?
Как будет назвать мне чужого отца?
Батюшкой назвать мне не хочется,
По имени звать — так не честь не хвала,
Свекром звать — так не водится;

Сжав свое сердце, сжав ретивое,
Назвать батюшком.

42

Волга-река, ох, Волга-река да
Разливалася, да разливалася.
Девушка в терему, ох, девица в терему да
Снаряжалася, да снаряжалася.
Снарядилася, ох, снарядилася,
Стала — расплакалась, стала — расплакалась.
— Молоду меня даешь, ох, молоду меня даешь,
Даешь-просватаешь, даешь-просватаешь.
Во чужие во люди, ох, во чужи люди да
Во незнамые, да во незнамые.
Бог тебе судья, ох, бог тебе судья,
Родимый батюшка, родима матушка.
Батюшком назвать, ох, батюшком назвать да
Так не хочатся, да так не хочатся.
Свекыром назвать, ох, свекыром назвать да
Так не водится, да так не водится.

43

Как по саду было, садичку,
По зелену виноградничку,
Тут ходил-гулял молодец
Свет (*имя рек*).
Он чесал кудри русые

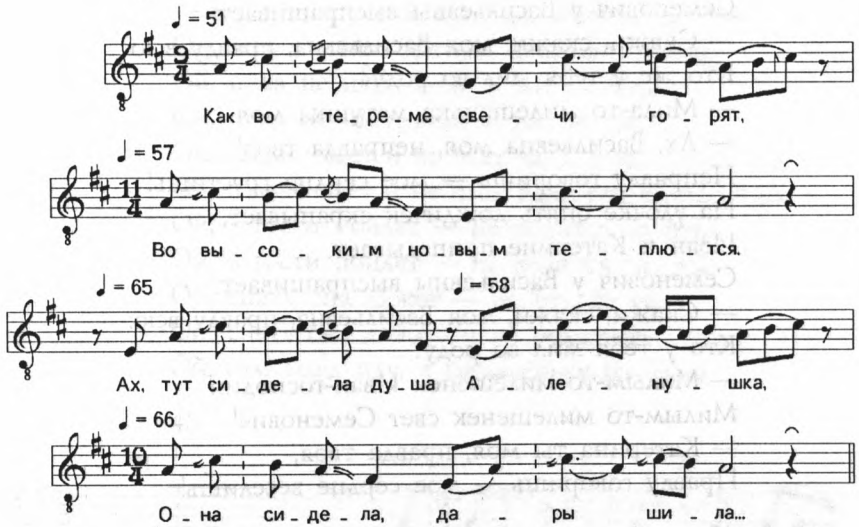
Черепаховой гребеночкой,
Он чесал, сам приговаривал:
— Прилегайте, кудри русые,
К моему лицу белому,
Ко моёму румяному;
Привыкай-ка, душа (*имя рек*),
Ко моёму уму-разуму,
Что ко нраву молодецкому,
Что к обычаю княженецкому.
Как ответ держит (*имя рек*):
— Привыкать мне не хотелося,
За досаду показалося,
Мне хотелось жить у батюшки,
Красоватися у матушки.
На заре-то ранней-утренней,
На закате ясна месяца,
На восходе красна солнышка
Звонко свищет перепелица:
Слезно плачет красна девица
Об своей-то девьей кра́соте.

44

При вечере было, вечериночке,
Да как при Нюрином девишничке,
Да при Ивановом парнишничке,
Да что при Нюрином девишничке,
Да при Ивановом парнишничке,
Да при Петровичем парнишничке
Да прилетал ясён соко́л,
Ой, да прилетал да ясён соко́л.
Да он садился на окошечко,
Да на окошечко косящето,
На косящето да на окошечко,
Да на причаленку золочену.
Да тут увидела-то, усмотрела,
Да тут увидела-усмотрела
Да что ведь Нюрина-то мамынька,
Да что ведь Нюрина-то мамынька.
— Да ты дите ли, мое дитятко,

Да ты дите, ой ли, мое дитятко,
Да ты дите ли, чадо милое,
Да ты дите, ой ли, чадо милое,
Да приголубь доброго молодца,
Да приголубь доброго молодца,
Да добра молодца заезжего,
Да добра молодца заезжего.
— Да я бы да приголубила его,
Да я бы да приголубила его,
Да подсеклись резвы ноженьки,
Да подсеклись резвы ноженьки,
Да опусти... опустились белы рученьки.

45



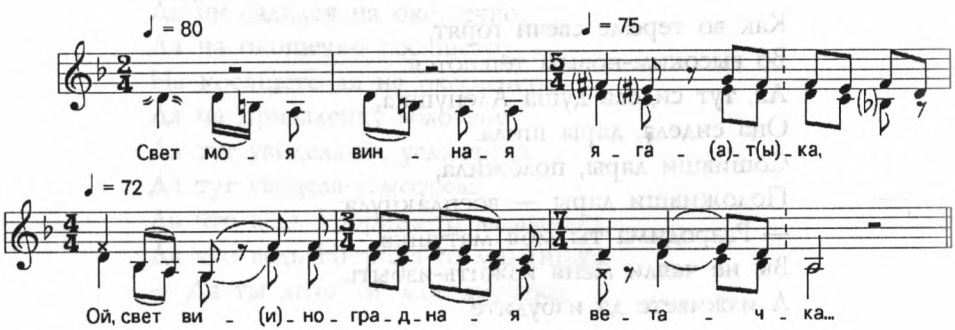
Как во тереме свечи горят,
Во высоким-новым теплются.
Ах, тут сидела душа Аленушка,
Она сидела, дары шила.
Сошивши дары, поло́жила,
Положивши дары — воспла́кнула:
— Разродима ты моя матушка,
Вы не чаяли меня изжить-избыть.
А изживете да избудите

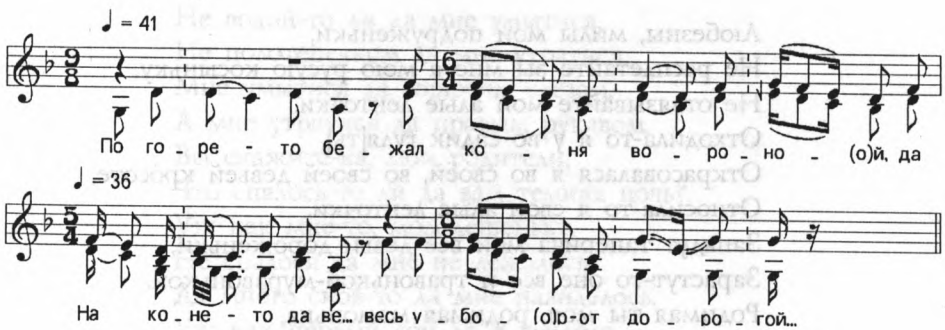
4 Заказ № 781

То не в год-то, ни в неделюшку,
Во единый час-минуточку.

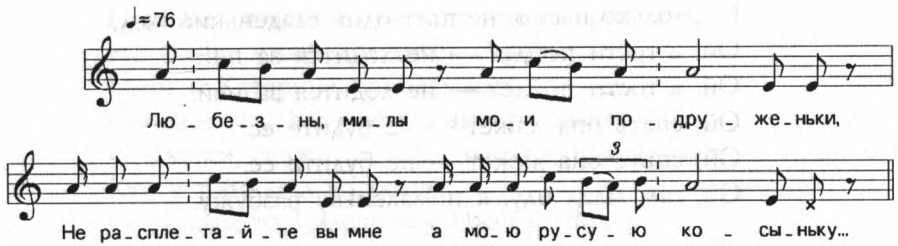
46

На дворе-то дождичек скрапывает,
Иван к Катерине падает,
Семенович Васильевну выспрашивает:
— Скажи, скажи, Васильевна, правду всю:
Кто же у тебя мил в роду?
— Милым-то милешенький батюшка родной!
Ах, Васильевна моя, неправда твоя!
Неправду говоришь — мое сердце грустишь!
На улочке опять дождичек скрапывает,
Иван к Катерине припадывает,
Семенович у Васильевны выспрашивает:
— Скажи, скажи, моя Васильевна, правду всю:
Кто же у тебя мил во роду?
— Мила-то милешенька матушка моя.
— Ах, Васильевна моя, неправда твоя!
Неправду говоришь — мое сердце грустишь!
На улочке опять дождичек скрапывает,
Иван к Катерине припадывает,
Семенович у Васильевны выспрашивает:
— Скажи, скажи, моя Васильевна, правду всю:
Кто у тебя мил во роду?
— Милым-то милешенек Иван-господин
Милым-то милешенек свет Семенович!
— Катерина ты моя, правда твоя,
Правду говоришь — мое сердце веселишь!

47

Свет моя винная ягат(ы)ка,
Ой, свет виноградная ветачка.
Ой, свет виноградная ветачка,
Ой, зимни, ой, морозы спобили тебя.
Ой, зимни ой, морозы спобили тебя,
А люты, ох, крещенски сповызнобили.
А люты, ох, крещенски сповызнобили,
Ох, долго-сподолго сокол не летал.
Ох, долго-сподолго сокол не летал,
Ой, долго-сподолго у нас Петя не бывал.
Ой, долго-сподолго у нас Петя не бывал,
Ой, стал у нас Петя принахвастывать.
Ой, стал у нас Петя принахвастывать:
— Ох, есть у меня, братцы, невеста хороша.
Ох, есть у меня, братцы, невеста хороша,
Ой, пива не пьет, вина в рот не берет.
Ой, пива не пьет, вина в рот не берет,
Ой, только пьет и не пьет один сладенький мед.
Ой, только пьет и не пьет один сладенький мед,
Ой, в гости пойдет — не ходится за ней.
Ой, в гости пойдет — не ходится за ней,
Ой, спать она ляжет — не будите ее.
Ой, спать она ляжет — не будите ее,
Ой, сам млад иду, я помаленьку разбужу.

48

По горе-то бежал ко́ня вороной, да
На коне-то да ве... весь убор-от дорогой.

На коне-то весь убор-от дорогой, да
На уборе да си... сидел молодец такой.
Мы не знаем как по именью зовут да
Величают да по... по изотчеству.
Что по именью Вячеслав-от молодец да
По изоществу, ой, Владимирович-господин.
Перед ём-то стоит суженая, ох,
То насуженая, ой, спаряжаная.
Что по имени Светлана-госпожа да
По изочеству, ох, и Юрьёвна-госпожа
В полушалке кашамировым да
В сарафане да га... в гарнитуровым.
[Вы раз]дайтесь — ра...сшатитесь, весь народ, да
На две, на три да на четыре стороны.
Уж мы сойдемся близехонько, да
Мы поклонимся, ох, низехонько.

49

Любезны, милы мои подруженьки,
Не расплетайте вы мне а мою русую косыньку,
Не отвязывайте мои алые ленточки.
Отходила-то я у во садик гуля[ть],
Откра́совалася я во своёй, во своёй девьей кро́соте,
Относила-то я свои алые ленточки.
Западут таперича мои все девьи дороженьки,
Зарастут-то оне все и травонькой-муравонькой.
Родимая ты моя, родимая мамонька,
Да бросаю-то я вас, покидаю.
Иду я в чужие люди, в чу́жи люди, незнакомые,
Как я буду привыкать к чужому уму-разуму?

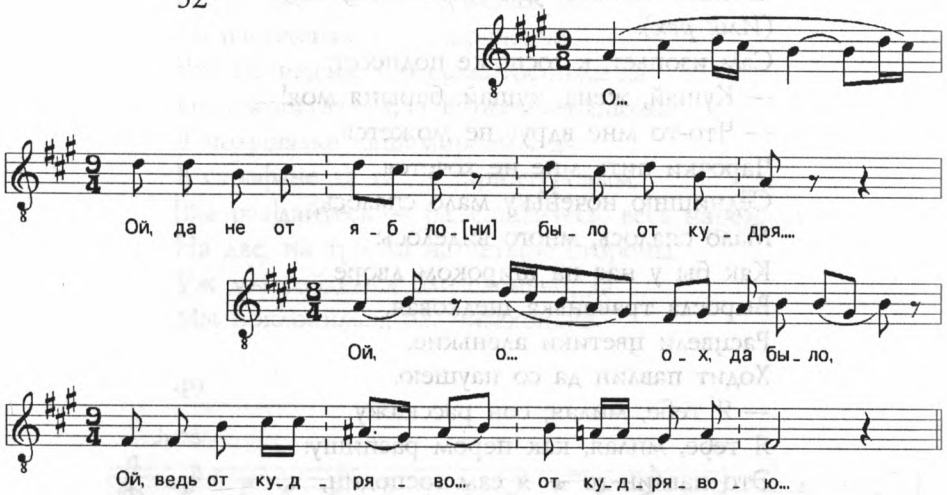
50

Стояла чара на столе, на столе,
Стояла чара на шелковом ковре,
Никто за чару не возьмется.
Взялся-принялся смелый человек,
Смелый человек, удалой молодец
(*Имя рек*).
Сам изопьет, к госпоже поднесет:
— Кушай, жена, кушай, барыня моя!
— Что-то мне вдруг не можется,
Чарочки пить мне не хочется.
Сёднишню ноченьку мало спалось,
Мало спалось, много виделось:
Как бы у нас на широком дворе
Выросла травонька шелковая,
Расцвели цветики аленькие,
Ходит павлин да со паушею.
— Я тебе, милая, сон расскажу,
Я тебе, милая, как пером распишу:
Это павлин-то — я сам господин,
Эта же пауша — ты у меня,
Шелкова травонька — дети у нас,
Аленьки цветики — любят нас.

51

Не водой-то ли да мне умытися,
Не полотенечком да мне утратися.
Мне умытися да горючим слезам,
А мне утратися да правым рукавом.
Вы скажите-ка, мои родители,
Что спалось-то ли да вам темная ночь?
Уж как мне-то, молодешеньке,
Не спалося да мне не лёжалось,
Да много снов-то да мне навиделось.
Уж как первый сон да я увидела —
Да я от бережка да я отста́вала,
Да ко другому-то да не приста́вала.
А второй-то сон да я навидела —

За осоку-то да я хваталася
Да белы рученьки да приобрезала.
Да уж как третий сон да я увидела —
Во Божьéй церкве да млада стóяла,
Да золотой венец да восприймала.

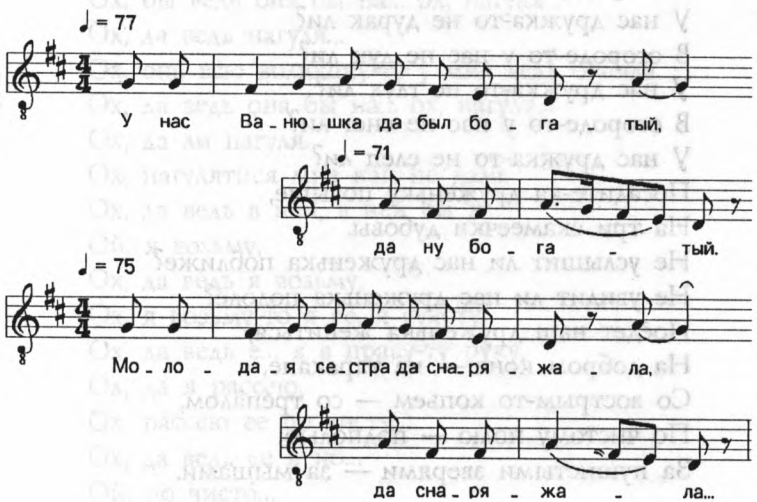
52

О...
Ой, да не от ябло[ни] было от кудря...
Ой, о... ох, да было,
Ой, ведь от кудряво... от кудрявою.
А... ой, да
Отъезжает бы у нас красна деви...
О... ой, да кра...
Ой, ведь красна де... ой, у нас девица.
О... ой, да
Откатается у нас сладкий я...
О... ой, да
Ты ночуй-ко жа у нас одную но...
А... ой, да,
Ой, ведь одную но... бы ноченькю.
О... ох, да
Тую ночанькю ее после...
О... ой, да

Ночь ее после... ой, последняю,
О... ох, да
У родимого у своего ба...
О... ой, да
Я же, ой, ведь я у ба... ой, у батюшка,
О... ох, да
У родимай у ёй своёю маму...
Ой, ой, да
Я бы-то у ма... ой, у мамушки.

53

Мы пойдемте-ка, девицы, на речицы,
Мы запьемте-ка, девицы, водицы.
Дружка-сударь, послушай!
В карманчике деньжоночки пощупай.
В карманчике деньжоночки шевелятся,
Что на ребрышко становятся —
Красным девушкам подарятся.
Красным девушкам на мыло,
Раскрасоткам на белила.
У нас девушки щеголихи:
Без белилочек на улицу не выдут,
Без румяночек по широку не ступят.

54



У нас Ванюшка да был богатый, да ну богатый.
Молодая сестра да снаряжала, да снаряжала,
Грибешочком головушку чесала, да ну чесала,
Вищерочками кудри завивала, да завивала.
— Ты поедишь, Иванушка, жениться, да ну жениться,
Золотою казною откупиться, да откупиться.
Ты умей-ка девицу подарити, да подарити,
Ты не гривенкам дари, а все рублями, да все рублями.

Говорком:

Вас, Ванюшка — с песенкой, а нас — с золотой денежкой!

55

У нас свашенька была красива, да ну красива,
Как макывый свет и в огороди, да в огороди,
Он стоит и при пути и при дороги, да при дороги.
Как крупинщатый пирог и на опари, да на опари,
Как и мед на тарелки асотами, да асотами.
Ты умей-ка дивицу подарити, да подарити,
Ты не гривенькам дари, да все рублями, да все рублями.

Говорком:

Вот, вас — с песенкой, а нас — с золотой денежкой!

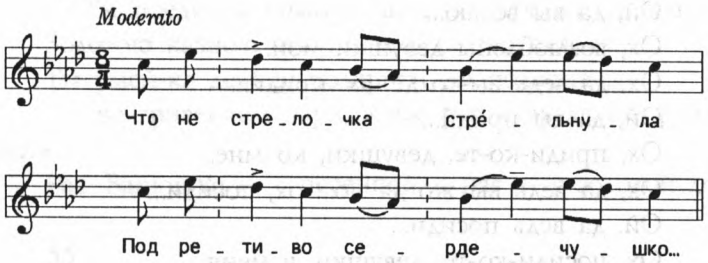
56

В огороде-то у нас не мак ли?
У нас дружка-то не дурак ли?
В огороде-то у нас не лук ли?
У нас дружка-то не глух ли?
В огороде-то у нас не снег ли?
У нас дружка-то не слеп ли?
Посадите-ка друженьку повыше,
На три скамеечки дубовы.
Не услышит ли нас друженька поближе?
Не увидит ли нас друженька подоле?
Поедет наш друженька жениться,
На добром коне — на таракане,
Со вострым-то копьем — со трепалом,
По чистому полю — подполью,
За пушистыми зверями — за мышами.

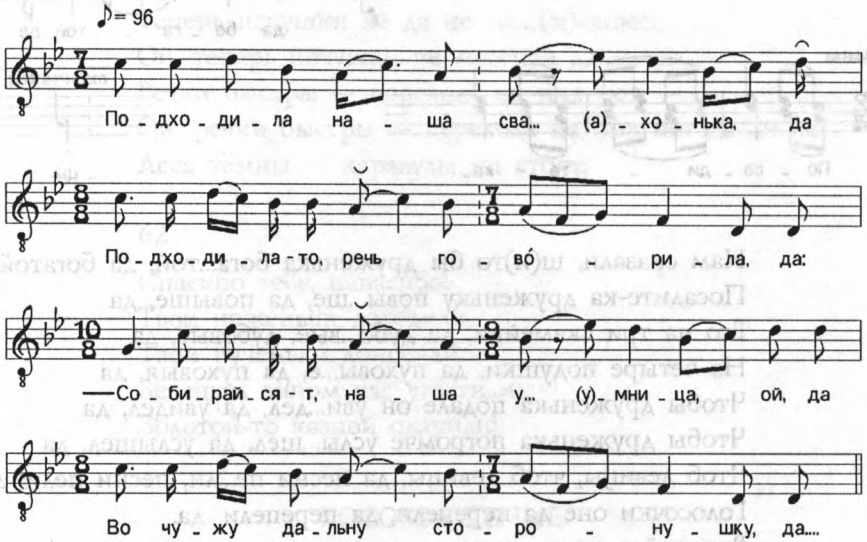
57

Ай, подружаньки вы мои,
Ох, да ведь вы-то де возлю...
Ой, да вы возлю...
Ох, возлюблены девушки мои.
Ох, да ведь вы-то де, ах, приди́...
Ой, да вы приди́...
Ох, приди-ко-те, девушки, ко мне.
Ох, да ведь вы жо да по... ох, посиди...
Ой, да ведь посиди...
Ох, посиди-ко-те, девушки, у меня.
Ох, да ведь вы жо да по... ох, погада...
Ой, да погада...
Ох, погадай-ко-те, девушки, обо мне.
Ох, да ведь вы жо да го... об сиро...
Ох, да об сиро...
Ой, об сиротской ее голове.
Ох, да ведь вы де бы на... ой, навали́...
Ох, да ведь навали́...
Ох, навалилася она на меня.
Ох, да ведь она бы ра... ой, распрокля́...
Ох, ведь распрокля́...
Ох, распроклятая бабья сухота.
Ох, бы ведь она бы на... ох, нагуля...
Ох, да ведь нагуля...
Ох, она всю волю́шку-ту у мня ведь отняла.
Ох, да ведь она бы на... ох, нагуля...
Ох, да ли нагуля...
Ох, нагулятися мне как не дала.
Ох, да ведь в ней, в ней бы я...
Ой, я возьму,
Ох, да ведь я возьму,
Ох, я возьму-то я ее, я сухоту,
Ох, да ведь е... я в праву-ту руку,
Ох, да я рассею,
Ох, рассею ее по чисту́...
Ох, да ведь ее я по...
Ой, по чисто́...

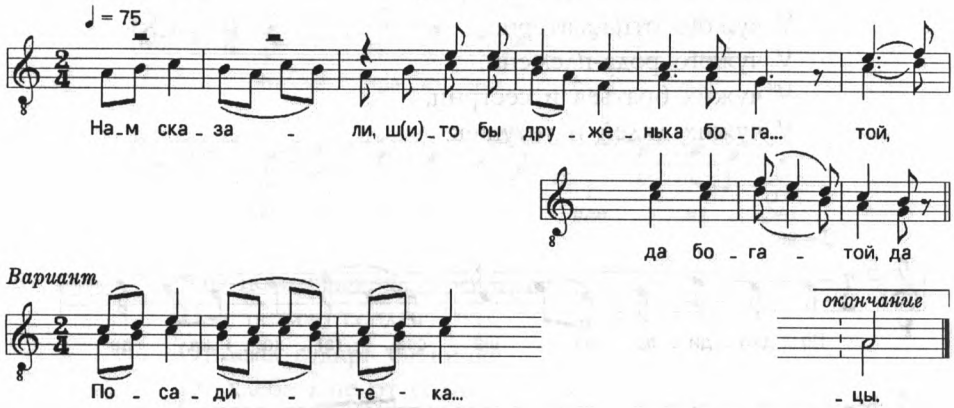
Ой, да я по чисто́...
Ох, по чисту́-то я по полю́.

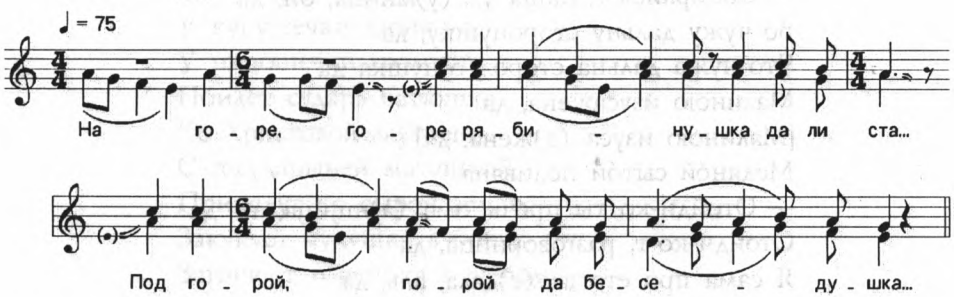
58

Что не стрелочка стре́льнула
Под ретиво сердечушко.
Отказал сударь батюшка
От хлеба мне от соли.
Отказала родна матушка
От платья мне от цветного.
Отказали родны братушки
От коней от вороных.
Отказали родны сестрицы
От скатертей выбранных.
Уж я выйду, горе бедное,
На красно на крылечушко,
Облокочусь о перила дубовые,
О балясы точеные.
Попрошу я, горе бедное,
Я у ласточки крылушек,
У косаточки перышек,
А у голубя голосу,
У кукушечки звонкого,
У горюшечки громкого.
Пойдет сударь батюшка
Ко Христовой заутрени
С государыней матушкой,
Припадут ко сырой земле.
Закукует кукушка в бору,
Загорюет горюшка в сыром —

Заноют их ретивы сердца.
Не кукушка кукует в бору,
Не горюшка горюет в сыром —
Не наше ли дитятко
В чужих людях горюет одна,
У чужого отца-матери,
У чужого рода-племени,
У чужих братьев и сестриц,
У чужих дядей и тетушек.

59

Подходила наша сва...(а)хонька, да
Подходила-то, речь говóрила, да:
— Собирайся-т, наша у... (у)мница, ой, да
Во чужу дальну сторонушку, да
Что чужа дальна сторо...(о)нушка да
Малиною изусажена, да
[Малиною изуса...(а)жена, да]
Медянóй сытóй поливана.
— Отойди-ко ты прочь, ома...(а)нщица, ай, да
Отойди-ко-т, разговорница, да
Я сама про ето ве...(е)дала, аль, да

Что чужа дальна сторонушка да
Калиною изуса...(а)жана и
Го́рючим слезам поли́вана.

60

Нам сказали, ш(и)то бы друженька бога...той, да богатой.
Посадите-ка друженьку повы...ше, да повыше, да
Его на три скамейки, да дубо...вые, дубовые, да
На четыре подушки, да пуховы...ё, да пуховыя, да
Чтобы друженька подале он уви...дел, да увидел, да
Чтобы друженька погромче услы...шел, да услышел, да
Чтоб девицы, чтоб девицы, да песни пе...ли, песни пели, да
Голосочки оне да перепели, да перепели да.
Вот пойдемте, девицы, да на речку, да на речку, да
Мы запьёмте, девицы водицы, да водицы.

61

На горе, горе рябинушка да ли ста...
Под горой, горой да беседушка.
А в той беседе красна девица сидит да ли (й)о...
Она белится да румянится.
Она белится-румянится да ли к мо...
К молодцу и да сряжается.
Приходил за, за ей батюшка родной да ли зва...
Звал он, звал свою дочу...(у)шку домой.
Ой, звал он, звал свою дочушку домой, да ли я...
Я нейду, нейду ли да, ли да не слушаюсь его.
Ой, я нейду, не...йду, не слушаюсь его, да ли те...
Теперь ночушки ли да не ме....(и)сяные.
Ой, теперь ночушки не месенаи да ли ре...
Речки быстры — перехода на них нет.
Ой, речки быстры — перехода на них нет да ли ле...
Леса тёмны — каравулы ни стоят.

62

Спасибо тебе, напасибо!
Твои ноженьки доходили,
Твои рученьки доносили —
Зеленым вином нас угостили,
Золотой-то казной одарили!

КОСОКРАШЕНИЕ

В сибирской традиционной свадьбе большое внимание уделялось символическим действиям над волосами *невесты*, сохранявшимся еще со времен обычного права русской женщины, регламентированного Домостроем.

Особенно торжественно заплетание косы обставлялось перед обрядом *баня* (или утром в день венчания, или накануне), когда *невесте* последний раз заплетали косу. Заплетание сопровождалось одновременным украшением. Косу «*красили*» *косником* (*кра́сотой*) — пучком ярких лент, расшитых бисером. Иногда косу «*красили*» сразу после венчания или на *рукобитье* (локальные традиции), в таком случае ритуал повторялся многократно: каждое утро совершалось ритуальное расплета-

Семейские Забайкалья. Украшение невесты. *Фото В.Т. Новикова.*

ние, когда кра́сота снималась с кос, а затем следовал обряд *косокрашения*, и косник (кисть, куст, косоплетка) снова вплетался. После *рукобитья* (реже после *сватанья*) и до венчания *невесте* ежедневно церемониально расчесывали волосы и украшали косу мать, сестры, подруги — в строгой последовательности. Действия сопровождались песнями, выражающими просьбу девушки причесать ей головушку «*гладешенько черепаховой гребелочкой*». Этот свадебный обычай, как и сам ритуал *косокрашения*, сохранялся в некоторых районах Восточной Сибири до 30-х годов XX столетия, а в старообрядческой почти до конца.

Старообрядцы Забайкалья вплетали в косу короткие разноцветные ленты и бисерные нити, вкалывали цветы — отсюда и название ритуала. Украшенная коса ассоциировалась с «девьей кра́сотой», символизирующей вольную жизнь в отчем доме.

В день *косокрашения невеста* выбирала среди родственников или задушевных подруг *зва́тов*, которые, нарядившись, ходили по домам с приглашением: «*Милости просим к нашей сестрице* (*имя и отчество невесты*) *на косокрашение*». Причем в разных селах они наряжались по-разному: чаще надевали лучшее, обязательно яркое, в отдельных же случаях, напротив, облачались в лохмотья, мазали лица сажей (например, в старообрядческих селах Забайкалья).

Во время сбора гостей *невеста* сидела в кути, закрывшись большим платком, и плакала. *Дружка* подносил родителям *невесты* вино с приговором, которым и начинался обряд:

Выпейте-ка чарочку,
На дне — мед да патока,
Виноград да ягода.
Батюшка родимый, матушка,
Подойдите поближе,
Выпейте вы чарочку,
Благословите невесте
Русу косу заплести,
Кикимору золотым
Алтынным гвоздем пришибить,
Чтобы на бок не вило
Да не похлябывало.

(Потанина II, с. 6)

После приговора *невесту* выводили из кути и сажали посреди горницы на лавку или ставили на колени. Если кто-нибудь из близких отсутствовал, *невеста* просила отца немного подождать, девушки в этом

случае пели песню «Повремени-ко, родимый батюшко». Затем исполнялись песни с просьбой *невесты* благословить украсить ее косу:

Благослови меня, Господи,
Пресвятая мать Богородица,
Уж как сесть-то мне, красной девице,
На брусчату-то белу лавочку,
Изукрасьте мне буйну голову.

(Чит. сб., с. 237)

Благослови-ка, Господи, изукрасити
Мне трубчатую косу.

(Логиновский, с. 15)

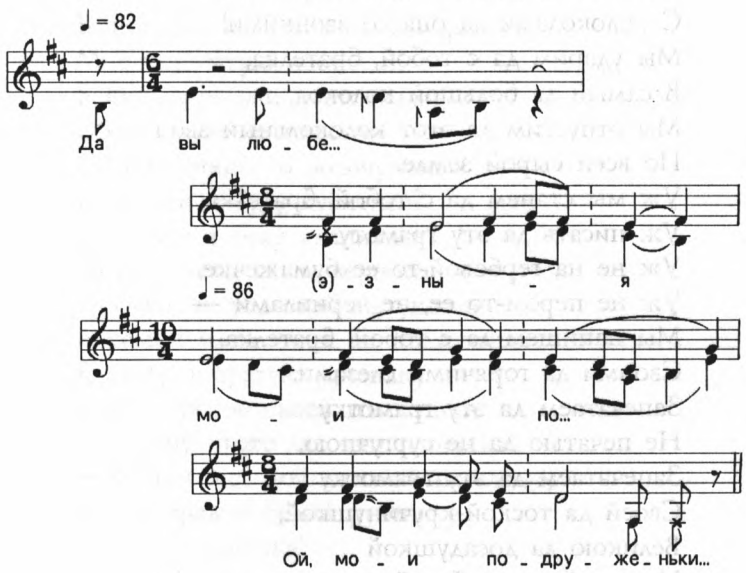
Получив благословение родителей, близкие подруги расчесывают волосы и заплетают невесте косу, вплетая косники от корня. В ангарских селах они не вплетались, а прикреплялись, для чего готовились специально: короткие разноцветные ленточки, которые с одного конца собирались в пучок и скреплялись заколкой или булавкой, и в таком виде косник удобно было прикалывать к косе. Затем прикреплялась *жемчужная кисть*, о которой поется во многих свадебных песнях, — это кисть из разноцветного мелкого бисера (чем больше нитей, тем лучше), на голову надевали венок из бумажных цветов, иногда корону, украшенную елочными бусами или бисером и бумажными цветами.

Во время *косокрашения* хор девушек исполнял песни, которыми как бы призывали совершать обряд. Один и тот же текст с разными обращениями адресовался всем участникам последовательно: матери *невесты*, сестре (сестрам), близким подругам. *Невеста* все время не переставала плакать и причитать, как этого требовал обычай. По окончании обряда подруг угощали обедом.

В конце XIX в. место исполнения ритуала *косокрашения* в сибирской свадьбе не было регламентировано. Иногда он был в последнее воскресенье перед венчанием. В таком случае *невеста* оставалась с украшенной косой несколько дней, до обряда *расплетания косы* и *прощания с девьей крáсотой*. Такая приуроченность обряда нам представляется наиболее логичной, так как в большинстве районов на *девичнике* расплетали косу и снимали венок или корону, готовили *невесту* к обряду *баня*. Чаще *косокрашение* проходило накануне *бани*, а на следующее утро совершалось ритуальное расплетание косы.

В данном разделе песни, исполняемые при *косокрашении*, расположены в последовательности, наиболее полно отражающей порядок

ритуальных действий: сначала песни с просьбой благословить украсить косу, затем — приглашающие к совершению действия, поочередно обращенные к матери, сестре, подругам. Песни о *кра́соте* («Заводила я красоту») тесно связаны со следующим обрядом — *прощание с красной кра́сотой.*

63

Да вы любе...(э)зныя мои по...
Ой, мои подруженьки,
Да вы пойде...(о)те-ка да ли в лес по...
Ой, да в лес по ягоды
Да поприме...(э)тьте-ка да ли девью...
Ой, да девью кра́соту.
Да не сиди...(и)т ли [о]на да ли где по...
Ой, да где под кустиком,
Да что не чё...(о)шет ли да ли буйну...
Ой, да буйну голову,
Да не плятё...(о)т ли [о]на да ли трубщи...
Ой, да трубщету косу,
Да трубщету, ой, да косу да ли девью...
Ой, да девью кра́соту?

64

Уж я кого, молода, попрошу-ка?
Уж я покучусь да покланяюсь родимому брателке:
— Уж мы пойдем-ка с тобой, родимый брателка,
На ту гору высокую.
Там стояла да мать Божья церковь
С колоколами да она со звонкими!
Мы ударим да с тобой, брателка,
В самый да большой колокол,
Мы отпустим да этот колокольный звон
По всей сырой земле.
Уж мы станем да с тобой, брателка,
Уж писать да эту грамоту
Уж не на гербовой-то ее бумажечке,
Уж не пером-то ее, не чернилами —
Мы напишем да с тобой, брателка,
Своими да горячими слезами.
Запечатаем да эту грамотку
Не печатью да не сургучною,
Запечатаем да эту грамотку
Своей да тоской-кручинушкой,
Великою да досадушкой
На своей да на белой груди.
Мы отправим да эту грамотку
Мы не с коневым да мы не с пешим,
С перелетным да ясным соколом.
— Уж полетай-ка ты, млад ясён сокол,
Выше леса стоячего,
Ниже облака ходячего
Ко родимому-то ты ко брателке.
Оброни же, млад ясён сокол,
На широку да чисту улицу,
Где живет родимый брателка,
Ко его да новой горенке.
Выйдет родимый брателка
На широкую да чисту улицу,
Подымет да эту грамотку,
Уж прочитает родимый брателка:

— Просит да моя сестрица
На пир да на беседушку,
На великую компаньюшку,
На заплетанье да трубчатой косы,
На разлуку да с девьей кра́сотой!

65

Благослови-ка, Господи, изукрасити
Мне трубчатую косу
Всякими алыми цветочками,
Обдерными ленточками
Со кисточкой со жемчужною!
Кому же я буду кучитися?
Кому же я буду кланятися?
Нету у меня слуги верного
Послать за родимой матушкой,
А самой идти — да не поднятися!
Вздыму я правую рученьку
Выше буйной своей головушки
И опущу ниже лавочки площатой:
— Спади же, мой золотой перстень,
Да со правой белой рученьки
Да со мизинчика!
Да катись ты в куть за занавесочку,
Да ко родимой моей матушке во резвые ножки!
Проси ты родимую матушку
С дорогим частым рыбьим гребешком
Учесать мою буйную головушку,
Не с гульбы-то болит, не с прохладушки,
Со тоски-то, злой печалюшки!

66

Сажусь я, красная девица,
На дубовую на лавочку
Под косящето окошечко.
Кому же я буду кучиться?
Кому низко кланяться?
Благослови, родимый батюшка,
Заплести мне косу трубчату

И вплести в нее ленты алые!
Неужели-то я открасовалася,
Неужели-то я отбасовалася,
Како же было мое красование,
Како же было мое басование?..
Во слезах-то я сижу, во кручинушке,
Во большой-то во заботушке.

67

Зайди, солнце красное,
Из-за гор-то высоких,
Из-за лесу-то темного,
Из-за батюшка, из-за синя моря,
Из-за матушки Москвы каменныя.
Ты дойди-ка, родима матушка,
До стола-то дубового,
До скатерти шиты-браныя,
До меня, красной девицы.
Потрудись, родима матушка,
Донесу тебе докукушку
И чижелую работушку:
— Заплети-ка мне трубчату косу
Мне во пятеро и во шестеро,
Во мелко пшенично зернышко.
По корень моей трубчатой косы
Вплети мне-ка волю батюшкову,
Посередь моей трубчатой косы
Вплети мне-ка негу матушкину,
По конец моей трубчатой косы
Вплети ленту шелковую.

68

Ты взойди, взойди, солнце красное,
Из-за гор взойди из-за высоких,
Из-за моря да леса темного.
Благослови меня, Господи,
Пресвятая мать Богородица,
Уж как сесть-то мне, красной девице,
На брусчатую-то белу лавочку

И склонить мне буйну голову.
Изукрасьте, мои подруженьки,
Вы мою трубчату косу.
Подойди, родная матушка,
Ты ко мне, красной девице,
Учесать мою буйну голову.
Подойди, родимая сестрица,
Уплети мою трубчату косу.
Не прогневайтесь, мои подруженьки,
Мне не всех звать по имени,
Не всех вас по отчеству.
Изукрасьте мою русу косу
Дорогими алыми лентами,
Еще всякими цветочками,
Дорогой кистью жемчужною.

69

Я стояла, красна девушка,
Против матицы кленовой,
Я чесала да буйную голову
Дорогим да рыбьим гребешком!
Не могла учесать:
Примахала ручки белые,
Пристояла ножки резвые,
Проглядела очи ясные
На свою родиму матушку:
— Подойди, родимая матушка,
До меня молодешенькой!
Учеши мою буйную головушку,
Уплети трубчату косу
По единому русу волосу,
По пшеничному зернышку.
По корень моей русой косы
Плети две яблони кудрявые
Ты со волей батюшкиной!
Посередине моей русой косы —
Два садочка, два зеленые
Ты со волею матушкиной!
По конец моей русой косы

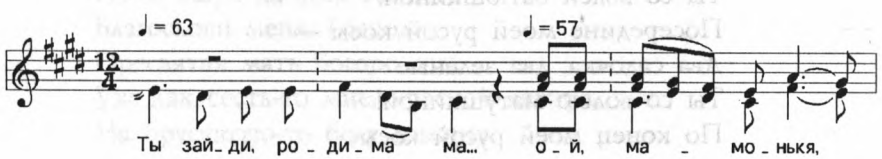
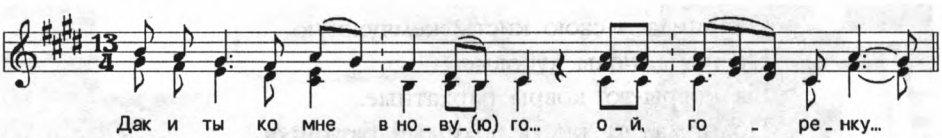
Плети конец алой-шелковой
Ты со кисточкой жемчужною,
Со ленточкой обдирною!
Но пущай кисти катаются,
А вы, ленты, устилаются
По моим-то могучим плечам,
По моему платью светлому!
Но недолго кистям кататися,
Алым лентам устилатися:
Семиденная да неделечка!

70

Благодарствуй, родима матушка,
Зачесала мою буйну головушку
Гладешенько и хорошошенько,
Заплела мою русу косоньку
Мельчешенько, хорошошенько,
Браве́, хороше моих подруженек.
Благодарствую, моя невестушка-сестрица,
Изукрасила мою буйну головушку.

71

Благодарствуй, родима матушка,
Заплела ты трубчату косу
Мне во пятеро и во шестеро,
Во пшенично мелко зернышко.
По корень моей трубчатой косы
Заплела волю батюшкову,
Посередь моей трубчатой косы
Вплела негу матушкину,
По конец моей трубчатой косы
Вплела кисть шелковую.

72

Ты зайди, родима ма... ой, мамонькя,
Дак и ты ко мне в нову го... ой, горенку,
Дак и ты же сядь, родима ма... ой, мамонькя,
Дак и на диван-то под око... под окошечко,
Дак и под немецко стеко... ой, стеколышко.
Дак и уж гляди, родимая ма... ой, мамонькя,
Дак и на мою ты девью кра... ой, кра́соту,
Дак и на мое ты украше... украшеньицо.
Дак и уж я красила кра... ой, кра́соту
Дак и уж я днем против со... против солнышка,
Дак и уж я ночью против ме... против месяца,
Дак и против частеньких зве... ой, звездочек.
Дак и то счастливоё заму... ой, замужьицо —
Дак и расцветет та девья кра... ой, кра́сота.
Дак и несчастливоё заму... ой, замужьицо —
Дак и та поблекнет девья кра... ой, кра́сота.

73

Заводила я девью кра́соту
Не на сто рублей, не на тысячу,
Заводила я на три тысячи.
На первую тысячу я брала шелку разного,
На вторую тысячу брала скатного жемчуга,
На третью тысячу — разных ленточек гарнитуровых.
Вязала я кисть жемчужную:
Днем вяжу я по красну солнышку,
А вечерами — со свечкой сальною,
А ночью — по ясному месяцу,
А рано утром — перед печушкой.
Обновляла я кисть жемчужную
Во матушке церкви Божией
Во Христовскую заутреню,
Во обедню Благовещенскую
И во ве́черню во Троицкую.

Обронила я свою кисть жемчужную
На полы, полы дубовые,
На ковры-то, ковры бархатные.
Поднимал ту кисть родимый батюшка
На свои-то ручки белые,
На свои перстни злаченые.
Я отдам кисть родной матушке
Сохранить ее на долгие века.

РАСПЛЕТАНИЕ КОСЫ

Расплетание *невестиной* косы в большинстве сибирских районов совершалось утром в день венчания перед *баней*. *Невеста* в сопровождении ближайших подруг, которые не расставались с ней после *сватовства* (или после *рукобитья*), шла утром на могилу отца или матери и причитала там, прося благословения к венцу (если родители живы, ходить на кладбище было необязательно). Девушки исполняли песни *невесты-сироты*. Возвратившись, *невеста* обращалась к помощи *зва́тов*, для приглашения гостей на *расплетание косы*.

Когда собирались все приглашенные, *невеста*, стоя на коленях с опущенной головой, припевала песнями и причетами близких родных к косе. Иногда пели от ее имени подруги. Один и тот же текст исполнялся последовательно: сначала отцу, затем матери, сестре, брату, подругам — всем, кто по регламенту свадебной игры должен принять участие в совершении обряда. В песнях заменялись лишь обращения, которые всегда были поэтически развернуты.

В Сибири сохранилось немало обрядовых песен на *расплетание косы*, достаточно полных и красивых, с развернутыми поэтическими обращениями к «*схожему красну солнышку*» (отцу и брату), «*беленькой лебедочке*», «*горе высокой, стене белокаменной*», «*непомерклой, незакатной светлой звездочке*» (матери) и т.д.

Ритуал начинался снятием с головы *невесты кра́соты* (косника, куста, кисти, короны, венка). Затем каждый из приглашенных к действию, едва касаясь косы, расплетал одну прядь и подносил *невесте* подарок, что называлось «*положить на косу*». Расплетать не торопились: нужно, чтобы всем осталась «работа». Ритуал сопровождался песнями по этому случаю.

По окончании обряда *невеста* одаривала всех подружек и девочек своей *кра́сотой* — лентами, выплетенными из косы, а незамужнюю

Семейские женщины с реки Чикой. Конец XIX в. Читинский областной краеведческий музей. *Фотокопия из архива Л.Е. Элиасова.*

сестру — жемчужною кистью. Раздача девьей кра́соты означала пожелание быстрее выйти замуж. В некоторых районах Сибири кра́соту *невеста* раздавала в обряде *прощания с девьей кра́сотой*, что наиболее логично.

После обряда *расплетания* волосы *невесты*, расчесанные и перевязанные особой лентой, оставались незаплетенными до *окру́чивания*, исполнявшегося уже в доме *жениха* после венчания.

Расплетание косы — первый обряд, в котором девушка навсегда расставалась с девичьими предметами. В этот период настойчивее звучит песенный мотив о расставании с девичеством и с жизнью в отчем доме.

В данном разделе песни размещены в следующей последовательности: песни общего содержания, предшествующие действию; приглашающие к совершению обряда; о завершении обряда; песни-благодарения.

74

Уж вы люди, люди добрые,
Вы соседи приближенные,
Вы расстаньтесь-расступитеся
Вы на все четыре стороны.

Допустите вы, люди добрые,
Моего батюшку родимого.
Уж дойди ты, дойди-доступись
Ты, родимый мой батюшка,
До моей трубчатой косы,
До хорошей девьей кра́соты,
Расплети ты мою трубчату косу.
Уж вы люди, люди добрые,
Вы соседи приближенные,
Вы расстаньтесь-расступитеся
Вы на все четыре стороны,
Допустите, люди добрые,
Мою матушку родимую.
Уж дойди ты, дойди-доступись
Ты, родимая моя матушка,
До моей до русо́й косы,
До хорошей девьей кра́соты
Ты с частым рыбьим гребешком.

75

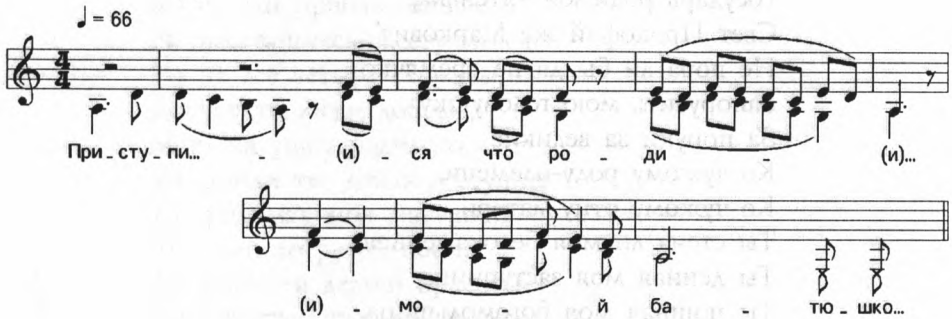
Разродимый мой, родимый тятенька,
Не подойдут ли твои резвы ноженьки
Да ко мне ж, мой родимый тятенька?
Да не подымутся ли твои белы рученьки
Да на мою-то, тятенька, буйную головочку?
Да не расплетешь ли ты мою русу косоньку?
Да разродима ты моя, родима мамонька,
Да не подойдут ли твои резвы ноженьки
Да ко мне ж, мамонька родима, ко мне близенько?
Да не подо́ймутся ли твои белы рученьки
Да на мою, мамочка, на буйную головушку?
Да не расплетешь ли ты мне русу косоньку?
Да разродимый ты мой, милый браточка,
Да не подойдут ли твои резвы ноженьки
Да ко мне, мой милый браточка?
Да не подо́ймутся ли твои белы рученьки
Да на мою буйную головочку?
Да не расплетешь ли ты мою русу косоньку?
Да родимая моя, сестричка милая,

Да не подойдут ли твои резвы ноженьки
Ко мне, милая сестричка, ко мне близенько?
Да не подóймутся ли твои белы рученьки
Да на мою-то буйную головушку?
Да не расплетешь ли ты мою русу косоньку?

76

Ты восхожее красно солнышко,
Государь родимой тятенька,
Свет Прокофий же Маркович!
Не пора ли бы да не времячко
Запоручить мою головушку
За поруки за великие
Ко чужому роду-племени,
Ко чужому отцу-матери.
Ты стена ли моя белокаменная,
Ты денная моя заступница,
Ты ношная моя богомольщица,
Ты родимая моя мамонька!
Надоела вам, надоскучила,
В цветах платьица износила...
Разлучают молодешеньку
Со всем родом-племенем,
Ко чужому отцу-матери.
Подойди, родимый тятенька,
Ко мне-то ли, молодешенькой.
Расплети-ка, родимый тятенька,
Мою-то ли трубчату косу,
От роду-то не впéрвые,
В девьей крáсоте во последние.
Подойди, родима мамонька,
Ко мне-то ли, к молодешенькой,
Расплети-ка, родима мамонька,
Мою-то ли трубчату косу,
От роду-то не впéрвые,
В девьей крáсоте во последние.
Улетела моя девья крáсота
На долинушки на широкие,
На садички на зеленые.

Садилась моя девья кра́сота
На горькую на осинушку,
Скуковала моя девья кра́сота
Обо мне-то ли, молодешенькой.
А я-то, молодешенька,
У чужого роду-племени,
У чужого отца-матери.

77

Приступи...(и)ся что роди...(и)мой батюшко...
Батюшко...
Ой, да ко моёму жа да горю великому.
Велико...
Ой, да ко моё...(о)й, да к де... к девьёй кра́соте...
Кра́соте...
И... ой, да ка[к] моя...(а)-то жо да де... девья кра́сота...
Кра́сота...
А... ой, да не (й)огнём же, да не пламенем.

78

Приступи, родимый батюшка,
Ко моей-то ли девьей кра́соте,
Расплети, родимый батюшка,
Что мою-то трубчату косу.
Видно, я у вас отнежилась,
Видно, я откра́совалася!
Видно, я уж вам наскучила,
Видно, я вам напрокучила!
Награди, родимый батюшка,
Ты меня благословеньицом!

79

Ты постой, постой, добрый конь,
Ты у батюшкина широка двора,
У матушкина высока терема,
У братцова высока крыльца,
У сестрицына у кутна́ окна.
Ах ты дай-ко мне наглядетися
Мне на батюшкин на широкий двор,
Мне на матушкин на высок терём,
Мне на братцево на красно́ крыльцо,
На сестрицыно на кутно́ окно.
Увезут меня, горьку-бедную,
Далеким-то далекошенько,
На чужую дальну сторонушку!
Ах ты красное мое солнышко,
Ты родимый мой сударь батюшко!
Незакатная-непомерклая
Ах ты светлая моя звездочка,
Ты родимая моя матушка!
Как знялись твои ручки белые
Расплести мою тру́бчату косу,
Потерять мою алу ленточку.

ПРОЩАНИЕ С КРА́СОТОЙ

Обряд *прощания с девьей (красной) кра́сотой* — это ритуальное расставание *невесты* с девичьей вольной жизнью, понятие о которой в русской свадьбе и свадебной поэзии издавна было связано с набором предметов-символов. Постоянными обрядовыми и поэтическими символами кра́соты были яркие ленты, которые *невеста* дарила подругам при *расплетании косы.* В описываемом обряде кра́сотой могла быть палочка с прикрепленными к ней лентами и бумажными цветами, или «*вершинка сосенки*» (иногда другого дерева), украшенная лентами, цветами, бусами.

В конце XIX — начале XX вв. этот ритуал совершался в каждой местности в разное время и по-разному. По обрядово-поэтическому содержанию он мог быть естественным продолжением обряда *расплетания косы*, когда с *невесты* снимали венок (символ девичества), расплетали ее косу и одаривали выплетенными лентами девушек. Вероятно, обряд

возник в пору закрепощения русской женщины, но к указанному времени утратил свои правовые функции, сохранив и развив поэтические.

Обряд *прощания с красной кра́сотой* заключается в следующем. *Невеста* обращалась к отцу, матери, сестрам (и другим близким людям по очереди) с просьбой снять с нее венок — *кра́соту*. Отец, как бы подчеркивая свое нежелание расставаться с любимой дочерью, отказывался, но потом «*сдавался*» и приступал к обряду. Затем *невеста* (или от ее имени) о том же просила мать, которая также отказывалась:

Не подымаются мои рученьки
На твою русую головушку...

Дочь повторяла просьбу, добавляя к ней для большей убедительности:

Хоть ты не снимешь ее,
С меня снимут злы чужи люди...

А.А. Яковлева в традиционном головном уборе-кичке. Село Михайловка Хоринского района Бурятии. 1960-е годы.
Фото из архива Р.П. Потаниной.

Мать продолжала ритуал, начатый отцом. Песни подробно отражают этот эпизод свадьбы, как бы регламентируя последовательность действий всех участников. Один текст повторялся всем.

Разыгрывалось настоящее драматическое действо. Каждый исполнитель обряда снимал один атрибут кра́соты (например, венок) под песни, повторявшие просьбу заручennой снять с нее кра́соту, так как она «не приладилась по старому, не приладилась по-прежнему» и потому не идет к лицу. За это время девушки успевали пропеть несколько раз, меняя обращения. Кра́сота снята, и певицы садились за стол «*угощаться*».

Многие обрядовые песни на *прощание с кра́сотой* сохранили отголоски давно забытых свадебных ритуалов, например, *закатывание кра́соты* (*отпуск кра́соты*) — пожалуй, самый поэтичный и ярко

драматизированный из забытых. Он заключался в том, что *невеста* в окружении близких подруг на утренней и вечерней заре ходила в лес «отпускать от себя красоту» — прощаться с нею и вольной природой. Девушки пели по дороге соответствующие песни, в лесу под пение заламывали верхушку дерева, украшали ее и прощались как с живым существом. Сейчас редко кто вспоминает, что раньше действительно ходили обязательно в лес и пели «*про зарю песни*».

Обряд *прощания с красной кра́сотой* (все его ритуалы, песни, символы) едва ли не самая поэтически развитая часть свадьбы. Это было драматизированное действо, рассчитанное на эмоциональное воздействие на «зрителей». Отдельные элементы этого «спектакля» в сокращении можно записать еще и сегодня (в Туве, Забайкалье, Хакасии, Новосибирской обл.). Из известных нам современных записей наиболее полно обряд представляет одна, сделанная в 1970 г. в с. Бондарево Бейского района Хакасии от Екатерины Федоровны Поспеловой. Здесь красоту символизировала верхушка сосенки, традиционно украшенная, с которой прощались как с живой. В самый разгар обряда подруга *невесты* вносила кринку с сосенкой, проходила с ней от порога до стола с приговором, который, вероятно, является осколком забытого приговора дружки или свахи:

Раздайся, народ,
Расшатися, народ!
Девья красота идет!
Не сама она идет,
Красна девица несет!

После этого сосенку начинали «*раздевать*», одаривая девушек снятыми украшениями. На этом игра не заканчивалась. «Сняв» кра́соту, исполнительница теперь играет обиженную кра́соту, навсегда покидающую свою хозяйку:

Пошла девья красота,
На милую Катюшу рассердилася;
Дверям хлопнула, ногой топнула:
— Этому дереву не быть два раза зелену,
А Катерине Федоровне не быть два раза девушкой.

(Потанина I, с. 74)

В песнях данного обряда часто звучит *мотив сломленной сосенки* (*веточки*), «*зари ясной закатной*». Психологические параллели судьбы *невесты* со *сломленной веточкой* находим в классических сборниках прошлого века (Киреевский, Шейн) и современных публикациях (Мельников, Мухомедшина, Т. Леонова, Потанина и др.).

80

Вы простите меня, мои подруженьки,
Вы простите меня, мои голубушки!
Видно, с вами я открасовалася!
Поручаю вам девью кра́соту,
Принуждают меня с ней расстатися,
Заставляют меня отказатися!
Уж мне чем платить, голубушки,
За труды ваши, за усердие?
Не в моей воле золота казна,
Не в моей воле дороги дары.

81

Не подымайся, родимый батюшка,
Со лавочки со дубовою,
Не проходи с по полу кирпищетому
Во куть за занавеску,
Не засланивай заслоночку,
Не сдувай огня ясного,
Не зажигай свечку белуярову,
Не разлучай меня со русой косонькой,
Со хорошей девьей кра́сотой.

82

Раздайся, народ,
Расшатися, народ:
Красна девица идет
На резвых на ножках,
Во сафьяновых сапожках!
С ноги на ногу вставала,
Ближе к столу подходила,
Низко кланялася.
— Сватьюшки, на столике
Освободите,
Девью кра́соту
Постановите,
Свечечки гасите,

Денежки кладите,
Гасите кажные,
Кладите бумажные.

83

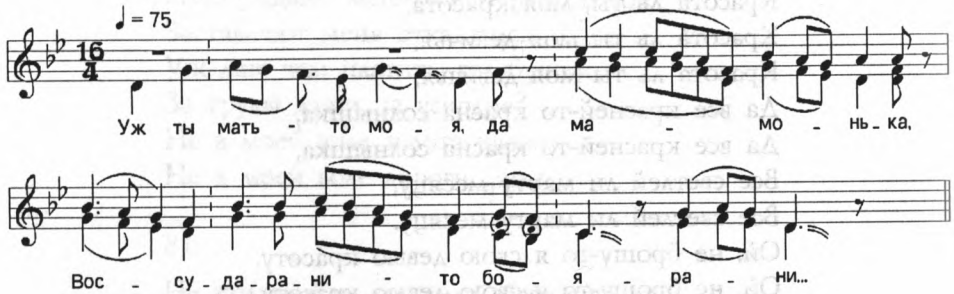
Красота́ ль ты, моя кра́сота,
Красота́ ль ты моя девичья,
Красота ль ты моя девичья,
Да все красней-то красна солнышка,
Да все красней-то красна солнышка,
Все светлей ли марту месяцу,
Все светлей ли марту месяцу.
Ой, не брошу-то я свою девью кра́соту,
Ой, не брошу-то я свою девью кра́соту
Да не в огонь-то и во не пламеню,
Не в (З)дунай-то ли реку быструю,
Не в (З)дунай воду холодную.
О(т)пущу-то ли свою кра́соту
По застолью-то куть, по лавочке
Ко родимой своей сестрице,
Ко родимой-то голубушке.
Ты красуйся, моя сестрица,
Ты красуйся-ко, голубушка,
Сколько я ли красовалася
У родимого свого батюшки.

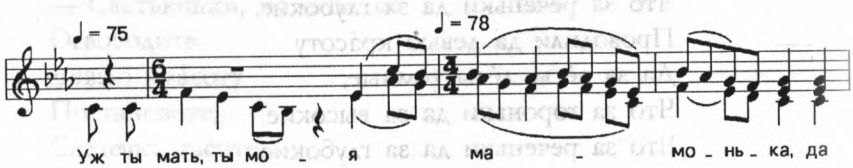
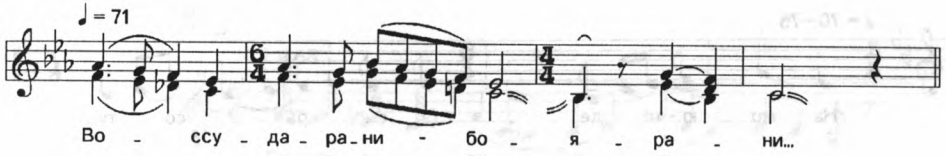
84

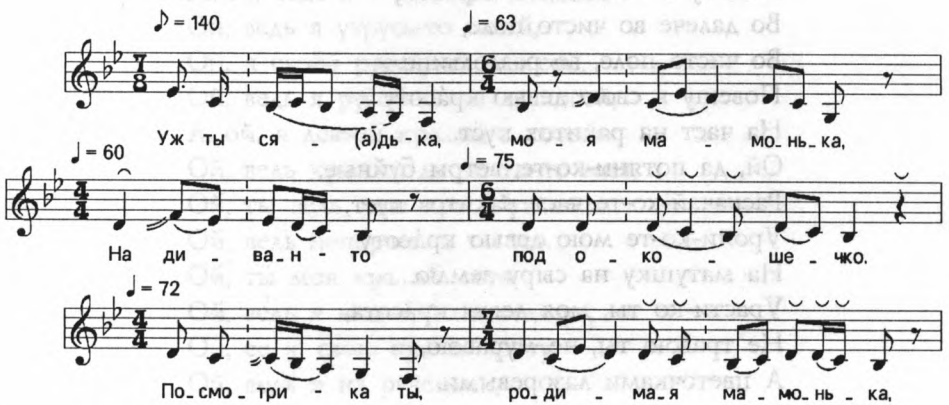
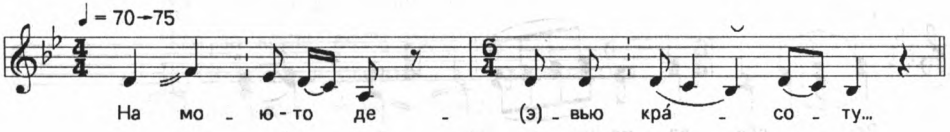
Догорела да заря ясная,
Да закатилось да красно солнышко.
Да закатилась да девья кра́сота
Что за ле́сы, за ле́сы темные,
Что за гороньки да за высокие,
Что за реченьки да за глубокие.
Проводили да девью кра́соту
Да за ле́сы, ле́сы темные,
Что за гороньки да за высокие,
Что за реченьки да за глубокие.

5 Заказ № 781

Да улетела да девья кра́сота
Что за ле́сы, ле́сы темные.
Проводила я свою да девью кра́соту
Да за ле́сы, ле́сы темные.

85

Уж ты мать-то моя, да мамонька,
Воссударани-то боярани,
Воссударани-то боярани, да
Проходи, родимая ма...монька,
Проходи, родимая мамонька, да
Во перед во новую го...рницу,
Во перед во новую горницу, да
Посмотри, родимая ма...монька,
Посмотри, родимая мамонька, да
На мою на девью-ту кра́соту,
На мою на девью-ту кра́соту да.
Отлетает-то девья-то красота,
Отлетает девья-то красота, да
За леса, за леса темныя,
За леса, за лесанька темные, да
За моря, за морюшко синея,
За моря, за моречко синея, да за...

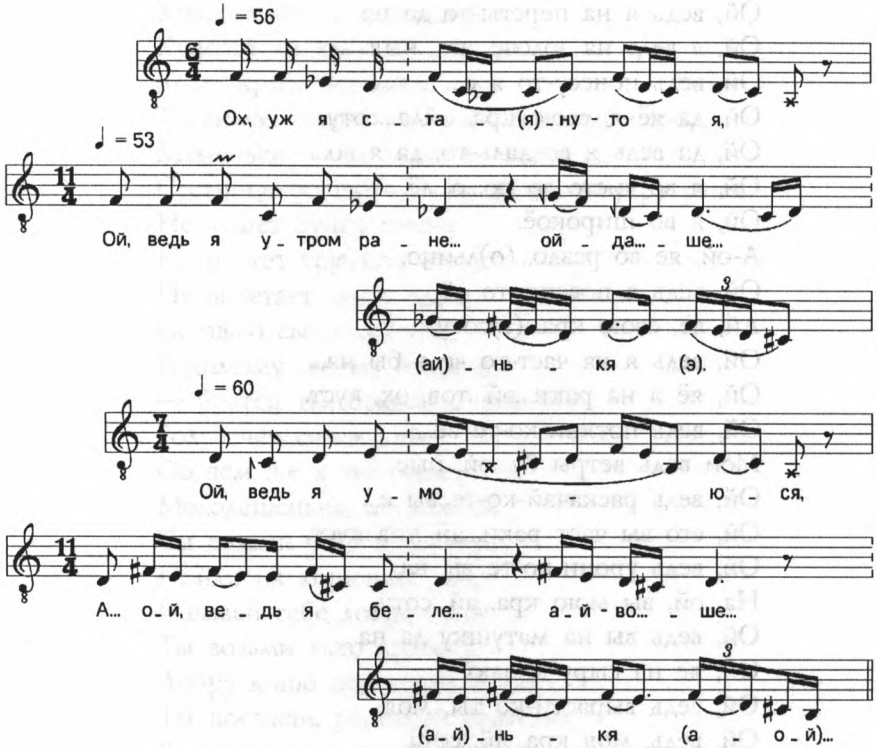
86

Уж ты мать, ты моя мамонька, да
Воссударани-боярани.
Воссударани-боярани, да
Проходи, родимая ма... мамонька.
Проходи, родимая мамонька, да
Во перед во новую горницу,
Во перед во новую горницу да
На мое любимое местико,
На мое любимое местечко, да
На диван против окошечка,
На диван против окошечка, да
Посмотри, родимая мамонька,
Посмотри, родимая мамонька, да
На мою на девью да кра́соту,
На мою на девью-то кра́соту, да
Отлетает девья-то кра́сота.
Отлетает девья-то кра́сота, да
За моря, морюшко си...нея,
За моря-то, мо...ренько синя, да
За леса-то, лесонька темныя.

87



Уж ты сядь-ка, моя мамонька,
На диван-то под окошечко.
Посмотри-ка ты, родимая мамонька,
На мою-то девью кра́соту.
На мою-ту девью кра́соту,
На мое-то у... украшеньице.
На мое-то украшеньице,
На мою-ту косу рубчатую.
На мою-ту косу рубчатую,
Как там нет-то алой ленточки.

88

Уж я стану поутру ранешенько,
Я умоюся белешенько,
Я утруся русой косой —
Девьей кра́сотой.
Красота ты моя, девья кра́сота,
Непомерная ты, непорочная!
Возьму я свою девью кра́соту
На рученьки на белые,
На перстни на злосчастные.
Понесу я свою девью кра́соту
Во далече во чисто поле,
Во чисто поле, во раздольице.
Повешу я свою девью кра́соту
На част на ракитов куст.
Ой, да потяни-ко-те, ветры буйные,
Раскачай-ко-те част ракитов куст,
Урони-ко-те мою девью кра́соту
На матушку на сыру землю.
Урасти-ко ты, моя девья кра́сота,
Не травою ты, не муравою,
А цветочками лазоревыми.

89

Ох, уж я стану-то я,
Ой, ведь я утром ране...ойда...шенькя.
Ой, ведь я умоюся,
А...ой, ведь я беле...айво...шенькя.
Ой, ведь я утрусь-то своёй,
Ой, я своёй русой, ай, ко...сой,
Ой, ведь я русой-то ли да косой,
А...ой, я девьей кра...айга...сотой.
Ой, ведь красота да ли ты-то моя,
Ой, ты ведь, моя кра...айга...сота,
Ой, ведь непорченая ты мо...
Ой, ты моя кра...ай...сота.
Ой, ведь я возьму-то я ведь ее,
Ой, ее я, свою кра...ай...соту,
Ой, ведь я на рученьки,

Ой, я на бе...эй...лыи,
Ой, ведь я на персты-то да на,
Ой, я ведь на золоче...ага...ныя.
Ой, ведь понесу-то я е...
Ой, да яё я, свою кра...ойда...соту,
Ой, да ведь я во даль-то, да я во...
Ой, я во чисто во по...о...лё.
Ой, я во широкоё,
А-ой, яё во раздо...(о)льицо,
Ой, ведь я повешу-то яё,
Ай, яё, свою кра...(э)соту,
Ой, ведь я на част-то ведь бы на...
Ой, яё я на раки...эй...тов, ох, куст.
Ой, ведь потяни-ко-те ве...
Мои ведь ветры бу...ой...ные,
Ой, ведь раскачай-ко-те вы е...
Ой, его вы част раки...ай...тов куст,
Ой, ведь урони-ко-те вы на...
На, ой, вы мою кра...ай...соту,
Ой, ведь вы на матушку да на...
Ой, яё на сыру землю.
Ой, ведь вырасти-ко ты, моя,
Ой, ведь, моя кра...ай...сота,
Ой, ведь не травами, ты ведь не...
Ой, ведь да не коре...(э-е)ньями,
Ой, ведь не цветами ты ведь не...
Ой, ли не да не лазо...(о)ревыми.
Ой, ты достанься-да-ко ты, мо...
А-ой, ты, моя кра...(ай)сота,
Ой, ведь ты не мне-то ли ты не...
Ой, ведь ты не моё...(о)й сестре,
Ой, ведь ты возлюбленной,
Ой, ведь ты моей подру...(а)...женьке.
Ой, ведь ты красуйся-ко,
Ой, ты, моя подру...(а-у)женька,
Ой, ты басуйся-ко,
Ой, ведь ты, моя возлю...(а-о)блена,
Ой, ведь сколькё ли ты — то ли я у вас,
Ой, у вас я красова...ай...(а)лася.

90

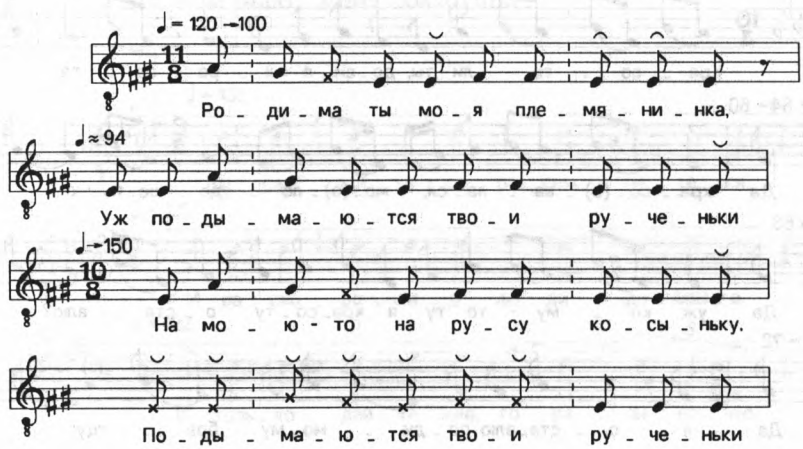
Красота́ ли, моя кра́сота,
Красота́ ли красной девицы,
Кому красу оставити?
Тятеньке оставить — на печаль великую,
Маменьке — на слезы на горячие,
Сестрице оставить — не встает поутру рано,
Не чешет буйну голову,
Не плетет трубчату косу,
Не вплетает ленту алую.
Оставлю свою кра́соту
Родимому своему брателку:
— Братец ты, братец миленький,
Голубочек сизенький,
Об чем же я тебе покучуся,
Молодешенька, поканаюся.
Ты возьми узду тесьмяную,
Пойди на конюшен двор,
Изымай себе добра коня.
Ты возьми мою кра́соту
Добру коню под черну гриву,
Ты поезжай, родимый брателка,
Во чисто поле, во раздольице,
Ты рассей мою кра́соту
Неподалеку по чистому полю.
Пройдет зима холодная,
Придет весна красная,
Взойдут травы муравые,
Расцветут цветы лазоревые,
Пойдут-то мои подруженьки,
Пойдут-то мои голубушки
Во чисто поле, во раздольице,
Сорвут-то оне по цветочку.
Мой цветок сосох, споблек —
Помя́нут меня подруженьки,
Помя́нут меня голубушки.
Мне, молодешенькой, икнется,
Тяжелешенько вздохнется.

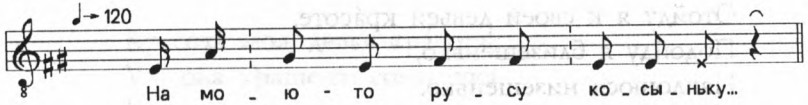
91

Красота́ моя, девья кра́сота!
Уж она краше-то солнышка,
Краше-то красного, высокого,
Чище-то она чиста се́ребра,
Рассыпнее скатна жемчуга.
Возлелею свою девью кра́соту,
Подниму ее выше буйныя головы,
Опущу я ниже пояса
И прижму ее ко сердечушку.
Возьму свою девью кра́соту
На свои на руки белые,
На перстни злаченые,
Положу я на блюдечко на серебря́ное,
На тарелочку на золоченую.
Понесу я свою девью кра́соту
По светлой светли́це,
По новой горенке,
По сеням-то по новеньким,
По крылечушку по красному,
Я по батюшкову широку́ двору,
За воротички за широкие,
За вереюшки за дубовые,
Я во далече во чисто́ поле,
Во раздолье широкое,
Во луга зеленые
И на травы муравые,
На цветы алы-лазоревые.
Поставлю свою девью кра́соту
Под кусточек,
Под гнездышко соловьиное.
Отойду я от своей девьей кра́соты —
Уж мне жаль-то будет
Своей девьей кра́соты.
Оглянусь я на девью кра́соту —
Побегут-то мои горючи́ слезы
По моему лицу белому,
По платью цветному.

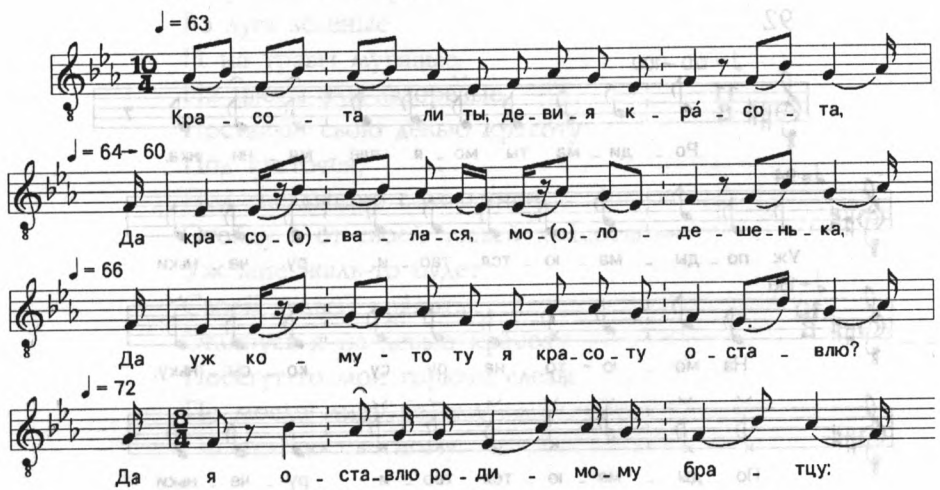
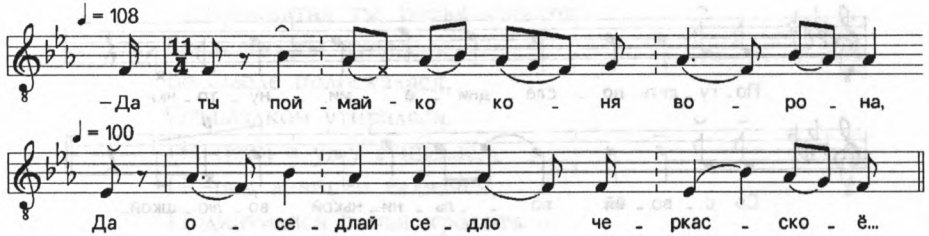
Отойду я к своей девьей кра́соте,
Подойду я близешенько,
Наклонюся низешенько.
Возьму я свою девью кра́соту
Из-под кустечка,
Из-под гнездышка.
Понесу я свою девью кра́соту
Из раздолья широкого,
Из лугов зеленых,
Со травов муравых,
Со цветов алых-лазоревых
Я ко батюшке к широку́ двору,
Ко матушкиной новой горнице,
Ко своей-то светлой све́тлице,
Я поставлю за дубовый стол,
Под мать Божью Богородицу,
Под свечи воскояровы.
Я не знаю, куда свою девью кра́соту девать.
Возьму свою девью кра́соту
И раздам родным се́стрицам,
Я сполюбезным своим сподруженькам:
— Вы красуйтесь в моей-то девьей кра́соте!
Уж как я-то, красна девица,
Открасовалась в своей девьей кра́соте.

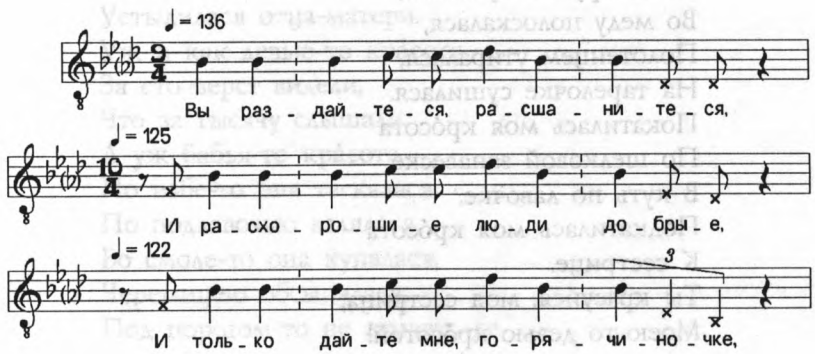
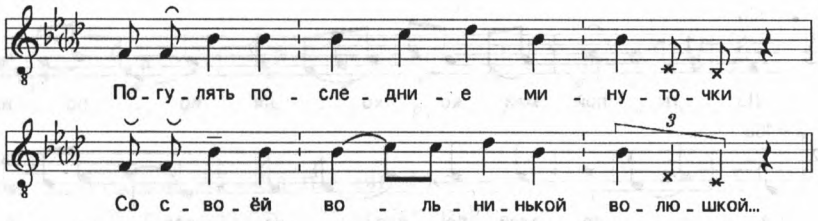
92





Родима ты моя племянинка,
Уж подымаются твои рученьки
На мою-то на русу косыньку.
Подымаются твои рученьки
На мою-то русу косыньку.
Уж как я-то бедна си́рота
Уж пойду-то я во чисто́ полё,
Во чисто-то полё широкое,
Во раздольицо во великое.
Уж помя́нут-то меня подруженьки,
Уж помя́нут-то меня голубушки:
Пойдут-то они во чисто́ полё,
Во чисто-то полё широкое,
Во раздольицо во великое,
Уж сорвут-то они по цветочку,
Сосорвут они по алу́ цвету,
Уж как моя-то краса способнет,
Уж мой-от цветок поблекнет...

93

Красота ли ты, девия кра́сота,
Да красовалася молодешенька,
Да уж кому-то ту я красоту оставлю?
Да я оставлю родимому братцу:
— Да ты поймай-ко коня ворона,
Да оседлай седло черкасскоё,
Да поезжай ты во чисто́ полё,
Да ты развей-ко ты мою кра́соту
Да по чистому ты ведь по полю.
Да уж пойдут-то мои подруженьки,
Да уж пойдут-то мои голубушки
Да во чисто полё гуляти.
Да уж сорвут они по цветочку алому,
Да по другому по лазореву.
Да уж помя́нут меня подруженьки,
Да уж помя́нут меня голубушки.
Да мне-ка икнется легошенька
Да уж вздохнется тяжелешенька —
Да поминают меня подруженьки,
Да поминают меня голубушки.

94

Вы раздайтеся, расшанитеся,
И расхорошие люди добрые,
И только дайте мне, горячиночке,
Погулять последние минуточки
Со своёй вольнинькой волюшкой
У своих милыих родителей
И со своим милыим подруженькам.
Што (й)упустила, горячиночка,
И свою вольную волюшку?
И убижаюсь, горячиночка,
На своих милыих родителей,
Что отдают горячиночку
И ни за друга ни за милого.
И попрошу вам я, подруженьки,
Пойдете на веселая гуляньица,
Не забывайтя мою вольную,
И мою вольную волюшку,
Котору упустила я, горячиночка...

95

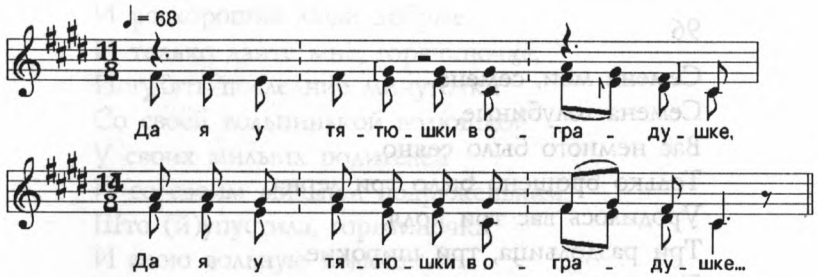
Уж ты, кро́сота, моя кро́сота,
Во сахару ты купалася,
Во меду полоскалася,
Полотенцем утиралася,
На тарелочке сушилася.
Покатилась моя кро́сота
По шелковой занавеске
В куть по лавочке.
Подкатилась моя кро́сота
К сестрице.
Ты красуйся, моя сестрица,
Моею-то девью кро́сотой!

Распроклятая ты, бабья кро́сота!
Во дегтю ты купалася,
Во смоле полоскалася,
Отымалкой утиралася,
На печи в углу сушилася,
По-под лавицей валялася,
Подкатилася бабья кро́сота —
К Татьянушке пригодилася.

96

Семена мои, семена,
Семена голубиные,
Вас немного было сеяно,
Только брошено было три зерна.
Уродилось вас три поля,
Три раздольица, три широкие.
Промежду поля, поля широкого
Тут сидела красна девица
Свет Наталья-душа
С по изотчеству Филипповна.
Растужилася-расплакалась
Пред своей девьей кра́сотой,
Пред хорошей украшенной,
Что доселева русая коса
Не боялася свету белого,
Не скрывалася солнца красного,
Не стыдилася отца-матери.
Как-то нынече
Убоялася солнца красного,
Устыдилася отца-матери.
Уж и как девью-то кра́соту
За сто верст видели,
Что за тысячу слышали.
А уж бабья-то кра́сота
По избе-то она таскалася,
По подлавочью валялася,
Во смоле-то она купалася,
Черемицею обсыпалася,
Под порогом-то не слыхать ее,

За дверями-то не видать ее.
Уж как девью-то кра́соту
За сто верст видели,
Что за тысячу слышали,
Уж как девья-то кра́сота
У Христа-то она в пазушке.

97

Да я у тятюшки в оградушке,
Да я у тятюшки в оградушке
Да потеряла три потерюшки,
Да потеряла три потерюшки.
Да что первая потерюшка,
Да что первая потерюшка —
Да родимого свойго батюшку,
Да родимого свойго батюшку.
Да что вторая потерюшка,
Да что вторая потерюшка —
Да сва́ю родимаю маманьку,
Да родимаю свою маманьку.
Да что третию потерюшку,
Да что третию потерюшку —
Да сва́ю де[вию кра́соту,
Да сва́ю девию кра́соту].

БАНЯ

Баня — один из последних эпизодов традиционной свадебной игры в доме *невесты*. Некогда она представляла собой настоящую народную драму с детально продуманным сценарием, с четко регламентированной

Певческая группа: В.В. Сахарова, П.Е. Глушкова, Ф.А. Пушкарева, П.С. Шмакова, М.В. Пушкарева (см. № 108, 110, 117, 136, 219, 222, 228, 270, 284, а также нот. прим. IV). Село Туманово Солонешенского района Алтайского края. Алтайский краевой центр фольклора и народных ремесел. *Фото О.А. Богданова.*

ролью всех «действующих» лиц и «зрителей». Но уже с конца XIX столетия, а особенно в первой трети XX века, этот обряд начал утрачивать многие эпизоды, песни и становился все менее обязательным в русской сибирской свадьбе.

География бытования этого ритуала в Сибири в указанный период не может быть охарактеризована и оценена однозначно. В большинстве районов Западной Сибири и Дальнего Востока она разыгрывалась относительно последовательно и полно до 40-х годов XX в., а в отдельных местах — до середины, но с явным влиянием украинских и белорусских традиций, обрядовых и поэтических. В Восточной Сибири *баня*, как и свадебный обряд в целом, подверглась «разрушению» несколько раньше и значительнее, хотя в некоторых районах она сохранялась также долго.

Столь резкому различию степени сохранности *бани* в указанных сибирских регионах способствовал ряд обстоятельств, климатические и

географические условия и этническое окружение. Климат и тяжелые земли Восточной Сибири требовали много сил и времени от земледельцев, составлявших основное население, что приводило к изменению продолжительности свадьбы за счет сокращения отдельных эпизодов в каждом ритуале и даже целых ритуалов. Дольше сохранялось их поэтическое оформление, но со временем из живого бытования выходили и песни с жесткой прикрепленностью к конкретным ритуальным действиям: потеряв обрядовую основу, они иногда воспринимались чуждыми. Кроме того, в Западной Сибири и на Дальнем Востоке русская свадьба в целом претерпела сильное влияние обрядово-поэтических традиций украинцев и белорусов, которые здесь долгое время составляли большинство славянского населения.

Однако и в Восточной Сибири картина сохранности обряда *бани* в свадебном ритуале далеко не проста. Так, в 1960—1970-е гг. в одних селах обряд называли обязательным в прошлом, а в соседних о его существовании помнили смутно или отрицали вовсе. Полнее и дольше он сохранялся семейскими (потомками староверов), хотя и здесь не все однозначно. Например, в некоторых забайкальских селах (Мухоршибирь, Заган, Малоархангельское) в начале 1970-х гг. существование *бани* все категорически отрицали: «*Это казаки перед свадьбой невесту мыли*».

В Киренском районе Иркутской области знали, что *баня* была, но ничего конкретного вспомнить не могли, хотя, судя по записям Азадовского и Шишкова, в начале века здесь обряд был полным.

Одним из первых признаков повсеместного разрушения обрядово-поэтических традиций русской свадьбы в Сибири является, на наш взгляд, отказ от строгой приуроченности ко времени и месту в свадебной игре в целом. В отдельных регионах *баня* устраивалась утром в последний день *девичника*, длившегося здесь обычно несколько дней (Швецова), или в утро венчания (Логиновский), реже вечером накануне венчания (Майнов). Часто *баня* предшествовала обряду *расплетания косы* (Шейн, Киреевский), еще чаще — после *расплетания косы*, что более логично: подруги расплетали *невестину* косу, готовя ее к *бане*, а после — к встрече *женихова поезда* на *браньё*.

Связь обрядов *расплетания косы* и *бани* постоянно ощущается в песнях этих двух поэтических циклов. В некоторых песнях на *расплетание косы* слышим упоминание *бани*, где предстояло смыть девью хорошую кра́соту и намыть «распроклятую» бабью:

Расстаюсь с тобою, косонька,
Расплетут тебя, косонька,

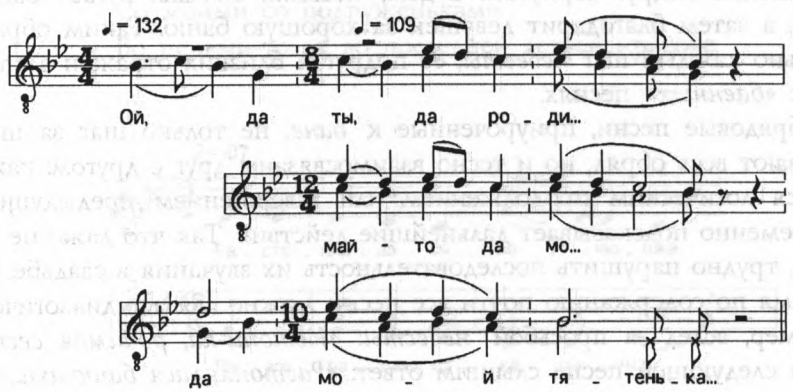
Поведут меня, девицу,
В нову баню мытися,
Там я смою девью красоту.
(Гуляев, с. 25—26)

В *«баенных»* песнях нередко присутствует *мотив расплетания косы* — обряда, предшествующего по логике описываемому.

Лучше сохранились игровые моменты *бани* и сопровождавшие их песни. Так, бывшие староверы Бурятии, Читинской области и Хакасии до середины XX в. сохраняли свадебный обычай ездить (ходить) к *жениху* за веником перед *баней*. Обычай соблюдался даже в тех селах, где *баня* как обряд уже давно не существовала. Сама *баня*, веник и поездка к *жениху* были символическими. Семейские, например, ходили на речку, где водили хоровод, играли и возвращалась в дом *невесты* с «веником от жениха» — украшенными ветками.

Обычай ездить к *жениху* за веником для *бани* отмечен Белослюдовым: «Недели через две после зарученья, накануне венчания у невесты устраивается баня. Девушки украшают веник лентами, ездят по улице с песнями, заезжают к жениху за пивом и вином и едут обратно к невесте» (Белослюдов, с. 7). В 1975 г. в свадьбе семейского села Урлук (Читинской обл.) по старой традиции подруги *невесты* ездили на телеге по селу с украшенным травяным веником под громкое пение «баенных» и необрядовых песен.

Обычай ездить к *жениху* за веником на телеге отражен в песнях; фрагмент одной записан В.И. Бодровой и Н.В. Леоновой в 1987 г. в с. Туманово Солонешенского р-на Алтайского края от группы женщин (см. примеч. к № 108). Нотирование Н.В. Леоновой:

Нотный пример VI

Ой, да ты, да родимай-то да мо... да мой тятенька,
Ой, да запряги-кася да па... пару коней-конюшек,
Ой, да прокати-ка меня, мои... моих подруженек,
Ой, да во пярвыи-то да во, во последни[е].

(АТМ, А 80, № 97)

Баня (где она сохранялась) имела в основном общие очертания. Накануне, а кое-где непосредственно перед нею, подруги брали веник (реальный или символический), садились вместе с зарученной в передний угол, и *невеста* просила сестру (брата, подругу — поочередно) истопить ей «*мыльну парну баеньку*». К этому моменту приурочивалось несколько причитаний и песен, после исполнения которых *невеста* обращалась к сестре с просьбой нести ее веник:

Неси-ка, моя любимая сестрица
Варвара Васильевна,
Расшелковый, кудреватый веничек
Что с моей-то ли девьей кра́сотой.

(Логиновский)

Весь обряд композиционно делился на несколько узловых моментов, отмеченных своеобразными ритуальными действиями и соответствующими им песнями. Условно все песни обряда можно разложить на следующие функционально-тематические группы: *дружка* приносит коробью с гребнем и мылом для бани; *невеста* просит истопить баню; подруги, истопив, приглашают *невесту* «*помыться, попариться, порумяниться*», а *невеста* просит подруг проводить ее в баню; по дороге в баню и обратно она прощается с отчим домом (последовательно с сенями, крыльцом, улицей и т.д., а из бани — в обратном порядке); *невеста* просит открыть дверь в баню, а войдя — помыть, попарить ее; приглашение подруг вернуться в дом; *невеста* сначала ругает баню и подруг, а затем благодарит девушек за хорошую баню. Таким образом, буквально каждый шаг *невесты*, ее подруг и близких отражен в специальных «*баенных*» песнях.

Обрядовые песни, приуроченные к *бане*, не только шаг за шагом описывают весь обряд, но и тесно взаимосвязаны друг с другом: каждая является логическим продолжением или завершением предыдущей и одновременно подсказывает дальнейшие действия. Так что даже не зная обряда, трудно нарушить последовательность их звучания в свадьбе. В то же время по содержанию почти все песни можно связать диалогически. Например, вслед за просьбой *невесты*: «*Истопи-ка, родимая сестрица...*», в следующей песне слышим ответ: «*Растоплялася банюшка...*».

В некоторых песнях звучала похвала бане из уст подруг («*веничек шелковый*», «*рукомоечка золочена*»), а вслед за тем — как бы укор *невесты*, что обманули ее «*омманщицы*»: «*веничек березовый*», «*рукомоечка медная, старая*», «*баня не по-новому срублена*», «*не на том месте ставлена*» и т.д.

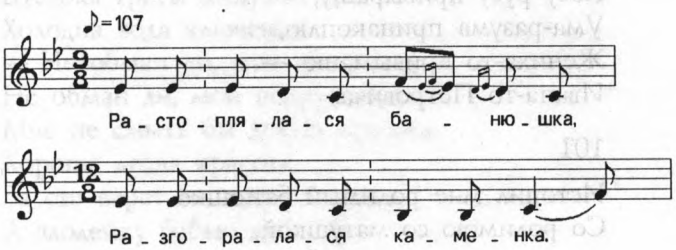
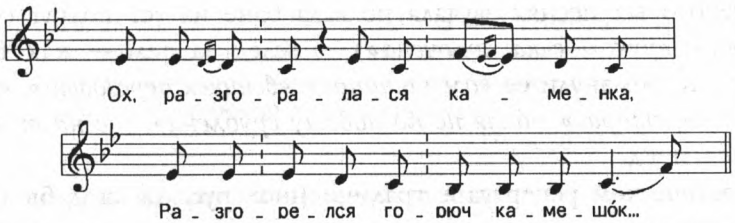
В поэтическом репертуаре традиционной русской свадьбы было немало песен «*скоромного*» или прямо эротического содержания. Они играли важную роль, подсказывая, что ждет новобрачную, как готовиться ей к первой брачной ночи и др. Они давно вышли из живого бытования, хотя изредка собирателям удается их записать. Одна из них записана в 1984 г. в Курганской обл.:

Баня бела, баня бела,
Баня — белый потолок.
Возле каменки стояла,
Парила свой хохолок.
Ох, мойся, усок,
Подмывайся, усок.
Тебе завтра, усок,
Дадут мяса кусок.
(Из лич. собр. В.П. Федоровой)

В данном разделе песни девушек и причитания *невесты* расположены в порядке их звучания на свадьбе.

98

Истопи-ка, родимая сестрица,
Мыльну парну банечку —
Мне помыться, побелиться
Со моими со подруженьками
Во первый-то да во последней девьей кра́соте.

99

Растоплялася банюшка,
Разгоралася каменка.
Ох, разгоралася каменка,
Разгорелся горюч камешóк.
Разгорелся горюч камешóк —
То невеста расплакалася.
То невеста расплакалася,
Перед тятенькой стоючи.
Ох, перед тятенькой стоючи,
Перед маменькой воючи.
Ох, перед маменькой воючи:
— Не хотела бы я взамуж идти.

100

Растоплялася банюшка,
Разгоралася каменка,
Разгорелся горюшка мешок,
Разгорелся, рассыпался.
Расплакалась Валюшка,
Перед тятенькой стоючи,
Перед маменькой воючи,
Перед братиком слезы текут:
— Погодите хоть год отдавать,
Погодите хоть два отдавать,
Я привырасту большая,
Косу русу привыращу,
Ума-разума принакоплю,
Жениха-то привыманю —
Ивана-то Петровича.

101

Истопил мне родимый батюшко
Со родимою со матушкой,

Наносил воды холодною
Мне родимой-то мой братец.
Истопили-то подруженьки,
Истопили-то голубушки,
Истопили-то омманщицы:
Сказали, что она окошечком
На восточную стороночку,
Что стоит она не по-старому,
Не по-старому, не по-прежнему.

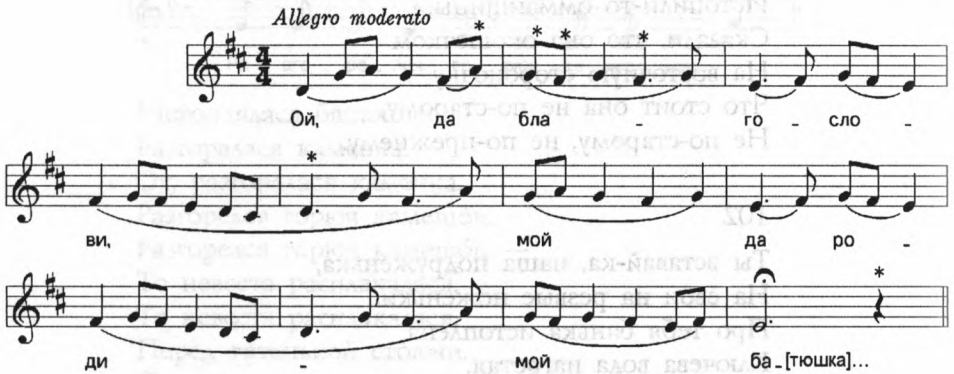
102

Ты вставай-ка, наша подруженька,
На свои на резвые ноженьки.
Про тебя банька истоплена,
Ключева вода нагретая,
Шелковый веник распаренный.

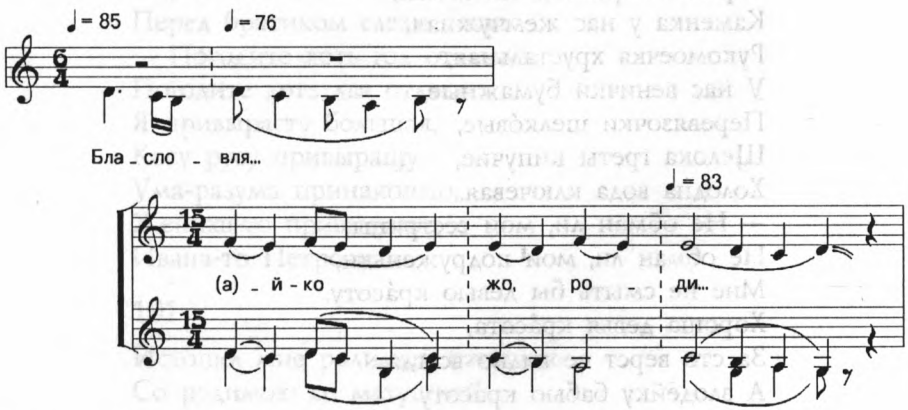
103

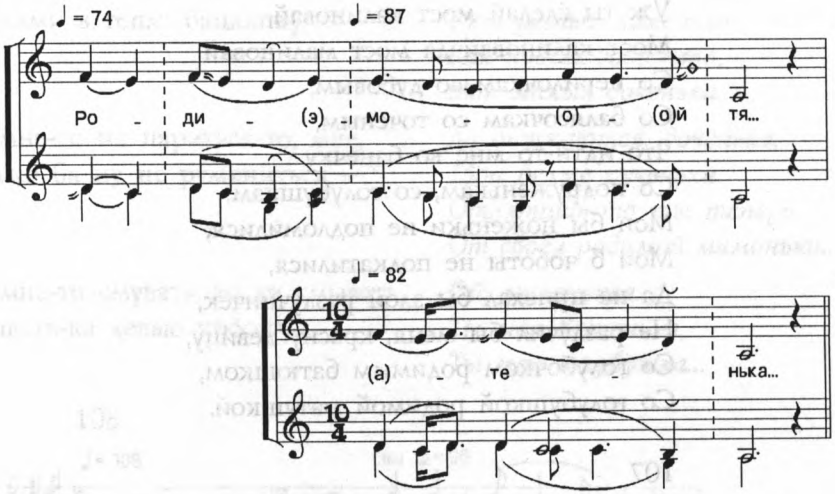
Уж мы просим тебя, сестрица,
Во мыльну во жарку банечку.
У нас банечка по-новому,
Что по-новому, по-модному!
Во сыром бору была рублена,
На добрых конях была вожена,
На веселом месте поставлена.
Потолочены позолочены,
Черным бархатом колочены,
Каменка у нас жемчужная,
Рукомоечка хрустальная,
У нас венички бумажные,
Перевязочки шелко́вые,
Щелока греты кипучие,
Холодна вода ключевая.
— Не обман ли, мои се́стрицы,
Не обман ли, мои подруженьки,
Мне не смыть бы девью кра́соту.
Хороша девья кра́сота,
За сто верст ее видно всегда,
А злодейку бабью кра́соту

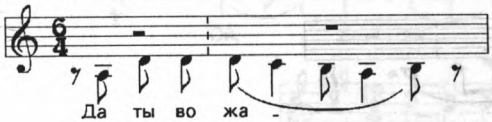
Из-за порогу-то не видно ее,
Из-за печи-то не слышно ее.

104

Ой, да благослови-ко ты, батюшка,
Во баньку меня ли да во мыленку
Помытися мне да попаритися
Что с подружками да с голубушками
Во первые-то и ли да во последние.
Больше мне с вами не хаживати,
Хороводы-то ли не важивати,
Посиденочки с вами не сиживати,
Во игрища-то да не игрывати.

105



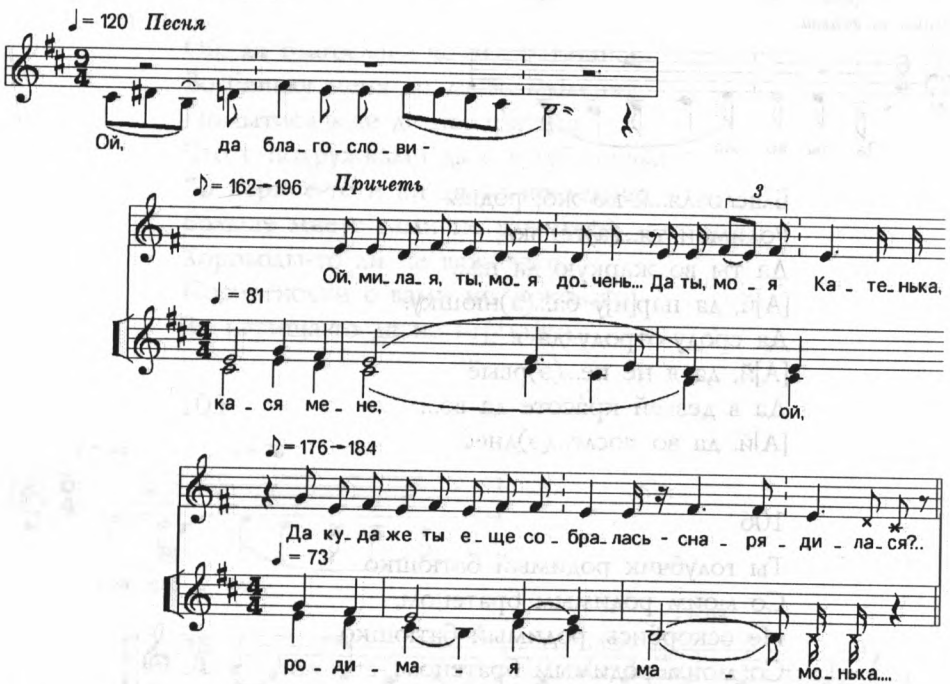


Вариант запева

Бласловля...й-ко жо, роди...
Родимой тя...(а)тенька,
Да ты во жаркую да па...
[А]й, да пар[н]у ба...(а)нюшку.
Да сроду-отроду да я...
[А]й, да я не пе...(э)рвыё
Да в девьей крáсоте да во...
[А]й, да во после...(э)днеё.

106

Ты голубчик родимый батюшко
Со моим родимым братецом,
Не оскорбись, родимый батюшко
Со моим родимым братецом,
Я спрошу у вас, красна девица,
Я спрошу у вас речью ласковой:
— Уж ты выйди, родимый батюшко
Со родимым моим братецом,
Выйди середи двора широкого,

Уж ты сделай мост калиновай,
Мост калиновай да мост малиновай
Со перилочкам со дубовым,
Со балясочкам со точеным,
Что идти-то мне во банечку
Со подруженькам, со голубушкам,
Мои бы ноженьки не подломилися,
Мои б чоботы не подкатилися,
Да не приехал бы злой разлучничек,
Не разлучил бы меня, красну девицу,
Со голубочком родимым батюшком,
Со голубушкой родимой матушкой.

107

Ой, да благослови-ка-ся мене,
ой, родимая мамонька,

Ой, милая, ты, моя дочень...
Да ты моя Катенька,
Да куда же ты еще собралась-
Снарядилася?

Ой, да мне-то сходить да ли с своими
подружками в теплу банюшку,

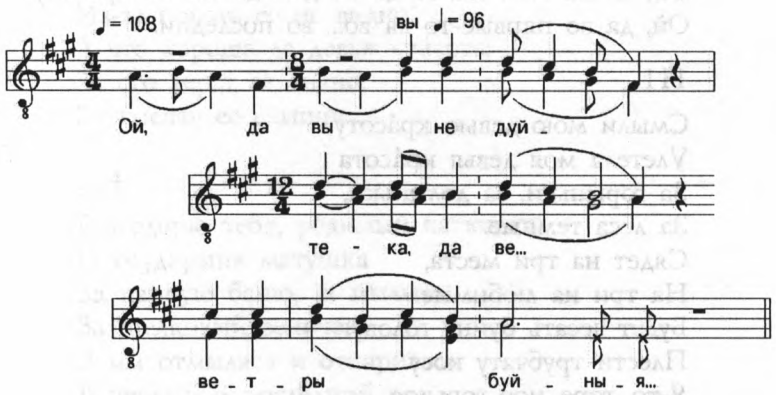
Ох, да мне-то ня париться-то, мне,
ой, только ба ну не румяниться —

Ох, да мне-то смувать, то ли смывать,
ой, смывать-ка девью кро́соту...

Ой, ни свыкат-ка опеть:
Твои резвые ноженьки
Как подсякаются-то,
Моя милыя доченька.

Да опускаются, доченька,
Твои белые рученьки.
Отлятишь-то ты теперь
От своёй родимой мамоньки...

Ой, миленькая
Ты моя Катенька,
Ты моя голубушка...

108

Ой, да вы не дуйте-ка, да ве... ветры буйныя,
Ой, да не сдувайте-ка да мо... мою девью кро́соту,
Ой, да во первые-то да во... во последни,
Ой, да у своёго-то я роди... родима тятеньки.
Ой, да вы не дуйте-ка, да ве... ветры буйныя,
Ой, да не сдувайте-ка да мо... мою девью кро́соту,
Ой, да во первые-то да во... во последни,
Ой, да у своёй-то я роди... родимой мамоньки.

109

Приступите-ка, подруженьки,
Что ко девьей красоте моей.
Расплетите-ка, голубушки,

Что мою ли трубчату косу.
Расчешите-ка, подруженьки,
Что мои-то русы волосы,
Поведите-ка, голубушки,
Вы меня во светлу парушу.
Вы там смойте-ка, подруженьки,
Что мою ли девью кра́соту!

110

Ой, да вы-то любезнаи мои... мои подруженьки,
Ой, да подойдите-ка ко мне... ко мне поближе,
Ой, да подымите-ка да свои рученьки белые,
Ой, да мою жа да на бу... буйнаю голову,
Ой, да на мою-жа-то да на де... девию-то кро́соту,
Ой, да во пярвые-то да во... во последни.

111

Смыли мою девью кра́соту.
Улетела моя девья кра́сота
За горыньки, за долыньки,
За леса темные.
Сядет на три места,
На три на любимые.
Будет чесать буйну голову,
Плести трубчату косу.
Я-то, горе мое горькое,
Отходила-отгуляла
По всем улочкам-переулочкам,
Отчесала я буйну голову,
Отплела трубчату косу,
Относила в косе ленточки,
Отбельхали мои ленты алые.

112

Уж обманули меня подруженьки,
Обманули меня голубушки:
Уж сказали вы мне, подруженьки,
Что у вас-то веничек шелковый!
А уж поглядела-то я —
У вас веничек березовый!

Уж, видно, смыть мне девью кра́соту!
Уж намыть, видно, мне бабью кра́соту!
Знаю я эту бабью кра́соту:
По подлавочью она наваляется
И горшками она отмывается.

113

Чтобы да этой банечке
Раскатиться по бревешечку!
Она смыла да девью кра́соту,
Намыла да распроклятую бабью!
Что распроклятая да бабья кра́сота:
Из-за стены ее не слышно,
Из-за порога ее не видно!
А что хороша да девья кра́сота:
За сто верст ее видно,
За тысячу ее слышно.

114

Благодарю тебя, родимый батюшка,
И осударыня матушка
За парную баню, за мыльце,
За шелковый веничек.
Я им отмылася и отпарилась
В первый и последний раз
Со своими подруженьками,
Со своими голубушками
Во своей девьей кра́соте!

115

Вам спасибо, мои подруженьки,
На пару да на банном,
На шелковом да на веничке.
Да я помылась да попарилась,
Да смыла девью кра́соту.

116

Пусти, пусти, батюшка,
Пусти, пусти, матушка,

В нову горенку погретися!
Ознобила я ножки резвые,
Ознобила я ручки белые.

В ОЖИДАНИИ ПОЕЗДА

После *бани* подруги не оставляли *невесту* до следующего обряда, помогая ей собраться к венцу. Родители устраивали прощальный стол, традиционным и обязательным блюдом которого был курник. Прежде чем сесть с подругами за стол, *невеста* обращалась к отцу и матери поочередно:

Благослови-ко, родный батюшко,
Хлеба-соли нам скушати
Со своим-то со подруженькам
Во первой-то, во последний раз.

Иногда за столом сидели подруги и *повозник*, а *невеста* плакала и причитала в кути, прося родителей отвести от нее беду «*неминучую*». Девушки исполняли песни, в которых от имени *невесты* обращались к брату или тетушке с просьбой уговорить родителей не выдавать ее замуж.

Во время прощального стола подруги песнями обращались к *невесте* и ее родителям. В этом эпизоде много свободных от обрядов песен о тяжелой женской доле, о тяжелой работе в доме свекрови. Сугубо обрядовые песни исполнялись при приближении *женихова поезда*, при появлении *дружки* с вопросом о готовности *невесты* и ее родных к главному обряду. Корильные песни бытовали в основном в Западной Сибири и на Дальнем Востоке.

По окончании столования *невеста* песней благодарила за обед:

Спасибо, родный батюшко,
На хлебе-то, на соли,
На гуся и на лебедя.

Девушки начинали одевать *невесту* к встрече *поезда* на *браньё*, после которого — к венцу. Она вновь обращалась по традиции с просьбой:

Благослови меня, родима мамонька,
Принять мне платье цветное
Во первы-то, во последние.

После благословения подруги уводили *невесту* в куть. В этот день не смолкали песни девушек и причитания *невесты*. В течение всего дня

Участники семейского народного хора в праздничной традиционной одежде. Село Большой Куналей Тарбагатайского района Бурятии. *Фото В.Т. Новикова.*

дружка с *полудружьем* два-три раза навещал *невесту* справиться, скоро ли она будет готова к венцу. Кое-где девушки встречали их припевкой:

Вот идет-то ли да дружка го́воря,
Он идет-то ли да потихохоньку,
Да гово́рит-то ли да помалёхоньку,
Что готова ли да красна девица.

В XIX в., когда роль *дружки* в свадьбе была во многом определяющей, церемониал приема *жениховых* посланников родителями *невесты* был сложен и строго регламентирован. «Отец держит дверь, а тот (дружка. — *Р. П.*) говорит за дверью: "Боже наш, помилуй нас". Отец отвечает: "Аминь". Дверь открывается, и дружка быстро вскакивает в избу с приговором:

Скок через порог,
Дружко идет,
Коробушку несет».

(Шейн, № 775)

Скок через порог,
Едва ноги переволок.

Чирок да луток;
Мохнатый зверь
Не богатый двор.

(Гуляев, с. 20)

«Помолясь Богу, дружка обращался к родителям:

Богоданный батюшка!
Богоданная матушка!
Благословляй же нас,
Переезжих храбрых друженек.
За белодубову скамью переступити,
Стакан меду налити,
На светлой гридне походити,
Во куть за занавеску
До кручинной красной девицы сходити.

Во время приговора дружка наливал в стакан вина и, опрокинув на ладонь вверх дном, подносил невесте: "Вот! Сказали, что невеста крива и слепа! А хорошо видит да далеко смотрит!"

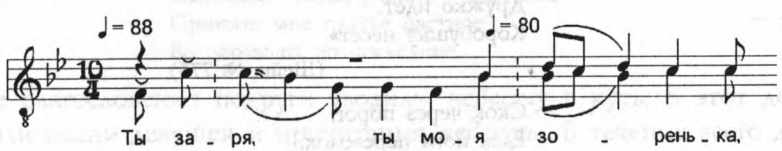
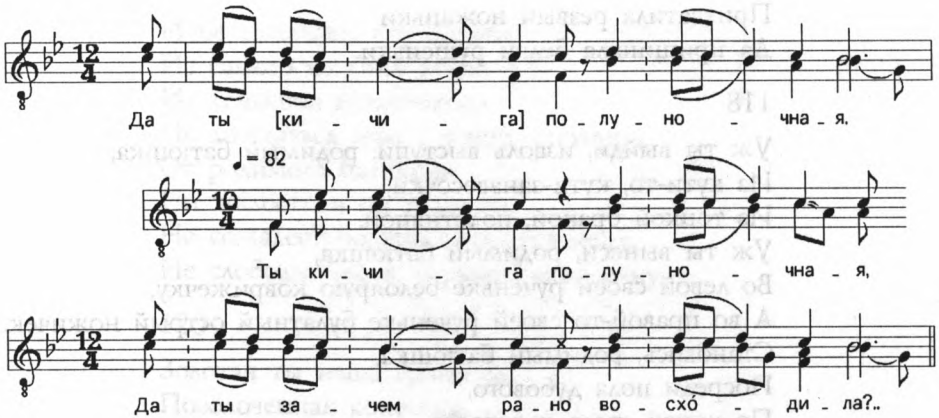
Невеста брала стакан, выпивала вино и возвращала стакан дружке, который говорил при этом:

Вашим добром да вам же челом!
Жив и здоров наш князь молодой,
Велел вашему здоровью челом ударить
И челобитье справить».

(Там же)

Затем *дружка* передавал девушкам коробью́, которую привозил для *невесты*. В коробью, как правило, клали хлеб, сладкий пирог, конфеты, перстень, гребень, ленты, мыло. Во время визитов *дружка* сыпал в обувь невесты мак (от порчи) и монеты (чтоб жила богато). Ему пелись величальные и корильные песни.

Получив при последнем посещении положительный ответ о готовности *невесты* к венцу, *дружка* уходил за *поездом*, а девушки пели песни об ожидании суженого и о приближении последнего расставания *невесты* с родными и подругами.

117



Ты заря, ты моя зоренька,
Да ты [кичига] полуночная,
Ты кичига полуночная,
Да ты зачем рано восхóдила?
Ты зачем рано восходила
Да выше лесу вышего темного,
Выше лесу выше темного?
Да ты вставай, родима мамонька,
Ты вставай, родима мамонькя,
Да затопи-ка печь кирпишнаю,
Затопи-ка печь кирпишнаю.
Да ты спеки-ка мягкую шанюжку,
Ты спеки-ка мягкую шанежку
Да покорми меня с подруженьками.
Покорми меня с подруженьками
Да во первыя, во последние,
Во первыя, во последние.
Да (й)отказал родимай тятенька.
Отказал родимай тятенька
Да что от теплого от гнездушка,
Что от теплого от гнездушка.
Да (й)отказала родимая мамонька.
Отказала родимая мамонькя
Да что от мягкой от постелюшки,
Что от мягкой от постелюшки.
Да прихватила резвыи ноженьки.

Прихватила резвыи ноженьки
Да прищипала белаи рущеньки.

118

Уж ты выйди, изволь выступи, родимый батюшка,
Из кути-то, кути-занавесочки,
Из тонкой браной, полотняной.
Уж ты вынеси, родимый батюшка,
Во левой своей рученьке белоярую коврижечку,
А во правой-то своей рученьке булатный острый ножичек.
Становись, родимый батюшка,
Посреди пола дубового,
По конец стола кленового,
По край скатерти шелковой.
Разрушай коврижку на тонкие ломтики,
Разоставь-ка их по моим подруженькам.
Поклонись-ка, родимый батюшка,
Да ты всем моим подруженькам
Во первы и во последни,
В дéвьей крáсоте последней.

119

Голубушка, наша подруженька,
Ты пошто рано взамуж пошла,
Почему ты задумала взамуж?
— Ой, вы свет мои подруженьки-голубушки,
Не сама я, девушка, пошла,
Не сама-то надумала,
Не своей волей-охотою.
Выдает меня родимый батюшка
Со родимою матушкою
За удала добра молодца.
Не слушает родимый батюшка
И не милует меня, красну девицу,
От чужой дальней сторонушки.
Нашего батюшка трем замкам сердце замкнуто,
Замком немецким,
В сине море ключи бросаны,
И на самоё дёнышко.
И не сплывают ети клю́чики,

И не сплывают ети золоты
Из самого из синя моря,
Из дёнышка неглубокого.
Не дождаться нам с тобой, сестрица,
От родимого батюшка
Ни жалости и ни милости,
Не сожалеет родной батюшка меня,
Не слободит меня, горькую сироточку.

120

Золотая ты наша гривенка,
Позолоченная копеечка,
Полежи, гривна, на блюдечке,
На серебряной тарелочке.
Дорогая наша гостьюшка
Свет (*имя рек*),
Погости ты у батюшки,
У родимой своей матушки.
— Уж вы, свет мои подруженьки,
Уж я рада бы весь век гостить
У родимого у батюшки,
У родимой своей матушки,
Да за мной скор посол послан
Со чужой дальней сторонушки
За моей буйной головушкой,
За моею за русой косой.
Увезут-то меня, младешеньку,
На чужую сторонушку
К свекру-батюшке, к свекрови-матушке.
Уж и как-то буду я, млада,
Буду жить во чужом дому,
Во чужом незнакомом дому.
Уж смогу ли я понравиться
Своему свекру-батюшке
Да свекрови своей матушке?

121

Погости-ка, наша гостьюшка,
Погости, наша голубушка,
У родимого у тятеньки,

У родимой-то у маменьки,
У братцев — ясных соколов,
У сестер — белых лебедушек,
У всего у роду-племени,
У любезных подруженек.

122

Не красён-то ли день без солнышка,
Не красна-то ли ночь без месяца.
Вы садитеся, мои подруженьки,
Вы садитеся, мои голубушки,
За столы белы-дубовые,
Вы за скатерти шиты-браные,
Вы за яства за сахарные,
Вы за питья за медвяные.
Вы покушайте, мои подруженьки,
Вы покушайте, мои голубушки,
Во первы-то, во последние
У меня-то ли, красной девицы.
Да не взыщите, мои подруженьки,
Не взыщите, мои голубушки, —
Мое дело непасёное,
Гуси-лебеди нестреляные.
Да разговаривайте родна батюшку
Со родимою с матушкой.
Отдают меня, красную девицу,
Ко чужому-то свекру-батюшке,
Ко чужой-то свекровь-матушке,
Ко чужим-то ли братцам-деверьцам.
Во чужих людях жить умеючи:
Ретиво-то сердце покорное.

123

С горы на гору вино течет,
Никто то вино не черпает.
Принялся то вино черпати
Парасковьин родной батюшка.
Он черпает и расчерпывает,
Свою дочь да милу подчевает:

— Ты покушай, мое дитятко,
Романеи меду сладкого,
Зелена вина да горького.
— Мне теперь не до зелена вина,
Мне теперь не до меду сладкого.
Подвенечные трубы трубят,
Астафий ко суду Божию спешит,
Астафий ко венцу спешит,
Не дает мне снарядитися,
С родным тятенькой проститися,
С родом-племенем проститися.

124

Уж ты, матушка родимая
(*Имя рек*),
Вышей мое лицо белое
На скатерти браныя.
У тебя гости будут,
У тебя меня спросят —
У тебя меня нету.
Ты на скатерть-то глянешь,
Ты тогда меня спомянешь.
Уж ты, батюшка родимый,
Ты срисуй мое лицо белое
На столе белодубовом:
У тебя гости будут,
У тебя меня спросят —
У тебя меня нету.
Ты на скатерть-то глянешь,
Ты тогда меня спомянешь.

125

Ой, да ты спасибо-ко ты ро...
Ой, родной ба...
Родной батюшка,
Ой, родный батюшка,
Ой, да ты спасибо-ко ты ро...
Ой, родная ма...
Родная мамушка, ро...

Ой, родна ма... ой, мамушка,
Ой, да на хлебé,
Ой, на хлебé-солé.
Ох, да я неужели я у вас да безро...
Ой, безродная?
Ох, да не...
Ой, не сусек-то я у вас хлеба я вы...
Ой, хлеба выела.
Ой, да не...
Ой, не сундук-то я у вас платьев вы...
Ой, платьев выносила.

126

Ой, да как спасибо тебе,
Ой, да тебе, ты ро...
Ой, родной батюш...
Ой, да родной ты батюшко,
Ой, да ведь что спасибо те...
Ой, тебе, ты родная маму...
Ой, да родная ма...
Ой, мамушка.
Ой, да ведь тебе на хле...
Ой, да тебе-то на... на хлебé,
Ой, на хлебе те... тебе, на...
Ой, да тебе-то на...
Ой, на солé.
Ой, да ведь я-то в последний,
Ох, я-то поку...
Ой, да я-то покушала.
Ох, да ведь не... не сусек-то,
Ой, я у вас хлеба вы...
Ой, да хлеба-то вы... выела.
Ох, да ведь не... не сундук
Ох, то ведь у вас пла...
Ай, платья вы...
Ой, да платьев-то вы... вынесла.

127

Благодарствуйте, родимый батюшка и матушка,
Что на хлебе-то, на соли,

На премногих ваших милостях!
Ты поил-кормил, родной батюшка,
Поил-кормил, не отказывал.
Что ж теперь ты мне отказываешь?
Опила ли я, объела я тя?
Износила ли много лопоти,
Платье светлое, шаль атласную?

128

Послал меня князь молодой
С князиней молодой,
Тысяцкий господин,
Бояры-господа
Про ваше здоровье спросить,
А наперед про свое рассказать.
Как ясен сокол на полете,
Так наш князь молодой
С князиней молодой,
С тысяцким господином,
С большим боярином,
С середним, со меньшим,
Со мной, дружкой,
С полудружьем,
С запятничком,
С повозничком,
Со всем нашим
Храбрым поездом
В пути в дороге,
В добром здоровье,
На поезде.
Еще велел князь молодой
Кланяться вам
За ваше угощенье,
За ваше обхожденье,
За вашу хлеб-соль дорогую,
А также семейству вашему.

129

Приказал наш князь молодой
Поклон отправить,

Челобитье справить,
О твоем здоровье спросить,
О своем наперед доказать.
Сверх того наш князь молодой
Просится на вечерочку
Не надолгое время
Не пиры пировать,
Мне из рук в руки вручать
И князю молодому препоручать
Душечку красну девицу.

130

Спасибо на амине,
На добром слове,
На благодатном доме.
Девицы-певицы,
Девицы отецки,
Жены молодецки,
Приутихните, приумолкните,
Дайте мне, княжóму дружке,
Слово сказать,
Слово сказать, коробеичку сдать.
Коробеичка дубова,
Крышечка кленова.
В этой дубовой коробеечке
Цветно платье,
Цветно-подвенечно.
В этой дубовой коробеечке
Чулочки бумажны,
Ботиночки сафьяны.
В этой дубовой коробеечке
Белильца, румянцы,
Римски гребешочки,
Висячи сережечки
В этой дубовой коробеечке
Орешки, прянички,
Городские калачички,
Всякие заморские диковинки.
Стань-ка, наша молодая князиня,

На ножки котины,
Прирастут тебе соболины.
(*Дружка и невеста встают*)
Молодая наша князиня,
Если хочешь коробеечку принять,
То надо княжого дружка поцеловать.
(*Целуются*)

131

Не стой, друженька,
Не томи резвы ноженьки —
Не приму я платье цветное,
Не приму я подвенешного
Без своей родимой маменьки,
Без своего родимого тятеньки,
Без своих родимых сестричек,
Без своих родимых братцев,
Без своих родимых племяничков.

132

Восстаньте, мои подруженьки,
Восстаньте, мои голубушки,
За меня-то, красну девицу,
За мою-то косу русую,
За мои-то ленты алые,
Алы ленты гланатуровы.
Не оставит ли меня родной батюшко
От чужой дальней сторонушки,
От чужих людей незнамых,
От незнамых-незнакомых?
Не восстаете за меня, голубушки,
За меня-то, красну девицу,
За мою-то косу русую,
За мои-то ленты алые.

133

Не вылетай, утка, из острова,
Не распахивай перышки из гнездочка,
Не выходи, наша Мария

Наша Ивановна, из терему.
— Я брошу, брошу камешок
В огонь-пламечко.
Как горит, горит, перегорит,
Как бежит, бежит, перебежит,
Бежит, бежит к родной сестре:
— Ты сестра моя, голубушка!
Ты не знаешь, не ведаешь,
Отдают меня в чужи люди,
Как в чужи люди несвойские.
Ой же ты, брат родной,
Ты секи, секи засéки
От востока до западу,
Чтобы не пройти ко мне и не проехать
Как конному, так и пешему,
Ни моему, сударь, суженому,
Нашему тысяцкому с подсвечниками,
Нашей сватеньке с боярами.

134

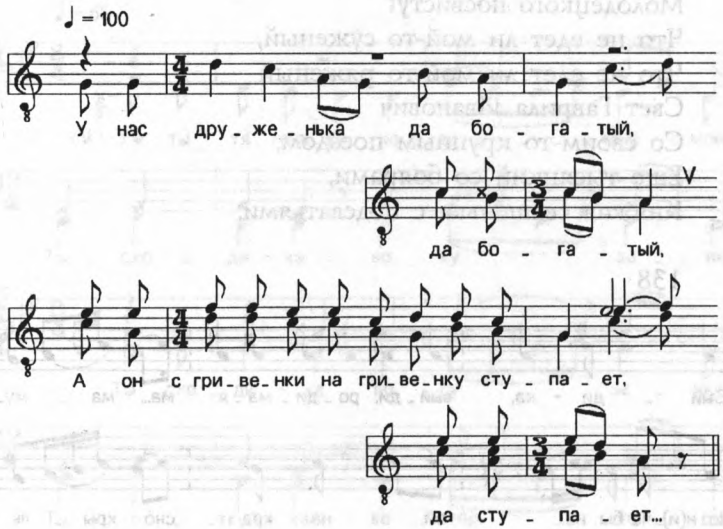
Ласточка касатая,
Перепелочка крылатая,
Ты зачем рано вылетываешь
Из своего тепла гнездышка?
— Уж я рада не вылетывать
Из своего тепла гнездышка:
Накатилась туча грозная
Со громами со гремущими,
С молыньями со палющими,
Крупень дождичек побрызгиват,
Подмочило тепло гнездышко.
— Ты душа ли красна девица,
Ты зачем рано замуж пошла?
— Уж я рада во замуж не идти.
Меня батюшка силой отдает,
Меня матушка — неволюшкою,
Братцы-сестрицы — охотушкою.
Присудили люди добрые,
Дяди-тетки присоветовали.
— Не клади-ка Богу жалобу

Ни на батюшку, ни на матушку.
Ты клади-ка Богу жалобу
На лестивого на сватушку.
Сватался он, сватывал,
Льстил меня, улещивал,
Что чужа дальна сторонушка
Сладким узюмом усыпана,
Сладким медом исполёвана.
Заручена-то я вздогадалася,
Что чужа дальна сторонушка —
Она горем загорожена,
Горючими слезами сполёвана!

135

Уж ты дружка, ты друженька,
Уж ты дружка, отецкой сын!
Ты горазд во друженьках ездити,
Ты горазд наговаривати,
Ты не мог, дружко, объездити,
Ты не мог, дружко, проехати
Одного двора батюшкова.
Сыновей тебе не женити,
Дочерей замуж не выдати.

136



Наша Ивановна, из терему.
— Я брошу, брошу камешок
В огонь-пламечко.
Как горит, горит, перегорит,
Как бежит, бежит, перебежит,
Бежит, бежит к родной сестре:
— Ты сестра моя, голубушка!
Ты не знаешь, не ведаешь,
Отдают меня в чужи люди,
Как в чужи люди несвойские.
Ой же ты, брат родной,
Ты секи, секи засéки
От востока до западу,
Чтобы не пройти ко мне и не проехать
Как конному, так и пешему,
Ни моему, сударь, суженому,
Нашему тысяцкому с подсвечниками,
Нашей сватеньке с боярами.

134

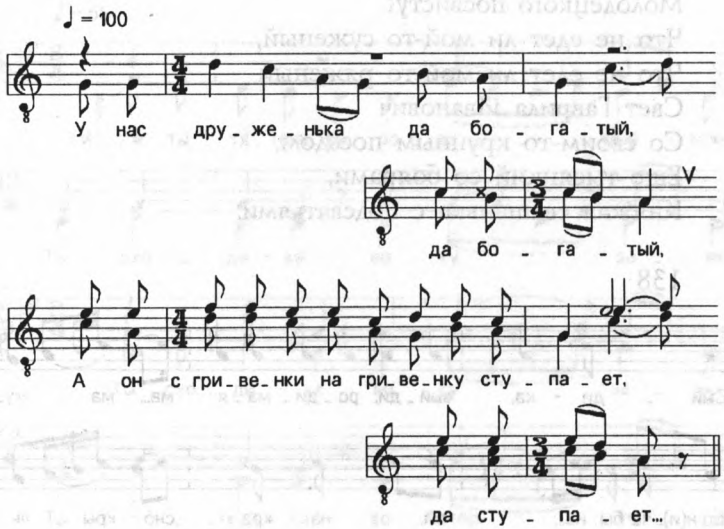
Ласточка касатая,
Перепелочка крылатая,
Ты зачем рано вылетываешь
Из своего тепла гнездышка?
— Уж я рада не вылетывать
Из своего тепла гнездышка:
Накатилась туча грозная
Со громами со гремущими,
С молыньями со палющими,
Крупень дождичек побрызгиват,
Подмочило тепло гнездышко.
— Ты душа ли красна девица,
Ты зачем рано замуж пошла?
— Уж я рада во замуж не идти.
Меня батюшка силой отдает,
Меня матушка — неволюшкою,
Братцы-сестрицы — охотушкою.
Присудили люди добрые,
Дяди-тетки присоветовали.
— Не клади-ка Богу жалобу

Ни на батюшку, ни на матушку.
Ты клади-ка Богу жалобу
На лестивого на сватушку.
Сватался он, сватывал,
Льстил меня, улещивал,
Что чужа дальна сторонушка
Сладким узюмом усыпана,
Сладким медом исполёвана.
Заручена-то я вздогадалася,
Что чужа дальна сторонушка —
Она горем загорожена,
Горючими слезами сполёвана!

135

Уж ты дружка, ты друженька,
Уж ты дружка, отецкой сын!
Ты горазд во друженьках ездити,
Ты горазд наговаривати,
Ты не мог, дружко, объездити,
Ты не мог, дружко, проехати
Одного двора батюшкова.
Сыновей тебе не женити,
Дочерей замуж не выдати.

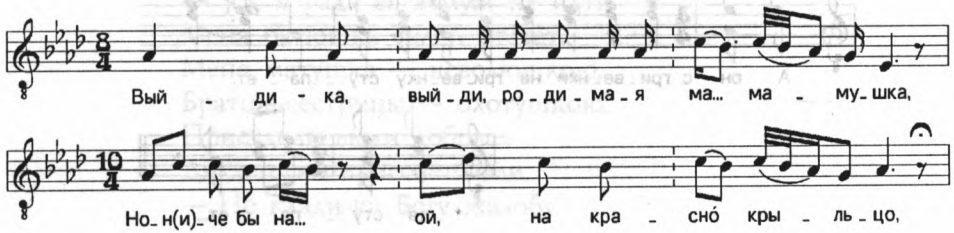
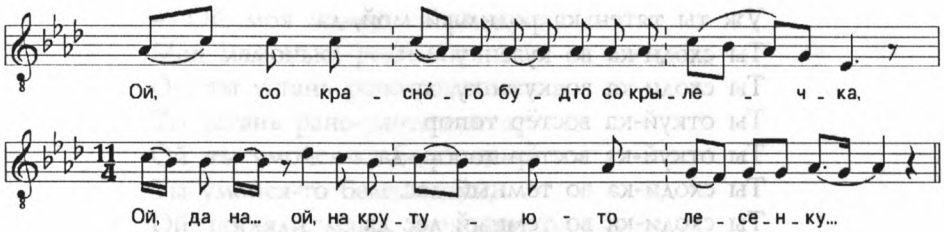
136

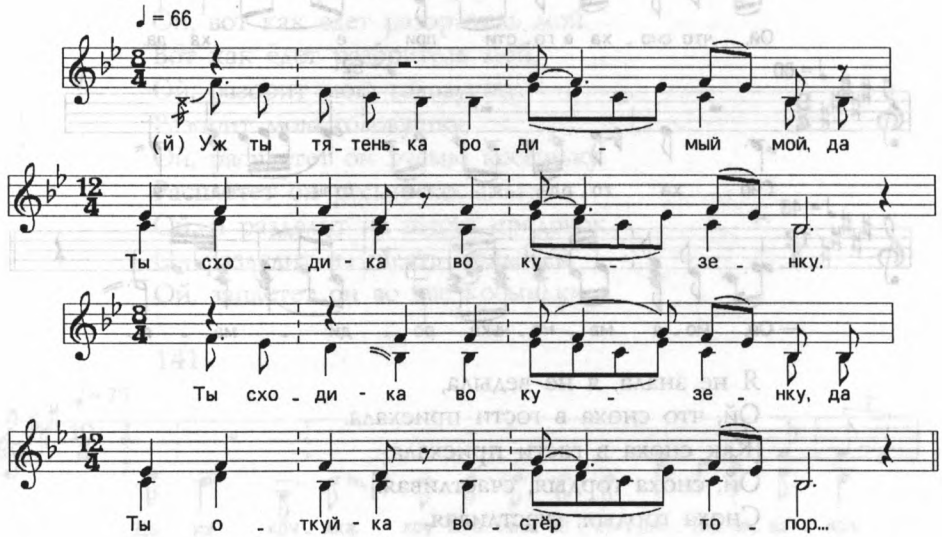


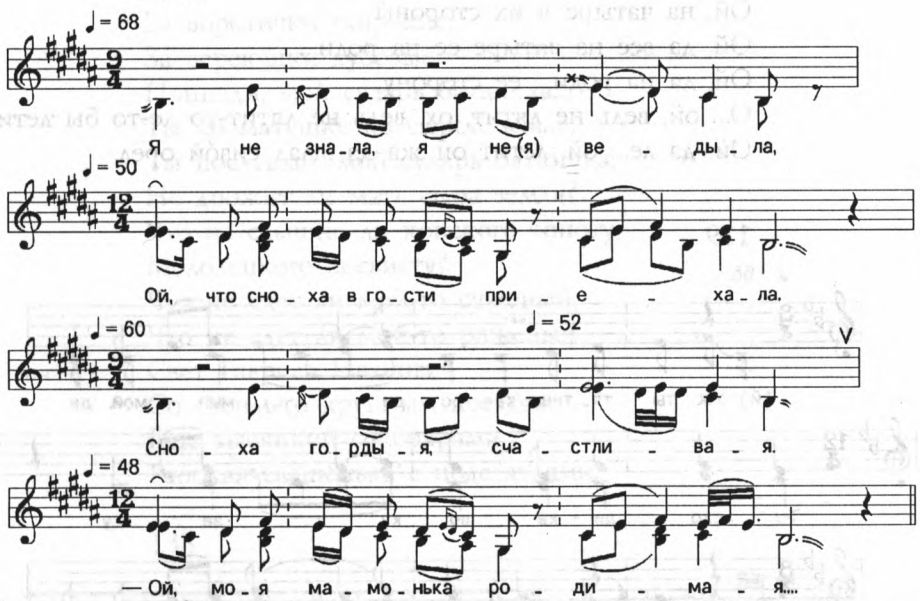
У нас друженька да богатый, да богатый,
А он с гривенки на гривенку ступает, да ступает,
Он рублем-то ворота открывает, открывает,
Он другим-то рублем закрывает, закрывает.
У нас поехал дружка промышляти, промышляти,
Он во доброе поле — во подполье, во подполье,
Он на добром коне-то — на ухвате, на ухвате,
В его добро ружье — да коромысло, коромысло,
Он за добрами конями — за мышами, за мышами,
Как у друженьки глаза столбенели, столбенели,
Как у дикого быка да на соломе, на соломе,
У молоденького — на мякине, на мякине.

137

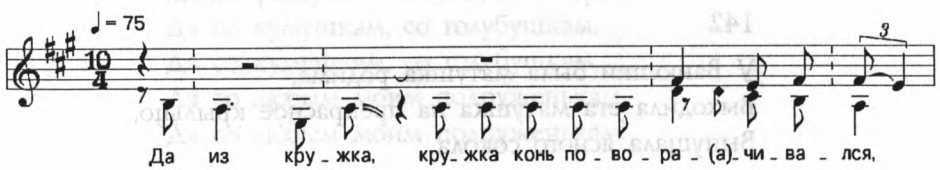
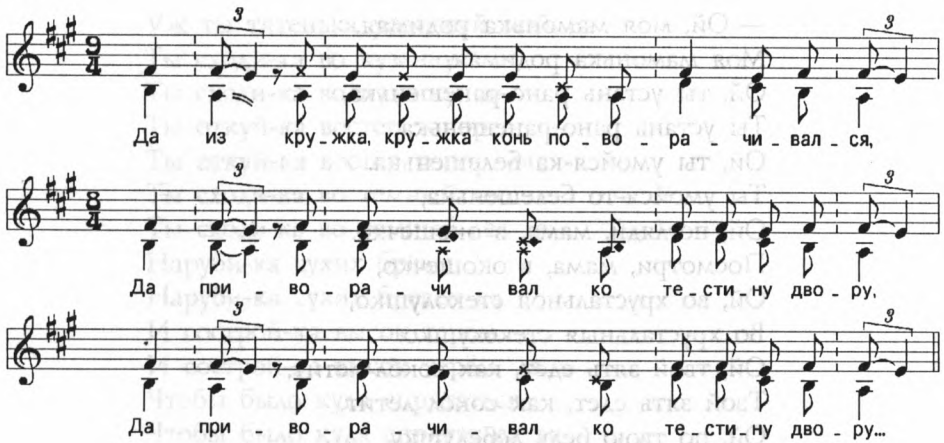
Ах, ты выйди, сударь батюшка
Свет Никита Васильевич,
За воротички широкие,
За вереюшки дубовые.
Припади, мой сударь батюшка,
Ты ко матушке ко сырой земле,
Ты послушай, мой сударь батюшка,
Не дрожит ли мать сыра земля?
Что не слышно ли конского топоту,
Молодецкого посвисту?
Что не едет ли мой-то суженый,
Что не едет ли мой-то ряженый
Свет Гаврила Иванович
Со своим-то крупным поездом,
Еще тысяцкий со боярами,
Княжая свашенька с подсватьями.

138

Выйди-ка, выйди, родимая ма... мамушка,
Нонче бы на... ой, на красно́ крыльцо,
Ой, со красно́го будто со крылечка,
Ой, да на... ой, на крутую-то лесенку.
Ай, со крутою ведь я будто со лесенки,
Ай, то на... ой, ведь на калинов мос[т].
Ой, со калинова бы со мостику,
Ой, да я, ой, погляжу-то ведь нынче на чаты...
Ой, на чатыре я их стороны.
Ой, да всё на чатыре ее на роди...
Ой, да на роди... ее сторону,
О... ой, ведь не лятит, ох, ведь не лятит-то де-то бы летит.
Ой, да ле... ой, летит он жа да млад сизо́й орел.

139

Уж ты тятенька родимый мой, да
Ты сходи-ка во кузенку.
Ты сходи-ка во кузенку, да
Ты откуй-ка востёр топор.
Ты откуй-ка востёр топор, да
Ты сходи-ка во темный лес.
Ты сходи-ка во темный лес да
Наруби-ка сухих бревен.
Наруби-ка сухих бревен да
И сострой-ка высок терём.
И сострой-ка высок терём, да
Чтобы было куда спрятаться.
Чтобы было куда спрятаться да
Что от конского топота, да
Что от Фединого поезда.

140

Я не знала, я не ведыла,
Ой, что сноха в гости приехала.
[Как сноха в гости приехала,
Ой, сноха гордыя, счастливая.]
Сноха гордыя, счастливая.

— Ой, моя мамонька родимая,
Моя мамонька родимая,
Ой, ты устань рано-ранешенька,
Ты устань рано-ранешенька,
Ой, ты умойся-ка белешенька.
Ты умойся-то белешенька,
Ой, погляди, мама, в окошечко.
Посмотри, мама, в окошечко,
Ой, во хрустальноя стеколушко,
Во хрустальныя стеколушко.
Ой, твой зять едет, как сокóл летит,
Твой зять едет, как сокóл летит,
Ой, по твою белу лебедушку.
По твою белу лебедушку,
Ой, по Наташеньку-молодушку,
По Наташеньку-молодушку.
Ой, а Наташенька спугалася,
А Наташенька спугалася,
Ой, за подружечек хваталася.
За подружечек хваталася:
— Ой, вы подружки мои, кутушки,
Вы подружки мои, кутушки,
Ой, вы возьмите охраните меня.
Вы идите охраните меня,
Ой, вот как едет разоритель мой.
Вот как едет разоритель мой,
Ой, разорит мою головушку.
Разорит мою головушку,
Ой, расплетет он русыю косыньку.
Расплетет он русыю косыньку,
Ой, и разделит на шесть прядочок.
Он разделит на шесть прядочек,
Ой, заплетет он во две косыньки...

141

Да из кружка, кружка конь поворачивался,
Да из кружка, кружка конь поворачивался,
Да приворачивыл ко тестиму двору,
Да приворачивыл ко тестену двору
Да ко крыльцу красну́ ко тёшшанаму,
Да ко крыльцу красну́ ко тёшшанаму,
Да ко вакошачку нявестиному,
Да ко вокошачку нявестиному.
Да а нявеста испугалася,
Да, ай, нявеста испугалася,
Да из окна в окно бросалася,
Да из окна в окно бросалася,
Да за подружанек пряталася,
Да за подружанек пряталася:
— Да вы подружаньки, голубушки мои,
Да вы подружаньки, голубушки мои,
Да вы испрячьте красну девицу меня,
Да вы испрячьте красну девицу меня
Да от добра-добра Ивана,
Да от добра да молодца Ивана.

142

У Ванюшки была матушка родима,
Выходила ета матушка на прекрасное крыльцо,
Выпущала ясного сокола

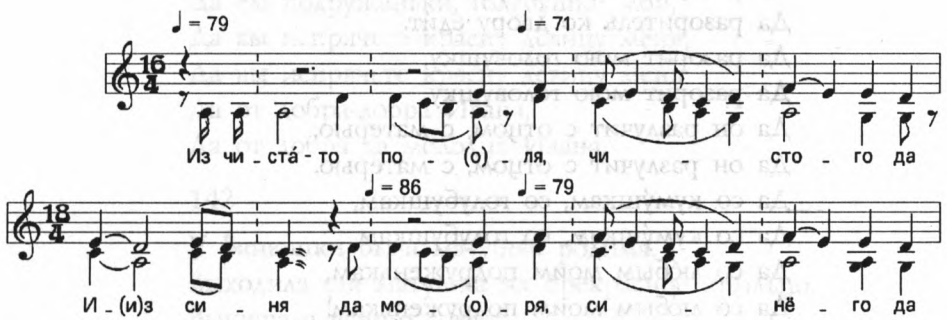
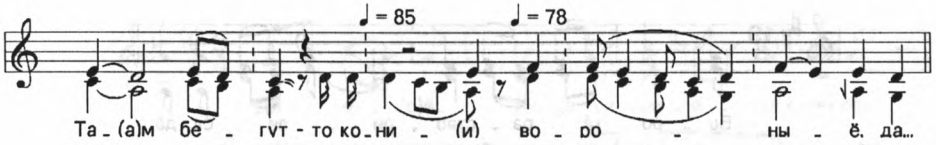
Из своего из правого рукава,
На полетике наказывала:
— Полети-ка, млад ясён сокол,
Не садись-ка ты ни на калину,
Ни на калину, ни на малину,
Ни на черную смородину.
Подлети-ка ты ко высокому терему,
Уж ты сядь ко окошечку косящету,
У окна сидит красна девица,
Она шила-то ширинoчку,
По краям-то клала куны-соболи,
Посередочке — кру́ги золота.
Увидала она ясна сокола,
Увидала — испугалася,
От окошка прочь бросалася,
Круги золоты рассыпалися,
Куны-соболя разбежалися.
От окна она бросалася
Ко батюшке-то ко родимому:
— Это что же да за чудо за тако,
Ясна сокола не видано, не слыхано,
А теперя ясный сокол у окна сидит.

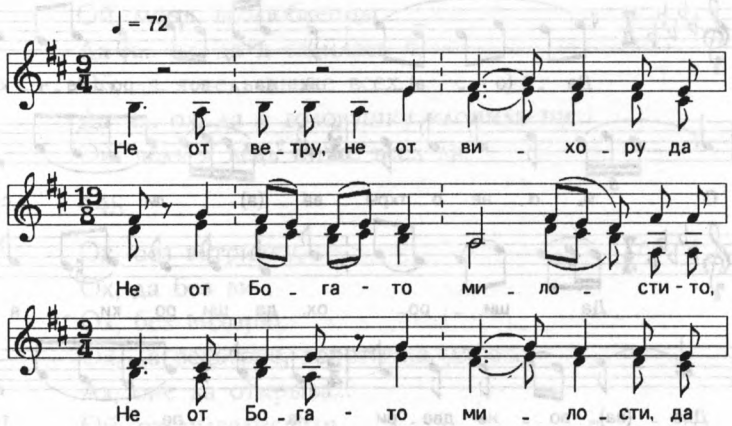
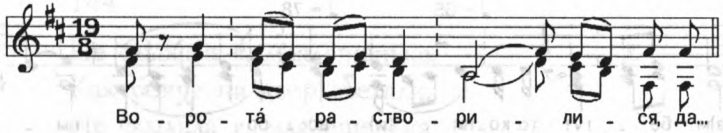
143

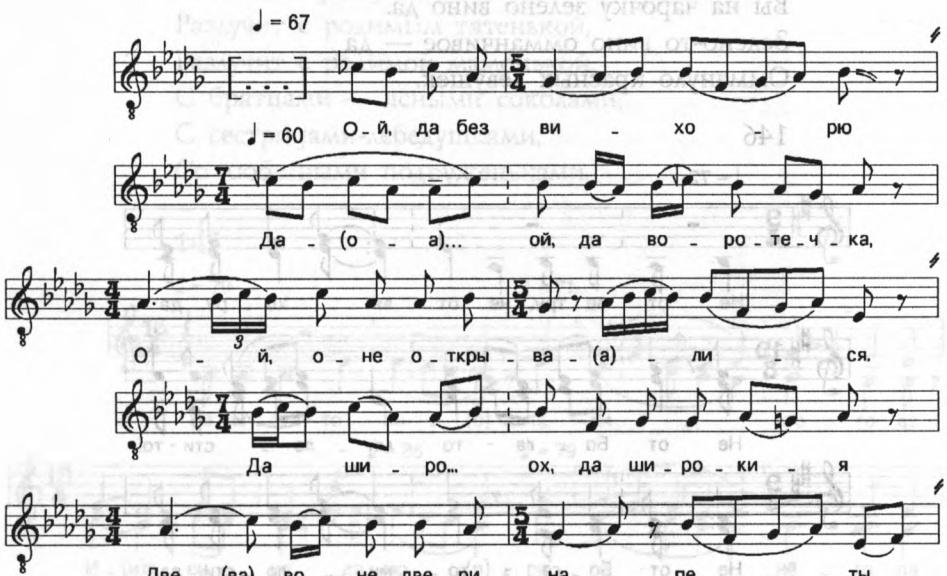
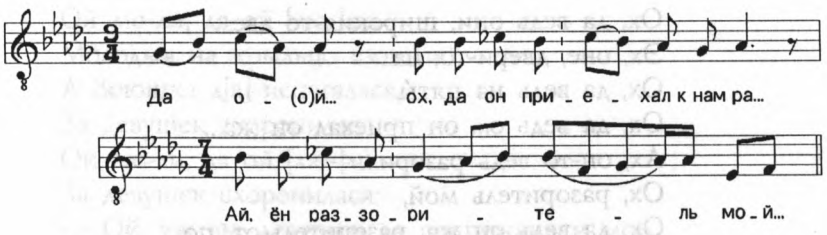
Да уж вы, девочки-подружачки,
Да уж вы, девочки-подружачки!
Да посмотрите-ка в окошечко,
Да посмотрите-ка в окошечко.
Да разоритель ко двору еди́т,
Да разоритель ко двору еди́т.
Да разорит мою головушку,
Да разорит мою головушку.
Да он разлучит с отцом, с матерью,
Да он разлучит с отцом, с матерью.
Да со кумý́шкам, со голубушкам,
Да со кумý́шкам, со голубушкам.
Да со лю́бым моим подруженькам,
Да со лю́бым моим подруженькам!

144

Не слыхала я, младешенька,
Как бояре на двор въехали.
Не слыхала я, младешенька,
Как бояре — на красно́ крыльцо.
Не слыхала я, младешенька,
Как бояре — во новы́ сени.
Не слыхала я, младешенька,
Как бояре — во высо́к терем.
Я тогда, млада, услышала,
Я тогда, млада, увидела,
Как бояре Богу молятся.
Я кидалася-бросалася
Из горницы во горницу,
Из светлицы во све́тлицу,
Во темную куть за за́навесу
Ко любезным ко подруженькам:
— Вы любезные подруженьки,
Сберегите девью кра́соту.
Эвон едет разоритель мой,
Эвон едет разлучитель мой:
Разлучит с родимым тятенькой,
Разлучит с родимой мамонькой,
С братцами — ясными соколами,
С сестрицами-лебедушками,
Со любезными подруженьками.

145

Из чиста́-то поля, чистого да
Из синя́ да моря, синёго да
Там бегут-то кони вороныё, да
Не вороныё — точеныё, да.
На их уздочки злаченыё да.
К воротичкам становилися — да
Воротички отворилися, да
Чужи люди заявилися, да
Во высок-то терём склонилися, да
Всему миру поклонилися, да
Всему миру — красным девушкам, да
Что невестушке наособицу да.
В нас невестушка испугалася да
За подруженёк сохваталася да:
— Вы подруженьки, мои ласточки, да
Не сдавайтеся вы на прянички, да
Вы на чарочку зелено вино да.
Зелено-то вино омманчивоё — да
Оммануло красных девушек.

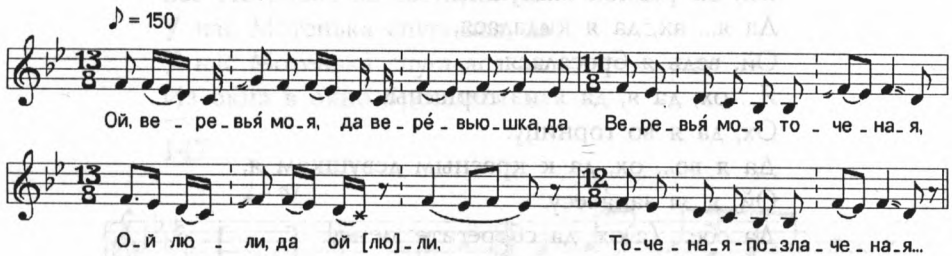
146

Не от ветру, не от вихору да
Не от Бога-то милости-то,
Не от Бога-то милости, да
Ворота́ растворилися, да
Ворота́ растворилися, да
Широки́е на пяту встали, да
Широкие на пяту встали, да
На пяту, пяту дубовую, да
На пяту, пяту дубовую да.
Заступил Иван во горницу, да
Как ступил Иван во горницу да
Все Петрович во светлую, да
Все Петрович во светлую, да
У нас Мотенька спугалася, да
У нас Мотенька спугалася да
Из окна в окно бросалася да.

147

[Без ветричку, ой, да без ви...]
Ой, да без вихорю
Да... ой, да воротечка,
Ой, оне открывалися.
Да широ... ох, да широкия
Две... воне двери на петы.
Да ой... ох, да он приехал к нам ра...
Ай, ён раззоритель мой.
Да по... ой, он погубитель, он ро...
Ой, он ро́дной мамушке.
Да я... ах, да я кидалася,
Ой, ведь я бросалася.
Я... ох, да я, да я из горницы,
Ох, да я во горницу.
Да я во... ох, да к красным девушкам я,
Ой, я за зана́весу.
Да сбе... (а)ох, да сберегите меня,
Ой, меня, подруженьки.
Да сбе... ох, да сберегите меня,
Ой, меня, возлюбленны.
Да я... ох, да я садилась я,
Ой, да я ведь выше всех.
Да я... ох, да я головушку клонила ни...
Ой, ведь я ведь ниже всех да.

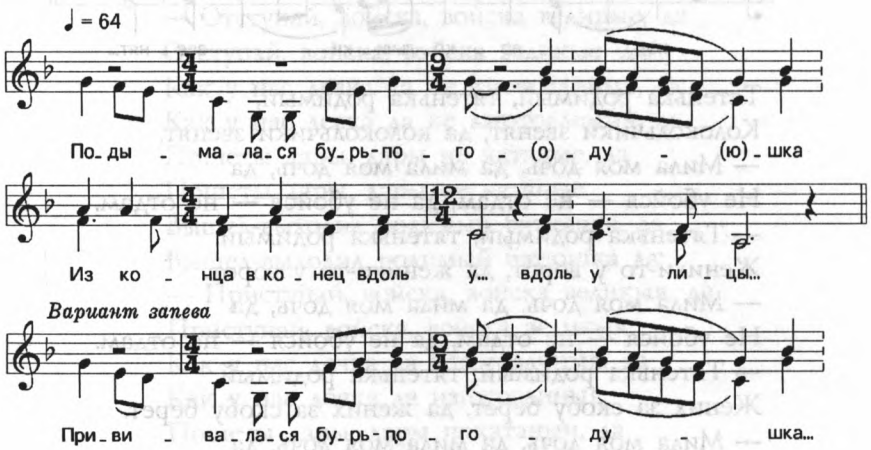
148

Ох, без ветричку,
Ох, да без ви...
Ох, без вихорю,
Ох, да ведь оне, воротичка, да о...
Ах, оне да открыва...
Ой, открывалися да,

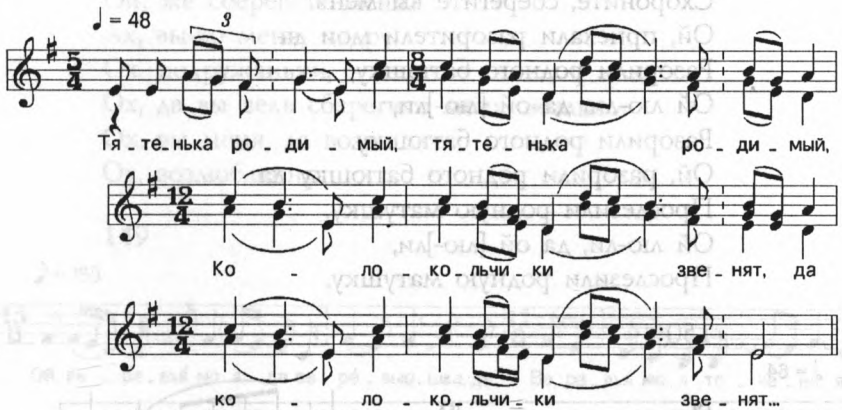
Ох, да ведь они, широкия-то две...
Эх, оне, двери-то, на...
Ох, да ведь на пяты́.
Ох, да ведь о... он приехал он жа...
Ах, он-то ведь разори...
Ох, разоритель мой,
Ох, да ведь он жа, разоритель-от, по...
Ох, он жо да погуби...
Ой, погубитель мой жо.
Ой, же сберегите меня,
Ах, вы-то меня, подру...
Ох, подружаньки,
Ох, да вы ведь сберегите меня, возлю...
Ох, вы меня, да возлю...
Ох, возлюбленны.

149

Ой, веревья́ моя, да вере́вьюшка, да
Веревья́ моя точеная,
Ой лю-ли, да ой [лю-]ли,
Точеная-позлаченая,
[Ой,] точеная-позлаченая, да
Веревьюшки раскачалися,
Ой лю-ли, да ой [лю-]ли,
Веревьюшки раскачалися.
Ой, веревьюшки да раскачалися, да
Воротечки растворялися,
Ой лю-ли, да ой [лю-]ли,
Воротечки растворялися.
Ой, к нам бояре на двор въехали, да
Молодыя на крыльцо взошли,

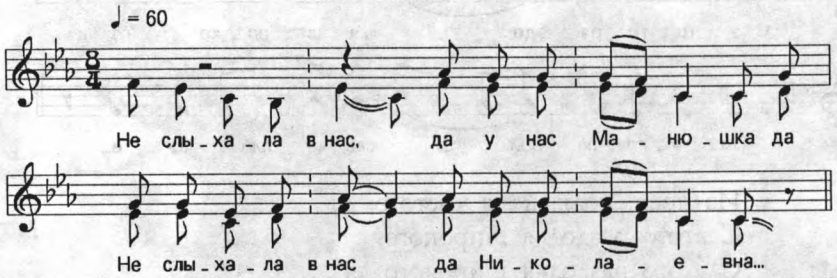
Ой лю-ли, да ой [лю-]ли,
Молодыя на крыльцо взошли.
А Зоюшка д[а] испугалася,
За девушек схоронилася,
Ой лю-ли, да ой [лю-]ли,
За девушек схоронилася:
— Ой, уж вы, девушки да подружаньки мои,
Да схороните-сберегите вы меня,
Ой лю-ли, да ой [лю-]ли,
Схороните, сберегите вы меня.
Ой, приехали разорители мои да
Разорили родного батюшку,
Ой лю-ли, да ой [лю-]ли,
Разорили родного батюшку.
Ой, разорили родного батюшку да
Прослезили родную матушку,
Ой лю-ли, да ой [лю-]ли,
Прослезили родную матушку.

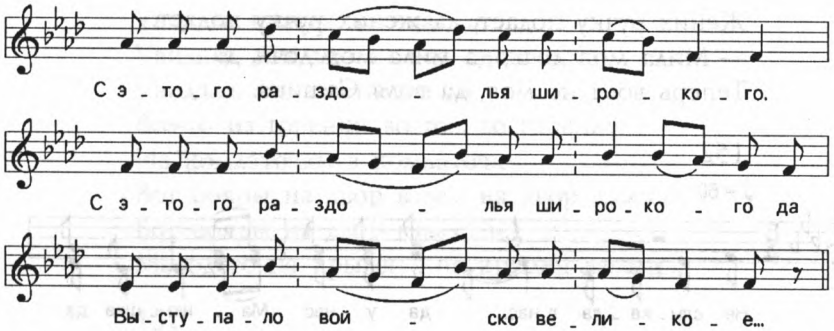
150

Подымалася бурь-погодушка
Из конца в конец вдоль у... вдоль улицы...
Прививалася бурь-погодушка
Все ведь к Катиным воро... к воротицам.
Воротушки отворилися,
Вереюшки пошатну... пошатнулися.

Увидала красна девица, да
Увидала, вся смета... вся сметалася.
Увидала, вся сметалася да
Все-то из горенки во го... во горенку,
Из комла́точки в комла́точку.
Вот бояры на двор взъе... на двор взъехали.
Вот бояры на двор взъехали,
Молодого на крылец... на крылец взвели...

151

Тятенька родимый, тятенька родимый,
Колокольчики звенят, да колокольчики звенят.
— Мила моя дочь, да мила моя дочь, да
Не убойся — не отдам, да не убойся — не отдам.
— Тятенька родимый, тятенька родимый,
Женихи-то у ворот, да женихи-то у ворот.
— Мила моя дочь, да мила моя дочь, да
Не убойся — не отдам, да не убойся — не отдам.
— Тятенька родимый, тятенька родимый,
Жених за скобу берет, да жених за скобу берет.
— Мила моя дочь, да мила моя дочь, да
Не убойся — не отдам, да не убойся — не отдам.
— Тятенька родимый, тятенька родимый,
Жених в комнату вошел, да жених в комнату вошел.
— Мила моя дочь, да мила моя дочь, да
Не убойся — не отдам, да не убойся — не отдам.
— Тятенька родимый, тятенька родимый,

Жених ручку подает, да жених ручку подает.
— Мила моя дочь, да мила моя дочь, да
Теперь воля не моя, да воля Сашина.

152

Не слыхала в нас, да у нас Манюшка да
Не слыхала в нас да Николаевна,
Как бояре к нам да во двор въехали, да
Как бояры к нам да на двор въехали.
Вышла-выходила родна мамынька, да
Вышла-выходила родна мамынька да:
— Отступай, войска, войска великые, да
Отступай, войска, войска великые да.
Как у нас девка да не взготовлиныя, да
Как у нас девка да не взготовлиныя, да
Пошеты дары, дары не катаные, да
Пошеты дары, дары не катаные.
Вышел-выходил родимый батюшка, да
Вышел-выходил родимый батюшка да:
— Приступай, войска, войска великыя, да
Приступай, войска, войска великыя.
Как у нас дочка да изготовлиныя, да
Как у нас дочка да изготовлиныя.
Пошеты дары, дары покатаныи, да
Пошеты дары, дары покатаныи.

153

Из поля, поля, поля чистого, да
С этого раздолья широкого.
С этого раздолья широкого да
Выступало войско великое.
Выступало войско великое да
К то́му ко двору да к Иванов[ому].
К то́му ко двору да к Иванову, да
К высо́ку терему да к Настасеиному.
К высо́ку к терему да к Наста́сьиному да
Вышел-выходил родимой батюшка,
Вышел-выходил родимой батюшка да.
— Отступися, войско вялико[е],
Отступися, войско вяликое, да
У меня дочка да несготовленная,
У меня дочка да несготовленная —
Нашитые дары да не катынае.
Нашитые дары да не катыные, да
Скованы дворцы — они не заперты.
— Мы ваши дворы усе заполненные, [д]а
Мы их по-своёму поделымае[м].
Мы вам по-своёму поделаем, [да]
Так у нас и есть замки-ключи таки́.

СБОР ПОЕЗДА

В день венчания в доме *жениха* совершался один из центральных обрядов — *сбор княжеского поезда.* Среди родных и близких друзей *жениха* распределялись свадебные чины. В свадьбе конца XIX — начала

Алтайские крестьяне-старообрядцы в зимней одежде. 1912 год. Объединенный государственный Омский историко-литературный музей, № 4255-19. *Фото А.Е. Новоселова.*

XX в. роли *тысяцкого*, *дружки*, *свахи* и прочих фактически «раздавались» до обряда, теперь они как бы утверждались, узаконивались ритуально.

На составление (сбор) *поезда* приглашались все его участники, могли прийти и посторонние. Пол избы застилался соломой, лошадей привязывали к протянутой через двор веревке, причем в строгом порядке, указанном *дружкой*, к дугам подвязывались колокольчики.

Дружкой выбирался уважаемый на селе человек, не только отлично знавший все ритуалы и песни свадебного обряда, но и умевший заговаривать от болезней, «снимать порчу» и «злые чары». Нередко при его выборе руководствовались боязнью обидеть владеющего знахарскими приемами человека.

Участники церемонии кланялись «*низко князю молодому калачом и птицею*», который сидел перед столом в переднем углу на стоящей поперек избы лавке. По предварительному соглашению с ним *дружка* выбирал (назначал) из приглашенных в чины, обращаясь к каждому с полагающимся приговором. Выбирая, например, *тысяцкого*, он говорил:

Просит наш князь молодой
Ефима Софроновича

Потрудиться ехать тысяцким
В чистое поле...

(Кашин, с. 157)

Точно так же он обращался и к остальным, меняя имя и название чина. *Жених* кланялся в ноги каждому выбранному и подавал ему стакан вина, после чего *дружка* продолжал свое дело: выбирал *большого* и *малого боярина*, *полудружья*, *сваху* и *подсватью* (если была). Женщины-певицы сопровождали ритуал выбора *поезжан* песней с одним и тем же вступлением:

Волга-река разливается,
Желта тафта расстилается,
(*Имя жениха*) на коне разгуляется,
(*Отчество жениха*) себе полк прибирает,
Где кому быть, в большом месте сидеть.

(Осипов, с. 103)

Каждый из выбранных занимал свое определенное традицией и указанное *дружкой* место. Рядом с *женихом* на лавку садился *тысяцкий* (крестный отец), дальше — *большие бояре* (близкие родственники и почетные лица). По правую руку *жениха* на поперечной скамье садилась его *сваха* (крестная мать), затем — *меньшие бояре* (дальние родственники и менее почетные лица). *Дружка* устраивался где-нибудь с краю стола на стуле или табурете, так как ему по обязанности главного распорядителя часто приходилось выходить из избы для совершения очередного ритуала или исполнения приговора (указа).

Когда *поезд* был собран (чины выбраны и их места определены), певицы исполняли песню «Сборы вы мои, сборы» (№ 154).

Затем *дружка* вел всех мужчин в *женихову* баню, где каждому налеплял на нательный крестик кусочек воску. После бани он усаживал всех за стол, певиц угощал пивом, приговаривая: «В куть по ла́вицы» (№ 166).

Певицы песнями величали каждого поезжанина. Когда все гости усаживались за стол по чину, *сваха* уводила *жениха* за занавесу и подавала ему подвенечную сорочку, которая была, как правило, ее подарком. Затем выводила *жениха*, одевала при всей публике в сопровождении песен, чаще — «*Кто тебя, хороша, породил?*». Затем *дружка* обращался к родителям за разрешением «*белу лебедь разрушать, яству начать, гостей попотчевать*» (№ 168).

Получив разрешение хозяев, *дружка* нарезал отварную курицу и пирог, пробовал сначала все сам, затем приглашал угощаться весь *поезд*. После пирога подавались щи, а затем на стол ставилось третье блюдо,

которое до конца обеда было закрыто тарелкой. После этого разрешалось угощать любыми яствами уже без всяких церемоний.

За столом *дружка* не забывал своих обязанностей балагура и распорядителя. При перемене блюд он приговаривал:

Сизая голубушка,
Белая лебедушка,
Матушка-переменушка.

В разгар застолья *дружка* с *полудружьем* собирались к *невесте* узнать, готова ли она к встрече *поезда*. *Жених* выходил из-за стола и обносил всех вином, а *дружка* в это время произносил очередной приговор, приглашая всех «*горницу принять*», «*пить до дна, а молить добра*».

Прочитав все полагающиеся приговоры, *дружка* с *полудружьем* отправлялись в дом *невесты*. В его отсутствие *поезжане* угощались и пели. Певицы исполняли величальные, требуя за них дары.

Возвратившись от *невесты дружка* объявлял *князю молодому*:

Наша княгиня жива и здорова,
Велела вашему здоровью челом ударить,
Челобитье справить.

(Гуляев, с. 35)

Посидев с *поезжанами* за столом, *дружка* просил благословить «*князя молодого по сужену ехати*»:

Сужено понять,
Под злат венец встать,
Закон Божий принять,
Златым перстнем поменяться.

(Там же)

Дружка зажигал свечу, *поезжане* выходили из-за стола и выстраивались в ряд. *Жених* становился в середину, перед родителями. Он кланялся в ноги отцу, который, взяв из рук *дружки* икону, благословлял ею и хлебом-солью, причем *жених* должен был лизнуть соль. После отца таким же способом благословляла мать. Если не было отца, благословлял *тысяцкий*, вместо матери — крестная. Во время благословения певицы дважды пели «*Не стук-то стучит во тереме*»: первый раз отец благословлял, второй — мать. Далее *поезд* выходил из-за стола на улицу и после команды *дружки* отправлялся за *невестой*. Впереди *поезда большой боярин* нес икону *жениха*.

У *дружки* было надето полотенце через правое плечо. Через левое плечо — ременной бич, на конец которого пришит «*кустик*» из коротких ремешков.

На улице *дружка* обходил поезд, взмахивал в воздухе бичом, восклицая: «*Господи Иисусе, Сын Божий, помилуй нас*!» — после чего трогался в путь. За ним следовали *поезжане*, каждый в своих санях (телеге). Гривы, челки, хвосты лошадей украшались яркими лоскутами, на дуги привязывались колокольчики или «*шаркунцы*» (небольшие металлические погремушки). Дуги обвивались лентами. За *дружкой* ехал *тысяцкий*, за ним *бояре* (*старший, средний, меньшой*). Последним ехал *жених* (со своей *свахой* вместе).

Певицы провожали *поезд* песнями.

154

Сборы вы мои, сборы
Всё Николая-господина
Свет Ивановича;
Выбирал наш господин
Себе тысяцкого —
Да Ефима-то
Свет Софроновича.
Сборы вы мои, сборы
Всё Николая-господина
Свет Ивановича;
Выбирал наш господин
Себе боярина большого —
Да Гордея-то
Свет Григорьевича.
Сборы вы мои, сборы
Всё Николая-господина
Свет Ивановича;
Выбирал наш господин
Себе боярина меньшего —
Да Сидора-то
Свет Карповича.
Сборы вы мои, сборы
Николая-господина
Свет Ивановича;
Выбирал наш господин
Себе полудружья —
Да Петра-то
Свет Матвеевича.

Сборы вы мои, сборы
Николая-господина
Свет Ивановича;
Выбирал наш господин
Княжу свашеньку —
Да Елену-госпожу
Свет Панкратьевну.
Сборы вы мои, сборы
Николая-господина
Свет Ивановича;
Выбирал наш господин
Себе подсватьюшку —
Да Пелагею-госпожу
Свет Акакиевну.

155

Господи, благослови, Христос!
Из кути да по переду
Разостланы, рассыпаны
Куны да соболи.
По тем кунам,
По черным соболям
Всё тут стоят
Столы дубовые,
На них лежат
Скатерти шелковые.
Всё тут сидят
Князья-бояра
Николая-господина,
Князья-бояра
Свет Ивановича.
Где у нас сидит
Наш князь молодой,
Наш Николай-господин
Сын Иванович?
Милость Божья,
Милость батюшкина
Да молитва свята —
Благословеньице матушкино.

Где, слышь ли ты,
Наш князь молодой,
Свет наш Николай
Сын Иванович?
Что против тебя
В кути говорят?
Там песни поют —
Тебе честь воздают,
В большо место садят,
Большо место-величество;
Честь и хвала
В добрые люди ввела,
В величество садила.

156

Тихо бояре снаряжалися,
Добрые кони пристоялися;
Бьют они копытами
Землю до полуколен,
Рвут они поводья шелковые;
Слышат они, слышат
Путь-дороженьку неблизкую:
Ехать-то добрым молодцам
В орду воевать.

157

Середи было двора,
ope-ди-ди,
Середи широка
Свет Василья
Свет Ивановича.
Соезжалися,
Собиралися
Князья-бояре,
Думали они
Думу крепкую:
Как идти к Василью во двор,
Как идти к свет к Ивановичу,
Как нам взять Марью-душу

Как нам взять Васильевну.
Как выискался
Удалой добрый молодец
Свет Григорий-господин
Свет Андреевич.
— Во се я пойду,
Во се я возьму
Свет Марью-душу
Свет Васильевну.

158

Уж не трубушка трубила
По заре да по заре,
Что Астафий ходил по двору,
Собирал всех князей-бояров.
Астафий за стол садил князей-бояров,
Всех за стол садил, сам садился выше всех,
Он головушку клонил да ниже всех,
Он думушку думал да больше всех:
— Как поедем во чужи люди,
Как подступим ко чужому батюшке,
Ко чужому батюшке, к чужой матушке,
Ко чужому батюшке Филиппу Юдичу,
Ко чужой ко матушке к Аграфене ко Васильевне,
К нареченной Парасковье Филипповне.

159

Как у красного солнышка золоты лучи,
Как у светлого солнышка часты звездочки,
Как у удалого молодца (*имя рек*)
Хорошо кудри завиты.
Они не сами завивалися —
Завивала красна девица-душа
Свет (*имя рек*) свет (*отчество*),
На каждую кудринку — по жемчужинке.
Из Москвы князи-бояре съезжалися,
Кудрям молодца дивовалися:
— Ни заря ли тебя, молодца, спородила?
Ни часты ли тебя звездочки возлелеяли?

— Ах, умные вы, князи-бояре, но нерассудливые!
Воспородила меня родима матушка,
Воспоил-воскормил родимый тятенька;
Возлелеяли меня братцы-сестрицы,
Завила кудерёчки красна девица
Свет (*имя*) свет (*отчество*).

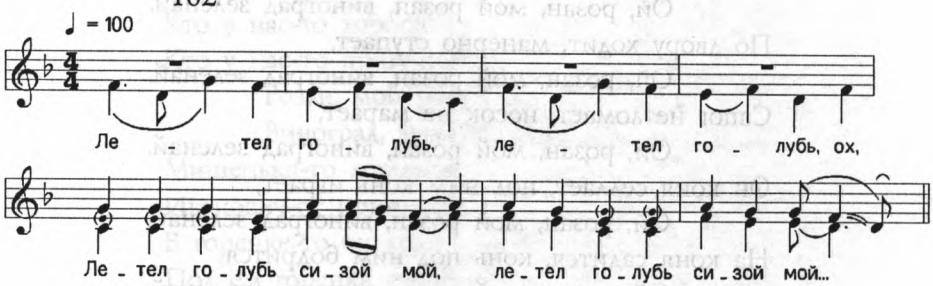
160

Ах ты царь ли наш, царевич,
Ты король наш, королевич,
Разудалый добрый молодец
Андреян сударь Васильевич!
Ты умел хорош родитися
И богато снарядитися!
Поносила тебя матушка
Во утробе девять месяцев
Тяжелым-тяжелешенько,
Во девятый-то поро́дила
Во Христовскую заутреню,
Как во первый большой благовест.
Обмывала тебя бабушка
Ключевой водой студеною,
Пеленала тебя бабушка
Во пеленочки полотняны,
Во свивальнички шелко́вые.
Сберегала тебя матушка
И от ветра, и от вихоря,
И от Божьей тебя милости.
Не могла она сберечь тебя
Лишь от ясных от девичьих глаз.

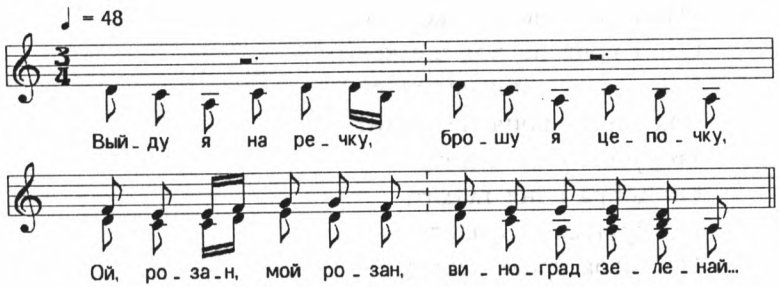
161

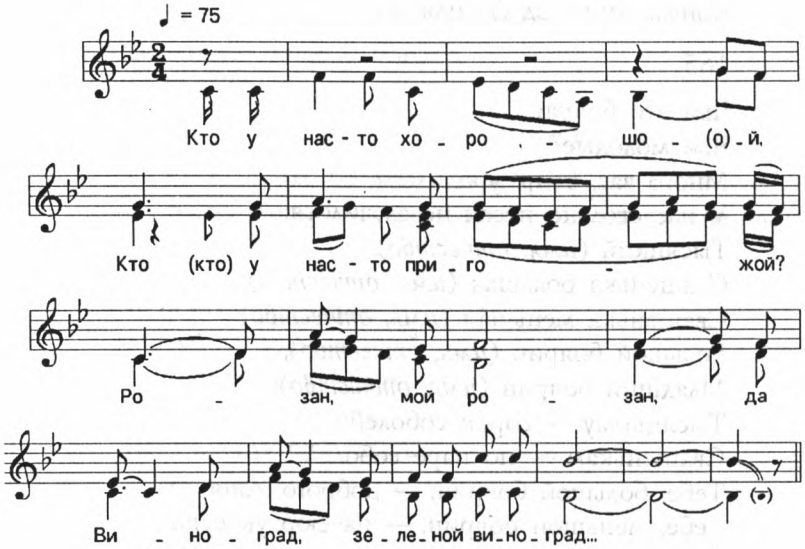
У броду-броду,
У калинового моста,
У князева перехода
Тут стояли кони,
Тут стояли вороные,
Они все под коврами,

Они все под шелковыми.
Один конь не под ковром,
Один конь не под шелковым.
Как никто коня не чешет,
Как никто коня не гладит.
Егорушка свет ходит,
Он добра коня гладит,
По крутым бедрам треплет,
По сивой гриве чешет,
Сам дружку снаряжает:
— Ты поедь, поедь, дружка,
Ко Федосьиному двору,
Ты спроси, спроси, дружка,
Снарядна ли невеста.
— Как еще она не готова,
Как еще она не снарядна.

162

Летел голубь, летел голубь, ох,
Летел голубь сизой мой,
Летел голубь сизой мой.
Он летел, он летел, ох,
По за лесье-перелесье,
По за лесье-перелесье.
Не на мою, не на мою, ох,
Не на мою ли сторонку,
Не на мою ли сторонку.
Неси вестку, неси вестку, ох,
Неси вестку про невесту,
Неси вестку про невесту.

7 Заказ № 781

163

Выйду я на речку, брошу я цепочку,
Ой, розан, мой розан, виноград зеленай.
Цепочка злотая не плывет, не тонет,
Ой, розан, мой розан, виноград зеленай.
Не плывет, не тонет — сверх воды сплывает,
Ой, розан, мой розан, виноград зеленай.
Сверх воды сплывает, волной заливает,
Ой, розан, мой розан, виноград зеленай.
По двору ходит, манерно ступает,
Ой, розан, мой розан, виноград зеленай.
Сапог не ломает, носок не марает,
Ой, розан, мой розан, виноград зеленай.
Он коня седлает, под ним конь играет,
Ой, розан, мой розан, виноград зеленай.
На коня садится, конь под ним бодрится,
Ой, розан, мой розан, виноград зеленай.
Он с двора съезжает, конь под ним играет,
Ой, розан, мой розан, виноград зеленай.
Он лугами едет, луга зеленеют,
Ой, розан, мой розан, виноград зеленай.
Луга зеленеют, сады расцветают,
Ой, розан, мой розан, виноград зеленай.
Сады расцветают, пташки распевают,
Ой, розан, мой розан, виноград зеленай.
Пташки распевают, соловьюшки свищут,
Ой, розан, мой розан, виноград зеленай.
Соловьюшки свищут, красну девку ищут,
Ой, розан, мой розан, виноград зеленай.

164

Кто у нас-то хорошой,
Кто у нас-то пригожой?
Розан, мой розан, да
Виноград, зеленой виноград.
Мишенька-то хорошой
Иванович-от пригожой.
В горенке-то он ходит, да и
Под ём горенка стонёт.
К зерькальцу он подходит да и
В зерькальцо-то гляделся,
В зерькальцо он гляделся, да и
Сам... сам себе он дивился.
Сам себе-то дивился, да ой
Хорошенькой уродился.
В сеночки он выходит, да и
Сенки колыхают.
На крыльцо он выходит, да и
Конь... конь к ему-то подходит.
На коня он садился, да и
Конь... конь под им-то бодрился.

Плеточкой ён машёт, да и
Конь... конь под ём пляшёт.

165

Чьи это бояра?
Чьи молодые?
Много вас, бояр, уродилося,
У нас столько песен не случилося:
Тысяцкий (*имя, отчество*).
Свашенька большая (*имя, отчество*),
Свашенька меньша́я (*имя, отчество*).
Большой боярин (*имя, отчество*),
Младший боярин (*имя, отчество*).
Тысяцкому — сорок соболей.
Свашенькам — по паре соболей.
Тебе, большой боярин, — доброго коня.
Тебе, меньшой боярин, — на сюртук сукна.
Тебе, князь молодой, — княгиню молоду́.

166

В куть по ла́вицы
Запечатаны за́навесы.
Девицы-певицы,
Молодые молодицы,
Дочери отецки,
Жены молодецки,
Попойте, потешьте
Нашего князя молодого,
Большого, меньшого боярина,
Дружку с полудружьем,
Княжу сваху с подсватьей.

167

Накануне бранья и венчания жених со всеми поезжанами моются в бане. Перед отправлением в баню дружка обращается к отцу и матери жениха с такими словами:

— Господи Иисусе Христе,
Сыне Божий, помилуй нас!
Батюшка родимый,

Матушка родимая!
Благословите своего сына милого
В парную баню отмыться,
Почиститься!

По выходе из бани дружка вновь обращается к родителям:

— Благодарим, батюшка и матушка,
За баню парну́ю, за воду ключевую, за веники шелковые!

168

Батюшка родимый,
Матушка родимая,
Благословите, родные,
Скатерть раскинуть,
Белу лебедь разрушать,
Яству начать,
Гостей попотчевать.

169

Стряпчий повар,
Сядь на ко́ня,
Стань на резвыя ноги.
Бьет тебе челом
Наш князь молодой
Корцем да медом,
Сверх того просит
Наш князь молодой
Сизой голубушки,
Белой лебедушки,
Матушки-переменушки.

170

Наш князь молодой,
Тысяцкий большой,
Боярин меньшой,
Дружко с полудружьем,
Сваха с подсватьей
Шлют вам корец с медом,
С большими подарками
За то, что повеселили.

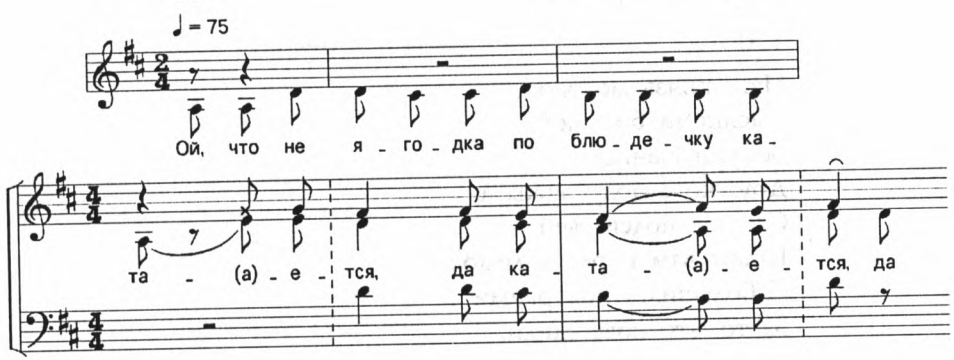
171

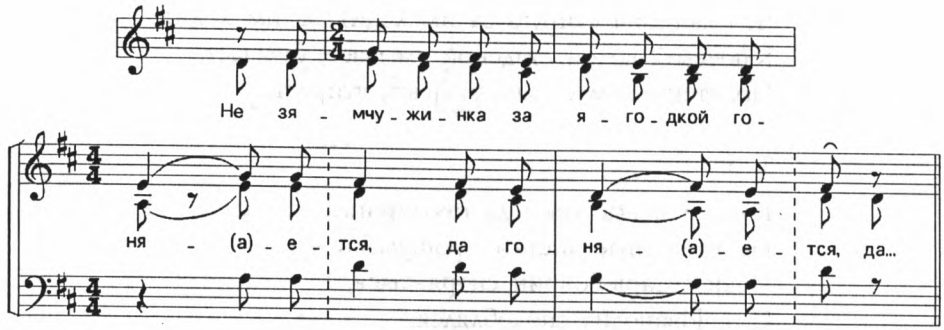
Господин хозяин,
Благодарим за хлеб, за соль,
Сыто кормили,
Пьяно поили,
Ласковыми словами,
Низкими поклонами
Много довольны.

172

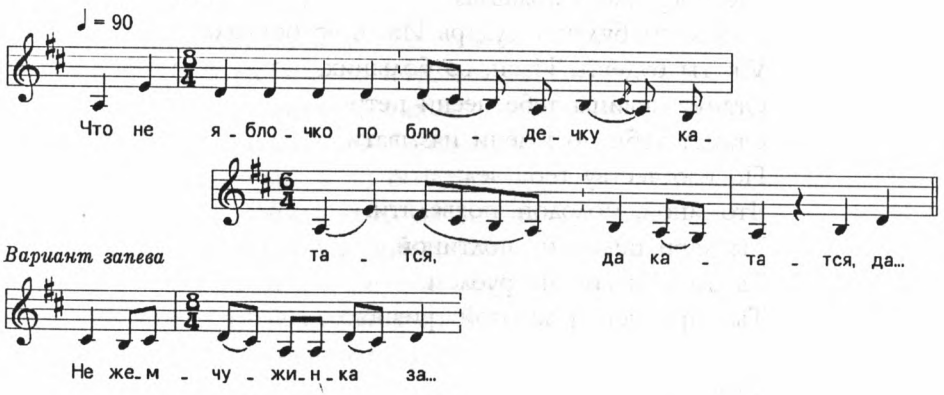
Хорош был жемчуг в ожерельях —
Носить тебе по воскресеньям.
Его матушка снаряжала,
Его черные кудри расчесала,
Ему кунюю шубу надевала,
Его золотыми плащами застегала,
Ему грозно наказала:
— Поехал, мое дитятко, торги торговать,
Поехал, мое дитятко, в орды воевать.
Не бери, мое дитятко,
Ни куницами, ни лисицами,
Ты бери, мое дитятко, головами.
Женихова свашенька горделива и спесива,
Ножку на ножку переступывает,
О сапог в сапог перехлопывает.

173





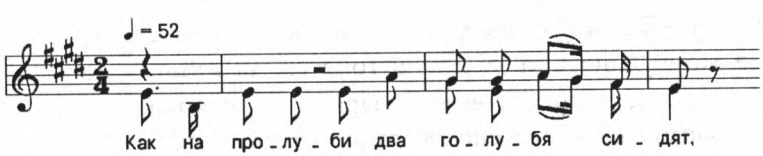
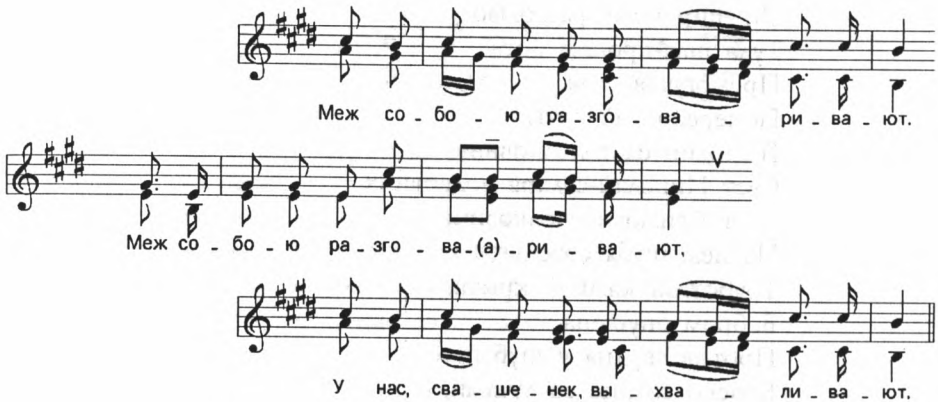
Ой, что не ягодка по блюдечку катается, да катается, да
Не зямчужинка за ягодкой гоняется, да гоняется, да
Как мой миленькай на свадьбу собирается, собирается, да
Собирала яво женка молодая, молодая, да
Частым гребушком головушку чесала, да чесала, да
Алой ленточкой кудряшки завивала, завивала, да
Шо таки яму наказы наказала, наказала да:
— Ты поедешь, мой миленький, на свадьбу, да на свадьбу, да
Ты дарись-ка, мой милай, не скупися, не скупися да
Не полтинкой ты дарися, все рублёнкой, все рубли(э)нкой.

174

Что не яблочко по блюдечку кататся, да кататся, да
Не жемчужинка за яблочкой гонятся, да гонятся, да
Не Иван да с приданными снаряжатся, снаряжатся, да
Незнаевич во званы сподоблятся, сподоблятся, да

Что любезна супруга за им ходит, за им ходит,
Ключевой водой студеной умывает, умывает,
Полотенчиком белым утирает, утирает.

175

Как не новые сени да проскрипели,
Не гумажные листки прошумели —
Иван сударь-боярин снаряжался,
Сын Иванович сподоблялся.
Молода́ его боярыня снаряжала,
За широкие за ворота провожала,
Рыбьим гребешком головушку чесала,
В три ряда ему черны кудри завивала.
В первый ряд кудри завивала —
Красным золотом кудри увивала.
Во второй ряд кудри завивала —
Частым серебром кудри увивала.
В третий ряд кудри завивала —
Скатным жемчугом кудри усыпала.
За широкие за ворота провожала,
Во уста во сахарные целовала,
Шелкову плеть подавала:
— Уж ты будешь, сударь Иван, во боярах,
Уж ты будешь, Иван, во больших,
Станут певицы тебе песни петь,
Станут тебя по имени называти,
По изотчеству тебя величати,
Что мной, молодой, похваляти.
Ты дари певиц не полтиной,
Ты дари певиц не рублем,
Ты дари певиц золотой гривною.

176



Как на пролуби два голубя сидят,
Меж собою разговаривают.
Меж собою разговаривают,
У нас свашенек выхваливают,
У нас свашенек выхваливают,
Расхороших возвеличивают,
Расхороших возвеличивают:
— Расхороша добра свашенька,
Расхороша добра свашенька,
А все Ольга да Агеевна.
А все Ольга да Агеевна,
Она любила по пирам ходить,
Она любила по пирам ходить,
По пирам и по беседушкам.
По пирам и по беседушкам,
Она любила красных девушек дарить,
Она любила красных девушек дарить
Не рублем и не троечкой,
Не рублем и не троечкой,
Все бумажной полусоточкой.

Говорком:

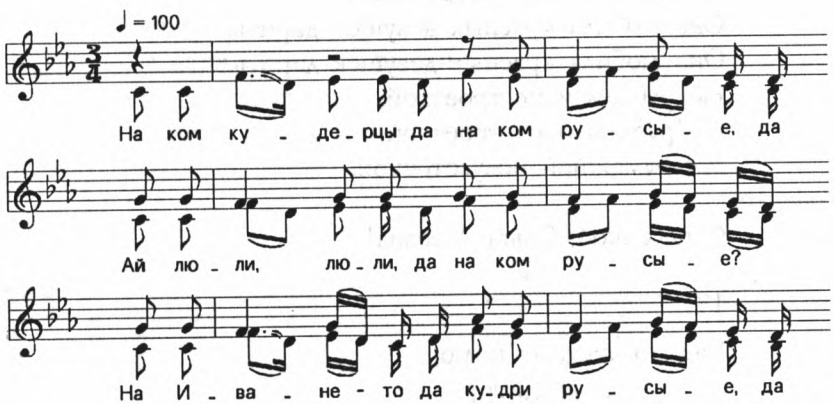
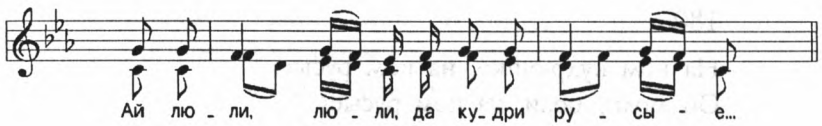
С песенкой, Ольга Агеевна!

177

Как по чистому полю,
[да арадити]

По широкому раздолью
Туда шла-прошла рота,
Премогучая сила.
Попереди той роты
Господин едет полковник,
Свет Николай-сударь полковник
Свет Ефимович полковник.
На нем шуба соболья,
Трубчатой камкой крыта,
Бобром опушена,
Против сердца у шубы —
Красно солнце со лучами,
Против крыльцев у шубы —
Светел месяц со звездами.
Еще люди-то спросят тебя:
— Кто шубу дарил?
Или тесть шубой дарил,
Или ласкова теща?
Свет Николай-сударь молвил
Ефимович говорил:
— Меня не тесть шубой дарил
И не ласкова теща,
Государь царь шубой пожаловал
За мою службу верную,
За мою неизменную:
Я полки отправлял, а другие снаряжал.

178



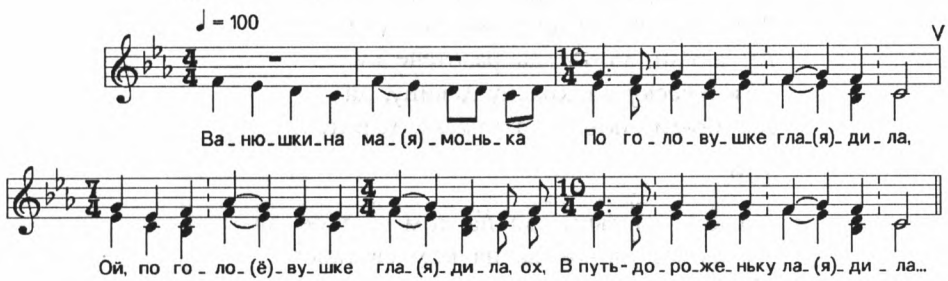
На ком кудерцы да на ком русые, да
Ай лю-ли, лю-ли, да на ком русые?
На Иване-то да кудри русые, да
Ай лю-ли, лю-ли, да кудри русые.
На Васильявиче да по плечам ляжат, да
Ай лю-ли, лю-ли, да по плечам ляжат.
По плечам ляжат, да ровно жар горят, да
Ай лю-ли, лю-ли, да ровно жар горят.
Ровно жар горят, да развиться хотят, да
Ай лю-ли, лю-ли, да развиться хотят.
Ро́звиться хотят да жениться велят, да
Ай лю-ли, лю-ли, да жениться велят:
— Ты жанись, жанись, да добрай молодец, да
Ай лю-ли, лю-ли, да добрай молодец.
Ты возьми, возьми да дочь купеческу, да
Ай лю-ли, лю-ли, да дочь купеческу.
Дочь купеческу да разотеческу, да
Ай лю-ли, лю-ли, да разотеческу.
Ро́зотеческу да красну девицу, да
Ай лю-ли, лю-ли, да красну девицу.

179

На ком платьице да на ком светлое, да
Ай лю-ли, лю-ли, да на ком светлое?
На Елене-то да платье светлое, да
Ай лю-ли, лю-ли, да платье светлое.
У ее, ее да шаль атласная, да
Ай лю-ли, лю-ли, да шаль атласная.
Шаль атласная да кисти разные, да
Ай лю-ли, лю-ли, да кисти разные.
У ее, ее да щечки алыё, да
Ай лю-ли, лю-ли, да щечки алыё.
У ее, ее да брови черныё, да
Ай лю-ли, лю-ли, да брови черныё.
У ее, ее глаза веселыё, да
Ай лю-ли, лю-ли, глаза веселыё.

180

На ком кудрюшки, на ком русые,
Ой люли, люли, на ком русые?
По плечам лежат, словно жар горят,
Ой люли, люли, словно жар горят.
Словно жар горят, жениться велят,
Ой люли, люли, жениться велят.
Ты женись, женись, [женись,] Феденька,
Ой люли, люли, женись, Феденька.
Возьми девицу-рукодельницу,
Ой люли, люли, рукодельницу.
Читать, писать и в ружье стрелять,
Ой люли, люли, и в ружье стрелять.
И охотиться за птицами, за лисицами,
[Ой люли, люли, за лисицами].
С высок терема за девицами,
Ой люли, люли, за девицами.

181

Ванюшкина мамонька
По головушке гладила,
Ой, по головушке гладила, ох,
В путь-дороженьку ладила,
Ой, путь-дороженьку ладила:
— Поезжай-ка, моя дитятка,
Ой, пое[з]жай-ка, моя милыя,
Что во сыр-бор по ягоду,
Ой, что во сыр-бор по ягоду,
Не пущай-ко коня по двору,

Ой, не пущай-ко коня по двору,
Не бросай-ко плетку под ноги,
Ой, не бросай-ко плетку под ноги,
Завяди коня во кулишну,
Ой, завяди коня во кулишну,
Ты повесь плетку на стешечку,
Ой, ты повесь плетку на стешечку,
Сам зайди-ко во девишнечек.
Сам зайди-ко во девишнечек,
Вабирай себе нявестушку,
Ой, вабирай себе нявестушку, да
Из девис-то красну девису,
Ой, из девис-то красну девису
Катярину Ивановну.

182

Василья матушка в счастливый день породила,
В воскресную заутреню пеленала,
Его матушка приговаривала:
— Дите ли, мое дитятко,
Будешь на возрасте и на Божьей милости —
Соберешься с умом с разумом,
С молодецким поездом
И поедешь жениться
На Акульке красной девице.
Въедешь на широкий двор —
Не пущай коня по двору,
Привяжи коня к столбу,
Ко колечку серебряному.
Взойдешь на красно крыльцо,
Со красна крылечка — в новы сени,
Из новых сеней — в высок терем.
Станешь Богу молиться —
Клади крест по-писаному,
Кланяйся по-ученому,
На все четыре стороны:
Тестю и теще,
На особице примечай

Свою суженую.
Твоя сужена приметная,
Руса коса расплетенная,
По могучим по плечам раскладена,
Очи ясны призаплаканные,
Лицо бело призатертое.

183

Не лежи, бобер, во крутом берегу,
Не сиди (*имя, отчество*) в высоком терему,
Не пора сидеть, пора свадьбу сряжать.
У меня свадьба снаряженная:
Сорок комоней иззапряженные,
Сорок ковров изнакиданные.
Не лежи, бобриха, во крутом берегу,
Не сиди (*имя, отчество*) в высоком терему,
Не пора сидеть, пора свадьбу сряжать.
У меня свадьба снаряженная:
Сорок печей-калачей испечено,
Сорок пирогов изготовлено,
Сорок станов испоставлено,
Сорок скатертей изнакидано.

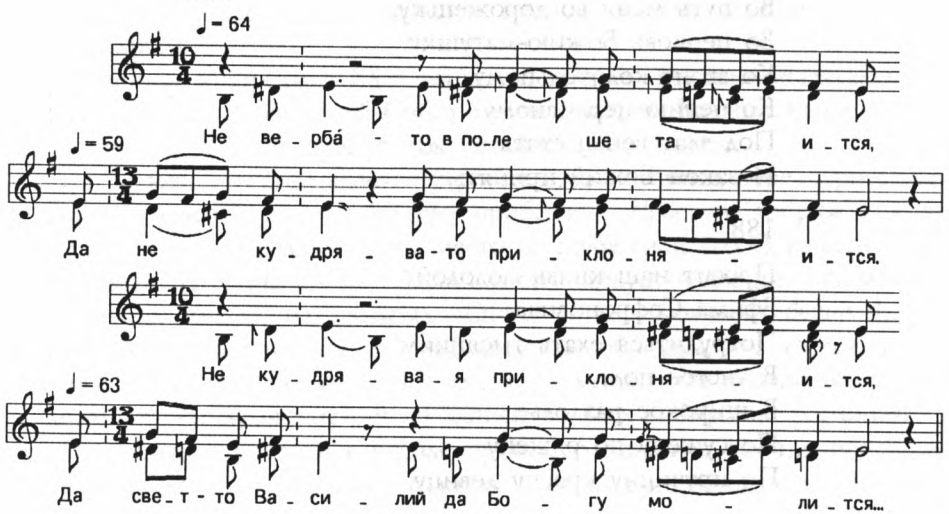
184

Батюшко родимый,
Матушка родимая,
Не просит чадо милое
Ни злата, ни серебра,
Просит ваше чадо милое
Благословеньица великого!
Благославляйте ж нашего князя
Выйти, выступить
В новые сени,
Из новых сеней
На прекрасное крыльцо,
С прекрасного крыльца
На широкий двор,
С широкого двора

Сясть на добрых коней,
Ехать под восточну сторону
По кручинну красну девицу,
Под злат венец встать,
Закон Божий принять,
Как Господь Бог повелел.

185

Как не стук-то стучит,
Эх, да во тереме, да ка...
Ох, как-то не гром-то гремит,
Эй, по вы́соком.
Ох, как Иванушко бла...
Ой, бласловляется, да бла...
Ох, ко злату ему венцу,
Ох, к венцу ехати, да ко...
Ах, закон Божий-то е...
Ах, ему приняти да.
— Ох, бласлови-ко, родимой ба...
Батюшко, да бла...
Ох, бласлови-ко, родимая ма...
Мамушка.

186

Не верба́-то в поле шетаится,
Да не кудрява-то приклоняится.
Не кудрявая приклоняится,
Да свет-то Василий да Богу молится,
Свет Василий-то Богу молится,
Да свет-то Иванович низко кланится.
Свет Иванович низко кланится,
Да он просит-то все-то бласлявленица.
Он просит-то бласлявленица
Да у своёго родимого тятеньки,
У своёго родного тятеньки,
У своёй-то родимой маманьки,
У своёй-то родимой маманьки:
— Да баслави-то, родимой тятенька,
Благослови-ка, радимай тятенька,
Да бласлави-ка, радима маменька.

187

Громы-то прогрянули,
Часты дождики пробрызнули.
Благословляется чадо милое
У своего родимого батюшки,
У своей родимой матушки:
— Благослови-ка, родимый батюшка,
Благослови-ка, родима матушка,
Во путь меня во дороженьку,
Во церковь Божию-матушку
Ко звону колокольному,
Ко пению церковному
Под злат венец стать
И закон Божий принять.

188

Просит наш князь молодой
Ефима Софроновича
Потрудиться ехать тысяцким
В чистое поле,
В широкое раздолье
По сужену по ряжену,
По кручинну красну девицу.

189

Батюшка родимый,
Матушка родимая!
Умели своего чада милого
Поить и кормить,
Обувать, одевать,
На работу посылать —
Умейте благословить
В путь-дороженьку,
Во матушку Божью церковь —
Под златой венец стать,
Закон Божий принять!

БРАНЬЁ

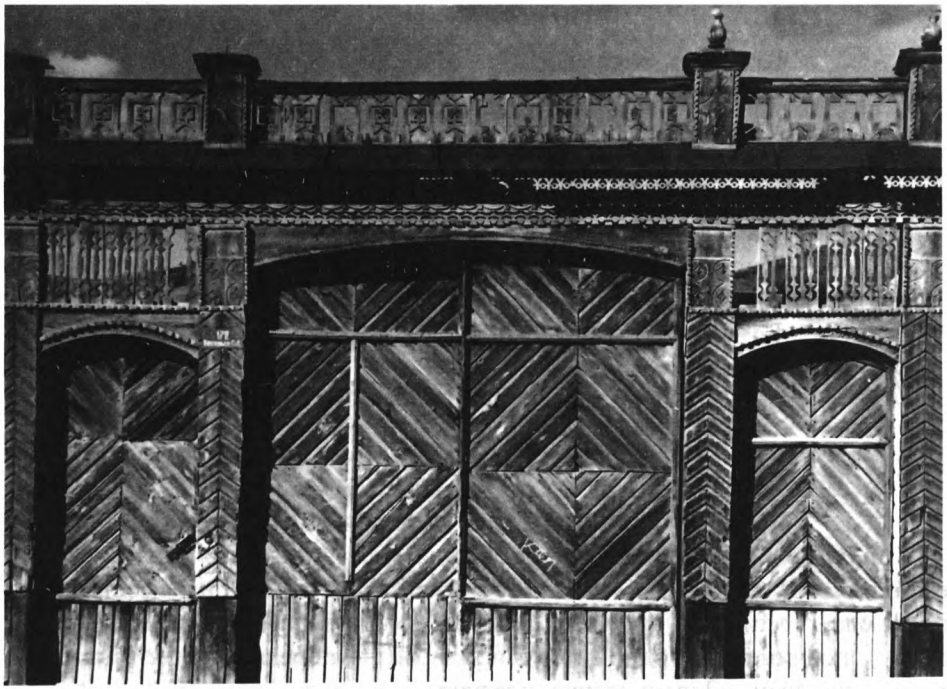
Браньём издавна назывался обряд вручения *невесты жениху*, приехавшему со *свадебным поездом* за ней к венцу. Обряд состоял из нескольких эпизодов (*встреча поезда, выводы невесты и проводы к венцу*), подчиненных одной конечной цели — передать *невесту* гостям «*с рук на руки, одному гостю навеки*».

Встречая *поезд*, девушки от имени *невесты* пели «*Женихи-то у ворот*» и «*За подружек кидалася*». Специальные обрядовые песни исполнялись *дружке жениха* (или *тысяцкому*, где не было *дружки*), когда он «приезжал» справиться, готова ли *невеста* к венчанию. До появления в ее доме *свадебного поезда* девушки пели о последнем прощании со своей подругой.

В Сибири к середине XX в. выпал из свадьбы некогда обязательный ритуал — *посад*. В Западной Сибири и на Дальнем Востоке были сделаны единичные записи фрагментов, вероятно по памяти.

Посад невесты совершается утром в день венчания, перед приездом *жениха* со свитой, иногда по его прибытии. *Невесту* «обряжали» к венцу и сажали на возвышенное место на шубу (или *доху́*), вывернутую мехом вверх. *Невеста* должна была плакать. Девушки-певицы исполняли песни этого обряда, из которых «*Сидит у нас Любушка выше всех*». Данная песня, потеряв связь с конкретным обрядом, а зачастую и со свадьбой, и сегодня бытует повсеместно во множестве вариантов, о чем свидетельствуют многочисленные записи во всех сибирских регионах.

На Дальнем Востоке в начале прошлого столетия кое-где помнили древний свадебный обычай устраивать *посад* для *жениха* и *невесты*



Резные ворота семейского дома. *Фото из архива Р.П. Потаниной.*

одновременно. Сразу по прибытии *поезда* в ее дом: «Поезд прибыл, жениха и невесту во дворе усаживают на войлок или ковер» (Муров Г.Т. По русскому Дальнему Востоку, люди, их жизнь и нравы. Дневник странника: В 2 т. — М., 1909—1911. — Т. 1. — С. 328).

Когда *жених* со своей свитой подъезжал к воротам, брат *невесты* запирал их и не впускал прибывших, пока *дружка* не откупался подарками и вином. В это время исполнялись песни с просьбой *невесты* к брату или отцу заложить ворота, «*засечь засеки и не пускать погубителя, разлучителя*». *Выкупив* право въехать во двор, *дружка* вынужден вновь *покупать* — теперь уже право войти в дом. Перед крыльцом специально ставили стол для подарков. *Жених* и его родители щедро одаривали присутствующих. Отец *невесты* по обычаю выносил хлеб-соль на полотенце и поднос с четырьмя рюмками. Одаривание сопровождалось угощением вином. После церемониальных приветствий всех приглашали в дом. *Дружка* шел первым, читая традиционные приговоры по случаю. Пока *поезд* входил, подруги *невесты* пели корильные песни *дружке* и всему *поезду*.

Дружка, войдя в дом, приговаривал:

Брал дружка храбрый
За скобу булатную,
Отворял дружка дверь дубовую.
Входил дружка храбрый
В светлую светлицу,
В столовую горницу.
Становился дружка храбрый
Среди пола дубового,
Против бруса точеного,
Клал крест по-печатному,
Кланялся по-ученому
Батюшке, матушке на особицу.
Кланяется новобрачный князь
Иван Максимович.
Прибыл он благополучно.
Здоровы ли вы?
Из-за гор-то, гор высоких,
Из-за лесу, лесу темного
Выезжали добры молодцы,
Гладкие головы, широкие бороды.
Здравствуйте, девушки,
Белые лебедушки,
Пухлые молодушки!
Кланяется вам
Молодой князь
Иван Максимович!

(Логиновский, с. 66—67)

После приговоров *дружки* родители *невесты* угощали родных *жениха* вином, целовались с ними, зажигали перед иконами свечи и молились. После этого все поезжане под приговор *дружки*

Благослови зайти за столы дубовые,
За скатерти браные,
За яства сахарные
За питья медяные,
Сясть за лавочки брущатые,
За коврички шелковы,
Где княжое место,
Как Господь Бог повелел.

(Кашин, с. 175)

проходили в строго определенном порядке и усаживались по местам, регламентированным каждому чину. Заняв за столом свои места, никто ни к чему не притрагивался, пока не получал на то разрешения *дружки*. Он «*открывал стол*» традиционным приговором (см. № 191).

До вывода *невесты жениху тысяцкий* (иногда *дружка* или брат *невесты*) должен был *выкупить* сначала место, а затем и косу новобрачной. Нередко эти два ритуала разыгрывались на *девичнике*. *Невеста* сидела рядом с братом или подругами, а *жених* пытался занять их место. *Защитники* не пускали его к *невесте*, пока он щедро не одаривал их (или брата) деньгами. Сначала он предлагал мелочь, девушки не брали дара и корили *жениха* (*дружку*, *тысяцкого*) за жадность. Так до трех раз. Получив, наконец, выкуп, они подносили покупателю вино, которое он пил, не спуская глаз с суженой, так как продавец ждал момента, чтобы увести ее из-за стола. Тогда игра возобновлялась. Часто *жениха* и *тысяцкого* старались отвлечь чем-либо, с целью посадить на место *невесты* переодетую подругу и чтобы он не заметил подмены.

Через короткое время *косник* начинал *продавать невестину косу*. Этот свадебный обычай сопровождался исполнением песен или присловий о *купле-продаже косы*. Чаще *косником* был брат или *тысяцкий*. Продающий держал в одной руке острый нож, в другой — косу (ее символ — веточку с лентами, палочку с лентами) и приговаривал:

Брат с сестрой сидит,
На нее глядит.
Семь коров он имел
И масла не ел,
Все сестре косу мазал.
Не дадите 25 рублей,
Отрежу косу.
(Мельников, тетр. 310, № 18)

Дружка благочиннай,
Купи у нас косу,
Купи у нас русу.
Мы ночку не спали.
Все косу чесали,
Мелко заплетали.
(ГАНО, ф. Мельникова, Т 183, № 12, МКВЗ)

Если *дружка* скупился, платил мало, его побуждали к новым дарам корильными песнями:

Большою ломакый,
Чернью собакый.
У нашива дружки
Чирей на макушке.
(Там же)

В некоторых районах Сибири рядом с *продавцом* стояла девушка, держа в руках косу. Хор в это время пел, обращаясь к свидетелю *жениха*, который назывался *подженишником*:

Дружка-бога́тина, дружка-бога́тина,
Да пожалуй к нам в хату.
Пожалуйте в хату, пожалуйте в хату,

Выкупи у нас косу.
Выкупи у нас косу, выкупи у нас косу,
Мы недорого просим,
Мы недорого просим, мы недорого просим,
Да всего рублей восемь.

(Леонова-Белкина, № 6)

Выкупленную косу уносили. Иногда девушки сидели за столом, пока *поезжане* не выкупят косу, с ними сидел и *косник*. Продав косу, он выходил из-за стола и выводил с собой *невестиных* подруг с приговором:

У нас друженька богатый:
С гривенки на гривенку ступает,
Рублем да ворота отворяет,
Полтиной он запирает,
Подруженькам дарит,
Косыньку отбирает,
В карман кладет,
Домой везет.

(Леонова, № 121)

Следующий эпизод обряда *браньё* — *выводы* — начинался вскоре после *купли-продажи косы*. По обычаю *жених* просил вывести (отдать) ему его *сужено-ряжено*. *Тысяцкий* брал *невесту* за руку, подводил к столу и сажал рядом с *женихом*. Девушки в это время пели песню «*Вьюн над водой увивается*».

В ряде регионов Сибири *выводы* детально разыгрывались. По просьбе *жениха* или его *поезжан невесту* ему выводили три раза: первые два — девушек, одетых в подвенечное платье и с плотной фатой, закрывающей лицо девушки. *Жених* должен был отказаться, верно предполагая замену. Лишь на третий раз выводили его «*сужено-ряжено*».

В Забайкалье вместо *невесты* выносили «сундук с добром», иногда просто предлагали откуп деньгами. *Жених* отказывался, а подруги *невесты* пропевали об этом часть названной выше песни, соответствующей этому моменту. На второй раз выводили ему «вороного коня», от которого он также отказывался под пение следующей части песни. Лишь на третий раз выводили ему *невесту*. В свадьбе бывших староверов Забайкалья первый раз выводили жениху «ряженую» — одну из подруг *невесты*, одетую в лохмотья, грязную, со старым грязным ведром на голове (иногда с растрепанным веником, в драной шляпе и т.п.). Во второй раз выводили трех девушек, одетых одинаково, и *жених* должен был узнать, кто из них его «княгиня». Если он ошибался, платил большой выкуп, а игра возобновлялась.

Во время *бранья* между обрядовыми ритуалами, играми во все время столования подруги в присутствии многочисленных любопытных, набившихся в избу, пели песни о прощании с «*негой матушкиной*», с «*волей батюшковой*», а также величальные и корильные *жениху* и его *поезжанам.*

По окончании столования *дружка* троекратно просил: «*Батюшка, матушка, благословите нашу молодую княгиню с молодым князем под злат венец встать, закон Божий принять*». Родители вкладывали правую руку дочери в руку *жениха*, благословляли их иконой, хлебом-солью и приговаривали:

Пой, корми, обувай, одевай,
На работу посылай
И в обиду не давай.

Затем *свадебный поезд* в обратном порядке тому, по какому входил, выходил из-за стола. Все *поезжане* прощались с родными *невесты. Жених* приглашал на свадьбу к себе.

Отец с матерью выходили с вином проводить *жениха* и *невесту* в церковь. Когда рюмкой обносили всех, *дружка* прощался с родителями *невесты* приговором, в котором называл всех *поезжан.* Заканчивал просьбой благословить молодых и весь поезд «*во чисто поле*», «*под злат венец встать и закон Божий принять*».

Затем *дружка* выводил весь *поезд* и *невесту* с ее родителями и *свахой* во двор, усаживал каждого по закрепленным местам в «*кареты золочены*». Девушки все это время пели последние обрядовые песни *невесте*, и из них обязательно «*Отставала лебедь белая*».

190

Я есь дружка
От великого князя,
От больших бояр,
От меньших бояр,
От свахи с провожатым,
От княженецкого поезда
И от Ивана Васильевича
Посланник.
Не так рано въезжал,
Очень скоро помешал,
Как ясный сокол летал,

Своих храбрых коней оставлял
Под ясным небом,
Под частым звездам,
Под красным солнышком.
— Здравствуйте хозяин с хозяюшкой,
Пожалуйте садитесь на лавочку,
Подайте водки по стаканчику
Дружке с полудружьем.
Позвольте говорить,
Воротички отворить,
Храбрых коней завести
К дубовым столбам,
К золотым кольцам.
Мы вечер гуляли,
Пивным бочонкам двор закатали.

191

После бани подруги приводят ее [невесту] домой и одевают к вечеринке. В это время приходит в комнату дружка и, стоя у дверей, читает молитву: «*Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас*!». *Отец отвечает*: «Аминь». *Тогда дружка говорит*: «*Спасибо на амине, на Иисусовой молитве, на Божьем слове*». *После чего начинает приговаривать*:

Брался храбрый дружка
За скобу булатну,
Отворял дверь дубову,
Становил на пяту,
Заходил во светлу светли́цу —
Благодатный дом.
Ставал среди полу дубового,
Говорил по-ученому:
— Родимый батюшка,
Родимая матушка,
Пошевеливайте столы дубовые,
Скатерти браные,
Яства сахарные,
Питья медовые,
Зажигай свечи восковые
И запусти нашего

Князя молодого
За столы дубовые,
За скатерти браные,
За яства сахарные,
За питья медовые.

192

Дружка приговаривает за столом в доме невесты, когда ее после бани усаживают рядом с женихом:

Есть ли у нашей княжны молодой,
Есть ли батюшка?

Отвечают: «*Есть*!».

— Родимый батюшка!
Извольте встать
На ноженьки резвые,
На чоботы железные,
На каблучки точены,
На гвозди золочены,
Подойти к нашему князю молодому.
У нашего князя молодого
Ручки с подносом,
Ножки с подходом,
Голова с поклоном,
Поит сладким медом,
Густым виноградом
На легкость, на здоровье.

Когда все уселись, тысяцкий требует на поднос рюмку и водку, а дружка приглашает отца и мать отведать «князьего меду». Когда все присутствующие по старшинству окончат ходить по князьему меду, то начинают столовать.

193

Раздайся, народ!
Девья кра́сота идет!
Не сама она идет —
Ее ноженьки идут,
Не сама она несет —

Ее рученьки несут
По полу тесовому,
По столешинкам дубовым,
Ко сватушке приезжему.
Сватушка-господин,
На том благодарим,
Что приехал не один —
С поездом большим,
С князем молодым.
У нас этот цветок
Не в лесу, не в болоте рос,
А ходили-поливали —
Башмаки истоптали,
Чулочки изорвали,
Для вашей милости сберегали.
Мы жили на проселочной дороге,
К нам купчики наезжали,
Нам дорого давали —
Мы не продавали,
Для вашей милости сберегали.
У нашего-то сватушки
Изба-то в четыре угла,
Пятый — пол, шестой — потолок,
На потолке земля —
Нам пожалуйте серебра:
Вершинка — полтинка,
Сучок — четвертачок,
За корешок — рубличок,
В невестину честь — рубликов шесть,
И восемь не отбросим.
Светла и чиста —
Так и двадцать два.
Становим на стол
Свет девью кра́соту.
За свет руками не браться,
Руками не дотрогаться!
Кто охватит —
Тот рубль заплатит!

194

— Сват да сватья!
У нас сегодня свадьба.
А у вас сегодня ли?
— У нашего короля
Тоже сегодня.
— Ну, слава Богу.
Не думали, не гадали,
В один дом угадали.
— Я, дружка,
Ехал на одном полозу,
Да из вашего дома
Много добра увезу.
Шел я по вашим сеням,
В ваших сенях полно сена.
В ваших сенях
Лежат телята и ребята.
У телят рога странные,
У ребят лбы красные.
Сватушки, по полу ходите,
Подол в зубы не берите,
Наших поезжан не удивите.
А вы, старухи,
На полати полезайте
Да лук перебирайте,
Не кашляйте, не пердите,
Наших поезжан не удивите.

195

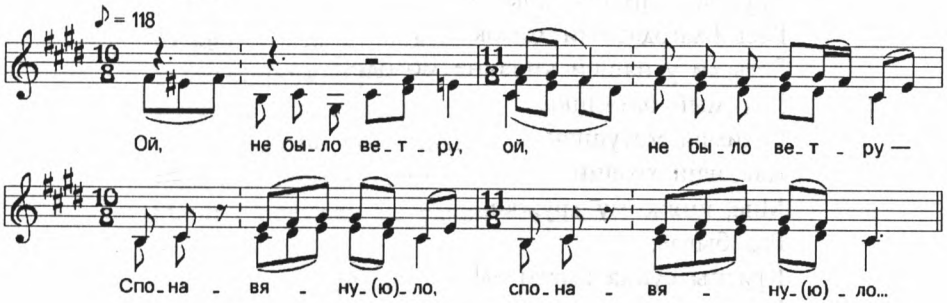
Берется дружка
За серебряны дужки,
Берет ключи —
Отмыкает замки.
Ключики укладны,
Замочки булатны,
Отворяет княжев дружка
Двери на-пяты,
Идет через порог,
Как ясный соколок.

В избе:

Нет ли где копоти —
Не замарать бы лопоти,
Нет ли мокра —
Не замочить бы унта!
Заходит дружка
Во светлу светлицу,
В деревянну горницу.
В этой светлой светлице,
Во деревянной горнице
Стулья точены,
Столы золочены,
Окошечки стеклянны,
Колоды мура́влёны,
Стеночки кошетчаты,
Хрустальный потолок —
Весь благодатный домок.
Есть ли у нашей князине молодой
Родимый батюшка...
Родимая матушка?
Как наш хозяин
Мне, княжому дружке,
Рад бывал,
Красны су́кна выстилал!
Идет дружка
По красным сукна́м,
По белым сукнам,
По серым сукна́м,
По тем сорочинским коврам,
По катаным холстям,
По черным медведнам.
Два шага вперед
Дружка ступат,
Шаг назад отступат,
С ноги на ногу
Княжой друженька ступат,
Как белый горох рассыпат.
Белый горох рассыпается,
У нашей молодой князини

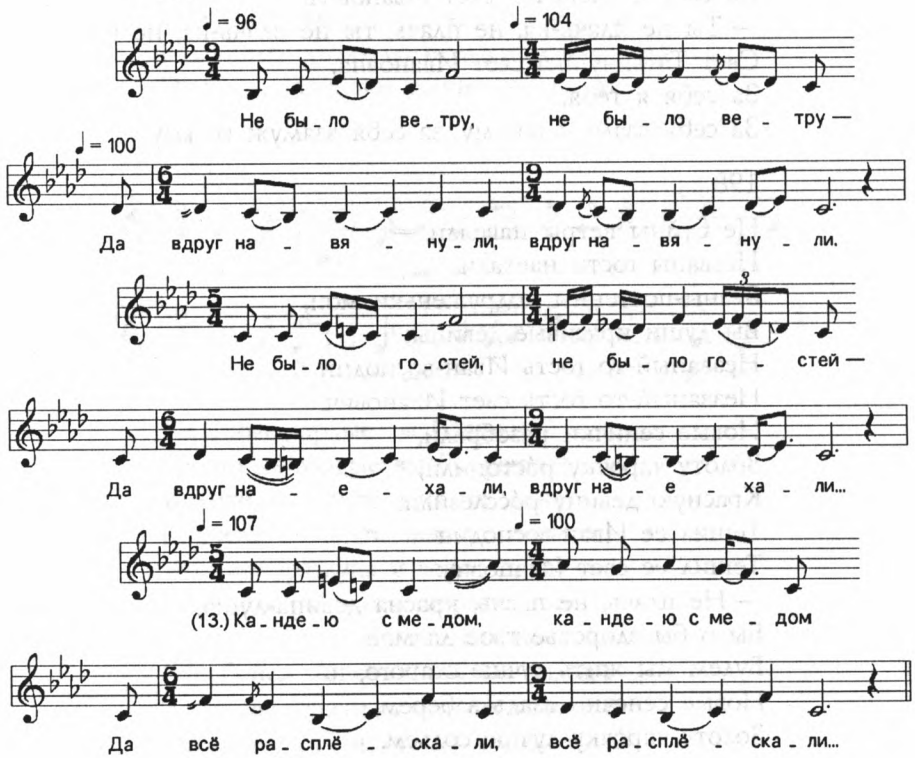
Красны девицы,
Прихожи гости
На пиру забавляются.
Подходит дружка
Под полатный брус,
Как под ракитов куст.
Выходит дружка
Из-под полатного бруса,
Как из-под ракитова куста,
Стает дружка
На показанное место,
Где Бог показал.
— Здравствуйте, хозяин и хозяюшка,
Красны девицы, удалы молодцы!

196



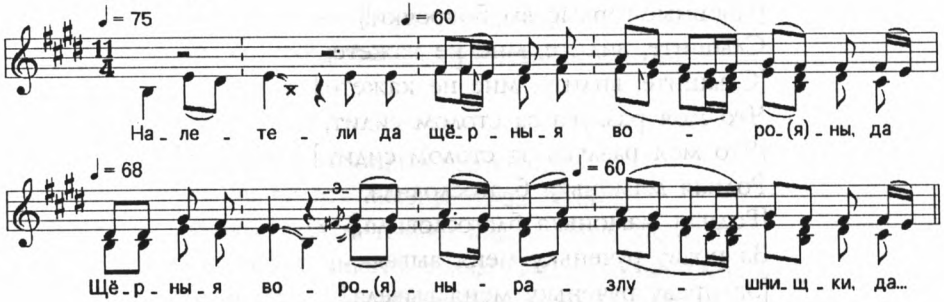
Ой, не было ветру, ой, не было ветру —
Спонавянуло, спонавянуло,
Ой, не было гостей, ой, не было гостей —
Гости въехали, гости въехали.
Ой, полный двор, ой, полный двор
Вороных коней, вороных коней,
Ой, полный сарай, ой, полный сарай
Золотых карет, золотых карет,
Ой, полны сени, ой, полны сени
Всё добрых людей, всё добрых людей,
Ой, полна горница, ой, полна горница
Всё князей да бояр, всё князей да бояр.
Ой, сподломили, ой, сподломили
Сени новые, сени новые,

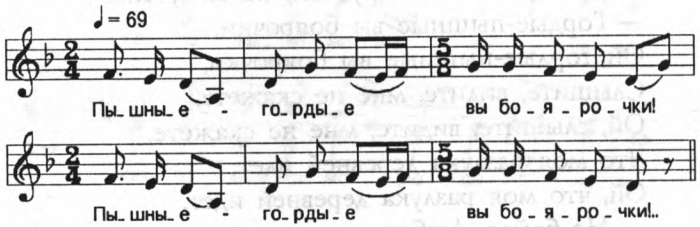
Ой, раздавили, ой, раздавили
Золоту чару, золоту чару.
Ой, как восплакнула, ой, как восплакнула
Свет Мареюшка, свет Мареюшка,
Ой, свет Мареюшка, ой, свет Мареюшка
Да Ивановна, да Ивановна.
Ой, как возговорил, ой, как возговорил
Свет Мишенька, свет Мишенька,
Ой, свет Мишенька, ой, свет Мишенька
Свет Михайлович, свет Михайлович:
— Ой, не плачь, не тужи, ой, не плачь, не тужи
Свет Мареюшка, свет Мареюшка,
Ой, сени новые, ой, сени новые
Переставить велим, переставить велим,
Ой, золоту чару, ой, золоту чару
Перелить велим, перелить велим.

197

Не было ветру, не было ветру —
Да вдруг навянули, вдруг навянули.
Не было гостей, не было гостей —
Да вдруг наехали, вдруг наехали.
Полны дворечки, полны дворечки
Да всё коней-карет, всё коней-карет.
Полны сенички, полны сенички
Да всё бояр-князей, всё бояр-князей.
Полна горенка, полна горенка
Все боярских жен, все боярских жен.
Полна занавесь, полна занавесь
Красных девушак, красных девушак.
Кандею с медом, кандею с медом
Да всё расплёскали, всё расплёскали...
Свет Татьянушка свет Ивановна
Да все расплакалась, все расплакалась.
Унимал жа ее, унимал жа ее
Да свет и Женечка свет Иванович:
— Ты не плачь-ка, не плачь, ты не плачь-ка, не плачь,
Свет Татьянушка свет Ивановна,
За себя я тебя,
За себя взамуж возьму, за себя взамуж возьму.

198

Не буйны ветры навеяли —
Незваны гости наехали.
Званы-почтенны подруженьки мои,
Вы души красивые девицы;
Незваный-то гость Иван-восподин
Незваный-то гость свет Иванович.
Новые сенички разобрали,
Зóлоту чарочку рóстопили,
Красную девицу рóсслезили.
Тешил ее Иван-восподин
Тешил ее свет Иванович:
— Не плачь, не плачь, красна девица-душа,
Было бы здоровье твое да мое,
Будем мы жить лучше старого,
Новые сенечки взадь заберем,
Золоту чарочку лучше сольем.

199

Налетели да щёрныя вороны, да
Щерныя вороны-разлушнищки, да
Разлущить хотят со тятенькою, да
Разлущить хотят со маманькою, да
Разлущить хотят со брателками, да
Разлущить хотят-то со сестрами, да
Ох-те, мнешеньке тошнешенько да.
Разлущить хотят со с племеньём, да
Разлущить хотят со подруженьками, да
Ох-те, мнешеньки тошнешенько да.

200

Пышные-гордые вы боярочки!
[Пышные-гордые вы боярочки!]
Видите, слышите, мне не кажете,
[Видите, слышите, мне не кажете,]
Что моя разлука у ворот стоит,
[Что моя разлука у ворот стоит.]
— Не бойся, Анютка, мы не выдадим.
[Не бойся, Анютка, мы не выдадим,]
За праву рученьку мы не выведем!
[За праву рученьку мы не выведем!]

Пышные-гордые вы боярочки!
[Пышные-гордые вы боярочки!]
Слышите, видите, мне не кажете,
[Слышите, видите, мне не кажете,]
Что моя разлука за столом сидит,
[Что моя разлука за столом сидит.]
Родная мамонька благословила,
[Родная мамонька благословила,]
За праву рученьку меня вывела,
[За праву рученьку меня вывела.]

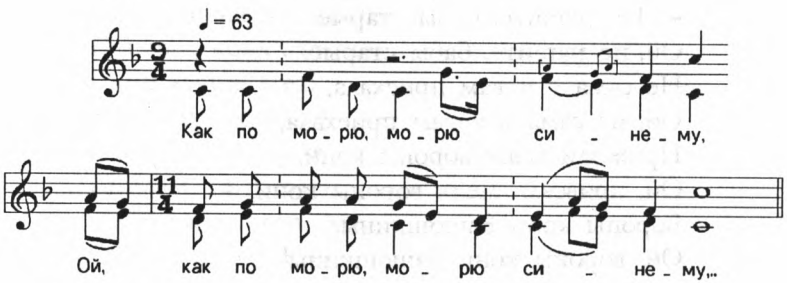
201

— Гордые-пышные вы боярочки,
Ой, гордые-пышные вы боярочки,
Слышите, видите, мне не скажете,
Ой, слышите, видите, мне не скажете,
Что моя разлука серед[ь] бора,
Ой, что моя разлука сред[ь] бора.
— Не бойся, Любочка, мы не выдадим,
Ой, не бойся, Любочка, мы не выдадим,
Со своих белых рук мы не выпустим,
Ой, со своих белых рук мы не выпустим.
— Гордые-пышные вы боярочки,
Ой, гордые-пышные вы боярочки,
Слышите, видите, мне не скажете,
Ой, слышите, видите, мне не скажете,
Что моя разлука деревней идет,
Ой, что моя разлука деревней идет.
— Не бойся, Любочка, мы не выдадим,
Ой, не бойся, Любочка, мы не выдадим,
Со своих белых рук мы не выпустим,
Ой, со своих белых рук мы не выпустим.
— Гордые-пышные вы боярочки,
Ой, гордые-пышные вы боярочки,
Слышите, видите, мне не скажете,
Ой, слышите, видите, мне не скажете,
Что моя разлука ко столу идет,
Ой, что моя разлука ко столу идет.
— Вот когда, Любочка, тебя выдадим,

Ой, вот когда, Любочка, тебя выдадим,
Со своих белых рук тебя выпустим,
Ой, со своих белых рук тебя выпустим.

202

Не видать месяца из-за облака,
Ой, не видать месяца из-за облака,
Только видать, только видать одна звездочка,
Ой, только видать, только видать одна звездочка.
Не видать Ванечки за большой поязды,
Ой, не видать Ванечки за большой поязды,
Только видать, только видать его шапочка,
Ой, только видать, только видать его шапочка.
Шапка на ём, шапка на ём — что жар горит,
Ой, шапка на ём, шапка на ём — что жар горит.
Конь же под ём, конь же под ём — как орел летит,
Ой, конь же под ём, конь же под ём — как орел летит.

203

Как по морю, морю синему,
Ой, как по морю, морю синему,
По синему, по волнистому,
Ой, по синему, по волнистому
Плыло стадо там гусиное,
Ой, плыло стадо там гусиное,
А за ним-то лебединое,
Ой, а за ним-то лебединое.
Приблудилась к ним лебедушка,
Ой, приблудилась к ним лебедушка,
Начали гуси клевать-щипать,

8 Заказ № 781

Ой, начали гуси клевать-щипать,
По-гусиному воскрикивать,
Ой, по-гусиному воскрикивать.
— Не щипайте, гуси серые,
Ой, не щипайте, гуси серые!
Не сама я к вам прилетела,
Ой, не сама я к вам прилетела,
Принесло меня ветром буйным,
Ой, принесло меня ветром буйным,
Буйным ветром, дробным дождиком,
Ой, буйным ветром, дробным дождиком!
Как по сеням, сеням новеньким,
Ой, как по сеням, сеням новеньким
Там гуляли бабы старые,
Ой, там гуляли бабы старые.
Приблудилась к ним Манюшенька,
Ой, приблудилась к ним Манюшенька.
Начали бабы ругать-бранить,
Ой, начали бабы ругать-бранить.
— Не ругайте, бабы старые,
Ой, не ругайте, бабы старые!
Не сама я к вам приехала,
Ой, не сама я к вам приехала,
Привезли меня вороны кони,
Ой, привезли меня вороны кони,
Вороны кони Ванюшкины,
Ой, вороны кони Ванюшкины!

204

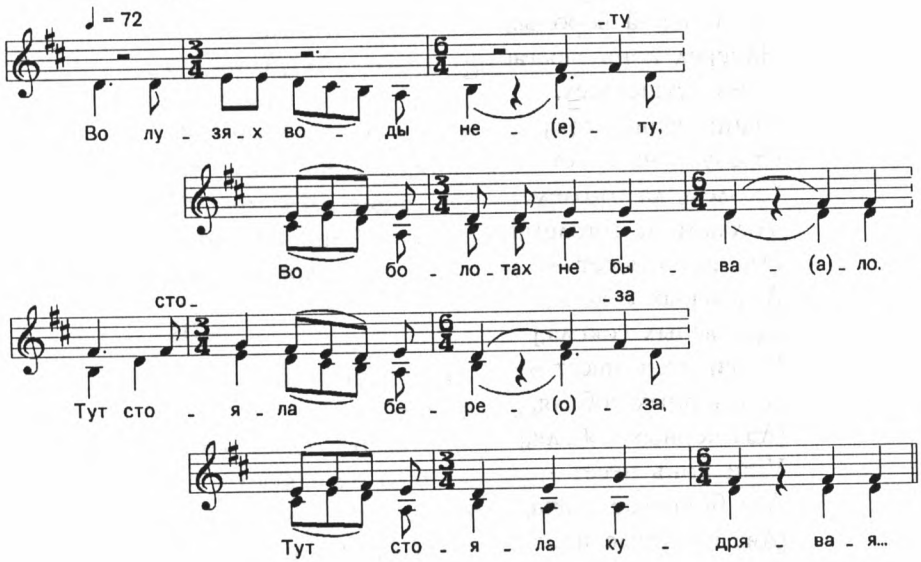
Отставала лебедь белая
Да от стада лебединого.
Приставала лебедь белая
Да ко стаду ко серым гусям.
Как начали тут гуси серые
Бел-лебедушку щипать-клевать.
Как лебедушка воскыкала:
— Не щипайте меня, гуси серые,
Не рвите мои белы перышки!
Не сама-то я к вам залетывала,

Не своею я волею-охотою,
Занесли меня ветры буйные.
Отставала красна девица
Да от батюшки, от матушки,
Приставала красна девица
(*Имя рек*),
Приставала она ко чужой семье,
Ко чужой семье, незнакомоей.
Стали девицу тут бранить-ругать,
Стали красную уму-разуму учить.
— Не браните меня, бедну девицу,
Не журите меня, девку красную!
Не сама я к вам зашла-заехала,
Завезли меня кони добрые,
Занесли меня вихри-вихори.

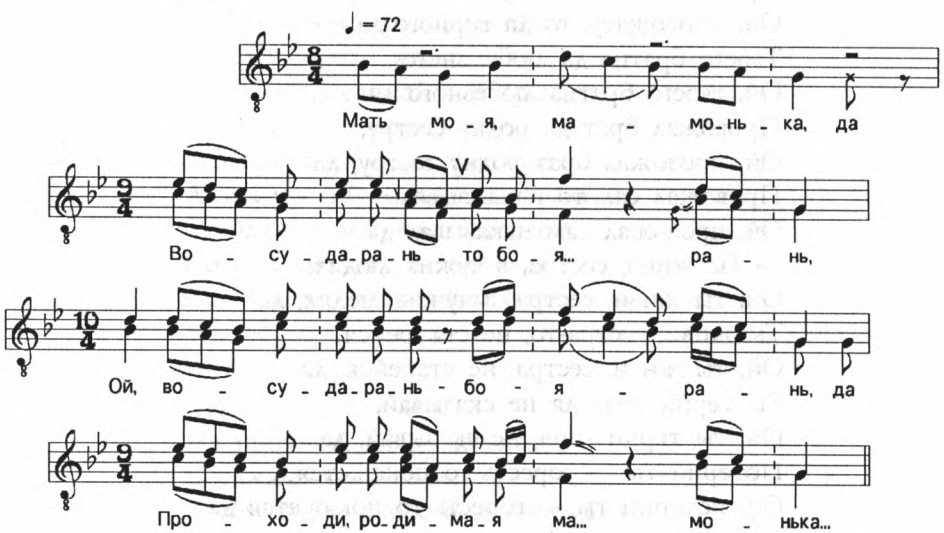
205

Кони те бегут,
Все с черна́ вороны,
[Все с черна́ вороны.]
Наперед конь забегает
Один лучше всех,
[Один лучше всех:]
Голову конь несет
Гоголем, да гоголем,
[Гоголем, да гоголем;]
Очи конь несет —
Два ясных сокола,
[Два ясных сокола;]
Брови конь несет —
Два черных соболя,
[Два черных соболя;]
Уши конь несет —
Два булатные ножа,
[Два булатные ножа;]
Гриву конь несет —
Тонкий парус,
[Тонкий парус;]
Копыта конь мечет

Куначом, да куначом,
[Куначом, да куначом;]
Спину конь несет
Дубовой скамеёй,
[Дубовой скамеёй;]
Хвост конь несет
Трубеёй, да трубеёй,
[Трубеёй, да трубеёй;]
Разлуку конь несет
На седельной на луке,
[На седельной на луке;]
Хочет разлучить
(*Имя рек*) с роди́ной,
[(*Имя рек*) с роди́ной,]
Хочет разлучить
(*Имя рек*) с отцом с матерью.
[(*Имя рек*) с отцом с матерью.]

206

Во лузях воды нету,
Во болотах не бывало.
Тут стояла береза,

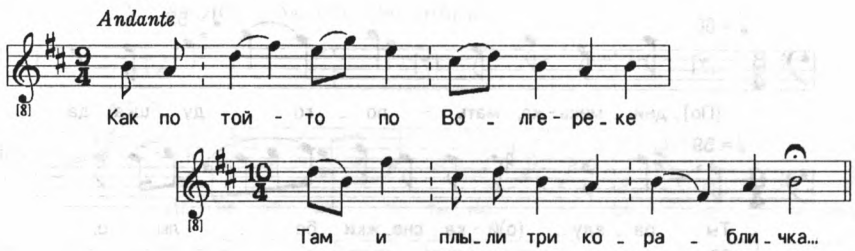
Тут стояла кудрявая,
Со комля-то комлевата,
Со комля-то комлевата,
Со вершины кудревата,
Со вершины кудревата.
Что ко этой березе,
Что ко этой кудрявой
Солеталися галки,
Солеталися галки,
Галки, мелкие пташки,
Галки, мелкие пташки.
Стали галки галковати —
К сердцу жалобу давати:
Как у света у Ивана
В сердце жалости нету,
В ретивы́м не бывало,
Отдает свою дочерь
В чужи люди, незнакомы,
Ко чужому ко свекру,
Ко чужой ко свекровке,
Ко журливым ко деве́рьям,
Ко смутливым ко золовкам.

207

Мать моя, мамонька, да
Восударань-то боя...рань,
Ой, восударынь боярань, да
Проходи, родимая ма...монька,
Ой, проходи, роди...мая мамонька, да
Воперед во новую го...рницу,
Да воперед во но...вую горницу, да
На диван под око...шечко,
Ой, на диван под окошечко да.
Посмотри, родимая ма...монька,
Ой, посмотри, роди...мая мамонька, да
На мою на девию-то кра́...соту,
Ой, на мою на де...вью-то кра́соту да.
Отлетает девья-то кра́...сота,
Ой, отлетает де...вья кра́сота да
За моря да моречка си...ния,
Ой, за моря-то, мо...речка синия, да
За леса, да леса да те...мныя,
Ой, за леса, да ле...са темныя да.
— Ты не плачь, да чадо ми...лая,
Ой, ты не плачь-та, чадо милое, да
Тебе дам провожа...того,
Ой, тебе дам про...вожатого, да
Провожатого да ве...рного,
Ой, провожато...го да верного да —
Твоего братца да любе...зного,
Ой, твоего братца любезного да.
Провожал брат да родну сестру,
Ой, провожал брат родну сестру, да
Провожал сам-то нака...зывал,
Ой, провожал сам наказывал да:
— Ты живи, сестра, в чужих людях,
Ой, ты живи, сестра, в чужих людях, да
Ты живи, сестра-то, не ста...рейся,
Ой, ты живи, сестра, не старейся, да
Ты терпи горя да не сказывай,
Ой, ты терпи горя, не сказывай, да
Потерпи ты — горесть-то покажется,
Ой, потерпи ты — горесть-то покажется да

Небольша-то слеза-то покатится,
Ой, небольша слеза покатится.

208

Из лугу-лугу, лугу зелену,
Тут бегут-то, выбегают кони с черна ворона́,
Они везут натугу на седельной луке.
Натуга-натуга, каленая стрела,
Разлука, разлука (*имя рек*).
— Разлучают меня, красну девицу,
Со родимым батюшком,
Прилучают меня, красну девицу,
Ко чужому батюшку.

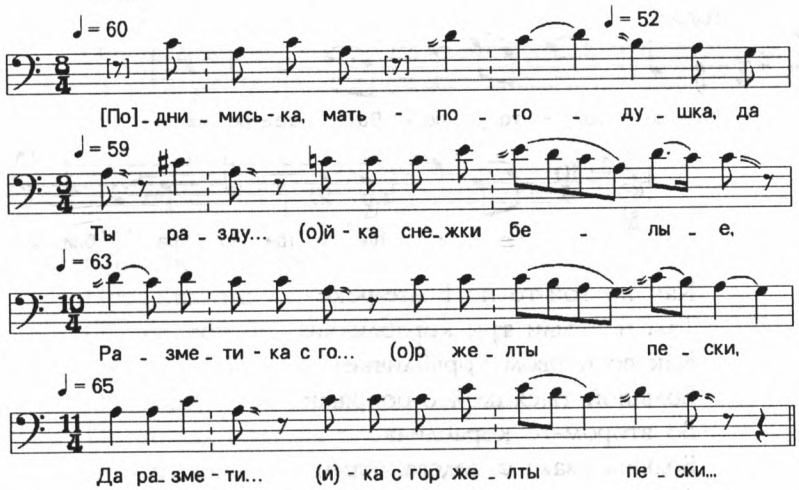
209

Как по той-то по Волге-реке
Там и плыли три корабличка:
Как во первом корабличке
Большой тысяцкой с боярами,
Во втором-то корабличке
Больша сваха с подсвашками,
А как третий-то корабль бежит
Со удалым добрым молодцем,
Со удалым добрым молодцем,
Со Иваном Никитичем (*имя жениха*).

210

Что не гуси, не лебеди
На широкий двор слеталися —
Соезжалися, соехались
Храбрый дружко с полудружьем,

Княжая сваха с повозником,
Со всем храбрым поясом.
— Откажи, родимый батюшко,
На меня бы не надеялись,
Искали бы лучше меня,
Красотой меня красивее,
Ростом меня дороднее.
Уж как я же, молодешенька,
Не доросла в поле травонька,
Не вдозрела в кусте ягодка,
Не отростила я трубчату косу,
Не наполнила лица белого,
Не накопила ума-разума.

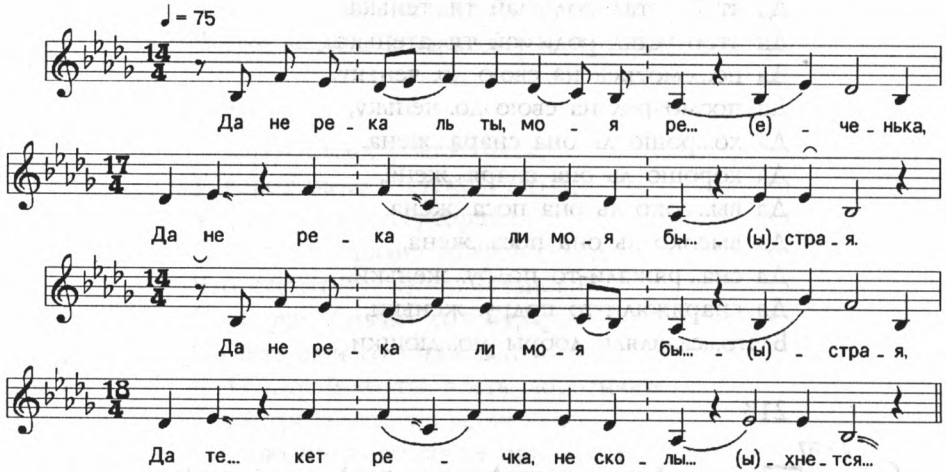
211



[По]днимись-ка, мать-погодушка, да
Ты разду...(о)й-ка снежки белые,
Размети-ка с го...(о)р желты пески,
Да размети...(и)-ка с гор желты пески.
Расколися ты, сыра мать-земля,
Расколи...(и)ся, сыра мать-земля.
Ты раскройся, гро...гробова доска,
Да ты раскро...(о)йся, гробова доска,
Распахни...(и)ся, бела полотна.

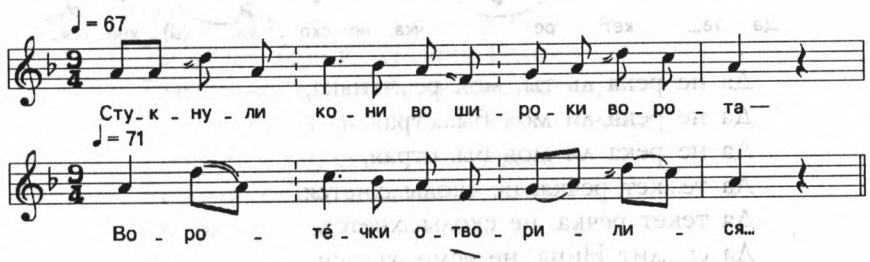
Ты восстань, роди...(и)май тятенька.
Да ты восста...(а)нь, родимай тятенька,
На свои резвы...(ы)е ноженьки.
Да на свои...(и) резвые ноженьки,
Ты открой-ка о... очи ясные.
Да ты откро...(о)й-ка очи ясные,
Раствори-ка у... уста сахарны.
Да раствори...(и)-ка уста сахарны,
Ты скажи-ка сло...(о)во ласково.
Да ты скажи...(и)-ка слово ласково,
У меня сего...(о)дни свадебка.
Да у меня...(а) сегодни свадебка,
У меня-то, горемы...чная.
Да у меня...(а)-то, горемычная,
У мя нет родного тятеньки.

212



Да не река ль ты, моя ре...ченька,
Да не река ли моя бы...страя.
Да не река ли моя бы...страя,
Да те...кет речка, не сколы...хнется.
Да текет речка, не сколы...хнется,
Да си...дит Нина, не усме...хнется.
Да сидит Нина не усме...хнется:
— Да от... чего ж мне смея...тися.

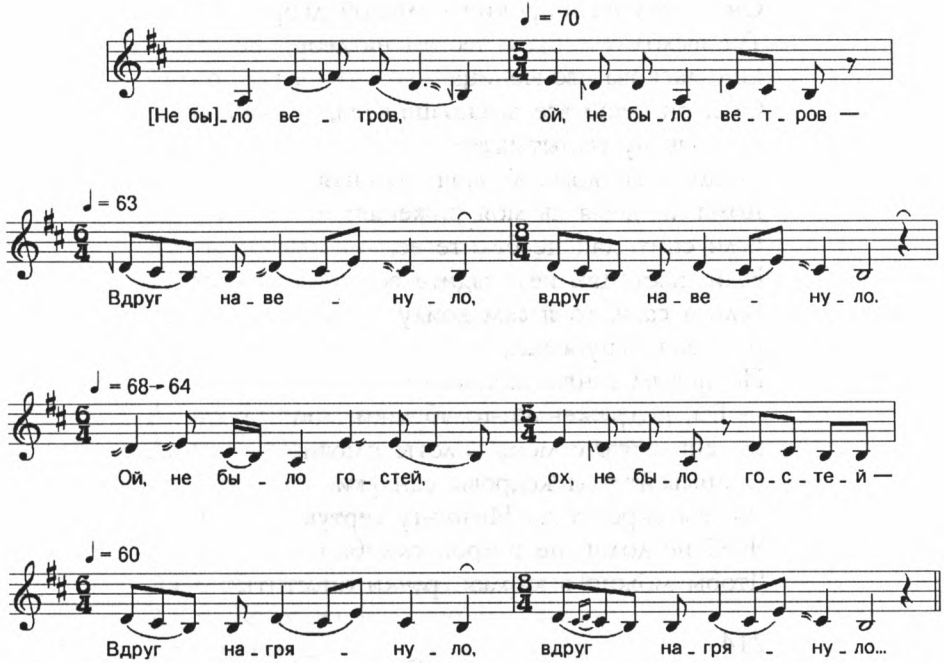
Да отчего жа мне смея...тися,
Да по...лна горенка гостей в ней сидят.
Да полна горенка госте...й сидят,
Да по...лон дворик лошаде...й стоят.
Да полный дворик лошаде...й стоят,
Да уж ты, братец мой милё...шенький.
Да уж ты, братец мой милё...шенький,
Да ты возьми-ка шелкову узду.
Да ты возьми-ка шелкову узду,
Да ты езжай-ка к Божево...й церкви.
Да ты езжай-ка к Божево...й церкви,
Да ты ударь-ка во все ко...лколы.
Да ты ударь-ка во все ко...лколы,
Да чтоб раздалась мать сыра... земля.
Да чтоб раздалась мать сыра... земля,
Да чтоб раскрылась гробова... доска.
Да чтоб раскрылась гробова... доска,
Да чтоб устал родимай тя...тенька.
Да чтоб устал родимай тя...атенька,
Да по...смотрел на свою до...ченьку.
Да посмотрел на свою до...ченьку,
Да хо...рошо ль она снаря...жена.
Да хорошо ль она снаря...жена,
Да вы...соко ль она поса...жена.
Да высоко ль она поса...жена,
Да сна...ряжали-то подру...женьки.
Да снаряжали-то подру...женьки,
Благо...славляли добры лю...дюшки.

213

Стукнули кони во широки ворота —
Воротéчки отворилися,

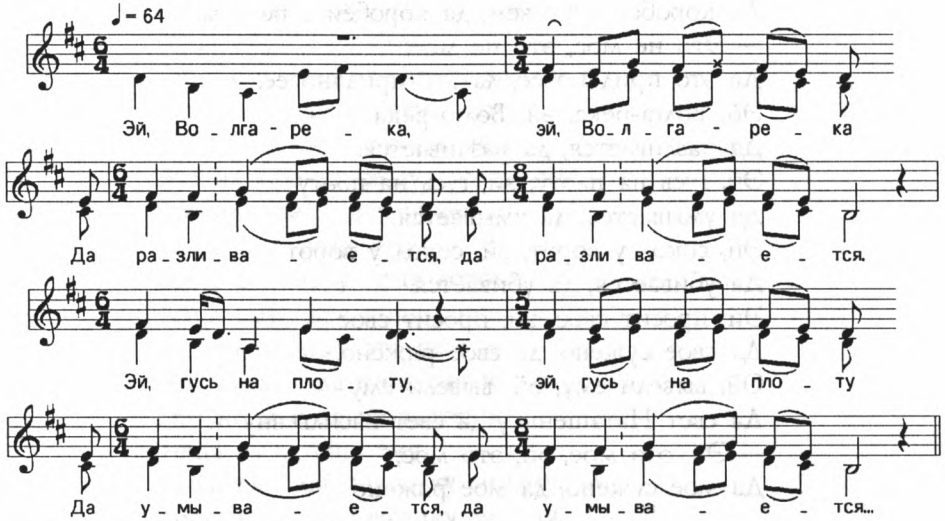
Верею́шки пошатилися.
Он заехал на широкий большой двор.
Тут выходит теща с тестем на двор,
Еще ласкова свояченица.
Стал он теще все выспрашивати,
А своячену выпытывати:
— Дома ль, дома ль моя суженая,
Дома ль, дома ль моя ряженая?
Если спит, дак не будите ее,
Если шьет, дак не стыдите ее,
Если в са́ду, то я сам дойду.
А Алена испугалася,
По новым сеням металася:
— Вы, подруженьки-голубушки мои,
Вы снимайте с меня зо́лоты ключи,
Открывайте вы кедровы сандуки,
Уж вы скройте-ка Ивану-ту сертук,
Чтоб не долог, не широк ему был,
Чтобы можно в карман ручки опустить.

214

У ворот было, у воротичек,
У ворот было у стекольчатых,
У вита кольца серебряна.
Тут стучит-брячит Агафон-сударь
Что стучит-брячит-то Иванович.
Он стучит-брячит со боярами,
Со боярами со княжими-то:
— Отпирай-ко ты, тесть, воротички,
Ты встречай-ка, теща, ласково,
Ты, своячина, встречай приветливо.
По двору идет — поклоняется,
На крыльцо идет — усмехается,
Во терем идет — похваляется:
— Я приехал к вам не молебны петь,
Я пришел-то к вам не воды святить,
Я приехал к вам по сужено,
Я пришел-то к вам по ряжено —
По душу ль по красну девицу
По Авдотью-то Николаевну.

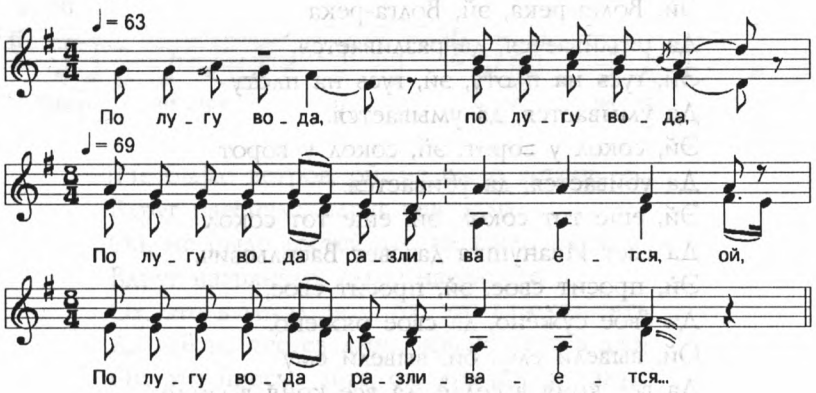
215

[Не бы]ло ветров, ой, не было ветров —
Вдруг навенуло, вдруг навенуло.
Ой, не было гостей, ох, не было гостей —
Вдруг нагрянуло, вдруг нагрянуло.
Ох, это взъехал зять, ох, это взъехал зять
Да всё на тестев двор, всё на тестев двор.
Ох, это просит зять, ох, это просит зять
Да широка двора, широка двора.
Ох, это просит зять, ой, это просит зять
Да коням местечко, коням местечко.
— Ох, еще вот тебе, зять, ох, еще вот тебе, зять,
Да коням местечко, коням местечко.
Ох, еще просит зять, ой, еще просит зять
Да дубова столба, дубова столба.
— Ох, это вот тебе, зять, ой, еще вот тебе, зять,
Да все дубовай столб, все дубовай столб.
Ой, еще просит зять, ох, еще просит зять
Да красну деви(т)цу, красну деви(т)цу...

216

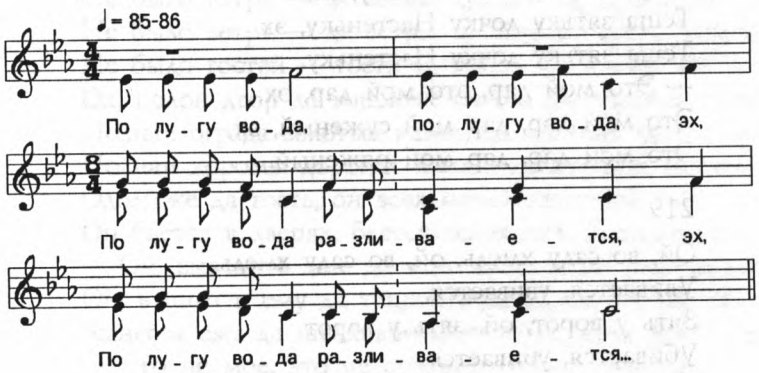


Эй, Волга-река, эй, Волга-река
Да разливается, да разливается.
Эй, гусь на плоту, эй, гусь на плоту
Да умывается, да умывается.
Эй, сокол у ворот, эй, сокол у ворот
Да убивается, да убивается.
Эй, еще тот сокол, эй, еще тот сокол
Да свет Иванушка да свет Васильевич.
Эй, просит свое, эй, просит свое,
Да свое сужено, да свое ряжено.
Ой, вывели ему, ой, вывели ему
Да всё коня в седле, да всё коня в седле.
— Это не мое, это не мое,
Да это подвода ее, да [э]то подвода ее.
Эй, Волга-река, эй, Волга-река
Да разливается, да разливается.
Эй, гусь на плоту, эй, гусь на плоту
Да умывается, да умывается.
Эй, сокол у ворот, эй, сокол у ворот
Да убивается, да убивается.
Эй, просит свое, эй, просит свое,
Да свое сужено, да свое ряжено.

Эй, вынесли ему, эй, вынесли ему
Да коробей с бельем, да коробей с бельем.
— Это не мое, это не мое,
Да это придано ее, да это придано ее.
Эй, Волга-река, эй, Волга-река
Да разливается, да разливается.
Эй, гусь на плоту, эй, гусь на плоту
Да умывается, да умывается.
Эй, сокол у ворот, эй, сокол у ворот
Да убивается, да убивается.
Эй, просит свое, эй, просит свое,
Да свое сужено, да свое ряжено.
Ой, вывели ему, ой, вывели ему
Да свет Наташеньку да свет Васильевну.
— Эй, это мое, эй, это мое,
Да мое сужено, да мое ряжено.

217

По лугу вода, по лугу вода,
По лугу вода разливается, ой,
По лугу вода разливается.
Зять у ворот, зять у ворот,
Зять у ворот убивается, а[й],
Зять у ворот убивается.
— Теща моя, теща моя,
Теща моя, душа ласковая, а[й],
Теща моя, душа ласковая,
Дай же мне дар, дай же мне дар,

Дай же мне дар, да всё суженая, о[й],
Дай же мне дар, да всё ряженая.
Теща ему, теща ему,
Теща ему еще(й) карету золоту, ой,
Теща ему чай карету золоту.
— Это не мое, это ни мое,
Это не мое да не суженоё, о[й],
Это не мое да не ряженоё.
Теща ему, теща ему,
Теща ему пару коня вороны, эх,
Теща ему пару коня вороны.
— Это не мое, это не мое,
Это не мое да не суженоё, ох,
Это не мое да не ряженоё.
Теща ему, теща ему,
Теща ему дай Оксанку молоду, ох,
Теща ему дай Оксанку молоду.
— Это все мое, это все мое,
Это все мое да посаженоё, ой,
Это все мое да все ряженаё.

218

По лугу вода, по лугу вода, эх,
По лугу вода разливается, эх,
По лугу вода разливается.
Зять у ворот, зять у ворот, эх,
Зять у ворот увивается, эх,
Зять у ворот увивается.

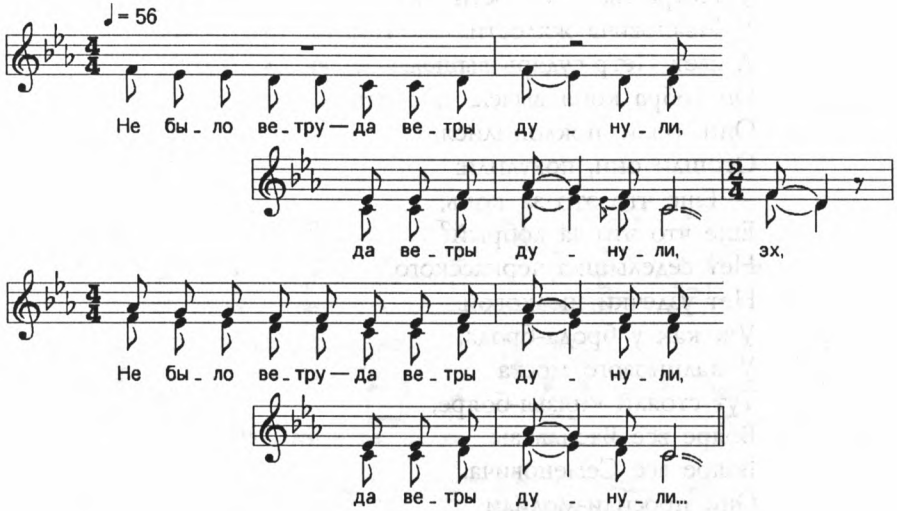
Снял шапку, снял шапку, эх,
Снял шапку, теще кланится, эх,
Снял шапку, теще кланится.
— Теща моя, теща моя, эх,
Теща моя, теща ласковая, эх,
Теща моя, теща ласковая.
Дай мой дар, дай мой дар, эх,
Дай мой дар, дар мой суженый, эх,
Дай мой дар, дар мой ряженый.
Теща зятьку, теща зятьку, эх,
Теща зятьку карабель с добром, эх,
Теща зятьку карабель с добром.
— Это не мой дар, это не мой дар, эх,
Это не мой дар, дар мой суженый, эх,
Это не мой дар, дар мой ряженый.
Теща зятю, теща зятю, эх,
Теща зятю воронова коня, эх,
Теща зятю воронова коня.
— Это не мой дар, это не мой дар, эх,
Это не мой дар, дар мой суженый,
Это не мой дар, дар мой ряженый.
Теща зятьку, теща зятьку, эх,
Теща зятьку дочку Настеньку, эх,
Теща зятьку дочку Настеньку.
— Это мой дар, это мой дар, эх,
Это мой дар, дар мой суженый, эх,
Это мой дар, дар мой ряженый.

219

Ой, во саду хмель, ой, во саду хмель
Увивается, увивается.
Зять у ворот, ой, зять у ворот
Убивается, убивается.
Просит свою, он просит свою,
Свою суженаю, свою ряженаю,
Вывяли ему, вывели ему
Лисью шубу на плечо, лисью шубу на плечо.
— Эта не моя, ой, эта не моя,
[О]на не суженая, [о]на не ряженая.
Ой, вывяли яму, ой, вывяли яму

Все Катерину-душу все Ивановну,
— Ей, ета моя, ой, эта моя,
Она суженая, она ряженая.

220



Не было ветру — да ветры дунули, да ветры дунули, эх,
Не было ветру — да ветры дунули, да ветры дунули.
Не было гостей — гости наехали, гости наехали, да.
Ох, полон двор да вороных коней, да вороных коней, ох.
Полная ограда золотых карет, да золотых карет, ох.
Полнаи хоромы дорогих гостей, да дорогих гостей, эх.
Один же да гость, он всех милей-красивей,
Он бьется в дверях, бьется-колотится, бьется-колотится.
— Ой, выведите мне да мою сужену, да мою ряжену.
Ой, вышла к ему да теща-матушка, да теща-матушка, ой.
Вынесла ему да шелковой платок, да шелковой платок, ой.
— Это не мое, это не сужено, это не ряжено, ой.
Вывели ему Любовь Ильиничну.
— Ох, это моя, да это сужена, да моя ряжена.

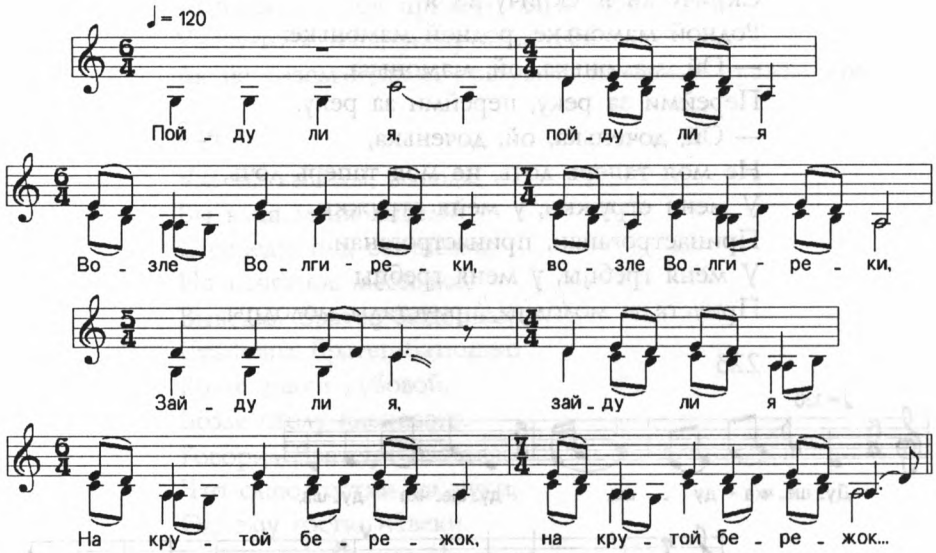
221

Уж как у броду-броду,
оре-ди-ди,
У калинового моста

Тут стояли князья-бояре,
Бояре всё Васильевы
Бояре всё Семеновича.
Они просили-молили
У Петра-света милости
У Ивановича жалости.
А свет Петр-сударь вышел,
Он добра коня вывел.
Они взяли, поклонилися,
Отошли они, похулили:
— Еще что это за конь,
Еще что это за добрый?
Нет седелышка черкасского,
Нет уздечки шелковой.
Уж как у брода-брода,
У калинового моста
Тут стояли князья-бояре,
Бояре всё Васильевы
Бояре всё Семеновича.
Они просили-молили
Свет у Марфы-души милости
Свет у Федоровны жалости.
А свет Марфа вышла,
Кованой ларец вынесла.
Они взяли, поклонилися,
Отошли они, похулили:
— Еще что это за ларчик,
Еще что это за кованый?
Нет замочка серебряна,
Нету ключика золóчёна.
Еще у брода-брода,
У калинового моста
Тут стояли князья-бояре,
Бояре всё Васильевы
Бояре всё Семеновича.
Они просили, молили
У Федосьи-души милости
У Филипьевны жалости.
Свет Федосья-душа вышла
Свет Филипьевна вышла,

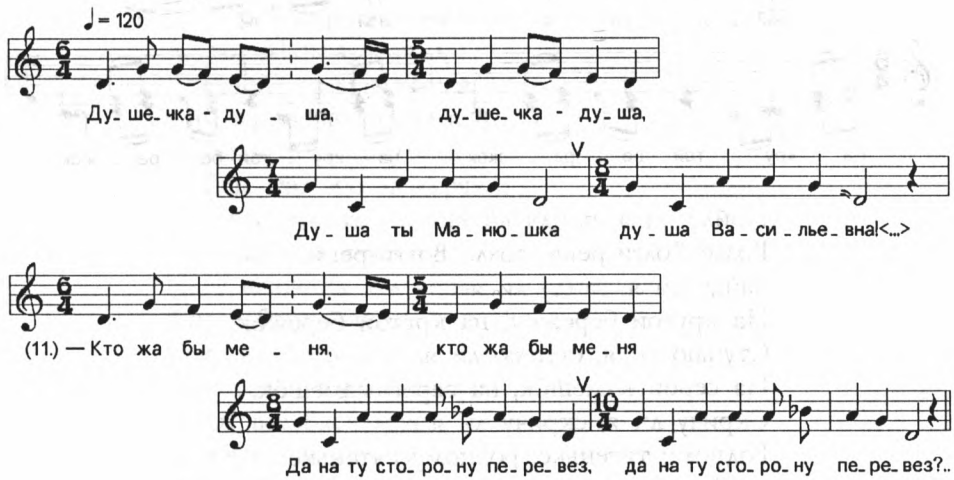
Красну девицу вывела.
Они взяли, поклонилися,
Отошли, похвалили:
— Еще что ж это за девица,
Еще что ж это за красная!
Что со русой со косою,
Что со девичьей красотою
Свет Марья Петровна.

222



Пойду ли я, пойду ли я
Возле Волги-реки, возле Волги-реки,
Зайду ли я, зайду ли я
На крутой бережок, на крутой бережок.
Ступлю ли я, ступлю ли я
На серой камешóк, на серой камешóк.
Скричу ли я, скричу ли я
Родному тятеньке, родному тятеньке:
— Ох, тятенька, ох, тятенька,
Перейми за реку, перейми за реку.
— Ой, доченька, ой, доченька,
Не моя таперь дочь, не моя таперь дочь.
У меня стружки, у меня стружки

Принастроганаи, принастроганаи.
У меня гребцы, у меня гребцы
Приусталы молодцы, приусталы молодцы.
Пойду ли я, пойду ли я
Возле Волги-реки, возле Волги-реки,
Зайду ли я, зайду ли я
На крутой бережок, на крутой бережок.
Ступлю ли я, ступлю ли я
На серой камешóк, на серой камешóк.
Скричу ли я, скричу ли я
Родной мамоньке, родной мамоньке:
— Ой, мамонька, ой, мамонька,
Перейми за реку, перейми за реку.
— Ой, доченька, ой, доченька,
Не моя таперь дочь, не моя таперь дочь,
У меня стружки, у меня стружки
Принастроганаи, принастроганаи.
У меня гребцы, у меня гребцы
Приусталы молодцы, приусталы молодцы.

223

Душечка-душа, душечка-душа,
Душа ты Манюшка душа Васильевна!
Скрыла леса, скрыла леса
Дак алым бархатом, да разалёшеньким.

Между гор шла, между круты шла
Да всё лисицею, да всё бурицею.
К моречку подошла, к синяму подошла
Душою Манюшкой душой Васильевной.
Кричала она, кричала она
Да громким голосом, да громким голосом:
— Кто жа бы меня, кто жа бы меня
Да на ту сторону перевез, да на ту сторону перевез?
Ванюшка отвечат Антонович отвечат:
— Да я по тебя прилечу, да я тебя унесу.
Унесу-то я тебя, унесу-то я тебя
Да на сизом правом крыле, да на сизом правом крыле.

224

Уж вы выводы, выводы,
Вы куда меня вывели?
С середы под окошечко,
На почетное ме́стечко.
Выводил братец-батюшко,
Становил братец-батюшко
Возле лавки дубовой,
Возле столу кленового.
Говорил братец-батюшка,
Что сдаю гостям на руки,
Одному гостю на́веки.
— Ты учи, брат, по-своему,
У меня была вежлива,
Вежлива и очестлива,
Она в доме — домо́вница,
В чистом поле — работница.

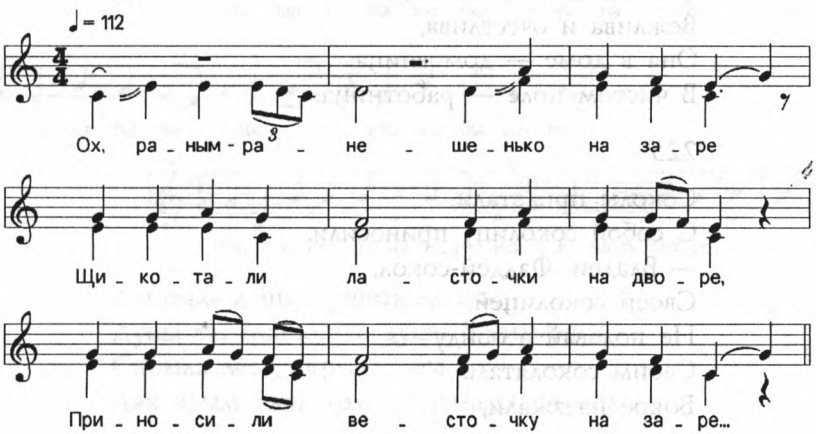
225

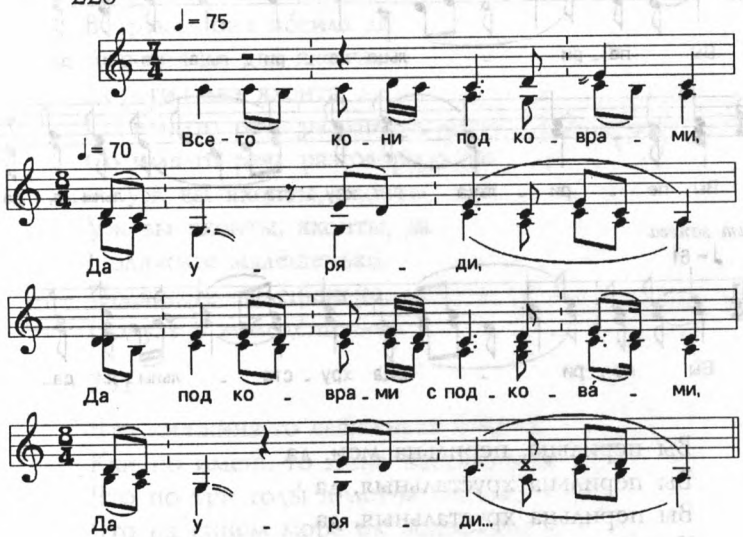
Соколы прилетали,
С собой соколицу приносили.
— Владей, Фаддей-сокол,
Своей соколицей,
Не подавай в обиду
Своим соколятам.
Бояре наезжали,

С собою привозили
Душу красну девицу
Василью Митрофановичу.
В руки дали, Митрофановичу вручили:
— Владей, сударь, своей Акулиной,
Не давай ее в обиду
Ни свекрам, ни деверям.

226

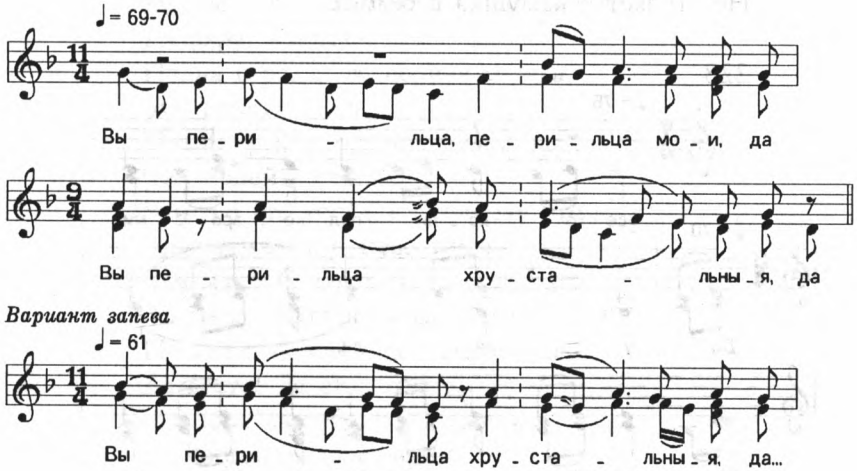
Не было ветров, ох, не было ветров —
Да вдруг накинулись.
Не было гостей, ох, не было гостей —
Да вдруг наехали.
Полна ограда, ох, полная ограда
[Да] карет золотых.
Полна ограда, ох, полная ограда
[Да] коней вороных.
Чьи же это гости, ох, чьи же это гости?
Да жениховы и невестины.
Чьи же это гости, ох, чьи же это гости?
Да гости Натальи Ивановны.
Не пора ль тебе, ох, Наташенька,
Да гостей за стол садить.
Не пора ль тебе, ох, Ивановна,
Да гостей да потчевать?

227

Ох, раным-ранешенько на заре
Щикотали ласточки на дворе,
Приносили весточку на заре.
Ой, плакала-ту́жила Настаси́я,
На белом на камушке стоячи,
На крутой на бережок глядучи.
По бережку батюшка гуляет,
По крутому родненькай гуляет.
— Гуляй, гуляй, батюшка, здорово,
Убери меня с камушка с белого, ох,
У батюшки жалости немного, ой,
Не ступает с камушка с белого.

228

Все-то кони под коврами, да уряди,
Да под коврами с подкова́ми, да уряди,
Да что ядин конь не под ковром, да уряди,
Да не под ковром, не подкован, да уряди,
Да что никто коня не любит, да уряди,
Да что никто не приголубит, да уряди,
Да что в нас Иван коня любит, да уряди,
Да что Степаныч приголубит, да уряди,
Да он вокруг да ко́ней ходит, да уряди,

Да по крутым-то ребрам треплет, да уряди:
— Да уж ты, коник, ты мой добрай, да уряди,
Да сослужи-ка мине службу, да уряди,
Да по горлянушку съезди, да уряди,
Да по горлянушку-горливу, да уряди,
Да за по Катеньку спесиву, да уряди,
Да у нас Катенька спесива, да уряди,
Да йна на улочку не выйдет, да уряди,
Да йна словечушко не скажет, да уряди,
Да йна не встретит, не проводит, да уряди.

229



Вы перильца, перильца мои, да
Вы перильца хрустальныя, да
Вы перильца хрустальныя, да
Что по етим перилечкам, да
Что по етим хрустальинким, да
Тут(ы) ходила-гуляла, да
Тут(ы) ходила-гуляла, да
Дорога наша боярани, да
Дорога наша боярани, да
Во руках она но́сила, да
Во руках она но́сила, да
Дорогия два яхонта, да
Дорогия два яхонта да.

— Уж вы, яхонты, яхонты, да
Уж вы, яхонты, яхонты, да
Поляжите малёшенько, да
Поляжите малёшенько, да
Покуль я молодешенька.

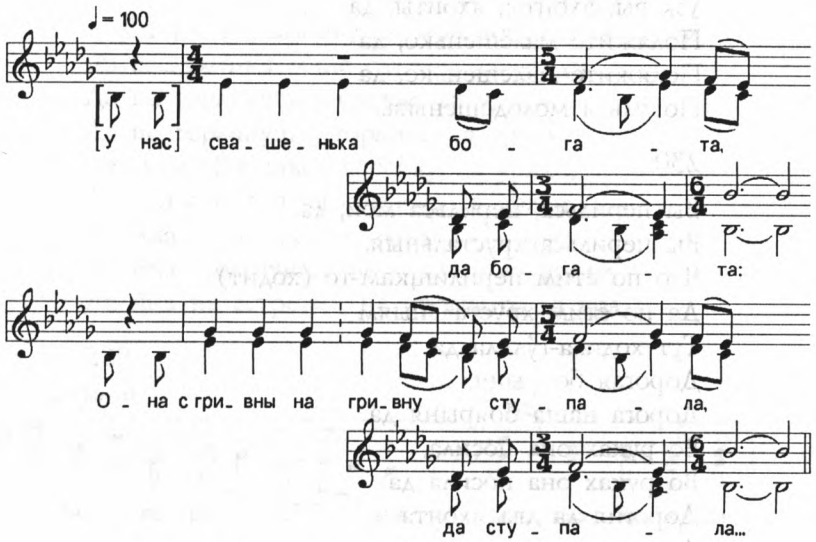
230

Вы перильса, перильса мои, да
Вы перильса хрустальныя.
Что по етим перилищкам-то (ходит)
Да по етим хрустальныям
Тут ходила-гу́ляла да
Дорогая боярыня.
Дорога наша боярыня да
Во руках она но́сила,
Во руках она но́сила да
Дорогия да два яхонта.
Дорогия два яхонта, да
Со имя-то речь разговорила,
Со имя-то речь разговорила да:
— Уж вы яхонты, яхонты,
Уж вы яхонты, яхонты, да
Поляжите малёшенько,
Поляжите малёшенько, да
Покуль я молодешенька.

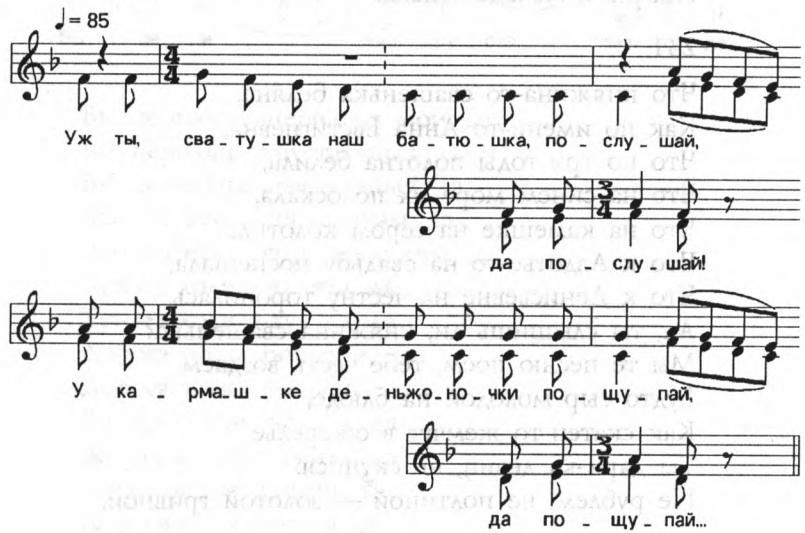
231

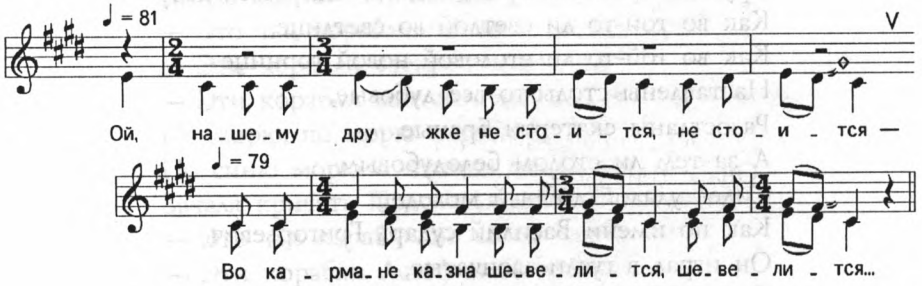
Что княжина-то свашенька беля́на,
Как по имени-то Анна Евстигневна,
Что по три годы́ полотна белила,
Что на синем море их полоскала,
Что на камешке на сером колотила,
Что к Авдотье-то на свадьбу поспешала,
Что к Денисьевне на че́стну торопилась.
Ах, ты слышишь ли, княжина свашенька?
Мы те песню поем, тебе честь воздаем.
Будто сыр молодой на блюде,
Как скатен-то жемчуг в ожерелье.
Ты дари-ка девиц, не скупися:
Не рублем, не полтиной — золотой гривной.

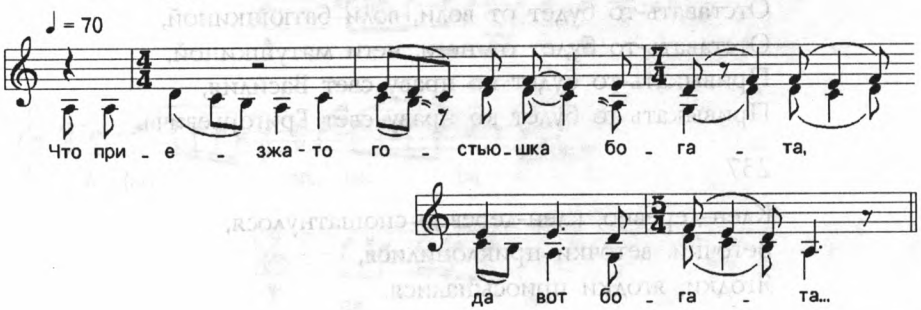
232



[У нас] свашенька богата, да богата:
Она с гривны на гривну ступала, да ступала,
Она в стороны полтиннички бросала, да бросала,
Она нищих и убогих наделяла, наделяла,
Она двери рублем отпирала, отпирала.

233

Уж ты, сватушка наш батюшка, послушай, да послушай!
У кармашке деньжоночки пощупай, да пощупай:
У кармашке деньжонки шевелятся, да шевелятся,
Они на ребрушки становятся, да становятся,
Красным девушкам подарятся, да подарятся!
Красны девушки — щеголёхи, да щеголёхи:
Без белилушек на улицу не ходят, да не ходят,
Без румянушек — не гуляют, да не гуляют.
Ты дари, дари, дари, да не скупися, да не скупися,
Золотой своёй казною расступися, да расступися:
Тебе этой казною не скопити, да не скопити,
Ворона добра коня да не купити, да не купити!

234

Ой, нашему дружке не стоится, не стоится —
Во кармане казна шевелится, шевелится,
Серебро на ребро станови́тся, станови́тся,
По дубовым столу прокати́тся, прокати́тся.
У нас девушки сладкоежки, сладкоежки —
Им на пряники, на орешки, на орешки.

235

Что приезжа-то гостьюшка богата, да вот богата:
Она пешею к обеденке не ходит, да вот не ходит,
А всегда она в карете разъезжаёт, да разъезжаёт,
Пара коней у ей да вороныё, да вороныё,
А карета-то у ей да золотая, да золотая.

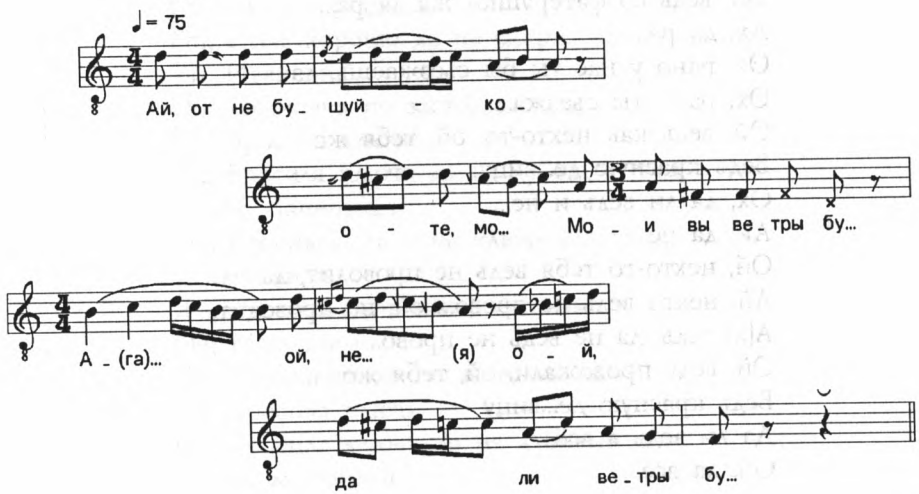
236

Ах, ты свет моя светлая светлица,
Ах, ты свет ли моя столовая горница!
Во сыром-то бору светлица ро́нена,
По тихому Дону светлая плавлена,
На прекрасном месте светлица ставлена,
Косящатыми окошками во зеленый сад,
Крутым красным крылечком во широкий двор.
Как во той-то ли светлой во светлице,
Как во той-то ли столовой новой горнице
Наставлены столы-то всё дубовые,
Разостланы скатерти браные.
А за тем ли столом белодубовым
Сидел удалой добрый молодец
Как по имени Василий сударь Григорьевич.
Он играл в гусли звончатые,
Он наигрывал волю, волю батюшкову,
Он наигрывал негу, негу матушкину.
Приходила гусли слушать Ольга-душа,
Приходила гусли слушать Афанасьевна.
Она слушала гусли, сама вон пошла,
Сама вон пошла, горько заплакала.
— Ах, ты свет-то воля, воля батюшкина,
Ах, ты свет ли нега, нега матушкина!
Отставать-то будет от воли, воли батюшкиной,
Отставать-то будет от неги, неги матушкиной,
Привыкать-то будет ко нраву свет Василия,
Привыкать-то будет ко нраву свет Григорьевича.

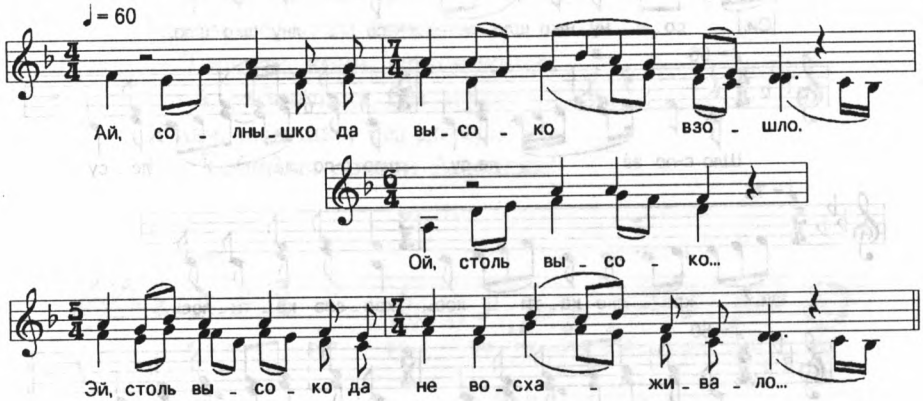
237

Клен-деревцо, клен-деревцо спошатнулося,
Веточки, веточки приклонилися,
Ягодки, ягодки приосыпалися.

Ягодка Прасковья-душа да Филипьевна
Промежду горами грушей выросла,
Темным лесом прошла черным соболем,
По полю катилася жемчужиною,
По бережку шла красной девицею.
По морю, по морю корабли бегут,
По синю морю с черным бархатом.
Зачала кричать Прасковья-душа Филипьевна:
— Это чьи корабли по синю морю бегут?
— Эти корабли свекра-батюшки.
— Эти корабли мне не надобно, не в диковину.
По морю, по морю корабли бегут,
По синю морю с черным бархатом.
Зачала кричать Прасковья-душа Филипьевна:
— Это чьи корабли по синю морю бегут?
— Эти корабли свекровь-матушки.
— Эти корабли мне не надобны, не в диковину.
По морю, по морю корабли бегут,
По синю морю с черным бархатом.
Зачала кричать Прасковья-душа Филипьевна:
— Это чьи корабли по синю морю бегут?
— Эти корабли Астафия Петровича.
— Эти корабли мне надобны, приставайте ко бережку!

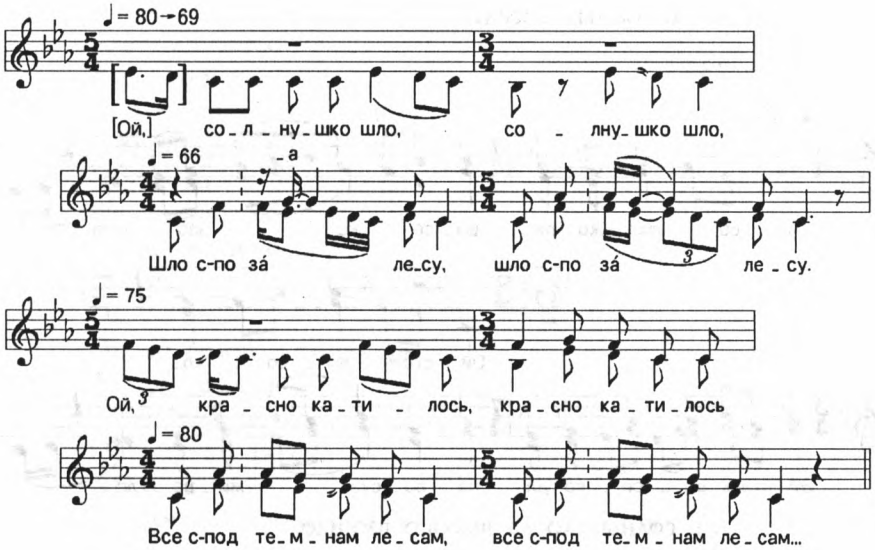
238

Ай, от не бушуй-ко-те, мо...
Мои вы ветры бу...
А...ой, не... ой, да ли ветры бу...
Ой, ведь не сноси-ко-те мо...
Мои вы ветры бу...
А...ой, не... да же с этих гор,
Ах, и да вот с гор,
Ах, с гор желтыя их и да песочки, да
А[х], с гор желты песо...
А[х], песо...чки да ли ведь до...
Эх, да до...
Ох, до черною земли, да
Ой, до черною зем...
Эх, да земли, эй, да ли ведь и до...
Ох, да до...
Ох, до белого камню, да
Ах, до белого до ка...
Э...ох, ведь не ясён-то де бы соколик,
Не ясён-ко да ра...
Ах, и да ра...
Ох, рано с гнездышка ведь ты слетаёшь, да
Ах, рано сослета...
Э...ой, ведь со фатеру...шки ду...
Ох, душа ты ведь красная де...вушка,
Ой, да ведь ты ведь и ра...
Ой, ведь со фатерушки жа да ра...
Ах, да ра...
Ох, рано у нас ты бы съезжаёшь, да
Ох, рано ты съезжа...
Ой, ведь как нехто-то, ой, тебя жо
Ведь красную де...вицу,
Ох, да ли ведь и не...
Ай, да не...
Ой, нехто-то тебя ведь не проводит, да
Ай, нехто ведь не прово... ой, не проводит,
А[х] ведь, да не ведь не прово...
Ой, ведь провожали, ой, тебя жо
Ведь красную де...вицу
Да ли ведь я всё...
Ой, да всё...

Ох, всё люди-то тебе чужие, да
Ой, всё люди тебе чужи... ой, чужия,
Да ли ведь и бли...
Ах, да во бли...
Ох, ближныя-то тебя мы соседи, да
Ах, ближныя соседи.

239

Ай, солнышко да высоко взошло.
Ой, столь высоко...
Эй, столь высоко да не восхаживало.
Ой, Машенька...
Ой, Машенька да снарядилась хорошо,
Ой, столь хорошо...
Ой, столь хорошо да не снаряживалась.
Эй, Ивановна...
Ой, Ивановна по застолью шла,
Ой, бросила ключи...
Эй, бросила ключи да на дубовый стол.
— Ой, папенька...
Ой, папенька, да я не ключница твоя,
Я ключница...
Я ключница да чужому тятеньке.
Ой, Машенька...
Ой, Машенька да по застолью шла.
Ой, бросила ключи...
Ой, бросила ключи да на дубовый стол.
— Ой, мамонька...

Ой, мамонька, да я не ключница твоя,
Я ключница...
Я ключница да чужой мамоньке.

240

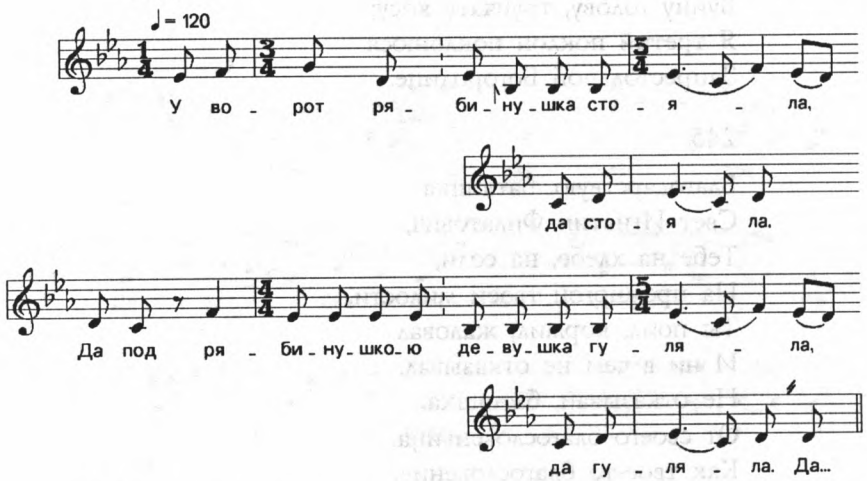


[Ой,] солнушко шло, солнушко шло,
Шло с-по за́ лесу, шло с-по за́ лесу.
Ой, красно катилось, красно катилось
Все с-под темнам лесам, все с-под темнам лесам.
Ой, Галя ишла, и Галя ишла
Круг с-по за́ столу, круг с-по за́ столу.
Ой, роняла слезу, роняла слезу
На скатерть бранаю, на скатерть бранаю.
Ой, бросала ключи, бросала ключи
Вдоль по лавочке, вдоль по лавочке.
— Ой, тятенька, тебе(й), мамонька, тебе
Я не клюшница, ни замошница.

241

Кругом солнце обошло,
Рядом бояре ехали,
Вершину у рябинушки сломили,

Коням под ноги бросили:
— Топчите, кони, вершинушку,
Стой, рябина, без верху,
Живи, батюшка, без дочери,
Без любимыя Аннушки!
Кругом солнышко обошло,
Рядом бояре ехали,
У рябины вершинушку сломили,
Коням под ноги бросили:
— Топчите, кони, вершинушку,
Стой, рябинушка, без верху,
Живи, матушка, без дочери,
Без любимыя дочери Аннушки!

242

У ворот рябинушка стояла, да стояла.
Да под рябинушкою девушка гуляла, да гуляла.
Да у рябинушки вершинушку сломала, да сломала.
— Да стой, рябинушка, без вершинушки,
Да ты живи, родима мамонька, да без меня, красной девушки,
Да красной девушки.

243

Постойте, бояры, постойте, молодые!
Дайте с батюшкой проститися,

9 Заказ № 781

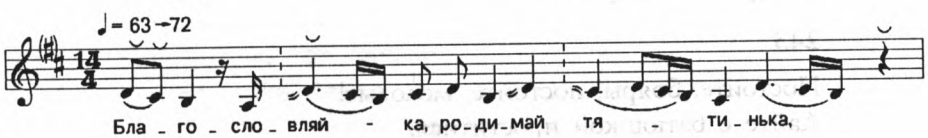
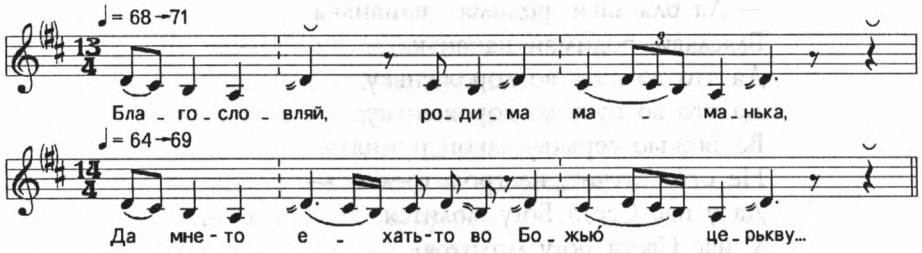
Дайте с матушкой проститися,
Дайте с братцами проститися,
Со сестрицами проститися.

244

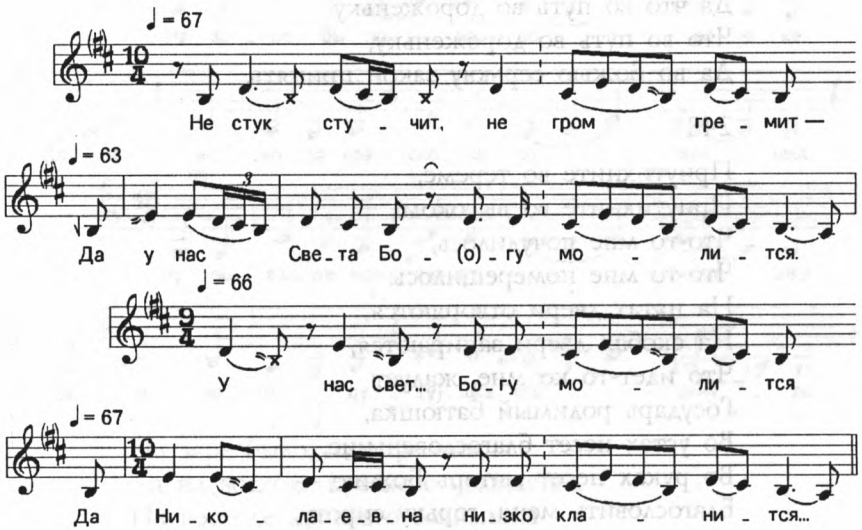
Вы уж, князья-бояре,
Князья-бояре, князья-свашеньки,
От Спаса образа отсторонитеся,
Дайте мне Богу помолитися,
В землю три раза поклонитися.
Я первый поклон поклонюся
Я за батюшку и за матушку;
Я второй поклон поклонюся
За свою буйную голову,
Буйну голову, трубчату косу;
Я третий поклон поклонюся
Запрестольной Богородице.

245

Благодарствую, батюшка
Свет Игнатий Филатович,
Тебе на хлебе, на соли,
На премногой твоей милости.
Ты поил, кормил, жаловал
И ни в чем не отказывал.
Не отказывай, батюшка,
От своего благословеньица.
Как твое-то благословение,
Как твое-то великое
Из темных лесов выведет,
Из синя моря вынесет
И от злых людей оборонит.

246

Благословляй-ка, родимай тятинька,
Благословляй, родима маманька,
Да мне-то ехать-то во Божью́ церькву,
Да принимать-то мне золоты винцы,
Да золоты винцы подвинешные,
Да подвинешные, вековешныя.

247



Не стук стучит, не гром гремит —
Да у нас Света Богу молится.
У нас Свет[а] Богу молится
Да Николаевна низко кланится.
Никола́в[на] низко кланится,
Да она просит благославленьиса.
Она просит бласла́вленьиса:

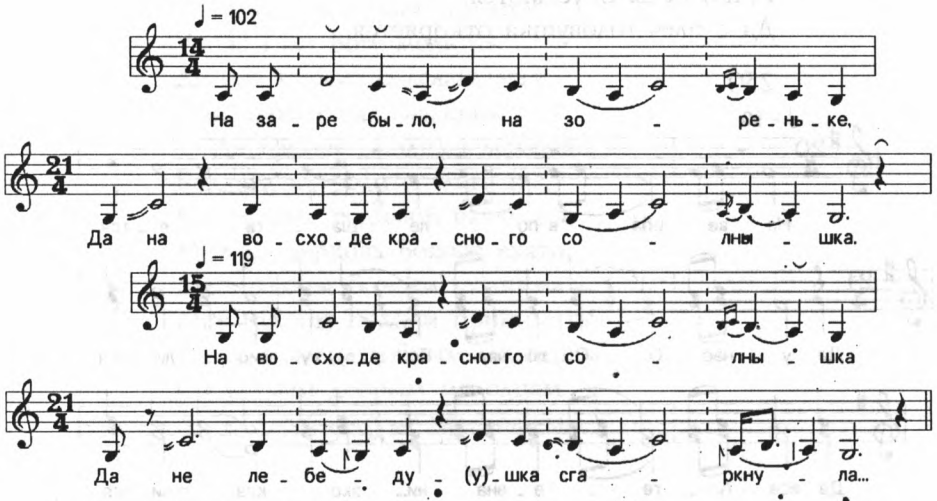
— Да бласлави, родимай папанька.
Бласлави, родимай папанька,
Да что во путь во дороженьку.
Да что во путь во дороженьку,
Во Божью серькву закон принять.
Не стук стучит, не гром гремит —
Да у нас Света Богу молится.
У нас Света Богу молится,
Да Николаевна низко кланится.
Николаевна низко кланится,
Да она просит благославленьиса.
Она просит бласлявленьиса
Да у родимай сваёй маманьки.
У родимай сваёй маманьки:
— Да бласлави, родима маманька.
Бласлави, родима маманька,
Да что во путь во дороженьку.
Что во путь во дороженьку,
Да во Божью серькву закон принять.

248

Приутихните во тереме,
Приутихните во высоком.
Что-то мне почудилось,
Что-то мне померещилось:
На пятах двери отворяются,
На скобах двери запираются,
Что идет-то ко мне, жалует
Государь родимый батюшка,
Во устах несет благословеньице,
Во руках несет матерь Божию —
Благословить меня, горьку сироту,
Что во путь-то ли во дороженьку
Как ко звону-то колокольному,
Ко напеву-то церковному
Под златы-то венцы стать,
Что закон-то Божий принять.
У всех-то я спросилась,
У всех-то я благословилась,
У одной-то не спросилась,

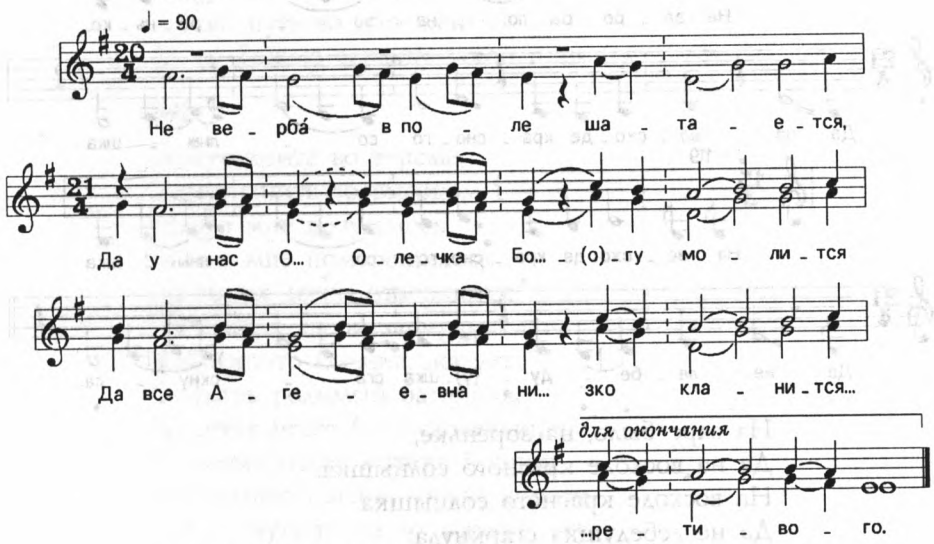
У одной-то не благословилась.
Вы зайдите-ко, тучи грозные,
Прогремите, громы яркие,
Раздайся-ко, мать сыра земля,
Расколися ты, гробова доска,
Ты восстань-ка, родима мамонька,
Распечатай уста сахарные,
Ты открой-ка очи ясные,
Благослови меня, горьку сироту,
Хоть от роду-то не в первый раз,
Во девьей кра́соте во последний,
Во путь-то во дороженьку.

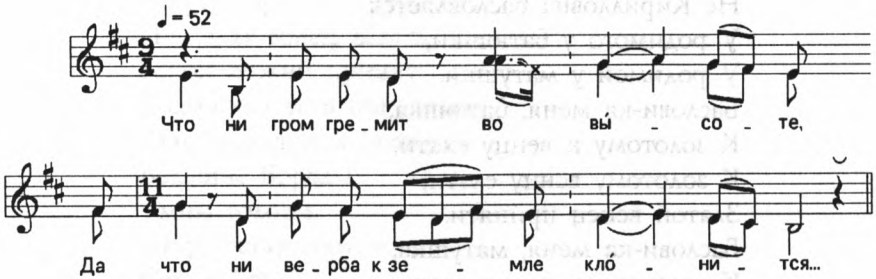
249

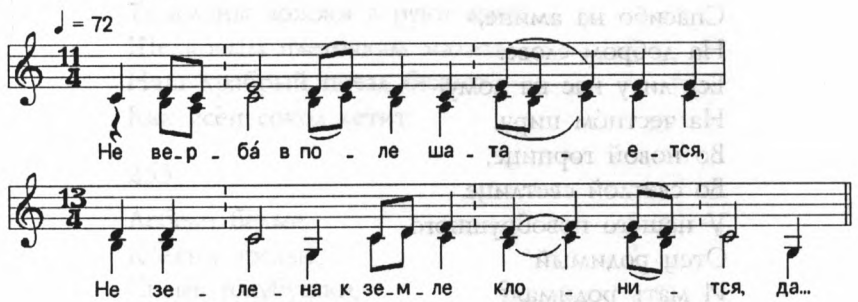


На заре было, на зореньке,
Да на восходе красного солнышка.
На восходе красного солнышка
Да не лебедушка сгаркнула.
Не лебедушка сгаркнула,
Да свет Мареюшка всплакнула.
Свет Мареюшка всплакнула
Да свою маманьку гаркнула.
Свою маманьку гаркнула:
— Да уж ты, мать, ты, моя маманька,
Уж ты, мать, ты, моя маманька,

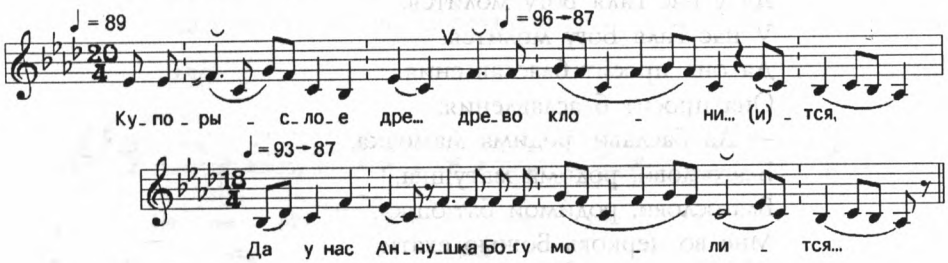
Да ты пройди-ка ко мне в горенку.
Ты пройди-ка ко мне в горенку,
Да уж ты стань-ка по конец стола.
Уж ты стань-ка по конец стола,
Благослави, родима маманька.
Благослави, родима маманька,
Благослави ты под венец миня.
Благослави ты под венец миня,
Под винцом-то тижало стоять.
Под венцом-то тижало стоять,
Да ножки резвы подгибаются.
Ножки резвы подгибаются,
Ручки белы опускаются.
Ручки белы опускаются,
Да с плеч головушка откоряется.

250

Не верба́ в поле шатается,
Да у нас О... Олечка Бо...гу молится
Да все Агеевна ни...зко кланится,
Да она просит благо...словленьица
Да у своей-то роди...мой матушки:
— Благословляй-ка, роди...ма матушка,
Да отжелай же сердца ретивого.

251

Что ни гром гремит во вы́соте,
Да что ни верба к земле кло́нится.
Что ни верба к земле клонится —
Да у нас Галя Богу молится.
У нас Галя Богу молится,
Да она просит бласла́вления.
Она просит бласла́вления:
— Да баслави, родима мамочка.
Благослови, родима матушка,
Благослови, родимой батюшка,
Мне во церковь Божью ехати,
Мне законы Божжи принимать.
Мне законы Божжи принимать
Да со удалым добрым молодцам,
Со удалым добрым молодцам
Да с Александром Ефимовичам.

252

Не верба́ в поле шатается,
Не зелена к земле клонится, да

Не Аксинья Богу молится,
Не Кирилловна басловляется
У родимого у батюшки,
У родимой у матушки.
Баслови-ка меня, батюшка,
К золотому к венцу ехати,
К золотому венцу ехати,
Златой венец прúняти.
Баслови-ка меня, матушка,
К золотаму к венцу ехати,
К золоту к венцу ехати,
Золотой венец прúняти.

253

Купорыслое дре... древо клони...тся,
Да у нас Аннушка Богу молится,
Да со свои...ми родными прощае...тся,
Да в чужи лю...ди да собирае...тся.

254

Спасибо на амине,
На добром слове.
Есь ли у нас на дому,
На честнóм пиру,
Во новой горнице,
Во светлой светлице
У нашего новобрушного
Отец родимый
И мать родимая?
Как умели поить, кормить,
Так умейте благословить,

В путь-дорожку снарядить,
Под злат венец встать,
Закон Божий принять,
В сахарны уста поцеловать.
Благословляются братцы —
Большие бороды,
Умны головы,
Стары старички —
Седые бороды,
Стары старушки —
Золотые наушки,
Удалы молодцы́ —
Шелковы поясы́,
Молоды молодки —
Гладеньки головки,
Красны девицы —
Пирожны мастерицы,
Маленьки девóчки —
Красеньки чулочки,
Маленьки ребятки —
Черненьки пятки.
По избе пройти,
Во новы сени зайти,
По сеничкам пойти,
Круг храбрых коней обойти.
В колясочки садитися,
Ковриком закрытися,
Тесьмяны вожжи в руки взять,
Шелковым плеточкам махать.
Наш храбрый поезд бежит —
Как ясён сокол летит.

255

Лебеди белые,
Ко́лени зрелые,
Сизые голубушки,
Белые лебедушки,
Красные девицы,
Раздайтесь, расступитесь

На все четыре стороны.
Пропустите меня,
Дружку резвого,
С князем молодым
И храбрым поездом
До кручинной красной девицы
Повидатися и проститися.

256

Благослови,
Хозяин-господин,
Тысяцкий-господин,
Заложить наших добрых лошадей
В кареточки дубовы,
В оглобли точены,
Во дужки золочены;
Мне своего, княжому дружке,
Доброго коня заседлать
Во потнички, во коврички,
Во черкасское седёлышко,
Во серебряны стремянушки.

257

После благословения дружка выводит жениха и поезд на двор и, обращаясь к собравшейся толпе, говорит:

Батюшка родимый
И матушка родимая!
Старые старички —
Седые бородушки,
Старые старушки,
Молодые молодцы
И молодые молодушки,
Красные девицы —
Узорные мастерицы,
Горшечные пагубницы,
Материны досадницы,
Маленькие ребятки —
Синеньки заплатки,
...<*неразб.*>... пятки!

Благословите нас
Во путь во дороженьку,
Во матушку во Божью церковь
Под златой венец стать,
Закон Божий принять!

Толпа хором отвечает: «*Бог благословит*!», *и вновь раздается ружейная стрельба.*

258

После небольшой закуски (*когда жених приехал за невестой к венцу. — Р. П.*) *все снова оставляют комнату, кроме отца с матерью невесты. Во дворе все поезжане становятся в круг*; *дружка берет жениха и невесту за руки и входит в избу, где, кланяясь родителям в пояс, приглашает их выйти на двор*:

— Родимый батюшка
И родима матушка,
Пожалуйте к нашему
Князю молодому
На пир, на беседу
И на веселу компанью.

Тогда отец с матерью выходят на двор с вином. На прощание дружка приговаривает родителям и остающимся дома:

— Прощайте, ясные соколы —
Гладкие головы,
Усы торжены,
В грамоте учены;
Стрельцы-бойцы —
Конные наседельцы,
Морем прово́дцы,
Разные лица:
Девицы-певицы,
Дочери отецкие
И жены молодецкие.
Родимый батюшка!
И родимая матушка!
Благословите свою дочь
(*Имя и отчество*)
Со всем княжеским поездом

Во чисто поле,
Во широко раздолье,
Во чисто поле проехать,
В церковь Божию заехать,
Над златым венцом стоять
И закон Божий принять.

259

У города там виты ворота,
Там решетчатые.
У терема крута лесенка,
Мелкоступчатая.
Шла с терема красна девица-душа,
Дочь отецкая (*имя и отчество*),
Ножки у ей ломятся,
Алы башмачки подгибаются,
Скобки поют, все гвозди говорят,
Просят коня, коня батюшкова,
Коня родимого (*имя, отчество*).
Батюшков конь, он ступил — не пошел
И к венцу не поспел,
Головой взвернул, сам копытом бьет.
Просит коня, коня матушкина.
Матушкин конь, он ступил — не пошел
И к венцу не поспел.
Просит коня, коня ладушки,
Коня ладушки подвенечного.
Он ступил, он пошел,
Он к венцу поспел.

260

Ах вы, комони, комони,
Комони, кони добрые!
Знать, заслышали комони
Что невзгоду великую.
Из Дуная воды не пили,
Из тихого не кушали.
По Дунаю насад плывет,
По тихому ветля́ненькой.
Подле берег колымагу несет

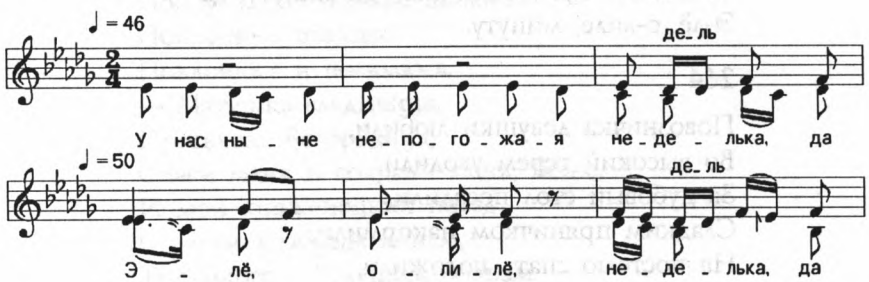
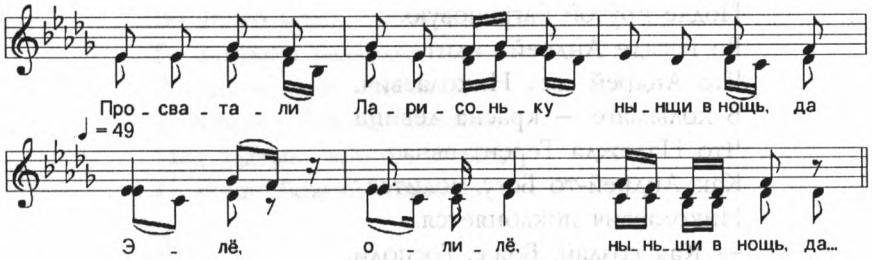
Подле кру́той багрецовую.
Во насаде Андрей сидит,
Что Андрей свет Николаевич.
В колымаге — красна девица,
Что Надежда Терентьевна.
Как Андрей-то Богу молится
Николаевич поклоняется.
— Как создай, Боже, Господи,
Со небес тучу грозную
Со громами со страшными,
С молоньями со яркими,
Сонеси, Боже, Господи,
Что насад с колымагою,
Сочетай, Боже, Господи,
Что Андрея-то с Надеждою,
Николаевича с Терентьевной.

261

Приезжали унтовники —
Увезли нашу башмачницу,
Приходили лохмотники —
Увели нашу комчатницу.

262

Приехали к нам сверные —
Увезли от нас хорошую!
Приехали к нам лоскутники —
Увезли от нас нарядную!
Приехали олочники —
Увезли от нас сапожницу!

263

У нас ныне непогожая неделька, да
Э-лё, о-лилё, неделька, да
Просватали Ларисоньку нынщи в нощь, да
Э-лё, о-лилё, нынщи в нощь, да
Просватали Анатольевну всю полнощь, да
Э-лё, о-лилё, у полнощь.
Ларисушка Владимиру наказывала, да
Э-лё, о-лилё, наказывала, да
Чтобы был-побывал Владимир сам ко мне, да
Э-лё, о-лилё, сам ко мне, да
Запрягал бы Владимирушка семь коней, да
Э-лё, о-лилё, семь коней.
Что ни семь коней — (й)усе вороныи, да восьмой воз, [да]
Э-лё, о-лилё, восьмой воз.
А девятый, сповозныщик, чтобы вез, да
Э-лё, о-лилё, чтобы вез.
А десятай, скоморощнищик, чтоб играл, да
Э-лё, о-лилё, чтоб играл.
Играй-играй, скоморощнищик, с си́ла до села́, да
Э-лё, о-лилё, с си́ла до села́, да
Чтобы наша Ларисушка была весела, да
Э-лё, о-лилё, была весела, да
Во всякий щас, на всякаю да минуту, да
Э-лё, о-лилё, минуту.

264

Повозничка девушки любили,
Во высокий терем уводили,
За дубовый стол посадили,
Сладким пряничком накормили,
На постелю спать положили.

265

Ой, девки-дурушки
Продали подушки
За три полушки.
Ой, девки-дурины
Продали перины
За три полтины.

266

Стану, раб Божий, благословясь,
Пойду, перекрестясь,
По избе в двери,
По двору в вороты,
Во чисто поле,
Во широко раздолье,
На [о]киан-море.
На море на киане
Стоит злат остров,
На этим острову́
Стоит матушка Божья
Апостольска церковь.
В матушке Соборной церкве — алтарь.
Во этим алтарю —
Злат престол,
На златым престоле —
Шелкова скатерка,
На этой на скатерке
Стоит матушка
Пресвятая Богородица...
...<*неразб.*>...
Пойду я, раб божий, поближе,
Поклонюсь пониже,
Поклонюсь и помолюсь.
— Матушка-владычица,
Пресвятая Богородица,
Спаси меня и сохрани меня, Боже,
И мой княженецкий поезд
С моим храбрым конем,
Тысяцкого с большим боярам,

С меньшим боярам,
И сваху с провожатым,
И дружку с полудружьем.
Матушка-владычица
Пресвятая Богородица
Спасла и хранила,
Золотой невестиной
Ризой прикрыла
И железным тыном
Загородила
От земли и до небеси,
От волхицы, от волхитницы,
От девки долговолоски,
От бабы пустоволоски,
От русого, от русоволосого,
От рыжего, от красного,
От проклятого, от беззубого,
От двоезубого, от троезубого,
От одноглазого,
От страшного, от поперешного.
Как на матушку оне церковь
Руки не подымут,
Так и рот не разинут;
Вот так и на наш
Княженецкий поезд
Руки не подымали,
Рта не разевали,
Так собаки головы бы не поднимали
И рта не разевали,
Языком бы не брехали,
Наши бы храбры кони не спотыкались,
Заврочки не рвались,
Кошевочки не перевертáлись,
Дуги бы не ломались...
Во имя Отца и Сына,
[И Святого Духа!]
Аминь!

◀ Костюм жениха. Середина XIX—1920-е гг. Семипалатинская губерния. Собиратель А.Н. Белослюдов (Русский народный костюм. Из собрания Государственного музея этнографии народов СССР: Альбом/ Сост. Л.Н. Молотова, Н.Н. Соснина. – Л.: Художник РСФСР, 1984. – № 184). *Фото В.А. Стукалова.*

Девья кра́сота (реконструкция). Село Платоновка Северного района Новосибирской области. *Фото из архива Н.С. Индан-Кутафиной.* ▶

Одевание венцов. Венчание в Усть-Луговской церкви Новосибирской области проводит отец Олег. Июнь 2001 г. *Из полевых материалов Е.Ф. Фурсовой.*

Женские головные уборы — кокошники. Тобольский музей-заповедник (Этнография русского крестьянства Сибири: XVII — середина XIX в. — М.: Наука, 1981. — Рис. 2). *Исполнение В.В. Вороновой.*

У русской печи с расписной самопрялкой. *Фото С. Конечных.*

Карниз дома и оконные наличники, украшенные деревянной резьбой.
Фото С. Конечных.

Участники семейского народного хора в традиционной праздничной одежде на фоне старообрядческой церкви (памятник деревянного зодчества). Село Никольское Мухоршибирского района Бурятии. *Фото С. Конечных.*

Семейский дом. Село Тарбагатай Тарбагатайского района Бурятии. *Фото С. Конечных.*

Наличник окна. Тобольск. 2-я половина XIX в. (В.В. Кириллов. Тобольск: Архитектурные и художественные памятники XVI — начала XX в. —М.: Искусство, 1984. — С.186. — №95). *Фото В.И. Крупского.*

Надгробный камень. Старообрядческое кладбище. Село Куготы Мухоршибирского района Бурятии. *Фото Т.И. Матвеевой.*

Надмогильный крест. Старообрядческое кладбище. Село Куготы Мухоршибирского района Бурятии. *Фото Т.И. Матвеевой.*

Старообрядческое кладбище. Село Куготы Мухоршибирского района Бурятии. *Фото Т.И. Матвеевой.*

Могила в поминальный день. Старообрядческое кладбище. Село Куготы Мухоршибирского района Бурятии. *Фото Т.И. Матвеевой.*

Голубцы. Старообрядческое кладбище. Село Куготы Мухоршибирского района Бурятии. *Фото Т.И. Матвеевой.*

Смерётная одёжа. Село Куготы Мухоршибирского района Бурятии. *Фото Т.И. Матвеевой.*

267

Как... <*неразб.*>... жлобы онемели,
Как одни колдовки онемели,
На наш княженецкий поезд глядели,
Как вороты онемели,
Стоят остолбенели,
Так бы колдуны, колдовки,
На наш княженецкий глядели,
На тысяцкого,
На больших бояр,
На меньши́х бояр,
На сваху с провожатым,
На дружку с полудружьем.
Как на матушку Апостольску церковь
Никто руки не подымал
И рот не разевал,
Так и на нашу свадьбу
Никто руки не подымал
И рот не разевал.
Как красно солнышко по небу катится,
Так и я, раб Божий... <*неразб.*>...
На своих конях храбрых катался
С княженецким поездом.

268

Стану я, раб Божий, благословясь,
И выйду, перекрестясь,
Из избы дверями,
Из двора воротами
Под восточную сторону.
Под восточной стороной
Поверх травы
Умоюсь мокрою росой,
Подпояшусь светлым месяцем,
Наряжусь красным солнышком.
Попадутся мне навстречу
Триста ангелов Господних,

Триста три святителя со апостолами,
Господними угодниками,
И с ними вся сила небесная
Идет под восточную сторону.
Под восточной стороной
Есть святый остров
Середи окияна-моря.
На том острове
Есть бел алатырь-камень,
На том белом камне
Стоит святая Соборная
Апостольская церковь.
— Вы, гой еси, триста апостолов,
Триста три угодника
Со апостолами Господними,
Посадите меня, раба Божия
(*Имя рек*),
На свои золотые крылья
И несите середи окиан-моря,
Посадите на белом алатыре,
А с белого алатырь-камня
Посадите на папереть Господню.
Помолюсь, грешный я, праведникам,
Святым апостолам,
Ангелам Господним
И всем силам небесным.
Куда сряжаюсь, раб Божий
(*Имя рек*)?
Сряжаюсь на Божий путь,
Отпущаю Господню свадьбу.
— Далеко ли отпущаеши?
— За триста за тридцать попрысков.
Тысяцкий с новобрачными,
Боярин большой с большим,
Меньшой с меньшим,
Сваха с подсватьем,
Дружка с полудружьем,
С разными добрыми людями.

И ныне пойдут они
В святую Соборную церковь,
Помолятся Спасу нерукотворённому,
Троице живоначальной,
Скорбящей Богородице,
Николаю Чудотворцу,
Пятнице нареченной,
Василию Великому,
Григорию Богослову,
Иоанну Златоусту,
Иоанну Крестителю,
Иоанну Богослову,
Дмитрию Ростовскому,
Чудотворцу-Батюшке,
Илье пророку,
Прокопию Праведному,
Устюжскому чудотворцу.
Помолюсь и покорюсь
Батюшке Егорию Храброму:
— Гой еси, батюшка Егорий Храбрый,
Сядь на своего белого коня,
Возьми копье долгомерное,
Объедь (объезжай) меня,
Раба Божия (*имя рек*),
Вокруг со всею свадьбою Господнею,
Сострой ограду белокаменную
От земли до неба.
Говорил с батюшком Илья пророк(ом):
— Гой еси, раб Божия наш,
Помолюсь и покорюсь Матери-
Владычице Пресвятой Богородице,
Деве Марии запрестольной;
Подойду поближе,
Поклонюсь пониже,
Ко образу Господню приложуся,
Пеленою — нетленною ризой утруся,
Куда сряжаюсь, раб Божий, спрошуся.
Сряжаюся на Божий путь,

Отпущаю Господню свадьбу с тысяцким,
С новобрачными,
Боярин большой с большим,
Меньшой с меньшим,
Сваха с подсватьем,
Дружка с полудружьем
И со всеми добрыми людями.
Господь тя благословит,
Господь тебе помогает и защищает.
— Гой еси, мой сын, Христос истинный,
Дитя мое возлюбленное,
Собирай свои триста ангелов,
Триста три угодника
Со апостолами Господними,
Собирай всю силу небесную,
Наденьте на нас златые венцы крепкие.
Буди на нашем рабе Божием
Золотые венцы крепкие
От земли до неба,
Входящи в сырую землю
На три сажени печатный
И поверх ходячего облака.
Еще ты, Матушка Пресвятая Богородица,
Сохрани, побереги всякого человека
От волхова и от волховицы,
И от колдуна и от колдуницы,
От красной девицы,
Бабы-беловолоски,
Девки-простоволоски,
От черного, от черемного,
От двоезубого, от троезубого,
От троеженова,
И от старца и от старицы,
От попа и от попадьи,
От ворона и вороницы,
От сороки, от сорочицы,
От птички и от касатки —
Кто меня станет вражеской силой портить.
— Гой еси, батюшка Илья пророк,

Отшибай громами гремучими,
Молоньями сверкучими,
Стреляй стрелой огненной
Во всякого злого человека,
Во всякую дьявольскую прелесть,
Стреляй в ретивое сердце,
Во горячую кровь,
В печень, в легкое, в селезень,
В чем смерть, —
И наши слова совершенны.
Будьте, слова, под спудом
Укреплены на алтаре Господнем,
Запертом своим золотым ключом.
Запирался раб Божий
Со всею своею Господнею свадьбой,
Брошен ключ в море,
Замок опущен середь окиана-моря,
Под бел алатырь-камень.
Колючи сглотнула (проглотила) щука,
И ту щуку никто ни поймать,
Ни изловить не может,
Так и мою Господню свадьбу
Никто ни оговорить,
Ни испортить не может.
И будьте, мои слова,
Все крепко и сполна.
Аминь да аминь, а трое аминь! Слава и аминь!

ПОСЛЕ ВЕНЦА

От венца молодые ехали в дом *жениха* вместе с родителями *невесты*. В некоторых селах *невестины* родители до *обряда окручивания* в доме *жениха* не появлялись.

У крыльца *поезд* встречали родители *жениха*, близкие родственники и женщины-певицы. Новобрачная навсегда попрощалась с незамужними подругами, теперь ее окружали «*молодухи*» (невестки). Встречали молодых хлебом-солью, обильно осыпали овсом с приговорами:

Сколько кочек — столько дочек,
Сколько пеньков — столько сынков.

Молодая женщина-старообрядка в традиционном костюме с кокошником-наклонником. Бухтарминский район Южного Алтая. Бийский краеведческий музей. *Фото А.М. Фаддеева (из коллекции Е.Ф. Фурсовой).*

Родители благословляли молодоженов иконами. На севере Республики Саха благословение новобрачных сопровождалось короткой припевкой: «*Сокол летит — Земля ютит. Благославляется сын у батюшки, Благославляется дочь у матушки*». Хор женщин исполнял песни с просьбой встретить невестку — «*в поле работницу, в доме домовницу, матери заменушку, князю молодому хозяюшку*». В Западной Сибири и на Дальнем Востоке сохранились некоторые корильные песни о свекрови (она в них — «*горбатая*», «*сопливая*», «*сварливая*»), но они исполнялись, по всей вероятности, в доме *невесты*: традиционная свадьба исключала возможность бранить родителей *жениха* или *поезжан* в его доме, здесь должны были звучать мажорные песни и величания. В указанных регионах корильные пелись после венца, в нарушение традиции, для оживления последнего этапа свадебной игры.

После встречи и благословения молодых все входили в избу и рассаживались по закрепленным местам. Затем входили молодые и кланялись сначала в сторону икон, затем родителям, которые вновь благословляли их и сажали за стол в передний угол. Начиналось *столование*, до поры относительно свободное, если не считать обязательных в ряде районов приговоров *дружки*, которыми он приглашал к «*началу стола*», а затем к каждому обрядовому блюду.

Столование прерывалось *обрядом окручивания*, но основные гости и поезжане сидели за столом. *Окручивание* — это обращение новобрачной в статус женщины. Дружка, прочитав молитву, просил благословить молодую и свах на окручивание. Свахой молодой чаще была ее сестра, а свахой молодого его тетка или крестная. Шафера́ закрывали княгиню большой шалью от всех, держали перед ней зеркало, а свахи снимали с ее головы венчальные ленты и начинали заплетать две косы: *женихова* сваха плела правую косу, а *невестина* — левую. Каждая старалась как можно дольше делать свое дело, памятуя народную мудрость — «*Чья сваха раньше заплетет косу, тот раньше своего суженого умрет*». Вся свадьба, и особенно последние ее дни, сопровождалась множеством примет. Их часто связывали со степенью самостоятельного голоса в семейной жизни молодых, реже — определением пола первого ребенка: *женихова* сваха вперед справлялась — «*На первую ночку Бог даст сыночка*». В зависимости от бытующих примет в разных местах свахи старались либо ускорить свое дело, либо замедлить.

Заплетенные косы укладывались особым способом вокруг головы ото лба к затылку, на голову надевалась кичка — головной убор замужней женщины (иногда ее называли «шашмурой» (по Белослюдову)).

Кичка часто имела местные названия и формы. В Забайкалье *повседневную кичку* носят пожилые семейские женщины (староверы) и сегодня. Причем здесь она имеет разные понятия. Семейские, проживающие в Бурятии, *кичкой* называют особым способом сшитую *ермолку* — тонкую (чаще ситцевую) шапочку, облегающую голову, в которой надлобная часть была в виде тугого вертикально вытянутого узла. Поверх *кички* особым способом повязывается большой яркий разноцветный платок с кистями. Техника повязывания сложна, поэтому женщины нередко помогают друг другу. Поверх платка надевается «*круговик*» — венок из бумажных цветов.

Семейские женщины, живущие по р. Чикой (Читинская область), надевают на лоб «поя́ску» (белая повязка из полотна), расшитую речным жемчугом и украшенную завитыми перьями черного селезня (перья иногда красят). На нее надевается кокошник, сшитый из тафты («*прозумента*») и скроенный впереди в виде короны.

Дружка брал зеркало, что-то нашептывал над ним, подносил молодым посмотреться в него и «*полюбиться*», т.е. поцеловаться. После чего шаль с зеркалом уносили.

Обряд окручивания сопровождался песнями о потерянной девьей кра́соте. Это последний свадебный ритуал, где можно было петь о «*распроклятой бабьей кра́соте*», которая «*по подлавочью таскалася, отымалкой утиралася*», о «*черной схиме*», отнявшей у молодой девью кра́соту и волю, и о «*кикиболке*». Здесь позволялось еще причитать об окручивании:

Любезные мои свашеньки!
Как у вас взнеслись ручки белые
На мою буйну головушку,
На мою трубчату косу?
Вам Бог судья — не спасибо!

(Белослюдов, с. 12)

После *окручивания дружка*, обращаясь от имени матери, говорил молодым:

Ну, детки, поедайте,
Сильно наедайтесь.
Овин сушится, молотить пойдете.
Надо вас на подклеть вести да потрясти.

Затем молодых уводили в их спальню (подклеть) до утра, а в доме начинался настоящий пир, который в некоторых случаях продолжался несколько дней. В XX в. свадебный пир не воспринимался как обряд,

так как утратил обязательные действия и обрядовые песни. Дольше сохранялась роль *дружки* как главного распорядителя всей свадебной игры в доме молодого, хотя приговоры рано выпали из репертуара — записывались не везде и в основном в отрывках.

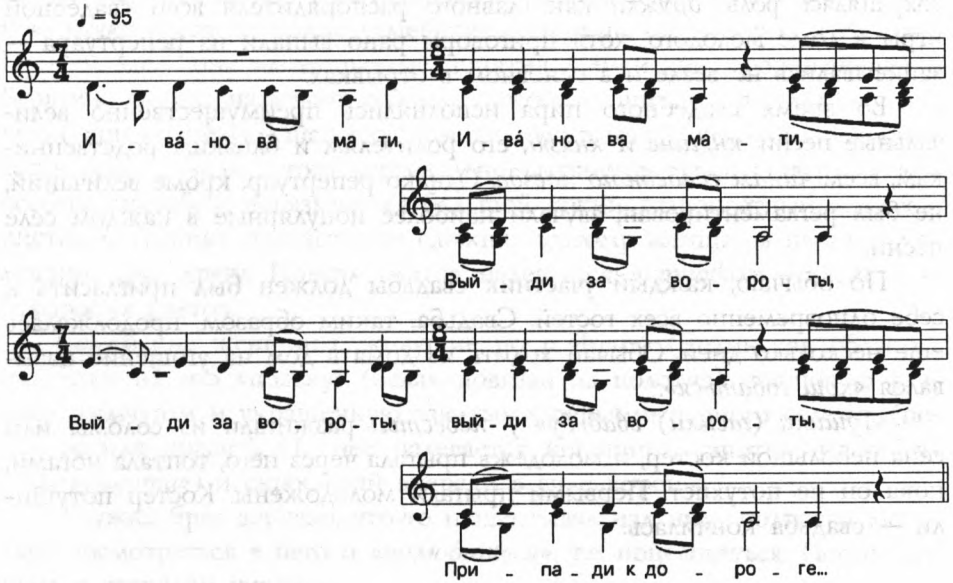
Во время свадебного пира исполнялись преимущественно величальные песни *княгине* и *князю*, его родителям и близким родственникам, всем *чинам свадебного поезда*. Однако репертуар, кроме величаний, не был регламентирован, звучали наиболее популярные в каждом селе песни.

По обычаю, каждый участник свадьбы должен был пригласить к себе одновременно всех гостей. Свадьба, таким образом, продолжалась еще несколько дней. Обычай ходить из дома в дом на угощение назывался «*кош говаться*».

«*Тушили* (*гасили*) *свадьбу*» у *невесты*: разжигали из соломы или сена небольшой костер, и молодежь прыгала через него, топтала ногами, пока он не потухнет. Первыми прыгали молодожены. Костер потушили — свадьба кончилась.

269

Родимый батюшка!
Родима матушка!
Встречайте
Нашего князя молодого
Среди двора широкого,
Заводите нашего
Князя молодого
Во нову светлу светлицу,
Во нову горницу.
Наш князь молодой
Со всем княжеским поездом
Ездил во чисто поле,
Во широко раздолье
По белу лебедку,
По красну девицу.
Красну девицу взял,
В Божью церковь заехал:
Под злат венец вставал,
Закон Божий принимал.

270

Ива́нова мати, Ива́нова мати,
Выйди за вороты,
Выйди за вороты, выйди за вороты,
Припади к дороге,
Припади к дороге, припади к дороге,
Припади, послушай,
Чей сын-сокол едет, чей сын-сокол едет,
Вязет соколицу,
Вязет соколицу, вязет соколицу,
В доме домовницу,
В доме домовницу, в доме домовницу,
Во кути стряпницу,
Во кути стряпницу, во кути стряпницу,
В поле работни́цу,
В поле работни́цу, в поле работни́цу,
На реке мытни́цу.

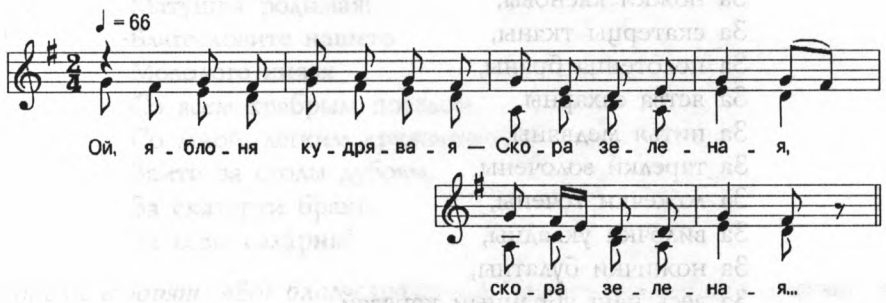
271

Санки, вы саночки,
Из Москвы пошевёночки!
Кого буду в саночках возить,

Кого в пошевёночках?
В саночках-то девицу;
На запятках ли удалой молодец
Терентьюшко за возжи брал
Федосеевич за шелковые,
Подъезжает ко широкому двору,
Вызывает свою мать родну:
— Пойди-выйди, мамонька,
Пойди-выйди, родимая,
Я привез тебе заменушку,
Дорогую, любу гостейку,
Себе верную хозяюшку,
Степанидушку свет Семеновну.

272

Ты встречай, родная матушка,
Веселися и радуйся:
Тебе Бог дает невестушку
Да вековечную заменушку,
Говорливую, забавливую,
Сундучливую, талан(т)ливую.
Сундуки-то всё окованные,
В сундуках-то платья цветные,
Кольца ясные серебряные,
Светлым жемчугом осыпанные,
Да золотой казны несметное число.

273

Ой, яблоня кудрявая —
Скора зеленая, скора зеленая.
Ой, Аннушка Васильевна —

Скора молодая, скора молодая.
Она мимо шла, мимо яблони,
Скору колупала, скору колупала.
[О]на скору колупала, [о]на скору колупала,
Золото снимала, золото снимала.
Она тем золотом, она тем золотом
Ковер вышивала, ковер вышивала.
Она тем ковром, она тем ковром
Коня одевала, коня одевала.
Она тем конем, она тем конем
Свекора дарила, свекора дарила.
— Ой, свекор мой, ты мой батюшка,
Прими мои дары, прими мои дары.
Мои дары, мои дары —
Дары небольшие, дары небольшие.
Мои ковры, мои ковры —
Ковры расшивные, ковры расшивные.

274

Благослови меня,
Хозяин-господин,
Хозяюшка-госпожа,
Тысяцкий-господин,
Бояра-господа
За посад зайти,
За святы иконы,
За столы дубовы,
За ножки кленовы,
За скатерцы тканы,
За полотенца браны,
За яства сахарны,
За питья медвяны,
За тарелки золочены,
За ложечки точены,
За вилочки укладны,
За ножички булатны,
За весь наш убранный каравай.

Режет хлеб:

Хлеба надрушать,
Соли надкушать,

Гусей-лебедей
По частям разнять,
По гостям раздать.

275

Благословляются братцы —
Большие бороды,
Умные головы,
Старые старички —
Седые бороды,
Старые старушки —
Золотые наушки,
Удалы молодцы —
Шелковы... <*неразб.*>...
Молоды молодки —
Гладеньки головки,
Красны девицы —
Пирожны мастерицы,
Маленьки девóчки —
Красненьки чулочки,
Маленьки ребятки —
Черненьки пятки,
Кутные запешны соплячки,
Кум, кума и род-племя.

276

— Батюшка родимый,
Матушка родимая!
Благословите нашего
Молодого князя
Со всем храбрым поездом,
Со мной, легким дружéнькой,
Зайти за столы дубовы,
За скатерти браны,
За есвы сахáрны!

Родители говорят: «*Бог благословит*», и *дружка усаживает поезжан за стол, после чего вновь обращается к родителям невесты*:

— Батюшка родимый
И матушка родима!

Просит наш молодой князь
Молодую княгиню
За един стол
Хлеба-соли кушать.

Сваха берет невесту за руку и ведет за стол к жениху. Дружка ведет свою линию и вновь начинает:

— Батюшка родимый,
Матушка родима!
Прошу покорно указать,
Кто родом выше,
Сердцу ближе —
Зелена вина подать,
Гостей угостить,
Чтоб веселей поговорить.

277

Дружка берется за скобу двери, приоткрывает ее и с силой захлопывает, затем, стуча в дверь, произносит три раза: «Во имя Отца и Сына..» Из-за двери отвечают: «Аминь». Дружка наговаривает:

Спасибо на амине,
На добром слове,
На благородном доме.

Берется за ручку двери:

Беру я, княжóй дружка,
Двери за скобы
И отпираю широки двери нá пяту.

Отворяет дверь:

Двери отворяются,
Замки размыкаются,
Цветны сукна расстилаются.
Шел я, княжой дружка,
Не по сукнам цветным,
А по медведным черным.
Не по медведным черным,
А по мелкому песку сыпучему.
Не по мелкому песку сыпучему,
А по ступеням княженецким.

На нашем-то новобрашном князе
Шаль коврова,
Шапка боброва,
Рукавички плисовы,
Гарусом вышиты,
Сапоги смазаны,
Подковки стальны,
Шаровары плисовы́,
Подкарманки ситцевы.

Перешагивает порог:

Идет дружка через порог,
Как ясен соколок.

Медленно подвигается к полатному брусу:

Нет ли копоти? —
Не замарать бы ло́поти.
Нет ли воды? —
Не подмочить бы сапоги.

Подходит под полатный брус:

Идет дружка под полатный брус,
Как под ракитов куст.

Выходит из-под бруса:

Идет дружка
Из-под полатного бруса,
Как из-под ракитова куста.
Иду я, княжой дружка,
Во светлую светлицу,
В деревянную горницу.
Во светлой светлице
Брусья точены,
Столы золочены,
Пол дубовый,
Окошки стеклянны.
Иду я, княжой дружка,
Со всем храбрым поездом:
С господином тысяцким,
Со боярином большим,
И с середним, меньшим,
И со мною, друженькой,

И с полудружьем,
И с повозничком.

Заходит за накрытый стол:

Захожу я, дружка,
За столы дубовые.
У стола ножки точеные,
Столешницы золоченые,
Скатерти браные,
Вилочки булатные,
Ножички укладные,
И ествы саха́рные.
Аминь.

Дружка обводит молодых по солнцу вокруг стола, обращаясь к родителям жениха: «Благословляйте сесть на лавочку». Родители отвечают: «С Богом, садитесь». Все садятся, дружка снимает со стола рушники.

278

Спасибо на амине
И на добром слове.
Есть ли у нас на дому
Во честным пиру
Во новой горнице,
Во светлой светлице
У вашего чада
Отец родимый
И мать родима?
Как вы умели кормить-поить,
Так умейте благословить
Под святые иконы,
За столы дубовы,
За лавочки кленовы,
За скамеечки белобрусчатые,
За скатерти браны,
За полотенца тканы,
За есва сахарны,
За блюдья оловянны,
За вилочки стальны,
Черешочки виты

Нам белого хлеба порушити,
Княженецкого поезда покушати
С большим боярам,
С меньшим боярам,
Своим провожатым,
Дружка с полудружьем.
Бог благословит,
По Божьему повеленью,
По родительскому благословению.

279

Спасибо на амине,
На добром слове,
На благодатном доме.

Берется рукою за скобку двери:

Беру я, княжой дружка, двери за́ скобы
И отворяю широкие двери на́ пяты.

Отворяет дверь:

Широкие двери отпираются,
Золотые замки отмыкаются,
Серебряные крючья раздвигаются.
Передо мной, перед княжим дружкой,
Красные сукна расстилаются,
Мелкие желтые пески рассыпаются.
Иду я, княжой дружка,
Не по сукнам цветным —
По черным медведным,
Не по крученым коврам —
По крутым берегам,
Не по крутым берегам,
А по мелким желтым сыпучим пескам,
Не по мелким желтым сыпучим пескам,
А по княженецким ступеням.
Подо мной, под княжим дружкой,
Счелк не рвется,
Булат не гнется,
Чистое серебро не ржавеет.
Иду я, княжой дружка, через порог,
Как ясный соколок.

Ставит правую ногу на порог, крестит на нем столбцом три креста, затем перешагивает и медленно-медленно идет к столу, продолжая наговор:

Нет ли копоти,
Не замарать бы ло́поти,
Нет ли воды,
Не замочить бы ноги́.

В это время в избу постепенно входят молодые и остальные поезжане, все пока держатся близ порога, под полатями:

На нашем новобрашном князе
Шапка бобровая,
Шаль ковровая,
Рукавички плисовые,
Шуба енотовая,
Опояска счелковая,
Шаровары плисовые,
Подкарманья ситцевые,
Чулочки тафьяны,
Сапожки сафьяны,
Подковочки серебряны.
На нашей новобрашной княгине
Шубейка счелковая,
Полушалочка барховая,
Юбочка пуховая,
Чулочки полубеля́щаты,
Подвязки счелковы,
Чаблетики сафьяны,
Подковочки серебряны.
Иду я, княжой дружка,
Под полатной брус,
Как под ракитов куст.
Ракитов куст нагибается —
У нашего новобрашного князя
И новобрашной княгини
Резвые ноженьки подсекаются.
Иду я, княжой дружка,
Из-под полатного бруса,
Как из-под ракитового куста,

Захожу я, княжой дружка,
В светлую светлицу,
Деревянную горницу.
Во светлой светлице,
Деревянной горнице
Брусья точены,
Стены золочены,
Потолок хрустальный,
Окошечки стеклянны,
Полики дубовы,
Столики точены,
Чашечки кленовы,
Ножечки булатны,
Вилочки укладны.
Стаю я, княжой дружка,
На показанное место,
Где Господь Бог показал,
С меньшим, с середним,
С большим боярами,
С господином тысяцким,
С новобрашным князем
И с новобрашной княгиней,
И со мною, дружкою,
И с полудружьем,
И со свашенькой,
Со повойничком,
Со всем полком,
Храбрым поездом.
Аминь.

280

За дубовые столы,
За набраные,
Сяли на сосновы скамьи
Гости званые.
На столах много
Кур, гусей жареных,
Пирогов, ветчины
Блюда полные,

Бухармой кисеей
Принакрытые.
Хозяюшка сама
Черноброва была,
Обходила по гостям
Поцелуями,
Обносила по рукам
Чару горькую,
А хозяин ея
С брагой хмельною,
Дочь хозяйска
С медом сыщатым.
Гости пьют, едят,
Забавляются,
От вечерней зари до полуночи...
По селу петухи
Перекликнулись,
Позатих разговор
В теплой горенке.
Аминь.

281

Спасибо на амине,
На добром слове,
На благословенном деле.
Берет дружко за скобу,
Отворяет широкие двери —
Замки размыкаются,
Двери растворяются,
Сукна расстилаются.

Он идет по соломе или по половику:

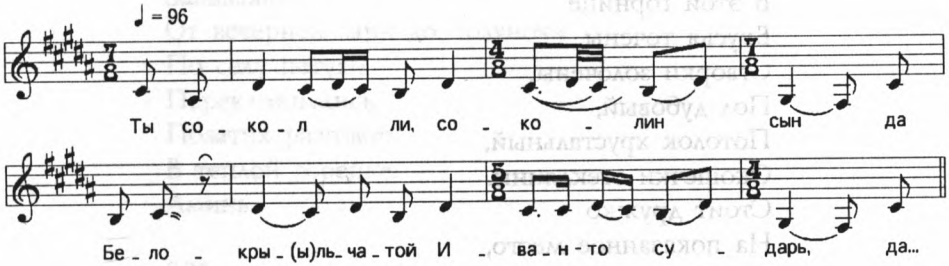
Шел я, дружко,
Не по сукнам цветным.
Шел я, дружко,
По медведным черным.
Шел я, дружко,
По мелкому песку сыпучему,
По ступеням княженецким.

Идет дружка через порог
Как ясный соколок.
Идет дружка под полатный брус
Как под ракитный брус.
Шел я, дружко,
Из-под полатного брусу
Как из-под ракитного кусту.
Нет ли копоти —
Не замарать ли лопоти.
Нету ли воды —
Не замочить бы ноги́.
Идет дружка во светлую светлицу,
В деревянную горницу.
В этой горнице
Брусья точены,
Створки золочены,
Пол дубовый,
Потолок хрустальный,
Окошечки стеклянны.
Стоит дружко
На показанное место,
Где Господь Бог показал,
С нашим новобрашным князем,
С княгиней молодой,
С тысяцким господином,
С боярином большим,
С середним и с меньшим,
Со мной, дружкой,
И с полудружьем,
Со свашенькой, с повозничком,
С запятничком —
Со своим полком дорогим,
Храбрым поездом.

282

У нас во дому,
Во чес(т)ном пиру,
Во новой горнице,
Во светлой светлице

У наших новобрашных
Есть ли отец родимый
И мать родима?
Как умели поить-кормить,
Под злат венец стать,
Закон Божий принять,
Благословите у нашей молодой
Русы волосы разделить,
Русы косы расплести,
Косоплеточки вплести,
В бозументик нарядить.

283

Ты сокол ли, соколин сын да
Белокрыльчатой Иван-то сударь да
Белокрыльчатой Василич-[т]о сударь да!
Он гулял да погуливал, да
Он летал да полетывал, да
Залетал сокол в высокой терем, да
Что повыше всех, ко Аннушке, да
Что повыше всех, ко Ондреёвне, да
Он садился за дубовые столы, да
Он за скатерти за браныя, да
За еду-питью медяную.
Он брал ее за правую руку да
За нее перстни злоченыя.
Он повел ее к злотому венцу, да
Ко злату венцу венчатися да
Золотым перстням менятися, да
От злата венца ко батюшке, да:

— Уж ты, батюшко, батюшко, да
Хорошо ли тебе снохушка, да
Сноха, белая лебедушка, да
По тебе жо чадо милое, да
По тебе жо богоданное?

284

Уж как на море, на морюшке,
На горючем серым камушке,
На горючем серым камушке
Селяженя русы косы вьет.
Селяженя русы косы вьет,
Серая утица полощется.
Серая утица полощется,
Красная девица хорошится.
Красная девица хорошится.
Хорошила буйную голову,
Хорошила буйную голову
Что под чернаю кикимору,
Что под чернаю кикимору.
По подлавицей валялася.
По подлавицей валялася,
На пячи в углу таскалася.
На пячи в углу таскалася,
На Катюшеньку досталася.
Хорошила белы рученьки
Под тяжелую работушку,
Хорошила резвы ноженьки
Да под частую походочку.

285

Ох вы, улички, метитеся,
Да городами становитеся,
Городами с пригородочками
Да теремами с теремочками.
Хороброй ездил Егор-господин
На добром своем на коне,
На любимом своем бахмаче.
Коня плеточкой постегивает,

От дорожки переворачивает,
Переворачивает ко теще ко двору,
Ко тещиному ко красному ко крыльцу,
Ко свояшням ко барыням,
К шуриякам ко белым шатрам.
Выходила его суженая:
— Уж не этот ли мой суженый
С золотым венцом отвенчанный,
С золотым перстнем обрученный.

286

Во дворе, во дворе,
Ивановом дворе
Вырастало кипарис-дерево.
Соезжалися как девять бояри,
Что десятый свет князь молодой.
Слеталися как девять соколей,
Что десятый цветно-белокрыльчатый.
Выходила тут Мария-госпожа,
Отвернула свой берчат она рукав,
Выносила чисто зеркальце.
Она мылася, белилася,
В чистом зеркальце смотрелася.
Увидала ясного сокола:
— Что не этот ли мой князь молодой,
Что не этот ли мой белокрыльчатый,
Что не этот ли мой суженый?

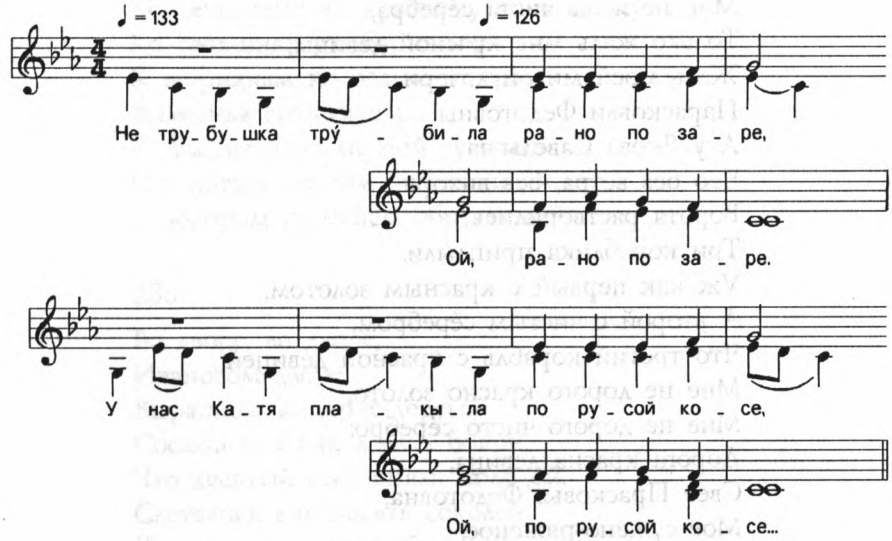
287

Разливалася вода вешняя
На луга на зеленые.
У Федота Дементьича
Ворота́ отворилися
Что без ветру, без вихоря.
Три кораблика уплыли:
Первы́й корабль с красным золотом,
Вторы́й корабль с чистым се́ребром,
А третий корабль с красной девицей.

— Как не жаль мне золотой казны,
Мне не жаль чиста се́ребра,
Только жаль мне красной девицы,
Жаль моей милой дочери
Парасковьи Федотовны!
А у Якова Савельича
Что без ветра, без вихоря
Ворота растворилися.
Три кораблика приплыли:
Уж как первый с красным золотом,
А второй с чистым се́ребром,
Что третий корабль с красной девицей.
Мне не дорого красно золото,
Мне не дорого чисто се́ребро:
Дорога красна девица,
Свет Прасковья Федотовна,
Мое сужено-ряженое.

288

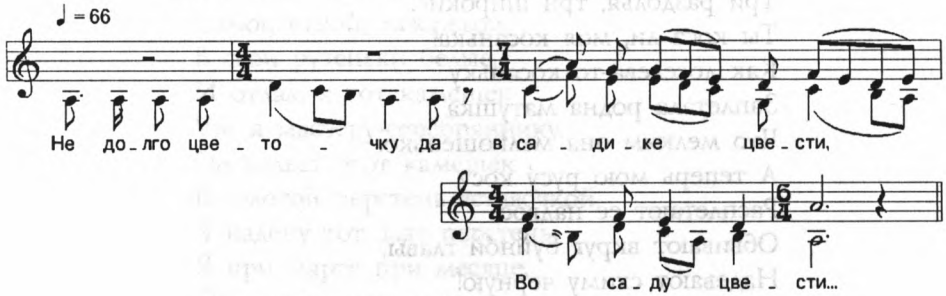
Из-за горы ясны соколы летят
Белокрыльчатые.
Рядом, рядом боярá едут,
Бережно, бережно колымагу везут.
В этой колымаге, в той колымаге —
Красна девица, дочь отецкая
Свет-душа да Мареюшка
Свет-душа Адреяновна.
Шел, припадал Микулай-восподин,
Микулай-восподин свет Никитович.
— Свечка-душа да Марея моя
Да Адреяновна моя,
Что дары везешь, моего батюшку даришь?
— Я дары везу — добра коня веду,
Добра коня виноходова.
— Свет-душа да Марея моя
Да Адреяновна моя.
Что дары везешь, мою матушку даришь?
— Я дары везу — да я шубу несу,
Го́лью шубу соболиную.

289

Не трубушка тру́била рано по заре,
Он, рано по заре.
У нас Катя плакыла по русой косе,
Ой, по русой косе.
Мне бы ли мою косыньку мамонька плела,
Ой, мамонька плела.
Ня земчугом русыю перевила,
Ой, перевила.
Приехыла свашенька нямилостлива,
Ой, нямилостлива.
Стала мою косынку и рвать, и мятать,
Ой, и рвать, и мятать.
И рвать, и мятать, надвыя дялить,
Ой, надвыя дялить.

290

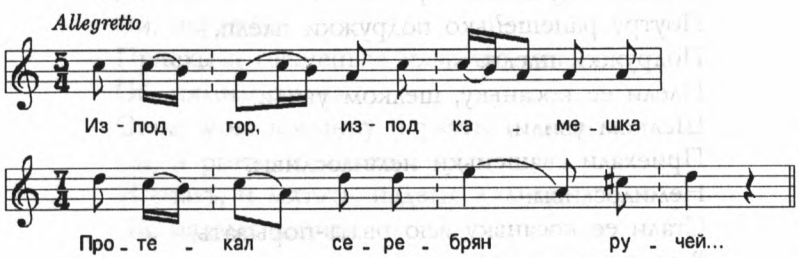
Затрубили трубоньки рано на заре,
Рано на заре.
Заплакала наша Настенька об русой косе,
Об русой косе.
Вчера мою косоньку подружки плели,
Подружки плели.

Приехала сватьюшка не добрая, злая, ох,
Не добрая, зла.
Стала мою косоньку на две расплетать,
На две расплетать.

291

Недолго цветочку да в садике цвести,
Во саду цвести.
Недолго нашей Катеньке в девушках сидеть,
В девушках сидеть.
Недолго Ивановне русу косу плесть,
Русу косу плесть.
Во субботу вечером мать косу плела,
Мать косу плела.
Плела ее косаньку, слезми улила,
Слезми (й)улила.
Поутру ранешенько подружки плели,
Подружки плели.
Плели ее косаньку, шелком увили,
Шелком увили.
Приехали свашеньки немилосливы,
Немилосливы.
Стали ее косаньку всю рвать-порывать,
Всю рвать-порывать.
Стали ее русую на две разделять,
На две разделять.
Разделили косаньку на две стороны,
На две стороны.
Положили русую поверх головы,
Поверх головы.

292

Семена ли, мои се́мена,
Семена мои сахарные!
Вас немного было сеяно —
Уж как много уродилося,
Три раздолья, три широкие!
Ты коса ли, моя косанька!
Как доселева-то косаньку
Заплетала родна матушка
Что мелким она мелкошенько.
А теперь мою русу́ косу
Расплетают ее надвое,
Обвивают вкруг буйно́й главы,
Надевают схиму черную!
Мне не снять ее, не сбросити
Что от младости до старости,
До седого бела волоса.
Как доселе схима черная
По дворам она валялася,
По подлавочью таскалася.
А теперь-то схима черная
Она мне-то пригодилася —
На мою буйну головушку!

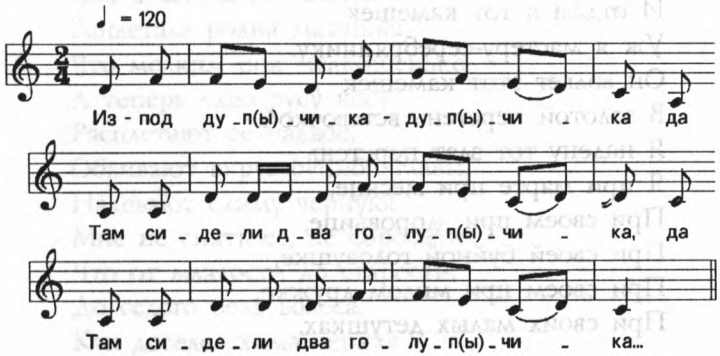
293

Из-под гор, из-под камешка
Протекал серебрян ручей.
По тому ручью серебряному
Тут ходила, тут гуляла
Молодая молодушка —
Что княгинина свашенька.

Она ходила, она искала
Самоцветного камешка,
Самоцветно-лазоревого:
— Уж я где найду камешек
Самоцветной, лазоревой,
Я возьму этот камешек,
Самоцветной, лазоревой,
В свои рученьки белые.
И отдам я тот камешек
Уж я мастеру-серебряннику.
Он вольет этот камешек
В золотой перстень вставочкой.
Я надену тот злат перстень
Я при марте при месяце,
При своем при здоровьице,
При своей буйной головушке,
При своем при милом дружке,
При своих малых детушках.

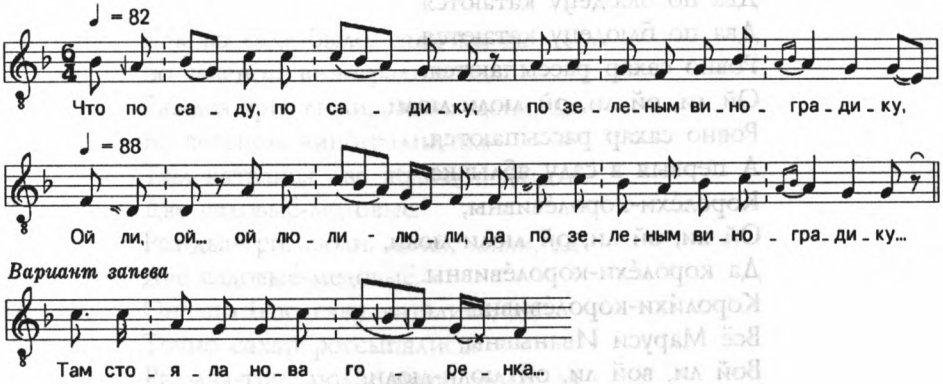
294

Девица, красное солнышко,
За красным за солнцем
Светел месяц.
За светлым за месяцем
Часты звезды,
За частыми звездами
Буйны ветры,
За буйными ветрами
Заря утрення,
За утренней зарею
Да вечерняя заря.
Красное-то солнце —
У нас князь молодой
Свет сударь Николай
Да сын Иванович.
Месяц-то светел —
Храбрый друженько;
Часты-то звезды —
Да у нас тысяцкой,

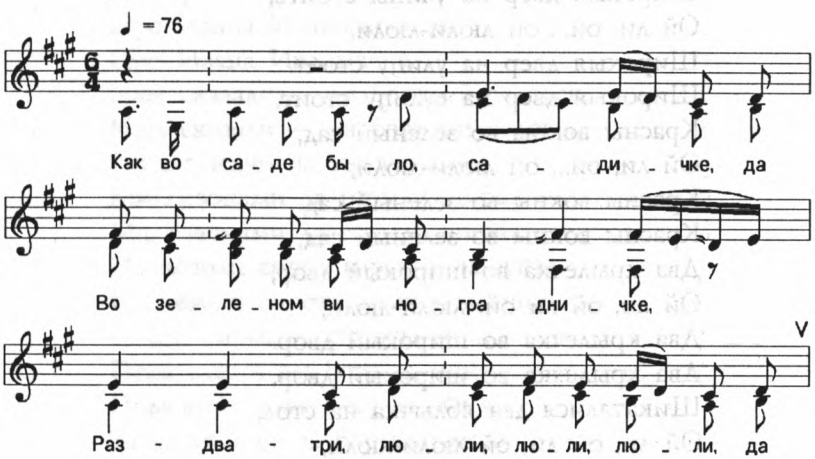
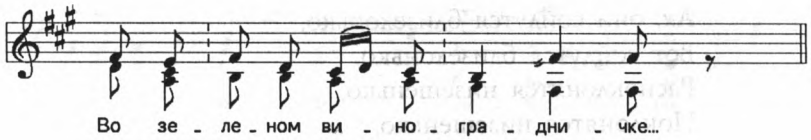
Буйны-то ветры —
Храбрый поезд весь,
Утренняя зорька —
Княжа свашенька,
Вечерняя зорька —
Княгинина свашенька.

295

Из-под дуп(ы)чика-дуп(ы)чика да
Там сидели два голуп(ы)чика, да
Там сидели два голуп(ы)чика,
Оне промеж себя речи говорят.
Оне промеж себя речи говорят
Всё про добрыва молыдца, да
Всё про добрыва молыдца да
Про Ивана Иванывича, да
Про Ивана Иванывича.
Нам сказали — он богатый человек,
Нам сказали — он богатый человек,
Он с тысячи на тысячу имел,
Милливонами да горыду шиба́л
Милливонами да горыду шиба́л
Из неволи сирот горьких выкупал.
Из неволи сирот горьких выкупал:
— Вы, сиротки, сироты мои,
Помолитеся вы Богу за меня.
Помолитеся вы Богу за меня,
За меня, еще за барыню мою,

За меня, еще за барыню мою,
За Лександру Иванывну.

296

Что по саду, по садику,
По зеленым виноградику,
Ой ли, ой... ой люли-люли,
Да по зеленым виноградику.
Там стояла нова горенка,
Нова горенка-хороменка.
Ой ли, ой... ой люли-люли,
Да нова горенка-хороменка.
Нова горенка-хороменка,
Широкыя двер на улицы стоить,
Ой ли, ой... ой люли-люли,
Широкыя двер на улицу стоит.
Широкыя двер на вулицу стоит,
Красны вокны во зеленый сад,
Ой ли, ой... ой люли-люли,
Красны вокны во зеленый сад.
Красны вокны во зеленый сад,
Два крылечка во широкый двор,
Ой ли, ой ли ой, люли-люли,
Два крылечка во широкый двор.
Два крылечка во широкый двор,
Щикатался два яблычка на стол,
Ой ли, ой ли, ой люли-люли,

Щикатался два яблычка на стол.
Два яблычка два садовыя,
Два по блюдецу катаются,
Ой ли, ой ли, ой люли-люли,
Два по блюдецу катаются.
Два по блюдецу катаются.
Ровно сахар рассыпаются,
Ой ли, ой ли, ой люли-люли,
Ровно сахар рассыпаются.
А первыя в саду яблычка
Королéхи-королéвивны,
Ой ли, ой ли, ой люли-люли,
Да королéхи-королéвивны.
Королúхи-королéвивны
Всё Маруси Иванывны,
Вой ли, вой ли, ой люли-люли,
Всё Маруси Ивановны.
А второя в саду яблычка
Королю-королевичу,
Ой ли, ой ли, ой люли-люли,
Королю-королевичу.
Королю-королевичу
Все Ивану Андреевичу,
Ой ли, ой ли, ой люли-люли,
Всё Ивану Андреевичу.

297

Как во саде было, садичке, да
Во зеленом виноградничке,
Раз-два-три, люли, люли, люли, да
Во зеленом виноградничке.
Там катался две яблочки, да
Две садовыё-медовыё.
Раз-два-три, люли, люли, люли, да
Две садовыё-медовыё.
Оне по блюдечку катался, да
Точно сахар россыпалися.
Раз-два-три, люли, люли, люли, да
Точно сахар россыпалися.
Уж как перва душа-яблочка — да
Леонид-то Димитриевич.
Раз-два-три, люли, люли, люли, да
Леонид-то Димитриевич.
А его-то душа-ягодка — да
Что Галина да Григорьёвна.
Раз-два-три, люли, люли, люли, да
Что Галина да Григорьёвна.

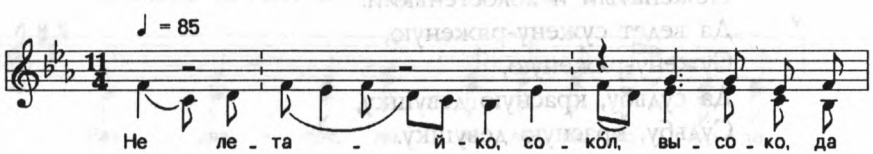
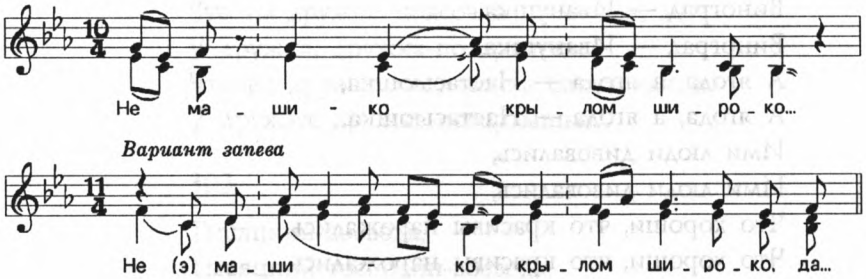
298

По горе-то идет конь вороной
Да головушкой поматывает,
Головушкой поматывает,
Золотой уздой набрякивает.
За конем идет удалый молодец,
Да он удалый-разудаленький,
Расхороший-прехорошенький,
Хороший-прехорошенький,
Неженатый и холостенький.
Да ведет сужену-ряженую,
Сужену-ряженую,
Да судьбу, красную девушку,
Судьбу, красную девушку.

Ах, они сойдутся близехонько,
Вот сойдутся близехонько,
Распоклонятся низешенько,
Поклонятся низешенько,
Ах, поцелуются милешенько.

299

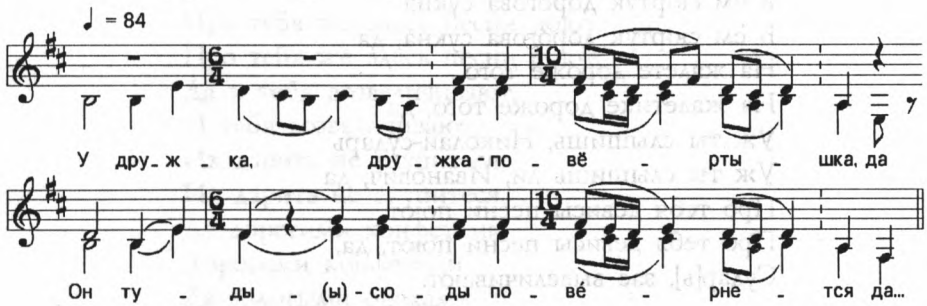
Ты летай, наш сокол, высоко,
Да ты маши же крылом широко,
Да ты маши же крылом широко.
Да где еще есть такой молодец,
Где еще есть такой молодец
Как Иван-то Иванович,
Как Иван-то Иванович?
Да лицо бело, как белый снег,
Лицо бело, как белый снег,
Щечки алы, как маковый цвет,
Щечки алы, как маковый цвет,
Да брови черны, черней соболя.
Брови черны, черней соболя.
На нем костюм дорогого сукна,
На нем костюм дорогого сукна,
Да а пальто и дороже того.
Но ты слышишь, не слышишь сюда,
Про тебя же здесь песни поют,
Про тебя же здесь песни поют,
Да и тебя возвеличивают,
И тебя возвеличивают.
Их дарить не скупитеся,
Их дарить не скупитеся,
Да дорогими конфетами,
Дорогими конфетами
Да золотыми орехами.

300

Не летай-ко сокóл, высоко, да
Не маши-ко крылом широко.
Не маши-ко крылом широко, да
У нас нету такого молодца.
У нас нету такого молодца да
Николая Ивановича.
Николая Ивановича, да
Что у нас-то такой молодес.
Что у нас-то такой молодес, да
Лисо бело, как белый снег.
Лисо бело, как белый снег, да
Щечки алы, как маков свет.
Щечки алы, как маков свет, да
Брови черны, черня соболя.
Брови черны, черня соболя, да
В ём сюртук дорогова сукна.
В ём сюртук дорогова сукна, да
На жалете дороже того.
На жалетике дороже того, да
Уж ты слышишь, Николай-сударь
Уж ты слышишь ли, Иванович, да
Про тебя девисы песни поют.
Про тебя девисы песни поют, да,
Сударь, вас вывеличивают.

301

Виноград расцветает,
Виноград расцветает,
А ягода, а ягода поспевает,
А ягода, а ягода поспевает.

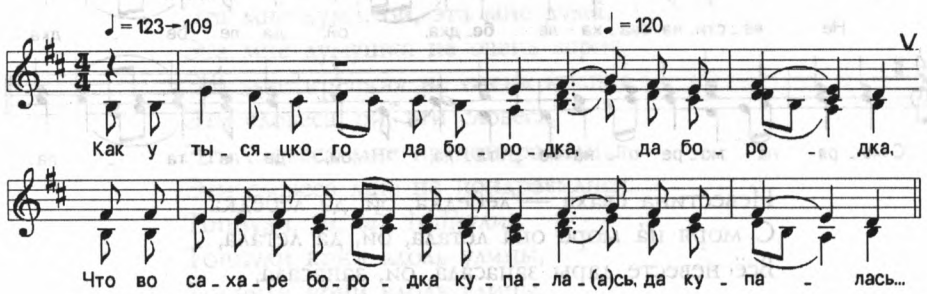
Виноград — Иванушка,
Виноград — Иванушка,
А ягода, а ягода — Настасьюшка,
А ягода, а ягода — Настасьюшка.
Ими люди дивовались,
Ими люди дивовались,
Что хороши, что красивы нарожались.
Что хороши, что красивы нарожались.
Не дивуйтеся, бояре,
Не дивуйтеся, бояре —
Будто сами таковыми не бывали,
Будто сами таковыми не бывали.
Сойдутся — поцелуются,
Сойдутся — поцелуются,
Разойдутся, разойдутся — поклонются,
Разойдутся, разойдутся — поклонются.
Еще вежливыми поговорами,
Еще вежливыми поговорами.
Виноград расцветает,
Виноград расцветает,
А ягода, а ягода поспевает.
А ягода, а ягода поспевает.

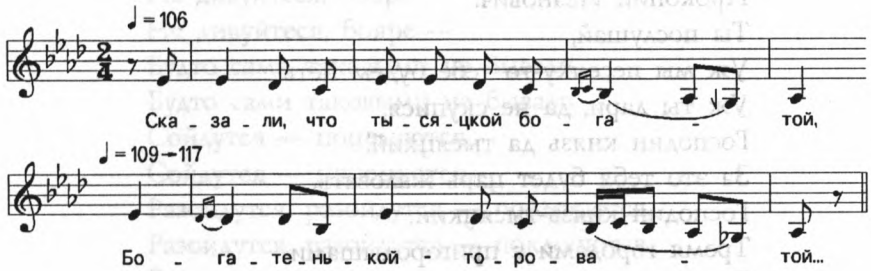
302

У дружка, дружка-повёртышка, да
Он туды-сюды пове́рнется да
Во все стороны поклонится.
Что на дружке сапожки сафьяненькие, да
У дружка, дружка-повёртышка.

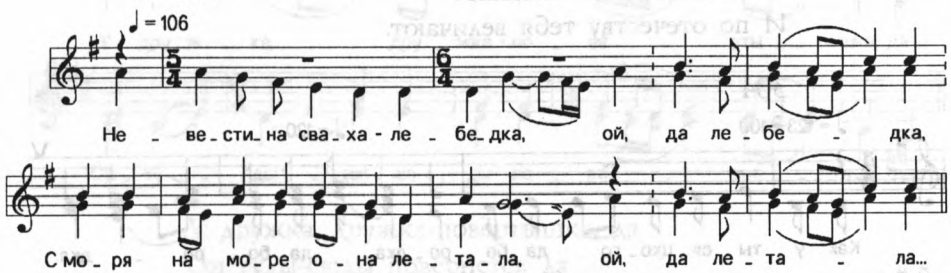
Что на дружке поясочка шелковая, да
У дружка, дружка-повёртышка.
Что на дружке поддевочка бархатная, да
У дружка, дружка-повёртышка...

303

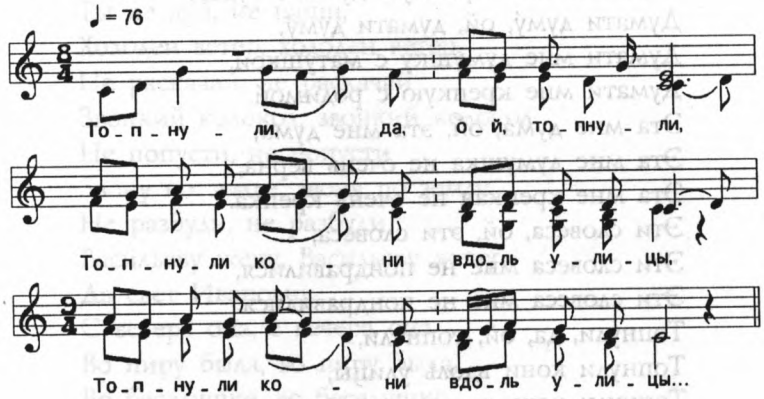
Тысяцкий-воевода,
Тысяцкий господин-воевода,
Прокопий Иванович!
Ты послушай,
Уж мы песенку-то тебе будем петь!
Уж ты дари, да не скупися,
Господин князь да тысяцкий!
За это тебя будет царь жаловать,
Господин князь-тысяцкий,
Тремя городами с пригородышами,
Тремя теремами с притеремышами!
Князь-тысяцкий, дари, да не скупися,
Ты дари золотой гривной.
Уж будут тебе девушки песни петь,
Шестьдесят будет девиц со девицею,
Семьдесят молодок с молодицею,
А ты дари все, не скупися!
Уж, княже-тысяцкий, ты послушай,
Песенки тебе поют и честь тебе воздают.
Князь-тысяцкий, ты послушай —
По имени тебя называют
И по отечеству тебя величают.

304

Как у тысяцкого да бородка, да бородка,
Что во сахаре бородка купалась, да купалась,
В винограде бородка сушилась, да сушилась
Да такою тафтою утиралась, утиралась,
Да такою тафтою — белым платом, белым платом,
Как Ивану-то в пояс снаряжалась, да снаряжалась,
Как Васильевичу да сподоблялась, да сподоблялась.

305

Сказали, что тысяцкой богатой,
Богатенькой-тороватой.
Он с гривны на гривну ступаёт,
Рублем ворота отпираёт,
Полуторьмя запираёт.
Да чо же к нам тысяцкой долго в куть нейдет,
Да чо же невесте дары не несет?
Пряничков не едали,
Пива-вина не пивали.

306

Невестина сваха — лебедка, ой, да лебедка,
С моря на́ море она летала, ой, да летала,
Всё невесте дары запасала, ой, запасала,

На дальнем море полоскала, ой, полоскала,
На горючем камне колотила, ой, колотила,
На красным солнушке сушила, ой, да сушила,
Все во свашеньки поспешила.

307

Топнули, да, ой, топнули,
Топнули кони вдоль улицы,
Топнули кони вдоль улицы.
Вздрогнуло, да, ой, вздрогнуло,
Вздрогнуло сердце у Марьи в душе
Вздрогнуло сердце у Ивановны:
— С кем-то мне, ой, о кем-то мне,
С кем-то мне думушку думати будет,
С кем-то мне крепкую думати будет?
Думати думу́, ой, думати думу́,
Думати мне думушку с батюшкой,
Думати мне крепкую с родимым.
Эта мне дума́, ой, эта мне дума́,
Эта мне думушка не очень верна,
Эта мне крепкая не очень крепка.
Эти словеса, ой, эти словеса,
Эти словеса мне не пондравилися,
Эти словеса мне не пондравилися.
Топнули, да, ой, топнули,
Топнули кони вдоль улицы,
Топнули кони вдоль улицы.

Вздрогнуло, да, ой, вздрогнуло,
Вздрогнуло сердце у Марьи в душе
Вздрогнуло сердце у Ивановны:
— С кем-то мне, ой, с кем-то мне,
С кем-то мне думушку думати будет,
С кем-то мне крепкую думати будет?
Думати думу́, ой, думати думу́,
Думати мне думушку с матушкой,
Думати мне крепкую с родимой.
Эта мне дума́, ой, эта мне дума́,
Эта мне думушка не очень верна,
Эта мне крепкая не очень крепка.
Эти словеса, ой, эти словеса,
Эти словеса мне не пондравилися,
Эти словеса мне не пондравилися.
Топнули, да, ой, топнули,
Топнули кони вдоль улицы,
Топнули кони вдоль улицы.
Вздрогнуло, да, ой, вздрогнуло,
Вздрогнуло сердце у Марьи в душе
Вздрогнуло сердце у Ивановны:
— С кем-то мне, ой, с кем-то мне,
С кем-то мне думушку думати будет,
С кем-то мне крепкую думати будет?
Думати думу́, ой, думати думу́,
Думати думу́ с душой Ванечкой,
Думати думу́ со милым дружком.
Эта мне дума́, ой, эта мне дума́,
Эта мне думушка очень верна,
Эта мне крепкая очень крепка.
Эти словеса, ой, эти словеса,
Эти словеса мне пондравилися,
Эти словеса мне пондравилися.

308

Благослови,
Хозяин-господин,
Пролубку долбить,
Каурку поить.

Расстилатся черна медведна
Поверх мездрой,
Ложится молода князиня
Поверх п[...]ой.

309

Ты не дуй, не паши,
Холоден ветер, холоден ветер,
Не раскачай, не раскачай
Звонкий колокол, звонкий колокол,
Не попусти, не попусти
Звону по земле, звону по земле,
Не разбуди, не разбуди
Васильеву жену, Васильеву жену
Да свет Ивановну.
С вечера она, с вечера она
Во пиру была, во пиру была,
Во беседушке, во беседушке.
В полночь она во палатушке была
Да в тесовую, да в тесовую.
К белу свету она сына принесла,
Сына принесла.
За то ее царь и пожаловал,
И пожаловал
Тремя городами тремя столбовыми,
Тремя городами тремя столбовыми:
В первом городу — трубы трубят,
Трубы трубят;
А в другом городу — тут пиво курят,
Пиво курят;
А в третьем городу — тут детей крестят,
Детей крестят.
Дадим сыну имя хорошее,
хорошее —
А мы звать будем его Николаем,
Николаем
Величать будем его Васильевичем,
Васильевичем.

310

Самойлы премудрого
Хороши были мастера.
Колокольну оне строили,
Высоко колокол по́дняли,
Трое в колокол ударили:
Первый колокол ударили —
На ту-то пору-времячко
(*Имя*) сына породила,
У ней сердце зрадовалося;
Второй колокол ударили —
Она сына вырастила;
Третий колокол ударили —
Она сына женить стала.

311

Стряпочка-сударушка,
Пожалуйте сюда:
Ножки с подходом,
Сапожки с подбором,
Ручки с подносом,
Голова с покорностью,
Язык с челобитьем.
Прими, стряпочка-сударушка,
Наш корабличек,
Налей чару добра
И выпей до дна.
Выпьешь до дна —
Увидишь добра,
А не выпьешь до дна —
Не увидишь добра.

312

Стряпченька-сударочка,
Дорогая боярочка,
Пироженная мастерица,
Касатая ласточка!
Есть и ноженьки — подойди,
Есть и крылушки — подлети,

Крылышки твои соколиные,
Перышки лебединые.
У меня, у дружки, борода с усами,
Голова с кудрями,
Руки с подносом,
Язык с приговором,
Кланяйтесь, бояре,
Чтоб пирог принесли.

313

— Тятенька родимый! —
Просит наш новобрачный князь
И легкий дружка с полудружьем, —
Изволь ковшик принять,
Из ковша мед выкушать.
Пей до дна на добро.
Мед да патока — винная ягода,
Голове — веселье,
Душе — на спасенье.
Кушай, родимый тятенька!

Часть вторая

ПОХОРОННАЯ ПРИЧЕТЬ

ПОХОРОННЫЕ И ПОМИНАЛЬНЫЕ ПРИЧИТАНИЯ*

Сибирь и Дальний Восток имеют давнюю и устойчивую традицию бытования причети, однако причитаний, по сравнению с другими жанрами, в собраниях фольклористов немного, так как осуществлять запись во время обряда практически невозможно по причинам этического порядка. В большинстве случаев плачи исполнялись вне ритуала по просьбе собирателей. В первых публикациях, относящихся к XIX — началу XX в., обычно речь идет о поминальных плачах, которые звучали на Радуницу, в Родительскую субботу и в другие дни поминовения умерших[1]. На наш взгляд, наличие голошения в поминальные дни народного календаря является убедительным подтверждением существования в тех же местах похоронных причитаний.

Одно из первых описаний голошения по покойнику находим у Е. Авдеевой: «Прежде жена и дети непременно должны были сидеть при теле усопшего и причитать со слезами, высчитывая все добрые качества его. Если кто не соблюдал этого, то говорили, что рады и не жалеют о смерти его; надобно было, если нет слез, закрыть глаза платком, положить голову на стол и приговаривать»[2].

---

* Содержание статьи впервые опубликовано: *Фетисова Л.Е.* Похоронные причитания в Сибири и на Дальнем Востоке // Национальные традиции в культуре народов Дальнего Востока. — Владивосток, 1987. — С. 17—84.

[1] *Авдеева Е.А.* Записи и замечания о Сибири: Сочинение ...ы ...ой с приложением старинных русских песен. — М., 1937; *Виноградов Г.* Материалы для народного календаря русского старожилого населения Сибири. Восточная Сибирь. Тулунская волость. Нижнеудинский уезд. Иркутская губерния. — Иркутск, 1918; *Кашин Н.И.* Празднества и забавы приаргунцев // Вестн. Имп. РГО. — 1858. — Ч. 24. — № 10. — С. 9—24; *Семивский Н.В.* Новейшие любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири, из чего много данных не было всем известно. — СПб., 1817.

[2] *Авдеева Е.А.* Записки и замечания... — С. 27.

В 1922 г. вышла в свет книга М.К. Азадовского «Ленские причитания», которая до настоящего времени остается наиболее полным обобщающим трудом о сибирской традиции голошения. Обстоятельная вступительная статья включает и наблюдения ученого на Амуре. К сожалению, дальневосточные материалы М.К. Азадовского не сохранились, но одно из причитаний казачки Шестаковой, записанное на фонограф и переданное в Славянский отдел библиотеки Академии наук, было включено исследователем в сибирский сборник[3].

Некоторые положения ученого, не получившие должного отклика в свое время, находят поддержку в материалах современных исследователей[4]. В частности, М.К. Азадовский справедливо писал, что в Ирине Федосовой не следует видеть хранительницу древней причети, ибо в летописях и других источниках нет параллелей ее плачам: к ней «можно подходить только как к выдающемуся индивидуальному художнику»[5]. Об этом же свидетельствуют и материалы, записанные в Приморском крае в 1920-х гг. А. Соколовой[6] и А.П. Георгиевским[7].

Несмотря на отмечаемое в целом угасание, традиция голошения, отдельные записи причитаний производились и в последние десятилетия фольклористами Сибири и Дальнего Востока: Т.Г. Леоновой, М.Н. Мельниковым, Н.В. Леоновой, Р.П. Матвеевой, Л.Е. Фетисовой, Л.М. Свиридовой и др., однако специальных исследований, посвященных этому жанру нет, за исключением нескольких статей[8] (см. доп. II).

Сибирская традиция имеет свою специфику, отличаясь как от северно-русской, так и от южно-русской, хотя по ряду параметров тяготеет к последней. Так, в восточной традиции, как и в южной, не существовало наемных, «профессиональных» вопленицы, несмотря на то, что до сих пор встречаются любительницы причитывать над чужими покойниками. Исследователи южно-русского фольклора — Н.Я. Никифоровский, В. Данилов, Д. Успенский — обращали внимание на обязательность для каждой женщины умения причитывать. Д. Успенский в связи с этим напоминал поговорку: «Беда пришла — сама причеть

---

[3] *Азадовский М.К.* Ленские причитания. — Чита, 1922. — С. 24—25.

[4] *Чистов К.В.* Причитания у славянских и финно-угорских народов: Некоторые итоги и проблемы // Обряды и обрядовый фольклор. — М.: Наука, 1982. — С. 103—104.

[5] *Азадовский М.К.* Ленские причитания... — С. 13—14.

[6] *Соколова А.* Материалы для изучения партизанской поэзии: (Песни и причитания) // Сиб. живая старина. — 1926. — Вып. 1 (V). — С. 159—162.

[7] *Георгиевский А.П.* Русские на Дальнем Востоке: Фольклорно-диалектологический очерк. — Вып. IV: Фольклор Приморья. — Владивосток, 1929.— (Тр. ГДУ; сер. III, № 9).

[8] *Фетисова Л.Е.* Похоронные причитания...

нашла»[9]. М.К. Азадовский сообщал, что причитать должна уметь каждая: «Несоблюдение этого обряда считается неприличием»[10]. Н. Хандзинский подтверждал, что в 1920-х гг. в Сибири причитания оставались «жизнестойким» жанром. Они не только бытовали в семейной обстановке, но и переносились на близких и дальних родственников и знакомых. Не голосить по умершим считалось большим стыдом[11]. Аналогичные сведения находим в дальневосточных материалах А. Соколовой[12] и А.П. Георгиевского[13], относящихся к тому же периоду. Информанты из Приморского края сообщали в 1985 г., что и в настоящее время причитать умеют многие: «Как голóсят — волоса дыбом».

Похоронный обряд до сих пор сохраняет многие архаичные черты. Причитания в прошлом образовывали целый цикл, в котором последовательно отмечались основные этапы обряда: оповещение родных и соседей о смерти, обмывание покойника, внос гроба и положение тела в гроб, вынос со двора и движение к кладбищу, опускание гроба в могилу, засыпание землей и т.д.

Не все перечисленные моменты обязательно сопровождались голошением: существовали локальные различия в приуроченности причитаний. Так, не везде было принято приголашивать при обмывании покойника. С другой стороны, могли иметь место различия в самой процедуре похорон. Например, в Сибири по дороге к кладбищу было принято делать остановку у церкви. Этот момент сопровождался причитыванием. Данный эпизод настолько характерен для сибирской традиции, что вошел в устойчивую формулу описания проводов «*в дальну сторонушку*» (№ 333, 342). Для дальневосточной традиции этот момент нетипичен.

Оплакивание покойника происходило практически на протяжении всего обряда (хоронили, как правило, на третий день). Таким образом, сами плачи стали как бы опорными звеньями в структуре ритуала.

Похоронная обрядность сохранила двойственное отношение к смерти, что является рудиментом языческого сознания: с одной стороны, это естественное выражение горя, с другой — страх перед умершим, опасение, что он может принести вред живым. Отсюда необходимость соблю-

---

[9] *Успенский Д.И.* Похоронные причитания // Этнограф. обозрение. — 1892. — Кн. 13—14, № 2—3. — С. 102.

[10] *Азадовский М.К.* Ленские причитания... — С. 23.

[11] *Хандзинский Н.* «Покойнишный вой» по Ленине // Сиб. живая старина. — 1925. — Вып. 3—4. — С. 55.

[12] *Соколова А.* Материалы... — С. 160.

[13] *Георгиевский А.П.* Русские на Дальнем Востоке... — С. 47.

дения целого ряда запретов и выполнения действий охранительного порядка: не оставлять покойника одного, выносить ногами вперед, не задевая косяков и т.д. Стремлением уберечь вопленицу и других родственников порождены также многочисленные табу и эвфемизмы. В частности, в причети никогда не говорится «умерший» или «покойник», а употребляются термины родства, как правило, в ласкательной форме: «*батюшка*», «*матушка*», «*братец*», «*сыночек*»[14]. Получили распространение устойчивые метафорические замены некоторых слов. Например, о смерти мужа — опоры семьи — говорится: «*упорины мои подломилися*»... или «*отвалилася стена каменна*» (№ 341, 342).

В основу символики похоронных причитаний легли древнейшие представления о смерти, что неоднократно отмечалось исследователями[15]. Смерть мыслилась как жизнь в иных условиях, отсюда образ новой горницы, но без окон, без дверей. Смерть — отъезд на «тот свет». Это представление породило *мотив дороги*, на которой можно встретить ушедших ранее. Отсюда и *мотив передачи привета с покойным* (№ 351, 365). Традиционно душа представлялась в облике птицы, что также нашло воплощение в системе образности:

Полетел-то соколик-батюшко
Из своего-то гнездышка...
(№ 333)

Такие обращения, как «*голубушка*», «*лебедушка*», уже утратили свою «орнитологическую» символику, однако образ кукушки сохраняет связь с архаическими представлениями. В этом также проявляется близость восточной традиции к южной: на территории русско-белорусского пограничья до сих пор бытует необрядовое голошение с «кукушкой». Именно в кукушку, «по местным поверьям, переселяются души умерших»[16]. Вместе с тем восточную традицию отличает двойственное восприятие образа кукушки: с одной стороны, это посланец потустороннего мира, с другой — символ печали, т.е. образ самой плакальщицы (№ 338).

---

[14] *Чистов К.В.* Вступительная статья и примечания // Причитания. — Л.: Сов. писатель, 1960. — С. 12—13. — (Большая серия поэта).

[15] *Чистяков В.А.* Представления о дороге в загробный мир в русских похоронных причитаниях XIX—XX вв. // Обряды и обрядовый фольклор. — М.: Наука, 1982. — С. 114—127.

[16] *Разумовская Е.Н.* Плач с «кукушкой»: Традиционное необрядовое голошение русско-белорусского пограничья // Славянский и балканский фольклор: этногенетическая общность и типологические параллели. — М.: Наука, 1984. — С. 161—178.

В сложной гамме чувств, которую передает причеть, есть еще один мотив, уходящий в глубокую древность — *вера в могущество предков и покойников* вообще, надежда, что они окажут покровительство оставшимся на земле; особенно отчетливо он звучит в сиротских плачах, выходя за пределы похоронной обрядности. Не случайно в свадебном ритуале одним из устойчивых моментов долгое время было приглашение покойных родителей на «*сиротскую свадебку*». Этот плач-приглашение исполнялся на кладбище.

Промежуточное место между этими двумя видами семейно-обрядовой лирики — свадебной и похоронно-поминальной — занимают *необрядовые окказиональные причитания*, исполнявшиеся в тяжелых жизненных ситуациях (№ 366, 367). Обращение к покойным служило зачином, который давал возможность оплакать собственную нелегкую долю. А. Соколова, записавшая в 1926 г. причитания от 19-летней уроженки Приморья А.Л. Клиндух, сообщала: «Шура и сама причитывала и причитывает теперь, особенно когда вспоминает свою покойную мать»[17].

Народ наделил сироту эпитетом «*горе-горькая*», который так прочно вошел в обиход, что был перенесен на название самой сибирской причети: «*Затяну-ка я горе-горькую*». Для дальневосточной традиции, однако, это определение нехарактерно.

Относительно поздние представления с наибольшей отчетливостью нашли воплощение в картинах печальной участи семьи, оставшейся без кормильца, без работника. Вопленица обращалась с упреком к отцу, который оставил ее «сиротать-горевать»:

Ходить в нужде, в печалюшке,
Горькими слезьми умываться,
Ходить-то в ноготе-босоте...

(Азадовский, с. 85)

Описание горькой участи сирот непременно входило во вдовью причеть. *Мотив несбывшихся надежд, одинокой старости* стал сквозным в плачах родителей по сыну. Традиционным являлось *описание хозяйства, приходящего в запустение*:

Посмотрю на наше полюшко,
Как стоит оно не пахано.
Обрастет-то наше полюшко
Частым ерничком-березничком,
Горькой травой полынничкой...

(Азадовский, с. 92)

[17] *Соколова А.* Материалы... — С. 162.

«*Да тут тебе, одним словом, вся летня работа причитывается: пашню-то пахать некому, придет лето, некому работать... Так и воешь*», — говорила М.К. Азадовскому жительница с. Анга М.Г. Соколова[18].

М.К. Азадовский выделял в плаче три основных момента: упрек-вопрошение, описание горькой участи, мотив ожидания покойника с того света[19]. Соотношение и удельный вес названных эпизодов не оставались неизменными: наблюдалась общая тенденция к сокращению.

В ряде случаев словесные формулы, предписываемые ритуальным «этикетом», противоречили обрядовым действиям. Это противоречие особенно заметно в устойчивых мотивах, содержащих надежду на возвращение покойника и встречу с ним, тогда как обрядовые действия пронизаны стремлением проводить умершего и не дать ему возможности вернуться. Такое двойственное отношение к смерти отмечается и в настоящее время.

Наряду с символическими образами получили распространение реалистические оценки происходящего:

Собираются выносить тебя, мамынька,
Из дому, где ты так долго прожила...
(Доп. II, № 1)

Возможно изображение смерти как необратимого процесса: «*Прикипели ее уста сахарныя*» (№ 320).

Заметному сокращению подверглись *мотивы личной нужды*. Причитания, бытующие в наши дни, на первый план выдвигают *личность покойного*. Плакальщицы стараются по возможности показать особенности его характера, неповторимость судьбы. В плаче по сестре одна из исполнительниц причитала:

Вместо матушки ты нас воспитала,
Шестерёх малых всколыхала,
Жалеючи на ноги поднимала...
(№ 348)

Необходимость индивидуализации диктуется спецификой жанра: реализация каждой причети определяется конкретной ситуацией[20].

---

18 *Азадовский М.К.* Ленские причитания... — С. 95.

19 Там же. — С. 42—46.

20 *Васильев А.Г.* Композиционные особенности похоронных причитаний: (По материалам фольклорных экспедиций в Новгородскую область) // Из истории русской народной поэзии. — Л.: Наука. 1971. — С. 94—95.— (Русский фольклор; т. XII).

Столь же органично в содержание плача вписываются *картины хозяйственной деятельности.* Если для западных и южных районов страны это прежде всего земледелие, для русского Севера — рыбная ловля, то для Сибири, наряду с обработкой земли, это и сбор кедровых орехов (№ 361). К востоку от Урала лучше, чем на Западе, сохранились причитания по крестьянской кормилице — корове (№ 366, 367).

Несмотря на то, что использование устойчивых оборотов, готовых формул остается краеугольным камнем поэтики жанра, причеть постоянно дополняет копилку традиционных формул. В восточной традиции в условиях активных миграционных процессов устойчивый характер и особенно трагический оттенок приобрели *мотивы отсутствия близких при погребении и невозможности навещать родные могилы* (№ 323, 337, 364).

Соотношение традиционного и импровизационного бывает различным и зависит прежде всего от степени одаренности вопленицы. Ярко выраженное индивидуальное начало характеризует лучшие образцы русской северной причети. То же можно сказать о причитаниях в Сибири и на Дальнем Востоке.

В современных записях явственно ощущается влияние южных традиций, что проявляется в заметном тяготении к песенной норме и находит отражение в языке. Если в текстах ранней записи нередко встречалось *цоканье*[21], то теперь фольклористы фиксируют *якающие говоры* (№ 327), широкое распространение [γ] ([г] фрикативного) и т.д. В лексике обычными стали украинизмы типа «*робить*» (№ 345).

На поэтику причета в целом оказали воздействие различные жанры. На русском Севере это прежде всего развернутые эпические формы. Имеются наблюдения над включением в причеть заговорных формул[22]. Плачи по погибшим на войне, без сомнения, обнаруживают связь с солдатской лирикой, влияние детского фольклора прослеживается в причитаниях по малолетним детям (№ 360).

Современной традиции свойственно не только сокращение размеров причитания, но и одновременное использование формул, прежде приуроченных к разным моментам обряда[23]. Первая часть, представляющая собой упрек-вопрошение, была характерным началом причитаний в

---

[21] *Азадовский М.К.* Ленские причитания... — С. 101—102.

[22] *Еремина В.И.* Ритуал и фольклор. — Л.: Наука, 1991. — С. 68—69.

[23] *Аркин Е.Я.* Ты, березка моя: Народные песни Омской области. — Омск, 1987. — № 11.

доме, финальная — (содержащая обращение к стихиям) — обычно исполнялась на кладбище:

Да подуйте ж вы, ветры, с долины,
Да вы сдуйте пески те с могилы,
Да расколите все сосновы доски на крошки,
Да поставьте мою мамочку на ножки.

(№ 326)

По сравнению с сибирской традицией дальневосточная отличается меньшей зависимостью от типических формул и традиционных образов, большим тяготением к песенной поэтике (№ 360, 362), что обусловлено сравнительно поздним заселением данного региона, причем преимущественно из южных губерний России.

Многим вопленицам от природы присущи художественный вкус и чувство слога. Не превращаясь в «профессионалов», они тем не менее охотно исполняют плачи по *«чужим»* покойникам, удовлетворяя таким образом свою потребность в индивидуальном творчестве. «Между прочим, у Шестаковой ярко выраженное отношение к причету как к объекту эстетического наслаждения, — писал в свое время М.К. Азадовский. — Как-то она с восхищением рассказывала мне о причитаниях одной казачки: "Так причитывала, что я и не слыхивала. Чево только не перебрала — и все так складно было". Такого рода замечания приходилось мне, впрочем, слышать неоднократно и от других лиц, как на Амуре, так и на Лене»[24]. Аналогичные замечания находим и в записях других фольклористов[25]. К сказанному можно добавить, что многие из приводимых текстов представляют собой воспроизведение ранее слышанных плачей (№ 337, 360, 367).

Характерно, что исполнители хорошо подмечают различия в локальных манерах голошения. Например, в с. Бергуль Северного района Новосибирской области музыковеду Н.П. Скрягиной говорили: «В Северном совсем другое: только приговаривают тамо-ко... Слышь — ну вроде она так разговаривает. Ну, плачет, ну, слезы... А когда наши затянут (а тут старуха была наша деревенская), так все ревом»[26]. Приведенное замечание содержит аспект, который следует подчеркнуть еще раз: это оценка эстетической сущности причети, т.е. отношение к ней как к явлению искусства. Назначение причитаний — не только служить со-

[24] *Азадовский М.К.* Ленские причитания... — С. 26.

[25] *Хандзинский Н.* «Покойнишный вой»... — С. 58.

[26] *Фетисова Л.Е.* Похоронные причитания... — С. 82.

провождением ключевых моментов обряда, но и воздействовать на всех участников церемонии, вызывая внутреннее потрясение перед таинством смерти. Информанты Н.П. Скрягиной интуитивно ощущали, что одна из задач вопленицы — исторгнуть слезы у присутствующих.

Таким образом, с течением времени происходило известное отчуждение причети от ритуала, ее породившего, т.е. становление ее как собственно фольклорного жанра. Этот тезис подтверждается фактом существования свадебных, рекрутских и необрядовых причитаний, вторичных по отношению к похоронным. Более того, в окказиональных и рекрутских плачах не соблюдается одно из древнейших требований — запрет голосить по живому. Не исключено, что характерная инициальная формула бытовых причитаний — обращение к покойнику — представляет собой попытку обойти этот запрет.

В своей основе причитания являются прежде всего формой выражения личного горя. Наряду с этим на рубеже XIX—XX столетий наблюдалось стремление причети выйти за рамки индивидуальной и узкосемейной тематики. В годы Великой Отечественной войны форма причети также служила для выражения не только личной скорби, но и общего горя[27]. В наши дни сфера бытования причитаний заметно сузилась. Они вернулись к своим исконным функциям похоронных и поминальных заплачек, однако их устойчивость в народном быту свидетельствует о жизнеспособности жанра в целом.

Л.Е. Фетисова

---

[27] *Базанов В.* О социально-эстетической природе причитаний // Русская литература. — 1964. — № 4. — С. 77—104.

РУССКАЯ ПРИЧЕТЬ СИБИРИ КАК МУЗЫКАЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Музыкальные публикации похоронных причитаний русского населения Сибири и Дальнего Востока занимают весьма скромное место в региональных фольклорных изданиях. Единичные образцы этого сложнейшего как для носителей традиции, так и для собирателей фольклора жанра появились в 1920-е гг. в трудах Г.С. Виноградова и Н. Хандзинского[1]. Последующая практика никоим образом не изменила эту ситуацию, и в сборниках Н.К. Пархоменко, Е.Я. Аркина, В.Ф. Похабова, опубликованных в 1980—1990-х гг., мы обнаруживаем всего пять причитаний похоронно-поминального цикла[2].

Не дала значительных результатов и работа автора статьи в региональных архивах аудиозаписей[3]: немногим более десяти обнаруженных образцов вряд ли существенно изменят состояние источниковой базы для изучения похоронной традиции как музыкального явления. На этом

---

[1] *Виноградов Г.С.* Смерть и загробная жизнь в воззрениях старожилого населения Сибири. — Иркутск, 1924 (в нотном приложении — два похоронных плача: вопль «Ах, зачем же ты меня спокинула» и «Горе-горькая» из записей И.С. Хромовских в Куйтунском р-не Иркутской обл.); *Хандзинский Н.* «Покойнишный вой» по Ленине // Сибирская живая старина. — Иркутск, 1925. — Вып. 3—4. — С. 53—64 («Покойнишный вой» и «Горе-горькая» из записей В.В. Мокеева от Е. Перетолчиной).

[2] *Пархоменко Н.К.* Русские народные песни Томской области. — М.: Сов. композитор, 1985. — № 14 (помещен в разделе свадебных песен); *Аркин Е.Я.* Ты березка моя: Народные песни Омской области. — Омск, 1987. — № 10, 11; *Похабов В.Ф.* Песни Кийской слободы. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. — № 54, 55.

[3] *Архив* традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории; *Фонд* аудиозаписей Алтайского краевого центра фольклора и народных ремесел (г. Барнаул); *Фольклорный* архив Новосибирского государственного педагогического университета (ныне находится на хранении в Государственном архиве Новосибирской области. Фонд Мельникова); *Фольклорный* архив кафедры русской и зарубежной литературы Омского государственного педагогического университета.

фоне чрезвычайно перспективной представляется деятельность сотрудников Бурятского научного центра СО РАН, в течение последних лет проводящих планомерные полевые исследования причетной традиции в нескольких районах проживания староверов (семейских) Забайкалья[4].

В настоящее время традицию похоронного причитания в большинстве районов Сибири можно считать угасшей. Однако, если принять во внимание большое число наблюдений, фрагментарных записей, выполненных очевидцами и попавших на страницы различных изданий на протяжении XIX—XX вв., в прошлом традиция причитания в сибирском регионе имела вполне устойчивый характер. Опиралась ли она на практику наемных плакальщиц, какова была степень профессионализации этой области народной певческой культуры? Ответ на этот вопрос нелегко сформулировать с достаточной степенью определенности.

В свое время М.К. Азадовский, автор первой и доныне самой крупной работы о сибирских причитаниях, указывал на отсутствие в Сибири института профессиональных плакальщиц[5]. Это заключение не согласуется с наблюдениями собирателей последней трети XX в., работавших, в частности, в Забайкалье. Так, Н. Дорофеев сообщает, что «среди семейских были талантливые плакальщицы, которых приглашали на похороны в другие деревни»[6], что подтверждается информацией, полученной другими исследователями совсем недавно: «У семейских было принято на похоронах *голосить* (*приголашивать*), *причитать*. Обычно голосила жена или кто-нибудь из родни, если они не умели этого делать, то приглашали специальных плакальщиц (*голосу́х*)»[7]. По всей вероятности, речь идет об обрядовой практике разных локальных традиций региона, без изучения которых любые обобщения по этому вопросу во всесибирском масштабе будут преждевременными.

Имеющийся в распоряжении автора статьи нотный и аудиоматериал, относящийся преимущественно к поминальной причетной традиции, разнороден по музыкальным характеристикам. Значительное место за-

---

[4] Часть материалов этого исследования, подготовленная Т.И. Матвеевой, публикуется в Доп. II наст. изд.; см. также: *Матвеева Т.И.* Традиционное и эмоционально-импровизационное содержание похоронной причети семейских // Старообрядчество: История и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: Материалы III Междунар. конф., Улан-Удэ, 26—28 июня 2001 г. — Улан-Удэ, 2001. — С. 194—199.

[5] *Азадовский М.К.* Ленские причитания. — Чита, 1922. — С. 22.

[6] *Дорофеев Н.П.* Русские народные песни Забайкалья: Семейский распев. — М., 1989. — С. 12.

[7] *Юмсунова Т.Б., Майоров А.П.* Обряжение и проводы покойников у семейских Забайкалья // Живая старина. — 2000. — № 1. — С. 12.

нимают напевы с масштабным варьированием структуры, что является следствием их зависимости от словесного, весьма свободно организованного в ритмическом отношении, компонента причитания. Как правило, подобные мелодические формы с трудом поддаются систематизации и дают возможность разной группировки в зависимости от подхода к материалу.

Первоначальный, главным образом слуховой, опыт систематизации образцов причети позволяет выделить две исполнительские формы, которые условно можно определить как спонтанно-импровизационную и традиционную[8]. Первая из них, более распространенная, характеризуется «разовым» характером музыкально-поэтического высказывания. Исполнительница, находясь в чрезвычайно возбужденном эмоциональном состоянии, создает звуковой «текст», в котором свободно сочетаются фрагменты известных причетных словесных формул и поэтических мотивов со спонтанно возникающими индивидуально окрашенными поэтическими и интонационно-возгласными элементами (№ 328). Очевидно, что подобный текст сиюминутен, он не будет в дальнейшем повторяться, подвергаться варьированию, а характерные для причети мелодические и ритмические формулы встречаются в нем нерегулярно.

Традиционная форма причитания также строится на основе устойчивых, проверенных временем и вновь найденных элементов. Однако индивидуальное эмоциональное возбуждение в этом случае в большей степени контролируется жанровым каноном. Причитывающая женщина воспроизводит не просто отдельные поэтические формулы, но достаточно объемные фрагменты традиционного текста. Общий тон исполнения достаточно уравновешенный, ритмическая и мелодическая организация отличаются определенностью и устойчивостью при переходе от строки к строке, присутствие натуралистических плачевых звуковых форм строго регламентировано и не оказывает значительного влияния на состояние мелодических построений (№ 314).

Анализ причетных напевов в их взаимосвязи со стихом выявляет несколько мелодико-стиховых моделей, регулирующих процесс складывания конкретного причетного образца у разных исполнителей. Выделенные модели различаются по соотношению декламационных и мелодизированных элементов, а также по ритмосинтаксическим признакам. Поскольку нет возможности установить распространение различных мо-

[8] *Леонова Н.В.* Русский фольклор // Музыкальная культура Сибири: В 3-х т. — Новосибирск, 1997. — Т. 1, кн. 2: Традиционная культура сибирских переселенцев. — С. 19.

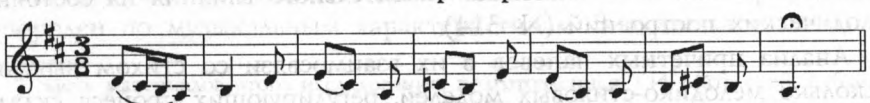
делей в регионе, их характеристика приведена в порядке движения от декламационных форм к мелодизированным, приближенным к песне.

Первая модель характеризуется преобладанием декламационных элементов (№ 319, Доп. II, № 33). Стиховые строки этого причета в большинстве своем далеки от жанрового канона: традиционное изменение количества слогов от строки к строке сочетается с менее характерным для причети варьированием числа и местоположения стиховых акцентов. Мелодическая линия почти полностью лишена распевов, энергия причитывания-проговаривания устремлена к последним ударным слогам стиха, которые выделены ритмическими долготами и высотно определенными тонами.

Вторая модель также формирует образцы стиховой структуры преимущественно декламационного склада (см. № 364). Свободное варьирование слоговой и временной меры, нестрого регламентированное допевание, повторение отдельных построений сочетаются в данном случае с выраженными признаками тонической организации стиха (наличие двух позиционно сильных ударений в строке, подчеркнутых распевом и временны́м продлением, характерный дактилический ритм клаузулы). Напев речитативный, узкообъемный, с волнообразным мелодическим рельефом и не вполне устойчивым строем. Более развитая в мелодическом отношении версия модели представлена в образце № 316.

Третья модель — еще одностиховая, но уже характеризующаяся формульным мелодическим строением, чему способствует ритмическая урегулированность и ладомелодическая определенность однострочного напева (№ 314). В ритмосинтаксическом отношении эта модель близка напевам, записанным В. Мокеевым и изложенным в равномерносегментированной форме[9]:

Нотный пример VII



Четвертая модель представляет иной класс напевов. В их основе лежит полиструктурный стих, сочетающий принципы тонической (традиционные икты на третьем слоге от начала и третьем же слоге от

[9] *Хандзинский Н.* «Покойнишный вой»... — № 2.

конца стиха) и силлабической организации (серединная цезура, членящая строку на два полустишия). Мелодическая организация отражает стиховую основу в композициях цезурованного типа, в отдельных случаях тяготеющих к строфичности. По характеру слогоритмического и ладоинтонационного развития такие напевы приближаются к песенным формам даже в тех образцах, мелодика которых не отличается значительной распетостью. Наиболее яркие примеры данной модели представлены в забайкальских напевах (№ 361, 365).

В различении причетных моделей более показательными оказываются принципы ритмосинтаксической организации, в то время как мелодические и особенно ладоинтонационные средства скорее объединяют образцы разных моделей и локальных традиций в единое жанровое и стилевое пространство.

* * *

Во многих сибирских версиях похоронного обряда наряду с причитаниями или вместо них звучат лирические песни, духовные стихи, «молитвы» (так обычно в народной среде называют любые песнопения церковной службы).

Включение необрядовых песен в погребальный и поминальный ритуалы является, к примеру, локальной особенностью приангарской культуры. Причем, если в Богучанском районе Красноярского края традиция похоронного причета зафиксирована[10], то в Кежемском районе она отсутствует, в то время как роль музыкальных компонентов обряда выполняют импровизационные, не имеющие развитого сюжета *вопрошания* и особые *похоронные песни*, называемые также «*горькими*», «*жалобными*», «*горемычными*» (ср. с народным определением причети — «*горе-горькая*»)[11]. Значительная часть этих песен исчезла из бытового певческого репертуара и прочно прикрепилась к обрядовым ситуациям, традиционно сопровождавшимся причетью: когда умерший «*лежит на столах*» или когда его несут на кладбище.

Тематический и стилевой диапазон приуроченных к похоронному обряду образцов широк. Это и старинные «*проголосные*» песни — «*Уж вы крылышки, мои перышки*», «*При долине стоял куст калины*», «По-

[10] *Мухомедшина Л.А.* Традиция протяжных песен на Ангаре // Фольклор: Песенное наследие. — М.: Наука, 1991. — С. 146.

[11] *Новоселова Н.А.* Локальные черты устно-поэтической традиции Приангарья // Там же. — С. 140.

терялась моя потеречка», «*Со восточной было со сторонки*»[12] и достаточно поздние лирические песни и народные романсы — «*Темна ноченька сумрачна*», «*Потеряла я колечко*», «*Разлука ты, разлука*» и многие др. В с. Кежма, по свидетельству Л.А. Мухомедшиной, «вдова и приглашенные старушки пели "Зачем мне тройка вороная", "Скоро, скоро расстаться придется"»[13].

Подобные примеры отмечены и за пределами Приангарья. Так, Е.Е. Мурина, показав фрагмент плача по матери, добавила, что на похоронах и поминках всегда пели песню «*Я вспомню комнатку уютну*» (см. примеч. к № 323). Это известная в Сибири «*компанейская*» песня, в заключительной части которой есть слова о терновом венке, гробе и могиле, что, видимо, и явилось основанием для приурочивания лирического образца к обряду[14]. По информации М.Н. Мельникова, *похоронные песни* в погребальном обряде и в поминальные дни поют в с. Булатово Куйбышевского района и в некоторых других селах Новосибирской области[15].

Примечательно, что петь на похоронах приглашаются авторитетные певцы, знатоки старинных песен. Кроме того, носители традиции отмечают, что манера пения «*у гроба*» соответствует обрядовой ситуации и отличается от обиходного исполнения лирических песен: «у покойника баса не добавляют, поют тихо; поют, чтобы легче было плакать»[16].

Широкое распространение, по свидетельству М.Н. Мельникова и В.Ф. Похабова[17], приобрела практика замещения причитаний духовными стихами. В качестве поминального повсеместно отмечается духовный стих о расставании души с телом, известный с разными поэтическими

---

[12] *Новоселова Н.А.* Локальные черты... — С. 140; *Народные* песни Красноярского края: Музыкальный фольклор русского старожильческого населения Среднего Приангарья /Аннот. Л.А. Мухомедшиной. — М.: Мелодия, 1984. — С20 21495/96 001. — № 10.

[13] *Мухомедшина Л.А.* Традиция протяжных песен... — С. 147—148.

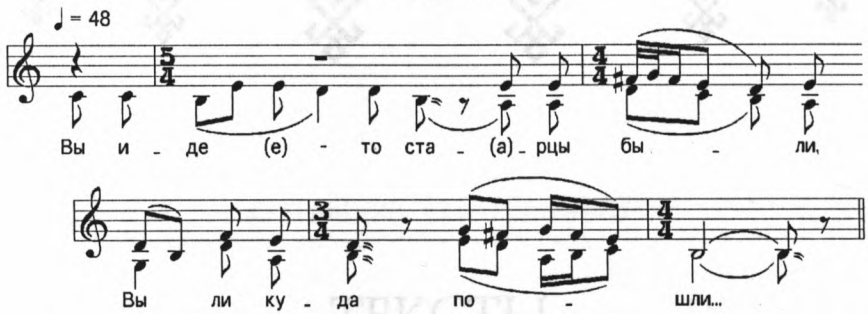
[14] ГАНО, ф. Мельникова, Т-241, № 11.

[15] *Мельников М.Н.* Поиски сокровищ: Записки фольклориста. — Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1985. — С. 16.

[16] *Мухомедшина Л.А.* Традиция протяжных песен... — С. 147.

[17] *Мельников М.Н.* Васюганье: путь в никуда? — Новосибирск, 1989. — С. 100; *Похабов В.Ф.* Культурное наследие русских Кузбасса: Семейно-обрядовый фольклор северо-востока Кемеровской области. — М., 2000. — № 51 (в примеч. к духовному стиху «*Для всех солнце светит*» составитель указывает, что в с. Курск-Смоленка он исполняется только над телом покойного, а на с. 71 уточняет, что он обычно сопровождает опускание гроба в могилу; этот же духовный стих неоднократно фиксировался в подобной функции собирателями фольклора Новосибирской области: ГАНО, ф. Мельникова, Т-404, л. 10; Т-513, МКА1).

зачинами, например, вариант из с. Черемшанка Глубоковского района Восточно-Казахстанской области «*Вы иде-то старцы были*»[18]:

Нотный пример VIII

Устойчивым музыкальным компонентом погребального обряда, как упоминалось выше, являются «молитвы», отдельные церковные песнопения, среди которых чаще всего называются «Святый Боже», «Отче наш», «Со святыми упокой». Причем в одних традициях «молитвы» выступали в функции причитания, замещая его в погребальном обряде или появляясь рядом с ним[19], в других — входят в фольклоризовавшийся чин отпевания, который совершают в доме покойного без участия священнослужителя[20]. «Народные редакции» церковных служб, возникшие в советский период, еще ждут своих исследователей. В настоящий момент тем не менее обращает на себя внимание то обстоятельство, что «народное» отпевание нередко включает чтение «*псалмов*», а также неканонические песнопения (например, духовные стихи). Подобная форма погребального ритуала характерна главным образом для старообрядческой и новопоселенческой культуры, что свидетельствует о позднем развитии данной практики на территории Сибирского региона.

Н.В. Леонова

---

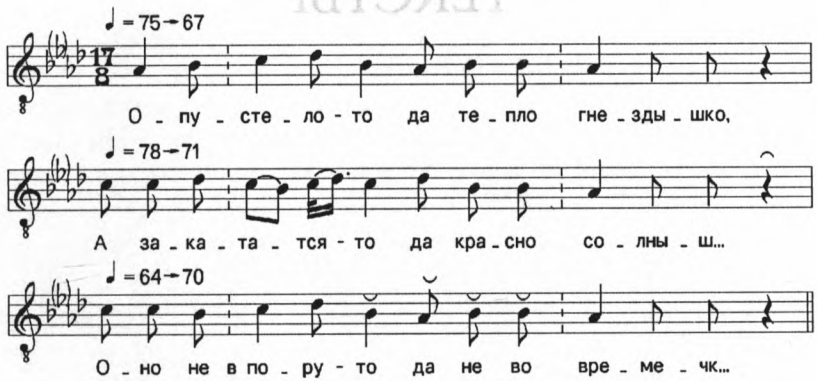
[18] *Русские* песни Южного Алтая / Аннот. В.М. Щурова. — М.: Мелодия, 1983. — С20 1988 5/86. — № 21 (Из собрания фонограмм архива Пушкинского дома).

[19] Такие фольклоризированные ситуации описывает В.Ф. Похабов: «На кладбище... родные плакали, голосили и пели молитвы... Первая молитва над усопшим — "Отче наш"... "Святый Боже" пели, когда выносили из избы, в ограде, когда несут по деревне, когда опускают в могилу». Он же сообщает, что приглашавшихся сидеть с покойным ночью и петь молитвы старых женщин — «сидушек» — после похорон одаривали: *Похабов В.Ф.* Культурное наследие... — С. 70—71.

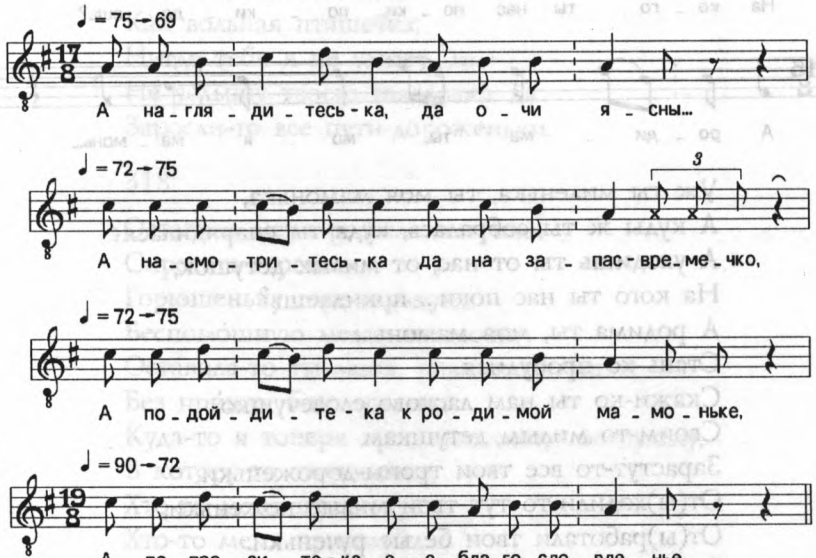
[20] ГАНО, ф. Мельникова, Т-352, Т-418, Т-513; *Похабов В.Ф.* Культурное наследие... — С. 66.

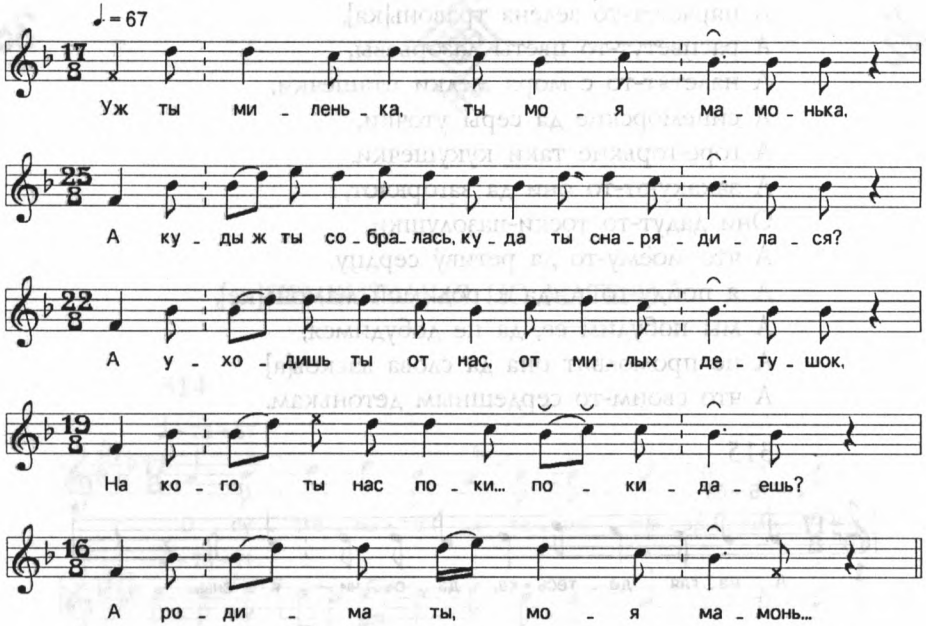
ТЕКСТЫ

ПРИЧИТАНИЯ ПО МАТЕРИ

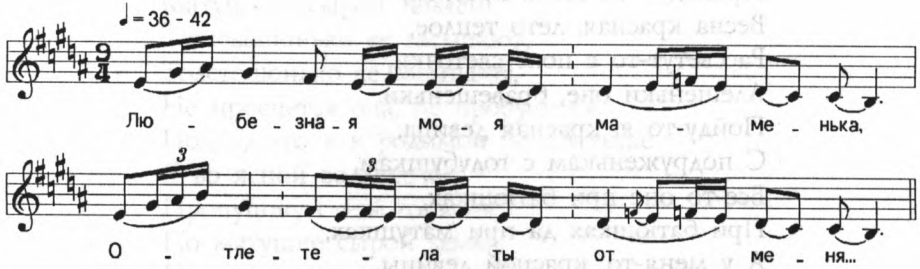
314

Опустело-то да тепло гнездышко,
А закататся-то да красно солныш[ко],
Оно не в пору-то да не во времечк[о].
А потерятся-то у нас потерюшка
А не во сто-то рублей, да не во тысячу,
А нам искать-то ее — не доискаться,
А нам глядеть-то — не доглядеться
А не с которой да со сторонушки.
А как придет-то да весна красная,
А что согонит-то да с гор белы́ снежки,
А с гор белы́ снежки да весь люто́й мороз.
А зашумят-то да речки быстры[е],
А закипят-то ключи холо[дные],
А потекут ручьи да подземель[ные],

А распушатся да лесы буйны[е],
А нарастет-то зелена травонь[ка],
А расцветут-то цветы лазорьевы,
А налетят-то с моря мелки пташечки,
А синеморские да серы уточки,
А горе-горькие таки кукушечки.
А закакуют-то они да загорюют,
Они дадут-то тоски-назолушки
А что моёму-то да ретиву́ сердцу.
А я пойду-то тогда к родимой мамонь[ке],
А мы побудим ее, да не добудимся,
А не промолвит она да слова ласков[а]
А что своим-то сердешным детонькам.

315

А наглядитесь-ка, да очи ясны[е],
А насмотритесь-ка да на запас-времечко,
А подойдите-ка к родимой мамоньке,
А попросите-ка ее благословленье.
А как родительско благословенье
А изо дна-то моря (й)уносит,
А из чиста-то поля (й)уводит.

316

Уж ты миленька, ты моя мамонька,
А куды ж ты собралась, куда ты снарядилася?
А уходишь ты от нас, от милых детушок,
На кого ты нас поки... покидаешь?
А родима ты, моя мамонь...
Стань-ко пробудися,
Скажи-ко ты нам ласково словечушко,
Своим-то милым детушкам.
Зарастут-то все твои тропы-дороженьки,
От(ы)ходили-то тут твои милые ноженьки,
От(ы)работали твои белые рученьки.
Уж и ты милая, ты моя, моя мамонька родная,
Сизокрылая ты голубушка дорогая,
На кого ты меня бросила?
На кого ты меня покинула,
Горе-горькую ты меня, сироточку,
Горемышную ты меня, какушечку,
Залетащую ты меня, пташечку?
Уж и ты милая, ты моя дорогая,

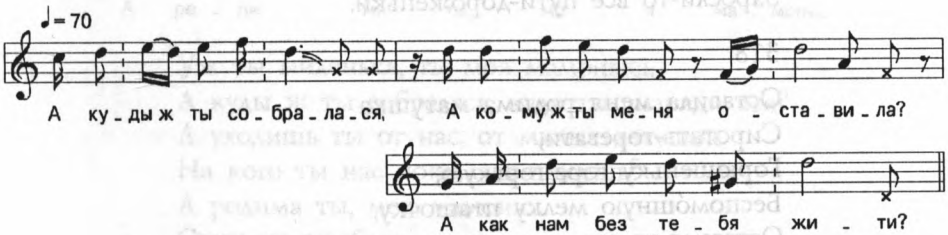
Стань ты, пробудися.
Пришли ко тебе все твои милые подруженьки,
Стань, поговори ты с ними обо всем...

317

Любезная моя маменька,
Отлетела ты от меня,
Как вольная пташечка,
Нигде тебя я не увижу, да
Не услышу твоего голосочка, да
Заросли-то все пути-дороженьки.

318

Оставила меня родима матушка
Сиротать-горевати,
Горюшеньку горе-горькую,
Беспомóшную мелку пташочку,
Оставила-то ты меня, родима матушка,
Без прúюту безо всякого.
Куда-то я топеря преглоню свою головушку,
В котору-то стороночку,
Хто-то меня приласкует,
Хто-то меня приголубит?
Есть-то братцы́ родимыя,
Оне не ласковы, не приветливы
Гля меня-то, горькёй сироточки.
Не сказала ты, родима матушка,
Моим братцáм родимым,
Не бросили бы меня, не покинули,
Красну девушку-сиротошку.
Как-то я буду жити

Без матушки-то без д родимой?
Ничего-то я не знаю,
Малешонька-то я, глупешонька,
Нет-то у меня ума-разума.
Приходит-то весна красная,
Весна красная, лето теплое,
Рассветут-то в поле светочки,
Алешеньки оне, бравешеньки.
Пойду-то я, красная девица,
С подруженькам с голубушкам,
Все-то оне при батюшках,
При батюшках да при матушках,
А у меня-то, красной девицы,
Нету батюшки, нету матушки.
Сорвут-то оне все по светочку,
А у меня-то, горькёй сироточки,
Засох-то он, повял.

319

А куды ж ты собралася,
А кому ж ты меня оставила?
А как нам без тебя жити?
А с какой сторонушки тебя ждати буду?
А кому ж я свое горюшко пойду расскажу,
А с кем мне свое горюшко разделити?
А браточки мои милые,
А приезжайте вы домой.
Да посмотрите на наше горюшко,
Да как ваши сестрички горюют.
Да не к кому нам приклонитися,
Да не с кем нам поделитися.
Да некому свое горюшко рассказати,
Да нет у нас мамочки родимой!

320

Спускают родиму матушку
Во матушку сырую землю,
Засыпают родиму матушку
Матушкой сырой землей,
Тяжолешонько ее засыпают,
Толстешонько ее засыпают,
Не проснется она, не пробудится.
Подойду-то я к родимой ко матушке
Я во ясной во денечек,
Пропушшу слезы́ горячия
По матушке сырой земли,
Не промочу ли я сырой земли,
Не дождус[ь] ли я родиму матушку,
Не дойдет-то бывать моя горькая слезонька,
Не станет ли родима матушка.
Со восточной-то со сторонушки
Три-то тучи подымаются,
Три тучи грозныя.
Разгромите, тучи грозныя,
Разгромите матушку сыру́ землю,
Разгромите плиты тяжелыя,
Разожгите гробову доску,
Распрокните белой бран саванок
У моёй родимой матушки.
Дожжички крупныя,
Размочите уста сахарныя
У моёй родимой матушки.
Прикипели ее уста саха́рныя.

321

Прости, моя родима матушка,
Меня-то, горьку́ сиротку,
Не могла-то я тебя добудиться.
Не жалослива ты, не милослива,
Не жалуеш[ь] меня и не милуеш[ь],
Не стаёш[ь] ты на ноженьки резвыя,
Не научиш[ь] ты меня, горьку сиротку,
Не наставляеш[ь] на ум на разум,

Не подводиш[ь] ни к какому средствию.
Я кого буду просить-молить
Об своёй-то буйно́й головушке,
Об своим-то уме-разуме,
Хто-то меня научит,
Хто-то на ум наставит?
Вы скажите, мои тетушки,
Вы скажите, мои подруженьки,
У меня нет родимой матушки.
Сцесливы вы, мои подруженьки,
Вы при матушке, при голубушке,
А я-то горькя́ сироточка,
А я-то беспомо́шная пташечка.
Нету моёй голубушки,
Нету моёй матушки.

322

Вот пришла-то я к тебе, лебедушка,
Вот пришла-то я к тебе, родима матушка,
Крепко спишь ты, не розбудишша,
Уж как встань, родима матушка,
Уж ты встань на ножки резвыя.
Поднимитеш[ь], тучи грозныя,
Розбейте матушку гробову доску.
Подымиш[ь], моя родима матушка,
Роспахни-ка свои белы саваны,
Розброс-ка ручки белыя,
Роскрой очи ясныя,
Роспечатай уста саха́рныя,
Промолви со мной словечушко,
Обрадуй-ка мое шердечушко.
Уж кака же ты спесивая,
Уж кака же ты гордливая,
Не роскинеш[ь] свои белы саваны,
Не розбросиш[ь] свои белы рученьки,
Не промолвиш[ь] словечка ласкова,
Не обрадуеш[ь] моёго шердечушка.
Как-то буду жить я, горюшечка,
Как-то буду жить я, горька си́рота,

Без тебя, родимой матушки?
Напримаюш[ь] я много горюшка
От всякого слова неласкова,
Никто-то меня не приласкает,
Никто-то меня не прижалеет,
Нет у меня ро́дной матушки,
Нет-то у меня родно́й голубушки.

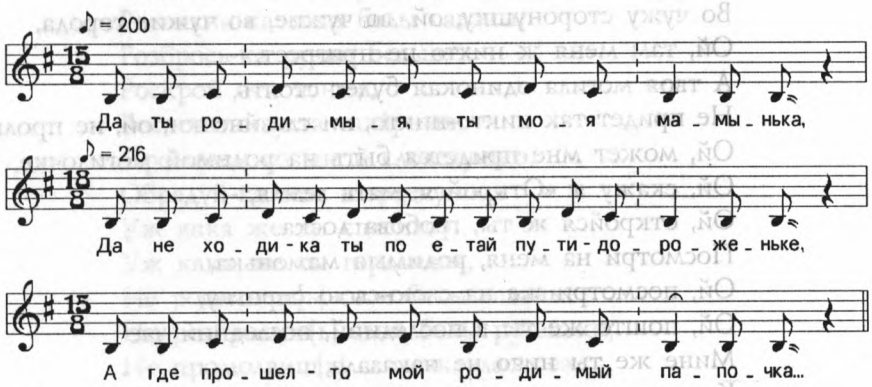
323

Ой, родимая мамонька,
Ой, зачем же ты так, ой, рано меня спокинула?
Ой, лежишь да ты на лавочке во всем новеньким,
Ой, эту одежоночку, ой, шила-то ты ее на свою смертушку,
Сколотили тебе новенький домочек,
Ой, как же ты хотела всегда быть в новом домике,
Ой, не пришлось при жизни покрасоваться в нем.
Ой, теперь закрыты глазыньки,
Не увидишь ты своего-то домочка.
Как же ты меня сиротою... никто же не пригреет,
Никто не приласкает, как мамонька родная.
Ой, всегда же ты меня словечком веселила,
Ой, как солнышко, по горенке ты хаживала,
А теперь закатилося, ох, навсегда, на веки вечные.
Ох, с кем же мне делить свою печаль,
Ох, суждено лететь с родного мне гнезда
Во чужу сторонушку, ой, во чужие, во чужие города,
Ой, там меня ж нихто не пригреет,
А твоя могила одинокая будет стоять,
Не придет так никто-никто, ни слезиночки, ой, не прольет.
Ой, может мне придется быть на родимой могилочке,
Ой, скажу я: «Откройся, мать земля,
Ой, откройся ж ты, гробова доска.
Посмотри на меня, родимыя мамонька,
Ой, посмотри же на свою-свою сиротку,
Ой, пошто же ты в последний, последний час
Мине же ты ничо не наказала,
Как же мне жить, ой, как же в жизни-то поступать?
Родименька мамонька, ой, стань ты, пробудися,
Расскажи мне, ой, расскажи ты мне,

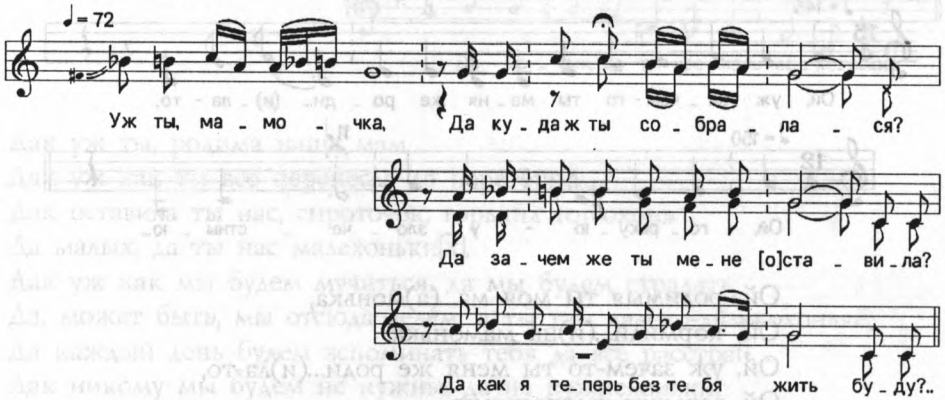
Ой, дальнейшую дорогу».
Не проснутся теперь во веки вечные,
Не откроются твои глазеночки,
Ой, не улыбнешься ты мне, как месяц, не посветишь.
Почему я такой обездоленный...

324

Голубушка наша сизая,
Лебедушка белая!
Покинула нас, детушек маленьких,
Родимая наша матушка.
Опустело наше тепло гнездышко,
Разлетелися мы, пташки маленькие,
По свету белому,
Никто нас не приютит, не согреет.
Отпало наше право крылышко,
Западут наши пути-дороженьки
Ко родительскому дому снегами белыми
И зарастут травой-муравкой.
К кому я приду с горем, со кручиною!
Кто меня пожалеет кроме родимой матушки?
Расступись, сырая мать-земля,
Выйди, моя матушка,
Возьми меня под право крылышко!

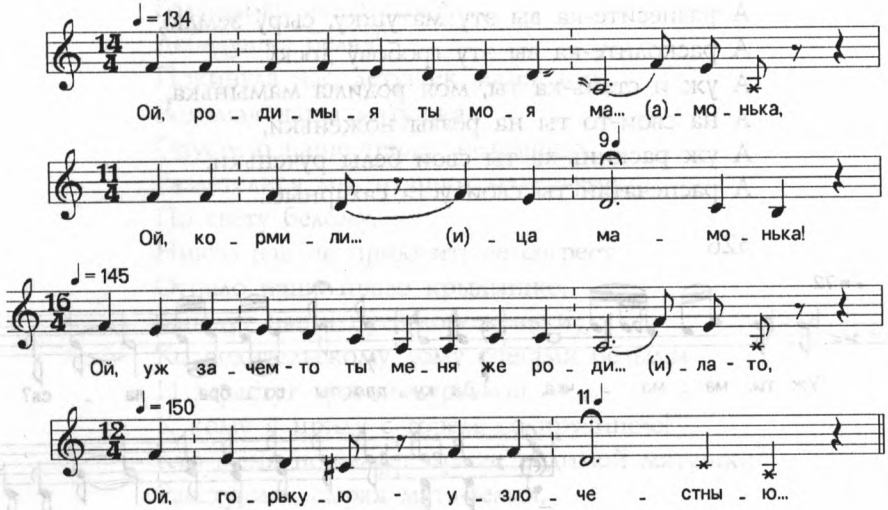
325

Да ты родимыя, ты моя мамынька,
Да не ходи-ка ты по етай пути-дороженьке,

А где прошел-то мой родимый папочка.
А ведь и путь-то ета дорожечка невороти́мыя,
А не воротимыя-то она, не откупимыя.
Унесут-то тебя за горочки высокия,
За леса-то тебя за дремучии.
А уж не пришлешь-то ты никакой нам оттуль весточки.
Поднимитесь-ка вы, ветры буйныи,
А разнесите-ка вы эту матушку, сыру́ землю́,
А расколите-ка вы эту гробову́ доску́.
А уж и стань-ка ты, моя родима мамынька,
А на свои-то ты на резвы ноженьки,
А уж раскинь-ка ты свои белы рученьки,
А распечатай ты свои уста сахарные...

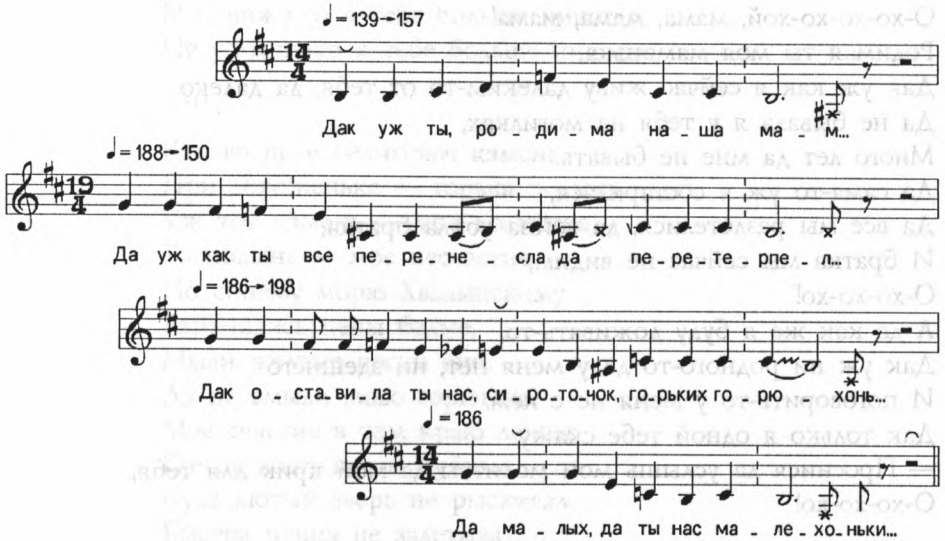
326

Уж ты, мамочка,
Да куда ж ты собралася?
Да зачем же ты мене [о]ставила?
Да как я теперь без тебя жить буду?
Да моя ты родная,
Да куда ж ты собралася?
А на кого ж ты меня оставила,
Да кому ж ты что сказала?
Да как я тебя забуду?
А в какую ж ты дороженьку длинную отправилась?
Да как я тебя с этой длинной дорожки дождуся?
А все шлются да с мамочками, да с сестричками,

А я теперь одна осталась,
Да подуйте ж вы ветры с долины,
Да вы сдуйте ж пески те с могилы.
Да расколите все сосновы доски на крошки,
Да поставьте мою мамочку на ножки!

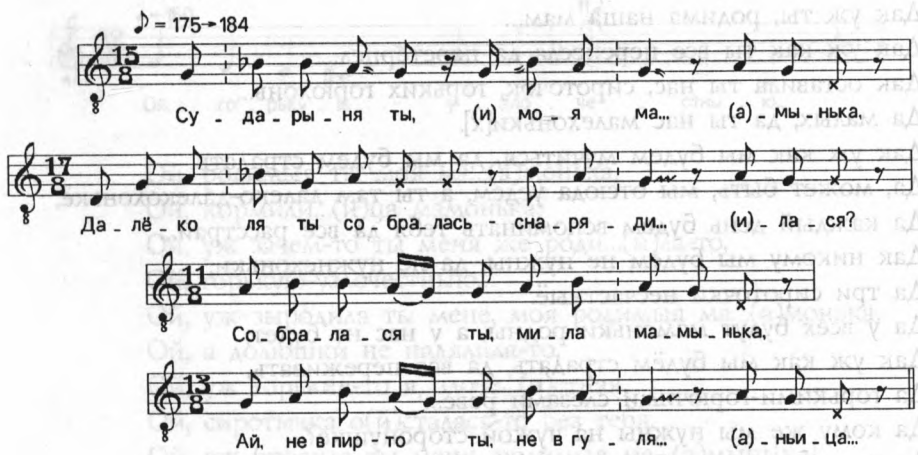
327



Ой, родимыя ты моя ма...(а)монька,
Ой, кормили...(и)ца мамонька!
Ой, уж зачем-то ты меня же роди...(и)ла-то,
Ой, горькую-узлочестную...
Ой, уж зыродила ты мене, моя родимыя ма...(а)монька,
Ой, а долюшки не надялила-то,
Ой, уж горькия-то я, злоче...(э)стная,
Ой, сиротычка о(й)сталась-то без тебя.
Ой, уж бросила ты меня, родимыя ма...(а)мынь[ка],
Ой, раны...(ы)м-ранешенько,
Ой, уж с мылодых-то я своих годо...(о)чков,
Ой, хожу пы чужи...(ы)м людям-то я.
Ой, уж кто-то меня только не спотешит,
Ой, уж кто не заплятет русы...(ы)е волосы.
Ой, уж посеяла-то ты меня, горькэю, злоче...(э)стную,
Ой, одну-(й)однешенькую...

328

Дак уж ты, родима наша мам...
Дак уж как ты все перенесла да перетерпел...
Дак оставила ты нас, сироточок, горьких горюхонь...
Да малых, да ты нас малехоньки[х].
Дак уж как мы будем мучиться, да мы будем страдать,
Да, может быть, мы отсюда уедем, а ты там далеко-далекохонькё,
Да каждый день будем вспоминать тебя да все расстраи...
Дак никому мы будем не нужны, да не нужнехоньки,
Да три сироточки несчастныё.
Да у всех будут мамоньки родны, а у нас не будет,
Дак уж как мы будём страдать, да все переживать,
Да горькими-горючими слезами реве...
Да кому же мы нужны на чужой сторонушке?
Да только одной тебе, мамонькя, скажу:
— Уж пожалей ты нас, возьми к себе, горьких маленьких сироточок.
У нас и папонька больной...
Да мы все малолетниё...
Да как же мы будем жить-то дальше-то да все переживать-то,
О-хо-хо!.. (*рыдает*)
Дак уж, мамонька, проснись-ко ты да погляди,
Да как мы останемся, да три крошочки,

Да как мы заревемся все о тебе,
О-хо-хо-хо-хой, мама, мама, мама!
Родимая ты моя мамонька,
Дак уж как я сейчас живу далеким-то от тебя, да далеко
Да не бывала я у тебя на могилках,
Много лет да мне не бывать.
Да сама-то уж я состарилася,
Да все мы разлетелися, да война убила братка,
И братка мы сейчас не видим,
О-хо-хо-хо!
А да как же я буду доживать-то,
Дак уж ни родного-то да у меня нет, ни здешнего
И поговорить-то у меня не с кем.
Дак только я одной тебе скажу:
— Проснися да услышь мои молитвы да мой крик для тебя,
О-хо-хо-хо!

329

Сударыня ты, моя ма...(а)мынька,
Далёка ля ты собралась-снаряди...(и)лася?
Собралася ты, мила мамынька,
Ай, не в пир-то ты, не в гуля...(а)ньица.
Собралася ты, нивеселая компа...(а)ньица,
Собралася ты, мила мамонька, на жисть ве...(э)чнаю...
На жисть вечная, на бесконечная

Откель я тебе буду, сударыня-маменька, ждать ответь...
Ни увижу-то я тебе больше никогда,
Не услышу-то я тебе больше никогда...

330

Как во поле бел-горюч камень,
При дороженьке — горька полынь.
Уж тот камень — моя долюшка,
Та полынь — мое несчастие.
По синему морю Хвалынскому
Разбегались пены белые,
Мыли желтые пески они,
Да не смыли мово горюшка.
Мое счастие в том краю лежит,
Где не воют ветры буйные,
Куда лютый зверь не рыскивал,
Быстра птица не залетыват,
Солнце красно не заглядыват.
Уж вы выройте могилу мне
Возле камня бел-горючего,
А траву ту, полынь горькую,
Посадите в изголовие,
Забросайте мать сырой землей
Сиротинушку горемычную,
Посадите над могилою
Тонку тросточку, осиночку.

ПРИЧИТАНИЯ ПО ОТЦУ

331

Помер-то сокольчик мой батюшко,
Оставил меня, горьку́ сиротоцку,
Оставил-то меня при́ горе,
В тоске-кручинушке,
Оставил-то в злой печалюшке.
Я осталася с малым детушкам,
Кто меня пригреет,
Кто меня пожалеет?

Одно солнцо ясное,
Одне звезды частыя.
Встала-то я в тоске,
Пошла во кручинушке,
Пойду я, горькая си́рота,
Пойду-то во чистое поле,
Там летают мелки пташецки,
Мелки пташецки, го́рьки-горюшечки.
Посмотрю-то я на них:
Не летят ли шизы голуби,
Не замешался ли там мой батюшка?
Буду примечать его межу голубех,
Межу голубех, межу пташечкох:
Не сидит ли с имя́, не воркует ли,
Не жылеет ли он нас, горьки́х сироточок.
Посмотрим мы на его тута-ка,
Будем-то признавать его.
Послушайте, малы деточки:
Не он ли тут воркует,
Не жылет ли вас, горьки́х сироточок.
Напишу-то я письму-грамотку
Своим-то горячи́м слезам сиротским,
Выйду я на крылечко, го́рька сиротоцка:
Не летят ли там мелки пташечки,
Не донесут ли ему пташечки ету грамотку.
Отошлю-то я свое пи́сьму-грамотку!
Я писала-то его горечи́м слезам,
Горячи́м слезам сиротскимя.
Не прилетит ли он к нам на тоскливай день,
Не розвеселит ли он нас, с горьких сироточак,
Куды-то я пойду, горькая сироточка,
Нигде-то нет мне весельс[т]ва
Без своёго-то сокольчика-батюшка,
Тяжелешонько-то мне жить, грубешенько:
Никто-то нас не пожалет,
Кому-то нас не агрубать,
Так и тот агрубит.
Был бы у нас родимай батюшка
Со родимою со матушкой,

Разговорели бы нас, сироточок,
Развеселели бы нас, горюшечок,
Не знали бы мы никакой горюшки-печалюшки.

332

Подойдите вы, мои сношейницы,
Подойдите-ка, мои тетушки,
Приближеныя мои суседушки,
Пособите-ка мне горе мыкати.
Собралиш[ь]-то вы ко мне
Не на пир, не на радош[ь],
Собралиш[ь]-то мне на печаль, на кручинушку.
Сёднешной-то денечек мне
Скука-то нам, горюшко:
Огрубился-то он [на] нас, осердился,
Пособите мне, горько́й сироточке,
Поднять-то мне своёго батюшка,
Не послушат ли он вас,
Не раскроет ли очи ясныя,
Не промолвлит ли слова ласкова,
Не обрадует ли нас, горюшечек.

333

Полетел-то соколик-батюшко
Из своего-то тёпла гнездышка
По дороженьке по проезжей,
По дубравушке зелено́й
Во матушку во Божью́ церкву́,
А от матушки Божьёй церквы́
Во матушку сыру землю,
В гробову доску.
Не видать-то нам больше родима батюшка
Со родимой-то со матушкой,
Обрастет-то их могилушка травушкой.

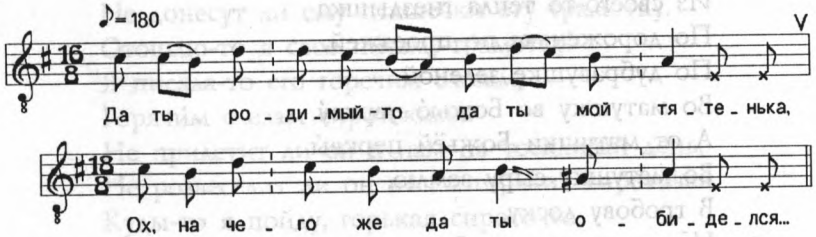
334

Стань-ка, родимой батюшка,
Стань-ка ты, прачкнися,
Кладут-то тебя в землю-матушку,

Не страстисся ты, не боисся,
Закрыли-то тебя гробовой доской,
Завалили тебя матушкой сырой землей,
Не видать-то тебя нам боле, батюшка,
Не видать-то тебя, родимого,
Не слыхать-то твоёго голосу.

335

Подымиш[ь]-ка на резвы ноженьки,
Раскрой-ка очи ясныя,
Распечатай уста саха́рныя,
Раскрой свою могилочку,
Посмотрю я на тебя, горька́ сироточка,
Обрадуй ты нас при тоске-кручинушке.
При большой печалюшке,
Агрубилса ты нас, рассердилса.
Закрыл крепко очи ясныя,
Запечатал уста́ саха́рныя,
Не стаёшь-то ты с нам, горьки́м сироточкам,
Не молвиш[ь] нам слова ласкова,
Не жалеешь нас, сироточак.

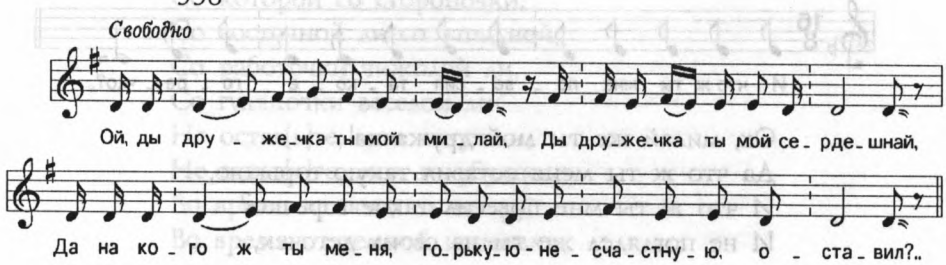
336

Да ты родимый-то да ты мой тятенька,
Ох, на чего же да ты обиделся,
Да на чего же да ты огневался?
А я бужу тебя — да не добужуся,
А я кричу тебе — не докричуся,
Да ты не скажешь мне слова ласкова,
Ой, разожми-ка ты уста сахарны,

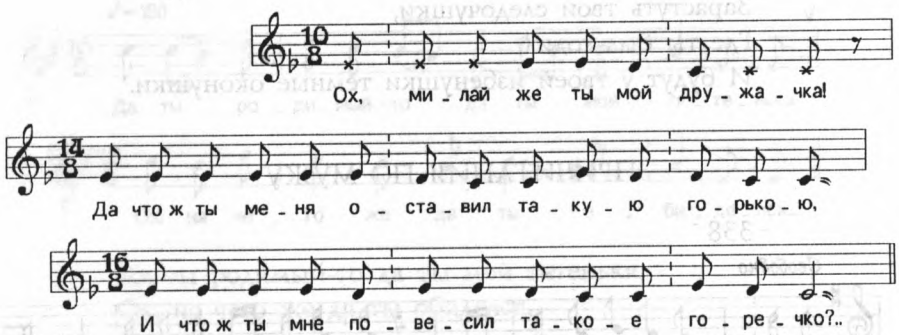
Ой, да ты скажи-ка да мне словечушко:
А ты куда же да ты собрался,
А ты куда же да снарядился,
А на какую же ты сторонку,
Да из своёго-то ты теплого гнездышка,
Да я с какой тебя буду ждать сторонушки?

337

Родимый ты мой тятюшка,
Закрыл ты свои ясные глазушки,
А мы-то возле тебя увиваемся,
А ты нам не скажешь ни единого словечушка.
А милые твои сыночки,
Петюшка и Илларионушка,
И зятечек Степушка,
Они так далеко от нас,
Они тебе больше не увидють и не услышуть,
Приедуть они домой,
А тятюшки родимого уже нету,
Придуть они на твою могилушку,
Посодють червонную калинушку,
А на этой червонной калинушке
По утрам будут распевать
Свои песни соловушки.
Зарастуть твои следочушки,
Где ты был-ходил,
И будут у твоей избенушки темные оконушки.

ПРИЧИТАНИЯ ПО МУЖУ

338

Ой, ды дружечка ты мой милай,
Ды дружечка ты мой сердешнай,
Да на кого ж ты меня, горькую-несчастную, оставил?
Да (й) что я теперь буду думать,
Да что я буду гадати?
Да как же я ж буду своих деточек воспитывать?
Да (й) они ж у меня мелкаи-дробнаи пташечки...
А деточки ж вы мои роднаи, жалкаи!
Да я ж буду куковать, как кукушечка в поле ж,
А вы ж, мои деточки милаи,
Да будете, как соловейки, петь надо мною
Да горьками слёзми обливаться.
Ды на кого ж ты, мой дружок сердешнай, милай,
Ды на кого ж ты таперь меня спокинул?
Да нету ж у меня таперь никакого роду:
Ни папочки, ни мамочки,
Ни папочки, ни мамочки, ни сестрички, ни братика.
Да собери ж ты там всю родиночку,
Да расскажи же ты такое горюшко.
Да что ж ты меня бросил?
Да куда я таперь ни пайду,
Да куда ж я в какой уголок ни гляну,
Да все ж уголочки пустые...

339

Ох, милай же ты мой дружачка!
Да что ж ты меня оставил такую горькою,
И что ж ты мне повесил такое горечко?
И не поглядел же ты на своих деточек,

Ох, ды поднялсе ба, тады поглядел бы ты,
Как они живут.
И ни на кого же ты не покрасовалысе,
И ни на кем же ты не порадывалысе,
Ни на своими детками,
Ни своими внучиками.
Ох! милай же ты мой дружечка,
Ох! да замаялась я одна с ними,
И некому же мне подсобить,
И некому же мене посоветовать.
Ох! милый мой дружка Коля,
Ох! да (у)стал бы ты сейчас да поглядел ба
Ты на своих деток.
И ты не поверил, что они так живут,
И обои так метаютсе,
И некому же им подсобить,
И некому же им свое горе порадовать.

340

Вы голубушки, мои тетушки,
Помогите моёму горюшку,
Посмотрите-ка на горюшко,
На моёго друга милого!
Голубушка моя племянинка!
Ты спроси-ка своёго дядюшка,
Он бываt ли тебе не скажет ли,
Куда он собирается,
Куды снаряжается:
На работочку чижолую,
На гуляночку веселую?
А откуль-то его буду ждать,
Со которой со стороночки,
Со восточной ли со западной,
Со работочки чижолой ли,
Со гуляночки веселой ли?
Не остав[ь]те, мои тетушки,
Не остав[ь]те, мои голубушки,
Во время-то поздого вечеру,
Во время-то темной ноченьки,

Не остав[ь]те меня однешоньку.
Помогите-ка моёму горюшку,
Вы спросите-ка у моёго-то друга милого:
На кого-то он обиделся
На кого-то оскóрбился,
Не на меня ли, горьку сироточку,
Не на своёго ли милого дитетка?

341

Ты ставай-ка, друг мой милой,
Наставляй-ка меня, друг милой,
Ты скажи-ка своёму дитетку,
Настав[ь]-ка на ум на разум:
Кто его поить-кормить будет,
Кто его содарьжать будет,
На кого-то я буду надеяться,
На каку-то я упору,
На каку-то я надёжу.
Я надеялась, горька сироточка,
На своего друга милого —
Упорины мои подломилися,
Балясочки мои отломилися.
Вы, гóлубушки мои тетушки,
Посмотрите-ка, мои голубушки,
На кого ты оставил меня, друг милой,
На каких то родимых братецов?
Нет-то у меня родимых братецов,
Нет-то у меня родимых сéстрицов,
Одна-то я однешонька,
Одна-то я круглешонька,
Без роду-то без племени.

342

Состроили-то другу милому
Состроили нову горницу
Без окошочков, без дверей.
Отвалилася стена каменна
От моёго тепла гнездышка,
Отпало правó крылышко

От меня, горько́й сироточки.
Полетел ты, друг милой,
По дороженьке по широкою,
Не по-старому не по-прежному,
Не на своих-то резвых ножках,
Понесли-то друга милого
Понесли на белых рученьках,
Залетат-то друг мой милой
Он на перепутьицо на великое,
Он во матушку Божжу́ церкву́:
Он из матушки Божжу́ церкви
Он во матушку во сыру землю́.
Наглядися, друг мой милой,
На все четыре стороны,
Наглядися, очи ясныя,
На моёго друга милого.

343

Спустили-то моёго друга милого
Во матушку сырую землю,
Засыпали-то сырой землей,
Закрыли-то гробовой доской.
Отходил-то резвы ноженьки,
Оттоптал траву мура́вую,
Отмахал своим белым рученькам,
Отглядел очам ясными,
Оттоворел своей речью ласковой
Со своим родимым дитетком.

344

Голубушки, мои тетушки,
Я пришла домой, торопилася,
Думала, друг мой милой...
А его-то дома нету-ти.
Вы, голубушки мои тетушки,
Подскажите мне, родимыя:
Не видали ли друга милого,
Не летит ли он по подне́безью,
По поднебесу ясным соколом,

А по дороженьке — добрым мóлодцом?
Не сказал ли вам, мои тетушки,
Я ковды приду да приеду,
Я в празнишной день, не во буднишной.
Все-то ветрички обдули нас,
Все-то люди нас обругали,
Нет востателя, нет пристателя,
Нихто-то его не пригреет,
Нихто-то его не обогреет
Без родимого его батюшка.
Придет-то лето теплое,
Обогреет горьких сироточок,
Обогреет красно солнышко,
Закокует в поле кокушечка,
Загорюю-то я, сироточка,
Загоряю со своим-то родимым дитетком.
Ты счис[т]лива, моя суседушка,
Ты при своим-то друге милым,
А я-то, горькá сироточка,
Круго́м-то я однешенька,
Одна-то я круглешенька,
Без роду-то без племени!
Приходят все денечки праз[д]ничны,
Суседи-то мои радуются
Годовому большому праз[д]ничку,
А я-то, горька сироточка,
Уливаюс[ь] горьки́м слезам!

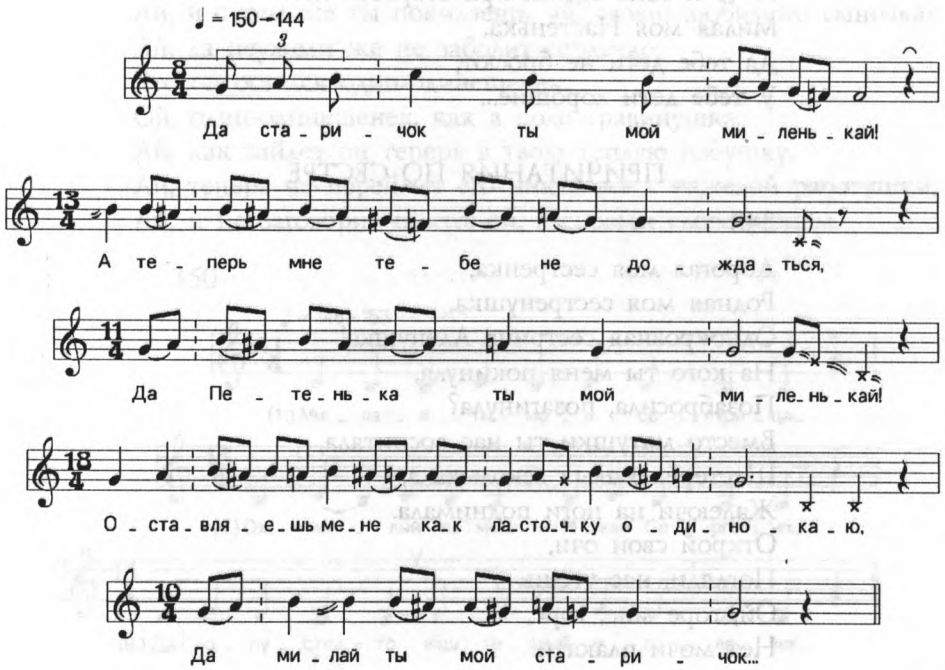
345

Здрастуй-ка, друг мой милой!
Приходит-то лето теплое,
Настает-то у нас работочка,
Кто работочку у нас будет ро́бить,
На кого-то мы будем надеяться,
Кому-то ты препоручил нас,
Кого-то оставил
Вместо себя хозяином?
Разгромися ты, мать сыра земля,

Разожгись ты, гробова доска,
Распрохнися, бел-бран саванок,
Восстань, мой родимой батюшко,
Из матушки сырой земли
На свои на резвы ноженьки!
Роспечатай уста сахарные,
Ты спроси-ка нас с речью ласковой:
Каково-то нам жить будет?
Опустело-то мое тепло гнездышко,
Опустело соловьиное,
Нет-то мне помощника,
Нет-то мне соблюдителя!

346

Отсветил-то, отс(т)ветил месяц,
Отпекло-то красно солнышко,
Отжалел меня любезный муж,
Да меня смолодешеньку.

347

Говорком:

Да милый мой Петенька,
Да как же мне тебя жалко,
Да дорогой мой Петенька, лапочка ты моя...
Да как же ты меня жалел,

Причитает:

Да старичок ты мой миленькай!
А теперь мне тебе не дождаться,
Да Петенька ты мой миленькай!
Оставляешь мене как ласточку одинокаю,
Да милай ты мой старичок,
Да я тебя ни дождуся,
На кого я буду рассчитавать?
Да милай мой старичок,
А ты мне напоследе сказал:
— Милая моя Настенька,
Я перед тобой виноват,
А ты мне ни [о]дной капельки передо мной не виновата,
А я так, наверно, помру дураком,
И чо я токо сделал при старости лет!
Милая моя Настенька,
Да тебе дети не бросют,
У тебе дети хорошие...

ПРИЧИТАНИЯ ПО СЕСТРЕ

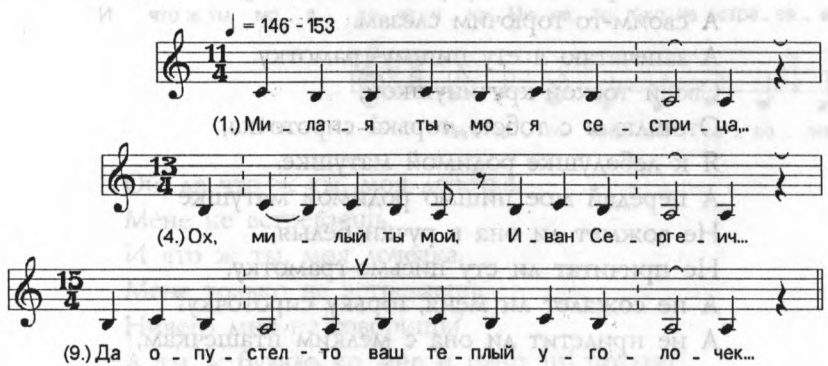
348

Дорогая моя сестренка,
Родная моя сестренушка,
Однокровная сестрица Аленушка!
На кого ты меня покинула,
Позабросила, позагинула?
Вместо матушки ты нас воспитала,
Шестерёх малых всколыхала,
Жалеючи на ноги поднимала.
Открой свои очи,
Погляди, нас утешь.
Ой, горе мне, горе,
Нет мочи плакати.

Ой, моя сестрица
Больше не пробудится,
Не встанеть ото сна.
Ой, люди добрые, помогите,
Боль мою неутешную утишите.
Дорогая моя сестрица,
Ой, моя сестрица Аленушка...

349

Да куда ж ты собралась, моя любимая сестрица?
Да с кем же ты нас оставила одних-одинешенек?
Загубила тебя все твоя тяжелая работушка.
Да как же мы тебя упрашивали, моя дорогая сестрица,
Что кинь ты эту свою тяжелую работушку.
Ай, ты стоптала все черные, ой, все черные дороженьки,
Да все ходила ты на эту тяжелую, на тяжелую работушку,
Ай, а теперь-то сложила свои, свои белые рученьки,
Ай, к своему ретивому, ретивому сердечушку.
Ай, и собралися все к тебе, ай, и братья и сестра,
Ай, ты никому же не отвечаешь, ай, ты ни одного словечушка.
Ай, и с кем же ты покидаешь, ай, своего любимого сыночка?
Ай, да неужели же не заболит сердечко,
Что он остался один-одинешенек,
Ой, один-одинешенек, как в поле травинушка,
Ай, как зайдет он теперь в твою теплую избушку,
Ай, теперь не переймет его никто все с тяжелой работушки,
Ай, и не заговорит никто, ой, ласковым словечушком.

350

Милая ты моя сестрица...
Да приходит-то печальное горюшко...
Я не могу-то забыть твоего следочку...
Ох, милый ты мой, Иван Сергеич...
Да как же мы будем-то без тебя-то жить?
Ох, милые вы мои, родные...
Да не знаю, как переживем мы эту зимушку,
Ой, как же мы будем без вас? И где искать-то...
Да опустел-то ваш теплый уголочек...
Да никто-то меня туда не пригласит-то...
Ох, милая ты моя сестричка...
Ой, дак как я соскучилась да по своёй милай,
Ой, да я не знаю, ой, да как я буду вас забывать.
Ох, милая ты моя Лизонька...
Да кинуся я в каждый уголочек...
Да нету твоёго разговора...
Да нету твоёго следочка...
Да запали-то тут дороженьки...
Да куда же я приклоню свою головку...

ПРИЧИТАНИЕ ПО БРАТУ

351

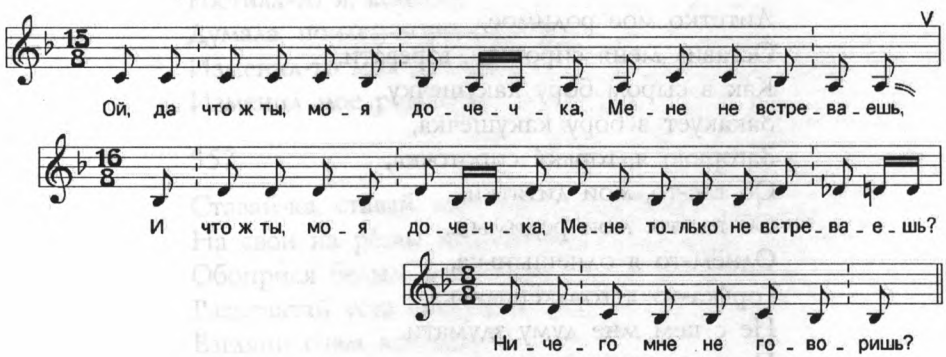
Сокольчик мой, родимый братец,
А напишу я с тобой письмо-грамотку
А ко лебедушке ко родимой матушке,
А не пером-то я буду писать, не чернилами,
А своим-то горючим слезам.
А запечатаю я ету пишму-грамотку
Своёй тоской-кручинушкой,
Отошлю я с тобою, горькá сироточка,
Я к лебедушке родимой матушке.
А передай мое пишмо родимой матушке
Не вожмет ли она в ручки белыя,
Не причитат ли ету пи́сьмо-грамотку,
А не сожалет ли меня, горьку сироточку?
А не прилетит ли она с мелким пташечкам,

А не шадет ли на окошочко,
А не промолвлит ли с нам словечушко,
Не обрадоват ли наше сердечушко?

ПРИЧИТАНИЯ ПО ДЕТЯМ

352

Дитетко родимоё,
Оставила меня, улетела,
Буду я тосковати-горевати,
Да не увижу-то тебя, не услышу,
Ни во поляночке широкой,
Ни в дубравушке зеленой,
Ни на работочке чижолой.
Не оставила ты мне, дитятка,
Ни следочку, ни голосочку,
Отлетала ты своим крылышкам,
Отходила ты резвым ноженькам,
Отмахала ты белым рученькам.

353

Ой, да что ж ты, моя дочечка,
Мене не встреваешь,
И что ж ты, моя дочечка,
Мене только не встреваешь
Ничего мне не говоришь?
А ты ж бувало ко мне и рано, [и] поздно,

А ты ж ко мне два раз[а] на день ездила,
А с[ей]час уже четвертый годочек,
А ты ни разу ко мне не пришла.
Ды ты ж, моя дочечка, подымись,
Ды погляди на своих деточек,
И прижми же ты их к своей... правой
Ручечкой к грудочке к своей.
И зачем ты мене такое горе бросила,
И погляди же ты, моя дочечка,
Ды какие они, твои деточки,
Большие стали.
А у маленького хоть мачеха есть,
А в большого совсем никого нету,
И некому же ему назвать мамой,
И нету у его ни мамочки, ни папочки,
А как я его не жалей, а все равно
Не родимая мамочка.
Ды доченька, да подымись ты,
Ох, да нет же того дружка,
А что родимая мамочка.

354

Дитетко мое родимое,
Оставил меня сиротати, горевати,
Как в сыром бору какушечку.
Закакуёт в бору какушечка,
Загорюю я, горькáя сироточка,
Об вас-то, мои дитятки,
Об вас-то, мои родимыя.
Однём-то я однешынька,
Горькá-то я горькёшынька,
Не с кем мне думу здумати.
Пришло же лето тёплое,
Чижолая работочка,
Как я буду робить,
Сил-то моих не хватает.
Не с кем мне посоветовать,
Хош[ь] бы пришло мне на злочасной денечек
Поговореть с родимой матушкой:

Как-то буду я жить,
Хто меня будет поить-кормить,
Хто меня хоронить будет.

355

Ой, трясите моёго дитетка,
Ой, качайте, моёго дитетка,
Ой, мните вы моёго дитетка,
Бывать ли не отомну его...

356

Вы, мои подруженьки-голубушки,
Пособите моёму горюшку:
Поднять-то мне своёго дитетка
На свои на резвы ноженьки,
По-старому бы он был, по-прежному,
Шел бы он-то у меня по дороженьке,
Шел бы он да добрым мóлодцом,
А по поднебезью — ясным соколом.
Не чáто-то было, не ведано,
Не думала-то я, не гадала,
Что он изменит меня, сироточку,
Рóстила-то я, лéлеяла,
Думала, поилец-кормилец будет.
Изменил-то моя дитятка.
Изменил мое родимоё.

357

Ставай-ка, ставай, мое дитетка родимоё,
На свои на рéзвы ноженьки,
Обоприся белым рученькам,
Распечатай уста сахáрныя,
Взгляни очам яснымя,
Поговори-ка со мной, дитетка,
Со мной-то, родимой матушкой,
Пожалей-ка ты своих малых детушкох,
Чижалешонько мне с имя жить,
С твоим малым детушкам,
Оне сироточки горе-горькия,

Без д родимого своего батюшка.
Нихто-то их не приголубит,
Нихто-то их не приласкует,
Греет-то сонцо красное,
Да не как родимой батюшка.

358

Летит-то мое дитятка
По дороженьке по широкой
Ко звону, ко колокольне
Да во матушку сыру землю,
Во сыру землю, в гробову доску.
Больше-то мне его не видати,
Рас[с]таваюс[ь]-то я с им чижалешонько,
Жаль-то мне своёго дитятка.

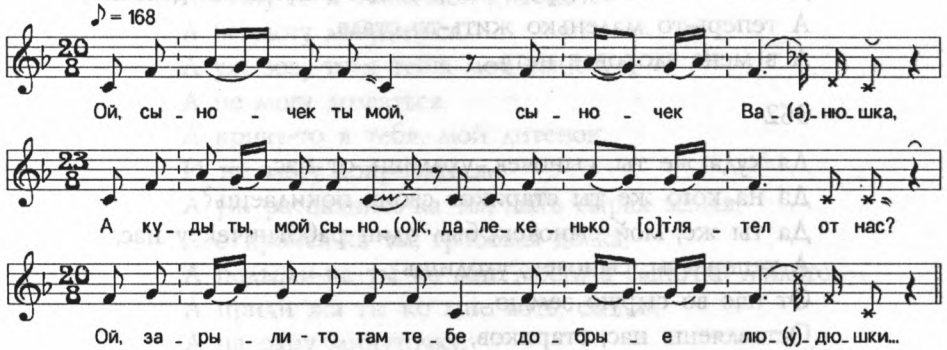
359

Подъезжаю-то я к своёму теплу гнездышку:
Не дома ли мое дитетко?
Приду-то в свое тепло гнездышко,
Овведу-то очами ясными:
Да не дома ли мое дитятко,
Да не воздвратилос[ь] ли родимоё
Гля меня-то, горькóй сироточки,
Гля своих-то родимых дитеткох?
Пустым-то пустешонько в моим теплым гнездышке,
Нету моёго дитетка, нету родимого.

360

Дорогой ты мой сыночек
Костенкин ты Василич,
Уж глупенька ты моя рыбочка,
Уж малым-то ты малешонька,
Уж какой ты был у меня славненькой,
Говорливенькой, забавненькой.
Ой, ты, моя голубушка,
Да как курочка-то снесет яичечко,
Уж не прокараулиш[ь] ты, моя голубушка,
Уж ты выташшишь ето яичечко —

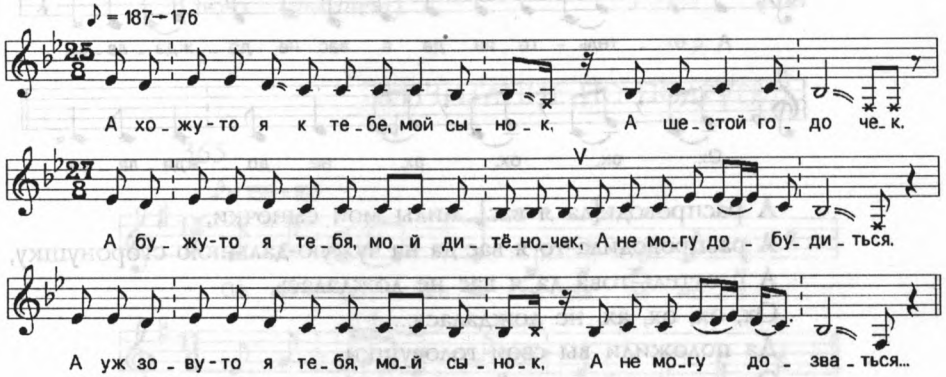
Уж какой же ты был у меня пакосливенькой.
Знала бы я, ведала,
Уж не унимала бы тебя, родимо дитетко,
Уж бей бы ты яичечки.
Ой, да уж не думала я, не гадала,
Уж как же ета беда случилася,
Уж ты, милой мой сыночек,
Уж я думала, ты будеш[ь] мне заменочка,
Уж я думала, ты будешь мне покликáночка,
Уж я думала, ты будешь мне порастушечка,
Уж я думала, ты будешь мне посылочка,
Уж я думала, ты будешь мне помóчушка.
Уж как что же тут теперь случилося,
Уж пришлось-то мне рас[с]таться с моим детушком.

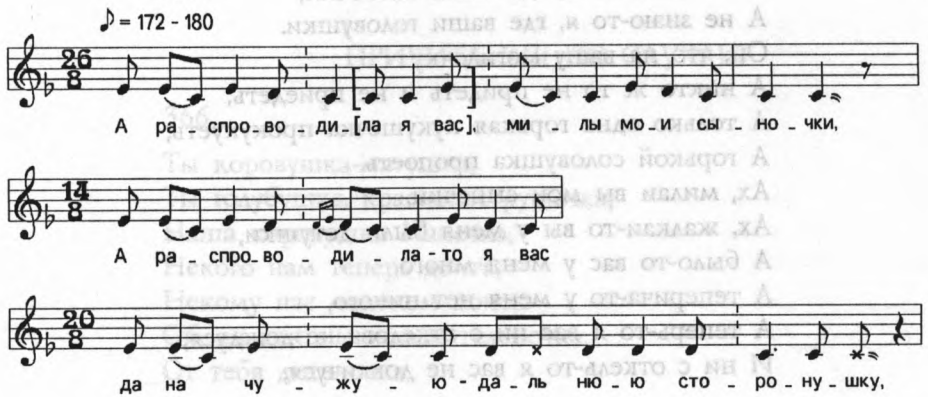
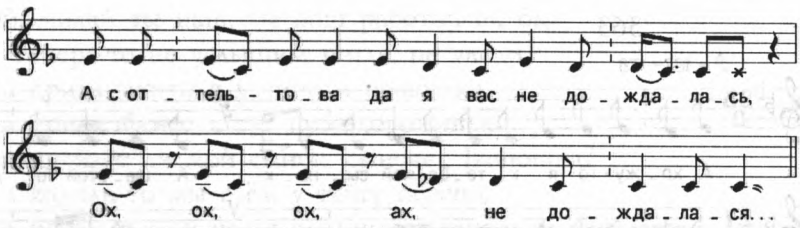
361

Ой, сыночек ты мой, сыночек Ванюшка
А куды ты, мой сынок, далекенько [о]тлятел от нас?
Ой, зарыли-то там тебе добрые людюшки,
Ой, слухаем-то мы теперь кукушечку-горюшечку,
Да примечаю-то я усё сыночка Ванюшку:
Да ня мой ли ето сыночек сидить у сыром бору?
Да сыночка-то ты моя, ой, мой голубчик,
Д[а] оставил-то ты сиротычку горькую,
Д[а] оставил-то ты свою любимую половиночку молоденькую.
Ох, ты сыночка моя, ты мой голубчик сизенький,
Далекенько-то ты уехал от нас, на чужую сторонушку,
Усё-то там тебе хоронили чужие добрые людюшки.

Ой, милай ты наш, ты наш работничек был,
А теперь-то не услышим нигде, не увидим.
Да примечаю-то я у чистом полюшке,
Да примечаю-то я тут пути-дороженьки:
Да ня йдет ли мой сынок, сыночек Ванюшка?
Да ходили-то мы с ём у тайгу глухую,
Да не было-то у нас с ём ишо никакого здоровьичка,
Да добували-то мы с ём кедровые орешки,
Да кормили-то мы с ём да малых деточек,
Да сыночек ты мой, ой, ты мой родименькой,
Да расскажи-ка ты нам, как твоя родимая мамонька мучается,
Ой, сыночек ты мой, ой, мой родимый,
Да схоронила-то я еще свою половиночку,
Да зарыла-то я свого дружка сярдешного,
Д[а] осталась-то я одным-однешенька,
Да кое-то как я доростила еще две маленьких девочки,
А теперь-то маленько жить-то стала,
А в мене здоровья нету...

362

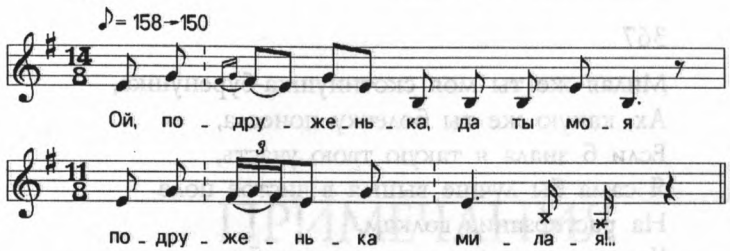
Да куда же ты, сыночек, уходишь от нас,
Да на кого же ты стариков своих покидаешь?
Да ты же, мой сыночек, был один работничек у нас,
А теперь ты, сыночек, уходишь
От нас во сырую землю,
Оставляешь нас, стариков,
Не способных к работе.
Да и кто теперь нас, стареньких,
Будет поить-кормить,
И кто нас похоронит, как мы тебя?
Да мы же, сыночек, на тебя только и надеялись,
А ты, наш родимый, отказался от нас,
И пошел в лес и горы свободу добывать,
Не добился ты свободушки, а смерти себе,
А нам, старикам — горя-горести.
Сожгли вороги нас, все разграбили
И тебя, молодого, со свету сгубили...
Не дали они тебе свободы дождаться,
Да не дали они тебе с новой жизнью спознаться.

363

А хожу-то я к тебе, мой сынок,
А шестой годочек.
А бужу-то я тебя, мой дитёночек,
А не могу добудиться.
А уж зову-то я тебя, мой сынок,
А не могу дозваться.
А кричу-то я тебя, мой дитёнок,
И ни могу докричаться.
А уж распахнись-ка ты, мать сырая земля,
А откройся-ка ты, гробовая доска,
А подыми-ка ты ко мне моего а сыночка милого.
А приди жа ты ко мне хоть, сынок,
А на одну минуточку.

364

А распроводи[ла я вас], милы мои сыночки,
А распроводила-то я вас да на чужую-дальнюю сторонушку,
А с оттель-това да я вас не дождалась,
Ох, ох, ох, ах, не дождалася...
Да положили вы свои головушки,
Ох, на чужой-дальней сторонушке,
А я-то не знаю, а где-то ваши косточки,
А где-то ваша головушка.
Никто-то на вашу могилочку...
Никто-то не придеть, не приедеть,
Ох, милаи вы мои сыночки жалкаи.
Да только стали-поднялися на ноженьки,
Ох, да не попили-то вы,
Ох, не погуляли-то вы,
Ох, милаи мои сыночки,
А не поносили-то вы на себе хорошай рубашечки,
Да не поносили-то вы хорошай одежечки,
Да не поносили-то вы хорошай обувочки,
Да только ж вы поднялися на ноженьки,
Ох, милаи вы мои сыночки...
А не знаю-то я, где ваши косточки,
А не знаю-то я, где ваши головушки.
Ой, что на вашу могилочку
А никто ж то не придеть и не приедеть,
А только одна горькая кукушечка прокукуеть,
А горькой соловушка пропоеть.
Ах, милаи вы мои сыночки,
Ах, жалкаи-то вы у меня были детушки,
А было-то вас у меня много,
А теперича-то у меня нет никого,
А теперь-то я вас ни с откедова не дождуся,
И ни с откель-то я вас не докличуся,

Да милаи вы мои детушки,
О-о-о... (*рыдает*).

ПРИЧИТАНИЕ ПО ПОДРУГЕ

365

Ой, подруженька, да ты моя подруженька милая!
Да куда жа тольки ты, куда ты собралася,
Ой, куда жа тольки ты так бравенько нарядилась?
Ой, да расправ[ь]-ка ты свои сизенькие крылушки,
Ой, да полетай-ка ты, поищи мово братца родимого,
Ой, да передай-ка ты яму от меня низенький поклончик,
Ой, да расскажи-ка ты там яму про меня нестястную,
Ой, да как-то я тут шибко горюю да много сибко плачу,
Ой, да расскажи-ка ты яму, как тут живут твои внучаточки,
Ой, да пусть-ка-то он забяретси на ту крутую горушку,
Да посмотрит-то он на нас и на своих внучаточек,
Ой, да ждем-то мы яго жд[ем], никак ни дождемся,
Ой, улятел-то он от нас, ушел раным шибко ранешенько...

ПРИЧИТАНИЯ ПО СЛУЧАЮ

366

Ты коровушка-матушка,
Ты голубушка, краснопеструшечка,
Наша коровушка Манечка,
Некого нам теперь доить,
Некому нас молоком поить.
Ой, да как мы ждали теленочка,
От тебя дитеночка,

Мы бы его кормили, ласкали,
С нём бы играли.
Ой, коровушка Манечка,
Оживи хоть маненечко,
Мы нарвем тебе из канаушки
Зелененькой траушки.

367

Милая же ты моя скотинушка-буренушка,
Ах, какую же ты болечку понесла,
Если б знала я такую твою участь,
Я сама бы лучше вышла в чистое поле
На растерзание волкам,
Чем донести такую тяжесть тебе,
Милая буренушка.
Сколько ты меня кормила и поила молоком,
И теперь мне придется с тобой расстаться.
Не осуждай ты меня, горемыка.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

СВЕДЕНИЯ О ТЕКСТАХ И ПРИНЦИПАХ ИХ ПУБЛИКАЦИИ

Формирование корпуса текстов двух основных частей тома имеет свою специфику. Публикаций свадебного фольклора Сибири сравнительно много, удалось обнаружить и взять на учет достаточно солидное количество рукописных архивных материалов данного жанрового комплекса. Поэтому составители могли выбирать для включения в том наиболее показательные и качественные образцы, при этом основное внимание было уделено свадебным традициям русских старожилов разных регионов Сибири, наиболее самобытной части ее переселенческого населения. Значительное место занимают также сравнительно слабо введенные в научный обиход комплексные (музыкально-поэтические) записи свадебных песен и причитаний старообрядцев Зауралья и Алтая, до наших дней сохранивших свадебный ритуал причетно-песенного типа. Новопоселенческий материал представлен в данной работе достаточно ограничено, как бытующий в Сибири и преобладающий в общей массе фольклорных традиций ушедшего века, но уступающий творчеству старожилов в локальной самобытности и репрезентативности. Свадебные тексты располагаются в песенном корпусе по этапам «обобщенного» сибирского свадебного обряда от *просватанья* до послевенечных ритуалов, внутри каждого раздела расположение текстов опирается на учет локативных, темпоральных и функционально-тематических характеристик.

Источниковая база похоронно-причетной части существенно отличается от свадебной как по количеству, так и по качеству архивных записей и публикаций. Бóльшая их часть, включая не только образцы традиционно-формульного характера, но и спонтанные «одноразовые/одномоментные» импровизации, включена в текстовый корпус тома. Похоронные причитания сгруппированы по «персоналиям» — причитания по матери, по отцу, по мужу и т.д. Ряд причитаний из собрания М.К. Азадовского, опубликованных им в виде единых целостных текстов (под одним номером), разбиты составителями раздела на несколько самостоятельных фрагментов, относящихся к разным этапам похоронного обряда (№ 320, 321, 331—335, 340—345, 354—359).

При отборе текстов для включения в основной корпус составители руководствовались прежде всего желанием продемонстрировать жанровое, стилевое и локальное разнообразие сибирского семейно-обрядового фольклора, опираясь на достоверный материал.

В примечании к каждому тексту приведены следующие сведения: порядковый номер песни, причитания или наговора (нумерация в основном корпусе тома сквозная), название произведения преимущественно по первой строке (с восстановлением в необходимых случаях словообрывов, добавлением для наговоров с одинаковыми зачинами функционально-тематических определителей); для свадебных текстов — жанровое определение; указан источник настоящей публикации: архивный (со ссылкой на шифр рукописи или фонограммы) или опубликованный (первопубликация и переиздания). Наименования учреждений, архивов, рукописных фондов в значительной своей части даны по состоянию на период подготовки книги к изданию.

Паспорт песни включает информацию о собирателе, времени и месте записи (во всех возможных случаях для записей XIX — начала XX в. параллельно указывается определение места по современному административно-территориальному делению), исполнителях с указанием их возраста и в отдельных случаях места рождения (если оно расходится с местом проживания или записи). Полнота паспортных данных зависит от полноты сведений о тексте, содержащихся в первоисточнике. В тех случаях, когда это известно, указываются особенности исполнения песни, наговора или причитания (в том числе и похоронного). Во всех необходимых случаях указан автор нотировки.

В примечаниях поясняется содержание встречающихся в тексте устаревших или диалектных слов, не вошедших в разд. «Словарь малоупотребительных слов, архаизмов и заимствований».

Кроме того, даются отсылки на варианты текстов, обнаруженные в сибирских публикациях (отдельные, наиболее показательные из них приводятся в примечаниях); ссылки на варианты из европейской части России делаются по песенным собраниям И.В. Киреевского, А.Н. Соболевского и П.В. Шейна и приводятся после знака ♦. Информация о сибирских текстах из этих собраний отражена в разделе о сибирских вариантах.

Основная трудность, с которой пришлось столкнуться при подготовке корпуса текстов настоящего издания, заключается в пестроте исходного материала разных лет записи: архивного и опубликованного, осуществленного с использованием звукозаписывающей техники и без нее («на карандаш»), нотированного или ограниченного фиксацией только словесного компонента произведения. Стремление хотя бы в некоторой степени сгладить исходную пестроту записей привело к формированию круга текстологических процедур, положенных в основу подготовки к публикации текстов разного типа.

Наиболее очевидны различия между текстами рукописной традиции и аудиозаписями. Так, в первом случае разный уровень квалификации, исходных установок и текстологических представлений собирателей определил различие степени фиксации устойчивых диалектных форм и индивидуальных исполнительских особенностей произношения или пропевания словесного текста. Точность, полнота и степень последовательности их отражения собирателем в настоящее время недоступны проверке и принимаются как данность. При подготовке подобных текстов к настоящему изданию полностью сохраняется диалектная лексика, искаженные же фрагменты отдельных исполнительских или собирательских редакций произведения (явные ого-

ворки или описки) комментируются в примечаниях. Тексты ранней записи приведены в соответствие с нормами современной орфографии и орфоэпии: сняты все фонетические обозначения звуков, совпадающих с современным произношением (*што>что, -ова>-ого* и т.п.), однако сохранены самобытные окончания прилагательных разных падежей (*«у грушицы у зеленыя», «скатерти браныя», «разлушной день», «из лугов зеленыих», «по перилечкам хрустальныям»*) и другие фонетические и грамматические особенности диалектного характера (*«восударыня», «зерькальце», «со любезным подруженькам», «желты пески», «у м[ен]я нет», «под ём», «девиса»*). Ударения, проставленные собирателями, сохранены, если они не совпадают с нормой. В нотированных образцах ранней записи безударные звуки, совпадающие с опорными долями музыкальной метрической пульсации, отмечены знаком ударения. Пунктуация согласована с современными требованиями, при этом в большей степени, нежели в источниках, реализованы ее выразительные функции.

Сохранение диалектных особенностей языка исполнителей наиболее заметно в текстах, выполненных по звукозаписям. Это касается не только морфологии, лексики и синтаксиса, но и фонетических явлений, которые в рукописных записях представлены весьма умеренно и зачастую непоследовательно. Сибирский семейно-обрядовый фольклор, даже ограниченный старожильческим историко-культурным пластом, не демонстрирует единообразия, то есть устойчиво выдержанного соблюдения норм какого-либо одного говора. Как известно, Сибирь является территорией позднего формирования населения и связанных с ним культурных традиций. Поэтому в публикуемых текстах наблюдаются языковые явления, типичные как для северного, так и для южного наречий (проявляются также и характерные черты среднерусских говоров). В качестве примера сошлемся на свойственное северному наречию стяжение гласных в глагольных формах 3 л. ед. ч. (*«дождичек побрызгиват»*) или окончаний прилагательных (*«нова горенка»*); на мягкое *т* в формах 3 л. глаголов (*«шумить»*) или аканье, типичные для южного наречия.

Все выше изложенное объясняет заметные колебания в фиксации некоторых характерных черт местной речи в произведениях, записанных в разных сибирских областях и от разных по историко-культурным характеристикам исполнителей (например, от старожилов, новопоселенцев или старообрядцев). Следует обратить внимание на то, что некоторые фонетические и лексико-грамматические варианты нередко наблюдаются в одном и том же тексте (оканье и аканье, твердость и мягкость согласного, стяженные и полные формы глагола или прилагательного, неустойчивость суффиксации и тому подобные местные словоизменения и словообразования). По-видимому, эти явления в языке переселенцев разного времени объясняются взаимодействием привычного говора и местной языковой среды и для записей, выполненных на протяжении XX в., они вполне естественны. Составители тома, работая с аудиозаписями, стремились к более детальному отражению особенностей локального диалекта и исполнительской манеры в публикуемых произведениях.

Особое место в осознании необходимости фиксации всех подробностей и тонкостей певческого (причетного) произношения, в том числе и непоследовательности в говоре одного и того же исполнителя, принадлежит М.К. Азадовскому и его «Ленским причитаниям». Автор формулирует текстологические принципы, принятые им при подготовке текстов к изданию [Азадовский, с. 71—72], в частности,

он обращает внимание на ряд нефиксируемых им фонетических явлений (*уш* > *уж*, *г дому* > *к дому*). Составитель текстового корпуса причетной части расширила круг фонетических явлений, обозначение которых согласовано с литературными нормами современной орфографии и орфоэпии. Сняты элементы аканья (*а безударный* > *о*), иканья (*и безударный* > *е*), осовременены окончания прилагательных и глаголов (*-ово/-ова* > *-ого, -ца* > *-тся/-ться, еш* > *еш*[ъ]), приведены к норме некоторые иные фонетические отклонения речевого происхождения, унифицированно обозначаемые Азадовским во всех случаях («*сироцким*» > «*сиротским*», «*расставаюс*» > «*расставаюс*[ъ]», «*што*» > «*что*», «*тяжолыя*» > «*тяжелыя*», «*нагледися*» > «*наглядися*», «*подъежжаю*» > «*подъезжаю*»). Если в первоисточнике зафиксированы разные варианты произношения одного и того же слова, они сохраняются и в настоящей публикации («*гаречим, горечим, горячим*»), как и все безусловные фонетические, словообразовательные и грамматические диалектные особенности.

Словесные тексты свадебных песен, как и причитаний, ради экономии места даются как бы в стиховом изложении, без деления на строфы. В нотированных образцах объем и строение строфы легко восстанавливаются по аналитической записи напева. В песенных текстах реконструированы отсутствующие в отдельных опубликованных источниках повторы строк и имеющиеся сокращения, что отражено в примечаниях.

Курсивом без кавычек набраны слова собирателя, курсивом в кавычках — исполнителей. Реконструируемые фрагменты заключены в квадратные скобки, в круглые — ремарки исполнителей поясняющего характера и необычные огласовки или повторения гласного после словоразрыва. В словесных текстах отмечены также устойчивые (последовательно зафиксированные собирателем или нотировщиком) словообрывы.

Огласовки, как сугубо певческие элементы, фиксируются только в подтекстовках к нотным строкам без фонетической расшифровки («*ба-тю-ш-ка*», а не «*ба-тю-ши-ка*»), в последующих словесных текстах они, как правило, отсутствуют. Подобное решение принято по следующим мотивам: во-первых, в большинстве случаев фиксация огласовок не обладает последовательностью; во-вторых, стандартный способ обозначения огласовок с помощью гласных *ы* (после твердых согласных) или *и* (после мягких) не вполне точен, поскольку не учитывает приблизительности буквенного обозначения данного звука и его вариативности. Даже заключенные в скобки, эти знаки ориентируют на однозначную трактовку, унифицированное и чрезвычайно прямолинейное воспроизведение звуков, соответствующих в разных контекстах не вполне одинаковым артикуляциям (что весьма ярко проявляется в певческой практике коллективов, разучивающих песни не с фонограммы, а по письменной записи).

Все впервые публикуемые нотировки сверены со звукозаписями песен, что дало возможность отобрать наиболее квалифицированно выполненные образцы и в определенной степени унифицировать условные знаки, применяемые разными нотировщиками. При этом предпочтение отдавалось хорошо апробированным в отечественной музыкальной фольклористике способам, приемам записи традиционной музыки, которые не требуют особых пояснений. Тем не менее хотелось бы обратить внимание читателя на некоторые общие моменты.

Во-первых, предпочтение отдано не общепринятому (грамматическому), но более точно передающему особенности «живой» певческой практики *вокальному способу подтекстовки мелодий* по принципу «открытого слога» (в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» он впервые был применен в томе: Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни. Заговоры / Сост. Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников, Н.В. Леонова. — Новосибирск: Наука, 1997).

Во-вторых, расстановка тактовых черт отражает стилистическое многообразие мелодического материала. В большинстве случаев сплошные тактовые черты используются в качестве разделительных знаков, отмечающих границы слогоритмических периодов, координированных со стихом тонической структуры; акцентные (и́ктовые) слогоноты отмечены пунктирной тактовой чертой. В нотных образцах № 22, 163, 200, 215, 222, 223, 239, 263, 270 сплошная тактовая черта совпадает с цезурами стиховой структуры, разделяя стихи и полустишия, в образцах № 196, 216—218, 240 дополнительная пунктирная черта выделяет икты полиструктурного стиха. В напевах с ярко выраженной пульсацией сильных и слабых долей (№ 54, 60, 61 и др.) сплошные тактовые черты расставлены в акцентно-динамическом значении. При тактировании распетых мелодических образцов (№ 63, 89, 104, 105, 107, 108, 145, 147, 238, 249, 253, 302 и др.) использованы сплошные и пунктирные тактовые черты, помогающие зафиксировать кристаллические и динамические тенденции как слогоритма, так и собственно мелодического движения.

Повторно публикуемые нотировки в случае необходимости были отредактированы (синтаксическое ранжирование, подтекстовка, тактовая редакция и пр.), наиболее существенные изменения первоначально опубликованного текста оговорены в примечаниях.

Условные обозначения, используемые в нотной записи:

— звучание октавой ниже записанного;

 — знаки микроальтерации, незначительное повышение или понижение звука;

 — отмена знака микроальтерации;

— восходящее или нисходящее скольжение (glissando);

— полуречевой звук;

— звук неопределенной высоты;

 — незначительное удлинение или укорочение звука;

 — вибрирующий звук;

 — акцентированный звук;

◇ — «фальцетный» звук;

V — дыхание;

— конец строфы.

Нотным петитом или нотными знаками в круглых скобках выделены варианты, возможные в последующих строфах.

Н.В. Леонова

Часть первая

СВАДЕБНАЯ ПОЭЗИЯ

ПРОСВАТАНЬЕ

1. Горе-горькая я да горемычная! Причитание *невесты-сироты.* Источник и переиздание: Логиновский, с. 26; Потанина I, № 20. Записал К.Д. Логиновский в 1890-е гг. в Титовской ст-це Читинского окр. Восточного Забайкалья (ныне Читинская обл.) от казака Кириллова.

2. Ты родима моя мамонька. Причитание. Источник и переиздание: Кашин, с. 153—154; Потанина I, № 16. Записал Н.И. Кашин в 1850-е гг. на р. Аргунь в Восточном Забайкалье.

Сюжетный мотив обиды *невесты* на родителей присутствует в образце причетной песни, записанной в 1979 г. Н.А. Новоселовой и Н. Шульгиной в пос. Таежный Кежемского р-на Красноярского края от А.С. Сизых, 1902 г.р., уроженки д. Кежемская Заимка этого же района:

Ой, да неужели, ой, я вам, я вам наскучила?
Да не... ой,
Ой, да неужели я на... ой, вам напрокучила?
Да не... ой,
Ой, да не сусек я хле... ой, я хлеба выела,
Ой, да не сундук я пла... ой, я платья выносила,
Да ты... ой,
Ой, да ты помянешь ты, ро...ой, да ты, родной батюшко,
А-э-ох,
Ой, да у нужды-то меня, у бедности,
Да у... ох,
Да у работы у... ой, ты у тяжелою,
Да у... ох,
Да у косы ты у... а-ой, ты у булатною,
Да у...
Ой, да серпа ты у... ой, да у железною.

(КрГПУ, Я1-6/1979)

3. Ты родимый да мой тятенька. Причитание *невесты* на *сговоре*. Печатается по изданию: Междуречье, № 105. Поэтический текст ранее был опубликован: Потанина I, № 145. Записал В.Г. Захарченко в 1971 г. в с. Новочановка Барабинского р-на Новосибирской обл. от Ф.И. Леготиной, 1901 г.р. Нотирование В.Г. Захарченко.

Поско́тина — выгон, пастбище или изгородь вокруг них.

4. Ты родимая матушка! Причетная песня. Источник и переиздание: Шейн, № 2466; Потанина I, № 142. Записал А.А. Доброхотов в Иркутской губ. от П.П. Савицкой и Е.М. Казанцевой.

5. Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас [при сватовстве]. Наговор *дружки*. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова, Т-155I, МК-002А9. Записала Н.Р. Деген в 1989 г. в с. Бобровка Первомайского р-на Алтайского края от З.С. Шляховой, 1914 г.р.

Оригинальный текст наговора *дружки* мог исполняться и в других ритуалах (*рукобитье*, *девичник*). Это единственный случай приурочивания исполнителем данного жанра к сватовству: ни в известных нам публикациях, ни в архивах, ни в личной собирательской практике с подобными фактами встречаться не приходилось. К сожалению, собиратель не уточнил, как часто (или обязательно!) звучал данный наговор именно в этом обряде. Остается удовлетвориться предположением: или исполнитель действительно сохранил в памяти местную традицию, или, хорошо запомнив словесный текст, забыл место наговора в свадьбе и произвольно определил его, опираясь на стих «*Как сваты сватали...*».

Сена по копне — т.е. много.

РУКОБИТЬЕ

6. Ты ясно ли, красно солнышко. Песня-причет. Источник и переиздание: Кривошапкин, с. 60; Потанина I, № 138. Записал М. Кривошапкин до 1865 г. в Енисейском окр. Енисейской губ.

По замечанию собирателя, песня исполнялась в вечер *рукобитья*, когда провожали гостей со стороны *жениха*.

Вар.: Гуляев, с. 5—6.

7. Да еще есть-то в гостях да е... ой, да есть у батюшки. Причетная песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова, Т-325, МКА6. Записала Л.Н. Белых в 1987 г. в с. Яркуль Купинского р-на Новосибирской обл. от сестер В.Н. Кайда, 1904 г.р. и Ф.Н. Подкосовой, 1912 г.р., уроженок д. Бехтень Барабинского р-на этой же области Нотирование Н.В. Леоновой.

«Путь да занавесу» = «куть-занавесу» (?).

8. На море утка купалася. Песня. Источник и переиздание: Чит. сб., с. 247; Потанина I, № 125. Записана до 1916 г. в Забайкалье.

Вариант широко известной в Сибири песни. Стихи 11—26 близки по содержанию песне «*Из гор-горы*» (Потанина I, № 121), записанной в Красночикойском р-не Читинской обл. В публикации Майнова вариант с нарушением психологического параллелизма (основная часть текста о девушке, а зачин об утке):

На море утка купалася,
На желтых песках сушилася.

По крыльцу шла — умывалася,
По сеням — утиралася,
Во горницу вошла — свечи теплятся,
За столом сидит родной батюшка,
На столе стоит чара зелена вина.
Уж ты, батюшка, пей, — меня не пропей,
Пропивай лучше добра коня;
Коня пропьешь — другого возьмешь,
Меня ж пропьешь — другую не возьмешь.

(Майнов, с. 61)

Вступление в записи Шишкова короче, но логически выдержано, психологический параллелизм сохранен:

На море утица купалася,
Красная девица на крыльце умывалася...
(*И далее все о девушке*)

(Шишков, с. 79)

Вар.: Авдеева, № 5; Аркин I, № 4; Майнов, с. 61; Потанина I, № 121—123, 125; Свиридова, № 696; Татаринцева, № 7, 8 (с иным зачином); Шейн, № 1569; Шишков, с. 79, 90; Щуров, № 22.

9. В городе перстень ковали. Песня-причет. Источник и переиздание: Кривошапкин, с. 70; Потанина I, № 128. Записал М. Кривошапкин до 1865 г. в Енисейском окр. Енисейской губ.

Вар.: Шейн, № 2465.

10. Петухи мои, петухи. Песня. Источник и переиздание: Шейн, № 2465; Потанина I, № 129. Записал А.А. Доброхотов в Иркутской губ. от П.П. Савицкой и Е.М. Казанцевой.

«Ихой» = «их».

Вар.: Авдеева, № 107, 108; Логиновский, с. 20; Потанина I, № 131, 132; Эпов, с. 25.

11. Петухи ранни-утренни. Причитание. Источник и переиздание: Протасов I, № 4; Потанина I, № 33. Записал Н.П. Протасов в 1900 г. в с. Янгуты Балаганского окр. Иркутской губ. Нотирование Н.П. Протасова.

12. Да вы не пойте, куры-петухи. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова, Т-301, МЛВІ. Записали Г.В. Бузюргина и Г.А. Воротынцева в 1986 г. в с. Остяцк Северного р-на Новосибирской обл. от Е.И. Деветьяровой, 1911 г.р. и А.П. Давыденко, 1909 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

Политекстовый напев, отмечен также в свадебном обряде с. Екатериновка Третьяковского р-на Алтайского края.

13. Не подходи, мамонька. Причитание. Печатается по изданию: Прииртышье, № 12. Записала Л.В. Новоселова в 1966 г. в д. Мыс Муромцевского р-на Омской обл. от Т.А. Горностаевой-Федоровой, 65 л.

14. Не полати-то грянули. Песня. Источник и переиздание: Швецова II, с. 80; Потанина I, № 139. Записала М. Швецова в Змеиногорском окр. Томской губ. (ныне Алтайский край) в 1890-е гг.

Исполнялась, когда завершался обряд и молодых разбивали по рукам.

Гря́нули — обрушились, упали с треском.

Вар.: Багизбаева, № 27; Свиридова, № 693.

15. На горе-горе. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова, Т-286, МК3В6. Записали О.И. Кожало и А.И. Даттай в 1985 г. в пос. Целинный Коченевского р-на Новосибирской обл. от А.П. Ощепковой, 1910 г.р., родители из Казанской губ. Нотирование Н.В. Леоновой.

Песня может исполняться в день свадьбы при *выкупе*.

16. Расшаталася в поле грушица. Песня. Источник и переиздание: Логиновский, с. 25; Потанина I, № 150. Записал К.Д. Логиновский в 1890-е гг. в ст-це Кайдаловской Нерчинского окр. Забайкальской обл. (ныне с. Кайдалово Карымского р-на Читинской обл.).

Во́ску я́рого — воск от яровых (новоройных) пчел.

Вар.: Багизбаева, № 28; Песни Юж. Алтая № 8; Киреевский, № 209.

Более широкое распространение приобрела другая песня с близким зачином и сходными начальными сюжетными мотивами. В разных местах Сибири она исполняется на разных этапах свадьбы — от *просватанья* до *утра свадебного дня*, когда в доме *невесты* ожидают *поезд жениха*. Вот один из характерных образцов, записанный в 1981 г. Н.С. Индан, Н.В. Леоновой и ФЭ НГК в с. Локти Мошковского р-на Новосибирской обл. от Г.В. Лехман, 1928 г.р., А.К. Хромовой, 1911 г.р., Е.В. Бородиной, 1920 г.р., П.В. Белобородовой, О.А. Белой, 1931 г.р.:

Расшаталась в поле рощица,
Да расшаталася зеленая.
Расплакалась красна девица
Да о своем великом горечке.
О своем великом горечке
Да о своей родимой матушке,
О своей родимой матушке
Да о своем родимом батюшке.
— Дороги мои родители,
Да вы зачем же пиво варите,
Вы зачем же пиво варите —
Да или сына женить хочете?
Или сына женить хочете
Да или сноху в дом приводите,
Или сноху в дом приводите
Да красоту в доме наводите?
— Дорогая наша Машенька,
Да мы хотим тебя замуж отдать,
Мы хотим тебя замуж отдать
Да за такого добра молодца.
За такого добра молодца
Да за Ивана-то Петровича.

(АТМ, А0009, п 019)

В локтинской традиции исполнялась подругами *невесты* перед приездом *свадебного поезда жениха*. С этим же напевом в Локтях *жениху* исполняли величальную песню «*Во саду-то да все во садичке*».

Вар.: Индан, № 1, 2; Мехнецов, № 4; Пархоменко, № 11; Потанина I, № 6—8.

17. Что ж ты, реченька небыстрыя, текешь, да. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова, Т-I83, МКВ6. Записала Л.М. Тюнина в 1982 г. в с. Юрты Тогучинского р-на Новосибирской обл. от И.И. Гордеевой, 1913 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

18. Ох, бласлави-ка ты меня, кормилец-батюшка. Причитание. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова, Т-24I, МЛА6. Записала Л.И. Сугак в 1984 г. в Новосибирске от Е.Е. Муриной, 1910 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

Невесту благословляли хлебом, иконой и свечкой. Из рассказа исполнительницы: «*Сейчас этого совсем нет. У нас были вопилки. Вопили по неделе мы. Плакали, вопили да прачитывали. А потом уж собирали девишник... Я все время вопила, причитывала*».

ДЕВИЧНИК

19. Потрудитесь, мои сестрицы. Песня *зва́тов.* Источник и переиздание: Логиновский, с. 29; Потанина I, № 291. Записал К.Д. Логиновский в 1890-е гг. в Ундинской ст-це Нерчинского окр. Забайкалья (ныне с. Унда Балейского р-на Читинской обл.) от казачки Подойницыной.

Исполняли подруги *невесты*, приглашая гостей посетить *девичник*, помочь зарученной собраться к венцу.

20. Вам, девушки, мои милые подруженьки. Песня-причет. Источник и издание: собр. М.Н. Мельникова, тетр. 712, № 11; Потанина I, № 292. Записала Г.М. Боровская в 1972 г. в д. Владимировке Убинского р-на Новосибирской обл. от С. Чухровой, 1900 г.р.

21. Над рекой то было, над реченькой. Песня. Источник и переиздание: Шишков, с. 84; Потанина I, № 305. Записал В. Шишков в 1911 г. в Киренском уезде Иркутской губ.

Вар.: Майнов, с. 56; Прибайкалье, № 75; Чит. сб., с. 248.

22. Камочка, камочка моя. Песня. Печатается по изданию: Протасов I, № 6. Записал Н.П. Протасов в 1900 г. в с. Янгуты Иркутской губ. Нотирование Н.П. Протасова.

Вар.: Песни Юж. Алтая, № 11.

23. По сеням-то было, ой, по сеньюшкам, да. Величальная песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А 43, МК2-I3. Записал В.В. Асанов в 1985 г. в с. Головное Лебяжьевского р-на Курганской обл. от М.С. Федоровой, 1908 г.р. и В.Н. Ивановой, 1913 г.р. Нотирование Т.В. Дайнеко.

Величали *жениха* и его друзей, пришедших на *девичник*.

Вар.: Бартенев II, № 18; Ив.-Балин, № 52.

24. Как у грушицы у зеленыя. Песня. Источник и переиздание: Шейн, № 2467; Потанина I, № 308. Записал А.А. Доброхотов в Иркутской губ. от П.П. Савицкой и Е.М. Казанцевой.

Обнесло́ (листья) — разнесло.

Вар.: Красн. II, № 127; Федорова II, с. 217.

25. Не кладите Богу жалобу. Песня. Печатается по изданию: Мехнецов, № 1. Записал А.М. Мехнецов в 1969 г. в с. Петухово Томского р-на Томской обл. от М.Ф. Протопоповой, 79 л., К.К. Квасовой, 60 л. Нотирование А.М. Мехнецова.

Повторения строк словесного текста восстановлены по примечанию к песне (Мехнецов, с. 20).

Вар.: Демина II, № 3; Красн. II, № 125; Татаринцева, № 11.

26. У плота, плота медяного. Причитание. Источник и переиздание: Протасов I, № 2; Потанина I, № 63. Записал Н.П. Протасов в 1900 г. в с. Янгуты Иркутской губ. Нотирование Н.П. Протасова.

Выме́тывать — играть, ставить на кон.

Медя́ный плот — видимо, медный помост на воде, мостки.

Вар.: Логиновский, с. 73—74; Чит. сб., с. 235—236.

27. По чему речка протекла. Песня. Источник и переиздание: Красн. I, № 110; Потанина III, № 247. Записала С.Н. Кондратьева в 1956 г. в с. Плотбище Енисейского р-на Красноярского края от В.А. Нестерова, А.К. Нестеровой и Т.М. Чуроксаевой. Нотирование С.Н. Кондратьевой, реальное звучание на $2^1/_2$ тона ниже записанного.

«В гости в карты» = «в кости-карты».

28. Ох, ведь не бушуй-ко-те. Песня. Печатается по рукописи: ВООПИиК, 1979-П-101. Записала Л.А. Мухомедшина в 1979 г. в с. Кежма Кежемского р-на Красноярского края от А.И. Брюхановой, 1902 г.р., уроженки д. Заимка Недокурского с/с этого же р-на.

Вар.: № 238 наст. изд.

29. Уж ты ласточка касатая. Песня. Печатается по изданию: Мехнецов, № 25. Записал А.М. Мехнецов в 1968 г. в с. Корнилово Томского р-на Томской обл. от К.А. Доманевской, ок. 70 л. Нотирование А.М. Мехнецова.

Один из близких вариантов записан в 1990—1991 гг. ФЭЭ ТУИ в д. Лебяжье Сорокинского р-на Тюменской обл. от М.С. Наговициной, 1918 г.р.:

Уж ты, ласточка касатая
Да перепелка полосатая,
Ты зачем рано вылетывала
Да из своего тепла гнездушка?
— Не сама я вылетывала,
Да приневолил меня батюшка.
Приневолил меня батюшка
Да со моей родимой матушкой.
Со моей родимой матушкой
Да во чужие люди добрые.
(Демина I, № 20)

Вар.: Авдеева, № 3; Арефьев, прил. I, с. 66; Багизбаева, № 75; Гуляев, № 35; Демина I, № 18, 19; Кривошапкин, с. 59—60; Леонова, № 124; Майнов, с. 62; Мехнецов, № 26; Песни Юж. Алтая, № 13; Татаринцева, № 32; Чит. сб., с. 215, 237; Шейн, № 2477.

Обида на *невесту* за обман — сказала, не пойдет, и пошла — и ответ в оправдание невольного обмана в вар.: Ларионова, с. 349; Майнов, с. 55; Потанина I,

№ 321, 325; Прозвицкая, с. 127—128; Швецова I, с. 25; Шейн, № 2480; ♦ Киреевский, № 197.

30. Да ты, ласточка, ласточка. Песня. Источник: Прииртышье, с. 32, № 13. Записали В.А. Василенко и И. Шушарина в 1952 г. в р.ц. Крутинка Омской обл. от А.А. Мартыновой и В.Ф. Сугатовой.

Поют *невесте* на *смотринах*.

31. Ах, ты солнце, солнце красное! Песня. Источник и переиздание: Авдеева, с. 105—106, № 3; Потанина I, № 315. Записала Е.А. Авдеева в 1830-е гг. в г. Иркутске.

Дородный — рослый, статный, красивый.

Вар.: Потанина I, № 314, 316—320.

32. Ой, да Енисей-то река. Причетная песня. Печатается по рукописи: ВООПИиК, 1980-П-147-I. Записала Л.А. Мухомедшина в 1980 г. в д. Заимке Кежемского р-на Красноярского края от А.И. Брюхановой, 1902 г.р.

Оверни́сь — обернись, превратись.

Вар.: Гуляев, с. 21—22; Захарченко, с. 149—150; Костюрина, № 5; Розенбаум, с. 94—95; Чеканинский, с. 30—32; ♦ Киреевский, № 168, 287, 302, 346, 353, 409, 414, 548, 585.

33. Ой, да Енисей, ты ре[ка]. Причетная песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: КрГПУ, Я I-4/1979. Записали Н.А. Новоселова и Н. Шульгина в 1979 г. в пос. Таежный Кежемского р-на Красноярского края от А.С. Сизых, 1902 г.р., уроженки д. Кежемская Заимка этого же района. Нотирование Н.В. Леоновой.

34. Зайду, зайду млада на гору. Причетная песня. Источник и переиздание: Языков, с. 118—119; Потанина I, № 327. Записали И. Суворов и А. Языков в 1890-е гг. на р. Илим в Иркутской губ.

Вар.: Авдеева, № 9; Прибайкалье, № 106.

35. А поднялась-то бы буря-погодушка. Причитание *невесты-сироты*. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АКЦФ и НР, XII-10, № 24. Записала В.И. Бодрова в 1991 г. в р.ц. Красногорское Алтайского края от Е.А. Волосниковой, 1920 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

Громова́ стрела́ — молния.

Вар.: см. нот. прим. V (в разд. «Просватанье»).

36. Как во светлой во светлице. Песня. Источник и переиздание: Протасов I, № 5; Потанина I, № 69 (словесный текст). Записал Н.П. Протасов в 1900 г. в с. Усть-Кяхта Забайкальской обл. (ныне Кяхтинский р-он Бурятии). Нотирование Н.П. Протасова.

Вар.: Авдеева, № 12; Прибайкалье, с. 147—148; Чит. сб., с. 240—241.

37. Ты душа ли, наша душенька. Песня. Печатается по изданию: Мехнецов, № 2. Записал А.М. Мехнецов в 1969 г. в с. Петухово Томского р-на Томской обл. от М.Ф. Протопоповой, 79 л. и К.К. Квасовой, 60 л. Нотирование А.М. Мехнецова.

По сведениям собирателя — одна из самых распространенных песен в регионе Томского Приобья.

Вар.: Мехнецов, № 3, 5, 6; Похабов, № 18.

38. [А-ой, да еще] что у нас в поле. Причетная песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: КрГПУ, Т2—4/1979. Записали Н.А. Новосе-

лова, Н. Шульгина в 1979 г. в пос. Таежный Кежемского р-на Красноярского края от А.С. Сизых, 1900 г.р., уроженки д. Кежемская Заимка этого же района. Нотирование Н.В. Леоновой.

Вар.: Мухомедшина Л.А. Традиционные собрания холостой молодежи в Среднем Приангарье. (Конец XIX — XX в) // Зрелищно-игровые формы народной культуры. — Л., 1990. — С. 68—70 (нот. прил.).

39. У Сарфеи, у премудрой. Песня. Источник и переиздания: Алексеев, с. 53; Потанина I, № 343; ФРУ, № 188. Записал Н.М. Алексеев в 1946 г. в Русском Устье от Е.А. Чикачевой, 1878 (?) г.р. и С.П. Киселева, 1885 г.р.

Вар.: Авдеева, № 1; Гуляев, с. 25; Костюрина, № 21; Кривошапкин, с. 78—79; Ларионова, с. 336—337; Логиновский, с. 82; Майнов, с. 54; Междуречье, № 89; Неклепаев, с. 167; Потанина I, № 330, 331, 338, 341; Прибайкалье, № 83, 107; ТГУ, инв. № 226, 257, 282; Тунк., № 113, 114; ФРУ, № 187; Шейн, № 2458; Шишков, с. 82; Эпов, с. 25; Соседко, с. 2—3; • Киреевский, № 5, 129, 146, 215, 223, 298, 324, 524, 587, 671, 786; Соболевский, № 602, 603; Чулков, № 27; Шейн, № 1567, 1850, 1860, 1062, 2062, 2308, 2458.

40. Собирала Любочка подружек к себе. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А0008, n 021. Записали Т. Плеханова, Е. Крупенникова, О. Трускова в 1980 г. в д. Барановка Каргатского р-на Новосибирской обл. от А.З. Водолажеской, 1901 г.р., Е.П. Кирильчик, 1909 г.р., М.В. Никольской, 1920 г.р., Г.М. Новиковой, 1922 г.р., Л.И. Водолажеской, 1925 г.р.

Вар.: Ант.-Фукс, № 4; Багизбаева, № 41, 45; Междуречье, с. 33, № 22, 88; Пешняк, № 1; Похабов, № 28; Татаринцева, № 29. Нотирование Е. Кустовой.

41. По морю, морю, по морю синему. Песня. Источник и переиздание: Ларионова, с. 339—340, № 8; Потанина I, № 335. Записала М. Ларионова в 1904 г. в Обдорске Тобольской губ. (ныне г. Салехард Тюменской обл.) от М.И. Протопоповой.

Вар.: см. прим. к № 39 наст. изд.

42. Волга-река, ох, Волга-река да. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А0005, n 185. Записана ФЭ НГК в 1977 г. в д. Панова Ушаровского с/с Тобольского р-на Тюменской обл. от А.П. Черкашиной, 1912 г.р., Н.С. Филатовой, 1906 г.р., М.Н. Исаевой, 1917 г.р., Н.С. Черкашиной, 1906 г.р., А.Н. Злыгостевой, 1912 г.р. Нотирование Н.А. Урсеговой. Вариант нотировки опубликован: МКС, с. 14, прим. 2.

Поется также в день свадьбы, когда *невесту* одевают к венцу.

В 1890-е гг. эту песню записала в притобольской деревне М.Н. Костюрина:

Волга-река разливается,
Широко-то разливается,
Девица в тереме одевается.
Снарядилася, сама растужилася,
Своему батюшке разжаловалась:
— Молоду даешь в чужие люди,
Во незнамые.
Как будет отстать прочь от тятеньки,
Прочь от маменьки!
Как будет назвать чужого тятенькой,

Чужую маменькой!
Звать-назвать так не хочется,
Свекром звать — так не водится.
Жаль своего сердца назвать их тятенькой,
Назвать маменькой.

(Костюрина, № 10)

43. Как по саду было, садичку. Песня. Источник и переиздание: Ларионова, с. 339, № 8; Потанина I, № 355. Записала М. Ларионова в 1904 г. в Обдорске Тобольской губ. (ныне г. Салехард Тюменской обл.) от М.И. Протопоповой.

Вариант песни с иными заключительными сюжетными мотивами записали И.Г. Чумаков и В.Ю. Багринцева в 1992 г. в с. Кейзесс Седельниковского р-на Омской обл., исполнители не указаны:

Не по саду было, садику,
Да по зеленай мелкой рощице
Да ходил-гулял добрай молодец,
Да добрый молодец Иван Григорьевич.
Он чесал буйну головушку,
Чесал-чесал, приговаривал:
— Прилегайте, да русыя кудрицы,
Да ко моему да лицу белому.
Привыкай, душа Марусенька,
Ко моему уму-разуму.
— Привыкать мне не хотелося,
Мне хотелось жить у батюшки.
Мне сегодняшня темна ноченька
Малесенько-мало спалося —
Буд[ь]то наш да и широкий двор
Изуставлен весь каретами,
За столом сидят разлучники,
Разлучают с родной матерью
И со всем со родом-племенем.

(Багринцева, № 15)

Вар.: Багизбаева, № 101; Балман, с. 47; Демина I, № 42; Ив.-Балин, № 55; Индан, № 3; Костюрина, № 1; Леонова, № 130; Парилов, № 12; Плотников, № 1.

44. При вечере было, вечериночке. Песня. Источник и переиздание: Леонова, № 112; Потанина I, № 362. Записали В. Назарова и О. Свешникова в 1951 г. в д. Верхние Уки Большеуковского р-на Омской обл. от Д.В. Рычковой, 1893 г.р.

Вар.: Багизбаева, № 37; Ив.-Балин, № 63; Пархоменко, № 85; Песни Юж. Алтая, № 1; Прииртышье, № 19; ♦ Киреевский, № 16, 152, 206, 304, 352, 439, 474, 548, 582, 594; Шейн, № 1503, 1568, 1575, 1650, 1962, 2040, 2061, 2074, 2131, 2186.

45. Как во тереме свечи горят. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова, Т 286, МК3В7. Записали О.И. Кожало и А.И. Даттай в 1985 г. в пос. Целинном Коченевского р-на Новосибирской обл. от А.П. Ощепковой, 1910 г.р., родители из Казанской губ. Нотирование Н.В. Леоновой.

46. На дворе-то дождичек скрапывает. Песня. Источник и переиздание: Логиновский, с. 72—73; Потанина I, № 371. Записал К.Д. Логиновский в ст-це Мангутской Акшинского окр. Восточного Забайкалья (ныне с. Мангут Кыринского р-на Читинской обл.) от казака Юдина.

Вар.: Багизбаева, № 90; Багринцева, № 17; Белослюдов, с. 3; Кривошапкин, с. 73; Леонова, № 42; Леонова-Белкина, № 10; Междуречье, с. 14, № 7; Потанина I, № 373, 374; Прииртышье, № 39; Швецова II, с. 83; ♦ Киреевский, № 388, 417, 429, 688.

47. Свет моя винная ягат(ы)ка. Величальная песня *жениху*. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А 43, МК2-I4. Записал В.В. Асанов в 1985 г. в с. Головное Лебяжьевского р-на Курганской обл. от М.С. Федоровой, 1908 г.р. и В.Н. Ивановой, 1913 г.р. Нотирование Д.Д. Дондупова.

Вар.: Багизбаева, № 44; Ив.-Балин, № 40.

48. По горе-то бежал ко́ня вороной, да. Величальная песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А 43, МКI-II. Записал В.В. Асанов в 1985 г. в с. Балакуль Лебяжьевского района Курганской обл. от А.И. Чагочкиной, 1910 г.р. (запевает), Е.И. Лошкаревой, 1907 г.р., А.Ф. Баженовой, 1916 г.р. Нотирование Н.А. Урсеговой.

Пелась после *просватанья*, в последнее воскресенье перед свадьбой и на *вечерках*.

«Перед ём» = «перед ним».

49. Любезны, милы мои подруженьки. Причет. Печатается по изданию: Мехнецов, № 10. Записал А.М. Мехнецов в 1969 г. в с. Петухово Томского р-на Томской обл. от М.Ф. Протопоповой, 79 л. Нотирование А.М. Мехнецова.

Причет *невесты* на *девичнике* при *расплетении косы*. «*Раньше косы большие были, коса вся лентами убрана, вот ленты-то поотвяжут, косу расплетут, тогда она эти ленты подругам дарит*» (Мехнецов, с. 14).

Западу́т — т.е. станут непроходимыми.

50. Стояла чара на столе, на столе. Песня. Источник и переиздание: Ларионова, № 9; Потанина I, № 376. Записала М. Ларионова в 1904 г. в Обдорске Тобольской губ. (ныне г. Салехард Тюменской обл.) от М.И. Протопоповой.

Не мо́жется — нездоровится.

Вар.: Гуляев, с. 18—19; Костюрина, № 20; Кривошапкин, с. 57; Леонова, № 136; Майнов, с. 60—61; Швецова I, с. 26; Потанина I, № 381; ♦ Киреевский, № 25, 33, 168, 287, 302, 414, 725; Шейн, № 1540—1542, 1576, 1777, 1942, 2163, 1375, 2380—2382.

51. Не водой-то ли да мне умытися. Причет. Печатается по изданию: Потанина I, № 382. Записала Р.П. Потанина в 1970 г. в с. Бондарево Бейского р-на Хакасии от Е.Ф. Поспеловой, 1905 г.р.

52. О... ой, да не от ябло[ни] было от кудря... Девишная песня. Печатается по рукописи: ВООПИиК, 1981-П-262-42. Записала Л.А. Мухомедшина в 1981 г. в д. Заимке Недокурского с/с Кежемского р-на Красноярского края от А.Н. Брюхановой, 1910 г.р., уроженки д. Алешкина этого же района. Нотирование Л.А. Мухомедшиной (темп и размер в первоисточнике не указаны).

53. Мы пойдемте-ка, девицы, на речицы. Припевка. Источник и переиздание: Белослюдов, с. 3; Потанина I, № 156. Записал А.Н. Белослюдов до 1913 г. в Бухтарминской долине (Южный Алтай — ныне Восточно-Казахстанская обл.) от староверов-каменщиков.

Песню исполняли девушки сидя за столом после обряда *рукобитья*, если *дружка* не угощал их.

Вар.: Багизбаева, № 93; Багринцева, № 30; Екатериновка, № 14; Ив.-Балин, № 50; Муз. ф-р Сибири, № 10; Пархоменко, № 18; Песни Юж. Алтая, № 12; Татаринцева, № 33.

54. У нас Ванюшка да был богатый, да ну богатый. Величание *жениху*. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова, Т-I83, МКА1а. Записала Л.М. Тюнина в 1982 г. в с. Коурак Тогучинского р-на Новосибирской обл. от Е.Т. Аргуновой, 1913 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

Вар.: см. примеч. к № 136 наст. изд.

55. У нас свашенька была красива, да ну красива. Величание *свахе*. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова, Т-I83, МКА1в. Сведения о записи см. № 54.

Политекстовый напев, см. № 54 наст. изд.

Мед асота́ми — сотовый мед, в сотах, нетопленый.

56. В огороде-то у нас не мак ли? Корильная припевка. Источник и переиздание: Белослюдов, с. 3—4; Потанина I, № 157. Записал А.Н. Белослюдов в Бухтарминской долине (Южный Алтай — ныне Восточно-Казахстанская обл.), от староверов-каменщиков.

Песня исполнялась подругами *невесты* за столом после обряда *рукобитья*, сразу за песней «*Мы пойдемте-ка, девицы, на речицы*» (№ 53 наст. изд.), если *дружка* не реагировал на корильную песню и не угощал их. Она же исполнялась на *девичнике* в присутствии *дружки*.

Вар.: Багизбаева, № 107, 115; Балман, с. 45; Междуречье, с. 13—14, № 3; Татаринцева, № 34.

57. Ай, подружаньки вы мои. Причетная песня. Печатается по рукописи: ВООПИиК, 1979-П-28. Записала Л.А. Мухомедшина в 1979 г. в р.ц. Кежма Красноярского края от А.И. Брюхановой, 1902 г.р.

58. Что не стрелочка стре́льнула. Причет. Источник и переиздание: Протасов I, № 1; Потанина I, № 269 (словесный текст). Записал Н.П. Протасов в 1900 г. в с. Бельском Черемховского окр. (?) Иркутской губ. Нотирование Н.П. Протасова.

Вы́бранных — т.е. браных.

Вар.: Шейн, № 2487.

59. Подходила наша сва...(а)хонька, да. Песня. Печатается по изданию: Осипова, № 8. Записали В.Д. Осипова, Р.П. Матвеева, З.А. Миронова в 1983 г. в с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл. от А.Г. Пахмутовой, 1911 г.р. Нотирование В.Д. Осиповой.

Медяно́й сыто́й — медовым взваром, подслащенной медом водой.

Вар.: Багизбаева, № 73; Демина II, № 3; Ив.-Балин, № 48, 77; Красн. II, № 125; Татаринцева, № 11.

60. Нам сказали, ш(и)то бы друженька бога...той, да богатой. Припевка. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова, 1500/38, МЛА1. Записала В.И. Лымарь в 1976 г. в с. Чулым Здвинского р-на Новосибирской обл. от сестер М.А. Лепокуровой и А.А. Посаженниковой. Нотирование Н.А. Урсеговой.

Так же девушки припевали *дружку* и *поезжан* во время *бранья*.

Вар.: Аркин II, № 19, 20; Багринцева, № 27, 28; Пархоменко, № 21.

61. На горе, горе рябинушка да ли. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, АОООЗ, п 367. Записана ФЭ НГК в 1976 г. в с. Трусово Курьинского р-на Алтайского края от М. Болдыревой, 1909 г.р. и А. Макарцевой, 1908 г.р. Нотирование Н.А. Урсеговой.

Пелась также утром свадебного дня.

Вар.: Ермаковск. р-н, № 8.

62. Спасибо тебе, напасибо! Ритуальная песня. Источник и переиздание: Белослюдов, с. 4; Потанина I, № 158. Записал А.Н. Белослюдов до 1913 г. в Бухтарминской долине (Южный Алтай — ныне Восточно-Казахстанская обл.) от староверов-каменщиков.

Песня исполнялась подругами *невесты* за столом после обряда *рукобитья дружке*, угощавшему их.

КОСОКРАШЕНЬЕ

63. Да вы любезныя мои по[друженьки]. Песня-причеть. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А 85, доп. 1 (оригинал и копия звукозаписи находятся в фонде Алтайского краевого радио, г. Барнаул). Записала В.И. Бодрова и сотрудник Алтайского краевого радио в 1987 г. в с. Воробьево Шипуновского р-на Алтайского края от М.А. Печуркиной, 1912 г.р., П.Л. Огарковой, 1912 г.р., М.А. Красильниковой, 1918 г.р., К.Н. Кузнецовой, 1917 г.р., Е.В. Белоусовой, 1929 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

64. Уж я кого, молода, попрошу-ка? Причет. Источник и переиздание: Логиновский, с. 18—19; Потанина II, № 1. Записал К.Д. Логиновский в 1890-е гг. в Шелопугинской ст-це Нерчинского окр. Забайкалья (ныне р.ц. Шелопугино Читинской обл.) от казака Карташева.

65. Благослови-ка, Господи, изукрасити. Причет. Источник и переиздание: Логиновский, с. 15—16; Потанина II, № 3. Записал К.Д. Логиновский в Шелопугинской ст-це Нерчинского окр. Забайкалья (ныне р.ц. Шелопугино Читинской обл.) от казака Карташева.

Обдёрные лёнточки — возможно, обирные, т.е. собранные, с оборками.

Площа́тая — состоящая из плах, расколотых пополам бревен.

66. Сажусь я, красная девица. Причет. Источник и переиздание: Красноженова I, с. 20; Потанина II, № 4. Записала М.В. Красноженова в 1900-е гг. в д. Злобиной Енисейской губ.

67. Зайди, солнце красное. Причет-песня. Источник и переиздание: Шейн, № 2468; Потанина II, № 8. Записал А.А. Доброхотов в Иркутской губ. от П.П. Савицкой и Е.М. Казанцевой.

68. Ты взойди, взойди, солнце красное. Причет. Источник и переиздание: Чит. сб., с. 237—238. Потанина II, № 10. Записан до 1916 г. в Забайкалье.

Вар.: Поречье, № 26.

69. Я стояла, красна девушка. Причетная песня. Источник и переиздание: Логиновский, с. 16—17; Потанина II, № 17. Записал К.Д. Логиновский в 1890-е гг. в Донинской ст-це Нерчинско-Заводского окр. Забайкалья (ныне с. Доно Калганского р-на Читинской обл.) от казака Косых.

В 27-й строке: «*а вы, ленты*» = «*алы ленты*» (?).

70. Благодарствуй, родима матушка. Песня-причет. Источник и издание: ГБЛ, ф. 542, № 62(б), л. 115 (арх. Азадовского); Потанина II, № 29. Записано в с. Залог Верхоленского окр. Иркутской губ. от Т. Семеновой.

71. Благодарствуй, родима матушка. Песня-причет. Источник и переиздание: Шейн, № 2469; Потанина II, № 30. Записал А.А. Доброхотов в Иркутской губ. от П.П. Савицкой и Е.М. Казанцевой.

72. Ты зайди, родима ма... ой, мамонькя. Причетная песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А 43, № 124. Записал В.В. Асанов в 1985 г. в с. Яутла Шатровского р-на Курганской обл. от А.А. Коуровой, 1921 г.р., Е.К. Коркиной, 1918 г.р., М.А. Коркиной, 1927 г.р., В.Г. Коркиной, 1921 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

Варианты этой же причетной песни (сведения о записи те же) см. нот. прим. III, компакт-диск, № 7.

В местной традиции исполняется девушками, подругами *невесты*, от ее имени, сопровождаясь причитанием матери *невесты*. Девишная песня имеет устойчивый словесный текст, о чем можно судить по опубликованным вариантам, причитание импровизационно-формульного характера. Приведем две его версии, записанные В.В. Асановым в 1985 г.

Как, ох, как пожалую, пожалу...
Ах ты, сердешноя да моя ди...
Как пережить-то ту зиму студе...
А уж как потеряю я, горька, потерю...
Не во сто-то я рублей да не во тысяч...
А сердешного да чада милого...

(АТМ, А 43, № 85)

Ох ты, сердешно мое да чадо ми...
И ты куды же да собрала...
И середи-то ты да зимы студе...
И ты оставишь меня, горьку оби...
Погляжу я да во все четыре...
И не приедешь ли ты ко мне да мала пташ...
Уж я бы встретила бы тебя да приголу...
И приласкала бы тебя да ласковым сло...
Несчастливо-то да твое замуж...
И будешь ты, моя да горе-горько...
И все будешь ты плакать да все будешь ты страда...

Так уж я, как родимая твоя да только мамонь...
И шибко ко мне да трудно но...

(АТМ, А 43, № 126)

Из-за сложности записи и нотирования подобных образцов в публикациях представлены только песенные составляющие «полижанровых композиций».

Вар.: Демина I, № 6, 6а; Демина II, № 8; Ив.-Балин, № 37; МКС, с. 17—18; Федорова I, с. 63, 71, 75; Федорова II, с. 205.

73. Заводила я девью кра́соту. Причет. Источник и переиздание: Чит. сб., с. 238—239; Потанина II, № 31. Записан до 1916 г. в Забайкалье.

РАСПЛЕТАНИЕ КОСЫ

74. Уж вы люди, люди добрые. Причет. Источник и переиздание: Чит. сб., с. 249—250; Потанина II, № 37. Сведения о записи см. № 73.

75. Разродимый мой, родимый тятенька. Причитание. Источник и переиздание: Леонова-Белкина, № 5; Потанина II, № 40. Записали Е. Витман и Н. Фролова в 1974 г. в д. Шадринке Муромцевского р-на Омской обл. от У.П. Гопеевой, 70 л.

С разной степенью развернутости *сюжетный мотив приглашения родных расплести «русу косу»* воплощен в большом числе причитаний. Приведем фрагмент причета, насыщенного традиционными свадебными причетно-песенными формулами, записанный Г.А. Ивлевой в 1973 г. в Новосибирске от П.С. Левиной, 63 л., проживавшей в с. Нижняя Каменка Ордынского р-на Новосибирской обл., политекстовый напев см. нот. прим. I:

Ой да ты, стена жа, ой да мо...
ой, моя белокаменна,
Ох да ты, свеча-то, ой, да моя во...
ой, да воску ярого.
Да государыня, ой, моя роди...
ой, родима мамонька,
Ох, да уж ты стань-кася, ой, да по...
ой, да подымися,
Ох, да со кутной, ой, да ты бе...
ой, да белой лавочки,
Ой, да на свои-то ты но...
ой, да ножки резвые.
Ох, да подними-кася да ру...
ой, да ручки белые,
Ох, да на мою-то да ру...
ой, да русу косыньку.
Ох, да на роду-то, ой, тебе,
ой, тебе не впервые,
Ох, да на веку-то да те...
Ой, да тебе во последний...

(Архив М.Н. Мельникова)

Далее следует повторение текста с заменой в третьей строке обращения — «*Да государь мой, родимый тятенька*».

Вар.: Арефьев, с. 86; Аркин I, № 15; Багизбаева, № 54, 55; Багринцева, № 5; Кашин, с. 169; Леонова, № 107; Логиновский, с. 30; Междуречье, с. 12, № 8; Потанина II, № 41, 44; Прииртышье, № 17; Свиридова, № 706; Татаринцева, № 20.

76. Ты восхожее красно солнышко. Причитание. Источник и переиздание: Арефьев, с. 86; Потанина II, № 43. Записал В.С. Арефьев в 1890-е гг. в Енисейском уезде Енисейской губ.

77. Приступи...(и)ся что роди...(и)мой батюшко. Причетная песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова, 1500/38, МЛА2. Записала В.И. Лымарь в 1976 г. в с. Чулым Здвинского р-на Новосибирской обл. от сестер М.А. Лепокуровой и А.А. Посаженниковой. Нотирование Н.А. Урсеговой.

78. Приступи, родимый батюшка. Причитание. Источник и переиздание: Гуляев, с. 26; Потанина II, № 47. Записал С.И. Гуляев в 1840-е гг. в Алтайском горном округе.

Вар.: Кривошапкин, с. 80; Майнов, с. 61—62; Потанина II, № 48; Чит. сб., с. 248—249; Шамаев, с. 14; Швецова I, с. 24.

79. Ты постой, постой, добрый конь. Причетная песня. Источник и переиздание: Гуляев, с. 42; Потанина II, № 62. Сведения о записи см. № 78.

По замечанию Гуляева, песня исполнялась при отъезде к венцу, когда все занимали места в *поезде*; *дружка* читал последние приговоры, а девушки пели. Судя по многочисленным записям, эта песня исполнялась и на *расплетение косы*.

«*Знялись*» = «поднялись».

ПРОЩАНИЕ С КРА́СОТОЙ

80. Вы простите меня, мои подруженьки. Причитание. Источник и переиздание: Гуляев, с. 33; Потанина II, № 67. Сведения о записи см. № 78.

Вар.: Кривошапкин, с. 110; Пейзен, с. 345.

81. Не подымайся, родимый батюшка. Причитание. Источник и издание: ГБЛ, ф. 542, № 62(а), л. 66 (арх. Азадовского); Потанина II, № 70. Записал М.К. Азадовский в с. Кистенево Верхоленского окр. Иркутской губ. от В.В. Кистеневой.

Белуя́ровая свеча — *здесь* светлая, яркая.

82. Раздайся, народ. Печатается по изданию: Татаринцева, № 21. Записала М.П. Татаринцева в 1985 г. в Туране Пий-Хемского р-на Тувы от А.П. Моллеровой, 1908 г.р.

Вар.: Потанина II, № 25, с. 208 (примеч. к № 25).

83. Красота́ ль ты, моя кра́сота. Причетная песня. Источник и переиздание: Шишков, с. 85; Потанина II, № 76. Записал В. Шишков в 1911 г. в с. Непы Киренского уезда Иркутской губ. от А.И. Инешиной, 60 л.

84. Догорела да заря ясная. Причетная песня. Источник и переиздание: Леонова, № 106; Потанина II, № 83. Записали Л.М. Белкина и Л.В. Новоселова в 1970 г. в с. Орловка Марьяновского р-на Омской обл. от М.В. Шумовой.

Вар.: Протасов II, № 16; Семейские, № 209.

85. Уж ты мать-то моя, да мамонька. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А0005, n 238. Записана ФЭ НГК в 1977 г. в д. Ушарова Тобольского р-на Тюменской обл. от А.Г. Галактионовой, 1915 г.р., Ф.Е. Филатовой, 1913 г.р., Г.И. Лоскутовой, 1917 г.р., М.А. Галактионовой, 1948 г.р., С.И. Кугаевской, 1904 г.р., А.П. Ушаровой, 1913 г.р. Нотирование Н.А. Урсеговой.

Вариант песни опубликован в 1898 г. М.Н. Костюриной:

Уж ты, мать ли моя, мамонька!
Государыня-боярыня!
Проходи, моя мамонька,
Во новую горенку!
Ты садись-ка, родима мамонька,
На мое любимо местечко —
На скамью под окошечко;
Посмотри, родима мамонька,
Скрозь немецкое стеколышко
На мою-то девью красоту:
Как я, млада, открасовалася
Во хорошей девьей красоте!
Отлетает девья красота
За моря, моря синия,
За леса, леса темныя,
За горы высокия!
— Ты не плачь-ка, дочка милая!
Уж я дам провожатого,
Провожатого верного —
Твоего братца любезного.
Провожает брат милу сестру,
Провожает, сам наказывает:
— Ты живи-ка сестра, не старейся!
Ты носи платья, не снашивай!
Ты терпи горе, не сказывай!
Понося, платье сносится,
Потерпя, горе скажется,
Не морща, слезы покатятся!

(Костюрина, № 6)

86. Уж ты мать, ты моя мамонька, да. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А0005, n 190. Записана ФЭ НГК в 1977 г. в д. Панова Тобольского р-на Тюменской обл. от А.П. Черкашиной, 1912 г.р., Н.С. Филатовой, 1906 г.р., М.Н. Исаевой, 1917 г.р., Н.С. Черкашиной, 1906 г.р., А.Н. Злыгостевой, 1912 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

Вар.: № 207 наст. изд.; Демина I, № 6; Красн. II, № 123.

87. Уж ты сядь-ка, моя мамонька. Причитание. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова, Т-666, МКВ5. Записали М.Г. Малинина и С.М. Беляева в 1987 г. в с. Ярково Куйбышевского р-на Новосибирской обл. от М.Ф. Асламовой, 1907 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

88. Уж я стану поутру ранешенько. Песня. Источник и издание: Чеканинский, с. 44—45; Потанина II, № 85. Записал И. Чеканинский в с. Кежемском Кежемской вол. Енисейского уезда Енисейской губ.

В тексте вместо традиционного «*перстни злоченые*» слышим «*перстни злосчастные*». В записях последних 20—25 лет подобная замена встречается довольно часто в районах, где русское население ассимилирует с коренным восточным. Например, в некоторых селах Якутии при сохранности репертуара русской свадьбы исполнители не знают значения многих слов песни и, вероятно, поэтому вместо традиционного «горюч камешок» поют «горюшка мешок» (см. № 100, 3 строка).

Вар.: Красн. II, № 54.

89. Ох, уж я стану-то я. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: КрГПУ, Д 2-6/1979. Записали Н.А. Новоселова, С. Злобина и Н. Шестакова в 1979 г. в пос. Таежном Кежемского р-на Красноярского края от Е.И. Сизых, 1900 г.р., уроженки д. Кежемская Заимка этого же района. Нотирование Н.В. Леоновой.

Вариант этой песни записан Л.А. Мухомедшиной в 1984 г. в р.ц. Кежма от А.П. Брюхановой, 1911 г.р. По ее замечанию, песню исполняли на *расплетение косы* и «*отдачи красной кра́соты*». Эпитет «*непорочна*» к красоте в конце XIX в., по замечанию некоторых собирателей, имел конкретное значение — символ невинности *невесты* — и употреблялся не всегда. Логиновский указывает, что по содержанию песни догадывались о непорочности девушки. В таком случае исполнялись песни о «*закатывании кра́соты*» за «*престольную Богородицу*», а «*мать затепливала перед иконами свечи*». Забайкальские казаки, по Логиновскому, придавали большое значение обряду *прощания с кра́сотой*. Девушке, не сохранившей девственности, в песню вставляли стихи:

Катись, да моя девья красота,
По лугам да по зеленым,
По цветам да по лазуревым.
Рассыпается да моя девья красота
По мелкому да жемчугу.
Вот тебе, красота, веки-сповеки.

(Логиновский, с. 33)

90. Красота́ ли, моя кра́сота. Причетная песня. Источник и переиздание: Арефьев, с. 69—70; Потанина II, № 88. Записал В.С. Арефьев в 1890-е гг. в Енисейском окр. Енисейской губ.

Вар.: Потанина II, № 87.

91. Красота́ моя, девья кра́сота! Причитание. Источник и переиздание: Шейн, № 2483; Потанина II, № 100. Записал А.А. Доброхотов в Иркутской губ. от П.П. Савицкой и Е.М. Казанцевой.

92. Родима ты моя племянинка. Причитание. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: КрГПУ, О 2—8/1987. Записали Н.А. Новоселова, Т. Кожемякина, Л. Комлева в 1987 г. в пос. Казачинском Казачинского р-на Красноярского края от А.Н. Чуриловой, 1907 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

93. Красота ли ты, девия кра́сота. Причитание. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: КрГПУ, Р 1-10/1987. Записали Н.А. Новоселова, Т. Ко-

жемякина, Л. Комлева в 1987 г. в д. Вороковка Казачинского р-на Красноярского края от Т.Е. Белобородовой, 1905 г.р. уроженки с. Рождественского этого же района. Нотирование Н.В. Леоновой.

94. Вы раздайтеся, расшанитеся. Причитание. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова, Т-430, МКВ7. Записала Т.В. Куткина в 1988 г. в Новосибирске от М.Н. Рамм, 1905 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

Из рассказа исполнительницы: «*В доме невесты вечяринка, гости за столом все, невеста стоит за столом с шифяритам (сватом). Мы тут много... песни им, а как уж невеста выходит из-за стола, бярет красу свою — вот сделана елочка, окручена, раньше бумагом окручивали, украшена. Берет свою и ходит по комнате, голосит. Вот причитывает так и на родителей обижается...*».

95. Уж ты, кро́сота, моя кро́сота. Причитание. Источник и переиздание: Майнов, с. 62; Потанина II, № 108. Записал К.К. Кокоулин до 1914 г. на р. Илим в Иркутской губ.

Отыма́лка — грязная кухонная тряпка.

96. Семена мои, семена. Песня. Источник и переиздание: Кашин, с. 180—181; Потанина II, № 111. Записал Н.И. Кашин в 1850-е гг. на р. Аргунь в Восточном Забайкалье.

Черемица — дикий чеснок, черемша (колба).

Вар.: Демина I, № 35; Костюрина, № 22; Логиновский, с. 91; Мехнецов, № 14; Потанина II, № 109, 110; ФРУ,№ 190, 208; Чит. сб., с. 257—258; Ялуторовск., с. 46.

97. Да я у тятюшки в оградушке. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова, Т-301, МЛА6. Записали Г.В. Бузюргина и Г.А. Воротынцева в 1986 г. в с. Остяцк Северного р-на Новосибирской обл. от Е.И. Деветьяровой, 1911 г.р., А.П. Давыденко, 1909 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

Вар.: ср. Багизбаева, № 78.

БАНЯ

98. Истопи-ка, родимая сестрица. Причитание. Источник и переиздание: Логиновский, с. 37; Потанина II, № 114. Записал К.Д. Логиновский в 1890-е гг. в Титовской ст-це Читинского окр. Восточного Забайкалья (ныне Читинская обл.) от казака Кириллова.

Логиновский отмечает: «перед отправкой в баню подруги берут веник, садятся вместе с невестой в передний угол. Украшают веник лентами, а невеста просит сестру истопить баню».

99. Растоплялася банюшка. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ОмГПУ, МАГ-3/1968, № 4. Записали Т.Г. Леонова и Б. Оленичев в 1968 г. в с. Иртышатск Тевризского р-на Омской обл. от П.И. Каратаевой, 76 л., уроженки Уфимской губ., в Сибири с 9 л. Нотирование Н.В. Леоновой.

Вар.: Леонова, № 108; Поречье, № 28. • Киреевский, № 128, 283, 338, 419, 517, 600, 692.

100. Растоплялася банюшка. Песня. Источник и переиздание: Леонова, № 108; Потанина II, № 115. Записали Н. Гильденберг и Е. Кром в 1967 г. в д. Вятка Усть-Ишимского р-на Омской обл. от Н.П. Сусловой, 72 л.

В третьей строке публикуемого текста вместо распространенного в свадебной песне поэтического символа «горюч камешок» встречаем искаженное «*горюшка мешок*». Вероятно, исполнители механически усвоили песню и, утратив первоначальный смысл, образовали новое словосочетание.

101. Истопил мне родимый батюшко. Причитание. Источник и издание: ГБЛ, ф. 542, № 62(б), л. 109 (арх. Азадовского); Потанина II, № 116. Записано в с. Шитово Иркутской губ. от М. Большедворской.

102. Ты вставай-ка, наша подруженька. Причетная песня. Источник и переиздание: Майнов, с. 52; Потанина II, № 117. Записал К.К. Кокоулин до 1914 г. на р. Илим Иркутской губ.

Вар.: Логиновский, с. 38; Федорова II, с. 208; ♦ Киреевский, № 94.

103. Уж мы просим тебя, сестрица. Причетная песня. Источник и переиздание: Чит. сб., с. 240; Потанина II, № 121. Записано до 1916 г. в Забайкалье. Ударения поставлены составителями по ритму тонического стиха.

104. Ой, да благослови-ко ты, батюшка. Причитание. Источник и переиздания: Протасов II, № 11; Потанина II, № 124; Семейские, № 206. Записал Н.П. Протасов в 1901 г. в с. Мухор-Шибирь Забайкальской обл. (ныне р.ц. Мухор-шибирь Бурятии) от Д. Смолиной. Нотирование Н.П. Протасова.

Знаком * отмечены реконструированные фрагменты нотного первоисточника. Несоответствие подтекстовки нотной записи начальной строке стихотворного текста присутствует в оригинале.

105. Бласловля...й-ко жо, роди[мой тятенька]. Причетная песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А 43, № 21, 22. Записал В.В. Асанов в 1985 г. в с. Балакуль Лебяжьевского р-на Курганской обл. от Е.И. Лошкаревой 1907 г.р., А.И. Чагочкиной, 1910 г.р., А.Ф. Баженовой, 1916 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

Вар.: Ялуторовск., с. 42.

106. Ты голубчик родимый батюшко. Причитание. Источник и издание: ГБЛ, ф. 542, № 62(6), л. 110 (арх. Азадовского); Потанина II, № 128. Записал М.К. Азадовский в с. Белоусово Верхоленского округа Иркутской губ. в 1915 г. от А.С. Белоусовой.

107. Ой, да благослови-кася мене. Песня с причетом. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: оригинал — в фонде Алтайского краевого радио (г. Барнаул), копии — в АКЦФиНР и личном собрании Н.В. Леоновой. Записали В.И. Бодрова и сотрудники Алтайского краевого радио в 1988 г. в д. Екатериновка Третьяковского р-на Алтайского края от Е.Л. Голованоовой, 1913 г.р., Т.М. Степановой, 1915 г.р., А.Е. Андреевой, 1908 г.р., А.М. Бондаревой, 191? г.р. и П.И. Петровой, 191? г.р. Причитывает Е.Л. Голованова. Нотирование Н.В. Леоновой.

«*Как невесту заведут в баню, девки поют* [1-й столбец], *мать причитывает* [2-й столбец]» (коммент. исполнительницы). Причетная песня (прямой шрифт) и сольное причитание (курсив) исполняются одновременно.

Вар.: Майнов, с. 53; Пейзен, с. 338; Розенбаум, с. 99.

108. Ой, да вы не дуйте-ка, да ве... ветры буйныя. Причетная песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А 80, № 94. Записали В.И. Бодрова и Н.В. Леонова в 1987 г. в с. Туманово Солонешенского р-на Алтай-

ского края от В.В. Сахаровой, 1909 г.р., П.С. Шмаковой, 1908 г.р., П.Е. Глушковой, 1917 г.р., Ф.А. Пушкаревой, 1916 г.р. и М.В. Пушкаревой, 1897 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

109. Приступите-ка, подруженьки. Причет. Источник и переиздание: Гуляев, с. 26; Потанина II, № 125. Записал С.И. Гуляев в Алтайском горном округе в 1840-е гг.

Вар.: Кривошапкин, с. 80.

110. Ой, да вы любезнаи мои...мои подруженьки. Причетная песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А 80, № 95. Записали В.И. Бодрова и Н.В. Леонова в 1987 г. в с. Туманово Солонешенского р-на Алтайского края от В.В. Сахаровой, 1909 г.р., П.С. Шмаковой, 1908 г.р., П.Е. Глушковой, 1917 г.р., Ф.А. Пушкаревой, 1916 г.р. и М.В. Пушкаревой, 1897 г.р.

Политекстовый напев, опубликован с другим текстом: МКС, с. 16; см. также № 108 наст. изд.

111. Смыли мою девью кра́соту. Причитание. Источник и переиздание: Белослюдов, с. 8; Потанина II, № 149. Записал А.Н. Белослюдов до 1913 г. в Бухтарминской долине (Южный Алтай — ныне Восточно-Казахстанская обл.) от староверов-каменщиков.

112. Уж обманули меня подруженьки. Причитание. Источник и переиздание: Логиновский, с. 42—43; Потанина II, № 148. Записал К.Д. Логиновский в 1890-е гг. в Мангутской ст-це Акшинского окр. Восточного Забайкалья (ныне с. Мангут Кыринского р-на Читинской обл.) от казака Юдина.

«*Обманные*» песни девушки пели по дороге в *баню*. Одна из них записана в 1986 г. в с. Ильино Шатровского р-на Курганской обл.:

Ты пожалуй-ко, подруженька,
Ты пожалуй-ко, подруженька,
Ты во нашу баню-парушу.
Да и наша баня-паруша истоплена,
У нас веники шелковые
Да еще щелока да кипяченые.
Ты пожалуй-ко, подруженька,
Промывать да тело белое
Да под ало платье подвенечное,
Да под черепахову гребелочку.
Да промывать резвы ноженьки
Да под лаковые ботиночки.

(Федорова II, с. 209)

113. Чтобы да этой банечке. Причитание. Источник и переиздание: Логиновский, с. 43—44; Потанина II, № 152. Записал К.Д. Логиновский в 1890-е гг. в Донинской ст-це Нерчинско-Заводского окр. Забайкальской обл. (ныне с. Доно Калганского р-на Читинской обл.) от Козлова.

Вар.: Логиновский, с. 44; Ялуторовск, с. 43; ♦ Киреевский, № 128, 283, 338, 419, 600, 692.

114. Благодарю тебя, родимый батюшка. Причитание. Источник и переиздание: Пейзен, с. 338; Потанина II, № 153. Записал Г. Пейзен в 1857 г. в Енисейской губ.

«*Осуда́рыня*» = «государыня».

115. Вам спасибо, мои подруженьки. Причитание. Источник и переиздание: Логиновский, с. 43; Потанина II, № 156. Записал К.Д. Логиновский в 1890-е гг. в Шелопугинской ст-це Нерчинского окр. Забайкалья (ныне р.ц. Шелопугино Читинской обл.) от казака Карташева.

116. Пусти, пусти, батюшка. Причитание. Источник и переиздание: Шейн, № 2474; Потанина II, № 158. Записал А.А. Доброхотов в Иркутской губ. от П.П. Савицкой и Е.М. Казанцевой.

После *бани невесту* с подругами не впусками в дом, пока они не споют песню. В Восточной Сибири это отмечалось еще в 70-е г. XX в.

В ОЖИДАНИИ ПОЕЗДА

117. Ты заря, ты моя зоренька. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: оригинал — в фонде Алтайского краевого радио, копии — в АКЦФиНР и в личном собрании Н.В. Леоновой. Записали В.И. Бодрова и сотрудники Алтайского краевого радио в 1988 г. в с. Туманово Солонешенского р-на Алтайского края от П.Е. Глушковой, 1917 г.р., Ф.А. Пушкаревой, 1916 г.р., В.В. Сахаровой, 1909 г.р., М.Г. Казазаевой, 1914 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

Поют подружки *невесты* утром свадебного дня. Политекстовый напев, с ним связаны песни «*Отставала лебедь белая*» и «*Уж как на море, на морюшке*» (№ 304 наст. изд.).

Кичи́га — созвездие из трех предрассветных звезд (Орион?).

118. Уж ты выйди, изволь выступи, родимый батюшка. Причитание. Источник и переиздание: Логиновский, с. 82; Потанина II, № 160. Записал К.Д. Логиновский в 1980-е гг. в ст-це Титовской Читинского окр. Забайкалья (ныне Читинская обл.) от казачки Баранчуковой.

Белоя́рая коври́жечка — т.е. светлая, из муки отборной пшеницы.

119. Голубушка, наша подруженька. Причитание. Источник и переиздание: ГБЛ, ф. 542, № 234, л. 15 (арх. М.К. Азадовского); Потанина II, № 165. Записано в с. Белоусово Верхоленского окр. Иркутской губ. от А.С. Белоусовой.

120. Золотая ты наша гривенка. Песня. Источник и переиздание: Чит. сб. с. 252—253; Потанина II, № 176. Записана до 1916 г. в Забайкалье.

Вар.: Осипов, с. 108.

121. Погости-ка, наша гостьюшка. Песня. Источник и переиздание: Шамаев, с. 24; Потанина II, № 177. Записал И. Шамаев до 1902 г. в Тюкалинском уезде Тобольской губ.

122. Не красён-то ли день без солнышка. Причитание. Источник и переиздание: Вагин, № 59; Потанина II, № 180. Записал В.И. Вагин в 1880-е гг. в Иркутской губ.

123. С горы на гору вино течет. Песня. Источник и переиздание: Языков, с. 115; Потанина II, № 192. Записали И. Суворов и А. Языков на р. Илим в Иркутской губ.

П. Шейном опубликован близкий вариант, записанный в конце XIX в. в ст-це Шерагол Иркутской губ. (ныне с. Шарагол Кяхтинского р-на Бурятии):

С горы на гору вино течет,
Бочки с медом катаются.

Мне теперь не до зелена вина,
Мне теперь не до сладких медов;
Мой суженый у ворот стоит,
Мой ряженый у ворот стучит
Со своим-то крупным поездом,
Со своим-то гордым сватенькой.

(Шейн, № 2485)

По́дчевать — угощать.

Вар.: Майнов, с. 50; Мишарин, № 3; Шейн, № 2485.

124. Уж ты, матушка родимая. Причитание. Источник и переиздание: Шейн, № 2486; Потанина II, № 195. Записал А.А. Доброхотов в Иркутской губ. от П.П. Савицкой и Е.М. Казанцевой.

125. Ой, да ты спасибо-ко ты. Причетная песня. Печатается по рукописи: ВООПИиК, 1981-П-310-90. Записала Л.А. Мухомедшина в 1981 г. в д. Заимка Кежемского р-на Красноярского края от О.Т. Брюхановой, 1912 г.р.

126. Ой, да как спасибо тебе. Причетная песня. Печатается по рукописи: ВООПИиК, 1980-с-847-19. Записала Л.А. Мухомедшина в 1980 г. в Иркутске от А.В. Брюхановой, 1899 г.р., уроженки с. Паново Кежемского р-на Красноярского края.

Вар.: № 125 наст. изд.

127. Благодарствуйте, родимый батюшка и матушка. Причитание. Источник и переиздание: Шейн, № 2460; Потанина II, № 200. Записала Л. Верещагина до 1882 г. (год образования Забайкальской обл.) в ст-це Шерагол Иркутской губ. (ныне с. Шарагол Кяхтинского р-на Бурятии).

Подобными песнями заканчивались застолья *невесты* с подругами на *девичнике* и в ожидании *поезда*, перед одеванием к венцу. В Сибири чаще записывались короткие песни-благодарения за угощение. Одна из них записана в 1976 г. Л.И. Ищенко в с. Михайловка Александровского р-на Сахалинской обл. от Е.М. Шелковиной, 1912 г.р.:

Спасибо тебе, мой батюшка,
За хлеб за соль,
Что ты мою беседушку поил-кормил
И ничем не обчестывал.

128. Послал меня князь молодой. Наговор *дружки*. Источник и переиздание: Ермолаев, с. 593—594; Потанина III, № 32. Записал Е.О. Дяткин в 1911 г. в д. Кова Кежемской вол. Енисейского уезда Енисейской губ. (ныне Кежемский р-н Красноярского края).

«С дороги к венцу дружка возвращается к родителям невесты, здесь он говорит то же, что и при выкупе косы и, кроме того, данный приговор» (Ермолаев).

129. Приказал наш князь молодой. Наговор *дружки*. Источник и переиздание: Кашин, с. 177; Потанина III, № 20. Записал Н.И. Кашин в Приаргунье (Восточное Забайкалье).

«На другой день девичника, рано утром, дружко является к невесте с туалетом, который состоит из гребешка, чулков, башмаков, подвенечной юбки и куска мыла и, отдавая все это невесте, произносит приговор» (Кашин).

130. Спасибо на амине [сдача коробья]. Наговор *дружки.* Источник и переиздание: Ермолаев, с. 590—591; Потанина III, № 19. Записал Е.О. Дяткин в 1911 г. в д. Кова Кежемской вол. Енисейского уезда Енисейской губ.

В 21-й строке: «римски гребешочки» = «рыбьи гребешочки» (?).

Вариант приговора записан Ф.Д. Соседко вместе с описанием обряда: «Остановившись у кутного бруса, дружка трижды читал молитву "Господи Иисусе Христе, сыне Божия, помилуй нас...". Услышав в ответ "Аминь", дружка произносил данный приговор».

В некоторых населенных пунктах Забайкалья девушки прежде пели дружке:

Пришел-то наш храбрый друженька
С молодым-то полудружьицем
Ко печальной красной девице.
— Ты принес ли, наш друженька,
Коробеечку дубовую?
Ты принес ли, наш друженька,
Ясно светлое зеркальце?
Ты принес ли, наш друженька,
Частой-то рыбий гребешок?
Ты принес ли, наш друженька,
Башмачки козловые?
Ты принес ли, наш друженька,
Чулки пуховые?
Ты принес ли, наш друженька,
Белильце, румяньице?
Набелюся-то, нарумянюся,
Красная девица;
Я обмоюсь белешенько,
Нарумянюсь, наалюсь
Я ставёшенько,
Наряжусь я нарядешенько.
Уж я сяду-то за убраный стол,
Я дождусь к себе злого разлучника,
Разлучает меня с отцом, с матерью.

(Соседко II, с. 13)

131. Не стой, друженька. Причитание. Источник и переиздание: Арефьев, с. 72; Постанина II, № 205. Записал В.С. Арефьев в 1980-е гг. в Енисейском окр. Енисейской губ.

132. Восстаньте, мои подруженьки. Причитание. Источник и издание: ГБЛ, ф. 542, № 62(а), л. 66 (арх. Азадовского); Потанина II, № 211. Записано в с. Степнове Иркутской губ. от М.М. Барашевой.

133. Не вылетай, утка, из острова. Песня-причеть. Источник и переиздания: Алексеев, с. 54; Потанина II, № 214; ФРУ, № 193. Записал Н.М. Алексеев в 1946 г. в Русском Устье от Е.А. Чикачевой, 1878 (?) г.р. и С.П. Киселева, 1885 г.р.

Вар.: Лев.-Нов., № 24; ФРУ, № 192.

134. Ласточка касатая. Песня. Источник и переиздание: Белослюдов, с. 9—10; Потанина II, № 216. Записал А.Н. Белослюдов до 1913 г. в Бухтарминской долине (Южный Алтай) от староверов-каменщиков.

«Исполевана» = «полита», «узюмом» = «изюмом».

Вар.: Мехнецов, № 1, 26.

135. Уж ты дружка, ты друженька. Величальная песня (?). Источник и издание: ГБЛ, ф. 542, № 62(6), л. 84 (арх. М.К. Азадовского); Потанина II, № 220. Записана в Иркутской губ.

136. У нас друженька да богатый, да богатый. Величально-корильная припевка. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А 80, № 105. Записали В.И. Бодрова, Н.В. Леонова в 1987 г. в с. Туманово Солонешенского р-на Алтайского края от Ф.А. Пушкаревой, 1916 г.р., В.В. Сахаровой, 1909 г.р., П.Е. Глушковой, 1917 г.р., М.В. Пушкаревой, 1897 г.р., П.С. Шмаковой, 1908 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

Вар.: а) величание *дружки* — Багизбаева, № 93; Леонова, № 121; Междуречье, № 99; Песни Юж. Алтая, № 6; Свиридова, № 33; б) величание других *поезжан/свадебных чинов* — Багринцева, № 22; Григорьев, с. 20—21; Ив.-Балин, № 46; Красн. II, № 43; Пархоменко, № 18; Свиридова, № 721; Федорова II, с. 224; в) корильные мотивы — Междуречье, № 99.

137. Ах, ты выйди, сударь батюшка. Причитание. Источник и переиздание: Авдеева, № 20; Потанина II, № 221. Записала Е.А. Авдеева в 1830-е гг. в Иркутской губ.

138. Выйди-ка, выйди, родимая ма...мамушка. Причетная песня. Печатается по рукописи: ВООПИиК, 1981-П-266-46. Записала Л.А. Мухомедшина в 1981 г. в д. Заимка Недокурского с/с Кежемского р-на Красноярского края от А.Н. Брюхановой, 1910 г.р., уроженки д. Алешкиной этого же с/с. Нотирование Л.А. Мухомедшиной (темп в первоисточнике не указан).

139. Уж ты тятенька родимый мой. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ОмГПУ, МАГ-4/1971, № 20; издание словесного текста: Леонова, № 110; Потанина II, № 223. Записали Т.Г. Леонова и В. Захаренко в 1971 г. в с. Атирка Тарского р-на Омской обл. от А.М. Ворониной, 58 л. и Н.В. Дюдневой, 63 л. Нотирование Н.В. Леоновой.

140. Я не знала, я не ведыла. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А 43, № 150, 151. Записал В.В. Асанов в 1985 г. в д. Козловке Болотнинского р-на Новосибирской обл. от Н.И. Колисовой, 1931 г.р., М.Т. Низановой, 1930 г.р., Е.А. Збузянок, 1907 г.р., А.Л. Ивановой, 1931 г.р., В.В. Ивановой, 1931 г.р., Ф.Р. Ивановой, 1928 г.р., Е.К. Симонович, 1931 г.р., Е.В. Борзовой, 1927 г.р., М.Д. Денисовой, 1925 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

Вар.: а) *сюжетный мотив зачина* — Ив.-Балин, № 48; Красн. II, № 44, 125; б) *мотив «невеста испугалася»* — Аркин II, № 8; Багизбаева, № 46, 63, 69; Екатериновка, № 6; Леонова; № 119; Междуречье, с. 33, № 216; № 62, 66, 69; Татаринцева, № 25; Ялуторовск, с. 43.

«Устань» = «встань».

Ку́тушки — подруги, сидящие с невестой в кути.

141. Да из кружка, кружка конь поворачивался. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А 79, Красной Чикой, № 14. Записана КЭ БИОН и ИРЛИ в 1984 г. в с. Красный Чикой Красночикойского р-на Читинской обл. Нотирование Н.В. Леоновой.

Нотами с ромбовидными головками обозначаются фрагментарные варианты мужского голоса.

142. У Ванюшки была матушка родима. Песня. Источник и переиздание: ГБЛ, ф. 542, № 234, л. 64 (арх. М.К. Азадовского); Потанина II, № 283. Записал М.К. Азадовский в 1915 г. в Иркутской губ. от М.О. Астафьевой.

143. Да уж вы, девочки-подружачки. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова, Т-30I, МЛА5. Записали Г.В. Бузюргина и Г.А. Воротынцева в 1986 г. в с. Остяцк Северного р-на Новосибирской обл. от Е.И. Деветьяровой, 1911 г.р. и А.П. Давыденко, 1909 г.р.

Исполняется, когда *жених* идет выкупать *невесту*. При повторной записи одна из исполнительниц завершила песню строкой «*Да со родным моим подруженькам*» (Т-30I, МЛВ3).

Политекстовый напев, см. № 97 наст. изд.

144. Не слыхала я, младешенька. Песня. Источник и переиздание: Шамаев, с. 21; Потанина II, № 286. Записал И. Шамаев до 1902 г. в Тюкалинском уезде Тобольской губ.

Близкий, но значительно короткий вариант записан в Западной Сибири:

Не слыхала молодешенька,
Да как бояры во двор взъехали.
Не слыхала молодешенька,
Да как бояры на крыльцо взошли.
Услыхала молодешенька,
Да как бояры Богу молятся,
Молодые низко кланятся.
Уж я тут-то испугалася,
Из окна в окно бросалася
За любезных за подруженек.

(Леонова, № 120)

145. Из чиста-то поля, чистого да. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А 43, № 2, 3. Записал В.В. Асанов в 1985 г. в с. Балакуль Лебяжьевского р-на Курганской обл. от Е.И. Лошкаревой, 1907 г.р., А.И. Чагочкиной, 1910 г.р., А.Ф. Баженовой, 1916 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

146. Не от ветру, не от вихору да. Песня. Печатается по изданию: Мехнецов, № 28. Записал А.М. Мехнецов в 1967 г. в д. Ново-Александровке Кривошеинского р-на Томской обл. от М.М. Солдатенко и В.Н. Солдатенко. Нотирование А.М. Мехнецова.

147. Без ветричку, ой, да без ви[хорю]. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: КрГПУ, Я I-4/1979. Записали Н.А. Новоселова и Н. Шульгина в 1979 г. в пос. Таежном Кежемского р-на Красноярского края от А.С. Сизых, 1902 г.р., уроженки д. Кежемская Заимка этого же района. Нотирование Н.В. Леоновой.

148. Ох, без ветричку. Причетная песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ВООПИиК, 1979-II-25. Записала Л.А. Мухомедшина в 1979 г. в р.ц. Кежма Красноярского края от А.И. Брюхановой, 1902 г.р.

149. Ой, веревья́ моя, да вере́вьюшка. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, АОООЗ, n 338. Записана ФЭ НГК в 1976 г. в д. Озерки Шипуновского р-на Алтайского края от А. Поляковой, 1902 г.р. Нотирование Н.А. Урсеговой.

Пелась после приезда *поезда жениха.*

Схорони́лася — спряталась.

150. Подымалася бурь-погодушка. Песня. Печатается по изданию: Мехнецов, № 29. Записал А.М. Мехнецов в 1968 г. в с. Спасском на Яе Томского р-на Томской обл. от Е.П. Азовцевой, 64 л., Е.Т. Шальновой, 64 л. Нотирование А.М. Мехнецова.

Окончание текста исполнительницами забыто. Поют при встрече *поезда жениха.*

«Комлаточка» = «комнатка».

Смета́лася — кинулась, бросилась.

151. Тятенька родимый. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, АОООЭ, n 041. Записали Н.В. Леонова, Н.С. Индан и ФЭ НГК в 1981 г. в с. Локти Мошковского р-на Новосибирской обл. от Г.В. Лехман, 1928 г.р., Е.В. Бородиной, 1920 г.р., Н.И. Адам, 1942 г.р., все — потомки орловских переселенцев. Нотирование Н.В. Леоновой.

Вар.: Багизбаева, № 68; Индан, № 4, 5; Междуречье, № 59—61; Пархоменко, № 83; Пешняк, № 9; Похабов, № 10а, 22.

152. Не слыхала в нас, да у нас Манюшка да. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: Фольклорный архив Новосибирского областного колледжа культуры и искусств, з/о 2, № 5. Записал А.Р. Каримов в 1983 г. в д. Черемшанке Глубоковского р-на Восточно-Казахстанской обл. (Южный Алтай) от А.Н. Вороновой, 1929 г.р., М.Н. Рыльской, 1928 г.р., А.И. Рыльской, 1937 г.р. Нотирование Н.А. Урсеговой.

Пелась в свадебный день, когда *жених* приезжал за *невестой.*

«Пошеты» = «пошитые (сшитые), вышитые».

Не ка́таные/пока́таные — не глаженые/поглаженые с помощью катка.

Вар.: Багизбаева, № 63; Песни Юж. Алтая, № 5.

153. Из поля, поля, поля чистого, да. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А 80, № 115. Записали В.И. Бодрова, Н.В. Леонова в 1987 г. в д. Сибирячихе Солонешенского р-на Алтайского края от Е.Г. Ручкиной, 1902 г.р. Нотирование Н.А. Урсеговой.

Пелась во время приезда за *невестой.*

Ско́ваны дворцы́ — род кладовой (помещение или сундук), где хранились приготовленные невестой приданое и подарки.

СБОР ПОЕЗДА

154. Сборы вы мои, сборы. Песня. Источник и переиздание: Кашин, с. 157—158; Потанина II, № 226. Записал Н.И. Кашин в 1850-е гг. на р. Аргунь в Восточном Забайкалье.

По замечанию собирателя, «поют женщины-певицы сразу по завершении выбора чинов».

Вар.: Осипов, с. 103.

155. Господи, благослови, Христос. Наговор дружки. Источник и переиздание: Кашин, с. 160—161; Потанина II, № 227. Записал Н.И. Кашин в 1850-е гг. на р. Аргунь в Восточном Забайкалье.

Произносится сразу по окончании выбора всех чинов.

156. Тихо бояре снаряжалися. Источник и переиздание: Чит. сб., с. 245; Потанина II, № 225. Записано до 1916 г. в Забайкалье.

157. Середи было двора. Песня. Источник и переиздание: Авдеева, № 18; Потанина II, № 228. Записала Е.А. Авдеева в 1830-е гг. в Иркутской губ.

По всей вероятности, припев «оре-ди-ди» повторяется после каждого стиха.

Вар.: Екатериновка, № 5.

158. Уж не трубушка трубила. Песня. Источник и переиздание: Языков, с. 124; Потанина II, № 229. Записали И. Суворов и А. Языков в 1890-е гг. на р. Илим (Иркутская губ.).

159. Как у красного солнышка золоты лучи. Величальная песня. Источник и переиздание: Шамаев, с. 7—8; Потанина II, № 230. Записал И. Шамаев до 1902 г. в Тюкалинском уезде Тобольской губ.

Вар.: Осипов, с. 102.

160. Ах ты царь ли наш, царевич. Величальная песня. Источник и переиздание: Гуляев, с. 30; Потанина II, № 235. Записал С.И. Гуляев в 1840-е гг. в Алтайском горном округе.

Христóвская — Пасхальная.

Вар.: Кривошапкин, с. 87—88.

161. У броду-броду. Песня. Источник и переиздание: Неклепаев, с. 167—168; Потанина II, № 236. Записал И.Я. Неклепаев в 1900-е гг. в Сургутском уезде Тобольской губ. (ныне Тюменская обл.).

Исполняется при одевании *жениха* к венцу. Когда *дружка* возвращается от *невесты* с сообщением о ее готовности принять *поезд жениха*, песню заканчивают словами:

Как совсем она готова,
И совсем она снарядна.

В последних 2 стихах: «как» = «но/пока».

Вар.: № 228 наст. изд.; Осипов, с. 104.

162. Летел голубь, летел голубь, ох. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, АООО3, п 356. Записана ФЭ НГК в 1976 г. в с. Трусово Курьинского р-на Алтайского края от А.П. Захаровой, М.А. Баргиной, 1922 г.р. Нотирование Н.А. Урсеговой.

163. Выйду я на речку, брошу я цепочку. Песня. Публикуется по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, АООО8, п 122. Записали В. Пономарев, И. Трахтенберг, А. Халимонова в 1980 г. в д. Кольцовке Каргатского р-на Новосибирской обл. от Е.Е. Лавреновой, 1914 г.р., Д.С. Корощенко, 1910 г.р., Ф.П. Никулиной, 1915 г.р., Е.И. Чуриловой, 1922 г.р. Нотирование М. Максимовой.

Широко распространенная величальная песня, из-за припева обычно называемая кратко «Розан», поется *жениху* или неженатому гостю.

Вар.: Багизбаева, № 102; Багринцева, № 31, 32; Бартенев II, № 21; Демина I, № 50; Ив.-Балин, № 38, 57; Леонова, № 131; Междуречье, с. 14, № 6; № 100; Свиридова, № 738; Татаринцева, № 36; Федорова II, с. 224—225; Ялуторовск, с. 44.

164. Кто у нас-то хорошой. Величальная песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А 43, МК3-I. Записал В.В. Асанов в 1985 г. в с. Яутла Шатровского р-на Курганской обл. от М.А. Коркиной, 1927 г.р., В.Г. Коркиной, 1921 г.р., Е.Ф. Коркина, 1909 г.р., А.А. Коуровой, 1921 г.р., Т.Б. Медведевой, 1930 г.р. Нотирование Н.А. Урсеговой.

Припев повторяется после каждого двустишия.

Колыха́ют — качаются.

165. Чьи это бояра? Песня. Источник и переиздание: Ларионова, с. 348; Потанина II, № 237. Записала М. Ларионова до 1905 г. в Обдорске Тобольской губ. (ныне г. Салехард Тюменской обл.).

166. В куть по ла́вицы. Наговор *дружки.* Источник и переиздание: Кашин, с. 159; Потанина III, № 9. Записал Н.И. Кашин в 1850-е гг. на р. Аргунь в Восточном Забайкалье.

После *бани дружка* усаживает всех *поезжан* в доме *жениха* и обращается этим приговором к певицам, приглашая их потешить *поезд* песней.

167. Господи Иисусе Христе [благословите в баню]. Наговор *дружки.* Источник и переиздание: Зобнин, с. 9—10; Потанина III, № 8. Записал Ф. Зобнин в 1897 г. в Усть-Каменогорском уезде Семипалатинской обл. (ныне Усть-Каменогорский р-н Восточно-Казахстанской обл.).

По Кашину, на свадьбах приаргунских крестьян, «избрав всех чинов поезда, дружко ведет всех мужчин в баню, где налепляет каждому на крест кусочек воску и при том читает молитву: "Да воскреснет Бог!"» (Кашин, с. 158).

168. Батюшка родимый [гостей попотчевать]. Наговор *дружки.* Источник и переиздание: Кашин, с. 159; Потанина III, № 11. Записал Н.И. Кашин в 1850-е гг. на р. Аргунь в Восточном Забайкалье.

Пока певицы исполняют величальные поезжанам, «дружко между тем, обратившись к родителям жениха, говорит этот приговор. Получив дозволение хозяина: "Милости просим", дружко ножом, который у него всегда на спине за кушаком, разрезывает поставленные обыкновенно на столе курицу и пирог и, пробуя все наперед сам, угощает весь поезд кушаньем и водкой» (по Кашину).

169. Стряпчий повар. Наговор *дружки.* Источник и переиздание: Кашин, с. 159—160; Потанина III, № 12. Записал Н.И. Кашин в 1850-е гг. на р. Аргунь в Восточном Забайкалье.

Наговор произносился после *бани* и песен певиц при перемене блюда за столом *свадебного поезда* в доме *жениха.*

Сизая голубушка,
Белая лебедушка,
Матушка переменушка.

170. Наш князь молодой [благодарение певицам]. Наговор *дружки*. Источник и переиздание: Кашин, с. 163; Потанина III, № 13. Записал Н.И. Кашин в 1850-е гг. на р. Аргунь в Восточном Забайкалье.

После бани у жениха «по окончании обеда дружко угощает всех чинов поезда стаканом пива; причем каждый из гостей, выпив пиво из подносимого ему стакана, бросает в него деньги, которые дружко и отдает певицам», приговаривая это благодарение (по Кашину).

171. Господин хозяин. Наговор дружки. Источник и переиздание: Кашин, с. 163; Потанина II, № 14. Записал Н.И. Кашин в 1850-е гг. на р. Аргунь в Восточном Забайкалье.

«Все гости выходят из-за стола, молятся Богу, а дружко, обращаясь к родителям жениха, благодарит их от имени всех» этим приговором (по Кашину).

172. Хорош был жемчуг в ожерельях. Величальная песня *жениху* и *тысяцкому*. Источник и переиздания: Алексеев, с. 56; Потанина II, № 248; ФРУ, № 196. Записал Н.М. Алексеев в 1946 г. в Русском Устье (устье р. Индигирки на северо-востоке Якутии) от Е.А. Чикачевой, 1878(?) г.р. и С.П. Киселева, 1885 г.р.

Начальный сюжетный мотив «*кудри расчесала*» характерен для величаний *жениха* или гостя *свадебного пира, поезжанина*; второй — «*в орду воевать*» чаще встречается в величаниях *тысяцкого*.

Вар.: Авдеева, № 3, 10; Григорьев, с. 20; Ив.-Балин, № 79; Костюрина, № 18; Парилов, № 15; Шейн, № 2499.

173. Ой, что не ягодка по блюдечку катается, да катается, да. Величальная песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А 79, Красный Чикой, № 13. Записана КЭ БИОН и ИРЛИ в 1984 г. в с. Красный Чикой Красночикойского р-на Читинской обл. Нотирование Н.В. Леоновой.

В последней строке после косой черты приводится фонетический вариант верхнего голоса.

Вар.: Багизбаева, № 105; Демина II, № 18; Екатериновка, № 13; Муз. ф-р Сибири, № 12; Ялуторовск, с. 46.

174. Что не яблочко по блюдечку кататся, да кататься, да. Величание *приданникам*. Печатается по изданию: Мехнецов, № 23; переиздание: Потанина III, № 153. Записал А.М. Мехнецов в 1975 г. в с. Петухово Томского р-на Томской обл. от М.Ф. Протопоповой, 79 л. Автор нотировки не указан.

Вар.: Авдеева, № 3; Вагин № 68; Логиновский, с. 51; Потанина II, № 238; Шишков, с. 101—102.

175. Как не новые сени да проскрипели. Величальная песня. Источник и издание: ГБЛ, ф. 542, № 62(6), л. 86 (арх. М.К. Азадовского); Потанина II, № 243. Записана в 1915 г. в с. Кортухай Иркутской губ. от Н.Д. Черепановой.

176. Как на пролуби два голубя сидят. Величание *свахе*. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, АООО9, п 020. Записали Н.В. Леонова, Н.С. Индан и ФЭ НГК в 1981 г. в с. Локти Мошковского р-на Новосибирской обл. от Г.В. Лехман, 1928 г.р., А.К. Хромовой, 1911 г.р., Е.В. Бородиной, 1920 г.р., П.В. Белобородовой, О.А. Белой, 1931 г.р. Нотирование И. Кузнецовой.

«Пролубь» = «прорубь».

Вар.: Индан, № 13.

177. Как по чистому полю. Песня. Источник и переиздание: Логиновский, с. 75—76; Потанина II, № 256. Записал К.Д. Логиновский в 1890-е гг. в ст-це Мангутской Акшинского окр. Восточного Забайкалья (ныне с. Мангут Кыринского р-на Читинской обл.) от казака Юдина.

После каждого стиха повторяется припев — «да арадити».

Вар.: Авдеева, № 2; Азадовский, ГБЛ, ф. 542, № 62(б), л. 80, 87; Вагин, с. 83, 88; Гуляев, с. 14; Кон, № 10; Кривошапкин, с. 98; Ларионова, № 16; Логиновский, с. 78—79; Майнов, с. 64; Эпов, с. 27; Языков, с. 125—126; ср. Багизбаева, № 94; ♦ Киреевский, № 59, 284, 299, 300, 323, 435, 440, 765, 794; Соболевский, № 11, 604; Шейн, № 1464, 1493, 1503, 1575, 1916, 2160.

178. На ком кудерцы да на ком русые, да. Величальная песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А 43, МК5-31. Записал В.В. Асанов в 1985 г. в с. Большая Галка Бакчарского р-на Томской обл. от М.Ф. Русиной, 1918 г.р., Т.И. Бельтиковой, 1919 г.р., Е.М. Трондиной, М.Д. Циневской, 1928 г.р., А.П. Двурековой, 1928 г.р., А.И. Верхотуровой, 1924 г.р. Нотирование Н.А. Урсеговой.

Политекстовый напев, см. № 179, наст. изд.

Вар.: Багринцева, № 18—20; Ив.-Балин, № 71; Леонова, № 149; Междуречье, с. 35, № 23; Пешняк, № 2; Похабов, № 35.

179. На ком платьице, да на ком светлое, да. Величальная песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А 43, МК5-33. Сведения о записи и исполнителях см. № 178.

Политекстовый напев см. № 178 наст. изд.

180. На ком кудрюшки, на ком русые. Величальная песня. Печатается по изданию: Прииртышье, № 45. Записали В. Макарова и Г. Плешкова в 1966 г. в д. Самохвалово Муромцевского р-на Омской обл. от А.А. Орловой, 68 л.

181. Ванюшкина мамонька. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: Екатериновка, № 4. Записали В.И. Бодрова и сотрудники Алтайского краевого радио в 1988 г. в д. Екатериновка Третьяковского р-на Алтайского края от Е.Л. Голованової, 1913 г.р., Т.М. Степановой, 1915 г.р., А.Е. Андреевой, 1908 г.р., А.М. Бондаревой, 191? г.р., П.И. Петровой. Нотирование Н.А. Урсеговой.

Политекстовый напев.

Вар.: Багринцева, № 10; Леонова, № 128.

182. Василья матушка в счастливый день породила. Песня. Источник и переиздание: Пейзен, с. 339—340; Потанина II, № 274. Записал Г. Пейзен в 1857 г. в Енисейской губ.

183. Не лежи, бобер, во крутом берегу. Песня. Источник и переиздание: Осипов, с. 102—103; Потанина II, № 276. Записал Н.О. Осипов до 1891 г. в д. Нагорская Утякской вол. Курганского окр. Тобольской губ. от крестьянина В.Ф. Бобкова.

184. Батюшко родимый [благословляйте ехать]. Наговор *дружки*. Источник и переиздание: Кашин, с. 163—164; Потанина II, № 268. Записал Н.И. Кашин в 1850-е гг. на р. Аргунь в Восточном Забайкалье.

185. Как не стук-то стучит. Песня. Печатается по рукописи: ВООПИиК, 1979-II-88. Записала Л.А. Мухомедшина в 1979 г. в р.ц. Кежма Красноярского края от А.И. Брюхановой, 1902 г.р.

Песней с зачином «*Не стук стучит во тереме*» может благословляться и *жених* и *невеста*, как и песней с зачином «*Не верба в поле шатается*». Вариант

свадебного благословения *жениху* записан Л.А. Мухомедшиной в 1981 г. в д. Заимка Кежемского р-на Красноярского края от А.Н. Брюхановой, 1910 г.р., уроженки д. Алешкина этого же района:

Ой, ня стук стучит, о... ой, во тереме,
Ой, да что ня гром-то бы гремит, о... ой, во вы́сокем,
Ой, да бласла́вля... ой, бласла́вляется, о... ой, ду́ша Ва́нюшка:
— Ой, да бласла́ви-ка ты меня, о... ой, ро́днай батюшка,
Ой, да бласла́ви-ка ты меня, ой, ро́дная матушка.

Вар.: Демина I, № 52; Костюрина, № 12, 15; Междуречье, № 68; Мехнецов, № 13; Мишарин, № 11; Осипов, с. 104; Прииртышье, с. 30—31; Свиридова, № 723; ФРУ, № 194; Ялуторовск, с. 45.

186. Не верба́-то в поле шетаится. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова, Т-325, МКА5. Записала Л.Н. Белых в 1987 г. в с. Яркуль Купинского р-на Новосибирской обл. от сестер В.Н. Кайда, 1904 г.р. и Ф.Н. Подкосовой, 1912 г.р., уроженок д. Бехтень Барабинского р-на этой же области. Нотирование Н.В. Леоновой.

Пелась также, когда *жених* приводил молодую в свой дом.

187. Громы-то прогрянули. Песня. Печатается по изданию: Григорьев, с. 17. Запись произведена по просьбе С. Григорьева до 1894 г. в с. Каптыревское в южной части Минусинского окр. Енисейской губ. (ныне с. Каптырево Шушенского р-на Красноярского края) от старожилов.

Перед венчанием *дружка* собирает *поезжан* в доме *жениха*. Когда они съедутся, девушки поют песню.

188. Просит наш князь молодой. Наговор *дружки*. Источник и переиздание: Кашин, с. 157; Потанина III, № 7. Записал Н.И. Кашин в 1850-е гг. на р. Аргунь в Восточном Забайкалье.

Дружка обращался к гостям *жениха* с просьбой принять на себя обязанность конкретного свадебного чина... «Жених же при этом кланяется в ноги выбранному и подает ему стакан пива или вина. Точно таким же образом выбирает дружко бояр большого и меньшого, полудружья, сваху и подсватью, и все вместе с присутствующими здесь женщинами поют песню "Сборы вы мои, сборы"» (по Кашину).

189. Батюшка родимый [в путь-дороженьку]. Наговор *дружки*. Источник и переиздание: Зобнин, с. 10; Потанина III, № 16. Записал Ф. Зобнин в 1897 г. в Усть-Каменогорском уезде Семипалатинской обл. (ныне Усть-Каменогорский р-н Восточно-Казахстанской обл.).

С этими словами *дружка* обращался к родителям *жениха*, отправляя *поезд* за *невестой* к венцу.

БРАНЬЕ

190. Я есь дружка. Наговор *дружки*. Источник и издание: ИРЛИ, р. V, кол. 119, собр. Макаренко, п. 21, № 12, с. 19—20; Потанина III, № 17. Записал А.А. Макаренко в 1906 г. в с. Большой Улуй Ачинского уезда Енисейской губ. (ныне Ачинского р-на Красноярского края).

Приговор произносился в доме *невесты*, когда *дружка* приходил «с вестью». Получив положительный ответ о готовности *невесты* принять *поезд* на *бранье*, *дружка* с провожатыми возвращался к *жениху*.

191. Брался храбрый дружка. Наговор *дружки*. Источник и переиздание: Соседко II, с. 11—12; Потанина III, № 21. Записал Ф.Д. Соседко в 1901 г. на р. Куренге в пос. Мироново, Тонтой и Богданово Забайкальской обл. (ныне Читинская обл.) от старожилов.

Современные записи фиксируют более краткие и динамичные варианты:

Дружка. Господи, Иисусе Христе,
Сын Божий,
Помилуй нас!
Во светлой светлице,
Во теплой теплице,
Во новой горнице
Есть ли родимый батюшка,
Родная матушка?
Отвечают. Есть!
Дружка. Благословите
Дружко с полудружьями,
Молодого князя с боярами
Зайти за столы дубовые,
За скатерти браные,
За яства сахарные!
Отвечают. Бог благословит!

(Похабов, с. 27)

192. Есть ли у нашей княжны молодой. Наговор *дружки*. Источник и переиздание: Соседко II, с. 12; Потанина III, № 23. Сведения о записи см. № 191.

193. Раздайся, народ! Наговор *дружки*. Печатается по изданию: Потанина III, № 25 (оригинал записи хранится в архиве М.Н. Мельникова). Записала Н.П. Молодых в с. Успенка Доволенского р-на Новосибирской обл. от А.В. Костецкой, 1900 г.р.

В с. Бондареве Бейского р-на Хакасии, по свидетельству исполнительницы Е.Ф. Поспеловой, 1905 г.р., этот приговор произносила подруга *невесты*, внося *девью кра́соту* (вершинку сосенки) для продажи. Этот вариант значительно короче и приспособлен к *обряду купли-продажи*:

Раздайся, народ!
Расшатися, народ!
Девья красота идет!
Не сама она идет —
Красна девица несет!
.....
Пошла девья красота,
На милую Катюшу рассердилася,
Дверям хлопнула, ногой топнула:

— Этому дереву не быть два раза зелену,
А Катерине Федоровне не быть два раза в девушках!
(Потанина II, с. 39)

194. Сват да сватья! Наговор *дружки*. Печатается по изданию: Потанина III, № 22 (оригинал записи хранится в архиве М.Н. Мельникова). Записала А.А. Кретова в 1971 г. в д. Ерская Новосибирской обл. от М.Р. Печенцева, 1904 г.р.

195. Берется дружка. Наговор *дружки*. Источник и переиздание: Ермолаев, с. 591—592; Потанина III, № 27. Записал Е.О. Дяткин в 1911 г. в д. Кова Кежемской вол. Енисейского уезда Енисейской губ. (ныне Кежемский р-н Красноярского края).

Современная версия, записана в Тюменской области:

Дружка. Господи Исуся, сына Божий,
Помилуй мя!
Родители. Аминь!
Дружка. Скок через порог,
От силы ножку переволок,
Дайте мне, княжному дружке,
Путь да дорогу,
Улицу широку.
Разойдитесь-расступитесь
На все четыре стороны.
Дайте самому пройти
И весь поезд провести!
(Демина I, с. 5)

Колóды мурáвлёны — расписанные или глазурованные оконные колодки, косяки.

196. Ой, не было ветру. Песня. Печатается по изданию: Междуречье, № 58. Записали В.Г. Захарченко и М.Н. Мельников в 1970 г. в д. Ночке Венгеровского р-на Новосибирской обл. от Ф.И. Осиповой, 1914 г.р., В.И. Малышевой, 1920 г.р., Р.П. Саулиной, 1930 г.р., все — потомки пензенских переселенцев. Нотирование В.Г. Захарченко.

Вар.: Антипова-Фукс, № 3, 3а; Демина I, № 10; Ермаковск. р-н, № 36; Индан, № 6, 7; Костюрина, № 11; Красн. II, № 82, 130; Леонова, № 113; Междуречье, № 58; Мехнецов, № 30; Похабов, № 30; Прозвицкая, с. 134; Татаринцева, № 27; Ялуторовск, с. 43.

197. Не было ветру. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова, Т-I67, МЛА9. Записала Т.И. Киселева в 1981 г. в Новосибирске от М.И. Чепуровой, 1901 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

Последнюю строфу исполнительница спутала.

198. Не буйны ветры навеяли. Песня. Источник и издание: ГБЛ, ф. 542, № 62(6), л. 135 (арх. Азадовского); Потанина II, № 350. Записал М.К. Азадовский в 1915 г. в с. Анга Верхоленского окр. Иркутской губ. от П.Ф. Медведевой.

199. Налетели да щёрныя вороны, да. Песня печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А 85, Доп. 2 (копия). Записали В.И. Бодрова и

сотрудники Алтайского краевого радио в 1987 г. в с. Воробьево Шипуновского р-на Алтайского края от М.А. Печуркиной, 1912 г.р., П.Л. Огарковой, 1912 г.р., М.А. Красильниковой, 1918 г.р., К.Н. Кузнецовой, 1917 г.р., Е.В. Белоусовой, 1929 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

200. Пышные-гордые вы боярочки! Песня. Источник и переиздание: Красн. I, № 118; Потанина III,№ 303. Записали Б. Шнапер и И. Варшавский в 1956 г. в р.ц. Тасеево Красноярского края от О. Мясоедовой. Нотирование Б. Шнапера.

Повторение стихов восстановлено по примеч. на с. 197.

Разлу́ка — жених.

201. Гордые-пышные вы боярочки. Песня. Печатается по изданию: Потанина II, № 287. Записал(а) Н.Г. Котович в 1978 г. в с. Скакальном Тасеевского р-на Красноярского края от М.Н. Параевой, 1900 г.р.

202. Не видать месяца из-за облака. Песня. Печатается по изданию: Потанина II, № 306. Сведения о записи см. № 201.

203. Как по морю, морю синему. Песня. Источник и переиздание: Красн. I, № 114; Потанина III, № 336. Записали Б. Шнапер и И. Варшавский в 1956 г. в р.ц. Тасеево Красноярского края от сестер Мясоедовых и Е.Ф. Карепановой. Нотирование Б. Шнапера.

Вар.: Авдеева, № 14; Багизбаева, № 77; Балман, с. 47; Бергуль, с. 23; Гуляев, с. 41; Ив.-Балин, № 45; Кривошапкин, с. 19; Логиновский, с. 88; Майнов, с. 66; ГААО, ф. 958, д. 75, оп. I (Новиков-Даурский); Осипов, с. 107; Пархоменко, № 45; Пешняк, № 4; Потанина II, № 421, 425; Потанина III, № 335; Прииртышье, № 34; Свиридова, № 728; Соседко I, с. 2; Татаринцева, № 30; Чит. сб., с. 254—255; Шамаев, с. 22; Шишков, с. 103; Языков, с. 127; Ялуторовск, с. 44; ♦ Киреевский, № 20, 43, 68, 217, 288, 296, 601, 698; Шейн, № 1525, 1651, 1712, 2207, 2361.

204. Отставала лебедь белая. Песня. Печатается по изданию: Потанина II, № 421. Записала Р.П. Потанина в 1970 г в с. Малоархангельском Красночикойского р-на Читинской обл. от П.М. Корчановой, 1891 г.р.

Вар.: Осипов, с. 107.

205. Кони те бегут. Песня. Источник и переиздание: Осипов, с. 105; Потанина II, № 294. Записал Н.О. Осипов до 1891 г. в д. Нагорской Утякской вол. Курганского окр. Тобольской губ. от крестьянина В.Ф. Бобкова.

Повторы строк восстановлены в соответствии примечаний собирателя.

Фрагмент этой песни записан в 1994 г. в д. Рассвет Исетского р-на Тюменской обл. от К.И. Мезинцевой, 1907 г.р.:

Ай, грива у коня, ай грива у коня
Ковылем, ковылем, ковылем, ковылем.
Ай шея у коня, ай шея у коня
Колесом, колесом, колесом, колесом.
Ай глаза же у коня, ай глаза же у коня
Как у черна соболя, как у черна соболя.
Ай уши у коня, ай уши у коня
Как два булатные ножа, как два булатные ножа.

(Демина II, № 17)

Вар.: Балман, с. 41; Ив.-Балин, № 81; Кашин, с. 176; Леонова, № 118; Междуречье, с. 13, № 2; Поречье, № 31; Похабов, № 33; Потанина II, № 295; Федорова II, с. 220; Шамаев, с. 20.

206. Во лузях воды нету. Песня. Печатается по изданию: Мехнецов, № 7. Записал А.М. Мехнецов в 1969 г в с. Петухово Томского р-на Томской обл. от М.Ф. Протопоповой, 79 л., К.К. Квасовой, 60 л. Нотирование А.М. Мехнецова.

Вар.: Мехнецов, № 8, 9.

«Во лузях» = «во лугах».

207. Мать моя, мамонька, да. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, АОООЗ, п 026. Записали Ю.И. Шибанов, В.В. Асанов и ФЭ НГК в 1977 г. в д. Овсянниковой Тобольского р-на Тюменской обл. от В.С. Шумиловой, 1914 г.р., В.П. Шумиловой, 1911 г.р., Г.Н. Шумиловой, 1908 г.р., И.В. Бакшеевой, 1915 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

Вар.: *мотив «отлетает девья красота»* — № 86, 87 наст. изд.; *мотив «тебе дам провожатого»* — Демина I, № 9; Демина II, № 6, 6а; Ларионова, № 5, с. 338; Пешняк, № 6.

208. Из лугу-лугу, лугу зелену. Песня. Источник и издание: ГБЛ, ф. 542, № 62 (б), л. 168 (арх. Азадовского); Потанина II, № 298. Записано в с. Челпаново Иркутской губ.

Натýга — неволя.

Вар.: Майнов, с. 51; Потанина II, № 297.

209. Как по той-то по Волге-реке. Причет. Источник и переиздание: Протасов I, № 3; Потанина II, № 300 (словесный текст). Записал Н.П. Протасов в 1900 г. в Иркутской губ. Нотирование Н.П. Протасова.

Вар.: Демина II, № 14; Поречье, № 29; Свиридова, № 727; Татаринцева, № 23.

210. Что не гуси, не лебеди. Песня. Источник и переиздание: Кашин, с. 171—172; Потанина II, № 302. Записал Н.И. Кашин в 1850-е гг. на р. Аргунь в Восточном Забайкалье.

«Храбрым поясом» = «храбрым поездом».

«Не доросла» = «недоро́сла[я]» (?).

«Не вдозрела» = «невдозре́ла[я]» (?).

211. [По]днимись-ка, мать-погодушка, да. Сиротская причетная песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова, В-411 МК1М3. Записала М.М. Лужная в 1988 г. в Новосибирске от В.И. Головизина, 1905 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

212. Да не река ль ты, моя ре...ченька. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ОмГПУ, МАГ-8/1978, № 2. Записали Г.А. Сосковец и студенты ОмГПУ в 1978 г. в с. Богородское Тюкалинского р-на Омской обл. от М.Г. Шелудановой, 1921 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

Вар.: Антипова-Фукс, № 7, 7а; Багизбаева, № 58, 59, 61; Демина II, № 5, 5в, 7а-в; Ив.-Балин, № 74, Красн. II, № 42, 126; Междуречье, № 63, 104; с. 43, № 27; Песни Юж. Алтая, № 4; Пешняк, № 17; Свиридова, № 710, 712; Татаринцева, № 24.

213. Стукнули кони во широки ворота. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова, Т-286, МК3В8. Записали О.И. Кожало

и А.И. Даттай в 1985 г. в пос. Целинный Коченевского р-на Новосибирской обл. от А.П. Ощепковой, 1910 г.р., родители из Казанской губ. Нотирование Н.В. Леоновой.

«Скройте» = «скроите, сшейте».

Вар.: Багизбаева, № 95; Поречье, № 33; Щуров, № 23.

214. У ворот было, у воротичек. Песня. Источник и переиздание: Гуляев, с. 27—28; Потанина II, № 303. Записал С.И. Гуляев в 1840-е гг. в Алтайском горном округе.

С.И. Гуляев отмечает: «Возвратясь из бани, приготовляют невесту к принятию жениха. Когда жених приедет со всем поездом, то его встречают отец и мать невесты со своими гостями, а девушки в это время поют "У ворот было, воротичек"».

Вар.: Кривошапкин, с. 83—84.

215. [Не бы]ло ветров, ой, не было ветров. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова, Т-311, МКА5. Записала Н.П. Бакланова в 1987 г. в с. Павлово Венгеровского р-на Новосибирской обл. от Т.Ф. Баклановой, 1907 г.р., уроженки д. Бочкаревка Кыштовского р-на этой же области. Нотирование Н.В. Леоновой.

Исполнительница соединила две свадебные песни, продолжение текста выглядит следующим образом:

За то его тестечушка сполюбил,
Душой красной девушкой наделил,
Душой красной девушкой Олечкой.
У нас-то ить Олюшка выше всех,
Склонила головушку ниже плеч,
Задумала думушку крепче всех:
— Как я с тятенькой рассталася,
Как я с мамой распрощалася?
Как я буду жить на чужой стороне,
Как я буду привыкать ко чужой семье?
Как я буду звать свекра батюшкой,
Как я буду звать свекровку матушкой?

Вар.: Демина I, № 21; Ив.-Балин, № 78; Леонова, № 132; Похабов, № 13; Татаринцева, № 29; Федорова II, с. 221.

216. Эй, Волга-река. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ОмГПУ, МАГ-4/1971, № 19. Записали Т.Г. Леонова и В. Захаренко в 1971 г. в с. Атирка Тарского р-на Омской обл. от А.М. Ворониной, 58 л. и Н.В. Дюдневой, 63 л. Нотирование Н.В. Леоновой.

Вар.: Багизбаева, № 70; Багринцева, № 13; Гуляев, с. 32; Демина I, № 28—30; Ив.-Балин, № 41, 83; Красн. II, № 128, 129; Кривошапкин, с. 109; Леонова, № 117; Мехнецов, № 32; Осипов, с. 105; Потанина II, № 309, 311, 312; Похабов, № 27; Прииртышье, № 26; Свиридова, № 716; Татаринцева, № 26, 27; Федорова II, с. 221; ♦ Киреевский, № 270, 455, 491, 812; Шейн, № 270, 401, 455, 1504, 1617, 2044.

217. По лугу вода. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова, Т-197, МКА1. Записала О.В. Лисуненко в 1983 г. в

д. Новоалександровке Татарского р-на Новосибирской обл. от Белоус и А.Г. Зинченко. Нотирование Н.А. Урсеговой.

218. По лугу вода, по лугу вода, эх. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: НОККиИ, з/о I, № 7. Записал Б.П. Голубенко в 1995 г. в с. Чаинка Купинского р-на Новосибирской обл. от Т.П. Афанасьевой, 1921 г.р., Н.И. Перемыкиной, 1929 г.р., А.И. Боргер, 1927 г.р., Н.И. Подкосовой, 1933 г.р., Н.М. Дубчака, 1930 г.р., З.Н. Сысоевой, 1927 г.р. Нотирование Б.П. Голубенко.

219. Ой, во саду хмель. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А 80, № 98, МК5В6. Записали В.И. Бодрова и Н.В. Леонова в 1987 г. в с. Туманово Солонешенского р-на Алтайского края от Ф.А. Пушкаревой, 1916 г.р., В.В. Сахаровой, 1909 г.р., П.Е. Глушковой, 1917 г.р., М.В. Пушкаревой, 1897 г.р., П.С. Шмаковой, 1908 г.р.

Пели при встрече *поезжан*. Политекстовый напев, см. № 222 наст. изд.

«Вывяли» = «вынесли» (7-я строка).

220. Не было ветру — да ветры дунули, да ветры дунули, эх. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А0008, n 019. Записали Т. Плеханова, Е. Крупенникова, О. Трускова в 1980 г. в д. Барановке Каргатского р-на Новосибирской обл. от А.З. Водолажеской, 1901 г.р., Е.П. Кирильчик, 1909 г.р., М.В. Никольской, 1920 г.р., Г.М. Новиковой, 1922 г.р., Л.И. Водолажеской, 1925 г.р. Нотирование Е. Кустовой.

221. Уж как у броду-броду. Песня. Источник и переиздание: Авдеева, № 19; Потанина II, № 315. Записала Е.А. Авдеева в 1830-е гг. в Иркутской губ.

По всей вероятности, припев «оре-ди-ди» повторяется после каждого стиха.

По содержанию и структуре текст близок песне «*Что не вьюн над водой извивается*», но не является ее вариантом.

222. Пойду ли я. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А 80, № 100. Записали В.И. Бодрова и Н.В. Леонова в 1987 г. в с. Туманово Солонешенского р-на Алтайского края от В.В. Сахаровой, 1909 г.р., П.С. Шмаковой, 1908 г.р., П.Е. Глушковой, 1917 г.р., Ф.А. Пушкаревой, 1916 г.р., М.В. Пушкаревой, 1897 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

Поют перед отъездом к венцу. Политекстовый напев, с ним звучит песня «*Ой, во саду хмель* [*увивается*]» (№ 219), поющаяся при встрече *свадебного поезда жениха*.

223. Душечка-душа. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А0005, n 112. Записана ФЭ НГК в 1977 г. в Тобольском р-не Тюменской обл. Нотирование Н.А. Урсеговой.

224. Уж вы выводы, выводы. Песня. Печатается по изданию: Потанина II, № 316. Записала Р.П. Потанина в 1970 г. в с. Бондарево Бейского р-на Хакасии от Е.Ф. Поспеловой, 1905 г.р.

225. Соколы прилетали. Песня. Источник и переиздание: Пейзен, с. 347; Потанина II, № 320. Записал Г. Пейзен в 1857 г. в Енисейской губ.

Вар.: Ив.-Балин, № 66, 67.

226. Не было ветров, ох, не было ветров. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи из личного архива собирателя, представленной в дипломной работе: Индан, № 6. Записала Н.С. Индан в 1978 г. в Новосибирске от

А.И. Сизиковой, 1919 г.р., А.И. Зайченко, 1922 г.р., Н.И. Шашковой, 1926 г.р., Л.И. Мустафиной, 1933 г.р., в девичестве — сестер Кутафиных, уроженок д. Локти Мошковского р-на Новосибирской обл.

«Прощальная» песня, сопровождавшая *обряд выкупа невесты*. Политекстовый напев, с которым в этой же обрядовой ситуации могла звучать песня «*Тятенька родимый, колокольчики звенят*» (№ 151 наст. изд.).

227. Ох, раным-ранешенько на заре. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, АООО3, n 368. Записана ФЭ НГК в 1976 г. в с. Трусово Курьинского р-на Алтайского края от А.П. Захаровой и М.А. Баргиной, 1922 г.р. Нотирование Н.А. Урсеговой.

Близкий вариант записан ими же в д. Березовке Краснощековского р-на Алтайского края от А.С. Есиной, 1932 г.р., А.М. Семыкиной, 1926 г.р., Т.И. Семыкиной, 1930 г.р., А.Я. Харловой, 1918 г.р., А.Н. Дегтяревой, 1920 г.р.:

Ой, рано-ранешенькя на заре
Щикотали ластовки на мори́.
Щикотали ласточки на мори́,
Ой, плакала-рыдала Марьюшка́.
Ой, плакала-рыдала Марьюшка́
На белым на камушку стоичи́.
Да на белым на камушку стоичи́
Да на крутенький бережок глядичи́.
Да на крутенький бережок глядичи́,
А по бережку батюшка гуля́.
А по бережку батюшка гуля́:
— Да гуляй-гуляй, батюшка, здорова́.
Да гуляй-гуляй, батюшка, здорова́,
Да сведи ж меня с камушка белыва́.
Да сведи ж меня с камушка белыва́,
А у батюшки жалости немнога́.
Да у батюшки жалости немнога́:
Да не свел меня с камушка белыва́.

Исполнительницы указали, что песню исполняли при *расплетании косы* три раза: первый раз — обращаясь к «*батюшке*», второй — к «*матушке*», а третий — к «*Ванюшке*». Завершение третьей песни (дневник экспедиции, № 7):

А у Ванюшки жалости побольше:
Он свел меня с камушка белого.
(АТМ, АООО3, n 051)

Щикота́ли — щебетали.

Вар.: Междуречье, № 94.

228. Все-то кони под коврами, да уряди. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А 80, № 101. Записали В.И. Бодрова и Н.В. Леонова в 1987 г. в с. Туманово Солонешенского р-на Алтайского края от В.В. Сахаровой, 1909 г.р., П.С. Шмаковой, 1908 г.р., П.Е. Глушковой, 1917 г.р., Ф.А. Пушкаревой, 1916 г.р. и М.В. Пушкаревой, 1897 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

Исполнялась при отъезде к венцу. На Алтае вариант с более полным составом начальных сюжетных мотивов записала В.И. Бодрова в 1989 г. в д. Екатериновка Третьяковского р-на Алтайского края:

Уряди делае, ну да во калинового мосту,
Да уряди делае, ну да там стояли атаманы,
Да уряди делае, ну да атаманы со конями.
Да уряди делае, ну да у их кони под коврами,
Да уряди делае, ну да один коник не подкован,
Да уряди делае, ну да не подкован, не под ковром.
Да уряди делае, ну да в нас Иван-то коня любит,
Да уряди делае, ну да он вокруг-то коня ходит:
Да уряди делае, ну да: «Уж ты конь, ты мой конёшек,
Да уряди делае, ну да сослужи-ка мене службу,
Да уряди делае, ну да сослужи-ка мне вторую,
Да уряди делае, ну да сослужи-ка мене третью»...

(Традиционный фольклор Алтая, сторона 2, № 10)

Вар.: Белослюдов, с. 8—9; Майнов, с. 60; Осипов, с. 104; Шамаев, с. 19—20.

229. Вы перильца, перильца мои, да. Величание молодых. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А0005, п 179. Записана ФЭ НГК в 1977 г. в д. Ушарова Тобольского р-на Тюменской обл. от Г.И. Лоскутовой, 1917 г.р., А.Г. Галактионовой, 1915 г.р. и М.А. Галактионовой, 1948 г.р. Нотирование Н.А. Урсеговой.

Пелась в свадебный день после благословления *невесты*, когда все сидят за столом. Ср. с вариантом песни:

Вы, перильца, перильца мои!
Вы, перильца хрустальныя!
Что по этим периличкам
Ходила, гуляла дорога наша сударыня;
Во руках она носила
Дорогие два яхонта,
Со имя речь говорила:
— Уж вы, яхонты, яхонты!
Полежите малешенько,
Покуль я молодешенька!
Ты светел ли, светел месяц!
Ты весел ли, мой милый друг?
— Я вечор во собраньи был
С енанралами, с полковниками.
Енаралы-то хвалятся:
У меня, братцы, жена хороша!

(Костюрина, № 17)

Пери́льца — здесь перильчатое крыльцо.

230. Вы перильца, перильца мои, да. Величальная песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А0005, п 147. Записана ФЭ НГК в 1977 г. в Тобольске от А.И. Каликиной, 1910 г.р., А.Ф. Зольниковой, 1910 г.р. и Е.И. Третьяковой, 1913 г.р.

231. Что княжина-то свашенька беля́на. Величание *свахе*. Источник и переиздание: Гуляев, с. 13—14; Потанина II, № 335. Записал С.И. Гуляев в 1840-е гг. в Алтайском горном округе.

Вар.: Григорьев, с. 21.

232. У нас свашенька богата, да богата. Величальная песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: КрГПУ, Р2-7а/1987. Записали Н.А. Новоселова, С. Горенская и Н. Ярлыкова в 1987 г. в д. Вороковке Казачинского р-на Красноярского края от С.Н. Варыгиной, А.И. Чащиной, Л.Д. Чащиной, К.И. Варыгиной, А.К. Белоноговой, А.О. Варыгиной, А.П. Варыгиной, Е.Н. Шимокиной, Т.В. Дёминой. Нотирование Н.А. Урсеговой.

Политекстовый напев величальных песен.

233. Уж ты, сватушка наш батюшка, послушай, да послушай! «*Припевок*» *свату*. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: НОККиИ, з/о 2, № 7. Записал А.Р. Каримов в 1983 г. в д. Черемшанке Глубоковского р-на Восточно-Казахстанской обл. от А.Н. Вороновой, 1929 г.р., М.Н. Рыльской, 1928 г.р., А.И. Рыльской, 1937 г.р. Нотирование Н.А. Урсеговой.

Расступи́ся — пожертвуй, расстанься.

234. Ой, нашему дружке не стоится, не стоится. Припевка. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова, Т-30I, МЛА8. Записали Г.В. Бузюргина и Г.А. Воротынцева в 1986 г. в с. Остяцк Северного р-на Новосибирской обл. от Е.И. Деветьяровой, I911 г.р. и А.П. Давыденко, 1909 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

235. Что приезжа-то гостьюшка богата, да вот богата. Величальная *свахе*. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А 43, МК1-35. Записал В.В. Асанов в 1985 г. в с. Балакуль Лебяжьевского р-на Курганской обл. от Е.И. Лошкаревой, 1907 г.р., А.И. Чагочкиной, 1910 г.р., А.Ф. Баженовой, 1916 г.р. Нотирование О.В. Рыхта.

Обе́денка — *уменьш.* от *обедня* — церковная служба, литургия.

236. Ах ты свет, моя светлая светлица. Песня. Источник и переиздание: Авдеева, № 4; Потанина II, № 347. Записала Е.А. Авдеева в 1830-е гг. в Иркутской губ.

Ро́нена — рублена.

Вар.: Языков, с. 121.

237. Клен-деревцо, клен-деревцо спошатнулося. Песня. Источник и переиздание: Языков, с. 117; Потанина II, № 357. Записали И. Суворов и А. Языков в 1890-е гг. на р. Илим (Иркутская губ.).

Вар.: Ларионова, с. 344—345; Майнов, с. 57; Неклепаев, с. 162; Прибайкалье, № 71.

238. Ай, от не бушуй-ко-те. Причетная песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: КрГПУ, XIII 1-1/1979. Записали Н.А. Новоселова и Т. Неупокоева в 1979 г. в р.ц. Кежма Красноярского края от А.И. Брюхановой, 1902 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

Поют, когда *невесту* выводят из-за стола, чтобы ехать к венцу. Поэтическая и музыкальная строфики не совпадают.

Фрагмент песни опубликован: МКС, с. 15.

239. Ай, солнышко да высоко взошло. Песня. Источник и переиздание: Красн. II, № 132; Потанина III, № 338 (словесный текст). Записала Б.Б. Ефименко-

ва в 1957 г. в р.ц. Шушенское Красноярского края от О.Н. Попковой, А.И. Ивановой, А.В. Скугоревой и А.И. Тарабаевой. Автор нотировки не указан.

Сибирский вариант:

Бросила ключи
На дубовые столы,
На скатерти браные:
— Я тебе, батюшка, не ключница,
Я тебе, матушка, не ларешница.
Ключница я свекру-батюшку,
Ларешница я свекровь-матушке.
(Шейн, № 2492)

Вар.: Багринцева, № 3; Гуляев, с. 40; Ив.-Балин, № 53, 69; Кривошапкин, с. 117; Ларионова, № 30; Леонова, № 116; Майнов, с. 66; Неклепаев, с. 170; Похабов, № 31; ФРУ, № 189; Шишков, с. 87—88; Эпов, с. 27; ♦ Киреевский, № 386, 639, 783; Шейн, № 1758.

240. [Ой,] солнушко шло. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова, Т-301, МЛА7. Записали Г.В. Бузюргина и Г.А. Воротынцева в 1986 г. в с. Остяцк Северного р-на Новосибирской обл. от Е.И. Деветьяровой, 1911 г.р. и А.П. Давыденко, 1909 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

Замóшница — от *замóк* — замочница.

241. Кругом солнце обошло. Песня. Источник и переиздание: Гуляев, с. 6; Потанина II, № 365. Записал С.И. Гуляев в 1840-е гг. на Алтайском горном округе.

Вар.: Авдеева, № 21; Арефьев, с. 77; Гуляев, с. 43; Кривошапкин, с. 90; Майнов, с. 66; Междуречье, № 82; Неклепаев, с. 170; Пархоменко, № 88; Поречье, № 8; Потанина II, № 366; Свиридова, № 725; Языков, с. 127; ♦ Киреевский, № 127, 280.

242. У ворот рябинушка стояла, да стояла. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: КрГПУ, III-6/1987. Записали Н.А. Новоселова, Т. Кожемякина и Л. Комлева в 1987 г. в д. Вороковке Казачинского р-на Красноярского края от Т.Е. Белобородовой, 1905 г.р., уроженки с. Рождественского этого же района. Нотирование Н.А. Урсеговой.

Пели, когда *невесту* везли из дома.

243. Постойте, бояры, постойте, молодые! Источник и переиздание: Шишков, с. 80; Потанина II, № 381. Записал В. Шишков в 1911 г. в д. Подволочной Киренского уезда Иркутской губ. (ныне с. Подволочное Киренского р-на Иркутской обл.) от А.А. Карелиной.

244. Вы уж, князья-бояре. Причитание. Источник и переиздание: Шамаев, с. 23; Потанина II, № 382. Записал И. Шамаев до 1902 г. в Тюкалинском уезде Тобольской губ.

245. Благодарствую, батюшка. Песня. Источник и переиздание: Авдеева, № 16; Потанина II, № 387. Записала Е.А. Авдеева в 1830-е гг. в Иркутской губ.

В отличие от других сибирских вариантов песни-благодарения, в данном образце содержится просьба благословить к венцу.

Вар.: *мотив благодарения* — Логиновский, с. 82—83; Швецова II, с. 59; *мотив «родительско благословение из темных лесов выведет»* — Демина I, № 24, 25; Красн. II, № 42.

14 Заказ № 781

246. Благословляй-ка, родимай тятинька. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова, Т-335, МКА3. Записала Е.В. Савченко в 1987 г. в с. Новотроицк Колыванского р-на Новосибирской обл. от Т.В. Касьяновой 1916 г.р., уроженки д. Красный Яр этого же района. Нотирование Н.В. Леоновой.

247. Не стук стучит, не гром гремит. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова, Т-439, МКА9. Записал А.А. Толмачев в 1988 г. в Новосибирске от А.Ф. Кудрявцевой, 1923 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

248. Приутихните во тереме. Причитание. Источник и переиздание: Арефьев, с. 84—85; Потанина II, № 388. Записал В.С. Арефьев в 1890-е гг. в Енисейской губ.

249. На заре было, на зореньке. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова, Т-41, МЛВ6. Записала В.Н. Гуляева в 1974 г. в пос. Койниха Искитимского р-на Новосибирской обл. от Е.Н. Миляевой, 1913 г.р., песни слышала в с. Бурмистрово этого же р-на. Нотирование Н.В. Леоновой.

250. Не верба́ в поле шатается. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А0009, n 021. Записали Н.В. Леонова, Н.С. Индан и ФЭ НГК в 1981 г. в с. Локти Мошковского р-на Новосибирской обл. от Г.В. Лехман, 1928 г.р., А.К. Хромовой, 1911 г.р., Е.В. Бородиной, 1920 г.р., П.В. Белобородовой, О.А. Белой, 1931 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

Песня сопровождала *обряд благословления невесты* перед отъездом к венцу.

Вар.: Ант.-Фукс, № 6; Арефьев, с. 66, 68; Багизбаева, № 84; Балман, с. 39; Ермаковск. р-н, № 10; Ив.-Балин, № 80; Индан, № 8, 9; Костюрина, № 13, 16; Красноженова I, с. 21; Логиновский, с. 12; Майнов, с. 66; Междуречье, с. 14, № 4; с. 43, № 27а; Мехнецов, № 12; МКС, с. 14; Парилов, № 8; Пархоменко, № 84; Пейзен, с. 345; Потанина II, № 396, 397, 401; Соседко I, с. 2—3; Чеканинский, с. 49; Шишков, с. 80; Ялуторовск, с. 45. См. также примеч. к № 185 наст. изд.

251. Что ни гром гремит во вы́соте. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова, Т-4, МЛА2. Записала И.Т. Михайлова в 1972 г. в пос. Барышево Новосибирского р-на Новосибирской обл. от М.С. Ивановой, 1912 г.р. и Ф.И. Иварович, 1908 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

252. Не верба́ в поле шатается. Песня. Источник и переиздание: Мехнецов, № 11; Потанина III, № 344 (словесный текст). Записал А.М. Мехнецов в 1969 г. в с. Петухово Томского р-на Томской обл. от М.Ф. Протопоповой, 79 л. и К.К. Квасовой, 60 л. Нотирование А.М. Мехнецова.

253. Купорыслое дре... древо клони...тся. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А0005, n 122. Записана ФЭ НГК в 1977 г. в д. Ушарово Тобольского р-на Тюменской обл. от Е.А. Черезовой 1902 г.р. Нотирование Н.А. Урсеговой.

Благословительные песни *жениху* и *невесте*, записанные близ Тобольска в конце XIX в.:

Что не гром гремит во тереме,
Что не стук стучит во высоком:
Кипарисно древо клонится,
Наш (*имя рек*) Богу молится,
Удаленький Благословляется

У родимого своего батюшки,
У родимой своей матушки!

(Костюрина, № 15)

Что не веточка к земле клонится —
Аннушка Богу молится,
Красавица благословляется
У богоданной своей маменьки,
У богоданного своего тятеньки!

(Костюрина, № 16)

«Купорыслое» = «кипарисовое».

254. Спасибо на амине [к венцу]. Наговор *дружки.* Источник и издание: ИРЛИ, р. V, кол. 119, собр. А.А. Макаренко, п. 21, № 17, с. 31; Потанина III, № 31. Записал А.А. Макаренко в 1906 г. в с. Большой Улуй Ачинского уезда Енисейской губ. (ныне Ачинский р-н Красноярского края).

Варианты наговоров *дружки* при отправлении к венцу в записях второй половины XX в.:

Стряпушка-матушка,
Есть ноженьки — подойди,
Есть крылышки — подлети,
Ножки — с подходом,
Голова — с поклоном,
Язык — с приговором.
Пожалуйста, прошу покорно
Рюмочку набочить,
В горлушке промочить
К нам ество переменить.
И нашего князя молодого
(Имя рек)
В путь-дорожку
К золотому венцу проводить.

(Мехнецов, с. 16)

Родный батюшка,
Родна матушка,
Благословите нашему князю
Княгинюшку ко злату венцу...
(благословляют)
Девицы-певицы,
Пирожные мастерицы,
Крыношные блудницы,
Сметанные лакомицы.
Позвольте нашему князю молодому
В княжье место съездить.
(подружки невесты поют величальную поезжанам)

(Прииртышье, с. 29—30)

Новобру́шный — жених после обручения.

255. Лебеди белые. Наговор *дружки*. Источник и переиздание: Кашин, с. 176—177; Потанина III, № 28. Записал Н.И. Кашин в 1850-е гг. на р. Аргунь в Восточном Забайкалье.

«Выйдя из-за стола, жених и весь поезд идут в кружок девушек проститься с невестой при приговорах дружки» (по Кашину).

256. Благослови [к венцу]. Наговор *дружки*. Источник и издание: ГЛМ, собр. Савельева, ф. 4, п. 16/7, л. 101; Потанина III, № 29. Записал Е.О. Дяткин в 1911 г. в д. Кова Кежемской вол. Енисейского уезда Енисейской губ.

Приговор произносился перед отъездом к венцу.

257. Батюшка родимый [к венцу]. Наговор *дружки*. Источник и переиздание: Зобнин, с. 11; Потанина III, № 30. Записал Ф. Зобнин в 1897 г. в Усть-Каменогорском уезде Семипалатинской обл. (ныне Усть-Каменогорский р-н Восточно-Казахстанской обл.).

258. Прощайте, ясные соколы. Наговор *дружки*. Источник и переиздание: Соседко II, с. 16; Потанина III, № 33. Записал Ф.Д. Соседко в 1901 г. на р. Куренге в пос. Мироново, Тонтой и Богдановo Забайкальской обл. (ныне Читинской обл.) от старожилов.

«Над златым» = «под златым».

259. У города там виты ворота. Песня. Источник и издание: ГБЛ, ф. 542, № 62(6), л. 141 (арх. Азадовского); Потанина II, № 410. Записана в 1915 г. в Иркутской губ. от Е.М. Масюковой.

Вар.: Вагин, № 55; Потанина II, № 408, 409, 411; ФРУ, № 202; Шейн, № 2489; Эпов, с. 26.

260. Ах вы, комони, комони. Песня. Источник и переиздание: Гуляев, с. 40—41; Потанина II, № 414. Записал С.И. Гуляев в 1840-е гг. в Алтайском горном округе.

Вар.: Кривошапкин, с. 118—119.

261. Приезжали унтовники. Корильная песня. Источник и переиздание: Кашин, с. 179; Потанина II, № 419. Записал Н.И. Кашин в 1850-е гг. на р. Аргунь в Восточном Забайкалье.

Комчатница — от *камка* — т.е. богато, нарядно одетая.

262. Приехали к нам сверные. Песня. Источник и переиздание: Логиновский, с. 88; Потанина II, № 420. Записал К.Д. Логиновский в 1890-е гг. в ст-це Донинской Нерчинско-Заводского окр. Восточного Забайкалья (ныне с. Доно Калганского р-на Читинской обл.) от казака Косых.

Оло́чники — обутые в грубые шерстяные чулки с кожаными подошвами.

Све́рные — от *скверные* или *сверниголовы*.

263. У нас ныне непогожая неделька, да. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова, Т-291, МКІВ11. Записала Л.А. Вотинцева в 1985 г. в д. Козихе Ордынского р-на Новосибирской обл. от А.В. Литвинцевой, 1914 г.р. и В.Ф. Гайлаковой, 1916 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

Вар.: Аркин II, № 9; Багизбаева, № 33.

264. Повозничка девушки любили. Величальная песня. Источник и переиздание: Арефьев, с. 83; Потанина II, № 428. Записал В.С. Арефьев в 1890-е гг. в Енисейском окр. Енисейской губ.

265. Ой, девки-дурушки. Корильная песня. Источник и издание: рукопись собирателя (копия БИОН, № 3426, л. 237); Потанина II, № 429. Записала Л.И. Ищенко в 1976 г. в с. Михайловка Александровского р-на Сахалинской обл. от Е.М. Шелковиной, 1912 г.р.

266. Стану, раб Божий, благословясь. Заговор. Источник и издание: ИРЛИ, р. V, кол. 119, собр. Макаренко, п. 21, № 12, с. 15—17; Потанина III, № 46. Записал А.А. Макаренко в 1906 г. в с. Большой Улуй Ачинского уезда Енисейской губ. (ныне Ачинский р-н Красноярского края).

«Заврочки» = «заворочки», от *завóры* — узлы на веревках (привязь оглобли к саням).

Свадебные заговоры сибиряков опубликованы также в: Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни. Заговоры / Сост. Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников, Н.В. Леонова. — Новосибирск: Наука, 1997. — № 523—531.

267. Как жлобы онемели. Заговор. Печатается по изданию: Потанина III, № 47. Сведения о записи см. № 266: ИРЛИ... — С. 10—12.

268. Стану я, раб Божий, благословясь. Заговор. Источник и переиздание: Клеменц, с. 43—45; Потанина III, № 48. Записал Д.А. Клеменц в 1880-е гг. от крестьян Минусинского окр. Енисейской губ.

Под спýдом — скрытые, лежащие без дела (движения).

ПОСЛЕ ВЕНЦА

269. Родимый батюшка [встречайте князя молодого]. Наговор *дружки.* Источник и переиздание: Соседко II, с. 16—17; Потанина III, № 34. Записал Ф.Д. Соседко в 1901 г на р. Куренге в пос. Миронова, Тонтой и Богданова Забайкальской обл. (ныне Читинская обл.) от старожилов.

270. Иванова мати. Песня печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А 80, № 102. Записали В.И. Бодрова и Н.В. Леонова в 1987 г. в с. Туманово Солонешенского р-на Алтайского края от В.В. Сахаровой, 1909 г.р., П.С. Шмаковой, 1908 г.р., П.Е. Глушковой, 1917 г.р., Ф.А. Пушкаревой, 1916 г.р., М.В. Пушкаревой, 1897 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

Поют при встрече молодых от венца. Политекстовый напев, с ним связан также текст корильной песни «*Погнулися сени, тут бояры сели*».

Вар.: Потанина II, № 440.

271. Санки, вы саночки. Песня. Источник и переиздание: Кон, № 38; Потанина II, № 438. Записал Ф.Я. Кон в 1890-е гг. на юге Енисейской губ. (ныне Красноярский край).

272. Ты встречай, родная матушка. Песня. Источник и переиздание: Чит. сб., с. 256; Потанина II, № 430. Записана до 1916 г. в Забайкалье от казаков.

Талáн[т]ливую — счастливую, удачливую.

273. Ой, яблоня кудрявая. Песня. Источник и переиздание: Красн. II, № 131; Потанина III, № 373. Записали Д. Лаптуров и Б. Нафах в 1957 г. в с. Верхний Кужебар Каратузского р-на Красноярского края от М.М. Томшиной и З.В. Селиной. Автор нотации не указан, нотная запись транспонирована на 2 тона выше.

274. Благослови меня. Наговор *дружки*. Источник и переиздание: Ермолаев, с. 592—593; Потанина III, № 3. Записал Е.О. Дяткин в 1911 г. в д. Кова Кежемской вол. Енисейского уезда Енисейской губ. (ныне Кежемский р-н Красноярского края).

Вариант наговора *дружки*, исполняющегося после венца в доме молодого из Притоболья:

Молодые. — Тятенька, маменька,
Благословите за стол сесть!
Родители. — Бог благословит.
Дружка. — Тятенька, маменька,
Благословите нашего князя молодого
Со княгиней молодой
За стол сесть,
За скатерти браные,
Напитки сахарны!

(Костюрина, с. 11)

275. Благословляются братцы. Наговор *дружки*. Источник и издание: ИРЛИ, р. V, кол. 119, собр. Макаренко, п. 21, № 12, с. 10—12; Потанина III, № 2. Записал А.А. Макаренко в 1906 г. в с. Большой Улуй Ачинского уезда Енисейской губ. (ныне Ачинский р-н Красноярского края).

В рукописи собирателя этот наговор переходит в оберег (№ 266 наст. изд.).

276. Батюшка родимый [за столы дубовые]. Наговор *дружки*. Источник и переиздание: Зобнин, с. 5—6; Потанина III, № 6. Записал Ф. Зобнин в 1897 г. в Усть-Каменогорском уезде Семипалатинской обл. (ныне Усть-Каменогорский р-н Восточно-Казахстанской обл.).

Последнее восьмистишие приговора *дружка* произносил каждый раз, как только усаживал *поезд* за стол. Ф. Зобнин приводит эту часть при описании *выкупа косы* в доме *невесты*. Это устоявшийся приговор, повторяемый без изменения за столом на свадьбах в Усть-Каменогорском уезде.

277. Спасибо на амине [после венца]. Наговор *дружки*. Источник и переиздание: Чеканинский, с. 54—55; Потанина III, № 35. Записал И. Чеканинский в с. Кежемском Кежемской вол. Енисейского уезда Енисейской губ.

Га́рус — белая или цветная шерстяная нить для вязания и вышивания.

Плúсовы — из простого (бумажного) бархата.

278. Спасибо на амине [во всех обрядах]. Наговор *дружки*. Источник и издание: ИРЛИ, р. V, кол. 119, собр. Макаренко, п. 21, № 12, с. 8—10; Потанина III, № 1. Записал А.А. Макаренко в 1906 г. в с. Большой Улуй Ачинского уезда Енисейской губ. (ныне Ачинский р-н Красноярского края).

279. Спасибо на амине [на благодатном доме]. Наговор *дружки*. Источник и переиздание: Ермолаев, с. 587—589; Потанина III, № 36. Записал Е.О. Дяткин в 1911 г. в д. Кова Кежемской вол. Енисейского уезда Енисейской губ. (ныне Кежемский р-н Красноярского края).

Ермолаев сопровождает публикацию данного приговора следующим примечанием: «Наговор этот заканчивается переиначенной и сокращенной "Крестьянской

пирушкой" Кольцова. К сожалению, условия, при которых была сделана запись, совершенно исключали всякую возможность выяснения странного сочетания стихотворения Кольцова и свадебного наговора. Удалось добиться только, что крестьянин, со слов которого записан наговор, в свою очередь записал его лет пять тому назад от одного из кежемских же крестьян — старинного дружки».

Плúсовые — из простого (бумажного) бархата.

«Со повойничком» = «со повозничком».

280. За дубовые столы. Наговор *дружки.* Источник и переиздание: Ермолаев, с. 589—590; Потанина III, № 37. Сведения о записи см. № 279.

По окончании первого наговора (см. № 279) «все крестятся на образа, здороваются за руку с родителями молодого, раздеваются. После этого дружка говорит: "Благослови, господин тысяцкий и господин хозяин, за столики дубовые зайти", — и первым заходит за стол, наговаривая "За столы дубовые"» (по Ермолаеву).

Бухарма́я кисея́ — хлопчатобумажный холст, бязь.

281. Спасибо на амине [на благословенном деле]. Наговор *дружки.* Печатается по изданию: Потанина III, № 38. Записал А.А. Макаренко в 1904 г. в Енисейской губ. (ныне Красноярский край): ИРЛИ, р. V. кол. 119, собр. Макаренко, п. 21, № 5 («Свадьба и другие обряды Сибири»), с. 22—23.

По замечанию собирателя, при этом наговоре все стоят в ряд в том порядке, как их называет *дружка.* После наговора *дружка* кладет *«рублевку невесте на косу, девицам бутылку водки».*

«Ракитный брус» = «ракитный куст».

282. У нас во дому. Наговор *дружки.* Источник и издание: ИРЛИ, р. V, кол. 119, собр. Макаренко, п. 21, № 12, с. 26—27; Потанина III, № 39. Записал А.А. Макаренко в 1906 г. в с. Большой Улуй Ачинского уезда Енисейской губ.

Наговор *дружки* предшествовал совершению *ритуала окручивания молодой.*

Бозументик — искаженное от *позумент.*

283. Ты сокол ли, соколин сын да. Песня. Печатается по изданию: Осипова, № 9. Записали В.Д. Осипова, Р.П. Матвеева, З.А. Миронова в 1983 г. в с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл. от А.Г. Пахмутовой, 1911 г.р. Нотирование В.Д. Осиповой.

284. Уж как на море, на морюшке. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А 80, № 103. Записали В.И. Бодрова и Н.В. Леонова в 1987 г. в с. Туманово Солонешенского р-на Алтайского края от В.В. Сахаровой, 1909 г.р., П.С. Шмаковой, 1908 г.р., П.Е. Глушковой, 1917 г.р., Ф.А. Пушкаревой, 1916 г.р., М.В. Пушкаревой, 1897 г.р.

Поют когда *невесту «окручать начнут».* Политекстовый напев (см. № 117 наст. изд.).

Вар.: Аркин II, № 16; Багизбаева, № 34; Демина I, № 43, 44; Междуречье, № 71.

285. Ох вы, улички, метитеся. Песня. Источник и переиздание: Алексеев, с. 56—57; Потанина II, № 283; ФРУ, № 207. Записал Н.М. Алексеев в 1946 г. в Русском Устье от Е.А. Чикачевой, 1878 (?) г.р. и С.П. Киселева, 1885 г.р.

По замечанию собирателя, песню исполняли после венца при встрече молодых у крыльца. По содержанию она более уместна до венчания; в большинстве районов Сибири, судя по записям, ее пели перед выездом *поезда* за *невестой.* В

песне встречаются необычные для сибирских вариантов искажения терминов родства: *«шуриях»*, вместо *«шурины»*, *«свояшны»* вместо *«свояки»* или *«свояченицы»*.

Вар.: Авдеева, № 18; Потанина I, № 345; ФРУ, № 201; Шейн, № 2472.

286. Во дворе. Песня. Источник и издание: Алексеев, с. 56—57; Потанина II, № 291. Сведения о записи см. № 285.

Вар.: Богораз, № 56; Прибайкалье, № 75; ФРУ, № 197 (запись В.М. Зензинова в Русском Устье).

287. Разливалася вода вешняя. Песня. Источник и переиздание: Гуляев, с. 24—25; Потанина II, № 431. Записал С.И. Гуляев в 1840-е гг. в Алтайском горном округе.

Вар.: Демина II, № 14; Поречье, № 29; Свиридова, № 727; Татаринцева, № 23.

288. Из-за горы ясны соколы летят. Песня. Источник и переиздание: ГБЛ, ф. 542, 62(б), л. 144 (арх. Азадовского); Потанина II, № 433. Записал М.К. Азадовский в 1915 г. в с. Кортухай Иркутской губ.

«Свечка-душа» = «свет-душа».

Винохо́дова — иноходного.

Го́лья шу́ба — некрытая тканью поверх меха.

289. Не трубушка тру́била рано по заре. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: Екатериновка, № 11 (оригинал — в фонде Алтайского краевого радио, копия — в АКЦФ и НР и личном собрании Н.В. Леоновой). Записали В.И. Бодрова и О. Колтунов (звукорежиссер) в 1988 г. в д. Екатериновке Третьяковского р-на Алтайского края от Е.Л. Голованової, 1913 г.р., Т.М. Степановой, 1915 г.р., А.Е. Андреевой, 1908 г.р., А.М. Бондаревой, 191? г.р., П.И. Петровой, 191? г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

Сопровождала *обряд окручивания молодой* после венца, но нередко звучала и на *девичнике*, при *расплетании* косы.

Вар.: Аркин I, № 1; Багизбаева, № 53; Багринцева, № 4; Демина I, № 47, 48; Пархоменко, № 86; Поречье, № 9; Потанина II, № 24, 455; Похабов, № 37; Татаринцева, № 13; см. также № 290 наст. изд.

290. Затрубили трубоньки рано на заре. Песня. Печатается по изданию: Потанина II, № 455. Записана П.А. Макиенко в 1970 г. в пос. Тяжин Тяжинского р-на Кемеровской обл.

291. Не долго цветочку да в садике цвести. Песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова, Т-8, МЛА4-5. Записала Э.В. Франц в 1972 г. в с. Бочкари Черепановского р-на Новосибирской обл. от К.М. Бочкаревой, 1910 г.р. и М.Ф. Кобылинской, 1903 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

Вар.: Багизбаева, № 38; Междуречье, № 72, 73; Пархоменко, № 12; Прозвицкая, с. 131; Татаринцева, № 19.

292. Семена ли, мои се́мена. Песня. Источник и переиздание: Гуляев, с. 45; Потанина II, № 450. Записал С.И. Гуляев в 1840-е гг. в Алтайском горном округе.

Близкий вариант:

Семена вы, мои семена!
Вас немного было сеяно —
Три поля чистых,
Три раздолья широких.

Ты коса ли, моя косынька!
Доселе мою косыньку
Родимая матушка чесывала,
Родимая сестрица плетывала
Во пшенично мелко зернышко.
А теперь раздвоили мои волосы,
Заплетают на две косыньки,
Обвивают вкруг буйной головушки,
Надевают схиму черную.
Схима черная под лавочкой валялась,
На меня, младу, пригождалась,
На мои русы волосы,
На мою буйну головушку.

(Швецова I, с. 26)

Схи́ма — монашеская черная одежда.

Вар.: Демина I, № 35; Кривошапкин, с. 124; Мехнецов, № 14; Неклепаев, с. 170—171; Шейн, № 2498.

293. Из-под гор, из-под камешка. Песня. Источник и переиздание: Протасов I, № 8; Потанина II, № 489 (словесный текст). Записал Н.П. Протасов в 1900 г. в с. Оса Иркутской губ. Нотирование Н.П. Протасова.

294. Девица, красное солнышко. Величальная песня. Источник и переиздание: Кашин, с. 179—180; Потанина II, № 474. Записал Н.И. Кашин в 1850-е гг. на р. Аргунь в Восточном Забайкалье.

«На дворе у жениха молодых осыпают овсом, чтобы жили богато, и угощают вином, собравшиеся же девушки поют» (по Кашину).

295. Из-под дуп(ы)чика-дуп(ы)чика да. Величальная песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова, Т-183, МКВ2. Записала Л.М. Тюнина в 1982 г. в с. Юрты Тогучинского р-на Новосибирской обл. от И.И. Гордеевой, 1913 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

Вар.: Похабов, № 36.

296. Что по саду, по садику. Величальная песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова Т-252, МКА12. Записала Г.А. Гребенщикова в 1985 г. в с. Чумаково Куйбышевского р-на Новосибирской обл. от Е.В. Максимовой, 1915 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

«*Свадебная, как женихи приезжают к невесте*» (коммент. исполнительницы).

Вар.: Багизбаева, № 91; Багринцева, № 24; Потанина II, № 476; Потанина III, № 60; Похабов, № 11; Свиридова, № 731.

297. Как во саде было, садичке, да. Величальная песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А 43, МК1-9. Записал В.В. Асанов в 1985 г. в с. Балакуль Лебяжьевского р-на Курганской обл. от Е.И. Лошкаревой, 1907 г.р., А.И. Чагочкиной, 1910 г.р., А.Ф. Баженовой, 1916 г.р. Нотирование Н.А. Урсеговой.

Исполнялась на *вечерках*, *девичнике* и *свадебном пиру*.

298. По горе-то идет конь вороной. Величальная песня. Печатается по изданию: Прииртышье, № 38. Записали И. Иващенко и Т. Коробицына в 1966 г. в д. Карбызы Муромцевского р-на Омской обл. от Т.З. Беловой, 75 л.

299. Ты летай, наш сокол, высоко. Величальная песня. Печатается по изданию: Прииртышье, № 42. Записала Т.Г. Леонова в 1965 г. в Омске от Л.В. Литвиновой, 1905 г.р.

300. Не летай-ко, соко́л, высоко, да. Величальная песня. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А0005, п 146. Записана ФЭ НГК в 1977 г. в Тобольске от А.И. Каликиной, 1910 г.р., А.Ф. Зольниковой, 1910 г.р. и Е.И. Третьяковой, 1913 г.р. Нотирование Н.А. Урсеговой.

После исполнения песни *дружка* одаривает девиц конфетами, пряниками.

Вариант песни:

Не летай-ка, сокол, высоко!
Не маши-ка крылом широко!
Он и чист, и речист, молодец,
Лицо бело, как белый снег,
Щечки алы, как маков цвет,
Брови черны, черней соболя,
Очи ясны, ясней сокола!
На нем сюртук дорогого сукна,
На капоте дороже всего!
Уж и слышишь ли, молодец?
Про тебя девицы песни поют,
Сударь, вас увеличивают.
Ты дари-ко девиц, не скупись,
С дорогим-то червонцем расступись.

(Костюрина, № 19)

Капо́т — кафтан.

301. Виноград расцветает. Величальная песня. Печатается по изданию: Потанина II, № 477. Запись П.А. Макиенко в 1970 г. в пос. Тяжин Тяжинского р-на Кемеровской обл. от Несмоленко.

Вар.: Междуречье, № 87; Пешняк, № 18; Потанина III, № 61; Прибайкалье, с. 147; Свиридова, № 730.

302. У дружка, дружка-повёртышка, да. Величальная песня. Источник и переиздание: Мехнецов, № 21; Потанина III, № 70 (словесный текст). Записал А.М. Мехнецов в 1969 г. в с. Петухово Томского р-на Томской обл. от М.Ф. Протопоповой, 79 л. и К.К. Квасовой, 60 л. Нотирование А.М. Мехнецова.

Политекстовый напев, с ним собиратель записал также величальные тексты *поезжанам, женихову свахе* (Мехнецов, № 19, 20).

Вар.: Похабов, № 26а.

303. Тысяцкий-воевода [дари, да не скупися]. Величальная песня. Источник и переиздание: Логиновский, с. 74; Потанина II, № 488. Записал К.Д. Логиновский в 1890-е гг. в ст-це Мангутской Акшинского окр. Восточного Забайкалья (ныне с. Мангут Кыринского р-на Читинской обл.) от казака Юдина.

Вар.: *мотив «дари золотой гривной»* — ФРУ, № 209, 210.

304. Как у тысяцкого да бородка, да бородка. Величальная припевка. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А 43, № 185. Записал

В.В. Асанов в 1985 г. в с. Большая Галка Бакчарского р-на Томской обл. от М.Ф. Русиной, 1918 г.р., Т.И. Бельтиковой, 1919 г.р., Е.М. Трондиной, М.Д. Циневской, 1928 г.р., А.П. Двурековой, 1928 г.р., А.И. Верхотуровой, 1924 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

Вар.: Пархоменко, № 20; Потанина III, № 120; Похабов, № 35а.

305. Сказали, что тысяцкой богатой. Корильная припевка. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А 43, № 80. Записал В.В. Асанов в 1985 г. в с. Яутла Шатровского р-на Курганской обл. от Д.И. Строжковой, 1904 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

Вар.: Междуречье, № 3; Федорова I, с. 88, 102; см. также № 137 наст. изд.

306. Невестина сваха — лебедка, ой, да лебедка. Величальная песня. Печатается по изданию: Мехнецов, № 18. Записал А.М. Мехнецов в 1968 г. в с. Губино Томского р-на Томской обл. от Л.К. Губиной, 77 л., З.К. Карбышевой, 68 л., К.Т. Губиной, ок. 70 л. Нотирование А.М. Мехнецова.

Вар.: Швецова II, с. 27.

307. Топнули, да, ой, топнули. Песня. Печатается по изданию: Междуречье, № 74. Записали В.Г. Захарченко и М.Н. Мельников в 1970 г. в д. Ночке Венгеровского р-на Новосибирской обл. от Ф.И. Осиповой, 1914 г.р., В.И. Малышевой, 1920 г.р., Р.П. Саулиной, 1930 г.р., все — потомки пензенских переселенцев. Нотирование В.Г. Захарченко.

«У Марьи в душе» = «у Марьи-души».

308. Благослови [в подклеть идти]. Наговор *дружки*. Источник и издание: ГАМ, собр. Савельева, ф. 4, п. 16/7, 102; Потанина III, № 40. Записал Е.О. Дяткин в 1911 г. в д. Кова Кежемской вол. Енисейского уезда Енисейской губ.

Наговором молодых провожают в подклеть.

309. Ты не дуй, не паши. Величальная песня. Источник и переиздание: Парилов, № 9; Потанина II, № 500. Записал И.Г. Парилов в р.ц. Парабель Томской обл. от Г.Р. Костыревой.

Вар.: Авдеева, № 4; Вагин, с. 63; Красн. II, № 46; Кривошапкин, с. 93; Логиновский, с. 51—52, 76—77; Пейзен, с. 341; Потанина II, № 499 (записал А.В. Гуревич), 501; Потанина III, № 146; Прибайкалье, № 110.

310. Самойлы премудрого. Песня. Источник и издание: ГБЛ, ф. 542, № 62(б), л. 103 (арх. Азадовского); Потанина II, № 265. Записана в с. Белоусово Верхоленского окр. Иркутской губ. (ныне Качугский р-н Иркутской обл.) от А.С. Белоусовой.

311. Стряпочка-сударушка. Наговор *дружки*. Источник и переиздание: Ермолаев, с. 594; Потанина III, № 42. Записал Е.О. Дяткин в 1911 г. в д. Кова Кежемской вол. Енисейского уезда Енисейской губ.

«Наутро жених устраивает похмельные столы, в конце их подается особое свадебное печенье "корабли" — пироги, начиненные рублеными яйцами или крупою» (по Ермолаеву).

«Чару добра» = «чару вина».

312. Стряпченька-сударочка. Наговор *дружки*. Источник и издание: ТГУ, инв. № 262; Потанина III, № 43. Записали Овсянникова, Широкова, Яковчук в 1971 г. в д. Жуково Томской обл. от А. Конашковой.

Собиратели сопровождают текст песни следующим примечанием: на следующий день после венца «*гостей принимают на сладкий пирог. Его должна принести стряпуха. Дружка вызывает ее этой прибауткой*».

Вар.: см. примеч. к № 254 наст. изд. (Мехнецов, с. 16).

313. Тятенька родимый! [изволь мед выкушать]. Наговор *дружки*. Печатается по изданию: Потанина III, № 44 (оригинал — в арх. Мельникова, тетр. 31). Записала А.А. Кретова в 1971 г. в с. Мотково Новосибирского р-на Новосибирской обл. от П.В. Валовой, 1901 г.р.

Часть вторая

ПОХОРОННАЯ ПРИЧЕТЬ

ПРИЧИТАНИЯ ПО МАТЕРИ

314. Опустело-то да тепло гнездышко. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АКЦФ и НР XII-10, № 25. Записала В.И. Бодрова в 1991 г. в р.ц. Красногорское Алтайского края от Е.А. Волосниковой, 1920 г.р., коренной сибирячки. Нотирование Н.В. Леоновой.

Похоронный плач, причитывают «*как уж выносят из дома*» (коммент. исполнительницы).

315. А наглядитесь-ка, да очи ясны[е]. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АКЦФ и НР XII-10, № 26. Сведения о записи см. № 314. Нотирование Н.В. Леоновой.

Похоронный плач. «*Это подходят прощаться к мамоньке, когда уже опускают в могилочку ее. Там, на могилочках, прощаются...*» (коммент. исполнительницы).

316. Уж ты миленька, ты моя мамонька. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ОмГПУ, МАГ-5/1971, № 24. Записали Т.Г. Леонова и В. Захаренко в 1971 г. в с. Атирка Тарского р-на Омской обл. от Д.П. Рязановой, 58 л., уроженки д. Петрово Тевризского р-на этой же области («дед — *родчий, петровский; самоходы называют нас чалдонами*»). Расшифровка словесного текста фонограммы Л.Е. Фетисовой и Н.В. Леоновой. Нотирование Н.В. Леоновой.

Исполнительница сообщает: «*когда покойницу обмоют, оденут, положат на лавку, садится дочь или сноха и причитывает*».

317. Любезная моя маменька. Печатается по изданию: Пархоменко, № 14. Записал Н.К. Пархоменко в 1969 г. в с. Павлово Каргасокского р-на Томской обл. от Е.И. Ждановой, 72 л. Нотирование Н.К. Пархоменко.

Собиратель сообщает, что от исполнительницы записано 20 вариантов различных по тематике плачей [Пархоменко, с. 126].

318. Оставила меня родима матушка. Печатается по изданию: Азадовский, № 51, с. 110—111. Записал М.К. Азадовский в 1915 г. в с. Хабардино Верхоленского окр. Иркутской губ. (ныне Качугский ? р-н Иркутской обл.) от М.И. Хабардиной, свыше 50 л.

319. А куды ж ты собралася. Печатается по изданию: Аркин I, № 10. Записал Е.Я. Аркин в 1979 г. в с. Журавлевка Тевризского р-на Омской обл. от У.С. Кишковой, 1913 г.р. и Н.П. Маториной, 1914 г.р. Нотирование Е.Я. Аркина.

Первая строка словесного текста уточнена по подтекстовке нотной записи.

320. Спускают родиму матушку. Печатается по изданию: Азадовский, № 55, с. 115—116. Записал М.К. Азадовский в 1915 г. в с. Белоусово Верхоленского окр. Иркутской губ. от А.С. Белоусовой, 55 л.

Исполняется при опускании гроба в могилу: «*в землю опускать*».

321. Прости, моя родима матушка. Печатается по изданию: Азадовский, № 55, с. 116. Сведения о записи см. № 320.

Причитают при возвращении с кладбища: «*идем от земли*».

322. Вот пришла-то я к тебе, лебедушка. Печатается по изданию: Азадовский, № 21, с. 88—89. Записал М.К. Азадовский в 1915 г. в с. Анга Верхоленского окр. Иркутской губ. от А.А. Щаповой, 74 л.

Для исполнительницы характерна последовательная замена свистящей *с* на *ш* в глагольных окончаниях:

Поднимитеш, тучи грозныя,
Подымиш, моя родима матушка...

Поминальное причитание исполняется на кладбище в Родительские дни: на Радуницу (вторник на Фоминой неделе — 9-й день после Пасхи, в Дмитриевскую субботу — между 18 и 26 октября и др.).

Напримáюшь — приму, натерплюсь.

323. Ой, родимая мамонька. Печатается по рукописи: ИМБиТ, № 2315 п. 1, л. 179—184. Записали Р.П. Матвеева и З.А. Миронова в г. Петровск-Забайкальский Читинской обл. от Ю.А. Максимова, 1950 г.р., уроженца с. Урлук Красночикойского р-на Читинской обл.

Ю.А. Максимов — хороший песенник. Причитание своей сестры по матери он воспроизвел по памяти. По свидетельству собирателей, во время причитания «он вошел в эмоциональное поле плача и перешел на исполнение от своего имени».

Редкий случай мужского причитания. С давних пор традиция голошения поддерживалась женщинами, хотя известны единичные случаи мужского причитания. В частности, «плач по жене» упоминает в своей статье А.Г. Васильев (Композиционные особенности похоронных причитаний: (По материалам фольклорных экспедиций в Новгородскую область) // Из истории русской народной поэзии. — Л.: Наука, 1971. — С. 99. — (Русский фольклор; т. XII)). О существовании в прошлом мужских заплачек говорил и В.Г. Базанов (О социально-эстетической природе причитаний // Русская литература. — 1964. — № 4. — С. 81).

От Ю.А. Максимова записано еще несколько голошений (см. № 367 основного корпуса текстов, а также Доп. II, № 1, 26 и 32).

324. Голубушка наша сизая. Печатается по рукописи: ГАНО, ф. 217, оп. 1, д. 178 (Отчет Ачинского окружного музея и окружного общества по краеведению о летних полевых исследовательских работах, л. 41(об.)). Записала А. Ворона в 1926 г. в с. Тисуль Ачинского уезда Сибирского края (ныне р.ц. Тисуль Кемеровской обл.).

Причет детей по матери.

325. Да ты родимыя, ты моя мамынька. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова, Т-48, МЛ ?. Записано в 1975 г. в Новосибирске от Н.В. Поварниной, 1894 г.р. Нотирование Н.А. Урсеговой.

Похоронное причитание.

326. Уж ты, мамочка. Печатается по изданию: Аркин I, № 11. Записал Е.Я. Аркин в 1979 г. в с. Журавлевка Тевризского р-на Омской обл. от Ф.П. Евсеенко, 1910 г.р. и У.С. Кишковой, 1913 г.р. Нотирование Е.Я. Аркина.

Шлю́тся — идут.

327. Ой, родимыя ты моя ма...(а)монька. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А 85, № 2013. Записали Ф.Ф. Болонев, Н.В. Леонова и М.Л. Дидык (звукорежиссер) в 1988 г. в с. Десятниково Тарбагатайского р-на Бурятии от Ф.Н. Степановой, 1928 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

Голошение.

328. Дак уж ты, родима наша мам... Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А 43, № 119. Записал В.В. Асанов в 1985 г. в с. Яутла Шатровского р-на Курганской обл. от А.А. Коуровой, 1914 г.р. Нотирование Н.В. Леоновой.

Похоронный плач по матери.

По просьбе собирателя исполнительница показала еще два плача — похоронное причитание по молодому и похоронный плач по фронтовику (АТМ, А 43, № 116 и 117). Во всех образцах традиционные формулы растворяются в эмоционально насыщенном потоке сиюминутного импровизационного высказывания.

329. Сударыня ты, моя ма...(а)мынька. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова, Т-241, МЛВ2. Записала Л.И. Сугак в 1984 г. в Новосибирске от Е.Е. Муриной, 1910 г.р., уроженки с. Аннино Саратовской губ. Нотирование Н.А. Урсеговой.

В рукописных материалах собирательницы есть продолжение текста:

На жисть вечная, на бесконечная.
Откель я тебе буду, сударыня-маменька, ждать? Ответь...
Ни увижу-то я тебе больше никогда,
Не услышу-то я тебе больше никогда...

(ГАНО, ф. Мельникова, Т-241, № 11)

В разговоре с собирательницей исполнительница заметила, что на похоронах и поминках обычно пели «*Я вспомню комнатку уютну*».

330. Как во поле бел-горюч камень. Печатается по рукописи: БИОН, инв. № 3180, п. 4, л. 25. Записали Л.А. Соловьева и И.З. Ярневский в с. Дмитриевка Свободненского р-на Амурской обл. от Л.К. Глуховой, 64 л.

Окказиональное причитание. В тексте ощущается зависимость от литературных обработок народного творчества.

ПРИЧИТАНИЯ ПО ОТЦУ

331. Помер-то сокольчик мой батюшко. Печатается по изданию: Азадовский, № 38, с. 99—100. Записал М.К. Азадовский в 1915 г. в с. Залог Верхоленского окр. Иркутской губ. от Н.Д. Симеусовой, 60 л.

Исполняется в доме у гроба.

Шизы = сизы.

332. Подойдите вы, мои сношейницы. Печатается по изданию: Азадовский, № 38, с. 100. Сведения о записи см. № 331.

Исполняется *«перед выносом»* гроба из дома.

333. Полетел-то соколик-батюшко. Печатается по изданию: Азадовский, № 38, с. 100. Сведения о записи см. № 331.

Исполняется *«на улице»*.

В 4-й строке в слове *«зеленой»* нет звука *ё*.

334. Стань-ка, родимой батюшка. Печатается по изданию: Азадовский, № 38, с. 101. Сведения о записи см. № 331.

Исполняется при опускании гроба в могилу: *«когда в землю опускают»*.

Прачкни́ся — проснись, очнись.

335. Подымиш[ь]-ка на резвы ноженьки. Печатается по изданию: Азадовский, № 38, с. 101. Сведения о записи см. № 331.

Надмогильная причеть: *«на кладбище»*.

336. Да ты родимый-то да ты мой тятенька. Печатается по расшифровке магнитофонной записи из личн. собр. М.Н. Мельникова. Записала Г.А. Ивлева в 1973 г. в Новосибирске от П.С. Левиной, 63 л., долгие годы проживала в д. Нижняя Каменка Ордынского р-на Новосибирской обл., мать — из Томской обл. Нотирование Н.В. Леоновой.

Похоронный причет узнала от родственников, когда хоронила отца. Собирательнице также удалось записать от П.С. Левиной несколько свадебных причитаний (см. примеч. к № 75 наст. изд.).

337. Родимый ты мой тятюшка. Печатается по рукописи: БИОН, инв. № 3180, п. 4, л. 70. Записан О.Г. Дзюбенко в 1968 г. в с. Поярково Михайловского р-на Амурской обл. от А.П. Пристанчук, 63 л.

Плач услышала от М.К. Ворониной, отец которой умер в германскую войну: *«Сидить, будто перед ней книга разложена, складно говорить, так жалобно причитываеть»*.

ПРИЧИТАНИЯ ПО МУЖУ

338. Ой, ды дружечка ты мой милай. Печатается по рукописи из личн. собр. М.Н. Мельникова: Ольшанка, тетр. 3, № 7. Записал М.Н. Мельников в 1971 г. в д. Ольшанка Коченевского р-на Новосибирской обл. от А.М. Красниковой, 1897 г.р., уроженки Калужской губ., проживающей в Сибири с 1905 г. Расшифровка текста и нотирование В.Г. Захарченко.

Вариант этого плача записывался от А.М. Красниковой и в 1973 г., приводим фрагмент, содержащий новые по сравнению с вышеприведенным текстом поэтические мотивы:

Я пойду, горюша горькая,
Во поля пойду во чистые,
Во леса пойду во темные,
Упаду, горюша горькая,
На сырую мать-землю.
Вы падите, слезы горькие,
Горше горькия осинушки,
На злодея (*имя рек*),

Измывался над тобою он,
Измывался в волю вольную...
Как растить мне дробных деточек?..
(Мельников, с. 18)

М.Н. Мельников собирался опубликовать причитание 1971 г. записи в несостоявшемся издании — «Песни сибирской деревни Ольшанка, напетые Анной Мефодьевной Красниковой». Вот его примечание к тексту: «Плач по мужу. Исполняла по нашей просьбе, но быстро вошла в роль вдовы, и плач достиг редкой эмоциональной силы. Правда, этому предшествовал длительный разговор о мытарствах и «трудной» смерти второго мужа Анны Мефодьевны» (рукопись сборника в настоящее время хранится у наследников собирателя, возможность познакомиться с нею предоставлена его невесткой Е.К. Мельниковой).

339. Ох, милай же ты мой дружачка! Печатается по изданию: Похабов, № 54. Записал В.Ф. Похабов в 1994 г. в с. Курск-Смоленка Чебулинского р-на Кемеровской обл. от О.Д. Дюкаревой, 1932 г.р. Нотирование В.Ф. Похабова.

Причитали на кладбище, прощаясь с покойным. Вторая, третья и пятая строки словесного текста уточнены по подтекстовке нотной записи.

340. Вы голубушки, мои тетушки. Печатается по изданию: Азадовский, № 53, с. 111—112. Записал М.К. Азадовский в 1915 г. в с. Белоусово Верхоленского окр. Иркутской губ. от А.С. Белоусовой, 55 л. Все причитание № 53 (№ 340—344 наст. изд.) было переиздано в кн.: Причитания / Вступ. ст. и примеч. К.В. Чистова. — Л., 1960. — С. 311—315.

Исполняется при обмывании: «*когда моют*».

341. Ты ставай-ка, друг мой милой. Печатается по изданию: Азадовский, № 53, с. 112—113. Сведения о записи см. № 340.

Исполняется на следующий день после смерти у тела покойного: «*на завтре*».

342. Состроили-то другу милому. Причет. Печатается по изданию: Азадовский, № 53, с. 113. Сведения о записи см. № 340.

Исполняется «*как гроб приносят*», а после третьего причетного стиха ремарка «*стали выносить*».

343. Спустили-то моёго друга милого. Печатается по изданию: Азадовский, № 53, с. 113—114. Сведения о записи см. № 340.

Исполняется при опускании гроба в могилу: «*в землю опускают*».

344. Голубушки, мои тетушки. Печатается по изданию: Азадовский, № 53, с. 115. Сведения о записи см. № 340.

Исполняется по возвращении с кладбища: «*когда домой вернесся*».

Исполнительницей была допущена оговорка, которую заметили и исправили в своей публикации Б.Е. и К.В. Чистовы: «*его*» вместо «*нас*». Подобная оговорка могла быть вызвана тем, что вопленица причитывала от чужого имени:

Нихто-то [нас] не пригреет,
Нихто-то [нас] не обогреет
Без родимого [нас] батюшка...

Воста́тель — вставший из гроба, воскресший.

345. Здрастуй-ка, друг мой милой! Печатается по изданию: Азадовский, № 54, с. 114—115. Сведения о записи см. № 340.

Исполняется *«по мужу на кладбище в родительскую субботу»*.

Распрохни́ся — развернись, распахнись.

346. Отсветил-то, отсветил месяц. Печатается по архивным материалам: ГАНО, ф. 217, оп. 1, д. 178 (Отчет Ачинского окружного музея и окружного общества по краеведению о летних полевых исследовательских работах л. 41 (оборот)). Записала А. Ворона в 1926 г. в с. Тисуль Ачинского уезда Сибирского края (ныне р.ц. Тисуль Кемеровской обл.).

Причет (фрагмент) исполняет жена.

347. Да милый мой Петенька. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова, Т-138, МКА9. Записала И. Шумская в 1980 г. в с. Боровое Новосибирского р-на Новосибирской обл. от А.Б. Миньковой, 1904 г.р. Нотирование Н.А. Урсеговой.

Причитанию предшествовал рассказ исполнительницы о болезни и смерти мужа, экспрессивное повествование плавно переходит в «проговаривание» начальных причетных стихов, а затем собственно причитывание.

Такое же естественное соединение рассказа и причета сопровождает воспоминания исполнительницы о брате: «*Провожала я брата на фронт. Вот так и думаю: Господи, милай мой братис, да чтоб ты вернулси! Счастливо тебе отслужить и вернуться. Конечно, злой немец напал на его, пришла похоронная ... (плачет). А у нас он один.., а нас две сестренки.*

Да милый мой братец,
Да дорогой мой братец,
И до сих пор весточки никакой нету.
Ждешь день и ночь, день и ночь,
А мама и папа старенькие стали...

Вот так. Один сыночек и тот погиб. И до сих пор мы его не можем дождаться. Да как же нам жалко его, как жа жалко. Вот, был бы еще хоть братишка. А то нас две сестренки, а братишка один.

Да милый ты мой братец,
Да дорогой наш братец,
Не дождемся мы, пока к тебе не придем.
Мы стареньки, доживаем свои года,
Милый наш братец...»

(ГАНО, ф. Мельникова, Т-138, МКА8,
расшифровала Н.В. Леонова)

ПРИЧИТАНИЯ ПО СЕСТРЕ

348. Дорогая моя сестренка. Плач. Печатается по рукописи: БИОН, инв. № 3180, п. 4, л. 139. Записана О.Г. Дзюбенко в 1968 г. в г. Свободном Амурской обл. от Д.Т. Ильиной, 74 л.

Композиция плача предельно упрощена, отсутствуют развернутые описания, преобладают вскрики-восклицания, обращения к окружающим. Возможно, это связано с тем, что запись была сделана по следам события — Д.Т. Ильина ехала на поминки, 40 дней со смерти сестры.

От Д.Т. Ильиной был записан плач по мужу, который по сравнению с первым текстом выглядит более устоявшимся, возможно, исполнялся неоднократно:

Мой милый, мой дорогой,
Вот пришло время нам расстаться,
Больше уж на этом свете нам не повстречаться.
Зайду я на двор одна без тебя,
А дом без хозяина — сирота.
А не увидють тебя мои глазоньки.
Жили мы с тобой душа в душу,
А тошнехонько мне на белом свете без тебя,
Никто меня не пожалеет,
Не приголубит, как ты.
Дал бы Бог на том свете
Встретиться-приветиться...

(БИОН, инв. № 3180, п. 4, л. 137)

Всколыха́ть — вырастить «с колыбели».

349. Да куда ж ты собралась, моя любимая сестрица? Печатается по рукописи из личн. арх. собирателя. Записала Н.П. Скрягина в 1985 г. в с. Бергуль Северного р-на Новосибирской обл. от В.И. Савастеевой, 80 л.

350. Милая ты моя сестрица. Печатается по рукописи: Индан, № 25. Записала Н.С. Индан в 1979 г. в с. Локти Мошковского р-на Новосибирской обл. от Д.П. Медведевой, 1915 г.р. Нотирование Н.С. Индан.

Исполняется «авторитетными» плакальщицами во время прощания с покойным — так определяют место и особенности причитывания локтинские жители. В момент записи Д.П. Медведева причитала по своей сестре и ее мужу, умершим в 1978 г.

ПРИЧИТАНИЕ ПО БРАТУ

351. Сокольчик мой, родимый братец. Печатается по изданию: Азадовский, № 29, с. 94. Записал М.К. Азадовский в 1915 г. в с. Рыково Верхоленского окр. Иркутской губ. от А.Н. Соколовой, 68 л.

Согласно комментарию исполнительницы, это плач-оповещение: «*в комнате воют, только как помрет*». По существу же это окказиональное причитание — оплакивание собственной участи, вызванное обострением чувств в связи со смертью брата.

ПРИЧИТАНИЯ ПО ДЕТЯМ

352. Дитетко родимоё. Печатается по изданию: Азадовский, № 46, с. 106. Записал М.К. Азадовский в 1915 г. в с. Большедворское Верхоленского окр. Иркутской губ. от В.Ф. Большедворской, 72 л.

353. Ой, да что ж ты, моя дочеч(и)ка. Печатается по изданию: Похабов, № 55. Записал В.Ф. Похабов в 1994 г. в с. Курск-Смоленка Чебулинского р-на Кемеровской обл. от М.И. Конаревой, 1932 г.р. Нотирование В.Ф. Похабова.

«Не встреваешь» = «не встречаешь».

354. Дитетко мое родимое. Печатается по изданию: Азадовский, № 50, с. 108—109. Записал М.К. Азадовский в 1915 г. в с. Хабардино Верхоленского окр. Иркутской губ. от М.И. Хабардиной, свыше 50 л.

Исполняется у тела усопшего. В одиннадцатой строке в слове «*теплое*» нет звука *ё*.

355. Ой, трясите моёго дитетка. Печатается по изданию: Азадовский, № 50, с. 109. Сведения о записи см. № 354.

Исполняется «*перед обмыванием*».

356. Вы, мои подруженьки-голубушки. Печатается по изданию: Азадовский, № 50, с. 109. Сведения о записи см. № 354.

Исполняется «*при обмывании*».

Не ча́то-то бы́ло — случайно, внезапно, нечаянно.

357. Ставай-ка, ставай, мое дитетка родимоё. Печатается по изданию: Азадовский, № 50, с. 109. Сведения о записи см. № 354.

Исполняется «*перед выносом*».

358. Летит-то мое дитятка. Печатается по изданию: Азадовский, № 50, с. 110. Сведения о записи см. № 354.

Исполняется «*при опускании гроба в землю*».

359. Подъезжаю-то я к своёму теплу гнездышку. Печатается по изданию: Азадовский, № 50, с. 108—110. Сведения о записи см. № 354.

Исполняется «*по возвращении домой*». В первой строке в словосочетании «*теплу гнездышку*» нет звуков *ё*.

360. Дорогой ты мой сыночек. Печатается по изданию: Азадовский, с. 24—26; причитание было записано также на фонограф и передано в Библиотеку Академии наук в 1915 г. Записал М.К. Азадовский в 1914 г. на хуторе Кукелевском Михайло-Семеновской ст-цы Амурской обл. от П.А. Шестаковой.

Причитание было исполнено по просьбе собирателя на могиле сына соседки, вопленица частично воспроизвела слышанный ранее плач. М.К. Азадовский назвал ее «одной из лучших песенниц на Амуре» (с. 25).

361. Ой, сыночек ты мой, сыночек Ванюшка. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А 79 (Красный Чикой, № 16). Записана КЭ БИОН и ИРЛИ в 1984 г. в р.ц. Красный Чикой Читинской обл. Расшифровка текста Л.Е. Фетисовой и Н.В. Леоновой. Нотирование Н.В. Леоновой.

362. Да куда ж ты, сыночек, уходишь от нас. Источник и переиздание: Соколова А.Н. Материалы для изучения партизанской поэзии // Сибирская живая старина. — 1926. — Вып. V. — С. 161; Причитания / Вступ. ст. и примеч. К.В. Чистова. — Л., 1960. — С. 337—338. Записала А.Н. Соколова в 1926 г. в с. Черниговка Никольско-Уссурийского уезда Приморского края от А.Л. Клиндух, 19 л.

А.Л. Клиндух воспроизвела по просьбе собирателя плач, слышанный ею в Приморье в годы гражданской войны и японской интервенции.

363. А хожу-то я к тебе, мой сынок. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: ГАНО, ф. Мельникова, Т-180, МПА6. Записала Л.А. Кравченко в 1982 г. в с. Белозерка Убинского р-на Новосибирской обл. от В.И. Анохиной, 1932 г.р. Нотирование Н.А. Урсеговой.

364. А распроводи[ла я вас], милы мои сыночки. Печатается по расшифровке магнитофонной записи из личн. собр. М.Н. Мельникова. Записана комплексной экспедицией по селениям близ Московского (Сибирского) тракта (Е.А. Кобяковой, М.С. Сергейко, В.Г. Захарченко, М.Н. Мельниковым) в 1970 г. в с. Камышево Усть-Таркского р-на Новосибирской обл. от Т.Г. Лариной, 1883 г.р. Расшифровка текста Л.Е. Фетисовой и Н.В. Леоновой. Нотирование Н.В. Леоновой.

Плач по сыновьям, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Свою расшифровку плача и описание обстоятельств записи руководитель экспедиции М.Н. Мельников опубликовал в 1985 г. (Мельников, с. 21—22).

ПРИЧИТАНИЕ ПО ПОДРУГЕ

365. Ой, подруженька, да ты моя подруженька милая. Печатается по расшифровке магнитофонной записи: АТМ, А 79, Красный Чикой, № 15. Записана КЭ БИОН и ИРЛИ в 1984 г. в р.ц. Красный Чикой Читинской обл. Расшифровка текста Л.Е. Фетисовой и Н.В. Леоновой. Нотирование Н.В. Леоновой.

«Сибко» = «шибко».

ПРИЧИТАНИЯ ПО СЛУЧАЮ

366. Ты коровушка-матушка. Печатается по рукописи: БИОН, инв. № 3180, п. 4, л. 70. Записано О.Г. Дзюбенко в 1968 г. в с. Поярково Михайловского р-на Амурской обл. от А.П. Пристанчук, 63 л.

Исполнительница вспомнила: «*Это мы еще маленькие были. Как сейчас помню — в три ручья ревели, а сами причитывали. И еще много чего причитывали, да уж сколько лет прошло. Забыла...*».

367. Милая же ты моя скотинушка-буренушка. Печатается по архивным материалам: БИОН, инв. № 3465, п. 1, л. 179, 180. Записали Р.П. Матвеева и З.А. Миронова в г. Петровск-Забайкальский Читинской обл. от Ю.А. Максимова, 1950 г.р., уроженца с. Урлук Красночикойского р-на Читинской обл.

ПРИМЕЧАНИЯ

СЛОВАРЬ МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ, АРХАИЗМОВ И ЗАИМСТВОВАНИЙ

Алты́н — (от тюрк. *алтан* — золото) старинная русская медная или серебряная монета.

Ами́нь — *церк.* истинно, верно; слово, завершающее христианские тексты (молитвы, проповеди и пр.); *быпов.* конец делу.

Ба́бья сухота́ — см. сухота.

Багре́ц — шелковая ткань пурпурного цвета; краска густого красного цвета.

Бадажо́к — (от *бадаг, батог, ботог*) палка, хворостина.

Ба́ить — говорить, беседовать.

Баля́сины — точеные столбики под поручни перил, оград.

Баранýха — овца.

Ба́ско — красиво. Басоваться — красоваться.

Баслави́ть — благословить.

Ба́хмач (от татар. *бахмат*) — порода коней, отличавшихся выносливостью и пышной густой гривой.

Бе́рчатая — редкая узорчатая льняная ткань, используемая для занавесок.

Бесе́да, бесе́душка — осенние и зимние посиделки девушек с работой; в свадебном обряде собрание/сбор девушек-подружек у невесты.

Бить (ударить) по рукам — сойтись в сделке, прийти к согласию, см. разд. «Рукобитье».

Бла́говест — *церк.* разновидность колокольного звона (в один колокол).

Богода́нный ба́тюшка (ма́тушка) — тесть (теща) в отношении к жениху и свекор (свекровь) в отношении к невесте.

Божни́ца — полка в переднем углу избы, на которую ставятся иконы и другие связанные с религиозным культом предметы (освященные вода, вербные веточки).

Бо́лечка — *уменьш.* от *боль, болезнь.*

Бо́тог — см. бадажок.

Боя́ре (бояры) — члены свадебного поезда.

Бра́вый — красивый.

Бра́ный — тканый узорами, узорчатый.

Бра́телка — *здесь уменьш.* от *брат.*

Брус пола́тный — один из брусьев, на которые кладется настил полатей.

Брусча́тый (брущальный или брусяной) — сделанный из брусьев, длинных деревянных четырехгранников.

Брячи́т — стучит, гремит.

Була́тный — сделанный из булата, стали самого высокого качества.

Бума́жный — сделанный из хлопчатой ткани; *перен.* белый.

Бу́рица — бурая лиса.

Бус — мучная пыль, идущая на корм скоту.

Бухтарма́ — шершавая изнанка кожи, мездра.

Бу́чить — парить холст при его отбеливании, кидая в щелок каленые камни для закипания.

Валёк (валёчек) — плоская деревянная плашка с рукоятью, используемая для стирки и вместе со скалкой катания (глажения) белья.

Ва́рьги (ва́реги) — варежки, рукавицы.

Ве́дать — знать.

Верея́ (веревья́, вере́юшка) — столб, на который навешиваются ворота.

Ве́стка — от весть, известие.

Ветля́ненькой — сделанный из дерева ветлы, вербы.

Воп — от *вопить* — крик, плач, вопль, рыдание.

Ворвию́шечки — см. верея.

Воскы́кать (кыкать, кигикать) — закричать, запеть. Кык, клик — лебединый крик.

Гланату́ровый — *искаж.* гарнитуровый, то же, что гродетуровый (гродетур — плотная шелковая ткань).

Го́голем голову несет — выглядит франтом, щеголем (от гоголь — вид дикой утки).

Го́лбец — 1) полка из двух-трех досок под потолком для продуктов, требующих хранения в теплом сухом месте; 2) помещение под полом для хранения съестных припасов.

Го́лбчик (го́лубец) — деревянный памятник над могилой наподобие домика.

Гора́зд — умелый, искусный, способный, ловкий.

Горбы́ль — нижняя корневая часть пня.

Горе-го́рькая — 1) крайне горестная; 2) народное название похоронного причитания.

Го́ре мыкать — бедствовать, испытывать нужду.

Го́ренка, го́рница — чистая половина крестьянской избы; светелка, комната над избой (на чердаке).

Горля́нушка — от *горленка* — голубка, символ невесты.

Го́рнцы — кружки, стаканы, из которых дружка на свадьбе угощает гостей пивом или медом.

Горю́ч камешо́к — сакральный, способный к возгоранию камень.

Гость торго́вый — купец.

Гра́бельцы — *уменьш.* от *грабли* — ручное сельскохозяйственное орудие для сгребания чего-либо в кучу. Старинное значение слова *грабельщик* — грабитель.

Гра́мотка — письмо, записка.

Гри́вна, гри́венка — старинная серебряная монета.

Гри́дня, гри́дница — особое помещение или строение при княжеском дворе для воинов княжеской дружины, где проходили приемы и пиры. В свадебных пес-

нях (в которых молодые величаются князем и княгиней) комната, в которой играется свадьба.

Гума́жные — бумажные.

Деве́рья — братья жениха (мужа) по отношению к невесте (жене).

Деви́ч вечер — см. девишник.

Деви́шник — в традиционной свадьбе период от просватанья до последнего дня свадьбы, когда невеста с подругами шьет и вышивает приданое, готовит подарки жениху и его родителям.

Де́вья кра́сота — красная лента, головной убор невесты или деревце, украшенные лентами и цветами, символизирующие вольную девичью жизнь; см. разд. «Косокрашение».

Ди́вно — много, довольно, но и дивно.

Дли — возле, около.

Доку́ка (*ласк.* докукушка) — от глаг. докучать, надоедать, упрашивать.

Доку́ль — доколе, докуда, до каких пор.

Домовни́ца, домовни́к — кто остается дома хозяйничать во время страды.

До́шлый — пройдоха, хитрый, смышленый.

Дро́бный — мелкий, малый, частый.

Дружи́на — часть войска, состоящая из приближенных князю людей, сопровождающая его во всех походах; в свадебном обряде — свадебные чины, доверенные люди жениха.

Дру́жка — свадебный чин, знаток обряда, главный распорядитель свадьбы со стороны жениха; см. разд. «Русская свадьба и свадебная поэзия Сибири».

Ела́нь — лужок; ровное, чистое место в лесу, в роще.

Е́ствы — яства, праздничная еда.

Жури́ть — бранить, ругать, выговаривать.

Залета́шая — залетная, прилетевшая издалека, чужая.

Запору́чить (за поруки) — сговорить, просватать невесту.

Запя́тничек — свадебный чин, занимающий место в конце свадебного поезда (запятки — место слуги позади экипажа).

Заруча́ться — обручаться, дать согласие на брак.

За́сека — преграда на пути свадебного поезда для получения выкупа.

Засы́льные люди — сваты.

Зате́пливать — зажигать.

Зау́треня — утренняя церковная служба.

Зван — приглашенный, гость.

Зелено́ вино́ — хлебное вино.

Зобня́ — кузовок, плетеное лукошко.

Золо́вка — сестра жениха (мужа) по отношению к невесте (жене).

Изо́тчество — отчество.

Испола́ть — хвала, слава (междометие, употребляемое с сущ. в дат. п.).

Каба́к — питейный дом.

Казна́ — наличные деньги.

Кали́новый мост — дорога по болоту или воде, выложенная хворостом, ветками калины.

Калы́м (кла́дка) — выкуп жениха за невесту.
Ка́менка — банная печь.
Камка́, камочка — старинная шелковая цветная ткань с узором.
Кандея́ — большой кубок, деревянная чаша.
Кандыри — украшение на шубе.
Карава́й — большой круглый обрядовый или праздничный хлеб.
Карагóд — хоровод.
Кафта́н — верхняя долгополая мужская одежда из сукна.
Квас — напиток на основе ржаного хлеба и солода с различными фруктово-ягодными добавками.
Кедр — хвойное дерево (кедровая сосна), имеющее шишки с орехами.
Ки́ка — головной убор замужней женщины особого кроя.
Ки́кать (кы́кать) — см. воскыкать.
Кики́болка — кокошник, в первый раз надеваемый на молодую при обручении.
Кики́мора — от *кика* — сидящая за работой; в свадебном обряде символ тяжелой женской доли, неволи.
Кипари́с-древо — вечнозеленое хвойное дерево, из которого делались доски для икон.
Клеть — холодная половина избы; кладовая, чулан; см. подклеть.
Клю́чики укла́дны — см. укладны ключики.
Колото́вка — злая, вздорная женщина, сплетница.
Колыма́га — старинная закрытая повозка, карета.
Ко́мель — нижняя, прилегающая к корню часть дерева; толстый конец бревна.
Ко́монь — конь.
Коре́ц — железный ковш для воды или кваса.
Ко́роб (коробья, коробейка) — лубяной сундук с напускной крышкой; тележный кузов или ящик. Рядить коробью — готовить приданое.
Коса́ — 1) девичья прическа; 2) сельскохозяйственное орудие на длинной рукояти для срезания травы, злаков.
Косокра́шение — ритуальное заплетание косы невесты. В косу вплетали разноцветные ленты и «жемчужную кисть»; см. разд. «Косокрашение».
Кося́щето — окно с косяками и рамой.
Коше́ль — плетеная или вязаная сумка, корзина, мешок.
Кра́сота (кро́сота) — см. девья красота.
Кри́нка — узкий, высокий горшок с раструбом для молочных продуктов.
Крупи́чатый (крупчатый) — сделанный из крупчатки (муки высшего сорта).
Кручи́на — тоска, печаль.
Куде́ля (куде́ль) — волокно льна для пряжи.
Ку́ксить — тереть глаза, насильно выжимать слезы.
Кум, кума́ — крестные родители по отношению к родителям и родственникам крестника.
Ку́на — куница.
Ку́рник — сдобный круглый пирог с курицей, яйцами; свадебный хлеб-соль молодым.
Кут (куть) — хозяйственный угол в избе, отделенный перегородкой или занавеской (куть-занавеса).

Кутья́ — ритуальная каша из ячменной, рисовой или пшеничной крупы, подаваемая на похоронах и поминках.

Ку́читься — жаловаться на судьбу.

Лазо́ревый — небесно-голубой.

Ларе́ц — шкатулка, небольшой ящик с замком для хранения денег и драгоценностей.

Лесли́вый (лестли́вый) — льстивый.

Ло́пать (ло́поть) — будничная верхняя одежда.

Лука́ седельная — деревянный изгиб края (переднего или заднего) седла.

Мане́жно — манерно.

Ма́тица — основная потолочная балка (обычно поперечная), под которой сидит (стоит) сваха (сват) для удачного завершения сватовства.

Медвя́ный — медовый.

Мет — жребий, ставка в игре. Выметывать — кидать жребий, ставить на кон.

Митка́ль — бумажная ткань, набивной ситец.

Могу́тный — мощный, дюжий, сильный.

Молонья́ — молния.

Мо́рок — мрак, темнота.

Мура́вленый — облицованный глазурью.

Мы́тница — от глаг. *мыть* — работница, прачка, поломойка.

Мяки́на — отходы после обмолота зерна.

Назо́ла, назо́лушка — тоска, сердечная тревога.

Напроку́чить — надоесть, наскучить.

Наса́д — речное судно с надстроенными (насаженными) бортами.

Не́га — нежная забота.

Обде́рные, обдирные ленточки — ленты, снятые с кра́соты, которыми невеста одаривает подруг.

Оборони́ть — уберечь.

Обруче́нье — свадебный ритуал благословления и обмена дарами, совершаемый после сватовства и рукобитья.

Обру́чник — жених.

Обря́дочки — праздничная одежда.

Огрубать (огру́биться) — рассердиться.

Око́льные люди — окружение невесты.

Окру́чивание — ритуал в доме молодого, совершаемый после венца, во время которого невесте заплетают две косы, укладывают их вокруг головы и надевают традиционный головной убор, что символизирует переход *«из девок в бабы»*; см. разд. «После венца».

Окру́чивать, окруча́ть — см. окручивание.

Опа́ра — заправленное дрожжами или закваской забродившее жидкое тесто.

Ота́ва — молодая, вновь вырастающая после кошения трава.

Отбасова́ться — открасоваться.

Отмыва́льник — грязная тряпка, которой прихватывают горшки.

Оче́сливый — вежливый, знающий приличия.

Па́руша — баня.

Парча́ — дорогая шелковая ткань с золотыми и серебряными нитями.
Па́ушка — (*ласкат.* от пава) — самка павлина; *фолькл.* девушка (женщина) с горделивой осанкой и плавной походкой.
Перехо́ды — сени, галереи.
Побла́зниться — показаться, почудиться.
Поварёночка — ковш, разливная ложка.
Пово́зник — свадебный чин, кучер свадебного поезда, ездовой.
Пово́йник — женский головной убор.
Поджени́шник (подшапошник) — свадебный чин, старший дружка, шафер.
Подзо́р — кружево, вышивка, бахрома у нижнего края покрывала, занавеси, фаты.
Подкле́ть (подкле́тье) — хозяйственное помещение в нижней части избы, где устраивалось брачное ложе для молодых.
Подла́вичье — место в избе под лавкою.
Подопле́ка — подкладка, подшиваемая на плечах мужской рубахи для большей прочности.
По́езд — ряд построенных друг за другом повозок; свадебным поездом назывались также поезжане (свадебные чины), сопровождающие жениха на браньё и к венцу.
Позаги́нуть — погибнуть, пропасть.
Позя́бнуть — замерзнуть.
Поканáться — попросить.
По́кром — кромка ткани или сукна.
Поку́чусь — см. поканаться.
По́лоз — скользящий брус, используемый для передвижения тяжестей. Поло́зья — пара загнутых спереди, скользящих по снегу металлических полос, на которых укреплен кузов саней.
Поло́н — плен.
Полудру́жье — свадебный чин, помощник дружки на свадьбе.
Посте́льница — женщина, которая отвозит к жениху приданое невесты и готовит брачное ложе.
Пошевёночки (пошевеньки) — небольшие сани.
Призо́р — порча, сглаз, но и присмотр, надзор.
Прилуча́ть — приманивать, притягивать, присоединять.
Присту́пок — ступенька у печи, один конец которой держится на столбике, а другой укрепляется в стене избы.
Причáленка — резная планка наличника.
Промышля́ть — добывать, охотиться.
Пята́ — стержень, шип, на котором вращается дверь; отворить дверь на пяту — распахнуть ее настежь.
Расту́житься — расплакаться.
Расшани́ться (расшати́ться) — расступиться.
Ретúвое — горячее, пылкое.
Реше́тнистые — решетчатые, покрытые решеткой.
Романе́я — сладкая настойка.
Ру́шать — делить на части, разрезать.

Ру́шить венцы — расторгать договор о браке после рукобитья.
Ры́бий (гребешо́к) — из резной моржовой кости.
Са́ван — погребальная одежда умершего.
Сафья́н — тонкая, мягкая, ярко окрашенная овечья или козья кожа.
Свива́льничек — узкий кусок ткани, лента, разновидность пеленки.
Серп — сельскохозяйственное орудие в форме полумесяца с короткой рукоятью для срезания злаков.
Ска́тный же́мчуг — отборный (крупный, круглый, ровный).
Скоба́ — дверная ручка.
Скру́та — праздничная одежда, иногда — девичий головной убор.
Скру́тный по́езд — свадебный поезд.
Снаряжа́ть, сряжа́ть — собирать, готовить.
Сноше́йницы — снохи.
Сповы́знобить — выстудить, заморозить.
Сподобля́ться — 1) удостаиваться; 2) собираться.
Сре́дствие — средство.
Сте́шечка — вытесанный колышек.
Столе́шинка — столешница.
Страсти́ться — бояться.
Стружо́к — струг, речное деревянное судно, лодка.
Су́женый (суженая) — жених (невеста).
Сусе́к — отсек для хранения зерна и муки в амбаре.
Сухота́ — иссушающая тоска, *перен.* женская доля.
Тавóлженый — сделанный из таволги (степной березы, лабазника).
Та́кать — поддакивать, соглашаться.
Тафта́ — гладкий тонкий шелк.
То́рженый — выщипанный, выдерганный.
Трепа́ло — сельскохозяйственное орудие для обработки («трепания») льна, конопли.
Тру́бчата — пышная.
Тя — тебя.
Узлоча́сную — злосчастную.
Укла́дны клю́чики — ключи, украшенные приваренными выпуклыми узорами.
Упóра, упóрина — опора.
Усту́пу не дают — не уступают.
Утро́ба — живот, чрево.
Ухва́т — двоезубые вилы, с помощью которых ставят в печь горшки, чугунки и пр.
Фате́рушка — квартира, жилье.
Хвалы́нское море — Каспийское море.
Ходи́ть по́ миру — нищенствовать, собирать милостыню.
Хули́ть — ругать, унижать.
Ча́ра — посуда для вина, кубок.
Часще́ный (чеще́ный гость) — гость, которому воздают честь в приговорах и песнях.
Чело́ — лоб; бить челом — обращаться с просьбой, кланяться.
Чере́мный — красный, рыжий (о волосах).

Черки́ — обувь.
Чёботы — высокие башмаки, ботинки.
Чу́дный образ — икона.
Чужи́е (чу́жи) люди — родственники жениха, поезжане.
Ша́нежка — *уменьш.* от *шаньга* — булочка из дрожжевого теста, помазанная перед выпечкой творогом или сметаной.
Ще́лок — отвар золы, которым мыли волосы и стирали белье.
Шиба́ть — бросать, швырять.
Шири́нка — полотенце, платок.
Шлю́тся — идут.
Я́рый — белый, светлый.

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ЗАПИСИ ТЕКСТОВ*

СВАДЕБНАЯ ПОЭЗИЯ

АЛТАЙСКИЙ КРАЙ

Алтайский горный округ № 78—80, 109, 160, 214, 231, 241, 259, 287, 292
Красногорский р-н
с. Красногорское № 35
Краснощековский р-н
д. Березовка примеч. к № 227
Курьинский р-н
с. Трусово № 61, 162, 227
Первомайский р-н
с. Бобровка № 5
Солонешенский р-н
д. Сибирячиха № 153,
с. Туманово № 108, 112, 117, 136, 219, 222, 228, 270, 284; нот. прим. VI
Третьяковский р-н
с. Екатериновка № 107, 181, 289; примеч. к № 228
Шипуновский р-н
с. Воробьево № 63, 198
д. Озерки № 149

ЕНИСЕЙСКАЯ ГУБЕРНИЯ**

Без указания населенных пунктов № 114, 182, 225, 248, 271, 281
Без указания округа
д. Злобина № 66
Ачинский уезд
с. Большой Улуй № 190, 254, 266, 267, 275, 278, 282
Енисейский округ № 6, 9, 90, 131, 264

---

* При составлении географических указателей учитывалось административно-территориальное деление, имевшее место в год записи или публикации текстов и указанное в первоисточниках.

** См. также Красноярский край.

Енисейский уезд № 76
Кежемская вол.
с. Кежемское № 88, 277
д. Кова № 128, 130, 195, 256, 274, 279, 280, 308, 311
Минусинский окр. № 268
с. Каптыревское № 187

ЗАБАЙКАЛЬЕ (ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Без указания населенных пунктов № 8, 68, 73, 74, 103, 120, 156, 272
Без указания округа
на р. Аргунь № 2, 96, 129, 154, 155, 166, 168—171, 184, 188, 209, 254, 260, 293
на р. Куренге № 191, 192, 258, 269
с. Мухор-Шибирь № 104
с. Усть-Кяхта № 36
Акшинский окр.
ст-ца Мангутская № 46, 112, 177, 303
Нерчинский окр.
ст-ца Кайдаловская № 16
ст-ца Ундинская № 19
ст-ца Шелопугинская № 64, 65, 115
Нерчинско-Заводской окр.
ст-ца Донинская № 69, 113, 262
Читинский окр.
ст-ца Титовская № 1, 98, 118

ИРКУТСКАЯ ГУБЕРНИЯ

г. Иркутск № 31, 126
Без указания населенных пунктов № 4, 10, 24, 34, 67, 71, 91, 116, 122, 124, 135, 137, 142, 157, 209, 221, 236, 245, 259
Без указания округа
на р. Илим № 95, 102, 123, 158, 237
с. Кортухай № 175, 288
с. Оса № 298
с. Степново № 132
с. Челпаново № 208
ст-ца Шерагол № 127
с. Шитово № 101
Балаганский окр.
с. Янгуты № 11, 22, 26
Верхоленский окр.
с. Анга № 197
с. Белоусово № 106, 119, 310
с. Залог № 70
с. Кистенево № 81

Киренский уезд № 21
с. Непы № 83
д. Подволочная № 243
Черемховский окр.
с. Бельское № 58

КЕМЕРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Тяжинский р-н
пос. Тяжин № 289, 300

КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ***

Енисейский р-н
с. Плотбище № 27
Казачинский р-н
д. Вороковка № 93, 231, 242
пос. Казачинский № 92
Каратузский р-н
с. Верхний Кужебар № 273
Кежемский р-н
д. Заимка № 32, 52, 125, 138; примеч. к № 185
с. Кежма № 28, 57, 148, 185, 238
с. Паново № 126
пос. Таежный № 33, 38, 89, 147; примеч. к № 2
Тасеевский р-н
с. Скакальное № 201, 202
с. Тасеево № 200, 203
Шушенский р-н
с. Шушенское № 239

КУРГАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Лебяжьевский р-н
с. Балакуль № 48, 105, 145, 235, 296, 297
с. Головное № 23, 47; нот. прим. V
Шатровский р-н
с. Яутла № 72, 164, 305; нот. прим. III

НОВОСИБИРСКАЯ ОБЛАСТЬ

г. Новосибирск № 18, 94, 197, 211, 247; примеч. к № 75
Без указания района
д. Ерская № 194

*** См. также Енисейскую губернию.

Барабинский р-н
с. Новочановка № 3
Болотнинский р-н
д. Козловка № 140
Венгеровский р-н
д. Ночка № 196, 307
с. Павлово № 215
Доволенский р-н
с. Успенка № 193
Здвинский р-н
с. Чулым № 60, 77
Искитимский р-н
пос. Койниха № 249
Каргатский р-н
д. Барановка № 40, 220
д. Кольцовка № 163
Колыванский р-н
с. Новотроицк № 246
Коченевский р-н
пос. Целинный № 15, 45, 211
Куйбышевский р-н
с. Чумаково № 296
с. Ярково № 87
Купинский р-н
с. Чаинка № 218
с. Яркуль № 7, 186
Мошковский р-н
с. Локти № 151, 176, 226, 250; примеч. к № 16
Новосибирский р-н
пос. Барышево № 251
с. Мотково № 313
Ордынский р-н
д. Козиха № 263
д. Нижняя Каменка нот. прим. I
Северный р-н
с. Остяцк № 12, 97, 143, 234, 240
Татарский р-н
д. Новоалександровка № 217
Тогучинский р-н
с. Коурак № 54, 55
с. Юрты № 17, 295
Убинский р-н
д. Владимировка № 20
Черепановский р-н
с. Бочкари № 291

15 Заказ № 781

ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

г. Омск № 299
Большеуковский р-н
д. Верхние Уки № 44
Крутинский р-н
с. Крутинка № 30
Марьяновский р-н
с. Орловка № 84
Муромцевский р-н
д. Карбызы № 298
д. Мыс № 13
д. Самохвалово № 180
д. Шадринка № 75
Седельниковский р-н
с. Кейзесс примеч. к № 43
Тарский р-н
с. Атирка № 139, 216
Тевризский р-н
с. Иртышатск № 99
Тюкалинский р-н
с. Богородское № 212
Усть-Ишимский р-н
д. Вятка № 100

САХАЛИНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Александровский р-н
с. Михайловка № 265; примеч. к № 127

ТОБОЛЬСКАЯ ГУБЕРНИЯ****

Курганский окр.
Утякская вол.
д. Нагорская № 183, 204
г. Обдорск № 41, 43, 50, 165
Сургутский уезд № 161
Тюкалинский уезд № 121, 144, 159, 244

ТОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

Без указания района
д. Жуково № 312
Бакчарский р-н
с. Большая Галка № 178, 179, 304

**** См. также Тюменскую область.

Кривошеинский р-н
д. Ново-Александровка № 146
Парабельский р-н
с. Парабель № 309
Томский р-н
с. Губино № 306
с. Корнилово № 29
с. Петухово № 25, 37, 49, 174, 206, 252, 302
с. Спасское на Яе № 150

ТУВА

Пий-Хемский р-н
г. Туран № 82

ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ*****

Без указания населенного пункта № 223
Сорокинский р-н
с. Лебяжье примеч. к № 29
г. Тобольск № 230, 300
Тобольский р-н
д. Овсянникова № 207
д. Панова № 42, 86
д. Ушарова № 85, 229, 253

ХАКАСИЯ

Бейский р-н
с. Бондарево № 51, 224

ЧИТИНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Красночикойский р-н
с. Малоархангельское № 204
с. Красный Чикой № 141, 173
Нерчинский р-н
с. Пешково № 59, 283

ЮЖНЫЙ АЛТАЙ

Бухтарминская долина (на р. Бухтарме) № 53, 56, 62, 111, 134
Восточно-Казахстанская обл.
Глубоковский р-н
д. Черемшанка № 152, 233

***** См. также Тобольскую губернию.

Змеиногорский окр. № 14
Семипалатинская обл.
Усть-Каменогорский уезд № 167, 189, 257, 176

ЯКУТИЯ

Аллаиховский р-н
Русское Устье № 39, 133, 172, 285, 286

ПОХОРОННАЯ ПРИЧЕТЬ

АЛТАЙСКИЙ КРАЙ

Красногорский р-н
с. Красногорское № 313, 315

АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ

Михайловский р-н
с. Поярково № 337, 366
Свободненский р-н
с. Дмитриевка № 330
г. Свободный № 348; примеч. к № 348
Михайло-Семеновская ст-ца
хутор Кукелевский № 360

БУРЯТИЯ

Тарбагатайский р-н
с. Десятниково № 327

ИРКУТСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Верхоленский окр.
с. Анга № 322
с. Белоусово № 320, 321, 340—345
с. Большедворское № 352
с. Залог № 331—335
с. Рыково № 351
с. Хабардино № 318, 354—359

КЕМЕРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Чебулинский р-н
с. Курск-Смоленка № 339, 353

КУРГАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Шатровский р-н
с. Яутла № 328

НОВОСИБИРСКАЯ ОБЛАСТЬ

г. Новосибирск № 325, 329, 336
Коченевский р-н
с. Ольшанка № 338
Мошковский р-н
с. Локти № 350
Новосибирский р-н
с. Боровое № 347; примеч. к № 347
Северный р-н
с. Бергуль № 349
Убинский р-н
с. Белозерка № 363
Усть-Таркский р-н
с. Камышево № 364

ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

Тарский р-н
с. Атирка № 316
Тевризский р-н
с. Журавлевка № 319, 326

ПРИМОРСКИЙ КРАЙ

Никольско-Уссурийский уезд
с. Черниговка № 362

СИБИРСКИЙ КРАЙ

Ачинский уезд
с. Тисуль № 324, 346

ТОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

Каргасокский р-н
с. Павлово № 317

ЧИТИНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Красночикойский р-н
с. Красный Чикой № 361, 365
г. Петровск-Забайкальский № 323, 367

УКАЗАТЕЛЬ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

СВАДЕБНАЯ ПОЭЗИЯ

Адам Н.И. № 151
Азовцева Е.П. № 150
Андреева А.Е. № 107, 181, 289
Аргунова Е.Т. № 54, 55
Асламова М.Ф. № 87
Астафьева М.О. № 142
Афанасьева Т.П. № 218

Баженова А.Ф. № 48, 105, 145, 235, 297
Бакланова Т.Ф. № 215
Бакшеева И.В. № 207
Баранчукова № 118
Барашева М.М. № 132
Баргина М.А. № 162, 227
Белая О.А. № 176, 250; примеч. к № 16
Белобородова П.В. № 176, 250; примеч. к № 16
Белобородова Т.Е. № 93, 242
Белова Т.З. № 298
Белоногова А.К. № 232
Белоус № 217
Белоусова А.С. № 106, 119, 310
Белоусова Е.В. № 63, 199
Бельтикова Т.И. № 178, 179, 304
Бобков В.Ф. № 183, 205
Болдырева М. № 61
Большедворская М. № 101
Бондарева А.М. № 107, 181, 289
Боргер А.И. № 218
Борзова Е.В. № 140
Бородина Е.В. № 151, 176, 250; примеч. к № 16
Бочкарева К.М. № 291
Брюханова А.В. № 126
Брюханова А.И. № 28, 32, 57, 148, 185, 238
Брюханова А.Н. № 52, 138; примеч. к № 185
Брюханова О.Т. № 125

Валова П.В. № 313
Варыгина А.О. № 232
Варыгина А.П. № 232
Варыгина К.И. № 232
Варыгина С.Н. № 232
Верхотурова А.И. № 178, 179, 304
Водолажеская А.З. № 40, 220
Водолажеская Л.И. № 40, 220
Волосникова Е.А. № 35
Воронина А.М. № 139, 216
Воронова А.Н. № 152, 233

Гайлакова В.Ф. № 263
Галактионова А.Г. № 85, 229
Галактионова М.А. № 85, 229
Глушкова П.Е. № 108, 110, 117, 136, 219, 222, 228, 270, 284
Голованова Е.Л. № 107, 181, 289
Головизин В.И. № 211
Гопеева У.П. № 75
Гордеева И.И. № 17, 295
Горностаева-Федорова Т.А. № 13
Губина К.Т. № 306
Губина Л.К. № 306

Давыденко А.П. № 12, 97, 143, 234, 240
Двурекова А.П. № 178, 179, 304
Деветьярова Е.И. № 12, 97, 143, 234, 240
Дегтярева А.Н. примеч. к № 227
Дёмина Т.В. № 232
Денисова М.Д. № 140
Доманевская К.А. № 29
Дубчак Н.М. № 218
Дюднева Н.В. № 139, 216

Есина А.С. примеч. к № 227

Зайченко А.И. № 226
Захарова А.П. № 162, 227
Збузянок Е.А. № 140
Зинченко А.Г. № 217
Злыгостева А.Н. № 42, 86
Зольникова А.Ф. № 230, 300

Иванова А.И. № 239
Иванова А.Л. № 140
Иванова В.В. № 140
Иванова В.Н. № 23, 47; нот. прим. V
Иванова М.С. № 251
Иванова Ф.Р. № 140
Иварович Ф.И. № 251
Инешина А.И. № 83
Исаева М.Н. № 42, 86

Казазаева М.Г. № 117
Казанцева Е.М. № 4, 10, 24, 67, 71, 91, 116, 124,
Кайда В.Н. № 7, 185
Каликина А.И. № 230, 300
Каратаева П.И. № 99
Карбышева З.К. № 306
Карелина А.А. № 243
Карепанова Е.Ф. № 203
Карташев № 64, 65, 115
Касьянова Т.В. № 246
Квасова К.К. № 25, 37, 206, 252, 302
Кириллов № 1, 98
Кирильчик Е.П. № 40, 220
Киселев С.П. № 39, 133, 172, 285, 286
Кистенева В.В. № 81
Кобылинская М.Ф. № 291
Козлов № 113
Колисова Н.И. № 140
Конашкова А. № 312
Коркин Е.Ф. № 164
Коркина В.Г. № 72, 164; нот. прим. III
Коркина Е.К. № 72; нот. прим. III
Коркина М.А. № 72, 164; нот. прим. III
Корощенко Д.С. № 163
Корчанова П.М. № 204
Костецкая А.В. № 193
Костырева Г.Р. № 309
Косых № 69, 262
Коурова А.А. № 72, 164; нот. прим. III
Красильникова М.А. № 63, 199
Кугаевская С.И. № 85
Кудрявцева А.Ф. № 247
Кузнецова К.Н. № 63, 199

Лавренова Е.Е. № 163
Левина П.С. примеч. к № 75; нот. прим. I
Леготина Ф.И. № 3
Лепокурова М.А. № 60, 77
Лехман Г.В. № 151, 176, 250; примеч. к № 16
Литвинова Л.В. № 299
Литвинцева А.В. № 263
Лоскутова Г.И. № 85, 229
Лошкарева Е.И. № 48, 105, 145, 235, 297

Максимова Е.В. № 296
Малышева В.И. № 196, 307
Макарцева А. № 61
Мартынова А.А. № 30
Масюкова Е.М. № 259
Медведева П.Ф. № 198
Медведева Т.Б. № 164
Миляева Е.Н. № 249
Моллерова А.П. № 82
Мурина Е.Е. № 18
Мустафина Л.И. № 226
Мясоедова О. № 200
Мясоедовы, сестры № 203

Наговицина М.С. примеч. к № 29
Несмоленко № 301
Нестеров В.А. № 27
Нестерова А.К. № 27
Низанова М.Т. № 140
Никольская М.В. № 40, 220
Никулина Ф.П. № 163
Новикова Г.М. № 40, 220

Огаркова П.Л. № 63, 199
Орлова А.А. № 180
Осипова Ф.И. № 196, 307
Ощепкова А.П. № 15, 45, 213

Параева М.Н. № 201, 202
Пахмутова А.Г. № 59, 283
Перемыкина Н.И. № 218
Петрова П.И. № 110, 181, 289
Печенцев М.Р. № 194
Печуркина М.А. № 63, 199
Подкосова Н.И. № 218
Подкосова Ф.Н. № 7, 186
Подойницына № 19
Полякова А. № 149
Попкова О.Н. № 239
Посаженникова А.А. № 60, 77
Поспелова Е.Ф. № 51, 224
Протопопова М.И. № 41, 43, 50
Протопопова М.Ф. № 25, 37, 49, 174, 206, 252, 302
Пушкарева М.В. № 108, 110, 136, 219, 222, 228, 270, 284
Пушкарева Ф.А. № 108, 110, 117, 136, 219, 222, 228, 270, 284

Рамм М.Н. № 94
Русина М.Ф. № 178, 179, 304
Ручкина Е.Г. № 153
Рыльская А.И. № 152, 233
Рыльская М.Н. № 152, 233
Рычкова Д.В. № 44

Савицкая П.П. № 4, 10, 24, 67, 71, 91, 116, 124
Саулина Р.П. № 196, 307
Сахарова В.В. № 108, 110, 117, 136, 219, 222, 228, 270, 284
Селина З.В. № 273
Семенова Т. 70
Семыкина А.М. примеч. к № 227
Семыкина Т.И. примеч. к № 227
Сизикова А.И. № 226
Сизых А.С. № 33, 38, 147; примеч. к № 2
Сизых Е.И. № 89
Симонович Е.К. № 140
Скугорева А.В. № 239
Смолина Д. № 104
Солдатенко В.Н. № 146
Солдатенко М.М. № 146
Степанова Т.М. № 107, 181, 289
Строжкова Д.И. № 305
Сугатова В.Ф. № 30
Суслова Н.П. № 100
Сысоева З.Н. № 218

Тарабаева А.И. № 239
Томшина М.М. № 273
Третьякова Е.И. № 230, 300
Трондина Е.М. № 178, 179, 304

Ушарова А.П. № 85

Федорова М.С. № 23, 47; нот. прим. V
Филатова Н.С. № 42, 86
Филатова Ф.Е. № 85

Харлова А.Я. примеч. к № 227
Хромова А.К. № 176, 250; примеч. к № 16

Циневская М.Д. № 178, 179, 304

Чагочкина А.И. № 48, 105, 145, 235, 297
Чащина А.И. № 232
Чащина Л.Д. № 232
Чепурова М.И. № 197
Черезова Е.А. № 253
Черепанова Н.Д. № 175
Черкашина А.П. № 42, 86
Черкашина Н.С. № 42, 86
Чикачева Е.А. № 39, 133, 172, 285, 286
Чурилова А.Н. № 92
Чурилова Е.И. № 163

Чуроксаева Т.М. № 27
Чухрова С. № 20

Шальнова Е.Т. № 150
Шашкова Н.И. № 226
Шелковина Е.М. № 265; примеч. к № 127
Шелуданова М.Г. № 212
Шимокина Е.Н. № 232
Шляхова З.С. № 5
Шмакова П.С. № 108, 110, 136, 219, 222, 228, 270, 284
Шумилова В.П. № 207
Шумилова В.С. № 207
Шумилова Г.Н. № 207
Шумова М.В. № 84

Юдин № 46, 112, 177, 303

Исполнители неизвестны № 2, 6, 8, 9, 11, 14, 16, 21, 22, 26, 31, 34, 36, 53, 56, 58, 62, 66, 68, 73, 74, 76, 78—80, 88, 90, 95, 96, 102, 103, 106, 109, 111, 114, 120—123, 127—131, 134, 135, 137, 141, 144, 154—161, 165—171, 173, 182, 187—192, 195, 208—210, 214, 221, 223, 225, 231, 236, 237, 241, 244, 245, 248, 254—258, 260, 261, 264, 266—268, 271, 272, 274—282, 287, 288, 292—294, 308, 311; примеч. к № 42, 226; нот. прим. VI

ПОХОРОННАЯ ПРИЧЕТЬ

Анохина В.И. № 63

Белоусова А.С. № 319, 321, 340, 345
Большедворская В.Ф. № 352

Волосникова Е.А. № 314, 315

Глухова Л.К. № 330

Дюкарева О.Д. № 339

Евсеенко Ф.П. № 326

Жданова Е.И. № 317

Ильина Д.Т. № 348; примеч. к № 348

Кишкова У.С. № 319, 326
Клиндух А.Л. № 362
Конарева М.И. № 353
Коурова А.А. № 328
Красникова А.М. № 338

Ларина Т.Г. № 364
Левина П.С. № 336

Максимов Ю.А. № 323, 367
Маторина Н.П. № 319
Медведева Д.П. № 350
Минькова А.Б. № 347; примеч. к № 347
Мурина Е.Е. № 329

Поварнина Н.В. № 325
Пристанчук А.П. № 337, 366

Рязанова Д.П. № 316

Савастеева В.И. № 349
Симеусова Н.Д. № 331—335
Соколова А.Н. № 351
Степанова Ф.Н. № 327

Хабардина М.И. № 318, 354—359

Шестакова П.А. № 360

Щапова А.А. № 322

Исполнители неизвестны № 324, 346, 361, 365

УКАЗАТЕЛЬ СОБИРАТЕЛЕЙ

СВАДЕБНАЯ ПОЭЗИЯ

Авдеева Е.А. № 31, 137, 157, 221, 236, 245
Азадовский М.К. № 81, 106, 142, 198, 288
Азадовский М.К. (из архива) № 70, 101, 119, 132, 135, 175, 208, 259, 309
Алексеев Н.М. № 39, 133, 172, 285, 286
Арефьев В.С. № 76, 90, 131, 248, 264
Асанов В.В. № 23, 47, 48, 72, 105, 140, 145, 164, 178, 179, 207, 235, 297, 304, 305; нот. прим. III, V

Багринцева В.Ю. примеч. к № 43
Бакланова Н.П. № 215
Белкина Л.М. № 84
Белослюдов А.Н. № 53, 56, 62, 111, 134
Белых Л.Н. № 7, 186
Беляева С.М. № 87
Бодрова В.И. № 35, 63, 107, 108, 110, 117, 136, 153, 181, 199, 219, 222, 228, 270, 284, 289; примеч. к № 228; нот. прим. VI
Боровская Г.М. № 20
Бузюргина Г.В. № 12, 97, 143, 234, 240

Вагин В.И. № 122
Варшавский И. № 200, 203
Василенко В.А. № 30
Верещагина Л. № 127
Витман Е. № 75
Воротынцева Г.А. № 12, 97, 143, 234, 240
Вотинцева Л.А. № 263
Гильденберг Н. № 100
Голубенко Б.П. № 218
Горенская С. № 232
Гребенщикова Г.А. № 296
Григорьев С. № 187
Гуляев С.И. № 78, 79, 80, 109, 160, 214, 231, 241, 260, 287, 292
Гуляева В.Н. № 249

Даттай А.И. № 15, 45, 213
Деген Н.Р. № 5
Доброхотов А.А. № 4, 10, 24, 67, 71, 91, 116, 124
Дяткин Е.О. № 128, 130, 195, 256, 274, 279, 280, 308, 311

Ефименкова Б.Б. № 239

Захаренко В. № 139, 216
Захарченко В.Г. № 3, 196, 307
Злобина С. № 89
Зобнин Ф. № 167, 189, 257, 276

Иващенко И. № 298
Ивлева Г.А. примеч. к № 75; нот. прим. I
Индан Н.С. № 151, 176, 226, 250; примеч. к № 16
Ищенко Л.И. № 225; примеч. к № 127

Каримов А.Р. № 152, 233
Кашин Н.И. № 2, 96, 129, 154, 155, 166, 168—171, 184, 188, 210, 255, 261, 294
Клеменц Д.А. № 268
Кожало О.И. № 15, 45, 213
Кожемякина Т. № 92, 93, 242

Кокоулин К.К. № 95, 102
Колтунов О. № 289
Комлева Л. № 92, 94, 242
Кон Ф.Я. № 271
Кондратьева С.Н. № 27
Коробицына Т. № 298
Котович Н.Г. № 201, 202
Красноженова М.В. № 66
Кретова А.А. № 194, 313
Кривошапкин М. № 6, 9
Кром Е. № 100
Крупенникова Е. № 40, 220
Куткина Т.В. № 94

Лаптуров Д. № 273
Ларионова М. № 41, 43, 50, 165
Леонова Н.В. № 108, 110, 136, 151, 153, 176, 219, 222, 228, 250, 270, 284; примеч. к № 16; нот. прим. VI
Леонова Т.Г. № 99, 139, 216, 299
Лисуненко О.В. № 217
Логиновский К.Д. № 1, 16, 19, 46, 64, 65, 69, 98, 112, 113, 115, 118, 177, 262, 303
Лужная М.М. № 211
Лымарь В.И. № 60, 77

Макаренко А.А. № 190, 254, 266, 267, 275, 278, 281, 282
Макарова В. № 180
Макиенко П.А. № 290, 301
Малинина М.Г. № 87
Матвеева Р.П. № 59, 283
Мельников М.Н. № 196, 307
Мехнецов А.М. № 25, 29, 37, 49, 146, 150, 174, 206, 252, 302, 306
Миронова З.А. № 59, 383
Михайлова И.Т. № 251
Молодых Н.П. № 193
Мухомедшина Л.А. № 28, 32, 52, 57, 125, 126, 138, 148, 185; примеч. к № 185

Назарова В. № 44
Нафах Б. № 273
Неклепаев И.Я. № 161
Неупокоева Т. № 238
Новоселова Л.В. № 13, 84
Новоселова Н.А. № 33, 38, 89, 92, 93, 147, 232, 238, 242; примеч. к № 2

Овсянникова № 312
Оленичев Б. № 99
Осипов Н.О. № 183, 205
Осипова В.Д. № 59, 283

Парилов И.Г. № 309
Пейзен Г. № 114, 182, 225
Плеханова Т. № 40, 220
Плешкова Г. № 180
Пономарев В. № 163
Потанина Р.П. № 51, 204, 224
Протасов Н.П. № 11, 22, 26, 36, 58, 104, 209, 293

Савченко Е.В. № 246
Свешникова О. № 44
Соседко Ф.Д. № 191, 192, 258, 269
Сосковец Г.А. № 212
Суворов И. № 34, 123, 158, 237
Сугак Л.И. № 18

Татаринцева М.П. № 82
Толмачев А.А. № 247
Трахтенберг И. № 163
Трускова О. № 40, 220
Тюнина Л.М. № 17, 54, 55, 295

Франц Э.В. № 291
Фролова Н. № 75

Халимонова А. № 163

Чеканинский И. № 88, 277
Чумаков И.Г. примеч. к № 43

Шамаев И. № 121, 144, 159, 244
Швецова М. № 14
Шестакова Н. № 89
Шибанов Ю.И. № 207
Широкова № 312
Шишков В. № 21, 83, 243
Шнапер Б. № 200, 203
Шульгина Н. № 33, 38, 147; примеч. к № 2
Шушарина И. № 30

Языков А. № 34, 123, 158, 237
Яковчук № 312
Ярлыкова Н. № 232

Сотрудники Алтайского краевого радио № 63, 107, 117, 181, 199

Студенты ОмГПУ № 212

КЭ БИОН и ИРЛИ (комплексная экспедиция) № 141, 173

ФЭ НГК (фольклорные экспедиции Новосибирской государственной консерватории (академии) им. М.И. Глинки под рук. Ю.И. Шибанова и Н.В. Леоновой) № 42, 61, 85, 86, 149, 151, 162, 176, 207, 223, 227, 229, 230, 250, 253, 300; примеч. к № 16

ФЭЭ ТУИ (фольклорно-этнографическая экспедиция Тюменского училища искусств под рук. Л.В. Деминой) примеч. к № 29

Собиратели неизвестны № 8, 68, 73, 74, 103, 120, 156, 272

ПОХОРОННАЯ ПРИЧЕТЬ

Азадовский М.К. № 318, 320—322, 331—335, 340—345, 351, 352, 354—360
Аркин Е.Я. № 319, 326
Асанов В.В. № 328

Бодрова В.И. № 314, 315
Болонев Ф.Ф. № 327

Ворона А. № 324, 346

Дзюбенко О.Г. № 337, 348, 366; примеч. к № 348
Дидык М.Л. № 327

Захарченко В. № 316
Захарченко В.Г. № 364

Ивлева Г.А. № 336
Индан Н.С. № 350

Кобякова Е.А. № 364
Кравченко Л.А. № 363

Леонова Н.В. № 327
Леонова Т.Г. № 316

Матвеева Р.П. № 323, 367
Мельников М.Н. № 338, 364
Миронова З.А. № 323, 367

Пархоменко Н.К. № 317
Похабов В.Ф. № 339, 353

Сергейко М.С. № 364
Скрягина Н.П. № 349
Соколова А.Н. № 362
Соловьева Л.А. № 330
Сугак Л.И. № 329

Шумская И. № 347; примеч. к № 347

Ярневский И.З. № 330

КЭ БИОН и ИРЛИ (комплексная экспедиция) № 361, 365

Собиратели неизвестны № 325

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ НОТИРОВОК, ВПЕРВЫЕ ПУБЛИКУЕМЫХ

Голубенко Б.П. № 218
Дайнеко Т.В. № 23
Дондупов Д.Д. № 47
Захарченко В.Г. № 338
Индан Н.С. № 350
Кузнецова И. № 176
Кустова Е. № 40, 220
Леонова Н.В. № 7, 12, 15, 17, 18, 33, 35, 38, 45, 54, 63, 72, 86, 87, 89, 92—94, 97, 99, 105, 107, 108, 117, 136, 139, 140, 141, 145, 147, 151, 173, 186, 197, 199, 207, 211—213, 215, 216, 222, 228, 234, 238, 240, 246, 247, 249—251, 263, 270, 289, 295, 296, 304, 305, 314—316, 327, 328, 336, 361, 364, 365; нот. прим. I, III, V, VI
Максимова М. № 163
Мухомедшина Л.А. № 52, 138
Рыхта О.В. № 235
Урсегова Н.А. № 42, 48, 60, 61, 77, 85, 149, 152, 153, 162, 164, 178, 181, 217, 223, 227, 229, 232, 233, 242, 253, 297, 300, 325, 329, 347, 363

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ ПОВТОРНО ПУБЛИКУЕМЫХ НОТИРОВОК

Аркин I № 319, 326
Демина II нот. прим. IV
Красн. I № 27, 200, 203
Красн. II № 239, 273
Междуречье № 3, 196, 307
Мехнецов № 25, 29, 37, 49, 146, 150, 174, 206, 252, 302, 306
Осипова № 60, 283
Пархоменко № 317
Песни Юж. Алтая нот прим. II, VIII
Похабов № 339, 353
Протасов № 11, 22, 26, 36, 58, 104, 209, 293
Хандзинский нот. прим. VII

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Авдеева — *Авдеева Е.А.* Записки и замечания о Сибири: Сочинение ...ы...ой с приложением старинных русских песен. — М., 1837.

Азадовский — *Азадовский М.К.* Ленские причитания. — Чита, 1922.

АКЦФ и НР — Алтайский краевой центр фольклора и народных ремесел. Фонд звукозаписей (в наст. время преобразован в Отдел возрождения русской традиционной культуры Государственного художественного музея Алтайского края, г. Барнаул).

Алексеев — *Алексеев Н.М.* Предварительный отчет об этнографической работе по «досельным» русским реки Индигирки, 1946 г. // АЯФ СО АН СССР, инв. № 1147, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 763.

Ант.-Фукс — *Антипова Л.К., Фукс Е.Л.* Песни деревни Куликовка Тисульского района Кемеровской области. — Кемерово, 1998.

Арефьев — *Арефьев В.С.* Материалы по этнографии Енисейского уезда Енисейской губернии // Изв. ВСОРГО. — Иркутск, 1902. — Т. XXXII, вып. 1/2. — С. 65—140.

Аркин I — *Аркин Е.Я.* Ты березка моя: Народные песни Омской области. — Омск, 1987.

Аркин II — *Аркин Е.Я.* Со венком я хожу: Народные песни Омской области. — Омск, 1993.

Архив РГО — Архив Русского Географического общества.

АТМ — Архив традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории.

АЯФ СО РАН — Архив Якутского филиала СО РАН.

Багизбаева — *Багизбаева М.М.* Русский фольклор Восточного Казахстана. — Алма-Ата: Рауан, 1991.

Багринцева — *Народная* свадьба: Сб. ст. и материалов / Под ред. В.Ю. Багринцевой, Е.М. Ефремовой, А.В. Макарова. — Омск, 1997.

Балман — *Песни* села Балман / Сост. В.Г. Захарченко. — Новосибирск, 1969.

Бартенев I — *Бартенев В.В.* На крайнем Северо-Западе Сибири. — СПб., 1896.

Бартенев II — *Бартенев В.В.* Обдорские песни (с нотами) // Изв. Арханг. о-ва изуч. Русского Севера. — 1914. — № 20. — С. 670—685. — (Нот. прил. — С. 3—8).

Белослюдов — *Белослюдов А.Н.* Свадебный ритуал «каменщиков»: Материалы по этнографии засельщиков Бухтарминской долины / Зап. Семипалат. подотд. ЗСОРГО. — Семипалатинск, 1913. — Вып. VII. — С. 1—13 (8-я паг.).

Бергуль — *Мельников М.Н., Смоленцева С.В., Лямкин В.В.* Песни села Бергуль: Песни, сказания, частушки, детский фольклор. — Новосибирск, 1996.

БИОН — Бурятский институт общественных наук. Рукописный отдел (в наст. время ИМБиТ СО РАН. Хранилище восточных рукописей и ксилографов).

Вагин — *Вагин В.И.* Нынешняя деревенская песня // Изв. ВСОРГО. — Иркутск, 1888. — Т. XVIII. — С. 45—92.

ВООПИиК — Всесоюзное общество охраны памятников искусства и культуры. Иркутское отделение.

ВСОРГО — Восточно-Сибирский отдел Русского Географического общества.

ГААО — Государственный архив Амурской области.

ГАКК — Государственный архив Красноярского края.

ГАНО — Государственный архив Новосибирской области.

ГБЛ — Государственная библиотека им. В.И. Ленина. Рукописный отдел (в наст. время — Российская государственная библиотека).

ГЛМ — Государственный литературный музей. Рукописный отдел.

Григоровский — *Григоровский Н.П.* Очерки Нарымского края Томской губернии. Крестьянская свадьба // Зап. ЗСОРГО. — Омск, 1882. — Кн. 4. — С. 1—31 (3-я паг.).

Григорьев — *Григорьев С.* Обряды и песни русской простонародной свадьбы в южной части Минусинского округа [Енисейской губернии] // Сиб. сб. Прил. к «Восточному обозрению». 1894. — Иркутск, 1894. — Вып. 4. — С. 14—22.

Гуляев — *Гуляев С.И.* Этнографические очерки Южной Сибири. Свадебные обряды // Библиотека для чтения. — [СПб.], 1848. — Т. XC. — С. 1—47.

ДВ — Дальний Восток.

Демина I — *Крестьянская* свадьба: Обрядовый фольклор Тюменской области / Сост. Л.В. Демина. — Тюмень, 1992.

Демина II — *Песенная* жемчужина Исетского района / Сост., вступ. ст. и коммент. Л.В. Деминой. — Тюмень, 1996.

Екатериновка — *Традиционный* фольклор Алтая. Свадебные песни староверов-поляков села Екатерининское / Аннот. В. Бодровой и Н. Леоновой. — М.: Русский диск, 1993. — R30 02025/26 (2-я сторона грампластинки).

Ермаковск. р-н — *Народные* песни Ермаковского района Красноярского края / Сост. В. Логиновский. — Красноярск, 1992.

Ермолаев — *Ермолаев А.Н.* Свадебные наговоры дружки в Ангарской деревне // Сиб. архив. — Иркутск. — 1912. — № 8. — С. 585—594.

Захарченко — *Захарченко В.* Девичья песня. — Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1975.

Зобнин — *Зобнин Ф.* Свадебные обряды и обычаи казачьего населения Усть-Каменогорского уезда: Этнограф. очерк // Памятная книжка Семипалатинской области 1900 г. — Семипалатинск, 1900. — Вып. 4. — С. 1—25.

ЗСОРГО — Западно-Сибирский отдел Русского географического общества.

Ив.-Балин — *Иванов-Балин Г.И.* Русские народные песни Зауралья. — М.: Сов. композитор, 1988.

ИМБиТ СО РАН — Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Отдел памятников письменности (в наст. время преобразован в ХВРК).

Индан — *Индан Н.С.* Песенные традиции семьи Кутафиных (музыкально-этнографические очерки): Дипломная работа. — Новосибирск, 1982 // Новосибирская государственная консерватория (академия) им. М.И. Глинки.

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Рукописный отдел.

Кашин — *Кашин Н.И.* Свадебные обычаи приаргунцев // Вестн. РГО. — СПб., 1860. — Т. XXX. — С. 148—182.

Киреевский — *Песни*, собранные П.В. Киреевским: Новая серия. — М., 1911. — Вып. I.

Клеменц — *Клеменц Д.А.* Наговоры и приметы крестьян Минусинского округа // Изв. ВСОРГО. — Иркутск, 1888. — Т. 19, № 3. — С. 27—45.

Кон — *Из песен* Западной Сибири сообщил Кон Ф.Я. // Этнографическое обозрение. 1903. — Кн. 59, № 4. — С. 99—114.

Костюрина — *Костюрина М.Н.* Крестьянская свадьба в подгородных деревнях г. Тобольска // Ежегодник Тобольск. губ. музея. — Тобольск, 1898. — Вып. 9. — С. 1—16 (отд. паг.).

Красноженова I — *Красноженова М.В.* Из свадебных обычаев Енисейской губернии: Описание свадьбы в д. Злобиной // Изв. ВСОРГО. — [Иркутск], 1907. — Т. XXXVIII. — С. 17—31.

Красноженова II — *Красноженова М.В.* Отчет об этнографической поездке летом 1927 г. по Красноярскому округу и материалы по фольклору // Красноярский государственный краеведческий музей. Рукоп. отд., ф. 398 (09), ед. хр. 136.

Красн. I — *Русские* народные песни Красноярского края / Под общ. ред. С.В. Аксюка. — М.: Сов. композитор, 1959. — Вып. I.

Красн. II — *Русские* народные песни Красноярского края / Под общ. ред. С.В. Аксюка. — М.: Сов. композитор, 1962. — Вып. 2.

Кр. ВСОРГО — Красноярский подотдел ВСОРГО.

КрГПУ — Красноярский государственный педагогический университет. Фольклорный архив.

Кривошапкин — *Кривошапкин М.* Енисейский округ и его жизнь. — СПб., 1865. — Ч. I.

Ларионова — *Ларионова М.* Зырянская и русская свадьбы в Обдорске [Тобольской губернии] // Ежегодник Русского антропологического о-ва при С.-Петерб. ун-те. — СПб., 1904. — Т. 1. — С. 327—354.

Лев.-Нов. — *Левашов В.С., Новиков А.П.* Сибирские народные песни. — М.: Сов. композитор, 1963.

Леонова — *Фольклор* Западной Сибири / Сост. Т.Г. Леонова. — Омск, 1974. — Вып. 1. — *Народная* свадьба: Свадебный обряд и свадебные песни русского населения омских сел.— С. 48—71.

Леонова-Белкина — *Леонова Т.Г., Белкина Л.М.* Обзор материалов фольклорной экспедиции 1974 г. в Знаменский и Муромцевский районы Омской области // Фольклор и литература Сибири. — Омск, 1976. — Вып. 3. — С. 31—46.

Логиновский — *Логиновский К.Д.* Свадебные песни и обычаи казаков Восточного Забайкалья // Зап. Приамур. отд. РГО. — [Хабаровск], 1899. — Т. V, вып. 2. — С. I—V, 1—94.

Майнов — *Майнов И.И.* Крестьянская свадьба по реке Илиму [Иркутская губерния] / Зап. К.К. Кокоулина // Живая старина. — 1914. — Вып. 1/2. — С. 45—66.

Матвеева — *Матвеева Т.И.* Традиционное и эмоционально-импровизационное содержание похоронной причети семейских // Старообрядчество: История и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: Материалы III Междунар. конф., Улан-Удэ, 26—28 июня 2001 г. — Улан-Удэ, 2001. — С. 194—199.

Междуречье — *Захарченко В.Г., Мельников М.Н.* Свадьба Обско-Иртышского междуречья: Этнограф. описания обрядов, тексты и напевы песен. — М.: Сов. композитор, 1983.

Мельников — *Мельников М.Н.* Поиски сокровищ: Записки фольклориста. — Новосибирск, 1985.

Мехнецов — *Свадебные* песни Томского Приобья: Народные песни, записанные в Томской области / Запись, сост., предисл., примеч. А.М. Мехнецова. — Л.; М.: Сов. композитор, 1977.

Мишарин — *Мишарин Д.Н.* Свадебные песни, записанные в Верхоленском уезде Иркутской губернии // Изв. ВСОРГО. — Иркутск, 1916. — Т. 45. — С. 257—272.

МКС — *Леонова Н.В.* Русский фольклор // Музыкальная культура Сибири: В 3 т. — Новосибирск, 1997. — Т. 1, кн. 2: Традиционная культура сибирских переселенцев. — С. 8—33.

Муз. ф-р Сибири — *Русский* музыкальный фольклор Сибири / Аннот. А. Мехнецова. — Л.: Мелодия, 1990. — М20 49435/36. — 2-я пластинка: Русская народная музыка Севера и Сибири. — (Музыкальное творчество народов СССР: Антология).

Мышланка — *Традиционный* песенный фольклор Западной Сибири. Фольклорный ансамбль села Мышланка Сузунского района Новосибирской области / Аннот. В. Асанова. — Л.: Мелодия, 1987. — С20 25207/08 006 (1-я сторона пластинки).

Неклепаев — *Неклепаев И.Я.* Поверья и обычаи Сургутского края // Зап. ЗСОРГО. — Омск, 1903. — Т. XXX, отд. 2 — С. 29—230.

НОККиИ — Новосибирский областной колледж культуры и искусств. Фольклорный архив.

ОмГПУ — Омский государственный педагогический университет. Фольклорный архив кафедры русской и зарубежной литературы.

Осипов — *Осипов Н.О.* Ритуал сибирской свадьбы // Живая старина. — 1893. — Вып. 1. — С. 96—114.

Осипова — *Из материалов* фольклорной экспедиции 1983 г. / Подгот. В.Д. Осипова // Локальные особенности русского фольклора Сибири / Отв. ред. Т.Г. Леонова. — Новосибирск, 1985. — С. 102—111.

Парилов — *Русский* фольклор Нарыма / Сост., вступ. ст. И.Г. Парилова. — Новосибирск, 1948.

Пархоменко — *Пархоменко Н.К.* Русские народные песни Томской области. — М.: Сов. композитор, 1985.

Пейзен — *Пейзен Г.* Этнографические очерки Минусинского и Канского округов Енисейской губернии (Из путевого журнала 1857 г.) // Живая старина. — 1903. — Вып. 3. — С. 297—357.

Песни Юж. Алтая — *Русские* песни Южного Алтая / Аннот. В.М. Щурова. — М.: Мелодия, 1983. — С20 19885/86 (комплект из двух пластинок). (Из собрания фонограммархива Пушкинского дома).

Пешняк — *Пешняк В.Г.* Русские народные песни Алтайского края. — Барнаул: Барнаул. кн. изд-во, 1980.

Плотников — *Плотников В.* Песни казаков Сибирского казачьего войска // Зап. Семипалат. подотд. ЗСОРГО. — Семипалатинск, 1909. — Вып. IV. — С. 1—58 (6-я паг.).

Поречье — *Земляничка*, моя ягодка: Песни Верхнеенисейского поречья и города Минусинска / Зап., расшифр., предисл., сост. и примеч. Н.К. Пархоменко. — Красноярск, 1991.

Потанина I — *Русские* свадебные песни Сибири / Сост., вступ. ст. и примеч. Р.П. Потаниной. — Новосибирск: Наука, 1979.

Потанина II — *Обрядовые* песни русской свадьбы Сибири / Сост., предисл. и примеч. Р.П. Потаниной. — Новосибирск: Наука, 1981.

Потанина III — *Русская* свадебная поэзия Сибири / Сост., вступ. ст. и примеч. Р.П. Потаниной. — Новосибирск: Наука, 1984.

Похабов — *Похабов В.Ф.* Культурное наследие русских Кузбасса: Семейно-обрядовый фольклор северо-востока Кемеровской области. — М., 2000 (в книге переиздан корпус песен из сб.: *Похабов В.Ф.* Песни Кийской слободы. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999).

Прибайкалье — *Старый* фольклор Прибайкалья / Сост. А.В. Гуревич и Л.Е. Элиасов; Вступ. ст. и примеч. А.В. Гуревич. — Улан-Удэ: Бурмонгиз., 1939.

Прииртышье — *Народные* песни Прииртышья / Сост. Т.Г. Леонова. — Новосибирск, 1969.

Прозвицкая — *Прозвицкая Л.И., Мельников М.Н.* Смоленские свадебные традиции в Сибири: (Описание обрядов, свадебные песни) // Сибирский фольклор. — Новосибирск, 1976. — Вып. 3. — С. 119—164.

Протасов I — *20 народных* песен Сибири для одного голоса с сопровожд. ф-п. из собранных в 1900 г. в Иркутской губернии и Забайкальской области Н.П. Протасовым / Перелож. А. Петров. — [СПб.: Издание песенной комиссии РГО, 1902].

Протасов II — *Протасов Н.П.* Песни забайкальских старообрядцев. — Иркутск: Изд. ВСОРГО, 1926.

РГО — Русское географическое общество.

Розенбаум — *Розенбаум С.П., Арефьев В.С.* Свадьба в Ангарской деревне // Изв. ВСОРГО. — Иркутск, 1901. — Т. XXXI. — Вып. 1/2. — С. 79—117.

Свиридова — У *ключика* у гремучего: Дальневосточный фольклор / Сост. Л.М. Свиридова. — Владивосток: Дальневосточ. кн. изд-во, 1989.

Семейские — *Фольклор* семейских / Сост. Л.Е. Элиасова и И.З. Ярневского; Под общ. ред. Л.Е. Элиасова. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963.

Соболевский — *Великорусские* народные песни / Изд. проф. А.И. Соболевский. — СПб., 1895. — Т. I.

Соседко I — *Свадьба* по реке Куренге // Забайкалье. — 1902. — № 2.

Соседко II — *Свадебные* песни и обряд по реке Куренге Забайкальской области в горнозаводское время / Собр. в 1901 г. Ф.Д. Соседко. — Красноярск, 1906.

Татаринцева — *Русские* народные песни в Туве / Сост. М.П. Татаринцева. — Кызыл: Новости Тувы, 1994.

ТГУ — Томский государственный университет. Фольклорный архив.

Тунк. — *Русский* фольклор Тункинской долины / Ред. и вступ. ст. Л.Е. Элиасова. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1966.

Федорова I — *Федорова В.П.* Свадьба на Ирюме. — Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1991.

Федорова II — *Федорова В.П.* Свадьба в системе календарных и семейных обычаев старообрядцев Южного Зауралья. — Курган, 1997.

ФРУ — *Фольклор* Русского Устья / Отв. ред. С.Н. Азбелев, Н.А. Мещерский. — Л.: Наука, 1986.

ХВРК — Хранилище восточных рукописей и ксилографов ИМБиТ СО РАН.

Чеканинский — *Чеканинский И.* Описание крестьянской свадьбы в селе Кежемском на Ангаре // Рукоп. отд. б-ки Краснояр. гос. краевед. музея, ф. 392(09), № 119.

Чит. сб. — *Сборник* песен Забайкальского казачьего войска / Сост. по приказу генерала Кияшко. — Чита, [1916].

Чулков — *Чулков М.Д.* Сочинения. — СПб.: Изд. отд-ния русск. яз. и словесности Имп. АН, 1913. — Т. 1: Собрание разных песен, ч. 1—3 с прибавлением 1770—1773 гг.

Шамаев — *Шамаев И.* Общий тип деревенской свадьбы в Тюкалинском уезде // Ежегодник Тобольск. губ. музея. — Тобольск, 1902. — Вып. XIII. — С. 1—33.

Швецова I — *Швецова М.* Из поездки в Риддерский край // Зап. ЗСОРГО. — Омск, 1898. — Кн. XXV. — С. 1—27 (2-я паг.).

Швецова II — *Швецова М.* «Поляки» Змеиногорского округа // Зап. ЗСОРГО. — Омск, 1899. — Кн. XXVI. — С. 1—92.

Шейн — *Великорусс* в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. (Материалы, собранные и приведенные в порядок П.В. Шейном). — СПб., 1900. — Т. I, вып. 2.

Шишков — *Шишков В.* Песни, собранные в селениях Подкаменской и Преображенской волостей Киренского уезда Иркутской губернии, расположенных по течению реки Нижней Тунгуски в 1911 г. // Изв. ВСОРГО. — Иркутск, 1914. — Т. 43. — С. 65—104.

Щуров — *Щуров В.М.* Песни Нижней Тунгуски. — М.: Сов. композитор, 1977.

Эпов — *Эпов А.* Свадебные обряды и песни Чикойского края в 80—90 гг. прошлого века // Изв. каф. Прибайкаловедения. — [Верхнеудинск], 1921. — Вып. I. — С. 24—27.

Языков — *Илимские* свадебные песни, записанные И. Суворовым и А. Языковым // Изв. ВСОРГО. — Иркутск, 1898. — Т. XXIX, вып. 2. — С. 108—132.

Ялуторовск — *Плотников З.Т.* Крестьянская свадьба (в Ялуторовском округе): Этнограф. заметки // Тобольские губернские ведомости. — 1859. — № 6. — С. 42—47.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СВАДЕБНЫХ ПЕСЕН, ПРИЧИТАНИЙ И НАГОВОРОВ

Ай, от не бушуй-ко-те. № 238
Ай, подружаньки вы мои. № 57
Ай, солнышко да высоко взошло. № 239
[А-ой, да еще] что у нас в поле. № 38
А поднялась-то бы буря-погодуш[ка]. № 35
Ах вы, комони, комони. № 260
Ах, ты выйди, сударь батюшка. № 137
Ах ты свет, моя светлая светлица. № 236
Ах, ты солнце, солнце красное! № 31
Ах ты царь ли наш, царевич. № 160

Батюшка родимый [в путь-дороженьку]. № 189
Батюшка родимый [гостей попçтчевать]. № 168
Батюшка родимый [за столы дубовые]. № 276
Батюшка родимый [к венцу]. № 257
Батюшко родимый [благословляйте ехать]. № 184
Без ветричку, ой, да без ви[хорю]. № 147
Берется дружка. № 195
Благодарствуй, родима матушка. № 70
Благодарствуй, родима матушка. № 71
Благодарствуйте, родимый батюшка и матушка. № 127
Благодарствую, батюшка. № 245
Благодарю тебя, родимый батюшка. № 114
Благослови меня. № 274
Благослови [в подклеть идти]. № 308
Благослови-ка, Господи, изукрасити. № 65
Благослови [к венцу]. № 256
Благословляй-ка, родимай тятинька. № 246
Благословляются братцы. № 275
Бласловля...й-ко жо, роди[мой тятенька]. № 105
Брался храбрый дружка. № 191

Вам, девушки, мои милые подруженьки. № 20
Вам спасибо, мои подруженьки. № 115
Ванюшкина мамонька. № 181
Василья матушка в счастливый день породила. № 182
В городе перстень ковали. № 9
Виноград расцветает. № 301
В куть по ла́вицы. № 166
В огороде-то у нас не мак ли? № 56
Во дворе. № 286
Волга-река, ох, Волга-река да. № 42
Во лузях воды нету. № 206
Восстаньте, мои подруженьки. № 132
Все-то кони под коврами, да уряди. № 228
Выйди-ка, выйди, родимая ма... мамушка. № 138
Выйду я на речку, брошу я цепочку. № 163
Вы перильса, перильса мои, да. № 230
Вы перильца, перильца мои, да. № 229
Вы простите меня, мои подруженьки. № 80
Вы раздайтеся, расшанитеся. № 94
Вы уж, князья-бояре. № 244

Голубушка, наша подруженька. № 119
Гордые-пышные вы боярочки. № 201
Горе-горькая я да горемычная! № 1
Господи, благослови, Христос! № 155
Господи Иисусе Христе [благословите в баню]. № 167
Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас [при сватовстве]. № 5
Господин хозяин. № 171
Громы-то прогрянули. № 187

Да вы любе...(э)зныя мои по[друженька]. № 63
Да вы не пойте, куры-петухи. № 12
Да еще есть-то в гостях да е... ой, да есть у батюшки. № 7
Да из кружка, кружка конь поворачивался. № 141
Да не река ль ты, моя ре...ченька. № 212
Да ты, ласточка, ласточка. № 30
Да уж вы, девочки-подружачки. № 143
Да я у тятюшки в оградушке. № 97
Девица, красное солнышко. № 294
Догорела да заря ясная. № 84
Душечка-душа. № 223

Есть ли у нашей княжны молодой. № 192

Заводила я девью кра́соту. № 73
За дубовые столы. № 280
Зайди, солнце красное. № 67

Зайду, зайду млада на гору. № 34
Затрубили трубоньки рано на заре. № 290
Золотая ты наша гривенка. № 120

Ива́нова мати. № 270
Из-за горы ясны соколы летят. № 288
Из лугу-лугу, лугу зелену. № 208
Из-под гор, из-под камешка. № 293
Из-под дуп(ы)чика-дуп(ы)чика да. № 295
Из поля, поля, поля чистого, да. № 153
Из чиста́-то поля, чистого да. № 145
Истопи-ка, родимая сестрица. № 98
Истопил мне родимый батюшко. № 101

Как во саде было, садичке, да. № 297
Как во светлой во светлице. № 36
Как во тереме свечи горят. № 45
Как жлобы онемели. № 267
Как на пролуби два голубя сидят. № 176
Как не новые сени да проскрипели. № 175
Как не стук-то стучит. № 185
Как по морю, морю синему. № 203
Как по саду было, садичку. № 43
Как по той-то по Волге-реке. № 209
Как по чистому полю. № 177
Как у грушицы у зеленыя. № 24
Как у красного солнышка золоты лучи. № 159
Как у тысяцкого да бородка, да бородка. № 304
Камочка, камочка моя. № 22
Клен-деревцо, клен-деревцо спошатнулося. № 237
Кони те бегут. № 205
Красота́ ли, моя кра́сота. № 90
Красота ли ты, девия кра́сота. № 93
Красота́ ль ты, моя кра́сота. № 83
Красота́ моя, девья кра́сота! № 91
Кругом солнце обошло. № 241
Кто у нас-то хорошой. № 164
Купорыслое дре... древо клони...тся. № 253

Ласточка касатая. № 134
Лебеди белые. № 255
Летел голубь, летел голубь, ох. № 162
Любезны, милы мои подруженьки. № 49

Мать моя, мамонька, да. № 207
Мы пойдемте-ка, девицы, на речицы. № 53

На горе-горе. № 15
На горе, горе рябинушка да ли. № 61
На дворе-то дождичек скрапывает. № 46
Над рекой то было, над реченькой. № 21
На заре было, на зореньке. № 249
На ком кудерцы да на ком русые, да. № 178
На ком кудрюшки, на ком русые. № 180
На ком платьице да на ком светлое, да. № 179
Налетели да щёрныя вороны, да. № 199
На море утка купалася. № 8
Нам сказали, ш(и)то бы друженька бога...той, да богатой. № 60
Наш князь молодой [благодарение певицам]. № 170
Не буйны ветры навеяли. № 198
[Не бы]ло ветров. № 215
Не было ветров, ох, не было ветров. № 226
Не было ветру. № 197
Не было ветру — да ветры дунули, да ветры дунули, эх. № 220
Не вербá в поле шатается. № 250
Не вербá в поле шатается. № 252
Не вербá-то в поле шетаится. № 186
Невестина сваха — лебедка, ой, да лебедка. № 306
Не видать месяца из-за облака. № 202
Не водой-то ли да мне умытися. № 51
Не вылетай, утка, из острова. № 133
Не долго цветочку да в садике цвести. № 291
Не кладите Богу жалобу. № 25
Не красён-то ли день без солнышка. № 122
Не лежи, бобер, во крутом берегу. № 183
Не летай-ко, сокóл, высоко, да. № 300
Не от ветру, не от вихору да. № 146
Не подходи, мамонька. № 13
Не подымайся, родимый батюшка. № 81
Не полати-то грянули. № 14
Не слыхала в нас, да у нас Манюшка да. № 152
Не слыхала я, младешенька. № 144
Не стой, друженька. № 131
Не стук стучит, не гром гремит. № 247
Не трубушка трýбила рано по заре. № 289

Ой, веревья́ моя, да веревьюшка, да. № 149
Ой, во саду хмель. № 219
Ой, да благослови-кася мене. № 107
Ой, да благослови-ко ты, батюшка. № 104
Ой, да вы любезнаи мои... мои подрýженьки. № 110
Ой, да вы не дуйте-ка, да ве... ветры буйныя. № 108

Ой, да Енисей-то река. № 32
Ой, да Енисей, ты ре[ка]. № 33
Ой, да как спасибо тебе. № 126
Ой, да ты спасибо-ко ты. № 125
Ой, девки-дурушки. № 265
Ой, нашему дружке не стоится, не стоится. № 234
Ой, не было ветру. № 196
О... ой, не от ябло[ни] было от кудря... № 52
[Ой], солнушко шло. № 240
Ой, что не ягодка по блюдечку катается, да катается, да. № 173
Ой, яблоня кудрявая. № 273
Отставала лебедь белая. № 204
Ох, без ветричку. № 148
Ох, бласлави-ка ты меня, кормилец-батюшка. № 18
Ох, ведь не бушуй-ко те. № 28
Ох вы, улички, метитися. № 285
Ох, раным-ранешенько на заре. № 227
Ох, уж я стану-то. № 89

Петухи мои, петухи. № 10
Петухи ранни-утренни. № 11
Повозничка девушки любили. № 264
По горе-то бежал ко́ня вороной. № 48
По горе-то идет конь вороной. № 298
Погости-ка, наша гостьюшка. № 121
[По]днимись-ка, мать-погодушка, да. № 212
Подходила наша сва...(а)хонька, да. № 59
Подымалася бурь-погодушка. № 150
Пойду ли я. № 222
По лугу вода, по лугу вода, эх. № 218
По лугу вода. № 217
По морю, морю, по морю синему. № 41
По сеням-то было, ой, по сеньюшкам, да. № 23
Послал меня князь молодой. № 128
Постойте, бояры, постойте, молодые! № 243
Потрудитесь, мои сестрицы. № 19
По чему речка протекла. № 27
При вечере было, вечериночке. № 44
Приезжали унтовники. № 261
Приехали к нам сверные. № 262
Приказал наш князь молодой. № 129
Приступи...(и)ся что роди...(и)мой батюшко. № 77
Приступи, родимый батюшка. № 78
Приступите-ка, подруженьки. № 109
Приутихните во тереме. № 248

Просит наш князь молодой. № 188
Прощайте, ясные соколы. № 258
Пусти, пусти, батюшка. № 116
Пышные-гордые вы боярочки! № 200

Раздайся, народ! № 193
Раздайся, народ. № 82
Разливалася вода вешняя. № 287
Разродимый мой, родимый тятенька. № 75
Растоплялася банюшка. № 99
Растоплялася банюшка. № 100
Расшаталася в поле грушица. № 16
Родима ты моя племянинка. № 92
Родимый батюшка [встречайте князя молодого]. № 269

Сажусь я, красная девица. № 66
Самойлы премудрого. № 310
Санки, вы саночки. № 271
Сборы вы мои, сборы. № 154
Сват да сватья! № 194
Свет моя винная ягат(ы)ка. № 47
С горы на гору вино течет. № 123
Семена ли, мои се́мена. № 292
Семена мои, семена. № 96
Середи было двора. № 157
Сказали, что тысяцкой богатой. № 304
Смыли мою девью кра́соту. № 111
Собирала Любочка подружек к себе. № 40
Соколы прилетали. № 225
Спасибо на амине [во всех обрядах]. № 278
Спасибо на амине [к венцу]. № 254
Спасибо на амине [на благодатном доме]. № 279
Спасибо на амине [на благословенном деле]. № 281
Спасибо на амине [после венца]. № 277
Спасибо на амине [сдача коробья]. № 130
Спасибо тебе, напасибо! № 62
Стану, раб Божий, благословясь. № 266
Стану я, раб Божий, благословясь. № 268
Стояла чара на столе, на столе. № 50
Стряпочка-сударушка. № 311
Стряпченька-сударочка. № 312
Стряпчий повар. № 169
Стукнули кони во широки ворота. № 213

Тихо бояре снаряжалися. № 156
Топнули, да, ой, топнули. № 307

Ты взойди, взойди, солнце красное. № 68
Ты восхожее красно солнышко. № 76
Ты вставай-ка, наша подруженька. № 102
Ты встречай, родная матушка. № 272
Ты голубчик родимый батюшко. № 106
Ты душа ли, наша душенька. № 37
Ты зайди, родима ма... ой, мамонькя. № 72
Ты заря, ты моя зоренька. № 117
Ты летай, наш сокол, высоко. № 299
Ты не дуй, не паши. № 309
Ты постой, постой, добрый конь. № 79
Ты родима моя мамонька. № 2
Ты родимая матушка! № 4
Ты родимый да мой тятенька. № 3
Ты сокол ли, соколин сын да. № 283
Тысяцкий-воевода [дари, да не скупися]. № 303
Тятенька родимый. № 151
Тятенька родимый! [изволь мед выкушать]. № 313
Ты ясно ли, красно солнышко. № 6

У броду-броду. № 161
У Ванюшки была матушка родима. № 142
У ворот было, у воротичек. № 214
У ворот рябинушка стояла, да стояла. № 242
У города там виты ворота. № 259
У дружка, дружка-повёртышка, да. № 302
Уж вы выводы, выводы. № 224
Уж вы люди, люди добрые. № 74
Уж как на море, на морюшке. № 284
Уж как у броду-броду. № 221
Уж мы просим тебя, сестрица. № 103
Уж не трубушка трубила. № 158
Уж обманули меня подруженьки. № 112
Уж ты выйди, изволь выступи, родимый батюшка. № 118
Уж ты дружка, ты друженька. № 135
Уж ты, кро́сота, моя кро́сота. № 95
Уж ты ласточка касатая. № 29
Уж ты, матушка родимая. № 124
Уж ты мать-то моя, да мамонька. № 85
Уж ты мать, ты моя мамонька, да. № 86
Уж ты, сватушка наш батюшка, послушай, да послушай! № 233
Уж я кого, молода, попрошу-ка? № 64
Уж я стану поутру ранешенько. № 88
Уж ты сядь-ка, моя мамонька. № 87
Уж ты тятенька родимый мой, да. № 139

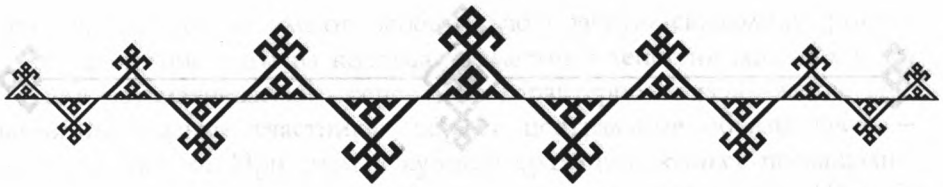
У нас Ванюшка да был богатый, да ну богатый. № 41
У нас во дому. № 282
У нас друженька да богатый, да богатый. № 136
У нас ныне непогожая неделька, да. № 263
[У нас] свашенька богата, да богата. № 232
У нас свашенька была красива, да ну красива. № 55
У плота, плота медяного. № 26
У Сарфеи у премудрой. № 39

Хорош был жемчуг в ожерельях. № 172

Чтобы да этой банечке. № 113
Что ж ты, реченька, небыстрыя текешь, да. № 17
Что княжина-то свашенька беля́на. № 231
Что не гуси, не лебеди. № 208
Что не стрелочка стре́льнула. № 58
Что не яблочко по блюдечку кататся, да кататся, да. № 174
Что ни гром гремит во вы́соте. № 251
Что по саду, по садику. № 296
Что приезжа-то гостьюшка богата, да вот богата. № 235
Чьи это бояра? № 165

Эй, Волга-река. № 216

Я есь дружка. № 190
Я не знала, я не ведыла. № 140
Я стояла, красна девушка. № 69



ДОПОЛНЕНИЯ

ДОПОЛНЕНИЕ I

КУРСКАЯ СВАДЕБНАЯ ТРАДИЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

В семейно-обрядовом фольклоре Дальнего Востока особняком стоит курская традиция. Во-первых, структура и напевы ее свадебной лирики близки к песенному сопровождению аграрно-календарных праздников, что распространено также в брянской традиции, связанной с музыкально-поэтической культурой русско-белорусского пограничья. Во-вторых, курский свадебный репертуар имеет не просто праздничную тональность: преобладающей является величальная направленность. Наряду с этим обряд включает и причитания-импровизации, практически не встречающиеся в свадебном репертуаре южных русских областей, Украины и Белоруссии. Правда, в системе свадебной обрядности курских поселенцев причитаниям-импровизациям отводится незначительное место. По свидетельству знатоков, *невеста* голосила во время *посада* перед приездом *жениха*; других моментов исполнения причитаний информаторы не называли. В это же время звучали *сиротские* песни (т.е. песни, обращенные к *невесте-сироте*), содержание и напев которых обнаруживают несомненную близость к причетам. Типичным примером может служить песня «*Ивушка моя, ивушка зеленая*», хотя в данном варианте пропущен *мотив засохшей верхушки*, символизирующей сиротство *невесты*.

Среди обрядовоприуроченных назовем «*Звякнули ложки по столу*» и «*Не всход солнца, не буен ветер*» (последняя, по-видимому, — контаминация двух произведений).

Лучшей сохранностью отличаются песни, которые не имеют четкой закрепленности за определенным моментом обряда и могут исполняться на протяжении всей свадьбы. Они посвящены семейному благополучию, любви молодоженов (песни типа «*Ой, по сеничкам Манечка ходила*») или содержат советы новобрачной, как ей вести себя в доме мужа.

Такие произведения имеют обобщенную брачную символику: рыбная ловля, набирание воды из колодца, совместные действия молодых и т.п.

Для рассматриваемого репертуара характерно сосредоточение внимания на главных участниках обряда: центральные образы песен — *жених* и *невеста*. При этом в курской традиции *жениху* посвящались величания, певшиеся в доме *невесты*, и путевые песни («*Ой, Ивановы кони*»). Другие участники обряда упоминаются в песнях, но особые посвящения им не зафиксированы.

В целом поэтика рассматриваемой свадебной лирики воплощает традиционную художественную систему, хотя здесь почти нет портретных характеристик, даже таких общих, как «*лицо белое*», «*очи ясные*», «*брови соболиные*».

Стремление к детализации и обилие повторов нередко увеличивает размеры песен, что затрудняет их использование в современном репертуаре («*Дюже длинная: 10 тысяч километров от той границы до етой*»). Неудивительно, что эти песни сохранились в пассивном фонде представителей старшего поколения.

Мало записано произведений магического характера, несмотря на то, что пережитки магии оберегающей и продуцирующей достаточно долго сохранялись в ряде ритуальных действий (благословение на шкуре животного, стрельба из ружей на пути свадебного поезда, разметание дорожки перед молодоженами и т.д.). К типичным произведениям, отразившим продуцирующую магию, можно отнести песню, исполнявшуюся при повивании молодой (см. «*Левую косу закладаю*»).

В других песнях языческая символика потеснена христианской. Так, первое величание *жениха* и *невесты* за столом начинается с обращения к Козьме и Демьяну, считавшимся покровителями новобрачных. Традиционные символические образы (небесные светила, растения, животные, птицы) давно стали восприниматься как сугубо художественные.

Ниже приводим описание местной свадьбы, соответствующей курской традиции на Дальнем Востоке.

Л.Е Фетисова

СВАДЬБА В ДЕРЕВНЕ СИНИЛОВКЕ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Сваты приходят в дом *невесты* с пирогом и самогоном. Родители девушки пирог сразу не принимают, а советуются между собой, вспоминают всю родню *жениха*. Затем едут осматривать дом и хозяйство. Если остались всем довольны, то в доме *жениха* разрезают пирог и обедают,

давая тем самым согласие на брак. «*Пропиванки*» прошли — девушка считается засватанной. Назначается день свадьбы.

Накануне свадьбы *невеста* собирает «*гулянку*» (*девичник*), на которую приходят ее подруги и *жених* с друзьями. *Невеста* раздает подарки подругам: вышитые скатерти, полотенца... Девушки поют:

1. Продал вот Манечку боярин,
Ой, люли-люли, боярин.
Он не дорого взял — сто рублей,
За русу косу — сто,
А за ум и за разум — сметы нет,
А такой девочки в свете нет.

«*Когда невеста девок отпотчует, поют*»:

2. Звякнули ложки по столу, по столу,
О, ладо-ладо, по столу, по столу.
По серебряному блюдечку, блюдечку,
О, ладо-ладо, блюдечку, блюдечку.
Манечка подруг кормила, кормила.
О, ладо-ладо, кормила, кормила.
Ивановна потчевала, потчевала,
О, ладо-ладо, потчевала, потчевала:
— Ешьте, пейте, подружки, подружки,
О, ладо-ладо, подружки, подружки.
Больше обеда не будя, не будя,
О, ладо-ладо, не будя, не будя.
Ой, хоть будя — не в мене, не в мене,
О, ладо-ладо, не в мене, не в мене.
А в подружки у моей, у моей,
О, ладо-ладо, у моей, у моей,
А в подружки любимой, любимой,
О, ладо-ладо, любимой, любимой.
А в сястрицы родимой, родимой,
О, ладо-ладо, родимой, родимой.

В день свадьбы в доме *жениха* собирается *свадебный поезд*. *Поезжане* поют:

3. Ой, Ивановы кони,
Ивановы кони подняли голóвы.
Ой, подняли головы —

Дороженьку чуют, дороженьку чуют.
Путь-дороженьку чуют,
У путь у дорогу, у путь у дорогу.
Ой, у путь у дорогу
Ко тестеву двору, ко тестеву двору.
Ой, ко тестеву двору,
К тещиному подворью, к тещиному подворью.
Ой, у тестевых ворот,
У тестевых ворот крута, крута горка.
Ой, крута, крута горка,
Тройкою не взъедешь, тройкою не взъедешь.
Ой, и тройкою не взъедешь,
Парой не рухайся, парой не рухайся.
Ой, парою не рухайся,
Одной не внимайся, одной не внимайся.
Ой, одною не внимайся,
— Стань, конь, под горою, стань, конь, под горою.
Ой, стань под горою,
Не качай головою, не качай головою.
Ой, не качай головою,
Не звякай уздою, не звякай уздою.
Ой, не звякай уздою,
Не давай тестю вести, не давай тестю вести.
Не давай тестю вести,
А теще дозолу, а теще дозолу.
Ой, а теще дозолу,
Вот Манечке слезы, вот Манечке слезы.

Утром в день свадьбы перед приездом *жениха* устраивается *посад невесты*. Если *невеста-сирота*, ей поют:

4. Ивушка моя, ивушка зеленая,
Ивушка зеленая.
Все ли твои отросточки,
Все ли твои отросточки
Все ли твои зеленые,
Все ли твои зеленые
С корня до макушечки,
С корня до макушечки?
Сирота и Манечка

Сирота Ивановна,
Вся ли твоя раденюшка,
Вся ли твоя раденюшка
Посошлась, посъехалась,
Посошлась, посъехалась?
Только нет роденюшки,
Только нет роденюшки
Да родимой мамушки,
Да родимой мамушки.
Ох, родимая мамушка,
Ох, родимая мамушка
Ой, у Бога на небеси,
Ой, у Бога на небеси,
У Христа на престоле,
У Христа на престоле.
Она Богу молится,
Она Богу молится,
У Христа Бога просится,
У Христа Бога просится:
— Ой, спусти меня, Боже,
Ой, спусти меня, Боже,
Э, с небес да на землю,
Э, с небес да на землю,
На сиротскую свадебку,
На сиротскую свадебку,
Поглядеть на свое чадо,
Поглядеть на свое чадо,
Как она наряжена,
Как она наряжена,
На посад посажена,
На посад посажена,
Наряжена как маковочка,
Наряжена как маковочка,
Посажена как сироточка,
Посажена как сироточка.
Сидит она сиротою,
Сидит она сиротою,
Ходит она голубкою,
Ходит она голубкою,

У руках — ширинoчка,
У руках — ширинoчка,
На глазах — слезинoчка.

Невеста сидит на *посаде*. Приезжает *свадебный поезд*. Под «*святыми*» усаживают *золовку*. *Невеста* подает ей пояс, трижды кланяется, садится на лежанку и голосит. Вошедшие *сваты* выкупают место за столом и *косу невесты*. После этого в дом вводят *жениха*. Он и *невеста* занимают место за свадебным столом. Им поют:

5. Господи Боже,
Благослови Кузьму-Демьяна.
Бог нам дал — свадьбу ковали,
Бог нам дал двух молодёнов,
Бог нам дал двух пороженных,
Бог нам дал двух крещеных.
Бог нам дал первое молодёна,
Первое молодёна — Ванечка Петрович,
Другая молодёна
Другая молодёна — Манечка Ивановна.
Ой, дай им, Боже,
Жити-быти до старого века,
До старой головушки,
До седой бородушки.

6. Не всход солнце, не буен ветер рябину качает,
Эй, лели да лелешеньки, рябину качает.
Выходила да вот Наденька, рябину держала,
Эй, лели да лелешеньки, рябину держала:
— Ой, стой-постой, рябинушка, ой, стой, не качайся.
Эй, лели да лелешеньки, стой, не качайся.
Ой, стой, родимая, стой, не колыхайся,
Эй, лели да лелешеньки, стой, не колыхайся.
Да живи, живи вот, Наденька, живи, не печалься,
Эй, лели, лелешеньки, живи, не печалься.
Живи, живи, Наденька, в тоску не вдавайся,
Эй, лели, да лелешеньки, в тоску не вдавайся.
С этой с тоски со кручины выйди за вороты,
Эй, лели, да лелешеньки, выйди за вороты.
Выйди, выйди за вороты, там луги, болоты,

Эй, лели да лелешеньки, там луги, болоты.
Там луги, луги, болоты, шелковые травы,
Эй, лели да лелешеньки, шелковые травы.
У травушки у шелковой — студеный колодец,
Эй, лели да лелешеньки, студеный колодец.
У студеном у колодце — ключева водица,
Эй, лели да лелешеньки, ключева водица,
Ключева водица, Надя молодица,
Эй, лели да лелешеньки, Надя молодица.
Надюшенька молода по воду выходила,
По воду выходила — коромыслы зломила,
Ой, лели да лелешеньки, коромыслы зломила,
Коромысельцы зломила, ведерцы побила,
Эх, лели да лелешеньки, ведерцы побила,
Ведерцы побила, речи говорила,
Эй, лели да лелешеньки, речи говорила:
— Ой, что, коромысельцы, дамно не зломились,
Ой, что, дубовые ведры, дамно не побились,
Эй, лели да лелешеньки, дамно не побились.
А что ты вот, Ванечка, дамно не женился,
Эй, лели да лелешеньки, дамно не женился?
— А я все тебе, Наденька, дамно поджидал я,
Эй, лели да лелешеньки, дамно поджидал я.
А ты, моя Наденька, да все подрастала,
Эй, лели да лелешеньки, дамно подрастала.
Усе, усе подрастала, даров нашивала,
Эй, лели да лелешеньки, даров нашивала,
Даров нашивала, свекра даровала:
— Свекор ты мой, батюшка, прими мои дари,
Эй, лели да лелешеньки, прими мои дары.
Мои дары небольшие: ковры шелковые,
Эй, лели да лелешеньки, ковры шелковые,
Ковры шелковые, скатерти льняные
Эй, лели да лелешеньки, скатерти льняные.
Скатерти альняные, махры золотые,
Эй, лели да лелешеньки, махры золотые.

7. Ох, донная наша речушка широка́я,
Ох, люли, люли, люли, широка́я,

Ох, донная наша быстрая, глубока́я,
Ох, люли, люли, люли, глубока́я.
Как у речушке вода студена́я,
Ох, люли, люли, люли, студена́я.
Подъезжали к этой речке рыболовы,
Ох, люли, люди, люли, рыболовы.
Рыболовы, ребятушки молодые,
Ох, люли, люли, люли, молодые,
Молодые, неженатые-холостые,
Ох, люли, люли, люли, холостые.
Погребали белы снежочки по ледочку,
Ох, люли, люли, люли, по ледочку,
Прорубали прорубочки до водицы,
Ох, люли, люли, люли, до водицы,
Запущали шелков невод до землицы,
Ох, люли, люли, люли, до землицы,
Уловили белую рыбицу все плотицу,
Ох, люди, люли, люли, все плотицу,
На сухой бережочек вытягали,
Ох, люли, люли, люли, вытягали,
На сухой бережочек, на песочек,
Ох, люли, люли, люли, на песочек,
На двенадцать часточек разрубали,
Ох, люли, люли, люли, разрубали,
На двенадцать тарелок раскладали,
Ох, люли, люли, люли, раскладали,
На двенадцать столиков разложили,
Ох, люли, люли, люли, разложили,
На двенадцать столиков дубовыя
Ох, люли, люли, люли, дубовыя,
На двенадцать скатертей альняныя,
Ох, люли, люли, люли, альняныя.

8. Ой, по сеничкам вот Манечка ходила,
[Лели, алель-лей-лели, да ходила,]
Ой, по сенечкам по новым по кленовым,
Лели, алель-лей-лели, по кленовым,
Из кармашек орешек да щелкала,
Лели, алель-лей-лели, да щелкала,

Шелушиночки у жменечку сбирала,
Лели, алель-лей-лели, да сбирала,
У середнее окнушко бросала,
Лели, алель-лей-лели, да бросала,
Она Ванечке по кудрецу попала,
Лели, алель-лей-лели, попала.
Она Ванечке кудрецу поплутала,
Лели, алель-лей-лели, поплутала:
— Ой, Ванечка, светик, оглянися,
Лели, алель-лей-лели, оглянися,
На свою Манечку, ох, побранися,
Лели, алель-лей-лели, побранися,
На свою Михайловну погрозися,
Лели, алель-лей-лели, погрозися:
— Ох, я тебе, да Манечка, супомню
[Лели, алель-лей-лели, да супомню]
На своем на широком на подворье,
Лели, алель-лей-лели, на подворье
У своей у ореховой у клетке,
Лели, алель-лей-лели, у клетки,
На своей на тесовой на кровати,
Лели, алель-лей-лели, на кровати,
На своих на пуховых на перинах,
Лели, алель-лей-лели, на перинах,
Под своей под шелковой одеялой,
Лели, алель-лей-лели, одеялой.
— Позабудешь, Ванечка, позабудешь.
Лели, алель-лей-лели, позабудешь,
За своею за большой хлопотою,
Лели, алель-лей-лели, хлопотою,
За своею за большою суетою,
Лели, алель-лей-лели, суетою.

«*Когда обед отдан, поют*»:

9. Сгуркнула сизая голубка в голубне,
Лей-люли, лелей-люли, в голубне.
Отзывался сизой голубь на Дону,
Лей-люли, лелей-люли, на Дону.
Ой, на Дону да в высоком терему,

Лей-люли, лелей-люли, в терему:
— Ой, чего ты, сизая голубка, сгурковаешь?
Лей-люли, лелей-люли, сгурковаешь?
— Как же мне, да сизой голубь, не гурковать,
Лей-люли, лелей-люли, не гурковать.
Что же мы, сизой голубь, будем пить и есть?
Лей-люли, лелей-люли, пить и есть?
— Есть будем, сизая голубка, пшеничку,
Лей-люли, лелей-люли, пшеничку.
Пить будем, сизая голубка, водичку,
Лей-люли, лелей-люли, водичку...

10. Ой, по лужкам перепелушка шевялить,
Да лелей, лели, лели, шевялить.
Вот Манечка свому батюшке говорить,
[Да лелей, лели, лели, говорить,]
Она свому родимому говорить,
Да лелей, лели, лели, говорить:
— Ох, не [о]тдавай, батюшка, в чужбину,
Да лелей, лели, лели, в чужбину,
В чужбине, мой батюшка, скучно жить,
Да лелей, лели, лели, скучно жить.
Больше того, мой батюшка, не сумею,
[Да лелей, лели, лели, не сумею,]
Больше того, мой родимый, не сумею.
Да лелей, лели, лели, не сумею.
— А я ж тебе, моя милая, ко всему ж приучаю,
[Да лелей, лели, лели, приучаю,]
А я тебе, моя дитонька, приучаю,
Да лелей, лели, лели, приучаю:
Будешь ходить у криницу по водицу,
Да лелей, лели, лели, по водицу.
Будет стоять стара старикова громада,
Да лелей, лелей, лели, громада,
А старых старушек карагод,
Да лелей, лели, лели, карагод,
А молодых же молодушек табунок,
Да лелей, лели, лели, табунок.
А ты ж, моя дитонька, укорися,

Да лелей, лели, лели, укорися.
Низехонько, моя милая, поклониси,
Да лелей, лели, лели, поклониси.
Вот умного отца дочь,
[Да лелей, лели, лели, отца дочь,]
Ой, вумна, разумна у батюшки,
Да лелей, лели, лели, у батюшки.
Учила мене, породила мене матушка,
Да лелей, лели, лели, матушка.
Учила мене, породила мене, родная,
Да лелей, лели, лели, родная.
Учила мене, породила ко всему,
[Да лелей, лели, лели, ко всему.]

Дружки выводят молодых из-за стола. Мать благословляет их иконой, затем разметает дорогу до повозки, в которой должны ехать молодые, и закидывает веник подальше. Первой садится *невеста*. Перед этим она крестится на четыре стороны и кланяется. *Невесте* поют «*Березку*»:

11. Ой, у ворот бела береза стояла,
[Ой лёли, ой лёли, лёли-лёли, стояла.]
Ой, Катечка с подворья съезжала,
[Ой лёли, ой лёли, лёли-лёли, съезжала.]
Она съезжала да белу березу ломала,
[Ой лёли, ой лёли, лёли-лёли, ломала.]
Березу ломала:
— Ой, стой-постой, да бела береза, без верху,
[Ой лёли, ой лёли, лёли-лёли, без верху.]
Постой, постой, мой батюшка, без мене,
[Ой лёли, ой лёли, лёли-лёли, без мене,]
Ой, без мене, без удалой голове,
[Ой лёли, ой лёли, лёли-лёли, голове.]

Вечером молодых благословляет свекровь. Их сажают за стол. Девушке *расплетают косу*, заплетают две. При этом поют:

12. Ой, сваха немка,
[Ой, сваха немка,]
Не мучь нашу девку,
[Не мучь нашу девку.]
Наша девка нежна,

[Наша девка нежна,]
У городе узращена,
[У городе узращена,]
Калачами ускормлена,
[Калачами ускормлена,]
Чаем упоена,
Чаем упоена.

Невесту повивают, сваха приговаривает:

13. Левую косу закладаю
На богатого сына,
Правую косу закладаю
На дородную дочеря.

Затем «*одариваются*»:

14. Ой, вдоль по Дону, Дону, вдоль по тихому Дунаю,
Лели, лели, лели, ай, лелей, лели, лели.
Там и плыли-проплыли а четыре утены,
Лели, лели, лели, ай, лелей, лели, лели,
А четыре утены, а пятая косатая,
Лели, лели, лели, ай, лелей, лели, лели,
А пятая косатая, она назад повернула,
Леля, лели, лели, ай, лелей, лели, лели,
Она назад повернула, д(а) в высок терем заглянула,
Лели, лели, лели, ай, лелей, лели, лели.
Чтой у тереме бают у высокому гутарют,
Лели, лели, лели, ай, лелей, лели, лели,
У высокому гутарют, девки песенки играют,
Лели, лели, лели, ай, лелей, лели, лели,
Девки песенки играют, вот Манечку величают,
Лели, лели, лели, ай, лелей, лели, лели,
Вот Манечку величают Ивановну возвышают,
Лели, лели, лели, ай, лелей, лели, лели.
Вот Манечка молодая всю ноченьку не спала,
Лели, лели, лели, ай, лелей, лели, лели.
Всю ноченьку не спала, усе плакала-рыдала,
Лели, лели, лели, ай, лелей, лели, лели,
Усе плакала-рыдала, все дарочки катала,
Лели, лели, лели, ай, лелей, лели, лели,

Все дарочки катала, сундук новый накладала,
Лели, лели, лели, ай, лелей, лели, лели,
Сундук новый накладала, на ем скобы, скобы золотые,
Лели, лели, лели, ай, лелей, лели, лели,
На ем скобы золотые, а замочки [о]ловянны́е,
Лели, лели, лели, ай, лелей, лели, лели,
А замочки [о]ловянны́е, а ключики винтовые,
Лели, лели, лели, ай, лелей, лели, лели.
[О]на не год, не два его клала, за [о]дин вечер раскатала,
Лели, лели, лели, ай, лелей, лели, лели,
За [о]дин вечер-вечерочек: она свекру — рубашку,
Леля, лели, лели, ай, лелей, лели, лели,
Она свекру — рубашку, а свекрови — другую,
Лели, лели, лели, ай, лелей, лели, лели,
А свекрови — другую, а другую альняную,
Лели, лели, лели, ай, лелей, лели, лели.
Деверечкам — по порточкам, деверечки — по валечку,
Лели, лели, лели, ай, лелей, лели, лели,
А золовкам — по ленточкам, а золовки — по сеточкам,
Лели, лели, лели, ай, лелей, лели, лели.

«*Дары отдарки любят: отдарились и все*».

ПРИМЕЧАНИЕ

Описание свадебного обряда выполнено Л.Е. Фетисовой по экспедиционным материалам, хранящимся в архиве Дальневосточного научного центра РАН: ф. 13, оп. 1, № 136. Записали Е.С. Громова, Н.Н. Менцер, Л.М. Свиридова, Л.Е. Фетисова в 1967 г. в д. Синиловке Октябрьского р-на Приморского края от П.М. Селютиной, 1907 г.р., Л.И. Селютиной, 1918 г.р., В.Т. Новиковой, 1936 г.р., Е.А. Боровской, 1912 г.р.

Песни № 2, 3, 6—12, 14 опубликованы в кн.: У ключика у гремучего: Дальневосточный фольклор / Сост. Л.М. Свиридова. — Владивосток: Дальневосточн. кн. изд-во, 1989. По этому же изданию реконструированы отдельные припевы.

Обычно в песнях, подобных № 1, имеет место нарастающая гипербола: *сто — тысяча — сметы нет.*

Грома́да — общество, мирская сходка.

ДОПОЛНЕНИЕ II

ПОХОРОННО-ОБРЯДОВАЯ ПРИЧЕТЬ СТАРООБРЯДЦЕВ ЗАБАЙКАЛЬЯ КОНЦА XX В.

Во многих регионах традиция похоронной причети (*плачи, голошения, вопы*), имеющая в своей основе древние славянские корни, утрачена или находится на грани исчезновения. Экспедиционные исследования в Забайкалье показали, что у старообрядческого населения (семейских) в конце XX в. обрядовая похоронная причеть сохранилась в живом бытовании, хотя и здесь она переживает процесс затухания. Будучи приверженцами старины, семейские, выселенные в Забайкалье в 1760-е гг. за пределы европейской части России, Белоруссии, Украины за «*раскол*», стали хранителями традиционных обычаев и обрядов, отличаясь и в конце XX в. своим культурно-бытовым укладом[1].

По рассказам старожилов населенных пунктов Тарбагатайского (села Десятниково, Тарбагатай), Мухоршибирского (села Гашей, Куготы, Никольское, Шаралдай), Хоринского (с. Хасурта) районов Республики Бурятия, Урлукского района (г. Петровск-Забайкальский) Читинской области, вплоть до 70-х гг. XX в. ритуальное оплакивание умершего было необходимым актом похоронного обряда, в конце XX в. — стойким, но не всегда обязательно соблюдаемым обычаем. Первое описание причитаний на могилах близких в селах Забайкалья привел в середине XIX в. Н.И. Кашин: «На каждой могиле на кладбище можно увидеть по одной или по две женщины... Эти женщины бросаются на могилу своего родственника и с плачем причитывают добродетели покойного и проч.»[2]. Описанный ритуал оставался здесь практически неизменным вплоть до конца XX в.: «*Подходють* (на кладбище. — *Т. М.*) *кажный к своему и голосят. Голосят кажный разным голосом*» (С.А. Варфоломеев, 1930 г.р., с. Никольское).

---

[1] *Болонев Ф.Ф.* Семейские. — Улан-Удэ, 1992. — С. 6.

[2] Цит. по изд.: *Азадовский М.К.* Ленские причитания. — Чита, 1992. — С. 4.

Целенаправленные полевые исследования традиции похоронной причети в старообрядческих селах Забайкалья начались в 1990-е гг. и продолжаются экспедициями ИМБиТ СО РАН. До этого имелись лишь отдельные свидетельства бытования здесь жанра похоронной причети, если причитания и записывались, то не публиковались.

На жизнестойкость жанра причети в семейских селах и хорошую сохранность традиционной похоронной обрядности в 1960 г. обратила внимание Н.И. Савушкина. Во время фольклорно-этнографической экспедиции по старообрядческим селам Забайкалья, организованной Институтом истории искусств и Институтом этнографии РАН, в с. Большой Куналей, наряду с произведениями других жанров фольклора, ею было записано семь текстов причети от одной плакальщицы — К.П. Морозовой, 55 л.[3].

В с. Куйтун Тарбагатайского района участники экспедиции по старообрядческим селам Бурятии под руководством хореографа Е.В. Рудневой и этномузыковеда М.А. Енговатовой, исследуя музыкальный и хореографический фольклор семейских в августе 1977 г., стали свидетелями похорон 90-летнего старообрядца. Несмотря на то, что ритуальное оплакивание покойника внешне противоречит свято соблюдаемым старообрядцами православным погребальным канонам, а также их собственному запрету оплакивать мертвых, собиратели зафиксировали «чин отпевания и плачи, которые исполнялись одновременно при прощании в доме, а также голошения на могиле» умершего[4].

В 1981 г. фольклористы ИМБиТ СО РАН в г. Петровск-Забайкальский Читинской области работали с талантливой песенницей и плакальщицей М.А. Андреевой и ее братом Ю.А. Максимовым (уроженцами с. Урлук Красночикойского р-на Читинской обл.). По сведениям собирателей, «*голосить*» вне ритуала М.А. Андреева отказалась. Ю.А. Максимов, много раз слышавший причеть в исполнении сестры, воспроизвел ее для записи (№ 323, 367; доп. II, № 1, 26, 32).

О бытовании похоронной причети в семейских селах Забайкалья в конце 1990-х гг. свидетельствуют участники комплексных диалектологических экспедиций Т.Е. Юмсунова и А.П. Майоров, собиравшие материал по обрядовой лексике[5].

---

[3] *Савушкина Н.И.* Народное устно-поэтическое творчество в русских селах // Быт и искусство русского населения Сибири. — Новосибирск, 1975. — Ч. II: Забайкалье. — С. 117. Тексты не опубликованы; указаний на место хранения нет.

[4] См. коммент. М.А. Енговатовой в журн.: Живая старина. — 2000. — № 1. — 2-я стр. обл.

[5] *Юмсунова Т.Б., Майоров А.П.* Обряжение и проводы покойников у семейских Забайкалья // Живая старина. — 2000. — № 1. — С. 10—13.

Жанр плача соединил в себе отработанные практикой голошения песенную традиционность в поэтике и напеве, четкую композиционную структуру, основные мотивы, с одной стороны, а с другой — эмоционально выраженнное отношение к происходящему, импровизационное построение сюжета на конкретных жизненных фактах. «*Голосили как слышали раньше, да и как сердце подсказывало*» (Е.П. Калашникова, 1915 г.р., с. Куготы). Семейские терминологически различают две формы словесного выражения чувств над телом покойного: «*голосить*» — исполнять причеть по типу протяжной песни, следуя традиционной мелодике, и «*причитывать*» — словесно выражать чувства печали. Противопоставление относится прежде всего к той группе населения, которая проживает вблизи старообрядцев. В с. Куготы Мухоршибирского р-на в противовес голошению семейских ставится причитание казаков: «*Только семейские голосят, причитывают казаки*» (Т.С. Калашникова, 1958 г.р., с. Куготы). В Тарбагатайском районе причитывание сибиряков, проживающих недалеко от старообрядцев Тарбагатайского р-на. В с. Хасурта Хоринского р-на — приговаривание карымов: «*Карымы хоронят, они только приговаривают, говорят, как разговаривают, а семейские голосят, как песню поют*» (П.А. Филиппова, 1929 г.р., с. Хасурта). Поэтому вполне логично для обозначения причети употребление отглагольного существительного *голошение* (созвучно белорусскому (*галашенні*); в словах *голоси́ть*, *голошу́* ударным является третий слог, а в других его формах (*голо́сит*, *голо́сят*) — второй. К обрядовому оплакиванию покойника у семейских также двойственное отношение: с одной стороны, ритуальное причитание и оплакивание покойника являются обязательным актом похоронного обряда, с другой — издревле существует запрет плакать на похоронах, семейские верят в губительную силу слез. В селах Мухоршибирского района нами записаны многочисленные рассказы о том, почему слеза не должна упасть ни на покойника, ни на гроб, ни на могилу умершего родственника: сколько слез упадет на могилу или на гроб покойника, столько ведер воды ему придется носить на себе в его вечной жизни. Из-за чрезмерных страданий и слез живых покойный будет лежать в воде или сырости в своем «посмертном жилище». И тогда во сне он будет приходить и жаловаться на свою невыносимую жизнь в загробном мире: «*Одна женщина все ходила плакала. Потом муж ей приснился и говорит: "Не ходи не плачь: у меня полный гроб слез, я все время в воде лежу"*» (Е.С. Павлуцкая, 1940 г.р., с. Шаралдай). И в то же время умерший должен знать, как о нем тоскуют и страдают: «*Похвально, что о нем хорошо голосят. Существует такое, что если*

не голосили, то о покойнике мало плакали» (П.Е. Калашникова, 1936 г.р., с. Куготы).

Некогда ритуальное оплакивание покойника, чтобы он не страдал от слез близких, исполнялось нанятой плакальщицей, «*купленные*» слезы уже не могли нарушить могильного покоя умершего[6]. В дальнейшем первоначальный смысл приглашения плакальщиц был утрачен. В старообрядческих селах Забайкалья не принято было зазывать плакальщиц на похороны, считалось позором причитывать у чужих. Это отметила и Н.И. Савушкина[7]. В селах Шаралдай и Куготы нам рассказывали о том, что хороших плакальщиц все же приглашали, ценя их высокое искусство: «*Браво голосит*», но это были известные своим исполнительским талантом соседи, родственники, т.е. близкие люди. Нередко одинокий человек при жизни просил хорошую плакальщицу причитать, «*заказывал ее для себя*». В с. Куготы П.Е. Калашникова, зная наперед, что оплакивать ее будут все дети, причитать по ней наказала одной из своих дочерей, которая хорошо поет, и даже написала текст, который почти идентичен записанной от нее ранее причети (см. доп. II, № 3):

Родимая ты моя мамонька,
И куда же ты так бравенько снарядилась?
И к кому же мы теперь придем,
И кто-то нас так бравенько встретит,
И кто-то нам вкусненько постряпает,
И свяжет носочки?
И знала бы ты, моя мамонька,
Как нам тяжелешенько.
И куда-то я ни пойду —
Всюду твои приметочки,
Остаются-то часы и какие-то минуточки.
И не увидим-то мы тебя больше,
И не услышим твоего голосочку...
И как же мы с тобой расстанемся?
И, мамонька, ты моя кормилица,
И не посуди-ка ты нас,
И как мы за тобой поухаживали.

У старообрядцев Забайкалья до недавнего времени соблюдался запрет на причеть по умершим детям, причем наиболее строго — в отношении младенцев, умерших до крещения. Считается, что новорожденные еще не закрепились в мире живых и могут вернуться в мир предков. У семейских существует поверье о том, что оплакиваемые дети

[6] *Котляревский А.* Погребальные обычаи славян. — М., 1868. — С. 215.
[7] *Савушкина Н.И.* Народное устно-поэтическое творчество... — С. 216.

возвращаются в мир живых, чтобы забрать с собой жизнь новорожденных братьев и сестер или навлечь на них болезни.

Не оплакивали, не отпевали, не хоронили на общем кладбище самоубийц, утопленников и людей, умерших не своей смертью, «*клали их возле забора. Грех*» (А.А. Шамарина, 1927 г.р., с. Никольское). Здесь «*грешников*» (так их называют семейские) опасались и по возможности старались не участвовать в их похоронах; голосить по ним считалось большим грехом.

Велика сила воздействия причети на окружающих: «*Стоит только заголосить — все заплачут*» (П.Е. Калашникова, 1936 г.р., с. Куготы); «*Сердце разрывается, когда слышишь, как голосят*» (Н. Калашникова, 1973 г.р., г. Улан-Удэ).

Семейские полагают, что покойный может услышать все, что ему или о нем говорится: «*Три дня, говорят, он слышит, душа отходит, а он вроде еще в сознании и он остается в себе. Он чувствует родственников*» (Е.С. Павлуцкая, 1940 г.р., с. Шаралдай). Поэтому и весь похоронный обряд направлен на то, чтобы не только оказать должные почести умершему, но и помочь душе покинуть этот мир. Существует целая система правил поведения живых при покойном с момента смерти и до ее годовщины. Переступая границу земного и потустороннего миров, умерший, вернее, его душа, по представлениям семейских, пребывает в пространственном пограничье. В похоронной обрядности межпространственное время четко регламентировано — это 3, 9, 40-й ритуальные дни, когда душа умершего якобы пересекает временные границы для продолжения своего вечного существования в неограниченном временном пространстве. Со смертью человека, по представлениям семейских, земное время перестает существовать для него. Следовательно, умерший уже не принадлежит земному миру, пребывает в остановленном вневременном мгновении, и весь похоронный обряд в своей динамике находится вне нормального земного времени (в предметном мире это обозначено остановкой часов). Подчиненность реального временного цикла обрядовому в данной местности носит общинный характер: жизнь всего села в сакральные дни регламентируется обрядовым временем. В этих условиях похоронные ритуалы превращаются в обрядовую драму, ограниченную пространственно-временными рамками, с действующими лицами, зрителями (участниками церемониала), которые превращали ее в общественный акт. Строгое соблюдение сюжетного развития способствовало сохранению многих магических действ, символов: в причети — это устойчивые поэтические образы, на поминках — ритуальные блюда:

кутья из пшеницы, оладьи с медом, хлебный квас, последнее подаваемое блюдо — рисовая каша, называемая «*выгоном*» — «*символ достатка, плодородия и вечной жизни*»[8]. Значение этих блюд как символов плодородия и вечной сущности бытия забылось, но традиция точно соблюдается и оберегается общественным мнением.

Причеть как неотъемлемая часть похоронного обряда семейских исполняется по определенным, устоявшимся правилам. Причитания, сопровождающие тот или иной этап похоронного обряда, тематически ему созвучны, а содержание текста соотносится с соответствующим обрядовым действом.

После того, как «*соберут*» умершего (обмоют, оденут, положат на лавку), причитывают (записано в г. Петровск-Забайкальский Читинской обл. от Ю.А. Максимова, 1950 г.р.):

Ой, лежишь да ты на лавочке во всем новеньком,
Ой, эту одежоночку, ой, сшила-то ты ее на свою смерепушку.
(ИМБиТ СО РАН, № 2315, п. 1, л. 179)

Кладя покойника в домовину, причитают (записано Т.И. Матвеевой в р.ц. Тарбагатай Бурятии от М.П. Матвеевой, 1934 г.р.):

Состроили тебе домочек без окон, без дверей,
Теперь не приедешь, родимыя мамынька,
Не увидим, не услышим.
(ИМБиТ СО РАН, № 2624, п. 1)

Слово *гроб* не употребляют, вместо него — *домовина*. «*Гробы-то не делали, долбили из лесины. Лесина называлась домовина. Ее не красили, не оббивали*» (А.М. Варфоломеева, 1928 г.р., с. Никольское). «*Выдалбливали домовину побольше, а крышка полегше. Сантиметра два будет* (толщиной. — *Т. М.*). *А этот* (дно. — *Т. М.*) *весь выдолбят, она* (домовина по отношению к гробу. — *Т. М.*) *ешо легче будет. Палати некоторые делали. Домовину туда* (в могилу. — *Т. М.*) *поставят, туда кол поставят, сюда кол, доску положат*» (С.А. Варфоломеев, 1930 г.р., с. Никольское).

В некоторых старообрядческих селах отмечен запрет голосить прежде, чем положат умершего в домовину. В с. Шаралдай Мухоршибирского района: «*Когда в домовину положат, вот тогда только можно. Когда*

[8] *Болонев Ф.Ф.* Проблемы продуцирующей магии в свадебных и календарных обрядах русского населения Восточной Сибири (вторая половина XIX — начало XX в.) // Общественный быт и культура русского населения Сибири. — Новосибирск, 1985. — С. 34.

соседи приходят, передают поклончик. Это уже, когда свои все отголосят, потом уже соседи подходят. Раньше не имеют права» (Е.С. Павлуцкая, 1940 г.р., с. Шаралдай). Начинают голосить старшие, чаще всего это хозяйка дома, которая призывает посетителей подойти к умершему, попрощаться с ним.

Содержание причитаний при положении в гроб традиционно строится на рассказе о покойном, воспоминаниях о нем. «*Вот приходит соседка, и ты начинаешь голосить, что вот как он у тебя умер или еще там, соседей как бы извещаешь*» (П.Е. Калашникова, 1936 г.р., с. Куготы). Причитания повторяются, эмоционально усиливаясь с приходом новых посетителей, в содержание вводятся новые детали, отражающие связь с вновь прибывшими.

При выносе из дома звучат причитания иного содержания (записано Т.И. Матвеевой в с. Никольском Мухоршибирского р-на от В.Д. Третьяковой, 1922 г.р.):

И поедешь ты в дальнюю дороженьку,
Оттуда никогда не вернешься к нам.
(ОПП, № 2624, п. 1)

В причетах, связанных с выносом покойника из дома, неизменно присутствует *мотив прощания с домом*, охраняющим и ограждающим жизнь внутри себя. Даже в современных причитаниях хорошо просматривается «*пограничная зона*»: двор — связь «*собственно жилой части*» с пространством иного порядка. Дом, где совершается обряд и откуда начинается «*путешествие*», является одним из концептов причети[9]. В Забайкальских голошениях символика «домашности» усилена многократным подчеркиванием оберегающей функции дома живых, где совершается обряд и откуда начинается «путешествие».

Собираются выносить тебя, мамынька,
Из дому, где ты так долго прожила.
Ой, теперя распрощайся с четырьмя стенами...
Ой, посмотри на стеночки...
(Доп. II, № 1)

Общим местом для этой группы, как и для других, являются риторические вопросы: «*Куда ты отправляешься?*», «*В какую путь-дороженьку собрался?*», а также благодарность окружающим за помощь и участие.

[9] *Невская Л.Г.* Балто-славянское причитание: Реконструкция семантической структуры. — М.: Наука, 1993. — С. 11, 14.

Во дворе голосят:

Ты мамонька родимая,
И как-то мы теперь будем жить
Да горюшко мыкать?
Да запустела наша теперь хоромь
И широкое подворьюшко
.....<*неразб.*>.....
Ты не приедешь-то к нам, не придешь,
И как-то мы только будем жить, горьки сиротки,
И не будет-то теперь у нас мамы,
И нету-то у нас и батеньки...

(Доп. II, № 2)

В плаче, исполняемом по дороге на кладбище, примечателен *образ дороги*: подчеркивается ее однонаправленность от родного дома (туда, откуда нет возврата).

Ой, ты таперь не приедешь, не-(е) придешь...
Туда-то дороженька открыта,
А оттель-то никто не придет.
Туды-то дорога широкая...
Не приедет и письма не пошлет...

(Доп. II, № 15)

По пути к кладбищу процессия останавливается у ворот родственников, возле места работы: умерший как бы прощается с близкими ему людьми. «*Раньше около церкви останавливались. Мимо церкви никто не проносил*» (С.А. Варфоломеев, 1930 г.р., с. Никольское). При подходе к кладбищу в причетах звучит *мотив встречи с «родителями»* (т.е. всеми умершими родственниками) *«на том свете»*: «*Всех умерших зовут. Они ждут. Там-то* (при выносе из ворот дома. — *Т. М.*) *вот: закройтесь вроде ворота, а там* (при подходе к кладбищу. — *Т. М.*) *вроде откройтесь*» (Е.С. Павлуцкая, 1940 г.р., с. Шаралдай). Кстати сказать, семейские место захоронения называют не кладбищем, а *«могилками»*: «*Раньше кладбищем не называли. Это конские кладбища, а у людей — могилки*» (Т.П. Калашникова, 1909 г.р., с. Куготы).

Кладбище — конечная цель путешествия умершего в сопровождении живых и начало нового, неизвестного для живых жительства в мире мертвых.

Ой, встречайте-ка вы мою родимую сестру.
Зачем-то вы ее сюда сманили,
Зачем же вы ей не дали
Ешо маленько пожить?

(Доп. II, № 28)

Завершающий этап — причитания при опускании гроба в могилу, *основным мотивом* которых является *обещание навещать могилу.*

После возвращения с кладбища голошения прекращаются. Обычай запрещал старообрядцам после похорон ходить на могилу и голосить. «*До сорока дней на кладбище не ходили. На девять дней помянут. На сорок дней, к Родительскому дню и на Пасху ходят. До сорока дней душа определяется, ее принимают там, она борется; чтобы ее пустяками не раздражать и чтобы не мешать ей там. Как она куда определится*» (Е.С. Павлуцкая, 1940 г.р., с. Шаралдай). На памяти пожилых людей время, когда «*вообще не ходили на кладбище. Раньше вот умрешь и все*» (Н.А. Шамарина, 1927 г.р., с. Никольское).

Запрещено было устанавливать оградки на могилах: «*Это щас же ограду делают, тумбы. А раньше только один крест ставили. Больше ничего. Вот он должон на страшный суд с гроба вылезти, гроб забрать и крест. А теперь как он потащишит? Оградка вон какая жалезная*» (С.А. Варфоломеев, 1930 г.р., с. Никольское). Если оградки все же ставились, то калитку до сорока дней оставляли открытой, чтобы душа могла свободно перемещаться. Необходимо отметить и другую, оберегающую, роль оградки. Считалось, что если в доме в течение сорока дней произошло несколько смертей, то на оградку вешался замок, и покойник уже не мог забрать с собой близких. Замок также вешался на оградки грешников и людей, при жизни, по мнению сельчан, занимавшихся колдовством.

На старых кладбищах семейских сохранились могилы с *надгробными камнями* (см. цв. вкл.). По словам Е.С. Павлуцкой из с. Шаралдай Мухоршибирского района, раньше в дом, где находился покойник, заносили камень и ставили его под иконостас. После сорока дней камень вывозили на кладбище и устанавливали на могиле покойника. Душа, по поверию, «спасалась» в этом камне. В с. Куготы этого же района нам объясняли, что это для того, чтобы умершему на том свете легче было нести камень. Первоначальный смысл установки надгробных камней со временем претерпел изменения, но действия остались неизменными. Наряду с камнем на старых могилах семейских встречаются *колодки* — часть дерева, использованная при изготовлении домовины, *голубцы* — двускатные домики (см. цв. вкл.). Со временем на могилах стали устанавливать *кресты* (см. цв. вкл.).

Помимо похорон, причитали на кладбище также в ритуальные дни: на сороковой день, в годовщину и в поминальные — родительские дни. На кладбище надо ходить до обеда, «*потому что до обеда слышат покойники*» (Е.М. Кононова, 1940 г.р., с. Куготы)

А ты к мене не ходишь,
Третий-то я годочек хожу,
А ты к мене ни раз не пришел.
(Доп. II, № 16)

В старообрядческой среде, кроме похоронных и поминальных, бытуют причитания внеобрядовые, которые исполняются в трудные для человека периоды жизни (№ 366, 367, доп. II, № 36). Сюжетная тематика неритуальных причитаний разнообразна и строится в зависимости от ситуации, вызвавшей причитание. К таким ситуациям относятся несчастные случаи (наводнение, засуха, падеж скота, болезнь своя или близких). Ситуативные причитания исполняются также о тяжелой участи плакальщицы — под настроение. Мелодическая форма необрядовой причети, манера исполнения соответствуют традиционным канонам жанра.

В похоронных и поминальных причитаниях семейских сохранились относительно устойчивые поэтические образования, которые в сочетании с мифологизированным предметным миром ритуального контекста отражают миропонимание старообрядцев. Интересной в этом отношении, например, представляется смысловая нагрузка такого обыденного предмета, как зеркало. Старообрядцы Забайкалья до сорока дней, пока «*душа не определилась*», зеркала в доме, где был покойник, закрывают, как это делают повсеместно русские. Считается, что через него осуществляется связь с потусторонним миром. В семейских селах зафиксировано несколько предположений, связанных с закрыванием зеркала. Почти все, кому был задан вопрос (в селах Куготы, Шаралдай, Никольское, Тарбагатай), считают, что в зеркале живые могут увидеть душу покойного, или душа умершего может увидеть свой образ в отражении. Распространено также мнение, что душа может разбиться о зеркало при попытке улететь (Л.И. Володина, 1982 г.р., с. Шаралдай), живой человек может вызвать смерть, посмотревшись в зеркало (П.Е. Калашникова, 1936 г.р., с. Куготы). Встречается и такое объяснение, что «*зеркало — это сатана смотрится*» (Е.С. Павлуцкая, 1940 г.р., с. Шаралдай).

Как уже отмечалось, поэтический *образ дороги* является одним из главных символов в содержании голошений. Из опроса в с. Куготы Мухоршибирского района выяснено, что полотенца, на которых несут домовину, символизируют дорогу на тот свет. Они, по поверью, обладают и целительной силой, оберегом: после погребения полотенца разрываются на части и раздаются немощным, больным людям. Лечебное свойство приписывается и оставшейся от пошива савана ткани. В с. Десятниково Тарбагатайского района рассказали, что уставщица Анна, ког-

да шьет саван, отрезает кусок материи и повязывает им поясницу. Использовали для лечения «*веревки — ноги связывают, чтобы не разошлись, и вот тоже у кого руки болять, тоже для лечения*». (Н.А. Шамарина, 1927 г.р., с. Никольское). Лечебным свойством, по рассказам, также обладает и мыло, которым обмывали покойника; «*Когда бабушку хоронили и мыло кому-то отдали. Когда человек болел, мылом помоешься, и хоть голова болит, или руки болят*» (Е.М. Кононова, 1940 г.р., с. Куготы). «*А мылом етый хорошо мыть руки или ноги. Вот мертвец, у него ничо не болит и ты болеть не будешь*» (А.Н. Шамарина, 1927 г.р., с. Никольское). Приписывается мылу (и не только у семейских) охранительное для подсудимых и заключенных в тюрьме свойство — существенная бытовая деталь для края каторги и ссылки, каким являлось Забайкалье.

В современной похоронной обрядности семейских определенное значение придается дверям и окнам, они раскрываются сразу же после смерти человека. Семейские полагают, что постепенный переход умершего в потусторонний мир, границы которого с наступлением смерти открываются, ограничен сорока днями — обрядовым временем, в этот промежуток душа пересекает обрядовое и переходит в вечное природное время. В причети наблюдается мотив противоположного смысла, который на первый взгляд противоречит обрядовым действиям, направленным на то, чтобы покойник не возвратился и не тревожил живых: высказывается *сожаление о невозможности встретиться в этом мире*, а иногда и *просьба вернуться*:

Откройся, мать земля,
Ой, откройся ж ты, гробова доска.
Посмотри на меня, родимыя маменька...
Ой, стань ты, пробудися...

(№ 323)

Это риторическое восклицание — клише, которое встречается и в песнях балладного типа. Но в причети, рассчитанной на слушателей, и в еще большей степени — на покойника, оно является своеобразным этикетом общения с покойным.

Связь окна с потусторонним миром раскрывает записанный в с. Шаралдай *обряд мнимой продажи ребенка*. Когда в семье «*не держались*» (умирали) дети, совершался обряд обмана смерти. Заранее договаривались со странником или чужим человеком (часто это были нищие или бродяги) и отдавали ему через окно ребенка, вернее «*продавали*», что означало все грехи «отдать в окно». Затем странник заворачивал этого

ребенка в свои лохмотья, пачкал его грязью и уже через дверь вносил *«новенького»*, как бы другого ребенка, своего. При этом странник просил разрешения войти в дом: *«Дворовой, дворовая, домовой, домовая, примите раба Божьего не на ночь ночевать, а век вековать»* (Е.С. Павлуцкая, 1940 г.р., с. Шаралдай). Эта формула принадлежит *обряду заселения в новый дом.* Отданный через окно другому миру младенец возвращается через дверь уже в другом качестве, как подкидыш — Божий младенец, поэтому от него нельзя было отказываться, и принимать его надо как дар Божий. Ребенок, выйдя через окно, после данного ритуала порывал связь с потусторонним миром, становился «своим». В с. Куготы Мухоршибирского района этот же обряд был записан от двух сестер (оставшихся в живых из 11 детей), которых таким образом спасли от *«смерётных сетей»*. По свершении обряда с целью обмана смерти сестрам дали созвучные мужским имена: Александра и Степанида.

В старообрядческих селах Забайкалья существует запрет наблюдать за похоронной процессией через окно, запрет подавать или принимать что-либо через окно.

Обереги и связанные с ними запреты — наиболее устойчивые элементы похоронной обрядности. Они начинают себя проявлять с момента приготовления умирающего к смерти. Человек не должен умирать на подушке: *«...за кажное перышко тама в ответе, подушку выбрасывают из-под головы...»* (Е.П. Калашникова, 1915 г.р., с. Куготы). В похоронном обряде подушка выступает не в своем обиходном значении, а в ритуальной, символической функции; она в данном случае для умершего имеет вредоносный характер.

В силу своей устойчивости хорошо сохранился в старообрядческих селах Забайкалья и повсеместно строго соблюдается запрет оставлять покойника одного в доме, о чем свидетельствуют широко распространенные устные рассказы, повествующие о последствиях нарушения запрета. Умерший находится в состоянии перемещения в мир предков, меняется его статус из «своего» в «чужого», он уязвим и беззащитен для темных потусторонних сил. В этот период рядом с покойным в качестве оберега должны быть живые люди.

У семейских в представлении о смерти существенная роль отводится связанной с миром мертвых птице как вестнице приближающейся смерти. Во время похоронного обряда на могилу умершего рассыпается зерно, хлеб, пасхальные яйца — угощение душам умерших (см. цв. вкл.).

Традиционно устойчивым в фольклоре славян является *образ кукушки* — одинокой птицы, рыдающей и тоскующей. *«Раньше старики гово-*

рили, кукушка взядена с человека. Рассерженная мать прокляла кукушкой провинившуюся дочь» (Н.И. Баннов, 1930 г.р., с. Тарбагатай). В Мухоршибирском районе нам рассказывали, что кукушка наказана Богом, проклята роковая птица, так как свила гнездо в Благовещение, поэтому навеки осталась без рода, без дома. Своих птенцов она подкидывает в гнезда других птиц; оплакивает как свою, так и чужую горькую долю. С этой птицей ассоциируется у семейских тоска по умершему близкому человеку. «*Закукует-то серая кукушечка, // Заболит-то мое сердечко ретивое...*» (П.Е. Калашникова, 1936 г.р., с. Куготы). «*Когда закукует серая кукушечка, // Залетная пташечка, // Закукуем-то мы за ей, // Наша помощница...*» (В.А. Шадрина, 1910 г.р., с. Шаралдай). «*Закукует-то серая кукушечка, // А я ешо боле буду куковать*» (Е.П. Калашникова, 1915 г.р., с. Куготы).

В местной речи *куковать* означает голосить, жаловаться на «*чежелу судьбинушку*». Кукушка находится как бы на пороге двойного бытия, границы которого открыты для ее свободного перемещения, поэтому ей приписываются свойства вещуньи жизни-смерти. В с. Никольском Мухоршибирского района нами был записан обряд, связанный с предсказанием жизни — смерти: «*...Надо, чтобы человек потный был, сымаешь с себе пояс, раньше же все подпоясанные были, вот этот пояс сымаешь, обхватываешь лесину кругом и: "Кукушка, кукушка, сколько мене лет жить?" — и она начинает куковать, а ты начинаешь считать*» (С.А. Варфоломеев, 1930 г.р., с. Никольское).

Помимо других поверий, семейские считают, что в образе кукушки возвращается из *чужого края* (т.е. потустороннего мира) на *родную стороночку* умерший близкий родственник (чаще умершая дочь). Женщина, увидев кукушку у своего дома, начинает причитать: «*Не ты ли, моя доченька, возвратилася? // Поплачь, поголоси вместе со мною о горькой доле моей*» (Е.П. Калашникова, 1915 г.р., с. Куготы). «*Посмотри-ка, как кукует серая кукушечка — // Заболело-то мое сердце: // Это не ты ли, моя мамынька, превратилась в кукушечку?..*» (см. доп. II, № 11). «*Голосить с кукушечкой*» — часто употребляемое выражение: завидев *роковую птицу*, женщина, которая потеряла близкого человека, невольно начинает голосить. Пение кукушки воспринимается как плач, вызывая подсознательно желание причитать. Кукование, прерываемое причитанием плакальщицы, напоминает диалог: «*Как только я заголошу, она перестает, вроде как слушат меня, я перестаю — она опять начинат, будто разговариват, а мне ешо горчее от этого...*» (Е.П. Калашникова, 1915 г.р., с. Куготы).

Публикуемые тексты причитаний отражают причетную традицию последних десятилетий XX в. одной локальной группы — старообрядцев Забайкалья. Многое из похоронно-поминальной обрядности ушло безвозвратно, не осталось и свидетелей, чтобы восстановить все утраченные звенья, но даже и то, что сохранилось в живой традиции или в воспоминаниях местных знатоков, дает представление об основных элементах этой обрядности.

Т.И. Матвеева

ГОЛОШЕНИЯ ПО МАТЕРИ

1

Собираются выносить тебя, мамынька,
Из дому, где ты так долго прожила.
Ой, теперя распрощайся с четырьмя стенами.
Ой, как же ты любила,
Чтоб у тебя все чистенько-то было.
Ой, посмотри на стеночки,
Кто ж теперь их приберет-то, вымоет.
Ой, во дворе... ты посмотри на родимый свой двор.
Ой, попрощайся с белым светом, с солнцем, с нéбым.
Ох, зароют глубоко — не видать, там темно.
Посмотри же ты на своих друзей-подруг,
Ой, добрые вы люди, распрощайтесь с маменькой,
Не увидите вы ее здесь, не услышите голосочка.
Ой, спасибо же, люди добрые,
Что пришли нам помочь в таком горюшке,
Ой, не приведи же такое горюшко никому.

2

Милая ты моя мамонька,
Куды ты собралася в путь-дороженьку,
И пошто ты нас покинула, ты нас бросила?
И как-то мы будем таперь жить
Да горюшко мыкать,
И кто-то нам придаст ума-разума?
И нет-то таких и лавочек,
Не продают-то мамочку.
И мамонька ты моя кормилица,

Ты мамонька родимая.
И как-то мы таперь будем жить
Да горюшко мыкать?
Да запустела наша таперь хоромь
И широкое подворьюшко
.....<*неразб.*>.....
Ты не приедешь-то к нам, не придешь,
И как-то мы только будем жить, горьки сиротки,
И не будет-то таперь у нас мамы,
И нету-то у нас и батеньки...
...<*3 строки неразб.*>...

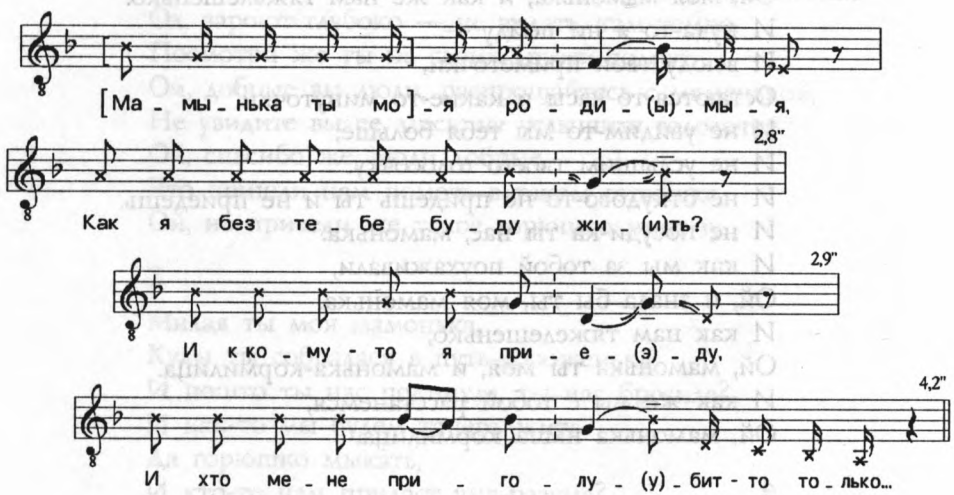
3

Ой, родимая моя ты мамонька,
И куда же ты от нас собралась-то,
И куда же ты так бравенько снарядилась?
И к кому-то мы теперь придем,
И кто-то нас так бравенько ворешит,
И кто же нам постряпает,
И кто же нам свяжет носочки?
И знала бы ты, моя мамонька,
Ой, моя мамонька, и как же нам тяжелешенько.
И куда-то я ни пойду —
И всюду твои приметочки,
Остаются-то часы и какие-то минуточки,
И не увидим-то мы тебя больше,
И не услышим твоего голосочку.
И не откудово-то не придешь ты и не приедешь.
И не посуди-ка ты нас, мамонька.
И как мы за тобой поухаживали,
Ой, и знала бы ты, моя мамонька,
И как нам тяжелешенько,
Ой, мамонька ты моя, и мамонька-кормилица.
И как же мы с тобой расстанемся,
Ой, мамонька наша кормилица.

4

Ой, родимая ты моя мамонька,
И на кого же меня бросила,
Горькую-злосчастную?

Ой, и куды же то я прейду,
И с кем же поговорю?
Бувало-то я иду с работы,
Забегаю к своей родимой мамоньке,
И расскажу-то я тебе усе,
Что на работе вышло,
И выпью-то я у тебя стаканчик чаю.
А таперь-то я к кому приду,
Родимая ты моя мамонька.
Мамонька-кормилица,
И пройду-то я тебе мимо,
И сердце-то мое зайдется.
А бувало-то я сразу забегаю к тебе,
Родимая моя мамонька,
А таперя-то они к кому придут,
Твои деточки,
И кто-то их приголубит,
Родимая мамонька,
И кто-то их пожалеет?

5

[Мамынька ты мо]я родимыя,
Как я без тебе буду жить?
И к кому-то я приеду,

И хто мене приголубит-то только?
Приезжаю-то я х родной мамынь[ке],
Оне мене встречають и прывожають-то,
Кормилица ты моя, родимыя мамынька,
И чо жа ты мене бросила-оставила одну?..

6

Мамочка ты моя родная,
Зачем ты бросила меня и покинула навсегда?
Почему ты не взрастила,
До ума-разума не довела, мамонька.
Какая же ты, мамонька,
Я рассердилась на тебя, я обиделась на тебя,
Родная ты моя, зачем ты только меня бросила-покинула.
Только ты таперя мене не возвратисся
И ума-разума не дашь.
Я таперь без тебя куда, без родной-родимой мамоньки?
Мамочка моя родна,
Только я тебя любила, только страдала,
Только с тобой хотела прожить,
А ты бросила нас, покинула,
Маленького рябеночка пяти годов.
Куды он таперь, кому он нужóн,
Маленькие еще остались, глупенькие.
Таперь уж у нас не такая-то жизнь,
И не пошла-то у нас жизнь на лад,
И только у нас разлад,
И только голосим-та мы, кажный день плачем.

7

Мамонька ты родимая,
И зачем ты меня зародила,
Оставила ты нас,
Таперя мы с кем должны проживать?
Нет, не будет у нас нашей роднянькой мамоньки.
Пошто ты не пожила с нами,
Чтобы до ума-разума нас довесть?
Родная, милая, таперь мы без тебя сироты...

8

Ой, чо ж ты не встречаешь, родимая мамынька?
Не знала я, что ты умерла,
Что проводили тебе в путь-дороженьку.
Я может в этот день песенки пела да веселилась,
А не знала, что ты лежишь покойная.
Не обижайся, мамонька...
Теперь всю жизнь сама себе буду ругать.

9

Передайте поклончик
Моему родимому тятеньке.
И расскажи ты ему все,
Как мы тут живем.
И передай там поклончик
А моей родимой бабоньке,
И маленькому Сашеньке.

10

Остались-то таперь без мамоньки родимой
Круглые сироточки, маленьки цыпляточки.
Кто-то таперь вас пожалеет, приголубит?..

11

Родимая ты моя мамынька,
Встань-ка ты, скажи-ка ты мне
Хоть один словечко.
Посмотри-ка, как кукует серая кукушечка —
Заболело-то мое сердце:
Это не ты ли, моя мамынька, превратилась в кукушечку?..

ГОЛОШЕНИЯ ПО ОТЦУ

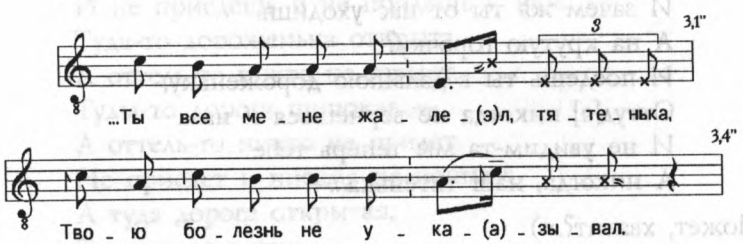
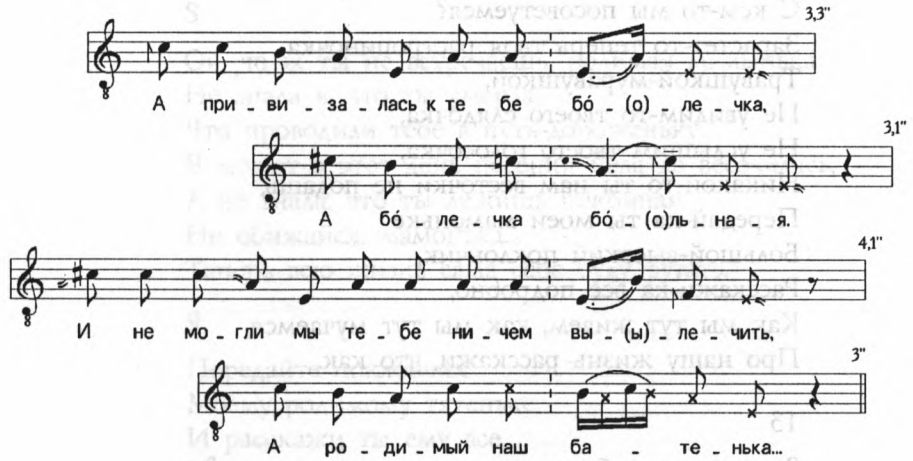
12

Куды ты полятел, мой родимый батенька,
На кого ты нас бросил?
Запустела твоя высокая хорома, широкое подворье.
Откель тебя ждать, с какой сторонушки?
Кто-то мне теперь ума-разума передаст,

С кем-то мы посоветуемся?
Зарастет-то теперь твоя растропиночка
Травушкой-муравушкой,
Не увидим-то твоего слядочка,
Не услышим твоего голосочка,
Никакой-то ты нам весточки не подашь,
Передай-ка ты моей мамоньке
Большой-высокий поклончик,
Расскажи-ка все подробно,
Как мы тут живем, как мы тут мучаемся,
Про нашу жизнь расскажи, что как.

13

Зачем ты нас бросил, зачем ты нас покинул?
Мы остались таперь сиротами,
И как же мы должны таперя жить?
И усех-та до уму-разуму,
Усех-та ты не довел.
И никого не придялил,
Родимый ты наш...
И ты б ума-разуму дал бы всем,
А таперь-та ты нас бросил
Да навсегда а мы-та остались,
А как мы будем без тебя?
Определились бы мы хуть ба с тобой к кому-та.
И сюдьба была бы усе легче ба,
А таперь-та ты нас бросил
И отлятел навсегда.
А куды ж-то ты поспевал,
И куды ты торопился?

14

[Ой, тятенька,] ты все мене жалел, тятенька,
Твою болезнь не указывал.
А привизалась к тебе бо́лечка,
А бо́лечка бо́льная.
И не могли мы тебе ничем вылечить,
А родимый наш батенька...

«*Вот так и голо́сили*».

И не придешь ты теперь к нам,
И не приедешь ко мне...
А кого я буду поить чаем
Да кормить гусятенкой...
И родимый ты наш тятенька,
А мы тебе-та все жалеем.
И никого ты нас не ударил никогда,
И никогда не закричал на нас

(«*был хороший*»).

И зачем жа ты от нас уходишь
А на крутую горочку?
И поедешь ты в дальнюю дороженьку,
Оттуд[а] никогда не вернешься к нам.
И не увидим-та мы теперь тебе
А никогда, наш тятенька...

(«Может, хватит?..»)

И будем-то мы глядеть на крутую горочку:
А не идешь ли ты домой, наш тятенька?
И будем глядеть ходить-похаживать,
А нет ли тебе...

(*рыдает*)*

А ты думаешь, что мы тебе забудем, —
Никогда мы не забудем.
И пока мы придем к тебе,
А мой родимый тятенька.
И будем-то мы ходить примечать
Твои всюду слядочки.
А тяперь-то мы расстанемся,
Ты же к нам не придешь никогда.

ГОЛОШЕНИЯ ПО МУЖУ

15

[Дорогой ты мой] дружок любезный,
И на кого же ты нас бросил,
И кто-то будет таперь нам
Ума-разума передавать?
И был ты у нас хозяин[ом],
Ой, и запустеет-то таперь наша
Высокая хоро́мина
И широкая подво́рина,
Ой, и как-это мы тебя будем дожидать?
Ой, ты таперь не приедешь, не-(е) придешь...* *<неразб.>*...
Закукует-то серая кукушечка,
И заболит-то мое рятивое сердечко.
И мы с тобой встречи-то не дождем,
И не приедешь и не придешь к нам.
Туда-то дороженька открыта —
А оттель-то никто не придет.
Туды-то дорога широкая —
А оттель-то никто не придет,
Не приедет и письма не пошлет;
А туда дорога открытая,
Там же дом наш.

Построили-то тебе домочек,
Окошечка-то ни одного не сделали,
Ну живешь же роскошно, а там-то
Без окошек вот и ляжешь,
Без окошек, без дверей и
Не приедешь и не выскочешь никого.

16

А ты к мене не ходишь,
Третий-то я годочек хожу,
А ты к мене ни раз не пришел.
Ой, пошто же ты мене не возьмешь-то?
Ить я одна-однешенька живу,
И живу-то я в большой хоромушке,
Да сижу в однем углушке,
А третий углушко-то у меня простыл,
И никого нет.
И примечаю-то я твои слядочки,
И нигде их таперь нет,
Усе-то замело-запурожило,
И нигде-то нету никакой
Твоей приметочки...

17

Ой устань-ка ты, дружочек родимый,
И меня возьми с собой.
А я-то ить одна маюсь.
И хожу по добрым людям,
Мене ить одной ниохота.
А тут-то были бы мы с тобою вместе,
И жили-то мы с тобой дружненько.

18

А. Дружочек ты мой милый,
Куда ты меня оставляешь,
Покидаешь-то свое гнездышко,
Улятаешь в далекую дороженьку...
Б. Сокол ты мой ясный,
Куда ты полятел-то от меня,

Повярнись-ка погляди...
В. Отходили-то твои ноженьки
На твою работушку,
Тридцать-то пять годочков отходил.
Работал-то все ходил в дыму да в газу,
Заработал ты себе болезнь тяжелую.

19

Уж я, бедная головушка,
Уж я, бедна-разнесчастная,
За что только меня Господь
За что меня наказывает?
Второй годочек я сижу,
Сижу, да все кукую-ка.
Кукую по-своему,
По-ненаглядному.
Сложил на дальней стороне
Свою кудрявую головушку.
Были бы крылья у мене,
Были б они залетные.
Уж я слетала б далеко,
В края, отцель далекие,
Уж опустилася б к нему
Да низешенько,
Покуковала бы над ним
Да жалобнешенько.

ГОЛОШЕНИЯ ПО ДЕТЯМ

20

Ох, и дочечка ты моя миленькая,
И на кого жа ты их покинула,
Ой, и оставила-то ты их крошишных
И пошто об их не подумала?
Ой, и буду-то я теперь горевать,
И пока подыму на свои ноженьки их.
Ох, то придет-то летечко красное,
И времечко чажелое,
И прилятит-то серая кукушечка

И на зяленую елочку,
Ой, жа я-то буду куковать
И у своих четырех уголочках.

21

Сыночек ты мой,
Жердочка ты моя кудрявая,
Сыночек ты мой дорогой,
Как-то я таперь буду тебя забывать?
Не успел ты расцвесть — и повял,
Вербочка ты моя кудрявая,
На кого ты меня бросил,
.....<*неразб.* >..... ты только у нас,
Надежа на тебя вся была, а ты нас покинул,
Был ты для меня мой помощник,
А таперь я на кого буду надеяться,
Была-то на тебе и вся надежа.

22

Сыночек-то ты мой Васенька,
Пошто ж ты меня забросил,
Не думала-то я, не гадала,
Что останусь я одна.
Кукушечка будет куковать,
А я по тебе этой кукушечкой
Буду горевать.
А где-то я теперь найду,
Сваво сыночка,
Ниоткель-то я не увижу —
Буду-то я глядеть по путе-дороженьке,
Буду я его привечать —
И нигде не найду.

23

И куда же ты только собрался,
И куда снарядился,
Ты пошто-то ни на кого не глянешь,
И ушел ты нечаянно, недуманно, негаданно.
И как ты скоренько собрался,
И как тебя снарядили,

И сколько народу пришло:
Смотри, сколько друзей и товарищей,
И знакомых и незнакомых,
И сколько родни, и кто тебе дорог —
Все пришли и все приехали,
А ты никого не встречаешь.

24

.....<*неразб.*>.....
.....<*неразб.*>.....кровинки.
.....<*неразб.*>.....мой сыночек,
И как же ты лето страдал.
И закукует-то серая кукушечка —
И заболит мое сердечко ретивое,
А ты-то у нас сыночек далеко,
Далеко-придалеко.
Ой, были бы у меня крылышки,
И я до тебя прилятела.
А ты-то у нас, сыночка... мой хороший,
И кто-то к тебе там придет.

25

Зарастают-то твои тропиночки, твои дорожки,
Летает-то кукушечка серая,
На зеленой веточке.
А твоего-то голосочка не слышно...
Закукует-то кукушечка на зеленой веточке —
А тебя-то я не услышу, не увижу,
Не услышу-то твоего голосочка.
Твои следочки снежком запорошило,
Дождиком смыло.
А ты-то в земле сырой,
И не нахожу-то я твоих следочков,
И не услышу-то я твоего голосочку.

ГОЛОШЕНИЯ ПО СЕСТРЕ

26

Родимыя сестра,
Прилетела ты ко своей могилочке, ко своему месту.

Ой, сейчас же зароют, не увидишь твоего лица-то.
Ой, твои детушки остаются, ой, как голубеночки,
На тебя смотрют-та, ой, неужели ж тебе хватило силушки,
Ой, спокинуть-то навсегда своих кукленушек.
Ой, сейчас же тебя не будет,
Уйдешь в сыру землю.
Ой, милыя сестрица, простимся — все забудется.
Вспомни, что мы с тобою пережили.
Ой, потеряли ж мы своих родителей,
Ой, спомни, как [в] войну, чежелу годинушку, жили,
Ой, как делились мы с тобою всеми горестями.
Ой, а в тот-то лихой год,
В год холодный, как ходили по полю,
Собирали колосочки,
Чтоб прокормить своих, своих ребятушек.
Ой, не вернулися с войны наши соколы-мужья,
Ой, жили-то мы вдовушками.
Ой, все на нас пальцами показывали,
Ой, может мы лучше всех же были.
А без мужика, ой, все равно же на нас
Злые языки поклепы клали.
Выросли наши детки, определены все,
Ой, теперь бы только жить да не нарадоваться.
Ой, пришла тут лиходейка-болезнь,
Болезнь, от которой, ой, ты, сестрица, так и не выпуталась.
Ой, всеми-то сетями она тебя забрала,
Ой, на тот же тебе свет болезнь унесла.

27

.....<*неразб.*>..... любезная,
Ой, как я по тебе соскучилась,
Не думала-то я не гадала,
Да что ты меня оставишь одинешенькой.
Ой, как-то ты моя да родная...
Да как болела...
Что я не вынес... вперед тебя,
А знала бы ты, как мне тяжелешенько,
А пожаловаться некому,
А кукую-то я, как кукушечка серая,

Да только все бесполезно,
Ой, попрошу-то я тебя нынче,
Ой, да не забудь про меня долго,
Ой, как-то вот мне хотелось,
Вот чтобы полежать с тобой рядышком,
Повспоминаю-то я те годики,
Как-то проговаривали с тобой полночи,
Ой, никогда я не подумала,
Почто ты меня оставишь одну,
А посмотрела ба ты, моя миленька,
Да на свою сухаронку, ой,
Ой, сыночку-то как твоему ничего не нужно,
И он только ходит-вогуливат,
Ой, как-то я ему не наказываю,
Но он меня не слушается,
А посмотрю-то я в окошечко,
Да думаю, может, ты откуда выйдешь, моя бравенькая,
Ой, но не видать-то тебя
Да ни с какой сторонушки,
Ой, не видала-то ты, моя бравенькая,
Ой, да никакой жизни хорошей,
Но знала-то ты только работушку
Да одну заботушку,
Ой, никак-то я не подумала,
Почто так получится,
Ой, пролетело там уж прак... годочка,
И я тебя не видела, не слышала,
Ой, посмотрела ба ты, моя бравенькая,
Ой, да на свет белый,
Ой, как-то я буду тебя забывать,
И твои минуточки забывать,
Ой, сколько-то щас работушки,
Ой, а помочь-то некому,
Ой, миленькая ты моя,
Ой, сестрица моя любимая,
Ой, кукую-то я как кукушечка серая,
Ой, ба по всему голосю.....*<неразб.>*...
Ой, передавай ли ты поклончик
По дружочку мому милому,

Ой, как-то он на меня распрогневался,
...<*неразб.*>... заботился...<*неразб.*>...
А расскажи-ка ты ему,
Ой, да всю правду.

28

Ой, ходили-то твои ноженьки
По этой по дороженьке,
Никто-то больше не увидит,
Никто-то больше и не спросит,
И не скажет.
Ой, встречайте-ка вы
Мою родимую сестру,
Зачем-то вы ее сюда сманили,
Зачем же вы ей не дали
Ешо маленько пожить?

29

Закукует с вечера кукушечка —
Заболит мое ретиво сердечечко...
А куды ты, мая бравая, собралася?
И вот хотела-то я тебя поднять на ноженьки,
Но ничем не могла помочь тебе...
И на кого ж ты их оставила?
И да будем-то мы на их глядеть и
Обливаться горькими слезами...
Уж ты, родимая моя сестреночка,
Ой, да прошу тебе крепко:
Ой, передай ты мой привет
А мому дружочку...

ГОЛОШЕНИЯ ПО БРАТУ

30

Иисус, примай-ка ты моего брата,
А свого сыночка, а сыночка беленько.
А он к тебе прилятаеть,
Иисусонька, ты приголубь свого сыночка.

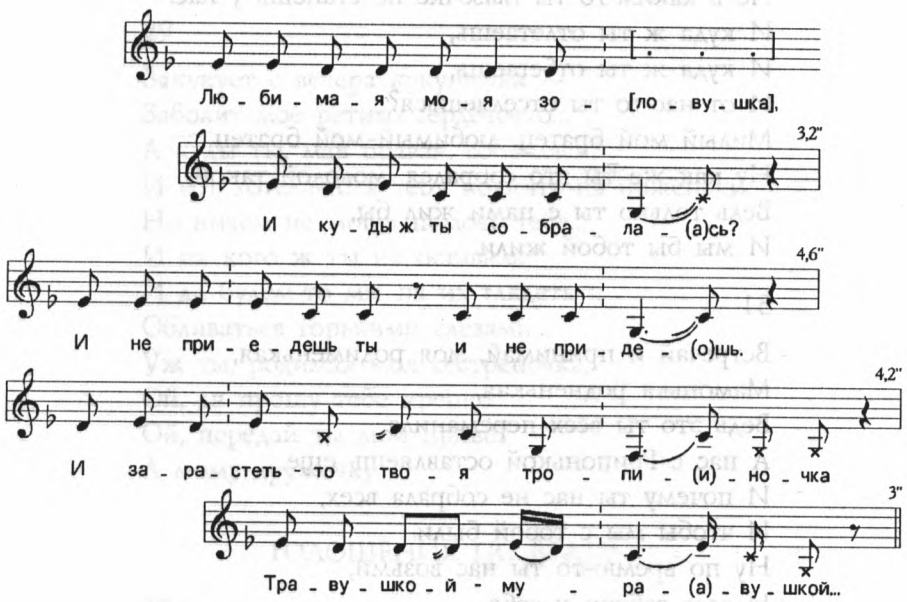
Милый ты мой-то браточка,
Я думала, что тебе в армию отдаю,
А тебе пришлось в могилочку.
Таперь-то мы не дождемся,
Совсем таперь мы не дождемся,
Совсем таперь ты не придешь к нам.
Кабы с армии — ты пришел ба,
А теперь мы не дождем.
Как мы без тебя будем жить?
Ой, братец ты мой дорогой,
Ой, и куда ж ты собрался,
Пошто же ты нас побросал?
На веки таперь уж мы тебя не увидим.
Ждали мы тебе с армии,
А таперь-та не дождем.
Не придешь-то ты, не увидим-то мы тебе,
Не в каким-то ты глазочке не станешь у нас.
И куда ж ты отлетаешь,
И куда ж ты отбегаешь,
И от нас-то ты отселяешься?
Милый мой братец, любимый мой братец,
Ну как же ты это собрался, молодой такой,
Ведь только ты с нами жил бы,
И мы бы тобой жили.

31

Встречай и принимай, моя родименькая,
Мамонька родненькая,
Ведь это ты всех переманила,
А нас с Грипонькой оставляешь еще.
И почему ты нас не собрала всех,
И чтобы мы с тобой были.
Ну по времю-то ты нас возьми,
И всех забери к себе.
Принимай-ка моего братца,
А своего сыночка, милая мамонька.
Встретишь, вместе приговорете,
Как мы живем и как мы тут мучимся.

32

Ой, милыя ты тетушка,
Улетаешь от нас,
Ой, улетаешь ты навсегда
Во сыру землю.
Ой, там же встретишь моих родителей,
Ой, придется ль тебе там их повидать —
Передай привет от меня,
Ой, передай, пусть тогда мое сердце не страдает о них,
Ой, изболелося ретивое сердце.
Ой, спомню как я маменьку,
Ой, спомню папеньку,
Ой, напролет я слез... всю ночку слезки лью.

33

Любимая моя зо[ловушка],
И куды ж ты собрала(а)сь,
И не приедешь ты и не приде(о)шь,
И зарастет-то твоя тропи(и)ночка

Травушкой-мура(а)вушкой.
Ой, на кого ты бросила своих сыночков,
И было-то в тебя два колосочка,
И теперь-то мы тебе не увидим
И не услышим тваво голосочка,
И как-то мы с тобой расстанемся,
И как мы тебе бу[дем] забувать-то, моя золовушка.
Ой, и пылятишь ты по путé,
И по путé и по дороженьке,
Ой, и передай низенький поклончик
И усем своим родным.
И передай-ка ты своёму братцу,
И моёму любимому дружку низенький поклончик...

34

Зачем же ты его бросила,
И он куда теперь приклонит головушку?
А ты его оставила, моего браточку.
И будет он ходить по дому,

(«*Большая у нас изба была*»)

По большой хате.
И не увидить-то он теперь тебе.
И никто его не пожалеет так, как ты жалела.

(«*Жалела она...*»)

И придешь ты хоть в какой уголочек,
И в утот, и в уетот,
А твоей подруги любимой не будет.
Теперь не будет у нас.
И будет-то он ходить-примечать,
Твои слядочки, Нюронька.
И как он будет только жить,
А без тебе-то, Нюронька?..

35

Ой, к кому-то я теперь заеду,
Кто-то теперь мене встретит?
Нету-то теперь у мене свата —
Осталась одна сватья;

17 Заказ № 781

Бывало-то меня сват встретит,
Ворота-то откроет,
В дом-то меня проводит,
Передай-ка ты привет нашим всем...

ГОЛОШЕНИЕ О ТЯЖЕЛОЙ ЖИЗНИ

36

Ой, зачем ты зародила меня, мамынька, на белый свет?
.....<*неразб.*>..... моя роднулечка,
День и ночь работаем.
И нету-то у нас родного тятеньки:
А где-то далеко воюет.
И началась весна-то у нас нерадостно,
И серая кукушечка нам вести принесла.
И мучается-то и весь народ,
А у каво больша самья —
Втройне им чажелешенько.
И нечего-то у нас поись,
И нечего-то у нас попить акромя водички.
Родимая-то моя мамынька, пойдешь на работу,
Тебе давали только пятьсот граммов хлебушка:
И поешь-то там, наверно, грамм сто,
А остальное тащишь шестерым, даже семерым;
Разделишь ты его нам по кусочеку —
Его ись или смотреть — моя роднуличка.
И не родилась-то у нас картошечка —
Совсем нечего было ись,
И перьбивалися-то мы всяко.
Спасибо добрым соседушкам:
Кто принесет нам две картошенки,
А кто и грамм двести хлебушка.
И жили-то мы еле-еле.
Думали, что не дождемся тятю.
И пишет-то нам тятенька с фронта,
Что меня ранили в рученьку.
Была мамынька-то в день на работе,
А я была с младшими сестреночками.
Передали-то нам эту весточку,

А я же была еще малолетняя,
Ай, думала, теперь тятеньки не будет,
Если его так ранили.
И голосила-то я во вщу комнату.
Успокоил наш сосед, сосед —
Анин дедушка — зашел.
«И чо, Ирочка, так сильно плачешь?
Дай-ка я почитаю ваш письмо».
Отдала письмо я ему тотчас же,
А рученьки мои тряслися.
Он прочитал и тоже заплакал,
По голове меня погладил:
«Успокойся-то, моя соседка Ирочка,
Придет ваш тятенька живой и здоровый».
Вернулся наш родимый тятенька
Через четыре годочка домой.
И поспалили-то мы, посрубили-то мы все сараи,
Потому что у нас не было дров,
Зашло напокосяк домоушки,
Усе пустым-пустешенько.
«Ну, ниче, — говорит, — мы как-нибудь вырвем,
Лишь бы вы все живы-здоровы были».
Вот такая-то только была чажелая была жизнь,
Думала, скорей бы мене вырасти.
Пошла работать я двенадцати лет:
Кормила телятючек в колхозе...
А чо же я тогда зарабатывала —
Всего триста грамм черного хлебушка.
И как же мы только выжили — я не знаю.
И как чажело нашей мамыньке было.
Вимели-то мы, бывало, по полям хлебушко,
Который оставался-терялся,
Мели, мы больше земли пересеяли,
.....*<неразб.>*.....
И поедим мы все семь человек,
Один раз в день-денечек.
Вот щас пожить бы нам, Поленька, под старость,
А тут отказались ноженьки,
Не дают-то они мене не дойти никуда,

Даже к добрым соседям.
Посмотрю-ка я сейчас телевизор,
Да любуюсь на этих депутатов.
Посмотришь и подумаешь:
Когда ж дождемся мы хорошей жизни?
Они там сами с собой ругаются,
И даже дерутся.
И посмотрю-ка-то я на их —
Всех бы их выбросил оттуда.
Почему нету умных людей у нас,
Нету хороших руководителей?
Рассташшили-то всю нашу матушку Россию,
Ой, кто куда.
И живут-то наши руководители,
Понаклали денег за границей.
А нужды...<*неразб.*>... только до чаво же,
Ни живем, а существуем...

ПРИМЕЧАНИЯ

ГОЛОШЕНИЯ ПО МАТЕРИ

1. Собираются выносить тебя, мамынька. Печатается по рукописи: ИМБиТ СО РАН, № 2315, п. 1, л. 179—184. Записали Р.П. Матвеева, З.А. Миронова в 1981 г. в г. Петровск-Забайкальский Читинской обл. от Ю.А. Макимова, 1950 г.р., уроженца с. Урлук Красночикойского р-на Читинской обл. Расшифровка текста И.Г. Карасевой.

«*Это приголашивают, когда народ стоит, как вроде родственники пришли, отдают как бы спасибо, что помогают... собрать, похоронить*». Причитывают перед выносом из дома, «*когда в избе еще покойник лежит*». Могут приголашивать, когда из ворот гроб выносят.

2. Милая ты моя мамонька. Источник и издание: ИМБиТ СО РАН, № 2624, п. 1, л. 2—3; Матвеева, с. 196. Записали Р.П. Матвеева, Т.С. Стрельникова в 1997 г. в с. Куготы Мухоршибирского р-на Бурятии от Е.П. Калашниковой, 1915 г.р. Расшифровка текста И.Г. Карасевой.

Исполнительница рано осиротела. Вопреки запретам посещать кладбище вне поминальных дней, она часто убегала на могилу матери и голосила. Вот еще фрагмент ее поминального причитания по матери, содержащий традиционные поэтические мотивы:

...<*неразб.*>... моя мамонька,
На кого ты меня бросила, кормилица-мамочка,
Теперь ты меня не примешь и не проводишь,

Хуть в какой-то сторонушке я тебя буду ждать,
Запустела-то наша высокая хорома, широкая
Не ...<*неразб.*>...
Закукует-то серая кукушечка,
А я ешо боле буду куковать.

3. Ой, родимая моя ты мамонька. Источник и издание: ИМБиТ СО РАН, № 2624, п. 1, л. 3—4; Матвеева, с. 197. Записали Р.П. Матвеева, Т.С. Стрельникова в 1998 г. в с. Куготы Мухоршибирского р-на Бурятии от П.Е. Калашниковой, 1936 г.р. Расшифровка текста Т.С. Стрельниковой.

«Ворешит» = «встретит»(?).

Здесь же были записаны фрагменты причитаний по матери от В.К. Грудининой, 1945 г.р.:

Ой, мамонька ты моя,
Зачем же ты умерла.
На кого же ты нас оставила
Как-то мы будем без тебя жить?..

...Жила ты, вроде мучилась.
Зачем умираешь,
Надо было еще пожить.
Да чем мы тебе не угодили,
Почему ты на нас обиделась?
Уходишь куда?..

4. Ой, родимая ты моя мамонька. Печатается по рукописи: ИМБиТ СО РАН, № 2624, п. 1, л. 4—5. Записали Р.П. Матвеева, Т.С. Стрельникова в 1998 г. в с. Куготы Мухоршибирского р-на Бурятии от А.А. Фоминой, 1922 г.р. Расшифровка текста Т.С. Стрельниковой.

5. Мамынька ты моя родимая. Печатается по рукописи: ИМБиТ СО РАН, № 2624, п. 1. Записали Р.П. Матвеева, Т.С. Стрельникова в 1998 г. в с. Куготы Мухоршибирского р-на Бурятии от А.А. Фоминой, 1922 г.р. Расшифровка текста Т.С. Стрельниковой. Нотирование О.Н. Судаковой.

6. Мамочка ты моя родная. Печатается по рукописи: ИМБиТ СО РАН, № 2624, п. 1, л. 5—6. Записала Н.А. Миронова-Шаповалова в 1996 г. в Улан-Удэ от У.П. Терековой, 1912 г.р., уроженки с. Никольское Мухоршибирского р-на Бурятии. Расшифровка текста Н.А. Мироновой-Шаповаловой.

7. Мамонька ты родимая. Печатается по рукописи: ИМБиТ СО РАН, № 2624, п. 1, л. 6—7. Сведения о записи и расшифровке текста см. № 6.

Похоронное причитание исполняется на кладбище, когда опускают в могилу гроб. Мать у исполнительницы умерла в 40 л.

8. Ой, чо ж ты не встречаешь, родимая мамынька? Печатается по рукописи: ИМБиТ СО РАН, № 2624, п. 1, л. 7. Записали Р.П. Матвеева, Н.А. Миронова-Шаповалова в 2000 г. в с. Никольском Мухоршибирского р-на Бурятии от В.Д. Третьяковой, 1922 г.р. Расшифровка текста Т.И. Матвеевой.

Исполнительнице не сообщили о смерти матери, за что она сильно себя корит.

9. Передайте поклончик. Печатается по рукописи: ИМБиТ СО РАН, № 2624, п. 1, л. 7. Сведения о записи и расшифровке текста см. № 8.

В причети нередко передают привет ранее умершим родственникам. Вот еще фрагмент голошения (по родственникам) с этим мотивом, записанный Р.П. Мат-

веевой, Т.С. Стрельниковой в 1998 г. в с. Гашей Мухоршибирского р-на Бурятии от И.Ф. Калашниковой, 1940 г.р. Расшифровка текста Т.С. Стрельниковой:

Родимая ты моя тётонька,
Передай-ка ты поклончик,
Расскажи-ка ты, как я одна осталась,
Как я буду теперь жить...

Причитание может относиться как к похоронному, так и к поминальному типу. Исполняется на кладбище.

10. Остались-то таперь без мамоньки родимой. Печатается по рукописи: ИМБиТ СО РАН, № 2624, п. 1. Записали Р.П. Матвеева, Т.С. Стрельникова в 1997 г. в с. Куготы Мухоршибирского р-на Бурятии от Е.П. Калашниковой, 1915 г.р. Расшифровка текста И.Г. Карасевой.

Плач сироты. Исполнительница отмечает: «*Отец умрет — мать живая, это ешо половина сирота, мать умрет — кругла сирота*».

11. Родимая ты моя мамынька. Печатается по рукописи: ИМБиТ СО РАН, № 2624, п. 1, л. 10. Записали Р.П. Матвеева, Т.С. Стрельникова в 1999 г. в с. Куготы Мухоршибирского р-на Бурятии от И.Т. Овчинниковой, 1930 г.р. Расшифровка текста Т.И. Матвеевой.

Голошение сироты. Традиционно устойчивым в похоронных причитаниях семейских является *образ кукушечки* — одинокой птицы:

Придет летечко красное —
Закукует серая кукушечка,
Заболит сердце ретивое...
(И.Т. Овчинникова, с. Куготы)

Ой, горькая кукушечка,
Ой, подпарюсь-то я к этой кукушечке...
(А.И. Медведева, с. Тарбагатай)

Когда закукует серая кукушечка,
Залетная пташечка,
Закукуем-то мы за ей,
Наша помощница...
(В.А. Шадрина, с. Шаралдай)

ГОЛОШЕНИЯ ПО ОТЦУ

12. Куды ты полятел, мой родимый батенька. Печатается по рукописи: ИМБиТ СО РАН, № 2624, п. 1, л. 11—12. Записали Р.П. Матвеева, Т.С. Стрельникова в 1997 г. в с. Куготы Мухоршибирского р-на Бурятии от Е.П. Калашниковой, 1915 г.р. Расшифровка текста И.Г. Карасевой.

13. Зачем ты нас бросил, зачем ты нас покинул? Печатается по рукописи: ИМБиТ СО РАН, № 2624, п. 1, л. 12. Сведения о записи и расшифровке текста см. № 6.

14. [Ой, тятенька,] ты все мене жалел. Печатается по рукописи: ИМБиТ СО РАН, № 2624, п. 1. Сведения о записи и расшифровке текста см. № 8. Нотирование О.Н. Судаковой.

Знаком * отмечен конец звукозаписи причитания.

Кладбище в старообрядческих селах расположено на горе за селом. Практически во всех голошениях (в особенности поминальных) «*крутая горочка*» является не просто кладбищем, но и миром предков (сведения о записи те же):

Улетаешь ты с теплого углушка
На крутую горочку.
Будем примечать-ходить твои следочки.
(причитание по мужу)

Уходишь-то ты навсегда на крутую горочку,
С которой ты никогда не придешь...
Как мы тебя только тут оставим
И уйдем от тебя...
(причитание по сыну)

ГОЛОШЕНИЯ ПО МУЖУ

15. [Дорогой ты мой] дружок любезный. Источник и издание: ИМБиТ СО РАН, № 2624, п. 1, л. 14—15; Матвеева, с. 196. Записали Р.П. Матвеева, Т.С. Стрельникова в 1997 г. в с. Куготы Мухоршибирского р-на Бурятии от Е.П. Калашниковой, 1915 г.р. Расшифровка текста И.Г. Карасевой.

Знаком * отмечен конец звукозаписи причитания.

Однонаправленность пути в мир предков исполнительница подкрепила поговоркой: «*Кого, говорят, зароют песочком — и не придет пешочком*». Распространены у семейских плачи о домовине. Ее сравнивают с домом — новым жилищем, но неуютным, холодным, без окон и дверей (записано в р.у. Тарбагатай Бурятии от М.П. Матвеевой, 1934 г.р.):

Состроили тебе домочек без окон, без дверей,
Теперь не приедешь, родимая мамынька,
Не увидим, не услышим...

16. А ты к мене не ходишь. Печатается по рукописи: ИМБиТ СО РАН, № 2624, п. 1, л. 15—16. Записали Р.П. Матвеева, Т.С. Стрельникова в 1998 г. в с. Куготы Мухоршибирского р-на Бурятии от К.Я. Фетисовой, 1913 г.р. Расшифровка текста Т.С. Стрельниковой.

Поминальное голошение. *Мотив опустевшего дома, уголочка* (записали Р.П. Матвеева, Т.С. Стрельникова в 1997 г. в с. Шараддай Мухоршибирского р-на Бурятии от В.А. Шадриной, 1910 г.р. Расшифровка текста И.Г. Карасевой):

Дружочек-то ты мой милый,
Осталась-то я теперь одна,
В каком-то я буду уголочке
Тебя искать...

Во время голошения чувства захватили исполнительницу настолько, что продолжить его она была уже не в состоянии.

17. Ой, устань-ка ты, дружочек родимый. Печатается по рукописи: ИМБиТ СО РАН, № 2624, п. 1, л. 16. Сведения о записи и расшифровке текста см. № 4.

Поминальное причитание.

18. Дружочек ты мой милый. Печатается по рукописи: ИМБиТ СО РАН, № 2624, п. 1, л. 16—17. Записала Н.А. Миронова-Шаповалова в 1998 г. в р.ц. Тарбагатай Бурятии от У.В. Ефимовой, 1936 г.р. Расшифровка текста Н.А. Мироновой-Шаповаловой.

Похоронное причитание. Первая часть его (А) исполняется в доме или во дворе, где находится покойник. Вторая часть (Б) — причеть при выносе покойника через ворота. Третья часть (В) — причеть при подходе похоронной процессии к месту работы умершего. Все три части для собирателя были исполнены непосредственно одна за другой.

19. Уж я, бедная головушка. Печатается по рукописи: Республиканский Центр детско-юношеского туризма и краеведения, материалы первой республиканской краеведческой конференции школьников «Семейские в панораме веков». Записали Г. Кожевникова, И. Попова, Л. Иванова, Н. Брылева и др. во время похорон в старообрядческом с. Хасурта Хоринского р-на Бурятии в 1998 г.

ГОЛОШЕНИЯ ПО ДЕТЯМ

20. Ох, и дочечка ты моя миленькая. Печатается по рукописи: ИМБиТ СО РАН, № 2624, п. 1, л. 18—19. Записали Т.И. Матвеева, Т.С. Стрельникова в 1999 г. в с. Куготы Мухоршибирского р-на Бурятии от Е.П. Овчинниковой, 1938 г.р. Расшифровка текста Т.И. Матвеевой.

Голошение по дочери. У дочери осталось двое малолетних детей, которых вырастила исполнительница голошения.

21. Сыночек ты мой. Печатается по рукописи: ИМБиТ СО РАН, № 2624, п. 1, л. 19—20. Записали Р.П. Матвеева, Т.С. Стрельникова в 1997 г. в с. Куготы Мухоршибирского р-на Бурятии от Е.П. Калашниковой, 1915 г.р. Расшифровка текста И.Г. Карасевой.

Голошение по сыну. Причеть может относиться как к похоронному, так и к поминальному типу.

22. Сыночек-то ты мой Васенька. Печатается по рукописи: ИМБиТ СО-РАН, № 2624, п. 1, л. 20. Записали Р.П. Матвеева, Т.С. Стрельникова в 1997 г. в с. Шаралдай Мухоршибирского р-на Бурятии от В.А. Шадриной, 1910 г.р. Расшифровка текста И.Г. Карасевой.

Поминальное причитание по сыну.

23. И куда же ты только собрался. Печатается по рукописи: ИМБиТ СО-РАН, № 2624, п. 1, л. 20—21. Записали Р.П. Матвеева, Т.С. Стрельникова в 1998 г. в с. Шаралдай Мухоршибирского р-на Бурятии от Н.В. Овчинниковой, 1937 г.р. Расшифровка текста Т.С. Стрельниковой.

Голошение по сыну. Исполняется еще до похорон во время прихода односельчан.

24. ... мой сыночек. Печатается по рукописи: ИМБиТ СО РАН, № 2624, п. 1, л. 21. Записали Р.П. Матвеева, Т.С. Стрельникова в 1998 г. в с. Куготы Мухоршибирского р-на Бурятии от П.Е. Калашниковой, 1936 г.р. Расшифровка текста Т.С. Стрельниковой.

Поминальное голошение по сыну. Сын исполнительницы погиб и похоронен на Украине.

25. Зарастают-то твои тропиночки, твои дорожки. Печатается по рукописи: ИМБиТ СО РАН, № 2624, п. 1, л. 22. Записала Т.И. Матвеева в 1999 г. в с. Шаралдай Мухоршибирского р-на Бурятии от Е.С. Павлуцкой, 1940 г.р. Расшифровка текста Т.И. Матвеевой.

Голошение по сыну.

ГОЛОШЕНИЯ ПО СЕСТРЕ

26. Родимыя сестра. Печатается по рукописи: ИМБиТ СО РАН, № 2315, п. 1, л. 179—184. Записали Р.П. Матвеева, З.А. Миронова в 1981 г. в г. Петровск-Забайкальский Читинской обл. от Ю.А. Максимова, 1950 г.р., уроженца с. Урлук Красночикойского р-на Читинской обл. Расшифровка текста И.Г. Карасевой.

Похоронное причитание исполняется на кладбище перед тем, как опустят гроб в могилу.

27. ... любезная. Печатается по рукописи: ИМБиТ СО РАН, № 2624, п. 1, л. 25—27. Записали Р.П. Матвеева, Т.С. Стрельникова в 1997 г. в с. Шаралдай Мухоршибирского р-на Бурятии от Е.Ф. Антоновой, 1936 г.р. Расшифровка текста И.Г. Карасевой.

Поминальное причитание включает в себя воспоминание о покойной, рассказ о сыне покойной, а также распространенный в голошениях семейских мотив передачи привета ранее умершему мужу исполнительницы: «*...кому-то привет передает, передай там маменьке ли папеньке. На кладбище когда собираются и кто-то дома остается обычно говорят: от меня приветы передай*».

28. Ой, ходили-то твои ноженьки. Печатается по рукописи: ИМБиТ СО РАН, № 2624, п. 1, л. 27. Записали Р.П. Матвеева, Т.С. Стрельникова в 1998 г. в с. Куготы Мухоршибирского р-на Бурятии от В.К. Грудининой, 1945 г.р. Расшифровка текста Т.С. Стрельниковой.

Начало голошения исполняется по дороге на кладбище, а продолжение — при входе на кладбище — обращение к умершим родителям.

29. Закукует с вечера кукушечка. Поминальное причитание. Источник и издание: ИМБиТ СО РАН, № 2624, п. 1, л. 28; Матвеева, с. 197. Записали Т.И. Матвеева, Н.А. Миронова-Шаповалова в 2000 г. в с. Никольском Мухоршибирского р-на Бурятии от А.М. Кравцовой, 1930 г.р. Расшифровка текста Т.И. Матвеевой..

Поминальное причитание.

ГОЛОШЕНИЯ ПО БРАТУ

30. Иисус, примай-ка ты моего брата. Печатается по рукописи: ИМБиТ СО РАН, № 2624, п. 1, л. 29—30. Сведения о записи и расшифровке текста см. № 6.

Исполняется во время выноса гроба из дома. На кладбище, когда гроб опускают в могилу, причитывают (сведения о записи те же):

Жаль же нам тебя,
Таперь мы не увидим и не услышим твоего голосочка.
Браточка бросил нас, навеки бросил.
Самый любименький и хороший мой братец...

31. Встречай и принимай, моя родименькая. Печатается по рукописи: ИМБиТ СО РАН, № 2624, п. 1. Записала Н.А. Миронова-Шаповалова в 1996 г. в Улан-Удэ от У.П. Терековой, 1912 г.р. Расшифровка текста Н.А. Мироновой-Шаповаловой.

Исполняется на кладбище во время похорон. Это — обращение к ранее умершей матери.

ГОЛОШЕНИЯ ПО РОДСТВЕННИКАМ

32. Ой, милыя ты тетушка. Печатается по рукописи: ИМБиТ СО РАН, № 2315, п. 1, л. 179—184. Записали Р.П. Матвеева, З.А. Миронова в 1981 г. в г. Петровск-Забайкальский Читинской обл. от Ю.А. Максимова, 1950 г.р., уроженца с. Урлук Красночикойского р-на Читинской обл. Расшифровка текста И.Г. Карасевой.

Ю.А. Максимов воспроизводит причеть Елены Маньковской. Причеть по тете исполняется на кладбище. Здесь традиционно звучит привет, который передают только с родственниками покойника: «*...если свой кто умирает, то передают в плаче привет с родственниками, но если хорошие соседи, когда дружные, могут и соседями отправить*».

33. Любимая моя золовушка. Печатается по рукописи: ИМБиТ СО РАН, № 2624, п. 1, л. 31—32. Записали Р.П. Матвеева, Т.С. Стрельникова в 1998 г. в с. Куготы Мухоршибирского р-на Бурятии от К.Я. Фетисовой, 1913 г.р. Расшифровка текста Т.С. Стрельниковой. Нотирование О.Н. Судаковой.

Голошение по золовке контаминировано из похоронных и поминальных фрагментов, поскольку было исполнено вне ритуала. В заплачке звучит непосредственно похоронное голошение, которое обычно исполняется перед выносом гроба из дома; далее — поминальное, исполняемое обычно на годовщину смерти; затем опять причитание, исполняемое во время похорон, и заканчивается причеть похоронным плачем, исполняемым при входе на кладбище.

34. Зачем же ты его бросила. Печатается по рукописи: ИМБиТ СО РАН, № 2624, п. 1, л. 33. Сведения о записи см. № 8.

Голошение по невестке. Исполнительница оплакивает невестку, выражая озабоченность судьбой брата.

35. Ой, к кому-то я теперь заеду. Печатается по рукописи: ИМБиТ СО РАН, № 2624, п. 1, л. 33—34. Записали Р.П. Матвеева, Т.С. Стрельникова в 1998 г. в с. Куготы Мухоршибирского р-на Бурятии от В.К. Грудининой, 1945 г.р. Расшифровка текста Т.С. Стрельниковой.

Плач по свату. Из рассказа исполнительницы: «*Есть и соседи и посторонние — всем голосят. Я вот по пришлому-то не буду голосить. У него свои родственники есть*».

36. Ой, зачем ты зародила меня, мамынька, на белый свет? Печатается по рукописи: ИМБиТ СО РАН, № 2624, п. 1, л. 34—38. Записали Т.И. Матвеева, Т.С. Стрельникова в 1999 г. в с. Куготы Мухоршибирского р-на Бурятии от И.Т. Овчинниковой, 1930 г.р. Расшифровка текста Т.И. Матвеевой.

Причитание относится к разряду необрядовых, но исполнено как традиционно-обрядовое. Начала исполнительница с монолога: «*Ну да чожа мы дожили. Вот семьдесят лет, сколько еще проживем — не знаю. А как мы жили, всяко разно, и хорошо-то нельзя сказать, всегда мы жили как-то не поймешь — плохо. У нас, к примеру, семья была: шесть сестер у нас, два брата, была и мама с тятькой. Вот отца взяли в армию, а он у нас четыре года... раненый пришел. А как мы жили в ту войну, когда отца-то взяли?!. Я, бывало, залезу на царай, лягу на сено и все вспоминаю, как мама пекла ляпешечки, да не так вспоминаю, как голошу...*».

SUMMARY

This volume in the series «Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East» completes the publication of the song heritage of the Siberian Russians. The edition will acquaint the reader with a most important aspect of their culture — family ritual folklore. The volume consists of two parts dedicated to the two main spheres of the family cycle: the poetry of wedding rites and the funeral laments.

In preparing this edition the compilers considered all available sources, beginning with publications from the first half of the 19th century. A significant portion of the texts of songs, laments, and oral forms of the wedding ritual was extracted from works that long ago had become bibliographic rarities. Primarily this relates to works of late 19th and early 20th-century authors such as E.A. Avdeeva, M.K. Azadovsky, V.S. Arefyev, V.V. Bartenev, S.I. Gulyaev, A.N. Ermolaev, F. Zobnin, K.K. Kokoulin, N.I. Kashin, M. Krivoshapkin, M. Larionova, K.D. Loginovsky, A.A. Makarenko, I.Y. Neklepaev, V. Plotnikov, N.P. Protasov, S.P. Rozenbaum, M. Shvetsova, V. Shishkov, A. Yazykov, and others. Also used were materials from government archives and private collections containing manuscripts and sound recordings of Siberian Russian folklore that date from the second half of the 19th century to the end of the 20th century.

In accordance with the principles of preparing an academic series, the compilers selected only texts of the highest scholarly and artistic significance for the present edition. The volume includes material characteristic of family ritual traditions from such historically and culturally significant areas of Old Settler Russian population as the Ural region of Western Siberia, the Altai, the area near the Ob river in Tomsk Province, the area near the Angara, and the Transbaikal region. The recorded texts and music scores, represented in this volume provide an impression of the

typological features of the Siberian branch of family ritual folklore linking it with pan-Russian phenomena. They also illustrate the regional (and even highly local) diversity of the wedding and funeral rituals that developed in Siberia over the course of four centuries.

The first part of the volume «Russian Family and Ritual Folklore of Siberia and the Far East», entitled «The Wedding Poetry», was prepared by R.P. Potanina and N.V. Leonova. The corpus of folkloric texts includes 313 examples (120 of them are with musical scores) grouped into eleven sections on the basis of ethnographic systematization of the material. These sections reflect the structure and sequence of events within the Siberian wedding — from courtship to the wedding feast in the groom's home after the church ceremony. Each of the chosen song cycles is accompanied by the compiler's introduction explaining the given stage of the wedding, the relevant ritual activities, and their participants.

Texts of wedding folklore appear with introductory articles by the scholars who prepared them. R.P. Potanina's philological article briefly summarizes the history of the collection and study of ethnographic and folkloric material on the Siberian wedding. It characterizes the main regional versions of the ritual and the folkloric repertoire (West Siberian, East Siberian, and Far Eastern), and points out the distinguishing traits of the wedding ritual of the Siberian Cossacks and of one Siberian religious minority, the Old Believers (Old Ritualists). In addition, the author establishes the genre composition of wedding folklore and characterizes its various subgroups.

The musicologists N.V. Leonova and N.A. Ursegova pay closest attention to the musical systematization and characteristic features of the wedding repertoire of the Siberian Old Residents, a Russian population group that formed in Siberia as a result of migrational processes of the 17th and 18th centuries. The authors trace the sources of this repertoire to traditions of the Russian North. The authors divide all the ritual folklore songs performed during the wedding into three groups, based on their function in the ritual and their stylistic features. The many facets of these complexes and the particularities of their coordination within the wedding ritual are the article's primary topic.

The second half of the volume, entitled «Funeral laments», was prepared by L.E. Fetisova and N.V. Leonova. This part begins with an article by the linguist L.E. Fetisova that introduces key questions about the existence of the funeral ritual in Siberia and its study. The author's primary attention is given to problems of coordinating ritual (functional and

action-based) and folkloric (oral and poetic) elements of the funeral cycle, and to identifying the ritual and mythological roots of the system of poetic imagery of laments.

N.V. Leonova's article, which likewise appears in the volume's second half, also characterizes two performance versions of lamentation: traditional-formulaic (tending toward professional oratory) and a later, spontaneous improvisation, during which fixed elements of musical-poetic form (those brought to mind by bearers of the tradition and carried forward from text to text) are juxtaposed in various ways with more mobile elements (improvised during individual performances). The article also describes methods of functional replacement of funeral laments by other folkloric productions (for example, lyric songs or spiritual poetry) or by non-folkloric genres (Orthodox Church prayers) widespread in Siberia.

The section on folkloric texts includes 54 laments (20 of these with musical scores) divided into several groups: laments for a mother, father, husband, sister, children, and others. Funeral folklore is practically the exclusive domain of female performers, though the volume also contains several examples of laments performed from memory by a man in imitation of the traditional improvisation of his mother or sister.

As an addition to the first part of the volume we have published material prepared by L.E. Fetisova. It includes a complete description of the ritual and the song repertoire of one of the more recent (from the second half of the 19th to the beginning of the 20th century) immigrant traditions of the Far East, the Kursk tradition.

As an addition to the second half we have published material on the funeral rite with texts of laments (36 examples). These were prepared by T.I. Matveeva and reflect the contemporary existence of the original ritual of one Siberian tradition: the Transbaikal Old Believers living in the Buryat Republic and Chita District.

Notes to the wedding and funeral texts contain information about the location, time and author of the recording, as well as about the performers and the circumstances in which the songs, laments, or chants were performed. Also indicated are Siberian variants of each published text (some of these are printed in full to demonstrate the range of possible variations in plot and language), and parallels found in the classic editions of Russian folklore (the collections of P.V. Kireevsky, A.I. Sobolevsky, and P.V. Shein). The volume's referential appendix also consists of indices of performers, collectors and places of recording; an alphabetic index of wedding songs, laments, and chants; a glossary of rare words, archaism,

and loan-words; and a list of the abbreviations used, which has been placed together with the book's bibliography.

Enclosed to the volume is a compact disk containing examples of wedding songs and funeral laments, as well as honorific, deprecatory, lyrical, and ritualistic (accompanying or describing ritual actions) songs recorded in the 1980's and 1990's in various parts of Siberia.

N.V. Leonova,
translated by E.J. Vajda

СОДЕРЖАНИЕ КОМПАКТ-ДИСКА

1. А поднялась-то бы буря-погодушка	— причитание *невесты-сироты*, № 35*	1'07"
2. Подымитесь-ка, ветры буйная	— сиротская причетная песня, нот. прим. V, с. 55	2'17"
3. Бласловляй-ко же, роди...	— причетная песня, № 105	2'09"
4. Ой, да вы-то любезнаи мои подруженьки	— причетная песня, [№ 110]	1'55"
5. Вы любезныя мои	— песня-причеть, № 63	2'39"
6. Да вы садитеся, мои голубушки	— причетная песня девушек с причитанием *невесты* (утро свадебного дня)	2'26"
7. Ты зайди, родима ма... ой, мамонькя	— причетная песня, № 72	1'54"
8. По сеням-то было, ой, по сеньюшкам	— величальная песня, № 23	2'56"
9. Как при вечере, вечере	— девишная песня [к № 44]	2'25"
10. Уставай-ка, Дуня, утром рано, ой раненько	— девишная песня (утро свадебного дня)	2'22"
11. Красота ли ты, девия кра́сота	— песня, № 93	2'01"
12. Ты заря, ты моя зоренька	— песня, № 117	2'16"
13. Я не знала, я не ведыла	— песня, № 140	3'31"
14. Да из кружка, кружка конь поворачивался	— песня, № 141	2'25"

* После жанрового определения указан порядковый номер текста в томе. Номер в квадратных скобках означает, что на диске помещен вариант образца, данного в томе.

15. Из чиста́-то поля, чистого	— песня, № 145	2'15"
16. Без ветричку, ой, да без ви[хорю]	— песня, № 147	2'09"
17. Налетели да щерныя вороны, да	— песня, № 199	1'29"
18. Ой, вьюн над водой извивается	— песня [к № 215—219]	2'09"
19. Пойду ли я [возле Волги-реки]	— песня [№ 222]	2'23"
20. Кто у нас-то хорошой	— величальная песня, № 164	2'56"
21. Ой, что не ягодка по блюдечку катается, да катается, да	— величальная песня, № 173	1'50"
22. На ком кудерцы да на ком русые, да	— величальная песня, № 178	1'49"
23. Как во саде было, садичке	— величальная песня, [№ 297]	1'59"
24. Что приезжа-то гостьюшка богата, да вот богата	— величальная свахе, № 235	1'29"
25. Как у тысяцкого да бородка, да бородка	— величальная припевка, № 304	0'47"
26. Сказали, что тысяцкой богатой	— корильная припевка, № 305	0'38"
27. У нас друженька да богатый, да богатый	— величально-корильная припевка, № 136	2'13"
28. Опустело-то да тепло гнездышко	— причитание по матери, № 314	3'18"
29. Ой, родимыя ты моя ма...(а)монька	— голошение по матери, № 327	2'05"
30. Дак уж ты родима наша мам...	— причитание по матери, № 328	1'44"
31. Ой, сыночек ты мой, сыночек Ванюшка	— причитание по сыну, № 361	3'03"

* * *

Прилагаемый компакт-диск призван проиллюстрировать материалы, публикуемые в томе, и таким образом ввести слушателя в звуковую среду семейно-обрядового фольклора русских старожилов Сибири.

Композиция диска обусловлена музыкально-жанровыми характеристиками материала тома. В первом разделе (№ 1—7) представлены причетно-песенные образцы свадебного ритуала; во втором (№ 8—19) —

собственно свадебные песни; в третьем (№ 20—27) — величальные и корильные образцы песенного и припевочного характера; последний раздел (№ 28—31) содержит фрагменты похоронных и поминальных причитаний.

В большинстве случаев треки компакт-диска воспроизводят звукозаписи, с которых была выполнена расшифровка текстов книги. В тех случаях, когда кроме фонограммы, с которой делалась расшифровка, в распоряжении составителя имелись другие, более качественные по исполнительским и/или техническим характеристикам, варианты аудиозаписей от того же информанта, предпочтение отдавалось последним. Более полные варианты, записанные от тех же исполнителей, включены в текстовый корпус (треки № 4, 19, 23, 27). Треки № 9 и 18 иллюстрируют представленные в томе песенные сюжеты материалами, записанными в иной старожильческой локальной традиции. Некоторые образцы, помещенные на диске (№ 6, 10, 13), не имеют близких сюжетных вариантов в корпусе текстов, однако они демонстрируют сравнительно редкие в современной практике жанровые формы (составная композиция: причеть на фоне причетной песни) и показывают локальные традиции, не представленные до сих пор качественным звуковым материалом.

Фонограммы песен и причитаний, помещенные на компакт-диске, произведены преимущественно в 1984—1991 годах на разной, порой весьма несовершенной аппаратуре преимущественно в экспедиционных условиях. При подготовке диска использованы звукозаписи В.В. Асанова, В.И. Бодровой, М.Л. Дидыка, Н.А. Новоселовой, а также Алтайского краевого радио и Бурятского института общественных наук (подробнее см. разд. «Примечания»). Мастер-диск подготовлен Г.А. Петровым.

ИСПОЛНИТЕЛИ ПЕСЕН И ПРИЧИТАНИЙ НА КОМПАКТ-ДИСКЕ

АЛТАЙСКИЙ КРАЙ

Волосникова Евдокия Анисимовна (р.у. Красногорское) — № 1, 28

Певческая группа с. Воробьево Шипуновского р-на — № 5, 17

Певческая группа с. Туманово Солонешенского р-на — № 4, 12, 19, 27

ЗАБАЙКАЛЬЕ

Певческая группа с. Большой Куналей Тарбагатайского р-на Бурятии — № 10

Певческая группа с. Красный Чикой Читинской обл. — № 14, 21

Степанова Федосья Нестеровна (с. Десятниково Тарбагатайского р-на Бурятии) — № 29

Неизвестный исполнитель (с. Красный Чикой Читинской обл.) — № 31

КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ

Белобородова Татьяна Ефимовна (д. Вороковка Казачинского р-на) — № 11

Сизых Акулина Семеновна (пос. Таежный Кежемского р-на) — № 16

КУРГАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Коурова А.А. (с. Яутла Шатровского р-на) — № 30

Певческая группа с. Балакуль Лебяжьевского р-на — № 3, 6, 15, 23, 24

Певческая группа с. Головное Лебяжьевского р-на — № 2, 8

Певческая группа с. Яутла Шатровского р-на — № 7, 20

Строжкова Дорсида Ивановна (с. Яутла Шатровского р-на) — № 26

НОВОСИБИРСКАЯ ОБЛАСТЬ

Певческая группа д. Козловка Болотнинского р-на — № 13

ТОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

Певческая группа с. Большая Галка Бакчарского р-на — № 9, 18, 22, 25

Н.В. Леонова

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 7

Часть первая

СВАДЕБНАЯ ПОЭЗИЯ

РУССКАЯ СВАДЬБА И СВАДЕБНАЯ ПОЭЗИЯ СИБИРИ. *Р.П. Потанина* 11
МУЗЫКА РУССКО-СИБИРСКОЙ СВАДЬБЫ. *Н.В. Леонова, Н.А. Урсегова* 29

ТЕКСТЫ

Просватанье

1. Горе-горькая я да горемычная! 56
2. Ты родима моя мамонька 56
3. Ты родимый да мой тятенька 57
4. Ты родимая матушка! 58
5. Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас [при сватовстве] 58

Рукобитье

6. Ты ясно ли, красно солнышко 63
7. Да еще есть-то в гостях да е... ой, да есть у батюшки 64
8. На море утка купалася 64
9. В городе перстень ковали 65
10. Петухи мои, петухи 65
11. Петухи ранни-утренни 66
12. Да вы не пойте, куры-петухи 67
13. Не подходи, мамонька 68
14. Не полати-то грянули 68
15. На горе-горе 68
16. Расшаталася в поле грушица 69

17. Что ж ты, реченька небыстрыя, текешь, да 70
18. Ох, бласла́ви-ка ты меня, кормилец-батюшка 71

Девичник

19. Потрудитесь, мои сестрицы 74
20. Вам, девушки, мои милые подруженьки 74
21. Над рекой то было, над реченькой 75
22. Камочка, камочка моя 75
23. По сеням-то было, ой, по сеньюшкам, да 76
24. Как у грушицы у зеленыя 77
25. Не кладите Богу жалобу 78
26. У плота, плота медяного 79
27. По чему речка протекла 80
28. Ох, ведь не бушуй-ко те 81
29. Уж ты ласточка касатая 83
30. Да ты, ласточка, ласточка 83
31. Ах, ты солнце, солнце красное! 84
32. Ой, да Енисей-то река 84
33. Ой, да Енисей, ты ре[ка] 86
34. Зайду, зайду млада на гору 87
35. А поднялась-то бы буря-погодуш[ка] 88
36. Как во светлой во светлице 89
37. Ты душа ли, наша душенька 90
38. [А-ой, да еще] что у нас в поле 91
39. У Сарфеи у премудрой 92
40. Собирала Любочка подружек к себе 93
41. По морю, морю, по морю синему 94
42. Волга-река, ох, Волга-река да 95
43. Как по саду было, садичку 95
44. При вечере было, вечериночке 96
45. Как во тереме свечи горят 97
46. На дворе-то дождичек скрапывает 98
47. Свет моя винная ягат(ы)ка 98
48. По горе-то бежал ко́ня вороной, да 99
49. Любезны, милы мои подруженьки 100
50. Стояла чара на столе, на столе 101
51. Не водой-то ли да мне умытися 101
52. О... ой, да не от ябло[ни] было от кудря... 102
53. Мы пойдемте-ка, девицы, на речицы 103
54. У нас Ванюшка да был богатый, да ну богатый 103
55. У нас свашенька была красива, да ну красива 104
56. В огороде-то у нас не мак ли? 104
57. Ай, подружаньки вы мои 105
58. Что не стрелочка стре́льнула 106
59. Подходила наша сва... (а)хонька, да 107

60. Нам сказали, ш(и)то бы друженька бога...той, да богатой . . . 108
61. На горе, горе рябинушка да ли . . . 108
62. Спасибо тебе, напасибо! . . . 109

Косокрашение

63. Да вы любе...(э)зныя мои по[друженьки] . . . 113
64. Уж я кого, молода, попрошу-ка? . . . 114
65. Благослови-ка, Господи, изукрасити . . . 115
66. Сажусь я, красная девица . . . 115
67. Зайди, солнце красное . . . 116
68. Ты взойди, взойди, солнце красное . . . 116
69. Я стояла, красна девушка . . . 117
70. Благодарствуй, родима матушка . . . 118
71. Благодарствуй, родима матушка . . . 118
72. Ты зайди, родима ма... ой, мамонькя . . . 118
73. Заводила я девью кра́соту . . . 119

Расплетание косы

74. Уж вы люди, люди добрые . . . 121
75. Разродимый мой, родимый тятенька . . . 122
76. Ты восхожее красно солнышко . . . 123
77. Приступи...(и)ся что роди...(и)мой батюшко . . . 124
78. Приступи, родимый батюшка . . . 124
79. Ты постой, постой, добрый конь . . . 125

Прощание с кра́сотой

80. Вы простите меня, мои подруженьки . . . 128
81. Не подымайся, родимый батюшка . . . 128
82. Раздайся, народ . . . 128
83. Красота́ ль ты, моя кра́сота . . . 129
84. Догорела да заря ясная . . . 129
85. Уж ты мать-то моя, да мамонька . . . 130
86. Уж ты мать, ты моя мамонька, да . . . 130
87. Уж ты сядь-ка, моя мамонька . . . 131
88. Уж я стану поутру ранешенько . . . 132
89. Ох, уж я стану-то я . . . 133
90. Красота́ ли, моя кра́сота . . . 135
91. Красота́ моя, девья кра́сота! . . . 136
92. Родима ты моя племянинка . . . 137
93. Красота ли ты девия, кра́сота . . . 138
94. Вы раздайтеся, расшанитеся . . . 139
95. Уж ты, кро́сота, моя кро́сота . . . 140
96. Семена мои, семена . . . 141
97. Да я у тятюшки в оградушке . . . 142

Баня

98. Истопи-ка, родимая сестрица 147
99. Растоплялася банюшка 147
100. Растоплялася банюшка 148
101. Истопил мне родимый батюшко 148
102. Ты вставай-ка, наша подруженька 149
103. Уж мы просим тебя, сестрица 149
104. Ой, да благослови-ко ты, батюшка 150
105. Бласловля...й-ко жо, роди[мой тятенька] 150
106. Ты голубчик родимый батюшко 151
107. Ой, да благослови-ка-ся мене 152
108. Ой, да вы не дуйте-ка, да ве... ветры буйныя 153
109. Приступите-ка, подруженьки 153
110. Ой, да вы любезнаи мои... мои подруженьки 154
111. Смыли мою девью кра́соту 154
112. Уж обманули меня подруженьки 154
113. Чтобы да этой банечке 155
114. Благодарю тебя, родимый батюшка 155
115. Вам спасибо, мои подруженьки 155
116. Пусти, пусти, батюшка 155

В ожидании поезда

117. Ты заря, ты моя зоренька 158
118. Уж ты выйди, изволь выступи, родимый батюшка 160
119. Голубушка, наша подруженька 160
120. Золотая ты наша гривенка 161
121. Погости-ка, наша гостьюшка 161
122. Не красён-то ли день без солнышка 162
123. С горы на гору вино течет 162
124. Уж ты, матушка родимая 163
125. Ой, да ты спасибо-ко ты 163
126. Ой, да как спасибо тебе 164
127. Благодарствуйте, родимый батюшка и матушка 164
128. Послал меня князь молодой 165
129. Приказал наш князь молодой 165
130. Спасибо на амине [сдача коробья] 166
131. Не стой, друженька 167
132. Восстаньте, мои подруженьки 167
133. Не вылетай, утка, из острова 167
134. Ласточка касатая 168
135. Уж ты дружка, ты друженька 169
136. У нас друженька да богатый, да богатый 169
137. Ах, ты выйди, сударь батюшка 170
138. Выйди-ка, выйди, родимая ма... мамушка 170

139. Уж ты тятенька родимый мой, да 171
140. Я не знала, я не ведыла 172
141. Да из кружка, кружка конь поворачивался 173
142. У Ванюшки была матушка родима 174
143. Да уж вы, девочки-подружачки 175
144. Не слыхала я, младешенька 176
145. Из чиста́-то поля, чистого да 176
146. Не от ветру, не от вихору да 177
147. Без ветричку, ой, да без ви[хорю] 178
148. Ох, без ветричку 179
149. Ой, веревья́ моя, да вере́вьюшка, да 180
150. Подымалася бурь-погодушка 181
151. Тятенька родимый 182
152. Не слыхала в нас, да у нас Манюшка да 183
153. Из поля, поля, поля чистого, да 183

Сбор поезда

154. Сборы вы мои, сборы 188
155. Господи, благослови, Христос! 189
156. Тихо бояре снаряжалися 190
157. Середи было двора 190
158. Уж не трубушка трубила 191
159. Как у красного солнышка золоты лучи 191
160. Ах ты царь ли наш, царевич 192
161. У броду-броду 192
162. Летел голубь, летел голубь, ох 193
163. Выйду я на речку, брошу я цепочку 194
164. Кто у нас-то хорошой 195
165. Чьи это бояра? 196
166. В куть по ла́вицы 196
167. Господи Иисусе Христе [благословите в баню] 196
168. Батюшка родимый [гостей попотчевать] 197
169. Стряпчий повар 197
170. Наш князь молодой [благодарение певицам] 197
171. Господин хозяин 198
172. Хорош был жемчуг в ожерельях 198
173. Ой, что не ягодка по блюдечку катается, да катается, да 198
174. Что не яблочко по блюдечку кататся, да кататся, да 199
175. Как не новые сени да проскрипели 200
176. Как на пролуби два голубя сидят 200
177. Как по чистому полю 201
178. На ком кудерцы да на ком русые, да 202
179. На ком платьице да на ком светлое, да 203
180. На ком кудрюшки, на ком русые 204
181. Ванюшкина мамонька 204

182. Василья матушка в счастливый день породила 205
183. Не лежи, бобер, во крутом берегу 206
184. Батюшко родимый [благословляйте ехать] 206
185. Как не стук-то стучит 207
186. Не верба́-то в поле шетаится 207
187. Громы-то прогрянули 208
188. Просит наш князь молодой 208
189. Батюшка родимый [в путь-дороженьку] 209

Браньё

190. Я есь дружка 214
191. Брался храбрый дружка 215
192. Есть ли у нашей княжны молодой 216
193. Раздайся, народ! 216
194. Сват да сватья! 218
195. Берется дружка 218
196. Ой, не было ветру 220
197. Не было ветру 221
198. Не буйны ветры навеяли 222
199. Налетели да щёрныя вороны, да 223
200. Пышные-гордые вы боярочки! 223
201. Гордые-пышные вы боярочки 224
202. Не видать месяца из-за облака 225
203. Как по морю, морю синему 225
204. Отставала лебедь белая 226
205. Кони те бегут 227
206. Во лузях воды нету 228
207. Мать моя, мамонька, да 229
208. Из лугу-лугу, лугу зелену 231
209. Как по той-то по Волге-реке 231
210. Что не гуси, не лебеди 231
211. [По]днимись-ка, мать-погодушка, да 232
212. Да не река ль ты, моя ре...ченька 233
213. Стукнули кони во широки ворота 234
214. У ворот было, у воротичек 235
215. [Не бы]ло ветров, ой, не было ветров 236
216. Эй, Волга-река 237
217. По лугу вода 238
218. По лугу вода, по лугу вода, эх 239
219. Ой, во саду хмель 240
220. Не было ветру — да ветры дунули, да ветры дунули, эх 241
221. Уж как у броду-броду 243
222. Пойду ли я 244
223. Душечка-душа 245
224. Уж вы выводы, выводы 245

225. Соколы прилетали 245
226. Не было ветров, ох, не было ветров 246
227. Ох, раным-ранешенько на заре 246
228. Все-то кони под коврами, да уряди 247
229. Вы перильца, перильца мои, да 248
230. Вы перильса, перильса мои, да 249
231. Что княжина-то свашенька беля́на 249
232. [У нас] свашенька богата, да богата 250
233. Уж ты, сватушка наш батюшка, послушай, да послушай! 250
234. Ой, нашему дружке не стоится, не стоится 251
235. Что приезжа-то гостьюшка богата, да вот богата 251
236. Ах, ты свет моя светлая светлица 252
237. Клен-деревцо, клен-деревцо спошатнулося 252
238. Ай, от не бушуй-ко-те 253
239. Ай, солнышко да высоко взошло 255
240. [Ой,] солнушко шло 256
241. Кругом солнце обошло 256
242. У ворот рябинушка стояла, да стояла 257
243. Постойте, бояры, постойте, молодые! 257
244. Вы уж, князья-бояре 258
245. Благодарствую, батюшка 258
246. Благословляй-ка, родимай тятинька 258
247. Не стук стучит, не гром гремит 259
248. Приутихните во тереме 260
249. На заре было, на зореньке 261
250. Не верба́ в поле шатается 262
251. Что ни гром гремит во вы́соте 263
252. Не верба́ в поле шатается 263
253. Купорыслое дре... древо клони...тся 264
254. Спасибо на амине [к венцу] 264
255. Лебеди белые 265
256. Благослови [к венцу] 266
257. Батюшка родимый [к венцу] 266
258. Прощайте, ясные соколы 267
259. У города там виты ворота 268
260. Ах вы, комони, комони 268
261. Приезжали унтовники 269
262. Приехали к нам сверные 269
263. У нас ныне непогожая неделька, да 269
264. Повозничка девушки любили 270
265. Ой, девки-дурушки 271
266. Стану, раб Божий, благословясь 271
267. Как жлобы онемели 273
268. Стану я, раб Божий, благословясь 273

269. Родимый батюшка [встречайте князя молодого] 281
270. Ива́нова мати 282
271. Санки, вы саночки 282
272. Ты встречай, родная матушка 283
273. Ой, яблоня кудрявая 283
274. Благослови меня 284
275. Благословляются братцы 285
276. Батюшка родимый [за столы дубовые] 285
277. Спасибо на амине [после венца] 286
278. Спасибо на амине [во всех обрядах] 288
279. Спасибо на амине [на благодатном доме] 289
280. За дубовые столы 291
281. Спасибо на амине [на благословенном деле] 292
282. У нас во дому 293
283. Ты сокол ли, соколин сын да 294
284. Уж как на море, на морюшке 295
285. Ох вы, улички, метитеся 295
286. Во дворе 296
287. Разливалася вода вешняя 296
288. Из-за горы ясны соколы летят 297
289. Не трубушка тру́била рано по заре 298
290. Затрубили трубоньки рано на заре 298
291. Недолго цветочку да в садике цвести 299
292. Семена ли, мои се́мена 300
293. Из-под гор, из-под камешка 300
294. Девица, красное солнышко 301
295. Из-под дуп(ы)чика-дуп(ы)чика да 302
296. Что по саду, по садику 303
297. Как во саде было, садичке, да 304
298. По горе-то идет конь вороной 305
299. Ты летай, наш сокол, высоко 306
300. Не летай-ко, соко́л, высоко, да 306
301. Виноград расцветает 307
302. У дружка, дружка-повёртышка, да 308
303. Тысяцкий-воевода [дари, да не скупися] 309
304. Как у тысяцкого да бородка, да бородка 309
305. Сказали, что тысяцкой богатой 310
306. Невестина сваха — лебедка, ой, да лебедка 310
307. Топнули, да, ой, топнули 311
308. Благослови [в подклеть идти] 312
309. Ты не дуй, не паши 313
310. Самойлы премудрого 314
311. Стряпочка-сударушка 314

312. Стряпченька-сударочка 314
313. Тятенька родимый! [изволь мед выкушать] 315

Часть вторая

ПОХОРОННАЯ ПРИЧЕТЬ

ПОХОРОННЫЕ И ПОМИНАЛЬНЫЕ ПРИЧИТАНИЯ. *Л.Е. Фетисова* 316
РУССКАЯ ПРИЧЕТЬ СИБИРИ КАК МУЗЫКАЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКАЯ ТРАДИЦИЯ. *Н.В. Леонова* 325

ТЕКСТЫ

Причитания по матери

314. Опустело-то да тепло гнездышко 334
315. А наглядитесь-ка, да очи ясны[е] 335
316. Уж ты миленька, ты моя мамонька 336
317. Любезная моя маменька 337
318. Оставила меня родима матушка 337
319. А куды ж ты собралася 338
320. Спускают родиму матушку 339
321. Прости, моя родима матушка 339
322. Вот пришла-то я к тебе, лебедушка 340
323. Ой, родимая мамонька 341
324. Голубушка наша сизая 342
325. Да ты родимыя, ты моя мамынька 342
326. Уж ты, мамочка 343
327. Ой, родимыя ты моя ма...(а)монька 344
328. Дак уж ты, родима наша мам... 345
329. Сударыня ты, моя ма...(а)мынька 346
330. Как во поле бел-горюч камень 347

Причитания по отцу

331. Помер-то сокольчик мой батюшко 347
332. Подойдите вы, мои сношейницы 349
333. Полетел-то соколик-батюшко 349
334. Стань-ка, родимой батюшка 349
335. Подымиш[ь]-ка на резвы ноженьки 350
336. Да ты родимый-то да ты мой тятенька 350
337. Родимый ты мой тятюшка 351

Причитания по мужу

338. Ой, ды дружечка ты мой милай 351
339. Ох, милай же ты мой дружачка! 352
340. Вы голубушки, мои тетушки 353
341. Ты ставай-ка, друг мой милой 354

342. Состроили-то другу милому 354
343. Спустили-то моёго друга милого 355
344. Голубушки, мои тетушки 355
345. Здрастуй-ка, друг мой милой! 356
346. Отсветил-то, отсветил месяц 357
347. Да милый мой Петенька 357

Причитания по сестре

348. Дорогая моя сестренка 358
349. Да куда ж ты собралась, моя любимая сестрица? 359
350. Милая ты моя сестрица 359

Причитание по брату

351. Сокольчик мой, родимый братец 360

Причитания по детям

352. Дитетко родимоё 361
353. Ой, да что ж ты, моя дочечка 361
354. Дитетко мое родимое 362
355. Ой, трясите моёго дитетка 363
356. Вы, мои подруженьки-голубушки 363
357. Ставай-ка, ставай, мое дитетка родимоё 363
358. Летит-то мое дитятка 364
359. Подъезжаю-то я к своёму теплу гнездышку 364
360. Дорогой ты мой сыночек 364
361. Ой, сыночек ты мой, сыночек Ванюшка 365
362. Да куда же ты, сыночек, уходишь от нас 366
363. А хожу-то я к тебе, мой сынок 367
364. А распроводи[ла я вас], милы мои сыночки 367

Причитание по подруге

365. Ой, подруженька, да ты моя подруженька милая! 369

Причитания по случаю

366. Ты коровушка-матушка 369
367. Милая же ты моя скотинушка-буренушка 370

ПРИМЕЧАНИЯ

СВЕДЕНИЯ О ТЕКСТАХ И ПРИНЦИПАХ ИХ ПУБЛИКАЦИИ 372
Часть первая. СВАДЕБНАЯ ПОЭЗИЯ 377
Часть вторая. ПОХОРОННАЯ ПРИЧЕТЬ 428

ПРИЛОЖЕНИЯ

Словарь малоупотребительных слов, архаизмов и заимствований 438
Указатель мест записи текстов 446

Свадебная поэзия 446
Похоронная причеть 452
Указатель исполнителей 454
Свадебная поэзия 454
Похоронная причеть 457
Указатель собирателей 458
Свадебная поэзия 458
Похоронная причеть 460
Указатель авторов нотировок, впервые публикуемых 461
Указатель источников повторно публикуемых нотировок 461
Список принятых сокращений 462
Алфавитный указатель свадебных песен, причитаний и наговоров . . . 469

ДОПОЛНЕНИЯ

Дополнение I. Курская свадебная традиция на Дальнем Востоке. *Л.Е. Фетисова* 478
Дополнение II. Похоронно-обрядовая причеть старообрядцев Забайкалья конца XX в. *Т.И. Матвеева* 491
Summary 532
Содержание компакт-диска 536

Научное издание

РУССКИЙ СЕМЕЙНО-ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

СВАДЕБНАЯ ПОЭЗИЯ. ПОХОРОННАЯ ПРИЧЕТЬ

Редактор *С.Н. Попова*
Художественный редактор *Л.В. Матвеева*
Художник *И.С. Попов*
Технический редактор *Н.М. Остроумова*
Корректоры *С.М. Погудина, Л.А. Анкушева*
Оператор электронной верстки *С.К. Рыжкович*

ЛР № 020297 от 23.07.97. Сдано в набор 10.06.02. Подписано в печать 25.10.02.
Бумага офсетная. Формат 75×90$^{1}/_{16}$. Офсетная печать. Гарнитура Лазурского.
Усл. печ. л. 43,1 + 0,6 вкл. Уч.-изд. л. 31,6. Тираж 1500 экз. Заказ № 781.

Сибирская издательская фирма «Наука» РАН.
630099, Новосибирск, ул. Советская, 18.

Оригинал-макет изготовлен на настольной издательской системе.
СП «Наука» РАН.
630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25.

Сибирская издательская фирма «Наука» РАН предоставляет индивидуальным и коллективным заказчикам широкий диапазон услуг:

Книжные редакции

готовят к изданию литературу практически по всем направлениям фундаментальной науки — математике, геологии, химии, физике, ботанике, зоологии, медицине, физиологии, истории, философии, экономике, русской литературе и языку; помогают в оформлении и редактировании диссертаций и других материалов.

Отдел допечатной подготовки изданий выполняет

компьютерный набор и верстку;
сканирование и цветоделение;
техническую и художественную ретушь;
оригинал-макеты любой сложности.

Отдел маркетинга и рекламы

заключает договоры на поставку научной литературы и литературы для широкого круга читателей;

размещает рекламу на страницах книг и журналов Сибирского отделения РАН;

проводит маркетинговые исследования научно-популярной литературы;

ищет партнеров для совместного издания книг.

Мы рассмотрим любые предложения и программы!

Приглашаем российских и иностранных партнеров к сотрудничеству в области книгоиздания.

Об условиях размещения заказов и оплате можно узнать по адресу:

630099, Новосибирск, ул. Советская, 18.

Звоните по телефонам: (383-2)22-51-81 (приемная);
(383-2)22-68-82 (зам. директора);
(383-2)23-35-02 (отдел маркетинга);
(383-2)22-33-23 (редакция естественно-научной и технической литературы);
(383-2)22-02-47 (редакция литературы по гуманитарным наукам).

E-mail: admin@spc.nsc.ru
gum@spc.nsc.ru

РУССКИЙ СЕМЕЙНО-ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ПАМЯТНИКИ ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА